И 396/134

67/23393

2007044084

307 б-32

ЭБ

П
647

БИБЛІОТЕКА ГЕНЕРАЛЬНАГО И ГЛАВНАГО ШТАБА
18 11 г.

И 396/134
307-1-32

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОДЪ.

Сочиненіе объ устройствѣ арміи и образѣ
веденія войны въ наше время

Барона Кольмара ф. д. Гольцъ,

Подполковника Королевско-прусской службы.

Переводъ съ нѣмецкаго **К. А. Есаулова**

подъ редакціей **Я. Я. Зандера.**

„Судьба государствъ похожа на человѣческую жизнь; они возникаютъ, растутъ, процвѣтаютъ, приходятъ въ упадокъ и перестаютъ существовать".

Ф. ф. д. Деккенъ.—Изслѣдованіе зависимости состоянія военнаго дѣла отъ цѣли государствъ.

Ганноверъ. 1800 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).

1886.

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОДЪ.

Часто одинаково трудно найти подходящее заглавіе, какъ и написать книгу.

Предо мною лежитъ совершенно оконченное сочиненіе, которое я долженъ какъ-нибудь окрестить. Это не тактика, не стратегія, не систематическое ученіе о войнѣ, и я, положительно, нахожусь въ недоумѣніи, какъ его назвать. Должно быть найдено такое заглавіе, которое точно объясняло бы содержаніе сочиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обѣщало бы болѣе того, что въ немъ предлагается.

Въ этомъ сочиненіи идетъ рѣчь о вооруженномъ народѣ; къ вооруженному народу обращается моя книга, — такъ пусть же она и носитъ это названіе.

Вооруженный народъ! — выраженіе поэтическое и слово величественное, сказанное въ серьезное время.

„Прусская армія станетъ въ будущемъ и вооруженнымъ прусскимъ народомъ“.

Такъ гласилъ завѣтъ нашего короля въ его тронной рѣчи 12-го января 1860 года. Съ тѣхъ поръ эти слова вполнѣ исполнились, оправдались въ трехъ большихъ войнахъ и стали лозунгомъ развитія армій нашего времени. Этимъ арміямъ посвящается мое сочиненіе, и оно должно способствовать тому, чтобы выраженіе „Вооруженный народъ“ нашло вѣрное пониманіе во всѣхъ германскихъ сердцахъ.

Фриденау, близъ Берлина.
Май 1883 г.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе этой книги понадобилось гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Будучи призванъ къ совершенно новому кругу обязанностей, потребовавшихъ напряженія всѣхъ моихъ силъ и отвлекшихъ мои мысли отъ только-что оконченнаго сочиненія, я не могъ привести въ исполненіе моихъ предположеній: нѣкоторые отдѣлы переработать, а другіе расширить. Только немногія, указанныя критикой, неточности исправлены; въ остальномъ же текстъ долженъ былъ остаться безъ перемѣны, дабы не затянуть печатанія новаго изданія на неопредѣленное время. Прошу покорнѣйше, принявъ вышесказанное во вниманіе, оказать второму изданію такой же благосклонный и снисходительный пріемъ, какъ и первому.

Авторъ.

Константинополь.
Ноябрь 1883 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Точно также и третье изданіе должно было выйти въ свѣтъ безъ существенныхъ измѣненій и представляетъ простое перепечатаніе второго изданія, такъ какъ только немногія фразы и слова подверглись исправленію.

Поэтому я позволю себѣ и на этотъ разъ обратиться къ благосклонному читателю съ просьбой, изложенной въ концѣ предисловія ко второму изданію.

Константинополь.
Октябрь 1884 г.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1

I. СОВРЕМЕННЫЯ АРМІИ 6

1. Право современныхъ народныхъ армій на существованіе . . . —
2. Зависимость образа веденія войны и военной системы отъ общаго состоянія культуры. Историческій обзоръ 11
3. Составныя части арміи 23
4. Раздѣленіе войскъ на части 28
5. Корпусъ офицеровъ 45

II. УПРАВЛЕНІЕ ВОЙСКАМИ 55

1. О полководцѣ . . . . . —
2. Главныя квартиры, штабы и управленія 79
3. Отдача приказаній 100

III. УСЛОВІЯ УСПѢХА НА ВОЙНѢ 131

IV. ДВИЖЕНІЕ И БОЙ 145

1. Вступленіе . . . . . —
2. Значеніе дисциплины для движенія и боя 155
3. Стратегическое развертываніе армій 163
4. Планъ кампаніи 176
5. Свѣдѣнія о непріятелѣ и развѣдывательная служба 190
6. Марши, перевозка войскъ и размѣщеніе ихъ на отдыхъ 207
7. Атака и оборона 241
8. Раздѣленіе, соединеніе и маневрированіе 261
9. Бой 289
10. Битва 312
11. Преслѣдованіе, пользованіе побѣдой, отступленіе 340
12. Связь и послѣдовательность въ движеніи и боѣ. Законъ необходимости 353
13. Рѣшимость, упорство, инициатива, самостоятельность и произволъ. 359
14. Особыя условія, вліяющія на движеніе и бой 371
15. Вліяніе крѣпостей 380
16. Десанты 396

V. ДОВОЛЬСТВІЕ И ПОПОЛНЕНІЕ АРМІЙ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ 400

VI. ДОСТИЖЕНІЕ ЦѢЛИ ВОЙНЫ 428

VII. ЗАКЛЮЧЕНІЕ 435

ВВЕДЕНІЕ.

Военный писатель, задумавшій написать послѣ Клаузевица что-либо о войнѣ, подвергается опасности походить на поэта, пытающагося послѣ Гёте создать Фауста или послѣ Шекспира—Гамлета. Все, что можетъ быть сказано существеннаго о войнѣ, мы находимъ въ унаслѣдованныхъ нами произведеніяхъ этого величайшаго военнаго мыслителя. Если самъ Клаузевицъ и считаетъ свое сочиненіе „О войнѣ“ (Vom Kriege) чѣмъ-то неоконченнымъ, то это надо понимать лишь въ томъ смыслѣ, что и онъ, какъ всѣ смертные, не избѣгъ общей участи сознавать, насколько достигнутое осталось далеко позади идеала, носившагося передъ его душой. Для насъ же, не знающихъ его идеала, произведенія его кажутся совершенствомъ.

Поэтому я оставилъ всякое намѣреніе сказать что-либо новое о военномъ искусствѣ и о войнѣ вообще и ограничился только тѣмъ, что обратилъ свое вниманіе на образъ веденія войны въ наше время. Эта книга написана только для настоящаго времени.

Хотя бы основные законы войны и были вѣчны, но явленія, съ которыми война имѣетъ дѣло и съ которыми она должна считаться, подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Война, какъ одинъ изъ актовъ человѣческихъ отношеній, участвуетъ своею внѣшнею формою во всѣхъ превращеніяхъ, которыя претерпѣваютъ эти отношенія. Желѣзныя дороги и телеграфы, указавшіе торговлѣ новые пути, открыли также и для веденія войны новыя средства, до сихъ поръ бывшія недоступными. Техника, давшая промышленности болѣе совершенныя машины, дала и солдату новое оружіе, съ которымъ онъ производитъ дѣйствія, и не снившіяся его предкамъ.

Поэтому законы военнаго искусства находятъ себѣ постоянно измѣняющееся приложеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что каждая эпоха имѣетъ свое, отличное отъ другихъ, военное искусство

и что образъ веденія войны, приведшій насъ къ побѣдѣ въ 1870-мъ году, уже нынѣ, спустя какихъ-нибудь десять лѣтъ съ небольшимъ, не можетъ служить прямымъ образчикомъ для будущаго времени. Новыя условія являются въ настоящее время и заставляютъ насъ изыскивать новыя средства.

Въ послѣдніе годы всѣ великія державы европейскаго материка стремились увеличить свои вооруженныя силы.

Въ однихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи и Россіи, приступили къ кореннымъ преобразованіямъ воинской системы, въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, обращено вниманіе, чтобы, при существующей уже системѣ, имѣть какъ можно болѣе средствъ для полевой войны.

Послѣднія войны представляютъ пять большихъ сраженій: Кениггрецъ, Вертъ, Віонвиль, С. Прива, Седанъ. Даже то, что въ нихъ еще только развивалось, приметъ въ будущемъ грандіозные размѣры. При Кениггрецѣ участвовала въ сраженіи почти вся полевая армія, присутствовавшая на богемскомъ театрѣ войны; при С. Прива—нѣсколько болѣе половины. Примѣняя это къ современнымъ условіямъ, мы увидимъ, что возможны такія громадныя сраженія, въ которыхъ на одномъ избранномъ пунктѣ 10—15 корпусовъ, подъ единоличнымъ командованіемъ, противостоятъ столь-же сильному непріятелю. Вотъ размѣры, которые въ новѣйшее время далеко не нашли еще примѣненія. Легко понять, какое вліяніе должны имѣть подобные размѣры армій какъ на продовольствіе и передвиженіе ихъ, такъ и на способъ управленія ими.

Франція дала намъ первый примѣръ искусственнаго подготовленія театра войны. Этотъ примѣръ пока единственный, за малыми исключеніями, не заслуживающими вниманія. Но, прежде всего, это не исключаетъ подражанія другихъ государствъ, географическое очертаніе которыхъ допускаетъ это, и, далѣе, вліяніе этого вопроса становится уже чувствительнымъ. До сихъ поръ теорія осадной войны составляла совершенно отдѣльную, обособленную тему. Въ настоящее время всюду пробуждается мысль объ установленіи болѣе тѣсной связи между осадной и полевой войной и о болѣе частомъ примѣненіи въ этой послѣдней поле-

выхъ укрѣпленій; даже нападающему усердно совѣтуютъ прибѣгать къ лопатѣ.

Въ то время, какъ эти средства приносятъ пользу пѣхотѣ, защитники кавалеріи утверждаютъ, что въ будущемъ ихъ роду оружія, при усиленной выработкѣ свойствъ человѣка и лошади и посредствомъ новыхъ формъ строя при его употребленіи, предстоитъ на полѣ сраженія болѣе дѣятельная роль, нежели въ въ послѣднія войны. Подобное мнѣніе, конечно, не можетъ быть оставлено безъ вниманія.

Не менѣе подлежитъ изслѣдованію и послѣднее новое явленіе. Явленіе это заключается въ томъ, что въ пѣхотѣ устанавливается правило—не предоставлять болѣе въ бою отдѣльныхъ стрѣлковъ ихъ личному усмотрѣнію, а подчинять дѣйствія болѣе или менѣе значительнаго числа ихъ непосредственному руководству ближайшихъ начальниковъ, чтобы употреблять ихъ ружья, какъ машину, прислуживаемую многими людьми.

Далѣе, дѣйствіе отдѣльнаго ружья значительно увеличилось.

Со времени Франкфуртскаго мира преимущественно этотъ фактъ занималъ военныхъ мыслителей. Значительная часть военной литературы истекшаго десятилѣтія посвящена вопросамъ, связаннымъ съ увеличеніемъ силы огня пѣхоты. Значеніе этой силы преувеличено. Вопросъ этотъ, бывшій еще совсѣмъ новымъ въ началѣ кампаніи 1870 года, уже въ теченіе ея получилъ окончательное практическое разрѣшеніе. Къ концу кампаніи германскія арміи приспособились уже очень хорошо къ большей дальности и мѣткости новаго огнестрѣльнаго оружія. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство, въ виду воспоминаній о тяжелыхъ потеряхъ, почти исключительно приковало къ себѣ изысканія нашихъ военныхъ.

Менѣе внимательно отнеслись къ вліянію, которое эти новыя явленія оказываютъ на военное искусство. Только въ послѣднее время сущность военнаго искусства вообще вновь стала предметомъ тщательнаго разсмотрѣнія съ философской точки зрѣнія. Поэтому я надѣюсь на снисхожденіе за эту попытку. Она, прежде всего, имѣетъ цѣлью обратить на *веденіе войскъ* (стратегія) то большее вниманіе, которое до сихъ поръ исключительно было посвящено *веденію боя* (тактика).

Отдѣльныя главы моего сочиненія будутъ для военныхъ не новы и давно извѣстны, но я, все-таки, смѣю думать, что, быть можетъ, систематическое собраніе всего матеріала принесетъ нѣкоторую пользу; къ тому же книга эта предназначается для распространенія ясныхъ понятій о сущности войны и внѣ круга военныхъ людей. Желаніе ближе познакомиться съ этимъ высказывается уже давно, и *пониманіе природы войны составляетъ не маловажное условіе къ способности народа къ войнѣ.*

Нѣкогда настанетъ день, въ который господствующія теперь на войнѣ явленія исчезнутъ; формы, способы употребленія и взгляды опять перемѣнятся; предчувствуется то время, когда милліонныя арміи настоящаго времени также сыграютъ свою роль. Явится новый Александръ, который съ маленькой горстью превосходно вооруженныхъ и обученныхъ людей прогонитъ эти безсильныя массы, если онѣ, въ своемъ стремленіи постоянно увеличиваться, перейдутъ границы, потеряютъ внутреннюю способность и, какъ китайскіе воины зеленаго знамени, обратятся въ многочисленную, но миролюбивую толпу мѣщанъ.

Понятно, что тогда уничтожится все то, что теперь говорится объ употребленіи войсковыхъ массъ. Но до этой поворотной точки еще далеко, и развитіе народныхъ армій находится еще въ восходящемъ періодѣ. Послѣдующія разсужденія основаны на существованіи этихъ народныхъ армій. Простому смертному, который имѣетъ дѣло съ повседневною жизнью, не слѣдуетъ витать въ безпредѣльномъ будущемъ; иначе, въ своихъ стараніяхъ опередить свое время, онъ рискуетъ, что его трудъ потеряетъ свою цѣнность для современниковъ.

Театромъ войны я предполагаю вообще культурную мѣстность средней Европы, такъ какъ война въ азіатскихъ степяхъ и въ африканскихъ тропическихъ странахъ принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Германіи, Франціи, Италіи и т. д. Только на окружающее насъ мы обращаемъ свое вниманіе [1]).

---

[1]) Замѣчу мимоходомъ, кстати, что нѣкоторая часть послѣдующихъ разсужденій заимствована изъ сочиненій, помѣщавшихся за нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ нашихъ первыхъ беллетристическихъ журналовъ.

Я считаю себя избавленнымъ отъ обязанности начинать съ объясненія первоначальныхъ понятій, которыя въ военныхъ наукахъ занимаютъ значительную часть ихъ. Сочиненіе, подобное моему, стремится обыкновенно разъяснить, что такое война, что такое стратегія, что такое тактика и проч. или, выражаясь по нѣмецки,—что принадлежитъ къ наукѣ о войнѣ вообще (Kriegskunde) и что къ наукѣ о бо́ѣ (Gefechtskunde).

Часто сочинитель прибавляетъ къ старымъ названіямъ еще новыя для обозначенія найденныхъ имъ понятій; это совершенно безполезно. Если бы я для примѣра выписалъ изъ моего словаря: „Война есть кровавая борьба двухъ народовъ или политическихъ партій, изъ которыхъ одна сторона хочетъ навязать свою волю другой, въ свою очередь противящейся этому", то этимъ я не скажу ничего новаго. Поэтому всѣ подобныя понятія я предполагаю или извѣстными, или избѣгаю тѣхъ, которыя нуждаются въ особомъ разъясненіи. На войнѣ приходится имѣть дѣло съ простѣйшими вещами—съ людьми, лошадьми, оружіемъ, дорогами и т. п.; поэтому и говорить объ ней можно самымъ простѣйшимъ образомъ и разъяснить все необходимое безъ искусственныхъ словосочетаній. Мнѣніе Шопенгауера, говорившаго: „Было бы хорошо, если бы нѣмецкіе писатели мыслили, какъ великіе геніи, а выражались бы, какъ простые смертные", относится и къ военнымъ писателямъ.

* * *

Наконецъ, мнѣ кажется безполезнымъ логически развивать съ самыхъ началъ все сказанное. Очень часто послѣ самаго долгаго, тщательнаго анализа приходятъ къ результатамъ, которые сами собою понятны. Поэтому я отказываюсь отъ подобнаго рода умственной гимнастики и буду только изслѣдовать явленія въ томъ порядкѣ, какъ ихъ представляетъ война. Если даже всѣ они и находятся во взаимной внутренней связи, то, все-таки, часто невозможно её указать.

I.

СОВРЕМЕННЫЯ АРМІИ.

1. Право современныхъ народныхъ армій на существованіе.

Часто раздаются жалобы на то, что современные успѣхи въ области наукъ и искусствъ направлены также и къ отвратительной цѣли истребленія людей. Вмѣсто того, чтобы этими успѣхами все выше и выше поднимать нравственность, народы становятся отъ этого все болѣе дикими и готовыми къ насилію; ревностнѣе, чѣмъ когда-либо, думаютъ они о взаимномъ уничтоженіи.

Но подобное мнѣніе только кажется вѣрнымъ. Чѣмъ благороднѣе и лучше становится жизнь народа при посредствѣ культуры, науки, искусства и богатства, тѣмъ болѣе теряетъ онъ въ случаѣ войны, и поэтому вполнѣ послѣдовательно, что онъ долженъ какъ можно болѣе заботиться о лучшей подготовкѣ себя къ войнѣ. Въ опроверженіе этого нельзя указывать на старѣющіе образованные народы, которые, при высокомъ уровнѣ культуры, не выказали, однако, особенныхъ военныхъ доблестей. Въ такомъ государствѣ внутреннее разложеніе государственной и общественной жизни уже началось, хотя оно снаружи еще и незамѣтно. Можетъ-быть только умственное развитіе стояло еще на высокой степени, но добродѣтель была уже потеряна. Страсть къ наслажденіямъ и любовь къ роскоши давно уже вытѣснили чувства долга и самопожертвованія и духъ общественности; поэтому и не хватало силъ, чтобы дѣйствовать. Въ дѣйствительности процвѣтаніе культуры пойдетъ рука объ руку съ развитіемъ военнаго могущества, какъ это было въ Греціи и Римѣ. Далѣе, нельзя приводить въ примѣръ такихъ исключеній, какъ Англія, военная система которой находится въ несоотвѣтствен-

помъ отношеніи къ остальному развитію государства. Англіи, защищенной моремъ, имѣющей интересы только на морѣ, приходится вести исключительно колоніальныя войны, для веденія которыхъ главнымъ средствомъ служатъ деньги—самое сильное оружіе Англіи. Къ тому же она держитъ такой флотъ, какъ никакая другая держава въ мірѣ. И все-таки, несмотря на всѣ выгоды своего положенія, она скоро должна будетъ слѣдовать за вѣкомъ и позаботиться объ усиленіи своихъ организованныхъ вооруженныхъ силъ; въ противномъ случаѣ, она мало по малу утратитъ свое могущество и вліяніе на материкѣ.

Во всякомъ случаѣ совершенно естественно, что всѣ великіе культурные народы нашего времени стараются все болѣе и болѣе усовершенствовать свое военное устройство, чтобы въ минуту опасности быть въ состояніи безпощадно употребить всѣ свои силы. Время кабинетныхъ войнъ минуло. Теперь рѣшаетъ дѣло не утомленіе одного лица, стоящаго во главѣ націи, или одной какой-либо господствующей партіи, но только истощеніе борющихся народовъ. Французскій народъ утверждаетъ еще нынѣ, что онъ не хотѣлъ войны 1870 года; но, когда имперія, объявившая эту войну, пала, этотъ же самый народъ, все-таки, продолжалъ борьбу до послѣднихъ крайностей. Тотъ же самый человѣкъ, который въ іюлѣ 1870 года самымъ серьезнымъ образомъ предостерегалъ противъ опрометчиво-объявленной войны, сталъ въ сентябрѣ во главѣ арміи и принялъ надъ нею командованіе для продолженія кровавой борьбы. Войны въ настоящее время сдѣлались совершенно національнымъ дѣломъ. Даже и тотъ, кто лично не одобряетъ войны, считаетъ долгомъ посвятить себя ей всецѣло, когда судьба отечества зависитъ отъ побѣды или пораженія, и всякій находитъ такой поступокъ добродѣтельнымъ. Столкновеніе интересовъ ведетъ къ войнѣ, но предѣлъ, до котораго она должна быть доведена, опредѣляется страстями народа. Какъ и въ прежнія времена, война служитъ политикѣ для достиженія ея цѣлей, но, начатая даже и изъ-за второстепенныхъ цѣлей, она должна имѣть въ виду совершенное пораженіе противника. Сказанное выше приводитъ къ тому, что для войны нужно пользоваться всѣми средствами, какъ матеріаль-

ными, такъ и нравственными, чтобы одолѣть противника, и потому совершенно естественно и справедливо подготовлять имѣющіяся средства уже въ мирное время такъ, чтобы въ случаѣ надобности примѣнить ихъ на войнѣ.

Если бы какой-нибудь народъ и захотѣлъ изъ гуманности не доводить дѣла до конца и рѣшился бы остановиться въ примѣненіи своей силы на зарапѣе опредѣленной линіи, то, все-таки, онъ противъ своей воли былъ бы увлеченъ далѣе. Никакой противникъ не согласился бы связать и себя подобными же условіями; напротивъ, скорѣе каждый воспользуется добровольною сдержанностью другого, чтобы увеличить свою дѣятельность.

„Человѣколюбивыя души могутъ подумать, что можетъ быть какое-то искусственное разоруженіе и пораженіе противника безъ нанесенія излишнихъ ранъ и что это именно и представляетъ образецъ военнаго искусства. Какъ подобная мысль ни хороша“, говоритъ Клаузевицъ, „но противъ нея надо бороться, какъ противъ заблужденія, ибо въ такомъ опасномъ дѣлѣ, какъ война, тѣ заблужденія, которыя исходятъ изъ добродушія, именно самыя худшія. Такъ какъ употребленіе физической силы въ полномъ ея объемѣ никакимъ образомъ не исключаетъ содѣйствія умственныхъ силъ, то, слѣдовательно, тотъ, кто воспользуется этою силою безпощадно, не жалѣя своей крови, долженъ получить перевѣсъ надъ противникомъ, который этого не дѣлаетъ. Такимъ образомъ предписываетъ онъ законъ другому, и оба борятся до послѣдней крайности, предѣломъ которой служитъ перевѣсъ нравственныхъ силъ какой-либо одной стороны“.

Вышесказаннымъ вполнѣ объясняются взаимныя отношенія. Никакое сознаніе, что жертвы, приносимыя народами для выработки своего военнаго устройства, ложатся тяжелымъ бременемъ на живущее поколѣніе, ничего тутъ не измѣнитъ. Тотъ народъ, который первый въ этомъ отношеніи сдѣлалъ бы шагъ назадъ, немедленно потерялъ бы свое положеніе, могущество и голосъ. Ему пришлось бы нести всѣ издержки по каждому возникающему трепію и, наученный этимъ печальнымъ опытомъ, онъ скоро захотѣлъ бы, по примѣру другихъ, приступить къ своему вооруженію, чтобы наверстать потерянное. Всѣ предложенія о разору-

женіи основаны на неправильной оцѣнкѣ настоящей государственной жизни, которая исходитъ изъ соплеменности народовъ. Различные народы, въ виду общности интересовъ, господствующей нынѣ въ каждомъ изъ нихъ, относятся между собою, какъ отдѣльныя личности, у которыхъ естественное самолюбіе, при наилучшемъ желаніи каждаго въ отдѣльности, все-таки, служитъ источникомъ ссоры. Въ нашихъ понятіяхъ невозможно отдѣлить національный эгоизмъ отъ народнаго величія. Если другія средства не приведутъ къ цѣли, то этотъ эгоизмъ всегда возьмется за оружіе, и никакой третейскій судъ не могъ бы склонить сторонъ къ миру. Только во всемірномъ государствѣ мыслимо нѣчто подобное, но вѣдь всемірныя государства образовываются и поддерживаются войной.

Взаимное недовѣріе народовъ дѣлаетъ предложенія о разоруженіи даже подозрительными. Первое предложеніе такого рода было сдѣлано *французскимъ первымъ консуломъ Бонапарте* посланникамъ Австріи и Пруссіи зимою 1800—1801 года. „Вѣнскій дворъ, конечно, и не желаетъ ничего лучшаго, но затрудненіе заключается именно въ томъ, чтобы склонить къ этому берлинскій дворъ", былъ остроумный отвѣтъ Австріи. На этомъ вопросъ и остановится на вѣки. Каждая держава должна требовать отъ другой сдѣлать первый шагъ, на который, однако, ни одна изъ нихъ не согласится изъ опасенія передъ другими: напротивъ, каждая постарается держать свое оружіе наготовѣ.

Только та нація и находится въ безопасности, которая ежеминутно готова съ мечемъ въ рукѣ защищать свою независимость.

Конечно, большіе расходы на содержаніе арміи могутъ привести государство въ истощеніе и тѣмъ самымъ нанести ущербъ его военной силѣ и способности. Выходъ изъ этого положенія является въ настоящее время въ полномъ сплетеніи военной жизни съ народною такимъ образомъ, чтобы первая, по возможности не препятствуя развитію второй, все-таки, могла бы извлекать изъ нея всѣ необходимыя средства. Въ этомъ отношеніи важнѣйшій шагъ сдѣланъ введеніемъ всеобщей воинской повинности, при которой молодые люди, находящіеся въ рядахъ арміи, отрываются отъ работы лишь на короткое время и, все-таки, арміи дана возможность располагать всѣми способными носить оружіе.

Конечно, съ тѣхъ поръ жертвы, которыя для этого потребовались, возрасли до казавшейся прежде невозможной степени; но и это обстоятельство требуетъ вѣрнаго освѣщенія. Сравнительно съ болѣе старою системою можно констатировать нѣкоторое уменьшеніе жертвъ. Если бы какое-нибудь изъ могущественныхъ государствъ материка захотѣло бы выставить теперь посредствомъ вербовки армію, достаточно сильную, чтобы она могла играть не послѣднюю роль, то издержки на это возрасли бы до огромныхъ размѣровъ.

Какъ сплетеніе военной системы съ народной и государственной жизнью, сравнительно съ достигнутымъ, приводитъ къ сокращенію жертвъ, такъ и пользованіе успѣхами культуры для военныхъ цѣлей придастъ войнѣ болѣе гуманности, какъ это ни кажется страннымъ. Врага побѣждаютъ не полнымъ разрушеніемъ его существованія, а только уничтоженіемъ въ немъ надежды на побѣду. Для успокоенія сердецъ мы можемъ прибавить, что выраженіе: „драться до послѣдняго человѣка" есть только фраза, придающая намѣренію храбро сражаться нѣсколько сильный оттѣнокъ. Странно звучало бы, если бы какая-нибудь армія передъ боемъ дала бы обѣтъ сражаться до потери 20 процентовъ своего состава, хотя, въ сущности, этого было бы болѣе, чѣмъ довольно. Большею частью достаточно вдвое меньшихъ потерь съ той или другой стороны, чтобы рѣшить побѣду. Истребленіе части собранной боевой силы удерживаетъ прочихъ отъ дальнѣйшихъ напряженій и прекращаетъ борьбу. Чѣмъ неожиданнѣе и могущественнѣе дѣйствіе оружія, тѣмъ оно скорѣе устрашитъ, и мы видимъ, что съ усовершенствованіемъ боевыхъ машинъ сраженія становятся въ общемъ все менѣе кровопролитными.

Нынѣшній артиллерійскій снарядъ поражаетъ сразу отъ 10 до 20 человѣкъ и производитъ такое впечатлѣніе, какое, можетъ быть, достигалось въ прежнія времена только двойнымъ числомъ жертвъ, выбитыхъ изъ строя по одиночкѣ. Подобнымъ же образомъ усилилось и дѣйствіе ручного оружія; его можно считать увеличившимся въ 50 и до 100 разъ относительно того времени, когда шведскіе стрѣлки хвастались своимъ превосходствомъ надъ

имперскими, такъ какъ они заряжали свои мушкеты въ 12 минутъ, а имперцы лишь только въ 15 минутъ.

Отдѣльныя сцены боя дѣлаются ужаснѣе, нежели прежде, но за то онѣ производятъ и гораздо болѣе сильное моральное впечатлѣніе, которое, въ свою очередь, приводитъ къ тому, что общая сложность потерь въ бою становится менѣе. Ни одно сраженіе новѣйшихъ временъ, несмотря на всю энергію боя и увеличившееся дѣйствіе оружія, не сопровождалось такими потерями, какъ сраженія подъ Вайлау и Бородинымъ; самые же кровопролитные бои были въ древности, когда вступали въ рукопашную съ дубиной или коротким римскимъ мечемъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ то обстоятельство, что въ настоящее время всякое новое изобрѣтеніе и каждый успѣхъ въ техникѣ служатъ также и цѣлямъ войны, не должно насъ безпокоить; еще менѣе должно это казаться шагомъ назадъ на пути гуманности и нравственности. Напротивъ, такимъ образомъ сраженіе быстрѣе приводится къ развязкѣ, и война скорѣе оканчивается, а это, конечно, весьма желательно, потому что въ наше время война, проявляясь во всемъ своемъ естественномъ грозномъ видѣ, охватываетъ все живое, какъ землетрясеніе, и разшатываетъ его до самаго основанія.

2. Зависимость образа веденія войны и военной системы отъ общаго состоянія культуры. Историческій обзоръ.

Привыкнувъ къ явленіямъ настоящаго времени, къ огромной массѣ войскъ и къ безпощадному примѣненію силы, можно было бы думать, что война и военная система уже съ древнихъ временъ представлялись въ такомъ же видѣ. Между тѣмъ, и та и другая находились всегда въ зависимости отъ общаго состоянія культуры, даже отъ теоріи, понятій о правѣ и предразсудковъ вѣка.

Простое, существующее нынѣ понятіе о способѣ веденія войны, а именно, что война въ случаѣ нужды уничтожаетъ всѣ связанныя съ мирнымъ временемъ законныя отношенія, отнюдь не существовало въ древнія времена, и примѣненіе насилія имѣло опредѣленныя формы, отъ которыхъ едва отказывались подъ давленіемъ крайней необходимости.

Вѣдь существовало же время, когда заставляли голодать войска, расположенныя лагеремъ на фруктовыхъ поляхъ, когда въ лагеряхъ устраивали, какъ въ мирное время, рынки и солдатъ самъ покупалъ себѣ говядину и овощи, тогда какъ администрація арміи употребляла величайшія старанія, чтобы доставить ему хлѣбъ также аккуратно, какъ и деньги. Разсказываетъ же намъ Гепфнеръ, что въ 1806 году прусскія войска главной арміи въ ночь съ 11-го на 12-ое октября были расположены лагеремъ возлѣ большихъ складовъ рубленныхъ дровъ и мерзли, что на слѣдующій день они еще не имѣли дровъ для варки пищи и что только тогда рѣшились воспользоваться для арміи этими запасами, когда солдаты прибѣгли къ самопомощи и стали рубить ближайшія деревья. Далѣе, онъ же сообщаетъ намъ, что въ эти же тяжелые дни не было совершенно овса для лошадей, тогда какъ въ Іенской ратушѣ находились богатые запасы его. Но, несмотря на то, что французы уже приближались, начальники арміи сочли своею обязанностью сначала написать въ Веймаръ, въ одно изъ главныхъ герцогскихъ управленій, и спросить позволеніе *купить* необходимое. Какой послѣдовалъ на это отвѣтъ, мы не знаемъ, но извѣстно то, что овесъ между тѣмъ попалъ въ руки непріятеля и что французскія лошади взяли на себя практическое рѣшеніе этого запутаннаго вопроса. А между тѣмъ интендантъ герцога Веймарскаго былъ не простой человѣкъ и, навѣрное, не педантъ: именно, это былъ никто иной, какъ тайный совѣтникъ и государственный министръ фонъ-Гете, „высокій, красивый мущина," какъ его описываетъ одинъ изъ очевидцевъ, „который въ расшитомъ придворномъ мундирѣ, напудренный, съ кошелькомъ и шляпой подъ мышкой имѣлъ видъ только министра и хорошо поддерживалъ достоинство своего сана [1]).

Еще болѣе удивительныя вещи разсказалъ Клаузевицъ объ этомъ же времени.

Когда прусскія войска, послѣ сраженія при Ауэрштедтѣ, оставались уже два дня безъ пищи и на третій день, совершенно измученныя голодомъ, подошли къ одной богатой деревнѣ, то принцъ прусскій Августъ собралъ для своихъ почти до смерти

[1]) Посмертныя записки ф. т. Марвица. Берлинъ 1852, II. стр. 11.

измученныхъ гренадеръ съѣстные припасы реквизиціоннымъ способомъ, какъ это дѣлается нынѣ на войнѣ всюду. Крестьяне подняли ужасный крикъ и вскорѣ одинъ изъ старыхъ гвардейскихъ штабъ-офицеровъ, придя въ сильное негодованіе отъ такого образа дѣйствія, сталъ горячо доказывать принцу, что подобная грабительская система *не въ обычаѣ прусской арміи и противна ея духу.*

За то генералъ Калькрейтъ, временно командовавшій арміей, издалъ наканунѣ слѣдующій приказъ: „Выдать войскамъ хлѣбъ, а при неимѣніи такового—деньги для покупки его". Между тѣмъ и думать было нечего о провіантскихъ телѣгахъ и денегъ также не было; поэтому принцъ Августъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что это равносильно приказанію: „Выдайте людямъ деньги, которыхъ у васъ нѣтъ, чтобы они могли купить себѣ хлѣба тамъ, гдѣ его нельзя купить".

О военныхъ нравахъ того времени можно было бы разсказать массу такихъ анекдотовъ, которымъ едва ли нынче повѣрили бы, но въ которыхъ тогда никто не находилъ ничего удивительнаго.

Если подобное могло случиться даже послѣ того, какъ міръ испыталъ уже рядъ наполеоновскихъ походовъ, то эти своеобразные взгляды должны были покоиться частью на практически важныхъ, частью на освященныхъ временемъ основаніяхъ.

Причины эти не трудно найти. Прежде всего назовемъ систему вербовки, которая вмѣстѣ съ прежними дружинами составляла до французской революціи почти исключительный способъ комплектованія войскъ. Вербовка ставила солдата въ нѣкотораго рода договорныя отношенія къ его государю и военачальнику: насколько первый обязывался повиноваться, настолько и второй долженъ былъ аккуратно исполнить данныя обѣщанія. Вслѣдствіе этого образовалась та своеобразная магазинная система продовольствія войскъ, которая почти одна придала военному искусству прошлаго столѣтія тотъ особенный характеръ, который нѣмцы называютъ Zopfstil. Система эта связала движенія войскъ, приковала ихъ къ магазинамъ и пекарнямъ и придала имъ неповоротливый обозъ. Войска могли совер-

шать только ограниченное число переходовъ въ одномъ направленіи, иначе при каждомъ дальнѣйшемъ шагѣ вся эта искусно сплетенная сѣть разрывалась и строго разсчитанный подвозъ хлѣба и муки къ арміи становился невозможнымъ.

Тогда являлась необходимость, по меньшей мѣрѣ, въ перемиріи, пока не подвезутъ припасовъ и не заложатъ новыхъ магазиновъ. Свинцовымъ грузомъ лежали эти обстоятельства на волѣ главнокомандующаго. Если такіе геніи, какъ Фридрихъ, и умѣли при случаѣ сбрасывать рутину, то все же большинство полководцевъ было вполнѣ связано ею въ своихъ дѣйствіяхъ. Система эта лучше всего обезпечивала аккуратность въ продовольствованіи арміи, а вѣдь отъ этого зависѣлъ успѣхъ вербовки, дисциплина и порядокъ въ войскахъ. Каждый солдатъ представлялъ изъ себя нѣкоторый капиталъ, который военачальникъ долженъ былъ выдавать изъ военной казны или, по тогдашнимъ понятіямъ, изъ своей казны. Вслѣдствіе этого возникъ педантическій расчетъ людьми и деньгами, который при нашемъ веденіи войны исключается. Къ тому же часть арміи состояла изъ иностранцевъ, принадлежавшихъ къ всевозможнымъ странамъ. Чувство національности не было еще общимъ связывающимъ средствомъ и только отчасти замѣнялось оно привязанностью къ царствующей династіи. Вслѣдствіе этого держали войска всегда сосредоточенными; цѣлыя арміи передвигались неразрѣзно въ сомкнутыхъ колоннахъ и располагались на отдыхъ и ночлегъ съ соблюденіемъ самаго мелочнаго порядка.

Только такимъ образомъ и можно было строго охранять войска, предупреждать дезертирство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольствовать ихъ изъ полевыхъ хлѣбопекарень и устранвать рынки. Эта дорого стоющая сила двигалась и употреблялась въ дѣло по командѣ своего вождя.

Линейная тактика, заботившаяся о томъ, чтобы въ ея длинныхъ, развернутыхъ, наступавшихъ парадномъ шагомъ линіяхъ обезпечить себѣ дѣйствительность каждаго человѣка, огонь каждаго ружья, находилась въ тѣсной связи съ указанными обстоятельствами.

Только при такой тактикѣ и было возможно держать вербованныхъ, даже въ сраженіи, подъ строгимъ надзоромъ офицера. Законы веденія войнъ того времени представляли изъ себя такую цѣпь своеобразныхъ отношеній, что было почти невозможно измѣнить что-либо въ отдѣльности, не разрушая цѣлаго.

Нельзя умалять могущество теорій, возникшихъ изъ такихъ условій, которыя установлены отношеніями къ образу веденія войны. Ложныя ученія губили арміи и разоряли государства.

Слабость союзниковъ во время коалиціонныхъ войнъ приписывалась большею частью тому преувеличенному взгляду, который выработался въ эпоху, послѣдовавшую послѣ семилѣтней войны, стараніями ученыхъ стратеговъ,—что во всѣхъ случаяхъ войны слѣдуетъ поступать самымъ строго-научнымъ и искуснымъ образомъ. Отъ этого взгляда произошли: пагубная разброска войскъ, излишняя подробность плановъ войны, преувеличенное значеніе крѣпостей, географическихъ и топографическихъ свойствъ страны и даже геометрическихъ отношеній между направленіями движенія войскъ, короче говоря,—вся та ужасная мелочность, которая и дѣлала всѣ предпріятія до нельзя вялыми и неповоротливыми.

Наконецъ, отсюда же и произошло то несчастное понятіе ставить войнѣ существенною цѣлью исполненіе тонко измышленныхъ маневровъ, а не уничтоженіе непріятельской арміи.

Этимъ объясняются безцѣльныя отдѣленія частей войскъ, выставленіе промежуточныхъ и боковыхъ корпусовъ, разставленіе мелкихъ отрядовъ длинными цѣпями, демонстраціи и ложныя атаки, которыя были такъ свойственны тому времени.

Эти же обстоятельства были причиною того, что въ 1805 году, когда участь кампаніи должна была рѣшиться въ Моравіи, прусская армія сосредоточилась во Франконіи на верхнемъ Маинѣ, т. е. въ разстояніи болѣе 350-ти верстъ, для того, чтобы силою маневра заставить Наполеона отступить за Рейнъ. Тѣмъ же объясняется, что незадолго до сраженія при Аустерлицѣ, по настоянію Россіи, изъ Глаца были двинуты къ границѣ два батальона и сто всадниковъ, чтобы этою угрозою подѣйствовать на главную французскую армію. Богъ вѣдаетъ, слышалъ ли

хоть одинъ французъ до сегодняшняго дня что-нибудь объ этой угрозѣ, которая должна была испугать его императора въ лучшую эпоху его военной славы.

Отъ этихъ же причинъ произошли и ошибки 1806 года. Болѣзненно-искусственное понятіе о войнѣ, а не неспособность прусскихъ войскъ, привело къ пораженію. Планъ союзниковъ, перенти въ началѣ кампаніи 1814 года Рейнъ, и движеніе богемской арміи на Лангрское плато представляютъ собою еще остатки старой военно-ученой школы, которая праздновала свой тріумфъ, когда Массенбахъ, при отступленіи отъ Іены и Ауэрштедта, убѣдилъ въ Ратенау принца Гогенлое идти не прямо къ Одеру, а свернуть къ сѣверу, чтобы оставить между собой и непріятелемъ болото, хотя непріятель еще не наступалъ, а болото было такъ сухо, что не могло служить препятствіемъ. Слѣдствіемъ этого плана была гибель арміи подъ Пренцлау; но Массенбахъ представилъ прямое движеніе между болотомъ и непріятелемъ какъ чудовище стратегіи и было совершенно въ духѣ времени лучше отказаться отъ спасительныхъ средствъ, чѣмъ взять на себя такой грѣхъ и измѣнить правиламъ искусства.

Получившія право гражданства теоріи, обычаи и привычки пріобрѣли значеніе и въ важнѣйшіе моменты рѣшительныхъ войнъ, помимо яснаго сознанія этого со стороны участниковъ.

Лучшія головы подчинялись рутинѣ и чѣмъ умнѣе и знатнѣе были люди, распространявшіе и защищавшіе ложныя теоріи, тѣмъ пагубнѣе было ихъ дѣйствіе.

Въ такое заблужденіе впадалъ военный міръ всегда, когда онъ начиналъ отказываться отъ прямого и простого пониманія законовъ военнаго искусства, когда онъ старался обыкновенныя понятія насильственно одушевлять и начиналъ забывать естественное значеніе вещей и вліяніе сердца человѣка на его рѣшенія и дѣла.

Какъ бы предчувствуя прусскую катастрофу, писалъ Шарнгоретъ незадолго до нея: „Мы начали цѣнить искусство войны болѣе, нежели военныя доблести; это во всѣ времена было гибелью народовъ“.

Для военныхъ успѣховъ необходимо теплое чувство и своего рода энтузіазмъ, причемъ безразлично, что вызываетъ этотъ энтузіазмъ: идеальное ли исполненіе своего долга или слава и честь, любовь ли къ какому нибудь великому человѣку или привязанность къ отечеству. Они же и спасаютъ отъ заблужденій, и только такое поколѣніе можетъ впадать въ нихъ, которое не только разучилось разумно употреблять умственныя силы, но и потеряло хорошія нравственныя качества.

Вотъ что было причиною паденія военнаго искусства въ разбираемую эпоху. Поверхностное просвѣщеніе не допускало глубокихъ впечатлѣній.

Только такое событіе, которое поколебало бы все существующее, какъ явленіе природы—землю, могло основательно уничтожить мелочность, предразсудки, привычки и ученый педантизмъ прошлаго столѣтія и вызвать совершенный переворотъ.

Такимъ событіемъ была французская революція. Она положила начало настоящей эпохѣ военнаго искусства, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока новыя, всеобщія соціальныя преобразованія не дадутъ новыхъ основъ для государственной жизни и военнаго устройства.

Французская революція однимъ ударомъ научила, что война должна кормить войну, что гражданское право должно посторониться, когда гремятъ пушки, и что нужно жить на счетъ той страны, въ которой воюютъ.

Конскрипція выставляла необходимыя массы людей для арміи, чтобы, въ случаѣ надобности, расточительно расходовать ихъ.

Новѣйшіе способы денежныхъ и дѣловыхъ сношеній выработали подписные займы и дали возможность, вмѣсто прежней небольшой государственной казны, располагать всѣмъ государственнымъ кредитомъ для цѣлей войны.

Такимъ образомъ воины стали подвижнѣе; полководецъ освободился отъ боязливыхъ заботъ о хлѣбѣ и мукѣ. Стратегія и тактика сдѣлали громадный шагъ впередъ. Принципъ довольствія войскъ на счетъ страны обязывалъ арміи шире развертываться и раздѣлять боевыя силы, но отдѣльнымъ частямъ придавать большую самостоятельность. Исчезла вербовочная система,

а съ нею вмѣстѣ и заботы о дезертирствѣ. Раздѣленіе и разобщеніе войсковыхъ массъ сдѣлались неизбѣжными, но для обезпеченія ихъ соединенія въ рѣшительную минуту начали высылать авангарды или кавалерійскія массы отъ каждой колонны.

Далѣе, для линейной тактики были нужны отлично вышколенные солдаты. При огромной потребности въ людяхъ въ эпоху французской революціи эти солдаты быстро исчезли, а конскрипція, взамѣнъ ихъ, давала людей мало обученныхъ. Линейная форма сошла со сцены и на ея мѣстѣ появилась колонна—простая, боевая куча. Но эта колонна, при своей компактной формѣ, была бы быстро истреблена огнемъ, если бы не удалось до нѣкоторой степени прикрыть ее стрѣлковыми цѣпями. Колонны и стрѣлки сражались съ тѣхъ поръ въ тѣсной связи, и они были, конечно, гораздо подвижнѣе, нежели неповоротливыя линіи съ ихъ наступленіемъ парадным шагомъ. Если послѣднія существенно нуждались въ ровной мѣстности, то отнынѣ и въ этомъ отношеніи исчезало всякое стѣсненіе; бой принимался на всякой мѣстности, особенностями которой старались пользоваться возможно лучше. Такимъ образомъ война не только безпредѣльно пользовалась всѣми средствами народа и театра войны, но и всякая мѣстность могла служить театромъ военныхъ дѣйствій, если обстоятельства того требовали. Французская революція возвратила военному искусству его первоначальный образъ и простоту, которую оно, какъ и жизнь вообще, утратило въ эпоху косъ (Zopfzeit) для того, чтобы замѣнить ее извращеннымъ понятіемъ, состоявшимъ на половину изъ высокомѣрія и на половину изъ слабодушія.

Фридрихъ Великій доказалъ міру все то, что только можно было достигнуть съ ограниченными и искусственными средствами прежняго времени. Наполеонъ же, стоящій въ началѣ новаго періода, училъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, до чего можетъ дойти война, *освобожденная отъ оковъ*. На его правилахъ основаны и наши современные взгляды. Онъ напомнилъ военному міру то, чему его уже училъ великій прусскій король, но что онъ опять забылъ, а именно, что на войнѣ все должно быть направлено къ уничтоженію непріятельской вооруженной силы и что только бой рѣшаетъ дѣло.

Конскрипція обременяла всегда только безправные, низшіе классы народа, хотя, въ зависимости отъ потребности, съ различною суровостью; Пруссія же предпочла ей всеобщую воинскую повинность, которой главная цѣль—разложить повинности военной службы равномѣрно на весь народъ. Всеобщая воинская повинность вызвала къ жизни систематическое воспитаніе народа для военнаго дѣла.

Желѣзныя дороги, которыхъ въ наполеоновское время еще не знали, сдѣлали возможнымъ быстрѣйшее сосредоточеніе вооруженныхъ силъ. Онѣ уничтожаютъ всѣ дѣйствія, которыя предшествовали войнамъ прежняго времени, но за то сдѣлали подготовку военной организаціи въ мирное время и переходъ къ ней въ военное, т. е. мобилизацію, актомъ величайшей важности. Современное дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія снова вытѣсняетъ изъ сраженія колонны наполеоновской эпохи, но подвижность послѣднихъ передана нынѣшнимъ прерывчатымъ линіямъ, которыя примѣняются ко всякой мѣстности.

При новомъ оружіи необходима хорошо обдуманная система обученія стрѣлковъ, съ которыхъ требуютъ несравненно большаго, чѣмъ прежде.

Вотъ тотъ путь, по которому мы пришли къ образованію армій изъ совокупныхъ народныхъ силъ, къ возможно лучшему воспитанію ихъ въ мирное время для цѣлей войны, къ снабженію ихъ всѣми средствами, которыя образованіе, богатство и сношенія могутъ дать, и къ такой организаціи, которая позволяла бы въ кратчайшій срокъ перейти изъ мирнаго положенія на военное.

На существованіе подобныхъ армій и на принципъ неограниченнаго употребленія ихъ для цѣлей войны и основаны явленія современнаго способа веденія войны.

Въ меньшей зависимости отъ общей культуры народа находится и устройство *военной системы*.

Замѣчательный писатель прошлаго столѣтія, гановерецъ Фридрихъ ф. д. Деккенъ, другъ и сотрудникъ Шарнгорета, признаетъ, что оно рѣшительно вытекаетъ изъ способовъ, которыми народы поддерживаютъ свое существованіе.

Только у кочующихъ ордъ, не имѣющихъ постояннаго мѣста жительства, принимаетъ участіе въ войнѣ весь народъ, не исключая даже стариковъ, женщинъ и дѣтей, потому что ихъ образъ жизни воинственный; притомъ имъ не достаетъ безопаснаго убѣжища для слабыхъ и беззащитныхъ и, въ случаѣ пораженія, смерть ожидаетъ всѣхъ; поэтому-то каждый и считаетъ своимъ долгомъ защищаться.

Разъ только народъ получилъ осѣдлость и обезпечилъ свое внутреннее устройство, то для него, все-таки, большею частью наступаетъ такой періодъ, когда онъ, ради своей жизни и средствъ къ существованію, обязанъ вести безпрестанныя войны съ сосѣдями. Это то время, когда каждый, способный носить оружіе, *добровольно* принимаетъ участіе въ войнѣ. Гражданинъ и воинъ дѣлаются одинаковыми понятіями. Героическій періодъ каждаго народа совпадаетъ именно съ этимъ періодомъ его развитія.

Затѣмъ, если положеніе народа обезпечено и съ внѣшней стороны, то и культура быстро возрастаетъ; пріобрѣтенія и собственность начинаютъ играть большую роль, нежели охота къ войнѣ. „Любовь къ покою и довольствію распространяется быстро, какъ заразительная болѣзнь“. Защита отечества предоставляется части народонаселенія, которая пользуется за это особыми преимуществами и почетомъ. Наступаетъ быстрое улучшеніе оружія, происходящее отъ сознанія возникающей внутренней слабости — съ одной стороны, и цѣнности своего существованія — съ другой. Съ этимъ періодомъ совпадаютъ времена добровольныхъ милицій и рыцарски-феодальнаго устройства.

Обыкновенно, при дальнѣйшихъ успѣхахъ, внѣшнія отношенія давали первый поводъ къ устройству постоянныхъ армій. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Августъ рѣшилъ постоянно охранять границы римской имперіи, военныя силы Рима перестали быть милиціями и приняли характеръ постоянной арміи. Новѣйшія же постоянныя арміи возникли благодаря возрастанію абсолютной власти государей надъ развалинами феодализма.

Постоянныя арміи, въ зависимости отъ способа комплектованія, могутъ быть весьма различнаго устройства. Деккенъ признаетъ тотъ способъ комплектованія наиболѣе совершеннымъ,

при которомъ часть арміи пополняется вербовкой, а другая часть поставкой рекрутъ съ населенія.

Такъ можно было еще разсуждать въ 1800 году, когда его книга была издана въ Ганноверѣ. При этомъ передъ нимъ носилась картина старинной прусской окружной системы, которая дѣйствительно была искуснымъ произведеніемъ и которая могла служить образчикомъ для своего времени. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она можетъ служить примѣромъ громадной зависимости военной системы отъ особенныхъ условій общей государственной жизни и поэтому мы посвятимъ ей еще нѣсколько словъ.

Если Пруссія хотѣла рядомъ съ могуществомъ Габсбурговъ сохранить независимость въ Германской Имперіи, то она должна была для этого содержать большую армію. Но это отняло бы отъ культурной работы слишкомъ большое количество рукъ въ бѣдной и еще скудно населенной странѣ, слѣдствіемъ чего скоро явилось бы истощеніе ея. Это привело къ мысли соединить вербовку съ хорошо устроеннымъ рекрутскимъ наборомъ. Основой для арміи послужили вербованные солдаты, набранные изъ всѣхъ государствъ, служившіе всю жизнь, оставшіеся всегда въ сборѣ и составлявшіе дѣйствительно постоянную армію. Это были солдаты по призванію, ветераны, вполнѣ способные быть учителями для молодыхъ рекрутовъ страны. „Бѣлые“ гренадеры пользовались особымъ уваженіемъ. Становясь не годными болѣе къ военной службѣ, они поселялись въ странѣ и тѣмъ увеличивали народонаселеніе; даже будучи солдатами, они большею частью занимались помимо службы какимъ-нибудь ремесломъ. Сформированные такимъ образомъ кадры доводились, въ случаѣ войны, пополненіемъ ихъ уроженцами страны до внушительной силы. Эти люди служили въ мирное время только одинъ годъ, а позднѣе даже только три мѣсяца, для полученія первоначальнаго образованія; затѣмъ они ежегодно собирались подъ знамена для ученій на время отъ четырехъ до шести недѣль. Каждый полкъ имѣлъ свой опредѣленный округъ для комплектованія, которое производилось такъ же правильно и законно, какъ и въ настоящее время. Эти рекруты пользовались нѣкоторыми льготами со стороны своихъ помѣщиковъ и служащихъ при нихъ, такъ что ихъ положеніе

было далеко не такъ дурно, какъ это часто описывалось впослѣдствіи. Дѣйствительная служба ихъ, включая и всѣ позднѣйшіе призывы, не превышала одного года и девяти мѣсяцевъ, хотя они и оставались въ продолженіе двадцати лѣтъ солдатами, ибо они были ежегодно одиннадцать мѣсяцевъ свободны и могли работать у себя дома [1]). Такимъ образомъ эти поселяне представляли изъ себя ничто иное, какъ милицію, которая, однако, смѣшанная со старыми солдатами, выдержала семилѣтнюю войну. Только благодаря этому и сдѣлалось возможнымъ, что эта маленькая страна могла выставить вооруженную силу, считавшуюся сотнями тысячъ, и могла помѣриться съ арміями трехъ великихъ державъ. Въ свою очередь, только поэтому и могъ Фридрихъ Великій проводить свою политику.

Цѣлый рядъ обстоятельствъ, начиная съ положенія крестьянъ и доходя до высокой политики короля, создали то искусное военное устройство, которое вполнѣ удовлетворяло потребностямъ Фридриховскаго времени. Къ несчастью для государства система эта оставалась въ неизмѣнномъ видѣ и въ то время, когда причины, создавшія ее, исчезли, а требованія совершенно перемѣнились.

Съ тѣхъ поръ развитіе постоянныхъ армій сдѣлало шагъ впередъ. Выраженіе Фридриха ф. д. Деккена теперь уже невѣрно, и смѣшеніе вербовки съ рекрутскимъ наборомъ болѣе не нужно, а по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ даже и вредно. Только общая любовь къ общему отечеству и чувство, что военная служба есть благородный и естественный долгъ, а не работа за деньги, должны служить связывающимъ элементомъ въ арміи.

Мы не нуждаемся болѣе въ иностранцахъ, такъ какъ въ странѣ довольно сыновъ и для арміи, и для работы; также не нуждаемся и въ вербовочныхъ солдатахъ, такъ какъ мы можемъ образовать кадры и изъ призванныхъ подъ знамена.

Наша военная система, основанная на всеобщей воинской повинности, соотвѣтствуетъ нашему понятію о современномъ государствѣ, какъ о союзѣ, который доставляетъ каждому его члену

[1]) Кстати замѣтимъ тутъ, какъ ложно приводить пораженія при Іенѣ и Ауэрштедтѣ какъ историческіе примѣры, свидѣтельствующіе противъ армій съ долгими сроками службы. Совершенно напротивъ: они говорятъ въ пользу ихъ.

одинаковую защиту и одинаковыя выгоды, но который имѣетъ и право возлагать на каждаго одинаковыя повинности. Эта система по существу своему и есть идеалъ военнаго устройства всякаго образованнаго народа, и только при ея практическомъ примѣненіи, вслѣдствіе различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, она еще позади идеала.

Но военное устройство зависитъ не отъ однихъ только соціальныхъ отношеній. Играютъ также роль и другія условія, какъ, напримѣръ, географическія въ Англіи, политическія въ С. Америкѣ. Не малое вліяніе имѣютъ также международныя сношенія. Системы сосѣднихъ государствъ отчасти обусловливаютъ и нашу. Страсть къ подражанію часто также оказывала значительное вліяніе.

Такимъ образомъ военная система, какъ и способъ веденія войны, имѣетъ постоянно измѣняющуюся форму. Они нуждаются въ превращеніяхъ, и опытъ учитъ, что своевременныя реформы вліяютъ на нее оживляющимъ и укрѣпляющимъ образомъ. Если Наполеонъ говорилъ, что тактику слѣдуетъ мѣнять каждые десять лѣтъ, то справедливо будетъ, если мы прибавимъ, что черезъ извѣстные періоды времени это должно случаться и съ военной системой.

Для того, чтобы та и другая сохранили жизненную силу, онѣ должны быть строго согласованы съ общими условіями народной жизни.

Каждое хорошее военное устройство имѣетъ опредѣленный отпечатокъ народнаго характера.

3. Составныя части арміи.

Германская военная система, подобныя которой имѣютъ всѣ великія европейскія державы, кромѣ Англіи, имѣетъ то преимущество, что доставляетъ государству *однородную* во всѣхъ своихъ частяхъ армію.

Она даетъ молодыхъ людей для *полевой арміи* [1]).

[1]) При этомъ она и полняетъ убыль младшихъ возрастовъ въ народѣ возвращеніемъ ему старшихъ, уже отслужившихъ свой срокъ. Младшіе же возрасты, призванные къ службѣ подъ знаменами, постоянно упражняются подъ руководствомъ офицеровъ, а слѣдовательно обладаютъ и наибольшею боевою ловкостью.

Въ этомъ установленіи заключается большой смыслъ.

Во всѣхъ распоряженіяхъ относительно устройства войскъ надо согласоваться съ особенностями человѣческой натуры. Полевая армія несетъ наибольшія потери. Необходимость умереть за отечество представляется ближе каждому, принадлежащему къ ней, нежели члену остальныхъ частей вооруженныхъ силъ. Полевая армія даетъ бои и сраженія, и всѣ бѣдствія и ужасы войны предстоятъ ей въ наиболѣе серьезномъ видѣ. Вопреки существующему мнѣнію, молодой человѣкъ выноситъ все это гораздо охотнѣе и лучше, нежели болѣе старый, хотя первому и недостаетъ закаленной физической силы послѣдняго.

Только юность легко разстается съ жизнью; она еще не связана съ земною юдолью тысячами тѣхъ нитей, которыми опутываетъ насъ гражданское бытіе; она еще не научилась экономизировать въ расходованіи времени жизни; она еще не открыла смысла той загадки, которую она такъ страстно стремится разрѣшить. Она поднимается на гору и не видитъ, какъ коротокъ противоположный скатъ; жажда приключеній дѣлаетъюность предпріимчивой; покой и наслажденіе — стремленія зрѣлаговозраста — далеки отъ нея. Она идетъ въ бой съ удовольствіемъ и безпечностью—двумя качествами, необходимыми для кровавой работы. *Сила народа заключается въ его юномъ поколѣніи.*

Германская военная повинность оставляетъ солдата въ полевой арміи почти до 30-ти лѣтняго возраста. Прежніе военные писатели указываютъ на возрастъ отъ 18 до 24 лѣтъ, какъ на наилучшій для военной службы. Тѣло достаточно крѣпко для перенесенія трудовъ, и солдатъ еще свободенъ и ничѣмъ не связанъ, а частица легкомыслія, присущая цвѣтущей молодости, дастъ превосходную приправу для исполненія требованій военной службы.

Молодая, и именно равномѣрно молодая, армія имѣетъ громадное преимущество передъ всякой другой. Такая, напримѣръ, армія, какъ старая прусская, гдѣ четырнадцатилѣтній юнкеръ, крестьянинъ 20-ти или 30-ти лѣтъ и посѣдѣлый иностранецъ 60—70-ти лѣтъ стояли рядомъ въ строю, не могла имѣть такого высокаго внутренняго единства.

Употребленіе болѣе пожилыхъ людей въ полевой воинѣ приноситъ хорошіе результаты только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, когда опасность его двору и дому или для его семейства достигаетъ устрашающихъ размѣровъ и заставляетъ его позаботиться о своей безопасности. Притомъ случается, что старшіе возрасты, отбывъ службу въ войскахъ, уже вернулись къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ и значительно отвыкли отъ солдатской жизни прежде, чѣмъ война снова ихъ призоветъ подъ знамена. Они уже во многихъ случаяхъ испытали гнетъ жизненныхъ заботъ и часто оставляютъ за собою разстроенный семейный очагъ. Это ни въ какомъ случаѣ не способствуетъ возвышенію стремленія умереть за отечество.

При короткихъ войнахъ настоящаго времени опытность рядовыхъ солдатъ играетъ лишь незначительную роль. Ея польза ограничивается, въ сущности, знаніемъ цѣлесообразнаго устройства жизни въ полѣ. Наши понятія о достоинствѣ ветерановъ относятся къ тѣмъ временамъ, когда существовали войска, въ которыхъ люди служили по призванію, или когда безпрерывныя войны дѣлали войска такими. Въ тѣ времена солдатъ совершенно отрывался отъ гражданской жизни: онъ находилъ свою отчизну подъ ружьемъ, дѣлался авантюристомъ, а бой—цѣлью и средствомъ его существованія. При такихъ условіяхъ посѣдѣлые ветераны дѣлались виртуозами военнаго дѣла, но нынче они не нашли бы мѣста для приложенія своихъ высшихъ дѣйствій.

Для храбрости опытность даже вредна, и храбрѣйшими обыкновенно бываютъ тѣ, которые никогда не испытали опасности.

Не то требуется отъ начальниковъ. Новизна встрѣтившихся имъ на войнѣ явленій не должна ихъ заставать врасплохъ и смутить. Для нихъ опытность есть дѣйствительное достоинство; она только отчасти можетъ быть замѣнена изученіемъ военной исторіи.

Сѣдые генералы и офицеры сохранили и въ наше время особое уваженіе, между тѣмъ какъ ветераны-солдаты потеряли свое значеніе.

Германская военная система совершенно справедливо устраняетъ старшіе возрасты изъ полевой арміи. Правда, бываютъ

исключенія, но тогда это именно исключенія, которыя происходятъ отъ того, что приходится считаться съ соперничествомъ сосѣднихъ державъ и съ массой другихъ условій.

Отъ вліянія обстоятельствъ и той степени опасности, которая грозитъ государству, зависитъ, до какого возрастнаго класса можно еще обращаться съ требованіями по отбыванію воинской повинности. Въ постановленіяхъ, выработанныхъ въ мирное время, культурныя государства ограничиваются, въ общемъ, 40 лѣтнимъ возрастомъ. Только въ минуту крайней необходимости можетъ быть изданъ о томъ особый исключительный законъ, и прежнія вербованныя войска доказали, что многіе мужчины еще 10—20 лѣтъ послѣ достиженія условнаго возраста годны для службы въ строю.

Современный способъ веденія войны требуетъ самыхъ разнообразныхъ дѣйствій.

Возрастные классы, слѣдующіе непосредственно за находящимися въ полевой арміи, всегда будутъ предназначены для образованія войсковыхъ частей, которыя, въ случаѣ нужды, должны служить для усиленія ея и которыя въ видѣ резервовъ или смѣшанныя съ настоящими полевыми войсками будутъ участвовать въ полевыхъ бояхъ и сраженіяхъ. Этотъ родъ войскъ, для котораго, въ сущности, не имѣется въ мирное время постоянныхъ кадровъ, употребляется также для охраненія желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ или для охраненія спокойствія въ тылу арміи, вторгнувшейся въ непріятельскую страну. Здѣсь смѣшивается служба полевыхъ и мѣстныхъ войскъ. Многочисленныя укрѣпленныя мѣста, открытые города, желѣзно-дорожныя станціи, депо, лазареты, магазины, мосты, заставы и т. п. должны быть также заняты, чтобы обезпечить подвозъ запасовъ. Безпрестанное движеніе обозовъ, транспортовъ раненыхъ, больныхъ, плѣнныхъ и выздоровѣвшихъ, различныхъ снарядовъ, оружія, лошадей и скота, однимъ словомъ все, что обыкновенно происходитъ въ тылу большой арміи, требуетъ обширной конвойной службы. Занятыя области непріятельской страны получаютъ насильственное управленіе, которое большею частью нуждается въ помощи военной силы. Попытки прервать сообщенія арміи, сборища вооружен-

ныхъ людей и попытки къ возстанію, все это должно быть предупреждено или подавлено. Сторожевая служба и посылка подвижныхъ отрядовъ ведутъ часто къ стычкамъ и вызываютъ изнурительную дѣятельность, которая, въ сущности, только тѣмъ отличается отъ дѣятельности полевыхъ войскъ, что нѣтъ большихъ сраженій, а слѣдовательно и большихъ потерь ранеными и убитыми. Далѣе, пока война ведется въ культурной странѣ, дѣйствующимъ въ тылу арміи войскамъ лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ придется бивакировать подъ открытымъ небомъ; большею частью они будутъ въ состояніи исправно нести свою службу, пользуясь хорошими квартирами.

Такія *резервно-полевыя* войска (Feld-Reserve-Truppen) найдутъ себѣ примѣненіе и въ осадной войнѣ, гдѣ служба хотя и тяжела, но правильна и не требуетъ большой подвижности и боевой ловкости. Вообще ихъ будутъ употреблять всюду, гдѣ дѣло идетъ о второстепенныхъ цѣляхъ войны, для которыхъ неохотно отдѣляютъ части отъ полевой арміи, чтобы не помѣшать послѣдней въ достиженіи ея главной цѣли—уничтоженіи непріятельской арміи.

Гарнизонная служба въ своихъ отечественныхъ крѣпостяхъ требуетъ еще менѣе подвижности, бодрости и свѣжести. Даже при вторженіи непріятеля въ страну, опасность угрожаетъ лишь части крѣпостей и только нѣкоторыя изъ нихъ будутъ осаждены. Въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко полевыя войска придутъ на помощь гарнизоннымъ и облегчатъ ихъ службу. Часто на долю этихъ послѣднихъ выпадаетъ только обязанность занимать большіе или важные города, поддерживать порядокъ въ отдѣльныхъ областяхъ и транспортная и сторожевая служба при желѣзныхъ дорогахъ. Изъ этого видно, что подобныя войска могутъ быть безъ вреда составлены изъ элементовъ, не вполнѣ годныхъ къ военной службѣ.

Далѣе слѣдуетъ еще цѣлый рядъ задачъ, которыя могутъ быть удовлетворительно исполнены войсками, получившими даже очень слабую военную подготовку, какъ напримѣръ охрана военнопленныхъ и служба въ исправительныхъ заведеніяхъ. Сторожевую и сигнальную службу вдоль неукрѣпленныхъ морскихъ береговъ, вдоль теченія большихъ рѣкъ и въ горахъ можно воз-

ложить даже на ополченія, которыя, какъ германскій ландштурмъ, не причисляются собственно къ войскамъ. Кромѣ того, для военнаго вѣдомства необходимо развить въ странѣ рабочую и ремесленную дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ и, наконецъ, санитарная служба требуетъ помощи многихъ рукъ.

Такимъ образомъ даже граждане болѣе зрѣлыхъ возрастовъ могутъ быть полезны, и люди, не служившіе въ мирное время въ военной службѣ, исполняя многочисленныя вспомогательныя работы, все-таки, отбываютъ свою повинность государству.

Совершенно независимо отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ родовъ стоятъ запасныя войска (войска пополненія — Ersatz-Truppen), служба которыхъ заключается въ обученіи и приготовленіи пополненій для покрытія убыли дѣйствующей арміи. Какъ важна эта служба, показываетъ кампанія 1870 года, когда для пополненія убыли въ германской арміи потребовалось болѣе 2,000 офицеровъ и 220,000 нижнихъ чиновъ, причемъ въ концѣ марта 1871 года въ запасныхъ войскахъ еще состояло почти такое же количество людей. Въ исключительныхъ случаяхъ и запасныя войска будутъ употреблены для другихъ цѣлей; напримѣръ, ихъ обученіе можно соединить съ караульной и гарнизонной службой, но подобное отрываніе ихъ отъ прямого ихъ назначенія можетъ легко принести вредъ, потому что является опасность, что какая-нибудь часть дѣйствующей арміи лишится своего источника пополненія.

Такимъ образомъ раздѣляются войска на категоріи по ихъ употребленію, но это раздѣленіе не должно быть строгое, такъ какъ необходимость легко можетъ заставить измѣнить ихъ назначеніе на болѣе или менѣе продолжительное время. Каждый гражданинъ, если только онъ не калѣка, можетъ нынче во время войны сослужить службу своему отечеству, имѣй онъ только добрую волю, такъ какъ служба вооруженной силы чрезвычайно разнообразна.

4. Раздѣленіе войскъ на части.

Правильное раздѣленіе войскъ чрезвычайно важно.

Такъ какъ военная система затрогиваетъ всѣ отношенія общественной жизни и безусловно требуетъ совмѣстной дѣятельности правительственныхъ и военныхъ учрежденій, то такое

раздѣленіе арміи, которое совпадаетъ съ правительственнымъ или, какъ иногда говорятъ, съ „политическимъ“ подраздѣленіемъ государства, будетъ самое лучшее.

Совпаденіе частей арміи съ политическимъ раздѣленіемъ страны имѣетъ то преимущество, что дѣлаетъ отдѣльныя части арміи вполнѣ самостоятельными, подобно арміи небольшого государства. Провинція, въ которой расположена такая часть, доставляетъ для ея комплектованія людей и лошадей; въ ней находятся всѣ ея магазины и депо. Командующій этою частью генералъ и гражданская власть провинціи въ опредѣленномъ кругу дѣятельности независимы другъ отъ друга и снабжены достаточными полномочіями; они могутъ сами возбуждать и рѣшать все необходимое, не сносясь предварительно съ центральными управленіями.

Эта самостоятельность отдѣльныхъ частей арміи не только облегчаетъ и ускоряетъ ходъ работъ вообще и преимущественно подготовку войскъ къ войнѣ, но и пріучаетъ высшихъ начальниковъ къ иниціативѣ, столь важной въ военной службѣ, и къ отвѣтственности за свои дѣйствія. Она возвышаетъ внутреннюю силу, такъ какъ каждая часть имѣетъ при этомъ свои собственные корни и придаетъ совокупной войсковой машинѣ подвижность и простоту.

Раздѣленіе на самостоятельныя, соотвѣтствующія провинціямъ, части—армейскіе корпуса, имѣетъ такъ много преимуществъ, что практикуется уже съ очень давнихъ временъ. Между тѣмъ какъ во Франціи до 1870 года считали подобное дѣленіе невыполнимымъ, въ Пруссіи оно было предложено въ первый разъ въ 1795 году и привело къ сформированію восточно- и южно-прусскихъ, силезскаго и резервнаго корпусовъ.

Конечно, въ то время эта полезная организація не была еще въ дѣйствительности проведена, но мысль о ней была снова возбуждена въ 1813 году. Организація эта напоминаетъ собою старинное устройство вооруженныхъ силъ древнихъ всемірныхъ государствъ, гдѣ каждый подчиненный народъ составлялъ отдѣльный самостоятельный отрядъ [1]). Въ большихъ государствахъ, которыя

[1]) Съ тою только разницею, что эти отряды были не равномѣрной силы, чему нынче придаютъ значеніе.

болѣе не могутъ быть управляемы и руководимы изъ одного центральнаго пункта, такое дѣленіе является вполнѣ естественнымъ. Однако, при этомъ необходимо то условіе, чтобы государство жило еще здоровою жизнью и авторитетъ его правительства уважался. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ правительственная власть установилась недостаточно твердо и гдѣ опасаются возстаній, подобная организація, несмотря на всѣ свои военныя преимущества, не можетъ быть введена, такъ какъ она даетъ оружіе, которое въ рѣшительную минуту можетъ обратиться и противъ правительства. Россія не сформируетъ ни въ Польшѣ, ни на Кавказѣ корпусовъ, которые пополнялись бы туземными новобранцами и офицерами и имѣли бы тамъ всѣ мастерскія, запасы и арсеналы и которые были бы въ состояніи въ любое время поднять оружіе. Въ Польшѣ слѣдствіемъ подобной организаціи была кровавая война 1831 года. Англія и Франція точно также должны остерегаться комплектовать расположенные въ Ирландіи и Алжирѣ корпуса мѣстнымъ населеніемъ.

И здѣсь можно сказать, что только правильная и хорошая организація государства можетъ дать такую же правильную и хорошую организацію арміи.

Армія.

При современной многочисленности европейскихъ войскъ необходимо соединеніе нѣсколькихъ корпусовъ въ арміи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, одному главнокомандующему придется единовременно и непосредственно управлять 18—20 и болѣе корпусами, что очень затруднило бы общую дѣятельность. Изъ скольких корпусовъ должна состоять армія, зависитъ частью отъ обстоятельствъ, частью отъ поставленной ей задачи и, нерѣдко, отъ чина, способностей и славы командующаго ею. Личные взгляды также играютъ иногда важную роль и еще въ новѣйшихъ войнахъ называли арміей то, что въ сущности составляло только корпусъ. и это потому, что имъ командовало высокопоставленное лицо.

Клаузевицъ во второй книгѣ своего произведенія „о войнѣ“, въ главѣ „о боевыхъ порядкахъ“, говоритъ о томъ, сколько надо

соединять частей въ одно цѣлое, и при этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что чѣмъ крупнѣе подраздѣленія арміи, тѣмъ меньше должно становиться на нихъ вліяніе главнокомандующаго и наоборотъ. Однако, для насъ это не играетъ такой роли, такъ какъ сила корпуса опредѣляется его организаціею мирнаго времени. Если Клаузевицъ говоритъ, что армія должна состоять изъ восьми частей: одной для авангарда, трехъ для главныхъ силъ, двухъ для резерва и по одной для отдѣленія вправо и влѣво, то тутъ подразумѣваются болѣе мелкія части, такъ какъ восемь современныхъ корпусовъ составили бы слишкомъ неповоротливую массу. Къ тому же и заботы о 250,000 человѣкъ съ полнымъ обозомъ будутъ не подъ силу одному штабу, да и разстоянія, на которыя распространяется такая армія, будутъ слишкомъ большими и передача приказаній затруднительна.

Какъ примѣръ подобнаго неправильнаго раздѣленія можно привести французскую рейнскую армію въ 1870 году, которая состояла изъ семи армейскихъ корпусовъ и одного гвардейскаго, слѣдовательно изъ восьми почти одинаково крупныхъ частей; эта масса войскъ раскинулась на пространствѣ между Бельфоромъ и Тіонвилемъ и оказалась неудобоуправляемой: корпусные командиры ожидали приказаній и приказанія императора опережались событіями еще до ихъ прибытія. Уже 5-го августа оказалось необходимымъ раздѣлить эту массу на три самостоятельныя группы, подъ начальствомъ маршаловъ Базена, Макъ-Магона и Канробера, тогда какъ императоръ, сохраняя общее командованіе всей арміей, спеціально командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Послѣднее, вызванное личными соображеніями, было, конечно, не цѣлесообразно, такъ какъ, занимаясь главнымъ дѣломъ, не должно отвлекаться мелочами, потому что одно другому будетъ вредить.

У германцевъ въ началѣ этой войны II армія состояла изъ 7 корпусовъ и командующій ею испытывалъ не мало затрудненій, происходившихъ отъ большой величины этой машины. Принцъ Фридрихъ-Карлъ ощутилъ это уже 8-го августа, когда, отправясь на одинъ флангъ своей арміи, онъ совершенно потерялъ всякую связь съ другимъ. Подъ Мецомъ главнокомандующему были иногда непосредственно подчинены 8 самостоятельныхъ частей арміи, но

здѣсь это можно было допустить, такъ какъ всѣ войска оставались продолжительное время на одномъ мѣстѣ.

Въ настоящее время отдѣленіе особыхъ частей для образованія авангардовъ, главныхъ силъ, арьергардовъ и боковыхъ отрядовъ не имѣетъ прежняго значенія, такъ какъ корпуса, двигаясь большею частью каждый по отдѣльной дорогѣ, представляютъ изъ себя какъ бы маленькія арміи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой авангардъ.

Случаи выдѣленія цѣлаго корпуса въ видѣ авангарда или арьергарда встрѣчаются теперь очень рѣдко. Конечно, большія арміи, какъ, напримѣръ, II германская въ 1870 г., будутъ иногда двигаться нѣсколькими линіями и въ сраженіяхъ могутъ цѣлые корпуса стоять въ резервѣ за боевой линіей, какъ это было 18 августа 1870 года, но при движеніяхъ подобное обособленіе большею частью безполезно.

Поэтому, при опредѣленіи числа корпусовъ въ арміи, кромѣ задачи ея, нужно принимать во вниманіе только удобство передачи приказаній и затруднительность снабженія войскъ изъ одного центра. Принимая во вниманіе опыты послѣднихъ войнъ, мы приходимъ къ заключенію, что нормальное число корпусовъ въ арміи будетъ отъ 3 до 6. Шесть корпусовъ, какъ въ III германской арміи въ 1870 году, имѣютъ еще достаточную связь, а три корпуса составляютъ, вѣроятно, minimum. Въ арміи, состоящей изъ двухъ корпусовъ, одинъ изъ нихъ будетъ постоянно раздробленъ, какъ это и было въ 1870 г. въ декабрѣ и въ январѣ 1871 года съ I германской арміей. Хотя теорія и учитъ, что такую армію нужно дѣлить на части болѣе мелкія, чѣмъ корпуса, но при нынѣшнихъ условіяхъ это уже тѣмъ невыгодно, что пришлось бы устранить двухъ корпусныхъ командировъ. Гдѣ въ мирное время существуютъ корпуса, тамъ приходится и въ военное время считаться съ ними, и только тѣ арміи, въ которыхъ организація мирнаго времени не идетъ дальше дивизій или бригадъ, могутъ быть составлены иначе.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы и останавливаемся на томъ, что число корпусовъ въ арміи должно быть отъ 3 до 6.

Корпусъ.

Численность корпуса вездѣ почти одинакова и считается приблизительно въ 30.000 человѣкъ [1]).

Хотя корпуса и возникли исторически и развились почти случайно, тѣмъ не менѣе эта численность вполнѣ удовлетворяетъ естественнымъ требованіямъ.

Раздѣленіе арміи на корпуса, проектированное еще въ 1795 г. въ Пруссіи, но не приведенное тогда въ исполненіе, примѣнилось въ первый разъ на дѣлѣ во Франціи, во время первой Коалиціонной войны, когда ею были выставлены нѣсколько небольшихъ, но совершенно независимыхъ другъ отъ друга, арміи, равнявшихся по численности нашимъ современнымъ корпусамъ. Такимъ образомъ были выставлены въ 1792 году сѣверная армія въ 35,000 чел., центральная въ 28,000 ч., рейнская въ 17,500 ч. и южная въ 40.000 ч. Позже явились еще Самбрская, Арденская и Мозельская арміи подобной же силы. Особаго главнокомандующаго надъ этими арміями не было, а руководство ими было сосредоточено въ рукахъ правительства. Впослѣдствіи, когда главнопачальствованіе перешло къ Наполеону, сначала какъ къ первому консулу, а потомъ какъ къ императору, значеніе этихъ армій понизилось одною степенью и онѣ превратились въ корпуса, которые легче включались въ тѣ громадныя массы войскъ, съ которыми Наполеонъ велъ свои войны. Но до 1805 года еще очень часто внѣ Франціи называли корпуса французскихъ генераловъ и маршаловъ—арміями.

Съ тѣхъ поръ дѣленіе на корпуса въ военное время получило право гражданства. Наполеонъ сохранилъ бы, можетъ-быть, эту организацію и въ мирное время, если бы болѣе продолжительный миръ былъ бы ему данъ и былъ бы въ его духѣ; но постоянно ведя войны, онъ формировалъ эти корпуса только для войны и

[1]) Меккель. Тактика. Берлинъ 1881 г. стр. 90—91. Въ этомъ сочиненіи приведены болѣе подробныя свѣдѣнія о численности корпусовъ европейскихъ великихъ державъ.—Блуме. Стратегія Берлинъ 1882 г. стр. 61—62. Въ этой книгѣ приводится образецъ организаціи корпуса, которая весьма сходна съ принятою въ большинствѣ германскихъ корпусовъ.

въ составъ, соотвѣтствовавшемъ поставленной цѣли. Пруссія, послѣ войнъ за освобожденіе Германіи, сохранила это дѣленіе на корпуса и въ мирное время, и послѣ послѣднихъ реформъ въ организаціи выработалась наименьшая сила корпуса.

30.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, съ полнымъ обозомъ, еще могутъ, двигаясь по одной дорогѣ, развернуться въ тотъ же день къ головѣ колонны для боя, считая, что пѣхота пойдетъ вздвоенными рядами, кавалерія по три, артиллерія въ одно орудіе и обозъ въ одну повозку. Такой размѣръ колонны взятъ, конечно, не произвольно, а обусловливается шириною дорогъ и улицъ; четыре человѣка или три лошади пройдутъ по всякой дорогѣ, которая не уже обыкновеннаго хода повозки. Конечно, на болѣе широкихъ искусственныхъ дорогахъ можно увеличивать ширину колонны, и орудія и повозки могутъ слѣдовать по нѣсколько въ рядъ. Но при этомъ надобно всегда имѣть въ виду, что, встрѣтивъ узкое мѣсто, придется опять перестраиваться въ вышеупомянутый нормальный порядокъ, что произведетъ остановку, которая отниметъ столько же времени, сколько было выиграно уширеніемъ колонны; поэтому гораздо практичнѣе выступать съ мѣста въ такихъ колоннахъ, чтобы можно было всюду пройти. Только тогда, когда сѣть европейскихъ дорогъ совершенно преобразуется, можно будетъ принять и болѣе широкія походныя колонны; но на это трудно разсчитывать, такъ какъ съ возрастаніемъ культуры цѣнность земли все болѣе увеличивается. Кромѣ того, уширеніе походныхъ колоннъ тоже имѣетъ предѣлъ: лѣтомъ, въ жаркое время, пыль и зной дѣлаютъ движеніе людей, идущихъ въ серединѣ широкой колонны, невыносимымъ. Даже черезъ открытыя мѣстности нельзя проходить широкимъ фронтомъ, такъ какъ встрѣчающіяся на каждомъ шагу разнообразныя преграды, какъ, напримѣръ, канавы, изгороди, заборы и хлѣбъ, дѣлаютъ такой маршъ очень утомительнымъ.

Слѣдовательно, намъ еще долгое время придется остаться при наименьшемъ способѣ движенія и тогда выходитъ, что въ медленно двигающейся походной колоннѣ корпуса хвостъ ея отстоитъ отъ головы на $22\frac{1}{2}$ версты, т. е. на величину полнаго перехода. Въ

случаѣ завязавшагося въ головѣ колонны боя, задніе части ея, прежде чѣмъ вступить на поле сраженія, должны сдѣлать такое усиліе, какое при нормальныхъ условіяхъ только и можно требовать: тѣ же части, которыя слѣдовали бы еще за корпусомъ, если, можетъ-быть, и прибыли бы на поле сраженія, не будутъ уже въ состояніи принять въ бою дѣятельнаго участія, потому что будутъ слишкомъ утомлены.

Иногда лѣтомъ, во время большой жары, возможно, выступивъ рано утромъ, сдѣлать 28 верстъ и послѣ отдыха вступить въ бой; но зимой, когда въ нашихъ широтахъ становится свѣтло только въ 8 ч. утра, а въ 4 ч. пополудни уже темнѣетъ, подобные переходы немыслимы.

Сила же корпуса должна быть пригодна для всѣхъ временъ года.

При численности корпуса въ 40,000 ч. глубина его походной колонны будетъ 30 верстъ, а въ 50,000 ч. — $37\frac{1}{2}$ версты.

Мы должны еще принять въ расчетъ обозъ корпуса, везущій боевые припасы и провіантъ, содержащій санитарный обозъ и понтоны и который долженъ слѣдовать за корпусомъ. Если не выбрасывать дистанцій между частями обоза, необходимыхъ для поддержки въ немъ порядка и для избѣжанія остановокъ, то это составитъ еще 28 верстъ, такъ что послѣдняя повозка походной колонны германскаго корпуса будетъ отдалена отъ головы ея на два перехода. При составѣ же корпуса въ 50.000 ч. глубина эта увеличится до трехъ переходовъ, т. е. если не будетъ сдѣлана продолжительная остановка, то войска едва-ли увидятъ когда-либо свои обозы.

Если корпусъ значительно большаго состава, нежели въ 30.000 чел., то слѣдовало бы его во всякомъ случаѣ раздѣлить и вести по двумъ дорогамъ. Каждая колонна должна имѣть особаго начальника, а поэтому не лучше ли дать и въ мирное время корпусамъ меньшую величину. Корпуса же меньшаго состава не позволили бы извлечь всей пользы изъ имѣющейся дорожной сѣти, а это, при нашихъ громадныхъ арміяхъ и трудности ихъ движеній, очень важно. Не поможетъ и то, если вести по два такихъ корпуса по одной дорогѣ: второму корпусу пришлось бы идти

между первымъ корпусомъ и его обозомъ или за обозомъ перваго корпуса. Въ первомъ случаѣ головной корпусъ будетъ очень отдѣленъ отъ своихъ обозовъ, а во второмъ случаѣ второй корпусъ будетъ отдаленъ отъ головы общей колонны болѣе чѣмъ на переходъ.

Итакъ, нынѣшній корпусъ въ 30,000 ч. представляетъ величайшую нормальную отдѣльную часть въ составѣ арміи.

Само собою разумѣется, что эта численность не должна быть принимаема строго ариѳметически. Можно нѣкоторымъ уширеніемъ колонны (въ пѣхотѣ, напримѣръ, съ 4 на 6 человѣкъ) и умеьшеніемъ дистанцій между частями и т. п. значительно сократить глубину колонны и вести по одной дорогѣ болѣе, нежели 30,000 чел. Наполеонъ часто водилъ свою пѣхоту по сторонамъ дороги, предоставляя послѣднюю кавалеріи, артиллеріи и обозамъ, хотя надо принять во вниманіе, что условія культуры были иныя. Иногда можно обозъ оставлять на время позади и вести тогда два корпуса непосредственно одинъ за другимъ. Но, все-таки, это будутъ только исключенія.

Такъ какъ противникъ связанъ тѣми же вышеизложенными условіями, то онъ не можетъ въ одинъ день развернуть изъ походной колонны въ бою, болѣе одного корпуса. Слѣдовательно, разсуждая чисто теоретически, одинъ корпусъ можетъ цѣлый день противостоять любому противнику, предполагая, что послѣдній двигается только по одной дорогѣ. На практикѣ это, конечно, рѣдко оправдывается, потому что тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько путей для наступленія, болѣе сильный противникъ сумѣетъ ими и воспользоваться, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ своего перевѣса въ силахъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что корпусъ долженъ быть совершенно самостоятеленъ, т. е. снабженъ всѣмъ, что только можетъ понадобиться войсковой части для бол. для похода или отдыха.

Поэтому корпусъ долженъ быть составленъ не только изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія—пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи—а нужно придать ему еще и техническія войска, матеріалы для постройки и наводки мостовъ, управленія для снабженія войскъ огнестрѣльными и слѣстными припасами, для призрѣнія своихъ больныхъ

и раненыхъ и даже свой собственный конскій запасъ. Ко всему этому еще нужно прибавить, что корпусному командиру должна быть дана власть самостоятельно распоряжаться запасными людьми, оставшимися въ корпусномъ округѣ на родинѣ.

Только при такихъ условіяхъ можно возлагать на корпусъ всѣ тѣ задачи, которыя можетъ потребовать война въ культурной странѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что сведеніе слишкомъ малочисленныхъ корпусовъ было бы расточительно, такъ какъ штабы и управленія 15-ти тысячнаго корпуса будутъ почти такіе же, какъ и для 30-ти тысячнаго.

Для примѣра приведемъ нормальную организацію корпуса въ Германіи. Составъ его слѣдующій: корпусный штабъ, въ которомъ сосредоточены строевое, санитарное и судебное управленія, двѣ пѣхотныя дивизіи, стрѣлковый батальонъ, который, впрочемъ, придается одной изъ дивизій, корпусная артиллерія, муниціонныя колонны (летучіе артиллерійскіе парки), обозный батальонъ, въ которомъ заключаются провіантскія и фурпарковыя колонны, корпусный понтонный паркъ, полевая хлѣбопекарня, конское депо и полевые лазареты.

Обѣ пѣхотныя дивизіи и корпусная артиллерія составляютъ такъ называемую „боевую часть" корпуса, которою мы преимущественно и занимемся. Остальныя составныя части корпуса разсчитаны на вѣроятную, выведенную изъ опыта, потребность. Муниціонныя колонны содержатъ запасъ огнестрѣльныхъ припасовъ, достаточный для веденія боя въ теченіе одного дня; при самихъ же войскахъ корпуса находится такой же запасъ и даже двухдневный упорный бой не вызвалъ бы общаго недостатка боевыхъ припасовъ, если они въ началѣ боя были полностью. Провіантскія и фурпарковыя колонны могутъ совмѣстно прокормить людей и лошадей корпуса въ продолженіе пяти дней [1]; лазареты устроены на 2.400 раненыхъ, т. е. на среднее число

[1] Строго разсчитывая, 5 провіантскихъ колоннъ содержатъ 4-хъ дневную порцію провіанта и 5 фурпарковыхъ колоннъ содержатъ фуражъ на 7 дней. Въ дѣйствительности оба рода колоннъ несутъ одинаковую службу въ полѣ, снабжая какъ людей, такъ и лошадей; поэтому можно считать въ нихъ вообще 5-ти и даже 6-ти дневный запасъ, если только хорошо нагрузить всѣ повозки.

раненыхъ, ожидаемыхъ отъ одного сраженія. Полевая хлѣбопекарня въ культурной странѣ, гдѣ можно пользоваться частнымъ трудомъ для печенія хлѣба, выпекаетъ въ день однодневный запасъ.

Понтонный паркъ содержитъ матеріалы для устроенства и наводки моста черезъ рѣку средней ширины, какъ р. Шпрее. Конское депо при выступленіи состоитъ изъ 200 лошадей и во время кампаніи пополняетъ убыль въ корпусѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о пѣхотныхъ дивизіяхъ.

Пѣхотныя дивизіи въ Германіи сформированы какъ маленькіе корпуса и состоятъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, т. е. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, кромѣ того имѣютъ піонеровъ, понтонный паркъ и санитарный отрядъ и только не самостоятельны въ отношеніи управленія, продовольствія и снабженія.

Цѣль подобнаго состава дивизіи та же, что и при составленіи корпусовъ, т. е. приданіе имъ самостоятельности для веденія боя. Эта самостоятельность необходима дивизіи не только при отдѣленіи ея отъ корпуса, но и въ общей боевой линіи большого сраженія, такъ какъ часто случается, что корпусный командиръ развертываетъ обѣ свои дивизіи и онѣ сражаются рядомъ, каждая на своемъ опредѣленномъ участкѣ.

Дивизіи также возникли исторически.

Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій ввелъ дѣленіе на дивизіи въ своей маленькой арміи, состоявшей изъ англичанъ, брауншвейгцевъ, гессенцевъ и ганноверцевъ, во время семилѣтней войны. Онъ нашелъ возможнымъ сохранить эти различные контингенты, состоявшіе изъ трехъ родовъ оружія, въ ихъ естественномъ видѣ и оставить тѣхъ же начальниковъ. Взаимное довѣріе между частями, согласіе между начальниками, большая подвижность и самостоятельность были слѣдствіемъ этой организаціи.

Противъ него сражались французы, и это же устроенство мы видимъ въ войскахъ республики, когда арміи еще были такъ малы, что не могли дѣлиться на корпуса и потому раздѣлялись прямо на дивизіи. Дивизіи эти состояли, большею частью, изъ 9 батальоновъ пѣхоты, 6—8 эскадроновъ кавалеріи и 6 батарей и имѣли отдѣльнаго начальника, свои собственныя генеральныя

штабъ, артиллерію, интендантство, инженеровъ и т. п.. короче сказать—это были маленькія арміи, которыя должны были быть численностью около 12.000 человѣкъ, но рѣдко достигали болѣе 5-8 тысячъ. Въ несчастные для себя 1805 и 1806 годы Пруссія приняла подобную организацію и для своей арміи, и такимъ образомъ дивизіи перешли и въ новѣйшее время, хотя въ войнахъ за освобожденіе Германіи и явился перерывъ, такъ какъ прусскіе корпуса тогда дѣлились на бригады. Безспорно, что удобно имѣть меньшія, чѣмъ корпуса, части войскъ, которыя были бы самостоятельны во всѣхъ случаяхъ.

Корпуса только тогда будутъ двигаться по одной дорогѣ, когда того потребуютъ обстоятельства; всюду же, гдѣ только возможно, они воспользуются, по крайней мѣрѣ, двумя дорогами, пуская по каждой одну дивизію.

Въ концѣ войны 1870—71 года, когда германскія войска часто принуждены были занимать во Франціи большое пространство, гдѣ они имѣли всегда передъ собою непріятеля въ значительномъ числѣ и только по причинѣ его слабой подготовки нельзя было ожидать отъ него упорства въ бою, приходилось дѣлить дивизіи на бригады, придавая послѣднимъ артиллерію и кавалерію. Между тѣмъ имъ ставились задачи, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ были бы только подъ силу дивизіи или даже корпусу. Для примѣра укажемъ на бригаду Кетлера, выставленную противъ вогезской арміи у Дижона. Подобный фактъ былъ, однако, возможенъ только при тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, происходившихъ отъ малой годности непріятеля къ войнѣ.

Современныя германскія дивизіи состоятъ изъ двухъ пѣхотныхъ бригадъ, силою въ 12 батальоновъ, артиллерійскаго отдѣленія въ 4 батареи, кавалерійскаго полка въ 4 эскадрона и одной или двухъ піонерныхъ ротъ съ понтоннымъ паркомъ. Относительно этого состава можетъ быть только одинъ спорный вопросъ, а именно о придачѣ дивизіи цѣлаго кавалерійскаго полка. Если дивизія находится въ отдѣлѣ отъ арміи, то для исполненія всей службы, выпадающей на долю кавалеріи, четырехъ эскадроновъ будетъ мало; съ другой же стороны, при дѣйствіяхъ дивизіи

въ общей связи съ арміей, 4-хъ эскадроновъ слишкомъ много, потому что, даже неся аванпостную службу, надо имѣть въ виду, что еще кромѣ того передъ фронтомъ арміи находятся большія массы кавалеріи. Если обѣ дивизіи корпуса двигаются по одной дорогѣ одна за другой, какъ это будетъ часто случаться въ будущемъ, то для кавалерійскаго полка второй дивизіи нѣтъ мѣста. Его или втиснутъ въ общую походную колонну—при этомъ онъ не принесетъ никакой пользы—или его вышлютъ передъ первую дивизію, а иногда и въ сторону, и тогда онъ служитъ интересамъ не своей дивизіи.

Конечно, всякому начальнику дивизіи желательно имѣть при себѣ нѣсколько кавалеристовъ, но чтобъ, когда корпусъ сталъ нераздѣленъ въ бою и въ движеніи, достаточно имѣть 1 или 2 эскадрона. При особенныхъ порученіяхъ число кавалеріи въ дивизіи должно быть увеличено и тогда одного полка мало.

Третью составную часть корпуса составляетъ корпусная артиллерія, обыкновенно состоящая изъ 6—8 батарей. Она составляетъ самое главное средство для корпуснаго командира, чтобы дать бою своего корпуса извѣстное направленіе. Такая большая масса орудій быстро производитъ свое дѣйствіе; тамъ гдѣ она появляется и своими снарядами подготовляетъ атаку, туда и пѣхота стремится невольно; фронтъ такой огромной батареи опредѣлитъ сразу направленіе фронта всего корпуса. Кромѣ корпуснаго командира, никто не имѣетъ права распоряжаться корпусною артиллеріею. Обѣ пѣхотныя дивизіи всегда нѣсколько уклоняются отъ этого, такъ какъ каждый начальникъ дивизіи думаетъ имѣть надъ своею дивизіею нѣкоторое право собственности и старается преимущественно исполнять свою волю.

Уже много писали и разсуждали о томъ, что дѣленіе корпуса на двѣ дивизіи не вполнѣ цѣлесообразно. Клаузевицъ говоритъ: „Ничего не можетъ быть болѣе неудобнаго, какъ дѣленіе арміи на три части; впрочемъ, это могло бы быть при раздѣленіи ея на двѣ части, причемъ главнокомандующій долженъ былъ бы остаться почти нейтральнымъ,“—и это находитъ себѣ нѣкоторое примѣненіе къ корпусу. Въ послѣднее время Меккель указалъ на неудобство дѣленія корпуса на двѣ части: корпусный коман-

диръ долженъ будетъ или разорвать связь въ дивизіяхъ, если онъ не хочетъ оставаться въ нейтральномъ положеніи, или, щадя эту связь, самъ стать нейтральнымъ. И то и другое худо.

Однако это дѣленіе корпуса на двѣ дивизіи развилось въ Пруссіи исторически и такъ тѣсно связано съ общей мирной организаціей арміи, что уничтожить его безъ нарушенія послѣдней— невозможно. Поэтому, до тѣхъ поръ, пока существуетъ настоящая военная система, мы должны довольствоваться дѣленіемъ корпуса на двѣ дивизіи; до тѣхъ поръ и корпусная артиллерія останется необходимою третьею частью корпуса. Распредѣленіе ея по дивизіямъ, какъ это уже часто предлагалось, можетъ принести тотъ вредъ, что лишитъ командира корпуса дѣйствительнѣйшаго и лучшаго средства для его личнаго вліянія на ходъ боя и для достиженія превосходства въ силахъ на рѣшительномъ пунктѣ.

Кавалерійская дивизія.

Въ настоящее время корпуса уже не составляютъ единственныхъ большихъ тактическихъ единицъ, которыя употребляются для самостоятельныхъ операцій; главнокомандующіе арміями имѣютъ еще дѣло съ кавалерійскими дивизіями. Эти послѣднія, формировавшіяся въ прежнія времена только съ объявленіемъ войны, нынѣ содержатся и въ мирное время или собираются періодически для различныхъ упражненій. Для силы этихъ дивизій нельзя дать такой опредѣленной нормы, какъ для корпуса. Составъ ея выработался вслѣдствіе условій организаціи и теоретическаго расчета и, какъ сама кавалерійская дивизія, есть въ нѣкоторомъ родѣ искусственный продуктъ.

Рѣшающее средство въ бою кавалеріи заключается въ коротком ударѣ на полномъ скаку лошади, причемъ случайности играютъ не маловажную роль. Кавалерія должна умѣть пользоваться благопріятными для нея минутами боя и, наоборотъ, противостоять неблагопріятнымъ его перипетіямъ. Поэтому кавалерію располагаютъ обыкновенно въ нѣсколько линій, которыя, поддерживая одна другую, и ведутъ бой. При этомъ полагаютъ, что самое раціональное—ставить ее въ три линіи, а именно: первая линія— для удара, вторая—маневрирующая или поддерживающая непо-

средственно первую линію и третья — резервная, всегда готовая поддержать обѣ передніи. Одинъ полкъ въ четыре эскадрона слишкомъ малъ и легокъ для удара, а тремя полками уже трудно управлять: поэтому остановились на томъ, чтобы составлять каждую линію изъ бригады въ два полка т. е. въ 8 эскадроновъ. При этомъ всѣ три линіи должны быть одинаковой силы, такъ какъ нельзя заранѣе опредѣлить, которою линіею придется нанести ударъ, которою маневрировать и которую, наконецъ, оставить въ резервѣ для рѣшенія или возстановленія боя.

Сущность и преимущество трехъ-линейной тактики современной германской конницы заключается въ томъ, что является полная возможность возлагать на любую линію основную роль другой, вслѣдствіе чего получается большая свобода въ пользованіи благопріятными условіями боя. Весьма часто будетъ очень выгодно измѣнить существующее правило—употреблять первую линію для атаки, а вторую для маневрированія, и для того, чтобы скрыть отъ противника истинное направленіе удара, наоборотъ, маневрировать первою линіею, а атаковать второю; третья же линія почти всегда сохранитъ свое назначеніе рѣшать участь боя или, въ случаѣ неудачи, служить послѣднею опорою.

Принятая теперь всюду и превратившаяся, вслѣдствіе этого, въ необходимость, придача къ кавалерійскимъ дивизіямъ конной артиллеріи всегда выгодна, и не только для того, чтобы открыть конницѣ тѣснины, занятыя непріятелемъ, но и для того, чтобы неожиданнымъ дѣйствіемъ огня подготовлять атаку.

Поэтому германскія кавалерійскія дивизіи состоятъ изъ трехъ бригадъ, каждая въ 8 эскадроновъ, и одной или двухъ конныхъ батарей.

Корпуса, пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи суть главныя тактическія единицы для веденія войны въ большихъ размѣрахъ. Въ прежнія времена еще считали нужнымъ придавать арміи особый артиллерійскій резервъ, который въ большихъ рѣшительныхъ сраженіяхъ игралъ для главнокомандующаго такую же роль, какъ корпусная артиллерія для командира корпуса. Но употребленіе его ограничивалось однимъ или двумя случаями за всю кампанію.

и трудъ — таскать за арміею такой неповоротливый артиллерійскій обозъ — не вознаграждался. Къ тому же, главнокомандующій можетъ во время сраженія образовать какую ему угодно артиллерійскую массу изъ корпусной артиллеріи нѣсколькихъ корпусовъ. Если эта масса поставлена за боевою линіею, какъ резервъ для нанесенія послѣдняго удара, то употребленіе корпусной артиллеріи, какъ артиллерійскаго резерва арміи, есть единственное средство для извлеченія пользы изъ оставшагося еще богатаго запаса артиллеріи.

Прочія подраздѣленія войсковыхъ частей имѣютъ меньшее значеніе.

Дѣленіе пѣхотной дивизіи на двѣ бригады по шести баталіоновъ, или на четыре полка по три баталіона, или же только на три четырехъ-баталіонныхъ полка не представляетъ существенной разницы. Намъ кажется, что послѣднее дѣленіе цѣлесообразнѣе, но условія мирнаго времени заставляютъ въ Германіи придерживаться второго.

Интересно еще найти норму для наименьшихъ тактическихъ единицъ. До сихъ поръ въ пѣхотѣ опредѣляли ее количествомъ людей, которыми можно было бы управлять при всевозможныхъ обстоятельствахъ голосомъ одного человѣка; такое количество людей представляетъ баталіонъ въ 1000 человѣкъ; на роту же смотрѣли только какъ на административную единицу, установленную для болѣе удобнаго обученія людей и для хозяйственныхъ цѣлей.

Можно было бы принять за рѣшающее этотъ вопросъ условіе и то, что наименьшею тактическою единицею должно признать такую часть, которая еще могла бы появиться на полѣ сраженія, не подвергаясь опасности быть сейчасъ же разстроенною огнемъ противника. Всюду замѣчено, что баталіонъ предетавляетъ слишкомъ большую цѣль и что поэтому, входя въ сферу непріятельскаго огня, онъ долженъ раздѣлиться на свои 4 роты. Это доказываетъ, что баталіонъ уже не можетъ считаться наименьшею боевою единицею въ пѣхотѣ и что это значеніе перешло къ ротѣ въ 250 человѣкъ. Въ корпусѣ же рота много и непосредственное управленіе 100 ротами невозможно, по крайней мѣрѣ гораздо труднѣе, чѣмъ управленіе 25 баталіонами. Даже полковому

командиру было бы трудно управлять 12 отдѣльными ротами и поэтому совершенно цѣлесообразно оставить дѣленіе на баталіоны и сохранить за ними, какъ прежде, значеніе тактической единицы; при этомъ каждый пойметъ, что въ сущности они только для того, чтобы облегчить управленіе и движеніе большихъ массъ.

Въ кавалеріи за наименьшую тактическую единицу приняли, на основаніи опыта, эскадронъ въ 150 всадниковъ, потому что такое количество людей и лошадей есть наибольшее, за которымъ во всѣхъ мелочахъ можетъ наблюдать одинъ человѣкъ. Нѣчто подобное встрѣчается у сельскихъ хозяевъ сѣверной Германіи: если хозяйство требуетъ болѣе чѣмъ 150 человѣкъ и такое же количество лошадей и скота, то онъ считаетъ необходимымъ дѣлить свое хозяйство.

Точно также пришли къ убѣжденію, что 6 орудійная батарея есть наименьшая часть, которая можетъ быть тактической единицей въ артиллеріи. Прежде сила тактической единицы находилась между 6—12 орудіями, а въ старыя времена, напримѣръ во время семилѣтней войны, постояннаго дѣленія на батареи не было и ихъ, по мѣрѣ надобности, составляли изъ находившагося при арміи артиллерійскаго парка.

Итакъ, баталіонъ въ 1.000 человѣкъ, эскадронъ въ 150 всадниковъ и батарея въ 6 орудій представляютъ въ Германіи наименьшія части войскъ, и армейскій корпусъ съ своими двумя пѣхотными дивизіями, стрѣлковымъ баталіономъ и корпусной артиллеріей состоитъ изъ 25 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 14—16 батарей или 25,000 пѣхоты, 1,200 всадниковъ и 84—96 орудій; прибавивъ къ этому штабы, піонеровъ и артиллерійскую прислугу, мы и получимъ круглымъ числомъ 30,000 человѣкъ [1]). Кавалерійская дивизія въ три бригады, по восьми эскадроновъ каждая, съ двумя конными батареями содержитъ 3,600 всадниковъ съ 12 орудіями.

Что касается до частей войскъ, не принадлежащихъ къ составу полевой арміи, то здѣсь гораздо болѣе простора для орга-

[1]) Въ приложеніи приведенъ нормальный составъ мобилизованнаго корпуса и расчетъ его походной колонны.

низаціи ихъ высшаго управленія. Резервно-полевыя войска (Feld-Reserve-Truppen) могутъ быть организованы, какъ и полевая армія, т. е. сведены въ дивизіи и даже корпуса. Для гарнизонныхъ войскъ (Besatzungs-Truppen) такая организація цѣлесообразна только въ такихъ случаяхъ, когда они собраны въ большомъ количествѣ для какого-нибудь общаго порученія, напримѣръ, для охраненія какой-нибудь области, большого города, укрѣпленной позиціи, береговой полосы и т. п. Въ остальныхъ случаяхъ лучше такія войска оставлять не сведенными въ крупныя части, такъ какъ при практическомъ употребленіи ихъ придется въ силу обстоятельствъ почти всегда опять разъединять.

На этомъ мы и закончимъ разборъ состава и раздѣленія нашихъ армій.

5. Корпусъ офицеровъ.

„Духъ прусской арміи сидитъ въ ея офицерахъ". Это изрѣченіе Рюхеля могло быть въ свое время осмѣиваемо за свою нѣсколько странную форму, но смыслъ его вѣренъ. Качество состава корпуса офицеровъ имѣетъ рѣшительное вліяніе на качество всей арміи. Въ этомъ случаѣ повторяется тоже самое, что наблюдается всюду въ политической жизни. Пока высшіе, образованные и руководящіе классы общества сохраняютъ свои доблести, до тѣхъ поръ и низшіе классы остаются сильными и способными. И наоборотъ, упадокъ высшихъ слоевъ общества влечетъ за собой упадокъ всей націи, если только какая-нибудь большая соціальная революція, отстранивъ эти испорченные классы, не замѣнитъ ихъ новыми; но подобный переворотъ не на долго отсрочитъ паденіе націи и никогда не уничтожитъ опасности совершенно. Въ этомъ случаѣ живымъ поучительнымъ примѣромъ служитъ турецкій народъ, судьба котораго показываетъ, каковъ историческій удѣлъ мужественнаго, честнаго, храбраго и глубоко-религіознаго народа при отсутствіи руководства высшаго сословія. Точно также самый лучшій контингентъ солдатъ при плохихъ офицерахъ дастъ всегда весьма посредственную армію.

Поэтому корпусъ офицеровъ долженъ комплектоваться изъ лучшихъ сословій народа и изъ такихъ преимущественно, кото-

рія имѣютъ естественный авторитетъ надъ массой уже въ обыденной жизни. Фридрихъ Великій, творецъ прусскаго корпуса офицеровъ, пополнялъ его исключительно изъ потомственнаго дворянства, которое въ то время, по своему общественному положенію, воспитанію и преданіямъ, только одно могло дать требуемыя силы. Когда измѣнилось это условіе, то измѣнился и составъ корпуса офицеровъ и хотя онъ въ настоящее время въ Германіи и пополняется еще изъ аристократіи народа, но подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть аристократію по образованію, которая руководитъ въ настоящее время общественною и политическою жизнью народа. Образованію въ настоящее время совершенно справедливо придаютъ особенное значеніе, потому что оно служитъ основаніемъ для благородныхъ, нравственныхъ качествъ. Однако не слѣдуетъ имѣть въ виду только одно научное образованіе: надлежащимъ образомъ развитые сердце и характеръ точно также должны быть приняты во вниманіе. Отъ офицера требуется, чтобы онъ въ интересахъ своей службы отказывался отъ личныхъ выгодъ, пріобрѣтеній и благосостоянія; поэтому для доставленія контингента офицеровъ пригодны только такіе классы населенія, которые по своему положенію призваны служить не личнымъ интересамъ, но высшему общему дѣлу. Въ такихъ сословіяхъ сыновья уже примѣромъ отцовъ научаются исполнять свой долгъ. Величайшій врагъ хорошаго корпуса офицеровъ есть эгоизмъ, и всякое занятіе, которое способно содѣйствовать его развитію, вредно. Поэтому очень раціонально придавать корпусу офицеровъ характеръ такого сословія, въ которомъ каждый членъ равенъ другому по своему общественному положенію, въ которомъ всѣ имѣютъ общіе интересы и общія обязанности и въ которомъ вся корпорація отвѣтствуетъ за каждаго отдѣльнаго человѣка. Благодаря подобной организаціи, корпусъ офицеровъ представляетъ нѣкоторыя особенности, которыя напоминаютъ бывшія орденскія братства въ лучшую пору ихъ существованія. Онъ и долженъ являть собою настоящее рыцарство.

Идеальная черта должна быть присуща всему сословію, иначе оно не выполнитъ своей задачи. Въ чемъ состоитъ эта черта? Въ труднѣйшіе моменты своей жизни, именно въ минуты смер-

тельной опасности, офицеръ долженъ руководить массой людей и сохранять надъ ними свое вліяніе. Подобное выдающееся качество не можетъ быть врожденнымъ у всѣхъ членовъ корпуса офицеровъ; но можетъ быть до высокой степени развито раціональнымъ воспитаніемъ и, преимущественно, продолжительнымъ общеніемъ съ лучшими людьми народа. Все это, конечно, можетъ быть достигнуто только при единствѣ общественнаго положенія.

Вліяніе на солдатъ должно быть достигнуто офицерами еще въ мирное время правильнымъ употребленіемъ, при воспитаніи и образованіи ихъ, превосходства своего ума и характера. Прежде всего офицеры должны заботиться о благополучіи солдата. Внутренній упадокъ корпуса офицеровъ и вліянія ихъ на солдатъ начинается, какъ только офицеры перестаютъ заботиться о нижнемъ чинѣ и ограничиваются только отдачей приказаній. Если господство офицеровъ надъ войсками становится шумнымъ, то значитъ почва подъ ихъ ногами колеблется; чѣмъ слабѣе дисциплина въ войскахъ, тѣмъ она болѣе принимаетъ деспотическій характеръ.

На войнѣ, рядомъ съ пріобрѣтеннымъ вышеупомянутымъ вліяніемъ, еще нуженъ примѣръ, и гораздо большій, нежели въ мирное время: офицеръ не долженъ дорожить жизнью. Только для того, чтобы воодушевить своихъ солдатъ, онъ долженъ иногда подвергать себя большей опасности, нежели того требуютъ обстоятельства боя въ данную минуту. Выставляя себя безстрашнымъ и готовымъ къ самопожертвованію, онъ возбудитъ благородныя побужденія солдатъ, которыми только и можно достигнуть блестящей дѣятельности.

Поэтому корпусу офицеровъ, въ силу внутренней необходимости, должно принадлежать преимущественное положеніе въ государствѣ. „Noblesse oblige“. Кто въ жизни привыкъ считать себя чѣмъ-то особеннымъ, тотъ и на войнѣ будетъ считать своею обязанностью сдѣлать что-нибудь особенное и, наоборотъ, кто находится постоянно въ угнетенномъ и невидномъ положеніи, тотъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ выкажетъ стремленіе выдвинуться впередъ. Рабы всегда трусливы, и рабство печальной жизненной обстановки удручаетъ не менѣе, чѣмъ всякое другое.

Оно отнимаетъ у человѣка сознаніе собственнаго достоинства, необходимое для офицера, какъ насущный хлѣбъ, чтобы сохранить свой авторитетъ и при тяжелыхъ условіяхъ боевой и походной жизни.

Общественныя преимущества, присущія офицерскому сословію, суть капиталъ, положенный на проценты. Даже и тѣ предразсудки, которые кое-когда пріобрѣтаетъ офицеръ, если онъ съ молодыхъ лѣтъ видитъ для себя большій почетъ, нежели для своихъ сверстниковъ, оплачиваются съ пользой для отечества на полѣ сраженія. Офицеръ долженъ повелѣвать и руководить, и потому онъ долженъ гордиться своимъ положеніемъ, и нѣтъ особеннаго вреда, если онъ будетъ проникнутъ нѣсколько болѣе высокимъ мнѣніемъ о достоинствѣ и значеніи своего положенія, чѣмъ это, можетъ-быть, желательно при другихъ обстоятельствахъ.

Если принять во вниманіе, что офицеръ долженъ еще отказаться отъ мысли пріобрѣсть состояніе, даже и отъ постояннаго мѣста жительства, что онъ не въ силахъ достаточно обезпечить свою семью, какъ это можетъ сдѣлать землевладѣлецъ, купецъ или ремесленникъ, то покажется лишь справедливымъ наградить его за всѣ эти жертвы какими-либо наружными знаками отличія. Обыкновенно эти отличія офицерскаго званія и возбуждаютъ наибольшую зависть въ другихъ сословіяхъ, а между тѣмъ не слѣдовало бы забывать, что они составляютъ только справедливое, даже скромное вознагражденіе за большія жертвы. Ни отъ какого другого сословія не требуется, въ виду занимаемой имъ должности, постоянной готовности жертвовать жизнью.

Деккенъ еще 80 лѣтъ тому назадъ вполнѣ ясно высказался объ отношеніи корпуса офицеровъ къ государству въ слѣдующихъ словахъ:

„Эгоизмъ отъ отдѣльныхъ личностей перешелъ къ цѣлымъ сословіямъ; одно сословіе цѣнитъ другое или за выводы, которыя оно можетъ изъ него извлечь, или за сходство съ нимъ въ формахъ и степени участія въ преслѣдованіи общей цѣли. Въ монархическомъ государствѣ правительство отдаетъ преимущество дворянству, потому что можетъ всегда разсчитывать на его поддержку. Въ торговомъ государствѣ предпочитаемъ купецъ,

который, въ свою очередь, считаетъ, послѣ своей дѣятельности, мореплаваніе наиболѣе почетнымъ занятіемъ. „Личные интересы, въ зависимости отъ различія въ потребностяхъ, служатъ масштабомъ, которымъ одно сословіе измѣряетъ занятія и назначеніе другого".

„Ученый ненавидитъ войну, разгоняющую его музъ громомъ оружія. Государственный дѣятель приходитъ въ ужасъ, сосчитавъ всѣ расходы государства на поддержаніе военнаго могущества. Гражданскіе чиновники ревнуютъ къ той частицѣ власти, которую они должны уступить военнымъ начальникамъ, и даже часто обращаются съ солдатами, какъ съ подданными другого государства. Моралистъ досадуетъ, глядя на веселый образъ жизни офицеровъ, между тѣмъ какъ молодой щеголь завидуетъ ихъ красивому мундиру и шпагѣ. Крестьянинъ же не можетъ простить солдату того, что онъ вербуетъ его сыновей и работниковъ".

„Разъ только кто-нибудь имѣлъ несчастье навлечь на себя нашу немилость, то мы всегда стараемся замѣчать всѣ его ошибки, даже и самыя незначительныя, которыя прежде не обратили бы нашего вниманія, и, наоборотъ, совершенно забываемъ его заслуги. Если мы почувствовали предубѣжденіе противъ какого-нибудь сословія, то каждый новый поводъ, усиливающій въ насъ это чувство, можно разсматривать, какъ незамѣтную сначала прибыль воды, благодаря которой, однако, ручей дѣлается громаднымъ потокомъ."

„Поэтому, когда вслѣдствіе долгаго мира окончательно забываются бывшія заслуги арміи и не предвидится новой войны, граждане начинаютъ все болѣе и болѣе тяготиться заботами, сопряженными съ содержаніемъ арміи, и стараются доказать себѣ безполезность военныхъ учрежденій, причемъ обыкновенно въ кажущихся доказательствахъ недостатка не встрѣчается."

Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ Германіи, положеніе офицерскаго сословія довольно благопріятное. Недавнія большія, счастливыя войны возвысили значеніе его и смягчили нерасположеніе къ нему другихъ сословій. Но настанутъ когда-нибудь времена долгаго мира, когда придется снова напомнить, что вѣчныя преимущества военнаго и, тѣмъ болѣе, офицерскаго званія

не только могутъ быть безъ вреда сохранены, но даже приносятъ пользу. Если общественное положеніе корпуса офицеровъ принижено, то онъ можетъ дать только прекрасныхъ, миролюбивыхъ и прилежныхъ гражданъ, но онъ будетъ бѣденъ предпріимчивыми и отважными воинами. Безъ общественныхъ преимуществъ офицерское сословіе опустилось бы до весьма незавидnаго уровня, такъ какъ въ гражданской жизни главную роль играетъ состояніе, а наши офицеры—слава Богу—по преимуществу бѣдны, какъ церковныя мыши.

Офицеръ до сравнительно преклонныхъ лѣтъ долженъ сохранять юношескую свѣжесть. На войнѣ его обязанность—рисковать, при весьма невѣрныхъ шансахъ, своимъ благосостояніемъ, жизнью и славою. Поэтому, рядомъ съ собственно военными качествами, онъ долженъ обладать еще извѣстнымъ легкомысліемъ, которое даетъ просторъ его надеждамъ и не позволяетъ слишкомъ трагически смотрѣть на вещи. Сохранять же это тому, кого полная труда и заботъ жизнь уже согнула, навряд ли возможно. Создать офицеру обезпеченное положеніе, по не болѣе, является обязанностью, которую государство должно стараться осуществить въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Офицеры, влачащіе въ неизвѣстности печальное существованіе и ожидающіе съ нетерпѣніемъ той минуты, когда, скинувъ съ себя блестящую нищету, они будутъ имѣть возможность гдѣ-нибудь въ тиши доживать остатки дней своихъ на скромной пенсіи—такіе офицеры мало принесутъ пользы и войску и отечеству.

Откуда этимъ людямъ получить живую и мужественную энергію, столь необходимую для вождя въ бою? Надо позаботиться также и о тѣлесной бодрости. Не мало требовать отъ человѣка 50—60 лѣтъ, отца семейства, стремглавъ нестись во главѣ своихъ эскадроновъ на непріятельскіе штыки, скача черезъ заборы и канавы. Пусть предложатъ эти же требованія какому-нибудь частному лицу тѣхъ же лѣтъ, напримѣръ: купцу, собственнику, фабриканту, рантье и т. п.: навѣрно, между ними найдутся немногіе, которые не отклонятъ этого предложенія, какъ несоотвѣтствующаго ихъ лѣтамъ сумасбродства.

Офицеръ въ продолженіе всего своего поприща долженъ со-

хранить часть юношеской отваги, а это онъ можетъ сдѣлать только тогда, когда его жизнь будетъ достаточно обезпечена отъ тяжелыхъ заботъ обыденной жизни. Черезъ все его существованіе должна проходить извѣстная аристократическая черта.

Если отечество доставляетъ своимъ офицерамъ видное и достаточное положеніе, то оно этимъ исполняетъ долгъ мудрости и самосохраненія, потому что отъ дѣятельности и хорошихъ качествъ этого сословія зависитъ больше, чѣмъ отъ всякаго другого сословія, а именно—честь и свобода всего народа.

Въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ арміяхъ пріобрѣтаютъ серьезное значеніе офицеры, состоящіе въ запасѣ арміи (Offiziere des Beurlaubtenstandes), которые оставляютъ свои частныя занятія только тогда, когда война призываетъ ихъ подъ знамена или когда учебныя цѣли требуютъ ихъ дѣятельности. Классъ такихъ офицеровъ носитъ въ разныхъ государствахъ различныя названія, но назначеніе ихъ всюду одинаковое.

Ни одно государство не имѣетъ средствъ содержать въ мирное время на дѣйствительной службѣ то количество офицеровъ, которое требуется въ случаѣ войны для арміи, увеличивающейся при мобилизаціи втрое и болѣе. Въ Германіи къ этому еще присоединяется и то затрудненіе, что въ данномъ случаѣ для комплектованія офицерами приходится прибѣгнуть, кромѣ сословій, предназначенныхъ для этого, еще и къ другимъ.

Даже собственно полевая армія не можетъ быть вполнѣ укомплектована строевыми офицерами полевыхъ войскъ, такъ какъ формированіе новыхъ, при мобилизаціи необходимыхъ, штабовъ поглощаетъ почти всѣхъ офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ (Berufsoffiziere). Невозможно избѣжать, чтобы послѣ первыхъ же кровопролитныхъ сраженій многія роты полевой арміи не перешли въ руки резервныхъ офицеровъ. Въ концѣ войны 1870—71 г. очень часто командовали ротами даже вице-фельдфебели; уже въ декабрѣ 1870 года одна изъ баварскихъ пѣхотныхъ дивизій понесла такія потери, что изъ всѣхъ выступившихъ въ кампанію офицеровъ оставался въ строю только одинъ капитанъ полевыхъ войскъ; остальные же всѣ были замѣнены резервными офицерами. Невольно спрашиваешь себя, что было бы, если бы война продолжилась еще

на годъ или два. Вслѣдствіе этого вырабатывается убѣжденіе, что въ будущемъ наступитъ такое время, когда въ рукахъ офицеровъ полевыхъ войскъ сосредоточится только высшее командованіе; всѣ же низшія мѣста будутъ заняты резервными и ландверными офицерами.

Кромѣ того, въ продолженіе кампаніи можетъ возникнуть надобность въ формированіи новыхъ частей для пополненія убыли или для уравновѣшенія силъ противника; количество же полевыхъ офицеровъ къ этому времени будетъ уже давно израсходовано. Тогда только корпусъ запасныхъ офицеровъ и можетъ еще дать начальниковъ. Отъ ихъ годности будетъ зависѣть успѣхъ, потому что только подъ руководствомъ и командою хорошаго начальника могутъ образоваться хорошіе солдаты.

Итакъ, важность созданія запаса офицеровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и необходимо только, чтобы она сознавалась всѣми.

Не каждый чувствуетъ охоту и призваніе посвятить себя въ мирное время военной службѣ въ офицерскомъ званіи; но каждый, способный носить оружіе и принадлежащій къ высшимъ классамъ общества, долженъ былъ бы поставить себѣ въ обязанность подготовиться въ мирное время къ тому, чтобы въ случаѣ надобности быть въ состояніи замѣнить собою убывшаго офицера дѣйствующей арміи. На войнѣ всѣ служебныя отношенія являются болѣе простыми, и обязанности офицера, за весьма малыми исключеніями, можетъ исполнить всякій образованный человѣкъ, если онъ силенъ, здоровъ и имѣетъ твердое намѣреніе исполнить ихъ; въ свою очередь, это намѣреніе найдется, если явится убѣжденіе въ важности дѣла. Достиженіе офицерскаго званія во время состоянія въ запасѣ не должно считаться актомъ, который совершается только чести ради; оно имѣетъ и практически важное значеніе и идеальное достоинство.

Даже въ мирное время офицеры запаса имѣютъ весьма важное значеніе—они служатъ связью между арміей, высокое назначеніе которой они понимаютъ лучше простыхъ солдатъ, и народомъ; поэтому они наиболѣе способны широко распространять должное пониманіе и любовь къ военной службѣ и быть дѣятельными защитниками всѣхъ интересовъ войска.

Германія, безъ сомнѣнія, обладаетъ самымъ лучшимъ матеріаломъ для огромнаго и превосходнаго корпуса офицеровъ запаса и могущественными традиціями. Въ сущности, въ нашемъ отечествѣ каждый переживаетъ такой періодъ жизни, въ которомъ у него является охота къ военной службѣ. Землевладѣлецъ, фабрикантъ, юристъ, чиновникъ и проч., которые жизненными условіями предназначены для другой дѣятельности, ищутъ хотя службой въ резервѣ или ландверѣ удовлетворить своему желанію. Со страстью предаются они время отъ времени военнымъ упражненіямъ. И это большое счастье для отечества! Если ему придется когда-нибудь вести тяжелую борьбу съ нѣсколькими врагами, то оно найдетъ себѣ спасеніе именно въ томъ, что у него не истощится запасъ годныхъ офицеровъ; оно будетъ въ состояніи выставлять еще войска въ то время, когда его противники будутъ собирать только человѣческія массы.

Можетъ показаться несправедливымъ, что мы не требуемъ для унтеръ-офицеровъ и солдатъ тѣхъ же преимуществъ, какъ и для офицеровъ. Но это происходитъ потому, что нижніе чины принадлежатъ арміи лишь временно, и военная служба не наполняетъ всего ихъ бытья, какъ это имѣетъ мѣсто у офицеровъ. Кромѣ того, солдатъ, служа въ арміи, бываетъ еще такъ молодъ, что серьезныя заботы о жизни еще далеки отъ него; надежды на заработокъ и на обезпеченіе своей будущности гражданскою дѣятельностью не пропадаютъ у него послѣ отбыванія своей короткой службы подъ знаменами. Унтеръ-офицеры же разсчитываютъ своею службою пріобрѣсть выдающееся положеніе впослѣдствіи, чего они безъ нея не могли бы достигнуть.

Конечно, достаточное снабженіе солдата также необходимо. Солдатъ не долженъ нуждаться и, при сравненіи своей жизни въ арміи съ жизнью дома, на родинѣ, не долженъ приходить къ неблагопріятному заключенію: довольство есть немаловажный факторъ для развитія внутренней годности въ войскѣ и достигается правильнымъ отношеніемъ труда къ продовольствію. Избалованные преторіанцы будутъ также плохо служить, какъ и измученные работою и голодомъ солдаты. Гордость своимъ положеніемъ, охота и любовь къ дѣлу вырабатываются хорошимъ содержаніемъ и обращеніемъ.

Прежде всего онъ долженъ знать, что въ случаѣ болѣзни или раны онъ не впадетъ въ нужду и что въ случаѣ смерти на службѣ ему нечего безпокоиться о тѣхъ, кого онъ прокармливалъ своимъ трудомъ, такъ какъ они будутъ опезпечены правительствомъ. Отсюда происходитъ сознаніе безопасности, порождающее мужество и бодрость.

Унтеръ-офицеры и солдаты мѣняются въ современныхъ арміяхъ въ весьма короткое время, и только офицеры представляютъ постоянную часть арміи. Они-то и суть разсадники и хранители преданій; черезъ ихъ руки ежегодно проходятъ новые возрастные классы обязанныхъ службой, и весь вооруженный народъ испытываетъ ихъ вліяніе. Все, что завѣщано великими полководцами и эпохами великихъ войнъ, передается только офицерами подрастающимъ поколѣніямъ. Каковы офицеры, такова и арміи. Въ настоящее время слова Рюхеля болѣе справедливы чѣмъ когда-либо. Духъ, оживляющій корпусъ офицеровъ, есть духъ войска.

II.

УПРАВЛЕНІЕ ВОЙСКАМИ.

1. О Полководцѣ.

Хотя объ управленіи войсками и о полководцѣ слѣдовало бы говорить послѣ разсмотрѣнія движенія войскъ и боя, но такъ какъ многое изъ того, что говорится о полководцѣ, находится въ тѣсной связи съ только-что сказаннымъ о корпусѣ офицеровъ, то мы и даемъ главѣ о полководцѣ мѣсто здѣсь.

Исторія даетъ намъ высокое понятіе о важномъ значеніи полководца. Такъ мы видимъ македонянъ, побѣждавшихъ въ десять разъ сильнѣйшаго врага, и не сомнѣваемся въ томъ, что они были бы разбиты, если бы во главѣ ихъ стоялъ не Александръ, а кто-нибудь другой. Аннибалъ временно сдѣлалъ карѳагенянъ побѣдителями самаго воинственнаго народа въ мірѣ. Только геній Цезаря могъ торжествовать при Алезіи, Фарсалѣ и Александріи. Фридрихъ Великій боролся противъ цѣлой Европы еще и тогда, когда его лучшіе солдаты были убиты или лежали раненые и больные въ госпиталяхъ, а подъ его знаменами находилась лишь армія, навербованная изъ всякаго сброда. Французы, разбитые подъ Росбахомъ, прошли потомъ побѣдоносно всю Европу, когда ими руководилъ Бонапартъ. Великіе полководцы были даже въ состояніи придать славу и силу оружію совсѣмъ угнетенныхъ или отживающихъ націй, какъ то показали Аристоменъ, Велизарій, Нарзесъ и Аэцій. Даже персы еще въ половинѣ прошлаго столѣтія предприняли громадные завоевательные походы и проникли до Дели, когда ихъ властелиномъ сталъ Надиръ-Шахъ. Часто со смертью или прекращеніемъ дѣятельности великаго полководца падала и военная слава народа. Какъ только Алкивіадъ пересталъ предводительствовать аѳинянами, такъ ихъ войска были уничтожены. Участь Карѳагена быстро рѣшилась, когда онъ лишился

содѣйствія Аннибала. Послѣ смерти Чингисъ-хана и Тамерлана орды монголовъ были очень скоро отбиты и усмирены: точно также ужасъ, наводимый турками, прекратился, какъ только перестали царствовать великіе султаны. Когда среди счастливой войны Тюренн былъ убитъ, то его преемники были недалеки отъ совершеннаго пораженія и кончили тѣмъ, что едва спасли до сихъ поръ побѣдоносную армію, уведя ее назадъ за Рейнъ. Фридрихъ Великій, въ исторіи своего вѣка, пишетъ: „Удивительно, какъ конецъ царствованія Карла VI не соотвѣтствуетъ его блестящему началу. Причину этого надо искать единственно въ смерти принца Евгенія Савойскаго, такъ какъ никто не могъ замѣнить этого великаго человѣка". Еще болѣе поразительно, какъ французы въ 1813 и 1814 г. почти всегда терпѣли пораженія въ отсутствіе Наполеона и, наоборотъ, почти всегда побѣждали, когда во главѣ ихъ стоялъ Императоръ.

Изъ этихъ историческихъ примѣровъ можно было бы прійти къ убѣжденію, что на войнѣ все зависитъ гораздо болѣе отъ генія полководца, нежели отъ качествъ войскъ.

Дѣйствительно, еще и въ настоящее время можно смотрѣть на доблести главнокомандующаго, какъ на важнѣйшее условіе побѣды: и въ войнахъ будущаго времени могущество геніальной личности будетъ всегда имѣть большое вліяніе. Но, тѣмъ не менѣе, условное значеніе великаго полководца, сравнительно съ прежнимъ, измѣнилось. Въ настоящее время нужны особыя выдающіяся качества, чтобы достигнуть той высокой ступени военной іерархіи, на которой военныя качества и талантъ полководца могутъ принести пользу и, вообще, могутъ быть замѣчены. Можно съ увѣренностью сказать, что характеръ дѣлаетъ полководца. Но сильные характеры обыкновенно выражаются такимъ образомъ, что скорѣе препятствуютъ, нежели способствуютъ карьерѣ въ мирное время. Не будь французской революціи, Бонапартъ и Карно, по всей вѣроятности, кончили бы свое поприще въ чинѣ подполковника или полковника. Не родись Фридрихъ Великій принцемъ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы уволенъ со службы поручикомъ. Адольфъ Шмидтъ доказываетъ, что если бы кронпринцъ Фридрихъ, послѣ своей неудавшейся попытки къ бѣгству въ 1729 году, былъ бы казненъ, то въ настоящее

время онъ непремѣнно считался бы своенравнымъ, злымъ и мечтательнымъ или разслабленнымъ бездѣльникомъ, который ничего не любилъ, ни къ чему не имѣлъ охоты и ни къ чему не былъ годенъ: однимъ словомъ, который былъ во всемъ противоположенъ своему мудрому и благочестивому отцу [1]).

Независимо отъ окружающихъ обстоятельствъ, великіе полководцы могли являться только до тѣхъ поръ, пока войска были еще болѣе или менѣе свободныя дружины народа и во всемъ ихъ существованіи царилъ первоначальный патурализмъ. При такихъ условіяхъ энергія и сила вліянія отдѣльной личности находятъ наиболѣе широкій просторъ. Строго опредѣленныя условія культуры суживаютъ этотъ просторъ. Надиръ-Шахъ въ современной Германіи навѣрно сидѣлъ бы въ тюрьмѣ, такъ какъ онъ началъ свою карьеру атаманомъ разбойниковъ.

Годность и хорошія качества войскъ стоятъ нынѣ въ болѣе тѣсной связи съ талантами ихъ вождя, чѣмъ прежде. Только въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ существуютъ вполнѣ здравыя отношенія, могутъ во главѣ ихъ быть хорошіе генералы. Если же въ войскахъ господствуютъ любимцы и проявляется духъ отдѣльныхъ партій или если угодливость предпочитается прямотѣ и твердости убѣжденій, то хорошимъ генераламъ дорога закрыта.

Легенды о храбрыхъ войскахъ, побитыхъ только потому, что ими руководили плохіе начальники, должны теперь значительно сократиться. Какъ могутъ плохіе генералы воспитать хорошія войска и, наоборотъ, неужели люди, сумѣвшіе воспитать въ мирное время хорошую армію, окажутся ни къ чему негодными на войнѣ? Конечно, геній составляетъ исключеніе въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ достигнуть гораздо бо́льшаго тѣми средствами, которыя въ рукахъ обыкновеннаго смертнаго окажутся недостаточными. Но, вообще, хорошія войска и хорошее управленіе ими должно разсматриваться, какъ нѣчто нераздѣльное.

Такимъ образомъ мы должны разсмотрѣть не только, какими качествами долженъ нынѣ обладать человѣкъ, чтобы какъ полководецъ достигать великихъ результатовъ, но также и какія

---

[1]) Адольфъ Шмидтъ. «Эпохи и катастрофы». Берлинъ 1871 г. стр. 258.

условія должны существовать, чтобы дать возможность хорошему воину возвыситься на ступеняхъ военной іерархіи.

Въ минуты опасности полководецъ долженъ направлять массы войскъ согласно своей волѣ; поэтому въ немъ желаніе господствовать надъ людьми должно быть сильнѣе, нежели желаніе имъ нравиться. Отъ природы властолюбивыя натуры—также и хорошіе воины, и совершенно понятно, что величайшихъ полководцевъ надо искать на тронахъ.

Власть надъ другими людьми основывается прежде всего на твердой волѣ. Уже въ играхъ мальчиковъ выясняется, что тотъ, кто умѣетъ выражать свою волю наиболѣе твердымъ образомъ, становится предводителемъ. Одни подчиняются ему вслѣдствіе удобства, другіе же по недостатку довѣрія къ своимъ собственнымъ силамъ. Въ позднѣйшей жизни повторяется то же самое. Опредѣленно и твердо выраженное требованіе рѣдко встрѣчаетъ возраженіе. Въ немъ есть что-то импонирующее, а человѣческая масса того и требуетъ, чтобы покорно слѣдовать за вождемъ; она черпаетъ въ этомъ сознаніе собственной безопасности, которое возвышаетъ ея храбрость и способность къ дѣятельности.

Сильная воля немыслима безъ самоувѣренности; хотя это послѣднее и предполагаетъ нѣкоторую односторонность, но воину это полезно. Богато одаренныя натуры легко принимаютъ универсальное направленіе, которое вредно дѣйствуетъ на результаты тѣсной сферы походной жизни; онѣ, большею частью, слишкомъ ясно понимаютъ истинное значеніе вещей, скорѣе другихъ распознаютъ колебанія и опасности. Отсюда рождается сомнѣніе, уничтожающее вѣру въ себя и являющееся врагомъ всякаго успѣха. Шарнгорстъ, на военномъ совѣтѣ, собранномъ 5-го октября 1806 года въ прусской главной квартирѣ, въ Эрфуртѣ, высказалъ слѣдующую знаменательную мысль: „На войнѣ менѣе важенъ вопросъ о томъ, что дѣлать, чѣмъ приведеніе задуманнаго въ исполненіе съ должнымъ единодушіемъ и твердостью". Его мнѣніе не было, однако, принято и, хотя на этомъ совѣтѣ не было недостатка въ способныхъ головахъ, все-таки, въ исполненіе были приведены только маловажныя распоряженія. Даровитые люди

обыкновенно слишкомъ долго отыскиваютъ наилучшее средство, упуская изъ вида, что прежде всего важно своевременно употребить сообразное обстоятельствамъ средство. Какъ много интеллигенція, пользующаяся въ мирное время наибольшимъ уваженіемъ, теряетъ значенія въ военное время, въ сравненіи съ волею, показываютъ результаты всѣхъ почти военныхъ совѣтовъ, хотя на нихъ собираются безспорно опытные и умные люди, составляющіе интеллигенцію арміи [1]). Поэтому-то Фридрихъ Великій и запретилъ своимъ генераламъ когда-либо собирать военные совѣты, такъ какъ, будучи мудрымъ сердцевѣдомъ, онъ зналъ, что эти совѣты кончаются всегда ничѣмъ другимъ, какъ торжествомъ робкой партіи. Собранная въ совѣтѣ интеллигенція не приноситъ иной пользы, кромѣ того, что вѣрно выискиваетъ всѣ слабыя стороны своего положенія и доказываетъ, какъ опасно на войнѣ всякое предпріятіе. Все это еще болѣе безпокоитъ и ослабляетъ волю главнокомандующаго и потому „военный совѣтъ" стало опаснымъ выраженіемъ, отголоскомъ котораго бываютъ обыкновенно слова: капитуляція или перемиріе. Военный совѣтъ возникалъ всегда отъ предчувствія приближающагося несчастья и отъ желанія главнокомандующаго раздѣлить отвѣтственность съ другими. Нужны не высоко умныя головы, но люди съ твердою волею и полные довѣрія къ себѣ.

Твердая воля хотя и составляетъ качество, которымъ можно гордиться, но оно непріятно тому, кто имъ обладаетъ, такъ какъ ваваливаетъ на него постоянно всю тяжесть отвѣтственности.

Смѣлость брать на себя отвѣтственность и охота нести ее на себѣ—необходимыя, но рѣдкія качества для полководца. Много людей безъ оглядки бросаются въ самую сильную опасность, если только отвѣтственность за нихъ несетъ кто-нибудь другой; и они же робки, если имъ приходится брать отвѣтственность на себя:

[1]) Въ мирное время, когда воля и готовность къ отвѣтственности подвергаются меньшимъ испытаніямъ, чѣмъ на войнѣ, оцѣнивать офицеровъ почти исключительно по ихъ умственному развитію, между тѣмъ какъ на войнѣ они въ весьма незначительной степени способствуютъ ея успѣху: поэтому и нерѣдки примѣры, что начальники, подававшіе въ мирное время большія надежды, заставляютъ разочаровываться въ себѣ.

вѣдь въ несчастномъ случаѣ это значитъ брать на себя и всю вину. Какъ дѣти, которыя, натворивъ что-нибудь, говорятъ прежде всего: „это ты сдѣлалъ!“ также дѣлаютъ на войнѣ взрослые люди. Когда передъ ихъ глазами открывается поле, усѣянное трупами, то для нихъ нѣтъ лучшаго сознанія, какъ: „это не моя вина“. Это есть одна изъ лучшихъ тайнъ человѣческой натуры, что человѣкъ боится болѣе своей вины, нежели послѣдствій несчастья. Поэтъ, жалующійся на „небесныя силы“ въ слѣдующихъ словахъ:

„Вы допускаете бѣдняка сдѣлаться виновнымъ“

„И предоставляете его потомъ мученіямъ совѣсти!“

хорошо подмѣтилъ тайныя складки нашей души. Поэтому готовность взять на себя отвѣтственность есть драгоцѣнный даръ боговъ, который одинъ, самъ по себѣ, побуждаетъ полководца на великія предпріятія. Ибо, въ случаѣ недостатка въ немъ опытности или ума, онъ всегда найдетъ способныхъ помощниковъ, которые дополнятъ его въ этомъ отношеніи.

Смѣлость брать на себя отвѣтственность происходитъ отъ благородства души, которое должно быть присуще полководцу и которое облагораживаетъ все его существо. Это есть чувство величія, возвышающее его надъ толпой, не дѣлая его надменнымъ. Чувство это бываетъ врожденное, но можетъ также быть развито опытомъ жизни. Жестокія испытанія очищаютъ хорошіе характеры; они учатъ также мало думать о земныхъ радостяхъ и горѣ, неустрашимо смотрѣть въ глаза возможностямъ переживать новыя несчастія, переносить обвиненія, будучи невиннымъ, навлечь на себя обвинительный приговоръ толпы и немилость или ненависть сильныхъ міра сего. Точно также благородство души развивается многосторонними и основательными познаніями; хотя они и доказываютъ, что однимъ человѣческимъ умомъ, вообще, не многаго можно достигнуть, но, съ другой стороны, они же учатъ, что война не представляетъ неразрѣшимыхъ загадокъ, что большею частью достаточно простого примѣненія естественныхъ умственныхъ силъ и что въ способѣ веденія войны нигдѣ нѣтъ такого темнаго уголка, для освѣщенія котораго необходимо было бы какое-нибудь волшебство. Знаніе увеличиваетъ увѣренность, а невѣжество есть начало мораль-

наго разложенія. Сознаніе, что вполнѣ владѣешь данным матеріаломъ и что приходится бороться развѣ только со случайностями, закаливаетъ увѣренность въ самомъ себѣ; оно намъ говоритъ: „что могутъ сдѣлать другіе—можешь сдѣлать и ты“, и желаніе властвовать и руководить возрастаетъ.

Благородство души, будь оно врожденное или пріобрѣтенное воспитаніемъ или опытомъ жизни, составляетъ то качество, которое выше всего цѣнится солдатомъ въ его полководцѣ. Оно служитъ порукою противъ дурныхъ впечатлѣній опасности и несчастья на собственное положеніе и даетъ то спокойное состояніе духа, о которое, какъ о скалы въ морѣ, разбиваются всѣ волненія. Вслѣдствіе этого въ полководцѣ является внутреннее равновѣсіе, благодѣтельное дѣйствіе котораго, подобно электрическому току, распространяется на всю армію.

„Твердый характеръ не тотъ, который только способенъ на сильныя ощущенія, но тотъ, который при сильнѣйшихъ ощущеніяхъ остается въ равновѣсіи и, несмотря на бурю, происходящую въ груди, сохраняетъ свободу благоразумія и своихъ убѣжденій, подобно стрѣлкѣ компаса на кораблѣ, застигнутомъ шкваломъ“. Этотъ „твердый характеръ“, какъ изображаетъ его Клаузевицъ, можетъ-быть, совпадаетъ съ тѣмъ, что мы здѣсь назвали благородствомъ души. Оно возбуждаетъ въ войскѣ, отъ послѣдняго солдата до генерала, довѣріе къ полководцу.

Смѣлость взять на себя отвѣтственность и благородство убѣжденій въ войнахъ нашего времени еще болѣе нужны полководцу, чѣмъ прежде. Причина этого лежитъ въ томъ, что современныя поля сраженій все болѣе увеличиваются въ своихъ размѣрахъ, и арміи, занимающія ихъ, раздѣляются на весьма значительное число отдѣльныхъ группъ. Неувѣренность начальниковъ этихъ отдѣльныхъ группъ неминуемо должна возрастать, потому что съ ихъ точки стоянія становится все труднѣе и труднѣе вѣрно оцѣнивать общее положеніе на всемъ полѣ сраженія.

Съ другой же стороны, въ настоящее время въ такой же степени уменьшилась возможность руководить свыше всѣми этими отдѣльными отрядами, и главнокомандующій теперь чаще становится въ положеніе брать на себя отвѣтственность за такія

предпріятія, на ходъ которыхъ онъ положительно не можетъ повліять. Ему приходится часто, на основаніи неладежныхъ свѣдѣній или короткихъ телеграфическихъ донесеній, не имѣя возможности лично познакомиться съ обстановкой дѣла на мѣстѣ, предписывать такія предпріятія, которыя могутъ послѣ кровавыхъ жертвъ не удаться; на него тогда падаетъ отвѣтственность, да еще и упреки. Во время франко-прусской войны такія приказанія посылались изъ Версаля на Мизеру, Луару и на сѣверъ; они имѣли счастливый исходъ, но случайности могли ихъ превратить въ несчастія. Полководецъ долженъ разсчитывать, что даже при самомъ тщательномъ взвѣшиваніи данныхъ онъ играетъ въ опасную игру, въ которой ставитъ на карту свою славу, свое положеніе, а подчасъ и свою жизнь. Тотъ французскій генералъ, который уполномочилъ своихъ подчиненныхъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда они не успѣютъ получить отъ него приказанія атаковать противника, предполагать, что это приказаніе дано и что въ этихъ случаяхъ онъ беретъ на себя отвѣтственность за ихъ дѣйствія, хорошо изучилъ какъ войну, такъ и натуру человѣка.

До введенія дальнобойнаго оружія поля сраженій были не болѣе современнаго учебнаго плаца одной бригады. Даже при посѣщеніи полей сраженій кампаніи 1864 года удивляешься, какъ незначительны всѣ разстоянія и близки другъ отъ друга тѣ отдѣльные предметы, о которыхъ говорится въ описаніяхъ; напримѣръ, намъ покажется, что при Мюсундѣ, Оберъ-Зелкѣ и Оверзе разстояніе между противниками было не болѣе того, на которое можно перекинуть камень. Посѣтившій же поля сраженій при Ватерлоо или при Гохкирхѣ еще болѣе испытаетъ это впечатлѣніе. Назрѣваніе и разрѣшеніе современныхъ сраженій было въ то время еще неизвѣстно, и возможность неожиданнаго, скрещивающагося вліянія частныхъ начальниковъ было незначительно. Передъ сраженіемъ сходились съ непріятелемъ на такое разстояніе, которое теперь менѣе дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла.

Полководецъ, прежде чѣмъ придти къ опредѣленному рѣшенію и сдѣлать всѣ распоряженія, могъ лично познакомиться съ обстановкой. Фридрихъ Великій дѣлаетъ себѣ тяжелый упрекъ за то, что при Коллинѣ онъ не осмотрѣлъ лично всей мѣстности, но ко-

тором онъ долженъ былъ атаковать. Кто захочетъ это сдѣлать въ настоящее время, навѣрно всегда опоздаетъ со своими распоряженіями.

Фридрихъ и Наполеонъ слѣдили за движеніями всѣхъ своихъ войскъ до самаго момента атаки. Но великій король стоялъ большею частью во главѣ лишь 30—50 тысячной арміи; Наполеонъ хотя руководилъ и многочисленными арміями, но онѣ у него всегда были собраны въ густыя колонны. Въ настоящее же время рѣдко возможно найти такой пунктъ, съ котораго можно было бы обозрѣвать всю позицію своихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ невозможно, по слишкомъ большому отдаленію, отдавать лично приказанія на флангахъ; часто даже приказанія, посылаемыя съ конными ординарцами, могутъ потребовать столько времени, что обстоятельства, при которыхъ они даны, совершенно измѣнятся. Извѣстія и донесенія, приходящія съ отдаленныхъ участковъ поля сраженія, бываютъ неполны и часто противорѣчатъ другъ другу. Полководецъ долженъ оцѣнивать все происходящее только на основаніи положеннаго ему. Потому-то готовность взять на себя отвѣтственность въ настоящее время требуетъ болѣе мужества, нежели сто или пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и только очень сильная, сознательная воля можетъ рѣшить современныя задачи боя.

Вѣрнѣйшій спутникъ и двигатель силы воли есть честолюбіе, которое точно также необходимо полководцу. Люди съ весьма сильной волей и отличными качествами остаются очень часто незамѣтными только потому, что въ нихъ нѣтъ внутренняго побужденія быть первымъ, идти впереди другихъ. Иные люди только въ силу случайностей, почти противъ своей воли, выказали свои дарованія, какъ, напримѣръ, Кромвель и Вашингтонъ. Совершенно несправедливо, что честолюбіе вошло въ дурную славу, и это явилось лишь вслѣдствіе того, что его часто смѣшиваютъ со стремленіемъ, домогающимся внѣшнихъ выгодъ. Истинное честолюбіе есть проявленіе естественнаго желанія всякаго человѣка продлить память о своемъ существованіи за предѣлы своей земной жизни—отнять у всеразрушающей силы нѣкоторую безсмертную часть. Безъ этого дѣятельнаго сподвижника твердая воля подвергается опасности совершенно изсякнуть, хотя бы она въ началѣ и выказалась энер-

гически. Этимъ объясняется, почему иногда даровитые люди, послѣ многообѣщающаго начала, кончаютъ въ неизвѣстности; въ этихъ случаяхъ нельзя все приписывать истощенію ихъ талантовъ. Это происходитъ или отъ ложной философіи, со временемъ научившей презирать славу и величіе, или отъ того, что зависть сверстниковъ, а можетъ-быть и недостатокъ прелестей въ легко доставшихся успѣхахъ, уничтожили охоту къ новымъ лаврамъ. Отъ всего этого предохраняетъ интенсивное честолюбіе; оно держитъ силу воли въ постоянномъ напряженіи, какъ маховое колесо машину; безъ честолюбія немыслимы великія дѣла. Съ нимъ тѣсно связана любовь къ славѣ, которая заставляетъ человѣка безостановочно стремиться къ тому, чтобы прославить въ исторіи свое имя и для этого совершать необыкновенныя дѣла. Любовь къ славѣ была пружиной, заставившей Фридриха Великаго завоевать Силезію и открыть своему государству новый путь для развитія.

Наижесточайшія испытанія выпадаютъ на долю полководца въ несчастные дни кампаніи; онъ долженъ имѣть особый даръ переносить всякаго рода разочарованія и удары судьбы. Есть многіе твердые характеры, которые при неудавшихся надеждахъ все-таки теряютъ покой, благоразуміе и терпѣніе. Качество, которое наилучшимъ образомъ противодѣйствуетъ вредному вліянію несчастія, мы называемъ величіемъ души и включаемъ его въ число качествъ, необходимыхъ нашему идеалу полководца.

Такимъ образомъ выясняется, что цѣлый рядъ высокихъ общечеловѣческихъ качествъ въ то же время суть и великія военныя качества человѣка.

Между прочими качествами, необходимыми полководцу, мы укажемъ только на тѣ, о которыхъ можно что-нибудь сказать особенное. Что въ немъ должно быть достаточно осмотрительности, мужества, смѣлости, предпріимчивости, осторожности, проницательности, упорства, надежды и т. д. мы не будемъ и говорить: это само собою разумѣется, такъ какъ эти качества нужны не только полководцу, но и каждому солдату.

Полководцу крайне необходимо основательное пониманіе тайнъ человѣческой души. Армія представляетъ изъ себя очень чувствительную массу, а не какое-нибудь мертвое строеніе или конгломе-

рать шахматныхъ фигуръ, которыми можно двигать взадъ и впередъ, по заранѣе составленному опредѣленному плану, до постановки противнику мата. Она подвержена различнымъ психологическимъ вліяніямъ, и качество ея, смотря по настроенію, будетъ различно. Несчастія придавливаютъ мужество и увѣренность въ себѣ и, напротивъ, самыя незначительныя удачи поднимаютъ надежду и поддерживаютъ бодрость. Одни и тѣ же войска въ различные періоды могутъ быть неузнаваемы. Очень часто такія впечатлѣнія, которыя въ одномъ случаѣ оказываютъ чувствительное вліяніе, при другой обстановкѣ проходятъ незамѣченными. Сколько ни говорилось и ни писалось о томъ, что частая отмѣна отданныхъ приказаній, постоянные марши взадъ и впередъ безъ очевидной цѣли или ночныя движенія приводятъ лучшую армію къ разложенію, однако рѣдко кому приходилось столько двигаться то туда, то сюда, совершать ночные марши, напрасно ждать и получать столько приказаній, которыя столько же разъ измѣнялись, какъ это случилось съ корпусомъ генерала Вердера въ періодъ съ 1-го по 10-е января 1871 года; и все-таки о деморализаціи никакого слѣда. Это объясняется тѣмъ внутреннимъ довѣріемъ, которое питало большинство солдатъ къ своимъ начальникамъ. Они прекрасно чувствовали, что, несмотря даже иногда на кажущуюся неувѣренность, ихъ ведетъ вѣрная рука и что имъ нѣтъ никакого основанія терять довѣрія. На войнѣ не такъ важенъ вопросъ—каковы требованія, сколько важно—какъ и кѣмъ они поставлены. Всякія общія правила въ этомъ случаѣ излишни и безполезны. Полководецъ долженъ умѣть заглядывать въ сердца своихъ солдатъ и въ каждый данный моментъ безъ ошибки видѣть, чего онъ именно теперь можетъ отъ нихъ требовать. Онъ долженъ быть сердцевѣдомъ (Menschenkenner). Уже Шарнгоретъ въ свое время жаловался, что психологическая часть теоріи военнаго искусства такъ мало разработана, что „главная польза изученія исторіи, т. е. познаніе человѣческаго сердца, почти совсѣмъ теряется. Между тѣмъ именно это познаніе, хотя и весьма трудное, но зато съ тѣмъ и очень полезное, пріобрѣтается легче всего изслѣдованіемъ такихъ событій, которыя являются результатомъ великихъ и широко-задуманныхъ плановъ“.

Современная военная исторія, пожалуй, еще болѣе игнорируетъ значеніе психологическаго элемента, нежели исторія прошлыхъ войнъ; она ограничивается весьма краткимъ перечисленіемъ событій или дѣлаетъ критическіе выводы, не изображая основного фона развертываемой картины. Отъ этого и происходитъ то, что многіе воины, превосходные въ остальныхъ отношеніяхъ, заблуждаются и, судя по своей личной неутомимости, требуютъ отъ своихъ подчиненныхъ непосильныхъ трудовъ или, наоборотъ, не цѣня достаточно высоко своего вліянія на войска, требуютъ менѣе того, что послѣднія могутъ сдѣлать. Условныя ученія о сбереженіи войскъ на войнѣ ведутъ, въ концѣ концовъ, къ дурнымъ привычкамъ, которыя, разъ вкоренившись, получаютъ необыкновенную мощь. Такъ, напримѣръ, „духъ прусской арміи“ въ 1806 г. не допускалъ, чтобы войска жили на средства театра войны и ложились бы подъ непріятельскимъ огнемъ [1]).

Такъ какъ каждый народъ и каждая армія, въ зависимости отъ своихъ національныхъ особенностей и своей организаціи, требуютъ различныхъ способовъ употребленія и управленія, то понятно, что у каждыхъ изъ нихъ и полководецъ долженъ обладать нѣкоторыми качествами въ особенности. Хотя натура полководца и имѣетъ почти всегда одинаковый типъ, но все-таки, смотря по національности, въ ней вырабатывается преимущественно то та, то другая черта ея. Тотъ пылъ, который проявляютъ жители южныхъ странъ, непонятенъ для уроженцевъ сѣвера: спокойная твердость послѣдняго, можетъ-быть, не увлечетъ перваго. Пониманіе своего народа и своего войска учитъ полководца находить вѣрный путь. Знаніе же человѣческой натуры вообще даетъ ему въ то же время возможность отыскать вѣрные органы для исполненія своей

[1]) При этомъ нельзя не обратить вниманія на нѣкоторую опасность, которую представляютъ занятія военной игрой и полевыя поѣздки офицеровъ генеральнаго штаба. При этихъ упражненіяхъ, которыя справедливо считаются наиболѣе дѣйствительными, обыкновенно предполагается только нормальная дѣятельность войскъ и это для того, чтобы обѣ партіи дѣйствовали при одинаковыхъ условіяхъ. Черезъ это является привычка думать, что войска только и способны на такую нормальную дѣятельность, между тѣмъ какъ на войнѣ только необыкновенная дѣятельность и дастъ успѣхъ, не говоря уже о достиженіи блестящихъ результатовъ.

воли и распредѣлять порученія между своими подчиненными сообразно ихъ силамъ и способностямъ.

Этимъ уже много сдѣлано; половину всѣхъ условій для достиженія успѣха составляетъ вѣрный выборъ людей для исполненія своихъ порученій; искусный выборъ помощниковъ можетъ замѣнить недостающія въ главнокомандующемъ качества, а присущія ему— удвоить.

Къ качествамъ, обращающимъ на себя мало вниманія, но тѣмъ не менѣе необходимымъ полководцу, принадлежитъ и *фантазія*— падчерица современнаго метода образованія. Она рисуетъ юношѣ картины славы и величія и побуждаетъ его добиваться ихъ. Впрочемъ, не въ этомъ заключается ея главная польза, потому что слишкомъ живое воображеніе можетъ имѣть слѣдствіемъ преувеличенное мнѣніе о своихъ собственныхъ силахъ и повести къ ложнымъ поступкамъ; для другихъ же цѣлей фантазія совершенно необходима полководцу. Онъ долженъ въ каждый моментъ, часто при самыхъ запутанныхъ маршахъ и предпріятіяхъ, представлять себѣ совершенно ясно какъ дѣйствительное положеніе своихъ, такъ и предполагаемое непріятельскихъ войскъ; да и не только въ данный моментъ, но онъ долженъ даже предвидѣть, какова будетъ обстановка черезъ два, три и болѣе дней. Жомини восхваляетъ эту особенность въ Наполеонѣ и объясняетъ этимъ быстроту и легкость всѣхъ его распоряженій. Ему всегда было ясно расположеніе его корпусовъ, дивизій и бригадъ въ данную минуту. Поэтому онъ ничего не забывалъ, не упускалъ изъ вида ни одного средства, которое гдѣ-либо представлялось ему для достиженія его цѣлей, думалъ о такихъ вещахъ, которыя всякій другой позабылъ бы, и былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ. Все это, по большей части, дѣло фантазіи. Она помогаетъ также при изученіи военной исторіи, которая своимъ увлекательнымъ изложеніемъ могла бы, въ свою очередь, способствовать развитію первой; она дорисовываетъ тѣ мелкія подробности и даетъ возможность дѣлать выводы, которые, можетъ-быть, только поверхностно указаны въ историческомъ изложеніи.

Однако, неограниченная фантазія, неуравновѣшенная тщательнымъ изученіемъ военной исторіи, кроетъ въ себѣ тотъ недоста-

токъ, что она видитъ опасность тамъ, гдѣ ея на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но въ боязливыхъ характерахъ эта же самая забота часто происходитъ, именно, отъ недостатка фантазіи, и результатомъ этого бываютъ тысячи сомнѣній съ массою безцѣльныхъ приказаній. Непріятель предполагается тамъ, гдѣ его никакъ нельзя ожидать, если представить себѣ его послѣднее расположеніе и принять въ расчетъ истекшее съ тѣхъ поръ время; принимаются излишнія мѣры охраненія тамъ, гдѣ, однако, можно было себѣ ясно представить, что эту обязанность уже взяли на себя другія части войскъ. Безславное раздробленіе силъ происходитъ очень часто отъ недостатка воображенія. Фантазія облегчаетъ пониманіе высшихъ приказаній и диспозицій; она приноситъ намъ большую пользу при ориентированіи на мѣстности, извлекая изъ карты живую картину и тѣмъ ускоряя распознаваніе предметовъ въ дѣйствительности. Она, вообще, болѣе чѣмъ мы думаемъ, помогаетъ намъ прилагать все теоретическое къ практикѣ.

Если бы на войнѣ было всегда время для вычисленій, то, можетъ-быть, можно было бы отказаться отъ фантазіи и отмѣривать нужное циркулемъ по картѣ. Но въ пылу и возбужденіи боя нѣтъ ни досуга, ни спокойствія для рѣшенія подобныхъ геометрическихъ задачъ. Сила воображенія должна сумѣть создать намъ ту обстановку, которая служитъ намъ основаніемъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Чтобы при этомъ не происходило никакой путаницы и излишнихъ передвиженій, полководцы не должны забывать постоянно упражнять и поддерживать свою фантазію.

Нерѣдко также умаляютъ значеніе, которое имѣетъ для полководца *хорошая память*.

Наполеонъ сравнивалъ умнаго человѣка, но безъ хорошей памяти, съ красивымъ жилищемъ безъ мебели или крѣпостью безъ гарнизона. Война есть безпрерывная борьба съ затрудненіями, которыя непріятель намъ приготовляетъ или, по крайней мѣрѣ, старается приготовить; слѣдовательно, дѣло въ томъ, что надо находить средства, чтобы постоянно выходить изъ этихъ затрудненій; при этомъ чрезвычайно полезно припомнить подобныя положенія прежнихъ временъ и даже военно-историческіе примѣры. Даже человѣкъ съ наиболѣе находчивой головой

не всегда нашелся бы, если бы хорошая память не оказывала ему существенной помощи. Кромѣ того, война требуетъ большой заботливости о безчисленныхъ мелочахъ, которыя хотя и кажутся незначительными, но на самомъ дѣлѣ имѣютъ большое вліяніе на бытъ и благосостояніе войскъ. Въ главной квартирѣ арміи всегда приходится рѣшать массу задачъ, начиная съ возвращенія на вѣрную дорогу заблудившагося обознаго рядового и доходя до вопросовъ, касающихся участи сотенъ тысячъ людей. Все это должно быть разрѣшено цѣлесообразно и быстро. Изъ этого видно, что главнокомандующему необходимо обладать особенно хорошею памятью. Впрочемъ, память, вообще, не есть нѣчто равномѣрное; она направлена на имена, личности, событія, числа и т. д. Послѣ хорошей памяти на историческія событія и географію, полководцу наиболѣе полезна память на личности, такъ какъ она ему помогаетъ назначать на извѣстныя должности годныхъ для этого людей.

Какъ одно изъ главнѣйшихъ дарованій полководца, мы хотѣли бы назвать *духъ творчества*, потому что находчивости, намъ кажется, для него недостаточно. Вообще мало людей, у которыхъ зарождаются новыя мысли, и слова Бенъ-Акиба: „все уже было прежде!“ такъ же справедливы для міра идей, какъ и для міра явленій; большинство людей хозяйничаетъ въ наше время унаслѣдованными или пріобрѣтенными идеями. На войнѣ положенія повторяются такимъ образомъ, что они сходны между собою, но это сходство никогда не бываетъ полное; масса вліяющихъ причинъ и силъ слишкомъ велика, чтобы допустить полнѣйшее тождество, и поэтому полководецъ не можетъ употребить тѣхъ же самыхъ средствъ, которыя уже были примѣнены въ подобныхъ же случаяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ способѣ приложенія этихъ средствъ должно быть что-нибудь новое. Во всякомъ случаѣ нѣкоторое добавленіе собственнаго изобрѣтенія всегда необходимо, и для этого нужна сила творчества и желаніе ею пользоваться, т. е. постоянно производительная сила.

Эта сила возбуждаетъ и поддерживаетъ способность отказываться отъ рутины и позволяетъ дѣйствовать совершенно свободно. Этимъ однимъ полководецъ пріобрѣтаетъ значительное превосход-

ство надъ противникомъ, не имѣющимъ этого дара; онъ постоянно будетъ заставать послѣдняго врасплохъ.

Если сила творчества соединяется съ силою воли, съ честолюбіемъ и съ любовью къ славѣ, то получается *жажда подвиговъ*, и справедливо утверждаютъ, что, при всѣхъ другихъ одинаковыхъ качествахъ двухъ полководцевъ, болѣе дѣятельный изъ нихъ долженъ одержать верхъ. Жажда подвиговъ создала величіе Александра Македонскаго, котораго одинъ писатель недавно сравнилъ съ вооруженнымъ странникомъ, постоянно безпокоившимся, что его кто-нибудь можетъ задержать.

Упомянувъ о жаждѣ подвиговъ, мы должны добавить, что она ставитъ большія требованія не только умственнымъ, но также и физическимъ силамъ. *Крѣпкое здоровье* и выносливость организма суть драгоцѣннѣйшія блага для полководца. Правда, бывали знаменитые генералы, которые были болѣзненны, но это только показываетъ необыкновенную силу ихъ духа и то, что они должны были бы сдѣлать еще гораздо больше, если бы часть ихъ энергіи не истрачивалась на борьбу съ тѣлесными недугами. Торстенсонъ командовалъ своими войсками съ носилокъ и предпринималъ блестящіе походы; но болѣзнь наконецъ одолѣла его, и онъ былъ принужденъ, будучи немного старше 40 лѣтъ, бросить свои войска и свои побѣды и страждующимъ удалиться въ свои имѣнія. Подагра лишила Швецію великаго генерала и цѣлаго ряда побѣдоносныхъ походовъ.

Природа требуетъ своего. Въ больномъ тѣлѣ духъ не можетъ долго сохраниться свѣжимъ и яснымъ. Забота о самомъ себѣ отвлекаетъ человѣка отъ великихъ дѣлъ, которымъ онъ долженъ былъ бы быть всецѣло преданъ.

Вдвойнѣ или даже втройнѣ необходимо хорошее здоровье для военачальниковъ въ настоящее время, такъ какъ, за исключеніемъ немногихъ привилегированныхъ своимъ высокимъ происхожденіемъ, остальнымъ приходится состариться прежде, чѣмъ они получатъ вліятельное назначеніе. Въ особенности въ германской арміи служба истощаетъ силы, и нужно обладать очень крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, чтобы достигнуть высшихъ степеней военной іерархіи еще бодрымъ.

Что счастливое матеріальное положеніе можетъ только облегчить, а не затруднить, повышеніе начинающаго военачальника, вытекаетъ уже изъ того, что было сказано объ офицерахъ вообще. Оно даетъ довѣріе къ самому себѣ и чувство независимости и, при благоразумномъ употребленіи, способствуетъ сохраненію тѣлесной бодрости и здоровья. Богатство опасно только для посредственныхъ натуръ.

Хотя само собою понятно, что *храбрость* необходима каждому солдату, однако мы должны о ней сказать еще нѣсколько словъ, потому что полководцу нужна храбрость особаго рода. Въ настоящее время отчасти справедливо говорятъ, что весь свѣтъ храбръ и что это качество не есть что-либо особенное, на которомъ можно было бы основывать дальнѣйшія надежды. Однако, „утверждать, что каждый человѣкъ храбръ, значило бы также доказывать, что каждый человѣкъ художникъ, музыкантъ или математикъ".

Боги и герои древняго міра не стыдились бѣжать въ бою отъ сильнѣйшаго противника, и за это они даже не исключались изъ круга олимпійскаго стола. Современныя понятія о мужествѣ, когда воинъ презираетъ и ту опасность, которая, по его мнѣнію, должна его уничтожить, коренится глубоко въ ученіи христіанства, въ нашихъ идеяхъ о самоотверженіи и пожертвованіи, которыя требуютъ, чтобы мы считали свою жизнь за ничто, въ сравненіи съ долгомъ. Такъ солдатъ присягаетъ на вѣрность государству, какъ на водѣ, такъ и на сушѣ, хотя онъ никогда не бывалъ на кораблѣ и прекрасно сознаетъ свою безпомощность на морѣ. Высокое понятіе о вѣрности своему долгу, вложенное въ насъ воспитаніемъ, заставляетъ даже робкаго человѣка, въ концѣ концовъ, становиться храбрымъ и подавлять въ себѣ страхъ передъ опасностью и смертью; многочисленные примѣры подобнаго же самообладанія, которые онъ видитъ вокругъ себя, увлекаютъ его насильно. Наконецъ, боязнь презрѣнія со стороны своихъ товарищей за трусость— страшнѣе смерти.

Но полководцу нужна не эта добытая воспитаніемъ храбрость. Ему необходима, скорѣе, та врожденная храбрость, которая составляетъ весьма рѣдкое качество великихъ людей и которая служитъ своему обладателю такъ, что послѣдній ея и не сознаетъ.

Честолюбіе и самолюбіе поддерживаютъ большинство людей въ виду опасности, и между ними и тѣми, у которыхъ мужество происходитъ отъ необыкновенно одареннаго и сильнаго сердца, по наружному виду едва ли будетъ замѣтна какая-нибудь разница. Но втайнѣ первые заняты собою, своимъ мужествомъ, своей осанкой, и большая часть ихъ моральной силы поглощается заботами о собственной личности. Сознаніе ихъ будетъ менѣе ясно, чѣмъ обыкновенно; лучи ихъ духа преломляются въ необыкновенно плотныхъ слояхъ, и они, къ собственному своему удивленію, легко могутъ прійти къ убѣжденію, что не стоятъ на высотѣ своей задачи.

Врожденное мужество не нуждается въ искусственныхъ средствахъ для своей поддержки. Презрѣніе смерти для него такая естественная вещь, что оно не поглощаетъ ничего изъ остальныхъ духовныхъ и моральныхъ дарованій; напротивъ, оно побуждаетъ ихъ къ болѣе высокой дѣятельности, такъ какъ возбужденіе минуты только усиливаетъ здѣсь внутреннее давленіе, которое напрягаетъ силы.

Поэтому мы и дивимся выдающимся военнымъ натурамъ, которыя въ минуты величайшей опасности, когда все остальное работаетъ съ нѣсколько огуманеннымъ сознаніемъ, напротивъ, становятся все болѣе ясновидящими и все болѣе находчивыми.

Только такое мужество, которое не можетъ понять, *какъ можно не обладать мужествомъ*, выдвигаетъ солдата изъ среды его товарищей. Это такое чувство, какое Шекспиръ придаетъ Цезарю, влагая ему въ уста слѣдующія слова:

„Изъ всѣхъ чудесъ, о которыхъ я когда-либо слышалъ,
Мнѣ кажется наибольшимъ то, что люди боятся,
Тогда какъ они, все-таки, видятъ, что смерть—удѣлъ каждаго—
Приходитъ, когда она должна прійти".

Изъ вышеприведеннаго большого числа трудно исполнимыхъ условій уже вытекаетъ, что совершенныя полководческія натуры суть большая рѣдкость. Это, впрочемъ, никогда не отрицалось. Фридрихъ Великій охарактеризовалъ совершеннаго генерала такъ: „être de raison, платоническая республика, центръ тяжести ея

философовъ, камень мудрости ея химиковъ, образцовое твореніе, заслуживающее величайшаго нашего удивленія". Установленія Тамерлана сочетаютъ благородство происхожденія съ благородствомъ души и требуютъ интеллигенціи, хитрости и отваги, храбрости и ума, рѣшительности и предусмотрительности, постоянства и глубокаго соображенія. Если Онозандеръ требуетъ отъ своего генерала только, чтобы онъ былъ воздержанъ, трезвъ, бережливъ, прилеженъ, свѣтлаго ума, великодушенъ, среднихъ лѣтъ, отецъ семейства и, если возможно, хорошаго происхожденія, то онъ имѣетъ въ виду только дѣльнаго генерала вообще, а не Александра, Цезаря, Фридриха или Наполеона.

Даже необходимая соразмѣрность между различными и очень часто противорѣчащими другъ другу качествами очень рѣдка и представляетъ какъ бы праздничный даръ свыше.

Казалось бы, что великіе полководцы, соединяющіе въ себѣ столько превосходныхъ качествъ, должны были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть и прекрасными людьми, привлекающими немедленно и наши сердца. Но ни про Фридриха, ни про Наполеона этого не могутъ сказать люди, которые имѣли съ ними личныя сношенія, и стоитъ только прочитать письма Калтенборна [1]), чтобы убѣдиться, какъ были трудны сношенія съ Фридрихомъ.

Простое объясненіе того, что гдѣ сильный свѣтъ, тамъ должны быть и сильныя тѣни, недостаточно разъясняетъ намъ этотъ фактъ. При болѣе точномъ изслѣдованіи его мы увидимъ, что полководцу въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимы нѣкоторыя качества, которыя непривлекательны съ человѣческой точки зрѣнія и которыя не могутъ быть прощены обыкновеннымъ смертнымъ, не могущимъ насъ вознаградить великими чертами своего характера.

Сила воли рѣдко въ состояніи сдѣлать что-нибудь безъ помощи нѣкоторой *жестокости*. Въ войнахъ настоящаго времени непосредственно до и послѣ рѣшительныхъ дѣйствій собирается такая огромная масса людей, что она одна уже должна вызвать массу нуждъ и бѣдствій. Прибавимъ къ этому поля сраженій, на кото-

[1]) Письма стараго прусскаго офицера, освѣщающія различныя черты характера Фридриха II. Гогенцоллерна. 1790 г.

рыхъ дрались сотни тысячъ людей! Это мѣста всевозможныхъ человѣческихъ страданій, и никакое теоретическое убѣжденіе, что эти жертвы необходимы и неизбѣжны, не облегчитъ удручающаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ видъ этихъ страданій! Часто при этомъ наиболѣе растрогиваются именно тѣ люди, которые передъ этимъ, въ такомъ предчувствіи нѣкоторой слабости, выказывали наибольшую суровость и которые на словахъ наиболѣе рѣшительно бродятъ въ крови. Отъ подобной слабости предохраняютъ только особенныя качества. Одно изъ нихъ—суровость, которая въ близкомъ родствѣ съ необходимымъ полководцу сознаніемъ собственнаго величія. Мы часто говоримъ о презрѣніи великихъ полководцевъ къ человѣчеству. Подъ этимъ мы подразумѣваемъ чувство нѣкотораго пренебреженія къ участи отдѣльнаго человѣка, которое только тогда проявляется, когда дѣло идетъ о достиженіи великихъ цѣлей. Въ частной жизни даже у Фридриха и у Наполеона были моменты сердечной мягкости. Но великія цѣли не всегда ясно представляются большинству людей; они исчезаютъ изъ ихъ сознанія, какъ только послѣднее сильно занято окружающей его ближайшей обстановкой. Тогда необходимая суровость полководца кажется только жестокосердіемъ и отталкиваетъ насъ. Полководецъ, который изъ состраданія выкажетъ къ раненымъ свое участіе или который позволитъ своему сочувствію приковать себя къ мѣстамъ бѣдствій, рискуетъ безполезно упустить драгоцѣннѣйшія минуты для дѣйствія. И все-таки, мы ужасаемся такого человѣка, который окидываетъ взоромъ истощенные боемъ батальоны только для того, чтобы хладнокровно разсчитать, чего онъ еще можетъ отъ нихъ потребовать.

Неумолимость—по виду столь отвратительное безчувствіе—принадлежитъ къ необходимымъ аттрибутамъ того, кто хочетъ на войнѣ достигнуть чего-нибудь великаго. Для полководца существуетъ только одно преступленіе, котораго исторія ему никогда не проститъ, а именно—потерпѣть пораженіе, и сильный характеръ будетъ это всегда имѣть передъ глазами. Но тѣмъ меньшее впечатлѣніе производитъ на него отвращеніе окружающей его обстановки и тѣмъ болѣе онъ кажется жестокимъ.

Во всѣхъ первостепенныхъ военачальникахъ бросается въ глаза

не только человѣческое, но и духовное ихъ несовершенство. Вышеприведенныя слова Шекспира относительно безстрашія уже указываютъ на нѣкоторую *склонность къ фатализму*. Она была свойственна большинству героевъ и какъ бы указываетъ на нѣкоторую ограниченность духа, но она совершенно объяснима въ нихъ. Опытъ пріучаетъ ихъ познавать ту силу, которая заключается во взаимодѣйствіи мелкихъ причинъ, которыхъ человѣкъ не можетъ ни предвидѣть, ни управлять ими; отсюда является вѣра въ судьбу, располагающую въ частномъ случаѣ побѣдой или пораженіемъ. Какъ бы въ противорѣчіе только-что сказанному, является то, что всѣ герои, отъ Александра и до Наполеона, были исполнены *вѣрою въ свое призваніе*, которая въ тягчайшіе моменты давала имъ непоколебимую увѣренность. Но въ основаніи всего этого лежитъ убѣжденіе, что на продолжительное время счастье остается вѣрнымъ только способному человѣку и что царящія съ божественною свободою въ военномъ дѣлѣ случайности, или какъ ихъ называлъ Фридрихъ „Sa sacré majesté le hasard", такъ же часто обращаются за насъ, какъ и противъ насъ. Не вѣра въ особое избраніе свыше, а сознаніе собственной способности выражается у великихъ полководцевъ тѣмъ, что принято называть вѣрой въ свое призваніе.

Такимъ образомъ мы начинаемъ понимать и прощать жестокость въ полководцѣ и принимаемъ кажущіяся несовершенства его души за нѣчто другое. Не въ такомъ видѣ представляются инжелѣдующіе придатки великаго характера, которые, тѣмъ не менѣе, требуются именно въ наше время.

Если бы кто-нибудь, даже съ геніемъ Александра Македонскаго или Юлія Цезаря, вступилъ бы въ современную военную службу, то и онъ долженъ былъ бы начать ее съ подпоручичьяго чина и пройти всѣ ступени до командующаго генерала включительно прежде, чѣмъ онъ былъ бы въ состояніи широко примѣнить къ дѣлу свои дарованія полководца. На этомъ длинномъ пути приходится обходить множество подводныхъ скалъ, которыя ставятъ или жизнь, или служебныя отношенія; о нихъ-то очень легко разбиваются именно откровенныя, великодушныя натуры. Щедрость и товарищескій духъ уже часто бывали роковыми для людей небогатыхъ. Вѣрность и привязанность заставили уже не

одного раздѣлить несчастную судьбу начальника или товарища; отличные офицеры испортили себѣ карьеру потому только, что не могли отказаться отъ участія къ несправедливо обиженнымъ подчиненнымъ, черезъ что связывали свое паденіе съ паденіемъ послѣднихъ.

Чтобы избѣжать этихъ опасностей, нужно сознательно быть сдержанными и отдѣлиться отъ товарищей. При этомъ мы приходимъ къ тому выводу, что полезно даже такое качество, какъ *эгоизмъ*, который, однако, для единства всего корпуса офицеровъ мы признали выше наиболѣе губительнымъ. Но дѣло въ томъ, что безъ извѣстнаго эгоизма еще никто не совершилъ на свѣтѣ ничего великаго; къ тому же здѣсь слѣдуетъ помнить ту важную разницу между обыкновенными смертными и тѣми немногими божественно-одаренными натурами, которыя самимъ Провидѣніемъ предназначены для великихъ дѣлъ. У первыхъ эгоизмъ есть ничто иное, какъ пристрастіе къ своему жалкому я: у послѣднихъ же это есть сознательное сбереженіе силъ въ предчувствіи событій, при которыхъ они могутъ тѣмъ расточительнѣе расходовать свои силы на пользу всего міра. Эти силы не должны преждевременно раздробляться на мелкія цѣли. Нѣкоторая апатія ко всѣмъ мелкимъ происшествіямъ обыденной жизни помогаетъ великимъ натурамъ сохранять себя отъ преждевременнаго истощенія; но свойство это не привлекательно и поэтому всѣ великіе люди, по крайней мѣрѣ новѣйшаго времени, были въ своей юности рѣдко любимы товарищами и ихъ упрекали въ холодности и расчетливости.

Конечно, нельзя отрицать, что холодная скрытность, будь она сознательная или болѣе инстинктивная, со временемъ придаетъ характеру черту дѣйствительнаго себялюбія. Можетъ-быть отъ этого и происходитъ, что мы часто видимъ у великихъ полководцевъ и государственныхъ людей непривлекательную жадность къ имуществу и наживѣ и что въ то время, какъ рукоплещущая толпа приноситъ своимъ идоламъ, рядомъ съ великими, и всѣ добрыя качества, болѣе посвященные люди сострадательно пожимаютъ плечами, глядя на эту легкомысленную безпечность толпы. Въ сущности и здѣсь дѣйствуетъ только то же самое качество, которое дало величію возможность проявиться. Совершенно само-

отверженныя натуры на длинномъ пути до положенія главнокомандующаго навѣрное падаютъ жертвами какой-нибудь неудачи. Между тѣмъ, какъ уже сказано, такихъ натуръ желательно въ возможно большемъ количествѣ для товарищескаго кружка; къ тому же всегда только единичнымъ членамъ его дозволяется достигать высшей степени.

Впрочемъ, были и исключенія: бывали люди, которые постоянно расходовали свои силы и, все-таки, не истощались — но они рѣдки даже и между великими людьми.

У знаменитыхъ полководцевъ стремленіе къ исполненію своего историческаго назначенія отождествляется со стремленіемъ прославить свое собственное имя, и оба эти чувства становятся нераздѣльными. Это уже придаетъ нѣкоторый видъ себялюбія, которому Фридрихъ Великій придалъ наиболѣе горделивое выраженіе, когда онъ, незадолго до рѣшительнаго сраженія при Гогенфридбергѣ, писалъ своему министру Подевильсъ: „Мое честолюбіе заключается въ томъ, что я болѣе нежели кто-нибудь другой сдѣлалъ для возвеличенія моего дома и въ томъ, что между коронованными владыками Европы я игралъ большую роль. *Удержаться на этой высотѣ есть какъ бы мой личный долгъ, который я хочу исполнить, хотя бы это стоило моего счастья и моей жизни. У меня нѣтъ болѣе выбора: я хочу отстоять свое могущество или пусть оно погибнетъ и пускай имя Пруссіи будетъ погребено вмѣстѣ со мной*". Вотъ величія Фридриха—пѣтъ и величія Пруссіи! Такъ разсуждалъ король-герой, и изъ уваженія къ чувству, которое его воодушевляло, когда онъ писалъ эти строки, мы прощаемъ всѣмъ героямъ ихъ благородный эгоизмъ.

Если историческія изслѣдованія учатъ насъ, что выдающіеся своими талантами полководцы не отличались исключительно прекрасными общечеловѣческими качествами, которыя бы ихъ дѣлали любимыми, а что наоборотъ, въ силу необходимости, въ нихъ являлись такіе придатки, которые отталкиваютъ въ общественной жизни, то изъ этого вытекаетъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на всѣ эти непривлекательные придатки, когда дѣло идетъ о карьерѣ молодыхъ и богато одаренныхъ военныхъ людей.

Признаемъ, что незамѣнимыхъ людей нѣтъ и что близко будетъ

продолжать существовать, если даже изъ него убудутъ лучшіе люди, превосходенъ, но онъ не долженъ вести къ тому, чтобы изъ арміи удаляли способнаго офицера за то только, что онъ обладаетъ нѣкоторыми нелюбимыми качествами. Французскій полковникъ Денрель, въ изданномъ два года тому назадъ талантливомъ историческомъ изслѣдованіи, говоритъ, что великимъ героямъ, рядомъ съ благородными чувствами, почти всегда свойственно также расположеніе къ жестокости, недовѣрію, зависти, властолюбію, эгоизму, безпокойству и т. д., такъ что, при нынѣшнихъ условіяхъ службы въ мирное время, они имѣли бы весьма мало шансовъ попасть въ число избранныхъ. Желаніе замѣнить подобныхъ людей лично пріятными весьма легко распространяется. Поэтому снисхожденіе ко всѣмъ придаткамъ характера, которые не мѣшаютъ *дѣловитости* человѣка, въ интересахъ войска, которое желаютъ видѣть хорошо руководимымъ. Изъ ряда неудобныхъ подчиненныхъ и рѣзкихъ, скрытныхъ товарищей впослѣдствіи часто вырабатывались значительнѣйшіе генералы.

Разумѣется, есть такія человѣческія качества, которыя не могутъ быть терпимы въ корпусѣ офицеровъ въ виду его общественнаго положенія и необходимаго его единства, но, все-таки, для способнаго человѣка, который своими дѣлами вознаграждаетъ за недостатки своего характера, надо простирать терпимость, насколько это возможно.

Другого средства для скораго повышенія великихъ людей съ низшихъ ступеней, безъ нарушенія условій отношеній въ арміи, нѣтъ. Намѣренное выискиваніе приводитъ къ выбору Макковъ и Массенбаховъ и хорошо еще, если при этомъ найдутъ какого-нибудь Рюхеля. Гораздо раціональнѣе оставить великимъ характерамъ дорогу открытою, но за то предоставить ихъ на этой дорогѣ своимъ собственнымъ силамъ.

Кто принадлежитъ по рожденію къ высшимъ классамъ обходитъ очень легко многія препятствія военной жизни. Принцамъ крови не приходится бороться съ затрудненіями, о которыя разбивается офицеръ, вышедшій изъ простыхъ сословій. Недоброжелательство начальниковъ, зависть товарищей, мелкія дрязги повседневной жизни, трудность пріобрѣсть извѣстность въ вліятель-

ныхъ инстанціяхъ уже часто разрушали начатую полную надеждъ карьеру. Высокое происхожденіе помогаетъ перешагнуть черезъ эти препятствія и есть драгоцѣнный даръ для честолюбиваго, даровитаго человѣка. Оно уже съ дѣтства даетъ привычку повелѣвать, вращаться все время среди крупныхъ интересовъ и облегчаетъ принятіе на себя отвѣтственности; болѣе быстрое производство даетъ принцу возможность въ молодыхъ лѣтахъ занимать такія должности, которыя обыкновенными смертными достигаются только въ преклонныхъ лѣтахъ и для исполненія которыхъ требуются, все-таки, свѣжія юношескія силы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ новѣйшія историческія времена наибольшій контингентъ великихъ полководцевъ состоитъ изъ членовъ королевскихъ семействъ. Густавъ Адольфъ. Бернгардъ Веймарскій, Фридрихъ Вильгельмъ—побѣдитель при Фербеллинѣ, Конде. Тюренн, Евгеній Савойскій, Карлъ XII и Фридрихъ—всѣ были или на тронѣ, или близъ трона. Только предводители войскъ первой французской революціи происходили, по большей части, изъ народа. Наполеонъ происходилъ изъ аристократическаго рода острова Корсики.

Совершенно въ порядкѣ вещей, что въ настоящее время, когда армія и народъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, тяжелую отвѣтственность управлять арміями беретъ на себя глава государства. Поэтому, тотъ народъ будетъ въ наибольшей безопасности, котораго царя суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и полководцы и котораго царствующій домъ сумѣетъ сохранить склонность и призваніе къ тяжелой задачѣ главнокомандованія.

2. Главныя квартиры, штабы и управленія.

„Устройство и составъ главной квартиры арміи очень важны, хотя это и не всегда достаточно сознается. Бываютъ полководцы, которые не нуждаются въ совѣтахъ и сами взвѣшиваютъ и рѣшаютъ; окружающимъ ихъ приходится только исполнять; но такіе полководцы—звѣзды первой величины, которыя показываются на горизонтѣ даже не всякое столѣтіе“.

„Въ большинствѣ случаевъ главнокомандующій арміею не захочетъ отказаться отъ совѣта. Этотъ послѣдній можетъ быть ре-

зультатомъ совмѣстнаго разсмотрѣнія дѣла бо́льшимъ или меньшимъ числомъ людей, образованіе и опытность которыхъ даютъ имъ особенную возможность правильно обсудить это дѣло. Но уже и тутъ должно быть выработано и принято только одно мнѣніе. Къ тому же нельзя и при высказываніи мысли игнорировать военно-іерархическое подраздѣленіе. Главнокомандующему можетъ быть доложено только это одно мнѣніе, да и то какъ совершенно условное и только уполномоченнымъ для этого лицомъ, которое главнокомандующій пусть выбираетъ не по старшинству, а по полному личному своему къ нему довѣрію. Если послѣдній совѣтъ и не всегда безусловно лучшій, то, все-таки, пока дѣйствуютъ послѣдовательно и постоянно въ одномъ направленіи, можно еще довести дѣло до успѣшнаго развитія. При этомъ главнокомандующій сохраняетъ передъ совѣтчикомъ ту гораздо болѣе важную заслугу, что онъ беретъ на себя отвѣтственность за исполненіе".

„Но если окружить полководца нѣкоторымъ числомъ независимыхъ другъ отъ друга людей,—чѣмъ ихъ будетъ болѣе, чѣмъ они будутъ знатнѣе, чѣмъ умнѣе, тѣмъ хуже; если ему приходится слушать совѣтъ то одного, то другого, если ему, доведя исполненіе извѣстной, самой по себѣ цѣлесообразной, мѣры до опредѣленнаго пункта, приходится принимать еще болѣе цѣлесообразную, но въ другомъ направленіи, затѣмъ проникнуться вполнѣ основательными доводами третьяго и проектами помощи четвертаго,—то можно поручиться за сто шансовъ противъ одного, что со всѣми своими, можетъ-быть и хорошо мотивированными, мѣрами его походъ будетъ неудаченъ.

„Въ каждой главной квартирѣ есть люди, которые съ большой проницательностью умѣютъ выяснить всѣ трудности всякаго задуманнаго предпріятія; при первой пронесшейся путаницѣ они убѣдительно доказываютъ, что они все это предвидѣли. Они всегда правы, потому что послѣдствія не могутъ имъ доказать противнаго, такъ какъ они нелегко предлагаютъ что-нибудь положительное и еще менѣе исполняютъ. Такіе люди отрицанія—гибель для главнокомандующихъ".

„Но наиболѣе несчастенъ тотъ полководецъ, который имѣетъ надъ собою еще какой-нибудь контроль и который всякій день,

всякій часъ обязанъ отдавать отчетъ въ своихъ предположеніяхъ, планахъ и намѣреніяхъ, или у котораго въ главной квартирѣ присутствуетъ какой-нибудь делегатъ правительственной власти, или который привязанъ къ послѣдней телеграфной проволокой. При такихъ условіяхъ должны совершенно исчезнуть всякая самостоятельность, всякая быстрая рѣшительность и всякая смѣлая предпріимчивость, безъ которыхъ, однако, немыслимо вести войну [1]).

Намекъ этотъ относится къ австрійской главной квартирѣ въ кампаніи 1859 года.

Впрочемъ, намъ не-зачѣмъ рыться въ чужеземной военной исторіи, чтобы изучать несчастное устройство какой-нибудь главной квартиры. Наша отечественная (т. е. германская) исторія представляетъ намъ также вполнѣ вразумительный примѣръ. Въ 1806 году во главѣ арміи стояла главная квартира, организація которой дѣлала почти немыслимымъ всякое раціональное веденіе войска. Клаузевицъ шутя говоритъ о конгрессѣ, который будто-бы былъ призванъ для управленія арміей, и нужно сознаться, что дѣйствительно было очень похоже на то. Герцогъ Брауншвейгскій долженъ былъ, въ сущности, командовать всей арміей, но въ то же время ему было поручено непосредственное начальство надъ частью ея,—такъ называемою главною арміею [2]). Принцъ Гогенлое стоялъ во главѣ другой крупной части войскъ и пользовался не то равною властью съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, не то былъ ему подчиненъ. Значеніе принца, какъ генерала, было непріятно для герцога тѣмъ болѣе, что армія цѣнила принца несравненно выше герцога. Самъ принцъ считалъ необходимымъ для пользы отечества взять на себя самостоятельную роль и добиваться возможно большаго вліянія. Въ этомъ его поддерживалъ

[1]) Итальянская кампанія 1859 г., редактированная историческимъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба королевско-прусской арміи.

[2]) Нѣчто подобное имѣло мѣсто еще ранѣе, а именно въ 1757 году, когда Фридрихъ Великій, главноначальствуя надъ всѣми четырьмя колоннами наступающей въ Богемію арміи, командовалъ еще непосредственно и тою колонною, которая наступала изъ Дрездена. Но это могъ себѣ позволить Фридрихъ, авторитета котораго никакія обстоятельства не могли поколебать, а не Карлъ Брауншвейгскій, въ особенности когда у него въ подчиненіи состоялъ такой принцъ, какъ Гогенлое, и самъ онъ не былъ независимъ.

его квартирмейстеръ Массенбахъ. Въ подобныхъ же отношеніяхъ находился и Рюхель. Для обоихъ сформировали по самостоятельной арміи, чтобы дать удовлетвореніе тѣмъ способностямъ, которыя въ нихъ предполагали. Кромѣ того, при главной арміи герцога находился также и король, который хотѣлъ своимъ присутствіемъ только придать, насколько возможно, болѣе энергіи и быстроты всѣмъ предпринимаемымъ мѣрамъ; однако его вліяніе естественнымъ образомъ должно было распространиться и далѣе, ибо герцогъ не рѣшалъ важнѣйшихъ вопросовъ безъ совѣта, въ которомъ присутствовалъ и монархъ. При королѣ состоялъ Ифуль, старѣйшій офицеръ генеральнаго штаба арміи и дѣйствительный начальникъ штаба ея, такъ какъ номинальный начальникъ штаба, Гейзау, погруженный въ военно-министерскія административныя работы, не заботился объ управленіи арміей. Точно также король взялъ съ собою фельдмаршала Меллендорфа, которому, по причинѣ его старости (82 года), не хотѣли дать активной роли [1]), но опытностью котораго, съ другой стороны, полагали воспользоваться; кромѣ того, въ главную квартиру былъ вызванъ Цастровъ, который еще издавна пользовался особымъ довѣріемъ Фридриха Вильгельма III. Полковникъ Клейстъ, состоявшій при королѣ въ званіи докладывающаго генералъ-адъютанта, по вліятельной должности своей также принадлежалъ къ главной квартирѣ. Второстепенную роль игралъ еще Калькрейтъ, который, командуя резервомъ главной арміи, всегда находился по близости короля и герцога. Наконецъ, и дипломаты принимали участіе въ совѣтахъ и рѣшеніяхъ. Въ совѣтѣ на сторонѣ герцога былъ только одинъ Шарнгорстъ — начальникъ его штаба, бывшій моложе Ифуля и даже Массенбаха, человѣкъ новый въ арміи и который не обладалъ даромъ пріобрѣтать личное вліяніе въ короткое время. Изъ этого видно, что партія дѣйствительнаго главнокомандующаго, даже по числу голосовъ, постоянно должна была играть лишь маленькую роль. Окончательное рѣшеніе всегда зависѣло отъ окружающихъ короля, и такимъ образомъ не герцогъ руководилъ арміей, а имъ руководили, что, по мнѣнію Клаузевица, герцогу не было непріятно.

[1]) Онъ еще въ 1835 году командовалъ резервнымъ корпусомъ.

Въ этомъ совѣтѣ не было недостатка въ свѣдущихъ головахъ и въ образованныхъ, дѣльныхъ воинахъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Шарнгоретъ, Клаузевицъ и, можно сказать, даже Пфуль, достигли впослѣдствіи исторической извѣстности. Но то, что они, вмѣстѣ взятые, натворили здѣсь, было хуже, чѣмъ ничего, а именно они только увеличили безпорядокъ и нерѣшительность.

Причина несчастнаго устройства управленія арміи заключалась исключительно въ отношеніяхъ къ дѣйствующимъ лицамъ, желаніе угодить которымъ руководило при раздѣленіи войскъ и при созданіи управленія. Къ сожалѣнію, подобныя отношенія оказываютъ свое вліяніе даже въ важнѣйшихъ случаяхъ, если только во главѣ арміи не стоитъ человѣкъ съ особенно сильнымъ характеромъ. Клаузевицъ, участвовавшій въ этомъ походѣ молодымъ двадцати-шести-лѣтнимъ штабсъ-капитаномъ и адъютантомъ принца Августа, несмотря на свое невидное положеніе, чрезвычайно вѣрно опѣнилъ эти отношенія. Въ своемъ письмѣ отъ 29 сентября къ графинѣ Маріи Брюль онъ пишетъ: „Едва можно повѣрить, при какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ Шарнгоретъ; нѣкоторое представленіе объ этомъ можно получить, если знаешь, что въ арміи находятся *три* главнокомандующихъ и *два* генералъ-квартирмейстера, между тѣмъ какъ въ ней долженъ былъ бы быть только *одинъ* главнокомандующій и *одинъ* генералъ-квартирмейстеръ. Во всю мою жизнь я не встрѣчалъ еще человѣка, болѣе способнаго бороться съ затрудненіями этого рода, чѣмъ тотъ, о которомъ я говорю; но какъ много должно теряться въ дѣйствіяхъ таланта, который сталкивается со столькими препятствіями этикета и ослабляется постояннымъ треніемъ о чужія мнѣнія. *Я твердо увѣренъ въ томъ, что если нась постигнетъ несчастный исходъ, то онъ будетъ слѣдствіемъ только этихъ мелочныхъ условій благопріличія, ибо во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ настоящій моментъ чрезвычайно выгодный для прусскаго короля*".

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи устройства главныхъ квартиръ надо имѣть въ виду разницу между *общей главной квартирой* (grosses Hauptquartier), которая управляетъ нѣсколькими выставленными въ поле арміями, и *главными квартирами отдѣльныхъ арміи* (Armee-Hauptquartier) или, какъ ихъ называютъ на

нѣмецкомъ служебномъ языкѣ, *главное командованіе арміи* (Armee-Oberkommando).

Впрочемъ, суть дѣла въ обоихъ случаяхъ почти одинакова и что сказано про первыя, то большею частью имѣетъ значеніе и для вторыхъ; поэтому мы опустимъ здѣсь принципіальное раздѣленіе ихъ и будемъ только въ тѣхъ случаяхъ означать разницу между ними, когда это окажется нужнымъ.

Хорошій составъ главной квартиры и, въ особенности, полная гармонія между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба могутъ много сдѣлать для восполненія недостатка въ свыше-одаренныхъ полководцахъ-геніяхъ, о которыхъ уже говорилось въ предыдущей главѣ. Конечно, какихъ-нибудь опредѣленныхъ правилъ для этого дать невозможно.

Счастливая, согласная дѣятельность прежде всего покоится на взаимной симпатіи; гдѣ послѣдней нѣтъ, тамъ никакая теорія не въ состояніи помочь. Для того, чтобы различныя натуры дополняли взаимно другъ друга, имъ должны быть присущи общія основныя черты характера, и разница между ними должна ограничиться отдѣльными талантами и наклонностями.

Начальникъ штаба, относительно главной квартиры, находится въ иномъ положеніи, нежели главнокомандующій. Онъ имѣетъ выборъ изъ извѣстнаго числа людей, изъ которыхъ онъ можетъ выбрать не только наиболѣе соотвѣтствующихъ его цѣлямъ, но и пріятныхъ для личнаго знакомства. Главнокомандующій же долженъ ограничиться только личностью начальника штаба и не можетъ ее игнорировать, рискуя, иначе, вызвать безпорядокъ. Несомнѣнно поэтому, что счастливый выборъ начальника штаба есть самое важное. Дурныя отношенія между обоими этими людьми будутъ непремѣнно имѣть самыя дурныя послѣдствія для участи всей арміи. Изъ этихъ отношеній рѣдко что-нибудь пріобрѣтаетъ офиціальную извѣстность и причину неудачъ ищутъ тогда вдали отъ дѣйствительнаго ихъ источника. Только послѣ большихъ несчастій полемическія сочиненія или военно-судебныя разслѣдованія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти внутреннія отношенія.

Отъ насъ недалекъ еще примѣръ Базена и его начальника штаба, Жарраса, недостатокъ единодушія между которыми выяс-

нился на процессѣ въ Тріанонѣ. Отношенія ихъ раньше были не дурныя, но Жаррасъ, пока Императоръ самъ начальствовалъ арміей, т. е. съ начала кампаніи до 12-го августа 1870 года, занималъ должность второго начальника штаба у Лебофа. Вслѣдствіе этого, когда онъ былъ назначенъ императоромъ начальникомъ штаба къ Базену, то этотъ послѣдній сталъ на него смотрѣть, какъ на неудобнаго для себя соглядатая, которыи назначенъ къ нему больше для контролированія его дѣйствій, нежели для помощи. Къ тому же, генералъ Жаррасъ не былъ посвященъ въ важность обстановки, окружавшей армію, что затрудняло его оказать немедленно какую-нибудь дѣйствительную помощь маршалу. Поэтому Базенъ началъ его держать вдали отъ всѣхъ дѣлъ по управленію арміей, заставилъ играть совершенно пассивную роль и, въ сущности, смотрѣлъ на него только, какъ на секретаря высокаго чина. Послѣдствія не заставили себя долго ждать. 12-го августа маршалъ, для того, чтобы не быть запертымъ въ Мецѣ, рѣшился отступить на Вердонъ. Мысль была вѣрна, но исполненіе ея, какъ и слѣдовало ожидать, самое печальное. Базенъ самъ лично отдалъ приказаніе къ отступленію и направилъ маршъ на Марсъ-ла-Туръ и на Этанъ, къ Вердону. Такимъ образомъ случилось, что въ то время, когда можно было легко воспользоваться четырьмя дорогами, вся армія съ ея тяжелымъ обозомъ была вытянута по одному только шоссе изъ Меца на Гравелотъ и на нѣсколько дней загнана въ узкую долину рѣки Мозели. Если бы не помогли самостоятельныя, цѣлесообразныя приказанія отдѣльныхъ частныхъ начальниковъ, то вышелъ бы еще большій безпорядокъ и даже 16-го августа оказалось бы невозможнымъ развернуть армію для боя. „Въ то время, когда каждый часъ могъ рѣшить судьбу Франціи, были забыты даже самыя простѣйшія мѣры предосторожности“ [1]).

Базенъ сваливалъ всю вину на начальника штаба, а тотъ, въ свою очередь, утверждалъ, что онъ о всемъ этомъ движеніи узналъ только тогда, когда исполненіе его уже началось. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ—Базенъ ли умышленно не допускалъ Жаррасъ къ совѣту, или Жаррасъ слишкомъ торопливо обидѣлся и не во-время отшатнулся отъ дѣла—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ отно-

[1]) Слова обвинительнаго акта противъ маршала.

шенія между обѣими были фальшивы, и ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ бы ихъ терпѣть, ибо они навѣрное были не малою причиною гибели арміи, которую она должна была все искупить.

Современный полководецъ положительно не можетъ успѣть лично за всѣмъ усмотрѣть: даже геній будетъ нуждаться въ самостоятельной и выполненной помощи. Во сколько же разъ болѣе будетъ нуждаться въ дополненіи и помощи главнокомандующій, не принадлежащій къ звѣздамъ первой величины? Исполнительная часть по управленію арміею теперь стала не подъ силу одному человѣку, да и кромѣ того иногда приходится имѣть дѣло съ техническими средствами, для пользованія которыми требуются **особыя спеціальныя познанія.**

По различнымъ психологическимъ условіямъ не менѣе важно, чтобы между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба существовали интимныя отношенія. Чувство отвѣтственности всегда нѣсколько стѣсняетъ главнокомандующаго и ограничиваетъ откровенность его сужденій. Въ виду этого полезно придать ему, такъ сказать, вторую душу, которой, не испытывая этого вліянія, легче будетъ сохранить полную объективность и свободу взгляда на вещи. Между обоими произойдетъ взаимное уравниваніе душевныхъ волненій и поэтому, при принятіи какого-нибудь рѣшенія, отпадетъ все то, что является слѣдствіемъ собственно личныхъ впечатлѣній. Но для этого отношенія ихъ должны быть очень близки.

Поэтому, какъ уже выше было приведено, назначеніе начальника штаба должно быть всегда предоставлено главнокомандующему, хотя бы послѣдній и не былъ первымъ воиномъ въ арміи. Онъ долженъ быть увѣренъ, что въ важнѣйшую эпоху своей жизни, онъ не будетъ прикованъ къ антипатичной ему личности. Какъ много въ его дѣятельности зависитъ отъ состоянія его духа, которое, въ свою очередь, въ значительной степени обусловливается отношеніями къ тому человѣку, съ которымъ ему приходится ежедневно, ежечасно имѣть работать надъ важнѣйшими **вопросами!**

Обязанности начальника штаба нами не опредѣлены строго никакимъ закономъ и, къ несчастію, этого и нельзя сдѣлать. Индивидуальныя отношенія, способности и наклонности должны

они рѣшить этотъ вопросъ. Фридрихъ и даже Наполеонъ, въ сущности, сами были своими начальниками штаба и, все-таки, они чувствовали отсутствіе, первый—Винтерфельда, второй—Бертье, когда они лишились ихъ.

Наполеонъ диктовалъ одному изъ своихъ адъютантовъ опредѣлительныя инструкціи, въ формѣ письма, къ начальнику штаба (Major-général): „Кузенъ! Прикажите генералу С... собрать въ Е... взятую у непріятеля артиллерію; прикажите генералъ-интенданту тамъ же сосредоточить всѣ магазины; прикажите маршалу Л... сильно занять войсками окрестности Ф...; распорядитесь объ устройствѣ тамъ большого госпиталя“ и т. д. Въ короткихъ словахъ начитывалъ онъ такимъ образомъ всѣ необходимыя мѣры, и Бертье отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга и давалъ составлять и изготовлять приказанія, отдѣльно для каждаго получателя, причемъ, естественно, необходимы были дополненія. Наполеонъ имѣлъ прекрасную память на событія и мѣстность, но плохую на собственныя имена.

Это подтверждаетъ не только Бурьенъ, но и самыя письма Императора, гдѣ часто попадаются такія фразы: „Генералъ, командующій войсками въ В..., отправится въ Е..., чтобы принять тамъ начальство. Генералъ, находящійся въ К.... долженъ приблизиться къ арміи“ и т. д. И это случалось при такихъ условіяхъ, гдѣ можно съ увѣренностью предположить, что Императоръ передъ этимъ долженъ былъ знать, кто именно были означенныя личности. Тутъ, слѣдовательно, недоставало ближайшаго исполненія. Въ матеріальныхъ же вопросахъ большею частью ничего не было упущено. Положеніе Бертье было скорѣе положеніе начальника его канцеляріи съ большими полномочіями, нежели начальника штаба.

Въ 1870 году король Вильгельмъ предоставлялъ своему начальнику штаба, генералу ф. Мольтке, самостоятельно отдавать приказанія штабамъ отдѣльныхъ арміи для исполненія рѣшеннымъ при устныхъ докладахъ движеній. Хотя они и были подписаны начальникомъ штаба, тѣмъ не менѣе они считались, какъ королевскія приказанія.

Конституціонный монархъ современнаго культурнаго государства имѣющій и въ военное время массу заботъ по внутренней

и внѣшней политикѣ, долженъ будетъ предоставить своему начальнику штаба болѣе самостоятельности, чѣмъ вступившій на престолъ генералъ, подобный Наполеону, все царствованіе котораго, строго разбирая, было только военной диктатурой.

Иначе опять должны сложиться отношенія, когда мѣсто главнокомандующаго займетъ одинъ изъ генераловъ арміи, а другой такой же генералъ—должность начальника штаба. Здѣсь оба могутъ приложить всѣ свои силы къ управленію войсками и тогда было бы естественно, если роль начальника штаба ограничится.

Однако всегда останется тотъ фактъ, что главнокомандующій долженъ будетъ обращать всѣ свои силы на принятіе важныхъ рѣшеній, на борьбу съ неизбѣжными сомнѣніями и на достиженіе нерушимой ясности убѣжденій.

Нехорошо, если онъ себя самъ слишкомъ заваливаетъ заботами по исполненію, какъ это часто любятъ дѣлать слабыя натуры, чтобы заглушить свое внутреннее безпокойство. Правда, подобныя занятія даютъ нѣкоторое успокоеніе, но при этомъ, подобно страусу, утыкаютъ голову въ работу и забываютъ надъ нею насущнѣйшія нужды. Полководецъ не имѣетъ права прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, иначе онъ подвергается опасности отвлечь свое вниманіе отъ важныхъ вопросовъ къ пустымъ мелочамъ. Если онъ, послѣ совѣщанія со своимъ начальникомъ штаба, опредѣленно высказалъ свою волю и условился съ нимъ въ общихъ чертахъ объ ея исполненіи, то все прочее, т. е. исполненіе приказаній, установка и прибавленіе всѣхъ необходимыхъ деталей, лучше всего предоставить начальнику штаба. Главнокомандующій, который хочетъ самъ писать и редактировать, отнимаетъ у себя досугъ для воспроизведенія идей. Онъ долженъ больше думать, нежели писать [1]).

---

[1]) На это, однако, имѣетъ вліяніе численность арміи. Интеллигентный и самостоятельный генералъ во главѣ арміи, состоящей изъ немногихъ дивизій, можетъ безъ вреда дѣлу для большей быстроты и самъ набросить на бумагу тѣ немногія приказанія, которыя необходимо отдать; но тогда онъ на самомъ дѣлѣ лишь командующій генералъ и только по имени главнокомандующій арміи. Сказанное же выше относится главнымъ образомъ къ большимъ арміямъ въ 5 или 6 корпусовъ съ нѣсколькими кавалерійскими дивизіями, которыя мы ныне принимаемъ за нормальныя.

Въ большихъ арміяхъ даже начальнику штаба придется остерегаться отъ слишкомъ большого сосредоточенія своей дѣятельности на письменной работѣ по веденію войскъ, потому что онъ долженъ ежеминутно быть въ распоряженіи главнокомандующаго, если послѣднему понадобится его совѣтъ. Уже необходимость продолжать письменную работу безостановочно, разъ она начата, требуетъ предоставленія ея такому лицу, которое не можетъ быть отозвано. Сомнительна слава того начальника штаба, котораго называютъ большою рабочею силою въ обыденномъ смыслѣ слова. Конечно, онъ долженъ обладать неутомимою дѣятельностью, но послѣдняя должна заключаться болѣе въ общемъ направленіи работъ, чѣмъ въ личномъ трудѣ. Отдѣльныя распоряженія, въ особенности важнѣйшія бумаги, диспозиціи для рѣшительныхъ движеній или битвъ, придется ему писать собственной рукой: сюда же принадлежитъ и корреспонденція съ общей главной квартирой арміи и съ начальникомъ штаба всѣхъ вооруженныхъ силъ. Ежедневную же, обыденную работу онъ долженъ, насколько это возможно, предоставить другимъ.

Его положеніе двойственное, а уже поэтому весьма изнурительное. На сколько съ одной стороны онъ является совѣтникомъ, другомъ и повѣреннымъ главнокомандующаго, на столько и съ другой стороны онъ долженъ быть организаторомъ и руководителемъ штаба, составленнаго часто изъ весьма разнородныхъ элементовъ.

Если дѣятельность главнокомандующаго зависитъ иногда отъ его расположенія духа, то это не менѣе относится и ко всему штабу. Начальникъ штаба дастъ своимъ поведеніемъ тонъ всей главной квартирѣ. Если этотъ тонъ счастливый, исполненный всесторонняго довольствія и товарищеской совмѣстной дѣятельности, то и работа въ штабѣ идетъ вдвойнѣ увѣреннѣе, скорѣе и лучше. Малѣйшій же разладъ и раздраженіе, которые легко возникаютъ въ такой разнохарактерной группѣ людей, если во главѣ ея стоитъ несоотвѣтствующая личность, могутъ все испортить, хотя бы штабъ былъ составленъ даже изъ умнѣйшихъ лицъ. По всей справедливости, въ главную квартиру арміи должны быть назначаемы дѣльнѣйшіе офицеры, причемъ мы, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ

случаѣ, предполагаемъ, что каждый отдастъ добровольно свои лучшія силы. Поэтому служебная суровость здѣсь еще менѣе оправдываема и приноситъ еще менѣе пользы, чѣмъ обыкновенно; чѣмъ дружнѣе всѣ отношенія въ штабѣ, тѣмъ лучше идетъ дѣло. Отъ сѣла же изъ штаба всегда упадетъ какой-нибудь лучъ и на армію. Нечаянныя или радостныя вѣсти высшихъ инстанцій сообщаются также и войскамъ и имѣютъ не малое вліяніе на ихъ способность къ дѣйствіямъ.

Изъ разсмотрѣнія выше двоякаго положенія начальника штаба явствуетъ, что для этой должности необходима не только значительная, но и симпатичная личность, обладающая даромъ невольнаго, естественнаго вліянія на другихъ. Существуетъ довольно много такихъ людей, которые самымъ дружественнымъ образомъ умѣютъ извлекать изъ каждаго своего подчиненнаго наивысшую дѣятельность. Подобные люди имѣютъ уже преимущественныя способности къ занятію должности начальника штаба.

Какъ и положеніе начальника штаба, точно такъ же трудно опредѣлить инструкціями обязанности и остальныхъ отдѣльныхъ чиновъ штаба. Явившаяся вслѣдствіе этого республиканская свобода имѣетъ свои громадныя преимущества. Штабы большихъ арміи, не существующіе обыкновенно въ мирное время, приходится импровизировать при объявленіи войны; офицеры генеральнаго штаба и адъютанты собираются со всего государства, при чемъ они часто мало знакомы какъ другъ другу, такъ и начальнику штаба. Если бы, согласно чину и возрасту, обязанности каждаго изъ нихъ были заранѣе точно распредѣлены, то это, конечно, имѣло бы для перваго момента выгоду болѣе легкаго устройства всего цѣлаго. Но это преимущество только незначительное. Оно не искупаетъ того недостатка, что при этомъ назначеніе на извѣстную должность дѣйствительно годнаго для нея лица болѣе или менѣе предоставлено случаю. Если же назначать на должности по прошествіи хоть нѣсколькихъ дней, то общество можетъ сжиться и каждый, согласно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ,— найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто. Въ этомъ дѣлѣ назначеніе по старшинству играетъ весьма малую роль, а все зависитъ отъ общей гармоніи.

Необходимо облегчить начальнику штаба не только работу, но и снять съ него массу мелкихъ заботъ, которыя приноситъ съ собой повседневная жизнь арміи. Поэтому онъ долженъ давать только общее основаніе отношеніямъ въ главной квартирѣ, но нельзя съ него требовать рѣшенія тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, являющихся слѣдствіемъ совмѣстной жизни 50—70 офицеровъ и чиновниковъ [1]). Въ виду этого начальнику штаба нуженъ помощникъ, дабы различные запросы, сомнѣнія и затрудненія не доходили до него.

Такимъ образомъ является необходимость имѣть въ главной квартирѣ лицо, заступающее мѣсто начальника штаба. Такимъ лицомъ считается въ Германіи генералъ- или оберъ-квартирмейстеръ. Во французской рейнской арміи въ 1870 году, кромѣ перваго начальника штаба, были еще два вторыхъ (Majors-généraux), которые и распредѣляли между собою работы.

Генералъ-квартирмейстеръ—въ общей главной квартирѣ всей вооруженной силы, и *оберъ-квартирмейстеръ*—въ главной квартирѣ отдѣльной арміи, могутъ въ полѣ имѣть обширный кругъ дѣятельности, такъ какъ существуетъ безконечно много такихъ обстоятельствъ, которыя, каждое въ отдѣльности, не имѣютъ рѣшающаго участь вопросъ значенія, но которыя, въ суммѣ, оказываютъ на эту участь значительное вліяніе. Ежедневно возникаетъ безчисленное количество вопросовъ по внутренней службѣ, касающихся жизни и быта офицеровъ и солдатъ арміи, но рѣшать которые ни главнокомандующему, ни его начальнику штаба нѣтъ времени. Такія заботы всецѣло принадлежатъ вѣдѣнію квартирмейстера. Его органъ—дневной приказъ, который, независимо отъ диспозиціи главнокомандующаго, опредѣляетъ порядокъ всей внутренней службы въ арміи, сношенія, личныхъ дѣлъ, транспортированія плѣнныхъ, больныхъ, раненыхъ, запасныхъ людей и предметовъ, многочисленныхъ неизбѣжныхъ командировокъ и т. д. Квартирмейстеру также надлежитъ особенно заботиться, чтобы поддержать всѣ колеса

[1]) При общей главной квартирѣ всѣхъ арміи число ихъ возрастаетъ въ 5 или 6 разъ. Сверхъ того, несмотря ни на какія ограниченія, при штабѣ всегда будетъ значительный обозъ.

штабной машины въ равномѣрномъ движеніи и управлять ея дѣйствіями, а также имѣть высшій контроль надъ канцелярской службой главной квартиры.

Генералъ- или оберъ-квартирмейстеръ можетъ часто, если нужно, подать главнокомандующему хорошій совѣтъ въ извѣстномъ направленіи или оказать драгоцѣнную поддержку начальнику штаба. Два разсудительныхъ человѣка убѣждаютъ скорѣе и не такъ скоро истощатъ свои доводы. Само собою разумѣется, что оба должны составлять одно сердце и одну душу, иначе сейчасъ же возникнетъ губительное перекрещиваніе противоположныхъ вліяній, и взаимное парализированіе дѣйствій неизбѣжно.

Для опредѣленія порядка столь важной штабной службы придется назначить еще одного офицера съ обязанностями *начальника канцеляріи* (шефъ бюро), при чемъ нѣтъ необходимости и даже не цѣлесообразно давать ему этотъ титулъ. Отъ вѣрной и скорой доставки приказаній часто такъ же много зависитъ, какъ отъ хорошей ихъ обработки. Отъ невѣрнаго отправленія приказаній и отъ самой по себѣ маловажной ошибки могутъ произойти величайшія несчастія и затрудненія. Одна невѣрная надпись можетъ поставить одинъ корпусъ въ сомнѣніе, а другой привести въ безпорядокъ. Частое повтореніе подобныхъ ошибокъ, зависящихъ, можетъ-быть, отъ второстепенныхъ подчиненныхъ, подрываетъ довѣріе войскъ ко всему штабу. Трудно заставлять исполнять такую работу человѣка, который не имѣетъ къ ней никакой способности и расположенія; поэтому и здѣсь не должно руководствоваться старшинствомъ въ чинѣ, а назначать соотвѣтственную личность по свободному выбору. Въ бюрократическихъ натурахъ, которыя питаютъ чрезвычайную любовь къ хорошо урегулированной канцелярской службѣ и которыя, ловко одолѣвъ цѣлую гору переписки, ощущаютъ такую же радость, какъ главнокомандующій при выигранномъ сраженіи, недостатка не бываетъ. Однако крайне необходимо держать подальше отъ подобной должности, которой присуще извѣстное внѣшнее и громкое значеніе, хвастуновъ; послѣдніе, ради собственной важности, будутъ предпочитать различныя мелочи серьезнѣйшимъ вещамъ и, заваливъ себя по горло массой ничтожнаго вздора, будутъ постоянно

тормозить важное. Скромная добросовѣстность и молчаливая осторожность будутъ здѣсь наиболѣе у мѣста.

Смотря по силѣ арміи, въ ея главной квартирѣ будутъ находиться отъ 4 до 6 *офицеровъ генеральнаго штаба*, на обязанности которыхъ лежитъ разработка приказаній для движеній, размѣщенія и сраженій, однимъ словомъ—все, что касается до военныхъ операцій.

Составленіе и редакція приказаній представляютъ особое искусство, требующее прирожденной способности и не встрѣчающееся въ каждомъ человѣкѣ. Бываютъ люди съ превосходнѣйшими идеями, но которые не умѣютъ ихъ ясно изложить письменно. Такъ какъ при этомъ необходимо всегда точно связывать послѣдующее съ предыдущими событіями и работать памятью, то редактированіе приказаній должно быть сосредоточено въ однѣхъ рукахъ; будетъ даже трудно помогать назначенному для этого старшему офицеру генеральнаго штаба подготовкою работы, такъ какъ время большею частью не терпитъ. Такъ какъ на войнѣ обстоятельства могутъ ежеминутно вызывать новыя приказанія, то офицеръ этотъ долженъ быть день и ночь готовъ къ работѣ; вотъ здѣсь-то, рядомъ съ ясностью въ мысли и рѣчи, полезна и большая *рабочая сила;* неутомимость должна быть отличительнымъ качествомъ этого офицера. Естественно, что онъ весьма скоро сдѣлается особенно-довѣреннымъ лицомъ начальника штаба, и поэтому весьма полезно для этой должности выбрать такого человѣка, который пользуется авторитетомъ между своими товарищами, чтобы его особое положеніе не повело къ различнымъ пререканіямъ.

На офицерахъ генеральнаго штаба еще лежитъ обработка свѣдѣній о противникѣ. Знаніе непріятельской страны, его языка и его арміи особенно помогаютъ при этомъ, какъ и извѣстнаго рода способность къ открытіямъ, которую трудно опредѣлить. Прилежаніе и заботливость играютъ при обработкѣ свѣдѣній часто большую роль, нежели даръ отгадывать тайны.

Обыкновенно на долю канцелярской дѣятельности генеральнаго штаба выпадаетъ еще собираніе извѣстій, донесеній и корреспонденцій, разъясняющихъ движенія войскъ, распоряженія по

желѣзно-дорожной и телеграфной службѣ, неизбѣжныя корреспонденціи съ непріятелемъ, съ управленіями страны, въ которой ведется война, забота о картахъ и необходимыхъ книгахъ и, наконецъ, веденіе походнаго журнала.

Рядомъ съ этимъ, на его же обязанности лежитъ производство рекогносцировокъ и развѣдокъ въ районѣ собственныхъ арміи или о противникѣ, передача приказаній и устныхъ наставленій, разъясненіе недоразумѣній и помощь при наблюденіи за исполненіемъ всѣхъ приказаній.

Предметъ занятій *адъютантовъ* въ главной квартирѣ отдѣльной арміи составляютъ учетъ личнаго состава арміи, производство въ чины, разсмотрѣніе просьбъ, награжденіе орденами, веденіе списковъ потерь и боевой силы, пополненіе запасными людьми, лошадьми, оружіемъ, огнестрѣльными припасами и сношенія съ частными лицами.

Въ полѣ адъютантская служба, по обширности цѣлей, близко подходитъ къ службѣ генеральнаго штаба и нельзя провести рѣзкой черты между той и другой дѣятельностью; индивидуальныя способности отдѣльныхъ офицеровъ рѣшаютъ и въ этомъ случаѣ болѣе, нежели принадлежность къ той или другой категоріи.

При главной квартирѣ также неизбѣжно состоятъ нѣсколько *офицеровъ-ординарцевъ*, которыхъ непосредственная обязанность заключается въ доставкѣ письменныхъ приказаній подчиненнымъ штабамъ и управленіямъ. Въ послѣднихъ имѣетъ особенную цѣну ихъ дѣльность, выдержка, пунктуальность и упорство въ преодолѣніи непредвидѣнныхъ затрудненій. Для далекихъ, одинокихъ поѣздокъ въ непріятельской странѣ, въ особенности если населеніе не спокойно, требуется рѣшительное мужество, ловкость въ сѣдлѣ и хорошая лошадь. Поэтому для этой службы должны быть выбираемы кавалеристы на лучшихъ коняхъ и отъ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно ожидать, что они исполнятъ свой долгъ и днемъ и ночью, охотно и осмотрительно. Человѣкъ и лошадь могутъ на войнѣ достигнуть гораздо большаго, нежели это думаютъ незнающіе люди. Одинъ офицеръ-ординарецъ принца Фридриха Карла сдѣлалъ въ одинъ изъ зимнихъ дней луарской операціи поѣздку изъ Орлеана въ Вирзонъ и обратно, что состав-

летъ 151 версты, на одной и той же лошади [1]). Въ послѣднюю кампанію подобныя поѣздки совершались въ германской арміи довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ главной квартирѣ II арміи путемъ опыта было установлено, что на разстояніи не болѣе 70-ти верстъ слѣдуетъ пересылать приказанія непосредственно съ офицерами-ординарцами [2]), и только при большихъ разстояніяхъ необходимо пользоваться другими средствами, какъ, напримѣръ, подставами.

Сношенія между главными квартирами арміи производятся, въ случаѣ отсутствія телеграфовъ, посредствомъ *фельдъегерей*, которыхъ всегда нѣсколько при каждомъ штабѣ. Поѣздки свои они совершаютъ большею частью въ экипажахъ или по желѣзнымъ дорогамъ.

Свободное и широкое пользованіе всѣми силами, которыми можно располагать, полезно въ главной квартирѣ, какъ и всюду. Но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея дѣятельности полезно допустить и механическое исполненіе, дабы онѣ не были забыты въ сумятохѣ дней усиленной работы и чтобы, ко вреду всего дѣла, онѣ не остались неисполненными именно въ ту минуту, когда это наиболѣе необходимо. Поэтому хорошо распредѣлять работу въ главной квартирѣ отдѣльной арміи такъ, чтобы каждый офицеръ имѣлъ, *кромѣ общихъ обязанностей*, какой-нибудь спеціальный отдѣлъ, который бы лежалъ на его отвѣтственности.

---

[1]) Состоявшій при главной квартирѣ II арміи поручикъ 17-го гусарскаго Брауншвейгскаго полка ф. Кенигъ 10 декабря 1870 года, въ 10 ч. вечера, былъ отправленъ изъ Орлеана въ Вирзонъ для передачи важнаго приказанія генералу Шмиту, находившемуся тамъ съ 11-й кавалерійской бригадой. Поручикъ Кенигъ прибылъ въ Вирзонъ 11 декабря въ 6 ч. утра, передалъ приказаніе и, давъ лошади два часа отдыха, въ 8 ч. утра отправился обратно въ Орлеанъ, куда и прибылъ въ 1 ч. пополудни того же 11 декабря. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ въ 16 часовъ 151 версту. (Revue militaire de l'étranger 1885 № 617. Les tentatives actuelles de la cavalerie russe p. 195) *Прим. перевощика.*

[2]) Хорошо посылать съ приказаніемъ двухъ офицеровъ-ординарцевъ сразу, не столько для большей безопасности, сколько потому, что лошади вдвоемъ лучше идутъ и дольше сохраняютъ свѣжесть. Придача же нижнихъ чиновъ рѣдко бываетъ полезна; одинъ или два линейныхъ всадника немного помогутъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ, а дурныя лошади нижнихъ чиновъ только задержатъ офицеровъ.

Напомнимъ только, сколько случаевъ было, когда арміи теряли связь съ непріятелемъ. Причина этого почти всегда заключалась въ томъ, что заботливость, которая обыкновенно посвящается развѣдывательной службѣ, немедленно засыпала въ минуты сильныхъ душевныхъ впечатлѣній.

Чаще всего это случалось непосредственно послѣ кровопролитныхъ сраженій: послѣдніе войны приводятъ этому достаточно примѣровъ и это легко объяснимо. Бой сковываетъ всѣ чувства и мысли; разъ онъ миновалъ, всѣ силы, бывшія до тѣхъ поръ напряжены до высшаго предѣла, сдаютъ; отдѣльныя части войскъ обыкновенно довольствуются на время добытыми лаврами и почиваютъ на нихъ, а время между тѣмъ идетъ скорѣе, чѣмъ думаютъ. Когда же открываютъ глаза, то убѣждаются, что непріятель ушелъ и связь съ нимъ потеряна. Въ такія минуты въ главныхъ квартирахъ начинаютъ раздаваться жалобы, что войска не доставляютъ свѣдѣній о противникѣ, упуская изъ вида, что въ штабѣ имѣется, сравнительно, большое число добро-конныхъ офицеровъ, которые могли бы быстрымъ движеніемъ къ противнику пополнить этотъ пробѣлъ. Тѣ люди, отъ которыхъ обыкновенно исходятъ всѣ важныя назначенія, въ это именно время заняты другими дѣлами. Стеченіе штабовъ крупныхъ частей или даже нѣсколькихъ главныхъ квартиръ отдѣльныхъ арміи на завоеванномъ полѣ сраженія легко вызываетъ споры о только-что происшедшемъ, при чемъ незамѣтно теряется интересъ къ будущему. Поэтому-то должно быть чрезвычайно полезно имѣть въ штабѣ такого офицера, который, не будучи черезчуръ заваленъ работой и не занимая слишкомъ важнаго поста, былъ бы единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ въ томъ, чтобы въ главной квартирѣ не прекращались донесенія о противникѣ. Ему можно даже безъ вреда предоставить право до нѣкоторой степени самостоятельно распоряжаться болѣе молодыми силами генеральнаго штаба и адъютантуры и этихъ послѣднихъ будетъ большею частью достаточно, чтобы помочь поискамъ въ развѣдывательной службѣ или чтобы дополнить ее.

Мы привели это только для примѣра: опытъ научитъ, что подобныя регламентаціи оправдываются во многихъ случаяхъ.

Для представителей вспомогательныхъ родовъ оружія, начальниковъ артиллеріи и инженеровъ, которые также служатъ совѣтниками полководцу, точно такъ же, какъ для ихъ управленія, затѣмъ для *административныхъ органовъ*, для интенданта арміи, главнаго врача арміи, начальниковъ полевой жандармеріи и полевой почты арміи, завѣдующаго телеграфами, для управленія этапами и т. д., дѣятельность является болѣе опредѣленной. Для нихъ даже могутъ существовать опредѣленныя инструкціи и назначенія; конечно, интенданту они будутъ предоставлять широкій кругъ дѣятельности и много свободы, тогда какъ для начальника полевой почты арміи они будутъ точны и ограничены. Такъ какъ дѣятельность всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ вращается въ болѣе опредѣленной колеѣ, то инструкціи не представляютъ здѣсь той опасности, какъ для службы собственно генеральнаго штаба, которая ежедневно наталкивается на такія случайности, для которыхъ именно и нельзя дать никакой инструкціи. Самостоятельность и возможность собственной инціативы, однако, важны и для боковыхъ вѣтвей главной квартиры; когда-нибудь война принесетъ каждому непредвидѣнныя обстоятельства. Дѣятельность артиллеристовъ, инженеровъ, административныхъ и санитарныхъ управленій естественно будетъ имѣть постоянное соприкосновеніе съ дѣятельностью генеральнаго штаба, и часто онѣ даже будутъ совпадать. Начальникъ штаба всеобщимъ направленіемъ введетъ необходимое согласіе всѣхъ отдѣловъ; часто же ему придется работать самому съ отдѣльными органами. Въ особенности это случается съ интендантомъ, какъ это видно будетъ ниже, при разборѣ условій продовольствованія.

Не менѣе важны въ составѣ штаба два лица, которымъ обыкновенно не придаютъ особаго значенія. Первый изъ нихъ—*комендантъ главной квартиры*. На немъ лежитъ забота о поддержаніи дисциплины и порядка въ той небольшой войсковой части, какую представляетъ главная квартира отдѣльной арміи со своими офицерами, командами, повозками и лошадьми. Эта дѣятельность чрезвычайно тяжкая, такъ какъ въ такой разнородной толпѣ, собранной только при открытіи кампаніи, очень трудно поддерживать дисциплину; здѣсь недостаетъ іерархическихъ подраздѣленій, присущихъ строевымъ частямъ. Тѣмъ не менѣе, безпорядокъ можетъ

и здѣсь имѣть довольно серьезныя послѣдствія, какъ бы ни казалось маловажнымъ, пунктуальны ли обозные рядовые или нѣтъ и двигаются ли они и самый обозъ въ томъ или другомъ порядкѣ.

Офицерамъ генеральнаго штаба, адъютантамъ и т. п. на войнѣ некогда заботиться о собственныхъ удобствахъ, прислугѣ, лошадяхъ и вещахъ; служба въ штабѣ призываетъ ихъ, какъ только они слѣзутъ съ коня, и нерѣдко имъ приходится оставлять штабъ только тогда, когда уже нужно двигаться далѣе, причемъ имъ нѣтъ времени наблюдать за своею собственностью. Между тѣмъ захромавшая лошадь или потерянная подкова въ тотъ самый моментъ, когда, можетъ-быть, ожидается дальняя и быстрая поѣздка, могутъ разстроить на цѣлый день; какой-нибудь по ошибкѣ блуждающій сундукъ можетъ основательно испортить расположеніе духа, когда хочется быстро приступить къ работѣ. Жалобы, что недостаетъ то того, то другого, становятся еще непріятнѣе потому, что имъ рѣдко можно помочь. Скажутъ, что мелочи въ такое важное время не должны оказывать никакого вліянія, но мы люди и остаемся ими и на войнѣ. Чувство важности своихъ занятій, которое удовлетворяетъ всякаго въ первые дни, теряется съ продолженіемъ кампаніи на цѣлые мѣсяцы, и вліяніе мелочей ежедневной жизни усиливается все болѣе и болѣе.

Поэтому комендантъ главной квартиры, который умѣетъ сдѣлаться какъ бы отцомъ всего штаба и который, какъ рука Провидѣнія, устраняетъ всѣ препятствія, мѣшающія довольству и хорошему настроенію, пріобрѣтаетъ не только среди окружающихъ его, но и среди всей арміи, выдающуюся заслугу [1]).

На томъ же основаніи не менѣе важна и личность *квартирмейстера* главной квартиры. Было бы желательно имѣть также какой-нибудь гастрономическій талантъ, который заботился бы о пищевомъ довольствіи чиновъ штаба. Вѣдь самый страстный воинъ не можетъ противодѣйствовать голоду и жаждѣ; между тѣмъ въ главной квартирѣ никто изъ сколько-нибудь важныхъ лицъ не

[1] Ему подчинены *начальникъ штабнаго конвоя*, т. е. той небольшой команды нижнихъ чиновъ, которая на продолжительное время приписана главной квартирѣ для несенія разнаго рода ординарческой службы. Онъ можетъ оказать коменданту существенную помощь.

имѣетъ времени самому заботиться о своемъ столѣ; поэтому они должны быть освобождены отъ этой заботы. Главнокомандующій же и подавно не долженъ быть поставленъ въ необходимость заботиться о своемъ личномъ здравіи и благополучіи. На обязанности окружающихъ его лежитъ—убирать каждый камешекъ съ его пути, и его камердинеръ долженъ былъ бы, какъ и онъ самъ, быть геніемъ въ своемъ дѣлѣ. Что тотъ, которымъ при сильныхъ напряженіяхъ живетъ хорошо, сохраняется во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ терпящій нужду, совершенно въ порядкѣ вещей, и потому нельзя оставлять безъ вниманія эти мелкія обстоятельства, иначе они дадутъ о себѣ знать не во-время и предъявятъ насильно свои права.

Подчиненные штабы, какъ-то *корпусные*, *дивизіонные* и т. п., содержатся большею частью уже въ мирное время; слѣдовательно, здѣсь дѣятельность отдѣльныхъ органовъ, вслѣдствіе долгой привычки, уже установилась. Въ общемъ она распредѣляется между такими же группами, какъ и въ главной квартирѣ отдѣльной арміи. Чѣмъ далѣе внизъ, тѣмъ многостороннѣе дѣятельность отдѣльной личности; напримѣръ, въ дивизіи германской арміи, гдѣ полагается только одинъ офицеръ генеральнаго штаба, послѣдній долженъ быть factotumомъ всей дивизіи и соединять въ себѣ все. Его дѣятельность требуетъ большей разносторонности и подвижности, нежели дѣятельность подобнаго ему офицера генеральнаго штаба главной квартиры: онъ и начальникъ штаба, и квартирмейстеръ, и офицеръ генеральнаго штаба въ одномъ лицѣ.

Счастливая организація штабовъ, удачный выборъ людей, въ особенности предназначенныхъ на все время войны для совмѣстной дѣятельности, и ясное іерархическое раздѣленіе суть основныя положенія для хорошаго веденія войскъ.

Мы, германцы, достигли въ послѣднее время, въ отношеніи хорошаго состава нашихъ главныхъ квартиръ, наилучшаго успѣха. Опытъ 1806 года не пропалъ даромъ. Успѣхи эти получились, однако, только потому, что никому не приходило въ голову *изобрѣтать* образцовый составъ главной квартиры, а давали этому дѣлу идти свободно по пути историческаго развитія, что въ этомъ

случаѣ имѣло такія же благія послѣдствія, какъ и во многихъ другихъ. Главная квартира силезской арміи въ 1813 году стала образцомъ для новѣйшаго времени; это произошло вслѣдствіе личныхъ отношеній между лицами, занявшими руководящія должности. Блюхеръ, Шарнгоретъ и Гнейзенау [1]), встрѣтившіеся во время величайшаго угнетенія отечества съ одинаковымъ образомъ мыслей, могли совмѣстно дѣйствовать только въ счастливомъ согласіи, когда пробилъ давно желанный часъ, въ который осуществился общій ихъ сонъ объ освобожденіи отечества. Даже и когда Шарнгорета не стало, единство продолжало оставаться. Въ 1864, 1866 и 1870 г.г. мы видимъ тоже всегда трехъ личностей во главѣ главной квартиры: главнокомандующаго, начальника штаба и квартирмейстера. Здѣсь тоже встрѣчались люди, которые еще въ мирное время работали совмѣстно, и въ согласіи и солидарности которыхъ на время войны были увѣрены. Конечно, и между ними не было недостатка въ различіяхъ мнѣній; да и можетъ ли это различіе отсутствовать, когда для совмѣстной дѣятельности призваны сильныя натуры, которымъ общее дѣло болѣе свято, чѣмъ личные интересы. Но изъ этого ничего никогда не проникало въ внѣшній міръ, и никогда ни армія, ни великая цѣль отъ этого не страдали.

3. Отдача приказаній.

Правильная отдача приказаній есть очень трудное искусство. Въ жизни каждый убѣждается, что важно не то, что и сколько приказано, а то—какъ приказаніе отдано. Родители имѣютъ въ этомъ отношеніи прекрасный опытъ на своихъ дѣтяхъ; они знаютъ, что послушаніе много зависитъ отъ болѣе или менѣе рѣшительной формы, въ которой приказаніе дано. Часто уже въ звукѣ голоса слышится сомнѣніе въ дѣйствительности приказанія и тогда, несмотря на самые рѣзкіе обороты рѣчи и на самыя энергическія выраженія, можно быть увѣреннымъ въ непослушаніи. Наши правила воспитанія гласятъ: ничего не запрещать, когда нарушеніе правилъ, вызванное давленіемъ обстоятельствъ, можно предполагать вѣроятнымъ, и не отдавать такихъ прика-

[1]) Позже, послѣ раны и смерти Шарнгорста: Блюхеръ, Гнейзенау и Мольткэ.

заній, которыхъ исполненіе должно впослѣдствіи оказаться невозможнымъ. Но прежде всего—и кому это неизвѣстно—всякое приказаніе должно быть такъ ясно, чтобы получающій точно зналъ, чего отъ него требуютъ.

Другихъ, кромѣ этихъ общепринятыхъ правилъ для отдачи приказаній, нѣтъ и для управленія войсками на войнѣ; дѣло въ томъ, что и не существуетъ болѣе высокой мудрости.

Правила эти очень просты, но примѣненіе ихъ въ затрудняющей стихіи войны, тѣмъ не менѣе, не легко.

Въ войнѣ каждое приказаніе связано съ большою отвѣтственностью, и большею частью, въ случаѣ заключающейся въ немъ ошибки, наказаніе слѣдуетъ немедленно. Это будетъ тайно заботить приказывающаго, и мы легко признаемъ, что при хорошей отдачѣ приказаній характеръ принимаетъ большее участіе, чѣмъ умъ.

Далѣе изъ этого слѣдуетъ, что на войнѣ въ серьезныхъ вещахъ скорѣе можно разсчитывать на недостатокъ приказаній, нежели на ихъ изобиліе; по крайней мѣрѣ избытокъ приказаній обыкновенно отрицательнаго содержанія. Гдѣ чувствуется возможность какой-нибудь неудачи, тамъ еще охотно отдаютъ какое-нибудь приказаніе, которое хотя и не поможетъ дѣлу, но должно показать, что объ этой бѣдѣ думали.

Часто къ этому примѣшивается тайное желаніе не нести самому отвѣтственности, а еще счастливо свалить ее на другого, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ карточныхъ играхъ стараются къ концу игры подсунуть плохую карту сосѣду.

Наконецъ, всѣ приказанія на войнѣ покоятся на весьма шаткомъ фундаментѣ. Они основаны на свѣдѣніяхъ о непріятелѣ, которыя никогда не бываютъ совершенно полныя. Черезъ это затрудняется слѣдованіе правилу—не приказывать неисполнимаго.

Если бы на всѣ эти положенія обращалось должное вниманіе, если бы каждый приказывалъ бы только то, за что онъ готовъ брать на себя отвѣтственность, если бы никогда не отдавались исключительно отрицательныя приказанія и никто не приказывалъ бы болѣе того, что для него въ данную минуту уже совершенно выяснилось, то отъ этого много было бы выиграно.

Затѣмъ остается еще установить вѣрную мѣру для того, насколько въ каждомъ приказаніи можно вдаваться въ подробности.

При этомъ приходится принимать во вниманіе массу условій: однимъ изъ нихъ является общее устройство арміи. Мы, германцы, часто не могли скрыть улыбки, когда въ наши руки попадали „инструкціи", которыя писались французскими генералами, въ особенности временъ Сентябрьской республики, для своихъ арміи. Извѣстное сочиненіе Шанзи „Вторая Луарская армія" содержитъ ихъ значительное количество. Сначала тамъ въ легкомъ, разговорномъ тонѣ разсказывается, что произошло раньше: „непріятель сегодня пытался сбить насъ съ нашихъ позицій. Онъ послѣдовательно атаковалъ насъ при Ст.-Лоранъ-де-Буа, впереди Пуали, противъ Кравань и впереди Виллорсо. Изъ полученныхъ отъ плѣнныхъ показаній выяснено, что участіе принимала вся непріятельская армія съ многочисленной артиллеріей. Тѣмъ не менѣе, мы отразили это наступленіе съ силою и въ порядкѣ и удержали въ своихъ рукахъ позицію, причинивъ непріятелю значительныя потери. Необходимо, чтобы каждый проникся этимъ новымъ успѣхомъ и надеждою, ибо мы должны удержать наши позиціи и еще разъ устоять, если нѣмцы завтра сдѣлаютъ новую попытку".

Подобные и еще болѣе длинные разсказы составляютъ введеніе къ приказаніямъ, которыя занимаютъ отъ трехъ до четырехъ печатныхъ страницъ и содержатъ множество подробностей.

Что-либо подобное у германцевъ немыслимо, а между тѣмъ вышеприведенныя приказанія отдавались однимъ изъ способнѣйшихъ французскихъ генераловъ нашего времени, при которомъ еще въ добавокъ въ качествѣ начальника штаба находилась также выдающаяся личность.

Причины этого заключались въ своеобразномъ устройствѣ арміи, при которомъ многое, что въ германской арміи само собою понятно, никакъ не понималось само собою и потому необходимо было объявлять въ приказаніяхъ. Часть генераловъ и офицеровъ были незнакомы со строевой службой; въ наскоро собранныхъ арміяхъ находились многіе знатные люди, которые держали въ рукахъ оружіе въ первый разъ въ жизни, чтобы въ минуту общей опас-

ности помочь защитить отечество. Въ такой арміи не было ни самостоятельности, ни опыта, ни сноровки. Полководецъ не могъ просто приказывать: онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ научать, объяснять и каждому возможно точнѣе указывать, что онъ долженъ дѣлать, хотя бы отъ этого „инструкціи" и растянулись до нельзя.

Что турецкій паша, командующій месопотамскимъ или армянскимъ редифомъ, долженъ будетъ иначе отдавать приказанія, нежели германскій генералъ своимъ войскамъ,— не подлежитъ сомнѣнію. Особенности арміи, ея развитіе, привычки и т. д. будутъ всегда имѣть рѣшающее вліяніе.

Если же мы возьмемъ условія, въ которыхъ находится современная германская армія, то не трудно вывести нѣсколько основныхъ положеній.

Какъ на одно изъ нихъ, можно указать на правило, что начальникъ никогда не долженъ издали предписывать подчиненному того, что послѣдній на мѣстѣ можетъ лучше обсудить; этимъ упрощается приказанія, и подчиненному предоставляется необходимая свобода дѣйствій. Кромѣ того, не слѣдуетъ дѣлать такихъ распоряженій, въ которыхъ можно быть увѣреннымъ, что они будутъ исполнены и безъ особеннаго на то приказанія. Въ привычкѣ приказывать подобныя вещи есть нѣчто опасное; начальникъ можетъ только контролированіемъ облегчать себѣ заботу, что ничего не будетъ забыто, но не напоминаніемъ своихъ приказаній; если позволить войскамъ привыкнуть къ полученію свыше приказаній на всякую мелочь, то они привыкнутъ также бездѣйствовать въ случаѣ неполученія таковыхъ.

Важнѣйшія и лучшія приказанія во время войнъ нашего времени были всегда очень коротки и просты [1]).

„Изъ полученныхъ донесеній можно заключить, что непріятель хочетъ удержаться на плато между Ле-Шуань-дю-Журъ и Монтиньи-ла-Гранжъ".

„4-ре непріятельскихъ баталіона продвинулись въ лѣсъ Жениво. Его Величество находитъ цѣлесообразнымъ двинуть 12-й и гвар-

[1]) При чтеніи приводимыхъ здѣсь примѣровъ можетъ служить любая карта окрестностей Меца.

дейскій корпуса по направленію на Батильи, чтобы настичь непріятеля у С. Мари-о-Шенъ, если онъ отступаетъ на Бріэ, или атаковать его со стороны Аманвилье, если онъ остановится на высотѣ".

„Атака, если она потребуется, будетъ въ то же время ведена I-и арміей со стороны лѣса де-Во и Гравелота, 9-мъ корпусомъ противъ лѣса Жешиво и Верневиля и лѣвымъ флангомъ II арміи съ сѣвера".

Таково было приказаніе, отданное передъ сраженіемъ при Гравелотѣ — С. Прива, на основаніи котораго 200,000 чел. начали наступленіе. Въ немъ нѣтъ и рѣчи ни о формахъ и способахъ построеній, ни о мѣрахъ предосторожности, ни о томъ, какъ войска должны поддерживать другъ друга, ни о взаимной связи и т. д. Все это предоставлено главнокомандующимъ отдѣльныхъ арміи и командирамъ корпусовъ.

Какъ второй примѣръ, приводимъ приказаніе по II-й арміи, вызванное вышеприведеннымъ приказаніемъ:

„Непріятель расположился на высотахъ Леницига [1]) и лѣса де-Во. Онъ будетъ сегодня атакованъ:

Гвардейскимъ корпусомъ черезъ д. Аманвилье.
9-мъ корпусомъ черезъ д. Ла-Фоли.
7-мъ и 8-мъ корпусами съ фронта.

Во второй линіи для поддержки слѣдуютъ:

12-й корпусъ на С. Мари.
10-й корпусъ на С. Айль.
3-й корпусъ на Верневиль.
2-й корпусъ на Резонвиль".

И въ этомъ приказаніи, навѣрное, нѣтъ лишняго слова.

Конечно, въ исключительныхъ обстоятельствахъ можетъ случиться необходимость отдать свыше приказаніе для исполненія и нѣкоторой частности, важность которой можетъ и не быть замѣчена подчиненными. Такой примѣръ мы видимъ въ одномъ изъ приказаній, отданныхъ нѣсколько раньше для той же атаки 18-го августа:

---

[1]) Мыза, лежащая на три версты южнѣе Аманвилье.

„3-му корпусу выступить и двинуться по направленію на Верневиль и Ла-Фоли. Если тамъ окажется правый флангъ непріятеля, то предварительно завязать бой развертываніемъ значительной артиллеріи".

Въ этомъ приказаніи предписанъ корпусному командиру способъ исполненія. Но это имѣло и особенное основаніе. Въ видахъ главной квартиры было не начинать рѣшительнаго наступленія съ фронта, пока не будетъ окончено задуманный ею обхватъ праваго фланга непріятеля. Поэтому явилась необходимость дать понять тому корпусу, который, по всей вѣроятности, первый долженъ былъ столкнуться съ непріятелемъ, чтобы онъ не ввязывался съ самаго начала въ слишкомъ серьезный бой, а ограничился бы сначала оживленнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Случаи подобнаго рода всегда будутъ встрѣчаться, и тогда уваженіе къ правиламъ искусства не должно удерживать главнокомандующаго отъ добавленія лично имъ самимъ нѣкоторой подробности.

Большая или меньшая необходимость вдаваться въ мелочи зависитъ также отъ положенія, занимаемаго приказывающимъ. Главнокомандующій большой арміей, состоящей изъ многихъ самостоятельныхъ частей подъ командою высокопоставленныхъ генераловъ, часто долженъ будетъ ограничиться изложеніемъ послѣднимъ своихъ желаній и намѣренія, предоставляя исполненіе ихъ личному усмотрѣнію и усердію. Такъ и въ первомъ изъ приведенныхъ приказаній на 18-е августа выражено не много болѣе, чѣмъ взглядъ и общее намѣреніе короля. Однако не всегда можно будетъ въ этомъ отношеніи поступать совершенно одинаково. Полководецъ долженъ будетъ часть своихъ войскъ держать твердо въ своихъ рукахъ и передъ глазами, чтобы быть въ состояніи во всякое время распорядиться ими, если какое-нибудь неожиданное событіе потребуетъ его непосредственнаго, личнаго дѣйствія. Этотъ корпусъ, которымъ онъ въ такія минуты распоряжается, служитъ какъ бы рулемъ для корабля, которымъ безъ него нельзя было бы управлять. Чтобы показать, какія затрудненія могутъ возникнуть, если главнокомандующій не имѣетъ подъ рукой никакихъ войскъ, а предоставилъ всѣмъ своимъ корпусамъ полную свободу, достаточно привести въ примѣръ положеніе Блю-

хера въ достопамятные февральскіе дни 1814 года. Когда Наполеонъ неожиданно появился у Шампобера и съ превосходными силами атаковалъ русскаго генерала Олсуфьева, Блюхеръ находился со своей главной квартирой въ Бертю, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного солдата. Вслѣдствіе чувства безопасности, которое вселилось въ силезскую армію со времени дѣла при Ла-Ротьеръ, и вслѣдствіе своеобразныхъ обстоятельствъ, всѣ части арміи были снабжены отдѣльными, самостоятельными задачами. Блюхеръ и Гнейзенау знали, что Олсуфьевъ погибъ, такъ какъ онъ былъ слабъ и не имѣлъ конницы, тогда какъ французская кавалерія окружала его уже въ долинѣ со всѣхъ сторонъ; они знали, что Наполеонъ, разбивъ этого генерала, стоялъ бы побѣдоносно среди колоннъ силезской арміи, и, все-таки, оба они не могли ни помочь, ни посовѣтовать, потому что на войнѣ помощь и совѣтъ только тогда цѣнны, когда они подкрѣплены штыками. Такимъ образомъ маршалъ „Впередъ" долженъ былъ съ затаенной злобой согласиться на очень рѣшительное движеніе назадъ и какъ можно скорѣе спѣшить къ корпусу Клейста въ Черь-Шампенуазъ только для того, чтобы тамъ опять имѣть въ своей власти хоть немного войскъ.

Слѣдовательно, въ то время, какъ тѣ части арміи, которыя находятся вблизи непріятеля и вдали отъ главной квартиры, пользуются большой свободой и, большею частью, не имѣютъ другой руководящей нити, какъ желанія главнокомандующаго, другія части, находящіяся, обратно, вдали отъ противника и вблизи полководца и въ распоряженіи послѣдняго, должны терпѣливо сносить полученіе точныхъ, категорическихъ приказаній и веденіе на помочахъ; утѣшеніемъ для нихъ должно служить, что обыкновенно эти роли быстро перемѣняются. Чѣмъ ниже положеніе приказывающаго и чѣмъ менѣе ввѣренная ему часть войскъ, въ сравненіи со всею арміею, тѣмъ болѣе его приказанія будутъ вдаваться въ частности. Свобода движенія ограничивается здѣсь все болѣе и болѣе тѣсными рамками; является необходимость принимать во вниманіе войска, которыя впереди насъ, сзади насъ, вправо и влѣво; возможность столкновенія увеличивается.

Уже корпусный командиръ можетъ только рѣдко, а именно

когда онъ находится съ своимъ корпусомъ въ отдѣлѣ и его дивизіи раздѣлены, отдавать послѣднимъ приказанія, подобныя тѣмъ, которыя отдаетъ главнокомандующій арміею своимъ корпусамъ. Если онъ принужденъ наступать по одной дорогѣ, то ему даже придется опредѣлить порядокъ слѣдованія частей его корпуса. Начальникъ же дивизіи обязанъ это дѣлать постоянно, и это можетъ измѣниться развѣ только тогда, когда его дивизіи дано самостоятельное порученіе, которое его уполномочиваетъ дѣйствовать какъ бы съ маленькою арміею. Такъ какъ дивизія, какъ мы видѣли, принимается за наименьшую единицу для крупныхъ цѣлей войны, то распоряженія начальника дивизіи будутъ большею частью простираться до того, что каждый батальонъ, каждая батарея, каждый эскадронъ узнаютъ изъ его приказанія, гдѣ ихъ мѣсто, помимо вмѣшательства еще другихъ, промежуточныхъ штабовъ. Въ бою это отношеніе, конечно, измѣнится, и начальникъ дивизіи будетъ распоряжаться отдѣльными группами, составившимися изъ войскъ его дивизіи, сообразно цѣлямъ и ходу боя.

Во время войны 1870—1871 г. въ германской арміи постепенно выработалась извѣстная практика въ способѣ отдачи приказаній, которая выдержала испытанія во всѣхъ отношеніяхъ и можетъ пока считаться образцовою. Въ первые дни по объявленіи войны общая главная квартира руководила арміями посредствомъ короткихъ телеграммъ, подобно тому, какъ четырьмя годами раньше приказаніе для вступленія въ Богемію было отдано телеграфической депешей въ нѣсколько словъ.

Сочиненіе прусскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1870—1871 г. указываетъ однако же, что этотъ пріемъ передачи приказаній не былъ удовлетворителенъ во всѣхъ случаяхъ. [1]) Очень скоро, когда опасность для развертыванія германскихъ боевыхъ силъ была устранена, когда страхъ, что одна изъ армій можетъ быть отдѣльно атакована превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, миновалъ и когда было выиграно больше свободы для дѣйствій, мѣсто короткихъ указаній, которыя предначертывали только первые шаги, заступили, такъ называемыя, *директивы*. Это случайно

[1]) Франко-нѣмецкая война, составленная военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба. Ч. II, стр. 154 и 155.

данное названіе не красиво и нѣмецкое звучало бы лучше, но тѣмъ превосходнѣе суть цѣла. „Директивами называются такія сообщенія высшей инстанціи низшей, въ которыхъ изложены не столько прямыя приказанія для немедленнаго образа дѣйствій послѣдней, сколько намѣчены только направляющія точки зрѣнія. Послѣднія служатъ тогда руководящей нитью при рѣшеніяхъ, которыя, впрочемъ, должны приниматься самостоятельно".

Такими словами объясняетъ значеніе этого выраженія упомянутое сочиненіе прусскаго генеральнаго штаба. Такія сообщенія, дающія большой просторъ для дѣятельности и, все-таки, обезпечивающія общее взаимодѣйствіе силъ, въ особенности умѣстны въ настоящее время, когда громадные размѣры войсковыхъ массъ заставляютъ всегда *раздѣльными* массами стремиться къ одной общей цѣли. Они вдвойнѣ нужны для общей главной квартиры нѣсколькихъ армій, которая всегда съ нѣкотораго разстоянія и только въ общихъ чертахъ распоряжается арміями.

Чтобы дать понятіе о такихъ директивахъ, мы приведемъ здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя были получены арміей принца Фридриха Карла послѣ сраженій при Орлеанѣ и Божанси, въ которыхъ французская большая луарская армія генерала д'Орель-де-Палладинъ была разбита и разрѣзана на двѣ части именно въ ту минуту, когда она собиралась идти на выручку Парижа. Одна часть этой разбитой арміи, именно ея правый флангъ, составлявшая съ тѣхъ поръ I-ую луарскую армію, подъ начальствомъ генерала Бурбаки, отступила къ Буржу. Другая же часть—II-я луарская армія, подъ начальствомъ генерала Шанзи, подкрѣпленная свѣжими войсками, оказывала при Божанси упорное сопротивленіе преслѣдующему великому герцогу мекленбургскому, пока наконецъ принцъ Фридрихъ Карлъ не направилъ противъ нея всѣ находившіяся на Луарѣ нѣмецкія боевыя силы, послѣ чего Шанзи отступилъ за Луару, а впослѣдствіи далѣе на западъ, къ Сартѣ.

Полученныя во время этихъ происшествій директивы были отправлены 12-го декабря и имѣли форму письма генерала Мольтке къ начальнику штаба II-й арміи, генералу ф. Штиле. Въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ онѣ были слѣдующаго содержанія:

„Послѣ того, какъ въ послѣднихъ дняхъ ноября и въ первыхъ числахъ настоящаго мѣсяца удалось отразить попытки непріятеля, предпринятыя въ различныхъ направленіяхъ для освобожденія Парижа, ближайшею для насъ задачею становится, путемъ энергическаго преслѣдованія, надолго лишить всякой возможности дѣйствовать, употребленныя для этой цѣли, расшатанныя массы противника".

„По моему мнѣнію, эта задача предстоитъ части арміи Его Королевскаго Высочества Великаго Герцога, относительно находившихся въ послѣднее время противъ него непріятельскихъ корпусовъ, которые необходимо достаточными силами преслѣдовать далѣе и, по возможности, разсѣять".

„Съ другой стороны, нельзя не признать, что до паденія Парижа мы не можемъ располагать достаточными силами для слишкомъ далекаго расширенія операціи въ южномъ и западномъ направленіяхъ. Въ виду этого предлагается въ этомъ отношеніи нѣкоторое ограниченіе, которое представитъ еще и ту выгоду, что войскамъ можно будетъ дать отдыхъ, который имъ, послѣ всѣхъ усиленныхъ движеній и сраженій послѣдняго времени, вѣроятно необходимъ".

„Безъ совершенно особыхъ причинъ II армія не должна бы переходить линію Шера, Туръ-Буржъ-Неверъ, которая могла бы найти свою точку опоры въ готовности главныхъ силъ у Орлеана".

Обезпеченіе съ запада могло бы быть возложено на войска Его Королевскаго Высочества Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Если, какъ кажется, вновь сформированныя въ Конліе войска уже соединились съ луарской арміей и, слѣдовательно, запутаны въ общемъ отступленіи послѣдней, то центральное положеніе, приблизительно у Шартра, не слишкомъ далеко отъ Парижа, дало бы возможность вызвать разложеніе названнаго соединенія или выдѣленіе отдѣльныхъ частей его".

„Распоряженія королевской главной квартиры, относительно частей перваго баварскаго корпуса, назначенныхъ для занятія Орлеана, до времени не измѣняются настоящей директивой".

„По моему мнѣнію, особенное вниманіе должно быть обращено на продолжительное и тщательное наблюденіе за находящимися подъ

командою генерала Бурбаки и отступившими черезъ Гіень. въ направленіи на Буржъ, къ Неверу непріятельскими корпусами (18-мъ и 15-мъ)".

„На случай новаго наступленія послѣднихъ, можно разсчитывать на содѣйствіе генерала отъ инфантеріи фонъ-Цастрова [1]), который, подкрѣпленный 60-мъ и 72-мъ пѣхотными полками, будетъ съ завтрашняго дня находиться въ Шатильонѣ на Сенѣ. Поэтому въ особенности рекомендую поддерживать связь съ этимъ генераломъ".

Подобно этому писались и всѣ остальныя директивы. Въ нихъ излагаются *взгляды* и *желанія* высшей инстанціи—общей главной квартиры всѣхъ арміи, и предоставляется исполнителямъ—главнокомандующимъ отдѣльныхъ арміи, содѣйствовать достиженію ихъ самымъ цѣлесообразнымъ образомъ.

Главнокомандующій отдѣльной арміей будетъ уже рѣже находиться въ такомъ положеніи, въ которомъ можно примѣнять подобныя директивы; это можетъ случиться только тогда, когда какой-нибудь корпусъ его арміи будетъ отдѣленъ отъ нея для исполненія особенной задачи и когда можно предвидѣть, что командиру его придется принимать самостоятельныя, важныя рѣшенія, за невозможностью предварительныхъ для того сношеній съ главной квартирой арміи. Подобные случаи могутъ быть при назначеніи корпуса для обезпеченія фланга наступающей арміи, или для преслѣдованія разбитаго непріятеля, или. временно, при отдѣленіи корпуса отъ арміи рѣками, горными хребтами и т. п.

При директивахъ часто явится необходимость указывать на различные, возможные случаи; въ прежнія времена это считалось ошибкой, порождающей неувѣренность. „Дѣйствительно, всегда нѣсколько сомнительно основывать распоряженія на такихъ шаткихъ данныхъ: непріятель всегда еще можетъ предпринять что-нибудь такое, что не предусмотрѣно въ приказаніи, и это вызоветъ еще бо́льшія сомнѣнія.

[1]) Командиръ VII корпуса, который въ это время съ большею частью войскъ своего корпуса наблюдалъ среднюю Францію, между войсками принца Фридриха Карла, стоявшими на Луарѣ, и корпусомъ генерала Вердера, находившимся въ Сюнскомъ департаментѣ. Этимъ расположеніемъ генералъ Цастровъ вполнѣ обезпечивалъ отъ нападенія съ юга линію сообщенія германцевъ съ родиной.

Но война ставитъ въ такія положенія, когда распоряженія должны быть сдѣланы и когда, къ несчастію, невозможно еще опредѣлить, какой образъ дѣйствій противника слѣдуетъ принять, какъ наиболѣе вѣроятный.

Приказъ королевской главной квартиры для наступленія 18-го августа, приведенный нами выше, указываетъ лѣвому флангу II-й арміи, т. е. двумъ корпусамъ, двинутымъ на Батильи, два случая: первый, если непріятель будетъ отступать на Бріэ, и второй, если онъ остановится на высотахъ Меца; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ надо было поступать различно.

Еще нагляднѣе выяснилась эта необходимость въ арміи генерала Мантейфеля, когда она, 24 января 1871 г., прибыла къ Безансону. Генералъ Бурбаки, послѣ неудачной атаки расположенія германцевъ на Линенъ, отступилъ вдоль верхняго Дуба подъ защиту верковъ Безансона. Генералъ фонъ-Вердеръ слѣдовалъ за нимъ между Дубомъ и Оньономъ и расположился противъ него съ сѣверной стороны, а 2-й и 7-й корпуса—съ южной. Что противникъ не могъ оставаться у Безансона, не подлежало никакому сомнѣнію, такъ какъ для продовольствованія арміи продолжительное время не хватило бы средствъ. Такимъ образомъ генералъ Бурбаки долженъ былъ на-днихъ выйти изъ подъ защиты фортовъ. Но въ какомъ направленіи? Такъ какъ большая дорога на югъ была уже загорожена, то онъ могъ попытаться пройти между нею и границею Швейцаріи; онъ могъ также для своего спасенія рискнуть на прорывъ въ юго-западномъ направленіи, по обѣимъ сторонамъ Дуба; точно также нельзя было исключить и того случая, что онъ прорвется въ сѣверо-западномъ направленіи, чтобы соединиться съ Гарибальди въ Дижонѣ; далѣе, онъ могъ еще разъ атаковать корпусъ Вердера, который въ данную минуту былъ его слабѣйшимъ противникомъ. Наконецъ, можно было также предположить, что Бурбаки отведетъ свою армію къ швейцарской границѣ или что онъ останется подъ верками Безансона, въ ожиданіи атаки германцевъ.

Все это было вполнѣ возможно и, естественно, требовало принятія различныхъ мѣръ, не исключая необходимости весьма быстрыхъ рѣшеній со стороны ближайшихъ заинтересованныхъ го-

нераловъ. прежде чѣмъ главнокомандующій изъ своей главной квартиры въ Ла-Барръ у Дамьера могъ бы лично распорядиться. Такимъ образомъ появились директивы, которыя, предвидя не менѣе шести различныхъ случаевъ, предписывали опредѣленный образъ дѣйствій въ каждомъ изъ нихъ. Генералъ Мантейфель заключилъ свои указанія слѣдующими словами, обращенными къ каждому корпусному командиру:

„При описанныхъ обстоятельствахъ, когда непосредственное соприкосновеніе между тремя корпусами навряд ли можетъ быть достигнуто, а можетъ-быть даже и не цѣлесообразно, я не хотѣлъ оставить Вашего Превосходительства безъ понятія о моихъ взглядахъ на эту обстановку, *чтобы Вы могли, руководясь ими, во всякое время подготовить движенія въ этомъ направленіи еще до полученія моего приказанія, если обстоятельства потребуютъ быстраго рѣшенія*“.

Подобнымъ же образомъ приходилось распоряжаться передъ Мецомъ въ то время, когда тамъ была заперта армія маршала Базена.

Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было вредныхъ послѣдствій; скорѣе, именно это обезпечило единство и цѣлесообразность дѣйствій всѣхъ участниковъ. Многое въ этомъ будетъ зависѣть отъ того, чтобы предположенія были избраны естественно, не слишкомъ мелочно и искусственно, т. е. такъ, чтобы можно было и безъ особенной проницательности рѣшить, который изъ случаевъ наступилъ.

Конечно, всякія директивы возможны только въ такой арміи, въ которой частные начальники привыкли къ осмотрительной и самостоятельной инициативѣ. Понятіе о диспозиціяхъ теперь исчезло. Оно нѣсколько связывалось съ идеею объ основанной на извѣстныхъ предположеніяхъ программѣ дѣйствій, которая шла дальше, чѣмъ простыя приказанія.

Мы, германцы, имѣемъ въ настоящее время, кромѣ директивъ, еще только *приказанія по арміи, корпусу, дивизіи* и т. д. Разница между директивами и ими заключается въ томъ, что послѣднія не устанавливаютъ точки зрѣнія, а предписываютъ мѣропріятія, марши въ опредѣленномъ направленіи, атаки и т. п.

Кромѣ того, они отличаются тѣмъ, что разсчитаны не на различные случаи, а только на тотъ, который приказывающему *въ данную минуту кажется наиболѣе вѣроятнымъ*. Какъ уже упомянуто, они должны заключать въ себѣ распоряженія только до того момента, послѣ котораго уже возникаютъ сомнѣнія и не представляется возможности предвидѣть дальнѣйшее. Исключенія будутъ, потому что не всегда возможно провести рѣзкую границу между директивой и приказаніемъ, но они будутъ рѣдки [1]).

Точно также нельзя дать рецепта для составленія приказаній, хотя они, естественно, имѣютъ болѣе опредѣленныя формы, нежели директивы. Однако для приказаній, все-таки, можно установить нѣсколько пунктовъ, которые ни въ какомъ случаѣ не должны быть въ нихъ пропущены.

Прежде всего на войнѣ каждое приказаніе основано, какъ уже извѣстно, на нѣкоторомъ опредѣленномъ представленіи о положеніи противника. Каждое приказаніе отдается для пользы дѣла и на него не должно смотрѣть, какъ на законъ, нарушеніе котораго влечетъ за собою наказаніе. Очень часто оно теряетъ всю свою силу, разъ только становится очевиднымъ, что предположеніе, при которомъ оно было отдано, не оправдалось.

Итакъ, *каждое приказаніе начинается со сообщенія о противникѣ*.

При этомъ необходима осторожность. Большею частью не мѣшаетъ прибавить, изъ какихъ источниковъ почерпнуты эти свѣдѣнія, въ особенности, если въ ихъ достовѣрности можетъ существовать нѣкоторое сомнѣніе. Если въ приказаніи свыше будетъ просто сказано: „Извѣстія о непріятелѣ показываютъ и т. д.“, то исполнители этого приказанія легко могутъ принять эти свѣдѣнія за нѣчто совершенно достовѣрное, черезъ что могутъ произойти заблужденія. Если же въ приказаніи упомянуты источники свѣдѣній о непріятелѣ, какъ напримѣръ: „Изъ свѣдѣній, доставленныхъ жителями, лазутчиками, разъѣздами и т. д., видно....“.

[1]) Часто употребляемое, впрочемъ болѣе при теоретическихъ упражненіяхъ, чѣмъ на практикѣ, выраженіе „войскамъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ“ —излишне. Если ничего не опредѣлено заранѣе, то ничего болѣе не остается, какъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, даже если бы это и не было никѣмъ особенно разрѣшено.

то каждый начальникъ части въ состояніи опредѣлить степень ихъ достовѣрности. Это или возбудитъ въ немъ недовѣріе и онъ станетъ осторожнѣе, или это усилитъ его самоувѣренность.

Точно также надо строго отдѣлять то, что составляетъ дѣйствительное *содержаніе извѣстій*, отъ того, что въ набросанной картинѣ является лишь вѣроятнымъ *дополненіемъ*.

Если, придерживаясь вышесказаннаго, мы попытаемся разсмотрѣть приказаніе, отданное на 18-е августа, что намъ вѣроятно простятъ въ виду интереса изслѣдованія, то мы замѣтимъ слѣдующее:

Утромъ 18-го августа былъ виденъ только *лѣвый* флангъ французскаго расположенія на высотахъ Пуанъ-дю-Журъ; только тутъ было продолжительное соприкосновеніе съ противникомъ помощью патрулей; только отъ этой части и получались извѣстія. Дальнѣйшее расположеніе фронта французовъ и до какого пункта оно доходило было неизвѣстно; положенія ихъ праваго фланга нельзя было опредѣлить. Въ день боя, утромъ, появилось сообщеніе королевской главной квартиры къ арміямъ, въ которомъ высказывалось, что тамъ пришли къ заключенію, что непріятельскія главныя силы находятся впереди Меца и что *ихъ расположеніе простирается до Амануилье*. Отъ обнаруженнаго на высотахъ у Вуаде-Во лѣваго фланга французовъ до Амануилье 7 верстъ разстоянія, и обнаженный горный кряжъ спускается тамъ въ котловину, черезъ которую нынѣ проходитъ желѣзная дорога. Предположеніе, что у этой котловины находится правый флангъ французовъ и что фронтъ ихъ далѣе не простирается, было безспорно вполнѣ вѣроятно, хотя впослѣдствіи и выяснилось, что это предположеніе, тѣмъ не менѣе, было ошибкой и что французская боевая линія тянулась почти вдвое дальше, а именно до Ронкура. Къ тому же въ сообщеніи совершенно правильно говорилось объ этомъ только, какъ объ установившемся воззрѣніи, но это первоначально ясное отношеніе мало по малу затемнилось. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ приказаніи, приведенномъ нами выше, уже точно опредѣляется положеніе непріятеля на плато, между Пуанъ-дю-Журъ и Монтиньи-ла-Гранжъ. Правда, этому предпосланы слѣдующія слова: „по поступившимъ донесеніямъ *можно предположить*....“, но слова

ими очевидно относятся только къ заключительной мысли, что непріятель хочетъ „удержаться“, но никакъ не къ позиціи противника, ясно опредѣленной словами: „на плато, между Пуанъ-дю-Журъ и Монтиньи-ла-Гранжъ“. Въ главной квартирѣ II арміи, гдѣ также еще не имѣли свѣдѣній о дѣйствительномъ протяженіи праваго фланга непріятеля, это предположеніе было принято буквально и въ приказаніяхъ дальнѣйшихъ низшихъ инстанцій говорится, напримѣръ: „*Непріятель стоитъ на высотахъ Лейпцига и лѣса де-Во*“. Такимъ образомъ то, что было сначала выражено, какъ предположеніе, теперь принималось за достовѣрное. Хотя въ исполнительномъ приказаніи главной квартиры II-й арміи для гвардіи и сказано болѣе правильно: „непріятель, *кажется*, расположился въ боевомъ порядкѣ на высотахъ отъ лѣса де-Во черезъ Лейпцигъ...“, но первоначальныя сообщенія такъ сильно вкоренили представленіе, что непріятельскій правый флангъ надо искать близъ Аманвилье, что всѣ распоряженія были основаны на немъ. Гвардія была направлена на Аманвилье, чтобы оттуда обойти правый флангъ непріятеля, который предполагался во всякомъ случаѣ *южнѣе* этого мѣстечка, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ простирался на порядочное разстояніе къ сѣверу, такъ что гвардія должна была бы выйти у Аманвилье почти противъ середины фронта. Можетъ-быть, всѣ происшедшія въ тотъ день заблужденія, относительно протяженія французской боевой линіи, были бы раньше разсѣяны, если бы сообщенія были всегда точнѣйшимъ образомъ согласованы съ дѣйствительными свѣдѣніями о противникѣ и было бы, напримѣръ, сказано: „Непріятель стоитъ своимъ лѣвымъ флангомъ на высотахъ Пуанъ-дю-Журъ въ боевомъ порядкѣ; какъ далеко простирается его позиція и гдѣ ея правый флангъ, пока еще неизвѣстно“ и т. д.

Конечно, несравненно легче вспомнить о подобныхъ вещахъ потомъ, когда имѣешь послѣдствія дѣйствительно случившагося передъ глазами, нежели въ моментъ дѣйствія. Поэтому мы и назвали нашу мудрость „esprit d'escalier“—лѣстничное остроуміе—которое обыкновенно является у насъ, когда мы спускаемся съ лѣстницы ратуши и тутъ вспоминаемъ, что мы, собственно, могли сказать разумнаго въ только-что оставленномъ высокомъ собраніи.

Между тѣмъ ближайшія изслѣдованія показываютъ, что и на мѣстѣ были люди, которые открывали истину. Въ одномъ изъ доставленныхъ въ день боя, до полудня, донесеній [1], болѣе подробно описывающемъ боевое расположеніе французовъ, говорится: „Праваго фланга ея, прикрытаго кустами, нельзя осмотрѣть".

Изъ этого слѣдуетъ, что при объявленіи въ приказаніи предварительныхъ свѣдѣній о противникѣ слѣдуетъ соблюдать крайнюю точность: эти одна или двѣ строчки, составляющія введеніе къ приказу, должны быть составлены проницательно.

Второе, что должно входить въ приказаніе — это *намѣреніе начальника въ общихъ чертахъ*. Оно непосредственно зависитъ отъ свѣдѣній о непріятелѣ, а слѣдовательно и съ внѣшней стороны лучше всего примыкаетъ непосредственно къ послѣднимъ.

Что полководецъ, начальникъ войскъ, долженъ ясно и понятно сообщать свои намѣренія, понятно само собою и кажется, что по поводу этого нѣтъ нужды входить въ какія-либо объясненія. Но и въ этомъ дѣлѣ опытъ учитъ насъ другому.

Прежде всего часто трудно установить собственное намѣреніе за нѣсколько часовъ впередъ. Обстановка на войнѣ обрисовывается до того неопредѣленно, что рано утромъ нельзя еще сказать, чего захочешь въ 9 ч. или 10 ч. утра. Въ видахъ удобства войскъ, приказанія для слѣдующаго дня должны, большею частью, отдаваться съ вечера, а между тѣмъ ночь можетъ многое измѣнить. Часто возможно будетъ заранѣе опредѣлить только пункты, на которыхъ утромъ войска должны собраться, чтобы быть готовыми къ движенію. Тогда именно это должно быть выражено опредѣленно, чтобы и всякій подчиненный начальникъ зналъ, что все дальнѣйшее еще недостовѣрно и что, слѣдовательно, онъ не долженъ себя связывать по ротамъ преждевременнымъ соприкосновеніемъ съ непріятелемъ.

Другой разъ кажется, что намѣреніе высшей инстанціи какъ бы пропитало воздухъ до такой степени, что считаютъ лишнимъ еще подробно повторять его въ короткихъ и торопливо-написанныхъ приказаніяхъ. Въ главной квартирѣ, какъ и въ дальнѣй-

[1] Оно было составлено однимъ изъ офицеровъ штаба II арміи.

шихъ кружкахъ высшаго управленія, объ немъ постоянно говорилось поэтому невольно предполагается, что оно всякому извѣстно. Несмотря на это, оно именно на рѣшающемъ пунктѣ могло остаться неизвѣстнымъ. Какъ часто случается, что рѣшительными оборотъ дѣлу даетъ именно тотъ корпусъ, который первоначально предназначался для совсѣмъ другой роли. 18-го августа саксонскія войска, которымъ предполагалось поручить преслѣдованіе тѣхъ французскихъ войскъ, которыя отступили бы *на западъ*, должны были обратиться *на востокъ* для охвата праваго фланга французовъ [1]).

Намѣреніе главнокомандующаго должно быть въ общихъ чертахъ извѣстно всѣмъ генераламъ, которые могутъ быть призваны къ самостоятельной дѣятельности. Намъ случалось испытать въ 1870 г., что бригадные командиры и начальники дивизій своими свободными рѣшеніями вызывали сраженія, не входившія въ намѣренія главнокомандовавшихъ арміями, такъ что эти люди заранѣе распоряжались судьбою всей арміи. *Подобные случаи будутъ являться всегда, пока въ войскахъ живетъ духъ предпріимчивости, а въ начальникахъ чувство самостоятельности. Они должны являться, если желаютъ общаго взаимодѣйствія всѣхъ силъ и если не хотятъ терять безъ пользы самыхъ удобныхъ случаевъ.* Однако, тѣмъ болѣе необходимо посвящать также и низшихъ начальниковъ въ общее намѣреніе главнокомандующаго. Сохраненіе тайны можетъ при этомъ пострадать только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Во первыхъ, сообщеніе тайны никогда не простирается далѣе тѣснаго кружка высокопоставленныхъ лицъ. Во вторыхъ, отъ момента отдачи приказанія для исполненія, послѣднее предстоитъ такъ скоро, что непріятель узнаетъ о намѣреніи слишкомъ поздно, чтобы быть еще въ состояніи извлечь изъ него пользу.

Если иногда до начала рѣшительныхъ движеній, ведущихъ въ бой, и бываетъ очень мало времени, то во всякомъ случаѣ всегда найдется столько минутъ, чтобы хотя бы одной фразой еще разъ ясно выразить намѣреніе полководца. Такъ какъ 18-го августа твердо установилась руководящая идея не атаковать серьезно

[1]) Это, какъ извѣстно, и рѣшило участь сраженія.

противника съ его сильнаго, вслѣдствіе условій мѣстности, фронта до тѣхъ поръ, пока не будетъ обойденъ правый его флангъ, то навѣрно было бы выгодно повторить это во всѣхъ приказаніяхъ, хотя бы и предполагали, что это уже извѣстно всѣмъ. На дѣлѣ же атаки съ фронта очень скоро приняли болѣе серьезные размѣры, нежели то было желательно. Этого не могло бы произойти, если бы, непосредственно послѣ описанія непріятельской позиціи, во всѣхъ приказаніяхъ былъ высказанъ взглядъ высшей инстанціи на исполненіе атаки. Намѣреніе полководца есть единственная руководящая нить для его подчиненныхъ въ томъ случаѣ, когда приказаннаго нельзя исполнить такъ, какъ это желалось. Поэтому намѣреніе это должно быть выражено легкопонятно и такъ, чтобы оно сразу бросалось въ глаза.

Послѣ словъ, выражающихъ намѣреніе главнокомандующаго, помѣщаются *самыя распоряженія*. Содержаніе ихъ, конечно, вполнѣ зависитъ отъ современныхъ имъ обстоятельствъ. Въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ мы разберемъ въ этомъ отношеніи нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ.

Въ общемъ, *точное соображеніе условій времени и пространства* есть главное дѣло. Ошибки въ этомъ отношеніи непростительны и, все-таки, онѣ случались даже съ великими полководцами [1]). Кто знаетъ войну, сумѣетъ себѣ это объяснить. Представимъ себѣ, что на самомъ полѣ сраженія обсуждается какое-нибудь распоряженіе и разрабатывается соотвѣтствующее приказаніе; въ это время приходятъ новыя донесенія; надо сообразить—исполнимо ли еще задуманное; тутъ подъѣзжаютъ высшіе начальники частей; главнокомандующій долженъ съ ними переговорить. Болѣе настоятельныя распоряженія требуютъ его немедленнаго приказанія; ходъ какой-нибудь большой кавалерійской атаки совершенно овладѣваетъ его вниманіемъ; какая-нибудь непріятельская контръ-атака временно вызываетъ высшую степень напряженія; мимо проходятъ войска, шумно привѣтствуя любимаго вождя—нѣсколько поощряющихъ и благодарственныхъ словъ необходимо. Затѣмъ отправляются на какой-нибудь другой пунктъ,

[1]) Блуме. Стратегія, стр. 143.

чтобы прослѣдить, какъ стихаетъ сраженіе; тутъ только, когда уже послѣдніе выстрѣлы умолкли, припоминается, что приказаніе еще не отослано. Тогда оно быстро тутъ же подписывается и отправляется съ офицеромъ; при этомъ ускользаетъ отъ вниманія, что тѣмъ временемъ прошли уже часы и что слѣдовало бы измѣнить отмѣченное въ приказаніи время его отдачи, что потребованныя войска совсѣмъ уже не могутъ прибыть къ назначенному сроку. Нерѣдко полагаются также на вѣрное пониманіе получателей и ожидаютъ отъ нихъ необходимыхъ измѣненій. Но ошибка сдѣлана и ее невозможно отмѣнить. Кто себѣ можетъ представить, при какихъ безпокойныхъ обстоятельствахъ часто приходится писать приказанія, найдетъ эту ошибку извинительною. Тѣмъ не менѣе подобные случаи подрываютъ довѣріе, въ особенности, если они часто повторяются и если заблужденіе легко бросается въ глаза.

Скажемъ нѣсколько словъ о *послѣдовательности* распоряженій.

Она главнымъ образомъ зависитъ отъ степени важности отдѣльныхъ мѣръ. Первое изъ написанныхъ распоряженій запоминается лучше всѣхъ другихъ и потому самое важное должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ, если только для пониманія его нѣтъ надобности предпосылать ему какое-нибудь разъясняющее распоряженіе. Лишь затѣмъ слѣдуютъ распоряженія меньшей важности, которыя служатъ только для поддержки или обезпеченія главнаго предпріятія.

Если при изложеніи приказанія нельзя найти подобной естественной послѣдовательности, то лучше всего начинать съ той части войскъ, которой прежде всего и дальше всего приходится двинуться впередъ, напримѣръ съ кавалерійской массы, опережающей армію. Пока при чтеніи приказанія, съ картою въ рукахъ, знакомишься съ задачей послѣдней, пріобрѣтаешь одновременно и понятіе о положеніи урочищъ, дорогъ и т. п., которыя въ послѣдующихъ распоряженіяхъ опять играютъ роль, и когда доходитъ очередь до послѣднихъ, то имѣешь уже необходимыя свѣдѣнія. Такимъ способомъ скорѣе всего пріобрѣтается правильный обзоръ всего цѣлаго.

Если все, что касается передовой конницы, изложено, то слѣдовало бы говорить объ авангардахъ, затѣмъ о главныхъ силахъ

и, наконецъ, о боковыхъ прикрытіяхъ и командировкахъ. Такимъ образомъ достигается также послѣдовательность, которая въ общемъ совпадаетъ съ послѣдовательностью исполненія, что для ясности и общаго обзора можетъ быть только выгодно.

За исключеніемъ приказаній для отступленія, никто не предпишетъ распоряженія объ обозахъ и паркахъ распоряженіямъ о войскахъ или перемѣщаетъ ихъ. Этимъ распоряженіямъ мѣсто въ концѣ приказанія.

Далѣе, надо принять въ соображеніе, что на воинѣ приказанія часто приходится не только писать при затруднительныхъ обстоятельствахъ, но и читать и понимать. Когда при чтеніи военной исторіи наталкиваешься на приказанія, что въ одномъ мѣстѣ что-нибудь было не замѣчено, въ другомъ забыто и т. д., то легко является желаніе строго осудить это и воскликнуть: „какъ это было возможно?“ Обыкновенно никто не представляетъ себѣ, что генералъ, какъ бы онъ ни былъ увѣренъ въ своемъ положеніи, не можетъ безпрерывно бодрствовать, оставаться свѣжимъ и въ движеніи и что усталость беретъ надъ нимъ верхъ такъ же, какъ и надъ всякимъ другимъ. Можетъ-быть, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ сѣдлѣ, при зимней стужѣ и мятели, онъ долженъ былъ до глубокой ночи бодрствовать за совѣщаніями, распоряженіями, пріемомъ донесеній и извѣстій и т. д. Только-что онъ немного прилегъ въ своей невзрачной квартирѣ, какъ прибываетъ ординарецъ съ приказаніями отъ высшей инстанціи, чтобы вызвать его изъ съ трудомъ найденнаго сна къ новой дѣятельности; сейчасъ же должно быть прочитано, обдумано, рѣшено и отдано приказаніе своимъ подчиненнымъ. Часто подобное безпокойство вызывается безъ особой надобности. Съ трудомъ рѣшаешься отказаться отъ покоя, котораго еще всѣ члены энергично требуютъ. При плохомъ освѣщеніи, другой разъ только при мелькающемъ пламени камина или бивачнаго огня, приходится разбирать приказаніе, набросанное, можетъ-быть, также наскоро; приносятъ карту, но часто только съ трудомъ можно достать столъ, чтобы ее разложить. Чѣмъ длиннѣе при такихъ обстоятельствахъ приказаніе, чѣмъ болѣе оно содержитъ въ себѣ имент, чѣмъ искусственнѣе предписываемыя въ немъ распоряженія, чѣмъ болѣе въ немъ пере-

мѣшано важное съ мелочами, тѣмъ болѣе представляется возможности возникнуть заблужденіямъ, недоразумѣніямъ, предпочтеніямъ второстепеннаго главному и тому подобнымъ ошибкамъ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, по крайней мѣрѣ въ германской арміи, всѣ лица, занимающія болѣе или менѣе значительное положеніе, находятся уже въ такомъ возрастѣ, когда духовныя и тѣлесныя силы начинаютъ ослабѣвать. Наполеонъ на 41-мъ году своей жизни уже жаловался, что ему недостаетъ прежней подвижности. „Малѣйшая поѣздка верхомъ составляетъ для меня усиліе", писалъ онъ. Фридрихъ Великій, будучи 48 лѣтъ, изливая свое сердце своему другу д'Аржанъ, писалъ: „Мнѣ приходится совершать геркулесовскую работу въ возрастѣ, въ которомъ меня оставляютъ силы, увеличивается моя дряхлость и, чтобы все сказать, когда надежда, эта утѣшительница несчастныхъ, начинаетъ меня покидать". Въ такомъ же возрастѣ находятся очень многіе баталіонные командиры германской арміи, у которыхъ большая часть ступеней военной іерархіи еще впереди. Только немногіе командиры полковъ еще такъ молоды, а бригадныхъ командировъ такихъ лѣтъ, въ особенности въ пѣхотѣ, навряд ли можно найти. Положенія же, которыя имѣютъ нѣкоторое значеніе въ большой войнѣ, начинаются только за должностями бригадныхъ командировъ. У людей, приближающихся къ 60-ти лѣтнему возрасту или перешедшіе его, немыслимы полная быстрота воспріимчивости и прежняя сила памяти.

Все это должно быть принято во вниманіе при составленіи приказаній; они должны быть легко схватываемы и легко запоминаемы въ главныхъ чертахъ.

Для этого прежде всего надо, чтобы изъ распоряженія о движеніяхъ и боѣ было выдѣлено все прочее. Конечно, нельзя совершенно исключить распоряженій объ обозахъ, нарядахъ и санитарныхъ частяхъ, ибо войска должны знать, гдѣ они могутъ найти боевые припасы, продовольствіе, лазареты и проч. Но для этого большею частью достаточно указать мѣста расположенія ихъ. Остальныя же мелкія распоряженія, которыя въ этомъ отношеніи еще нужны, лучше помѣщать въ особомъ приложеніи. Тогда важнѣйшее, что относится къ дѣятельности войскъ, что начальники

ихъ должны совершенно ясно имѣть передъ глазами, свободное отъ всякихъ побочныхъ придатковъ, выдѣляется болѣе рельефно. Если, напримѣръ, генералъ Шанзи, въ своей инструкціи отъ 8-го декабря, прибавляетъ къ приказанію о планѣ дѣйствій длинный рядъ назначеній и производствъ въ чины офицеровъ и врачей,— равное по содержанію почти цѣлому номеру германской газеты „Militair-Wochenblatt“, то мы скорѣе можемъ порицать это, чѣмъ то, что въ первой части своего приказанія онъ слишкомъ вдается въ подробности и принимаетъ поучительный тонъ. За замѣтками о личныхъ отношеніяхъ у него слѣдовали даже распоряженія о занятіи выходовъ изъ Мариенштарскаго лѣса, слѣдовательно, часть приказанія для боя и, въ концѣ концовъ, напоминаніе командующимъ генераламъ почаще посылать донесенія. Очевидно, какъ легко это могло быть упущено изъ вида, если и не при первомъ чтеніи, то впослѣдствіи.

Точно также необходимо всегда объявлять въ приказаніи, *гдѣ будетъ находиться отдающій приказанія*, дабы донесенія и запросы вѣрно доходили до него.

Составленіе всякаго приказанія, которое отдается на войнѣ, должно быть удобообозрѣваемо, какъ греческій храмъ. Только тогда будетъ оно имѣть послѣдствіемъ ясность представленія и опредѣленность дѣйствій [1]).

[1]) Не есть значеніе, при составленіи приказанія, и употребленіе картъ. Необходимость точнаго изложенія мысли мы предполагаемъ сами собою понятнымъ. Но отчего бы сообщать каждой арміи, по какой изъ имѣющихся въ распоряженіи картъ составляются приказанія. Каждая карта не только нѣсколько различно представляетъ мѣстность, но и имѣетъ часто различный шрифтъ надписей: что на одной картѣ написано крупными буквами, на другой означено мелко и очень разборчиво. Если отдающій приказаніе и получающій его будутъ пользоваться различными картами, то легко можно потерять массу времени на объясненіе. Авторъ настоящей книги, состоя во время войны 1870—1871 г. въ главной квартирѣ одной изъ арміи, помнитъ, какъ однажды почти цѣлая ночь прошла въ отысканіи названія одной мызы, упомянутой въ донесеніи. Это было найдено только тогда, когда случайно попалась въ руки другая карта, на той картѣ, которой вѣроятно пользовались при составленіи донесенія, эта ферма была обозначена болѣе крупнымъ шрифтомъ.

Мы должны еще посвятить нѣсколько словъ вліянію разстоянія на отдачу приказаній, такъ какъ оно высказывается и при оцѣнкѣ боевыхъ обстановокъ.

Непосредственное впечатлѣніе дѣйствуетъ всегда наиболѣе сильно, и совершенно въ порядкѣ вещей, что болѣе отдаленную опасность считаютъ менѣе значительной, чѣмъ ближайшую; отсюда происходитъ, что на войнѣ каждый думаетъ, что тамъ, гдѣ онъ сражается, происходитъ и самый жаркій бой и что именно на его театрѣ войны условія самыя тяжелыя. Съ одной стороны, это вводитъ въ искушеніе требовать отъ другого болѣе, чѣмъ отъ самого себя, потому что извѣстны только *задачи* сосѣда, но неизвѣстны препятствія, которыя онъ встрѣчаетъ при исполненіи; съ другой же стороны, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ этомъ есть и нѣчто хорошее, а именно то, что не приходится думать и дѣйствовать подъ непосредственнымъ вліяніемъ опасности и затрудненій.

Опытъ подтверждаетъ, что съ увеличеніемъ разстоянія растетъ и смѣлость рѣшеній. Въ болѣе обширный раіонъ театра войны всматриваются всегда съ бо́льшимъ хладнокровіемъ и лучше познаютъ второстепенное значеніе обстоятельства, которое участникамъ на мѣстѣ кажется *важнѣйшимъ*, потому что они непосредственно находятся подъ его вліяніемъ; къ тому же въ такомъ положеніи легче изыскивать средства, которыми можно уравновѣсить возможную неудачу въ одномъ пунктѣ успѣхомъ на другомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ особенности *высшему управленію войсками* будетъ очень полезно находиться въ нѣкоторомъ удаленіи отъ театровъ войны отдѣльныхъ арміи. Оно должно во всѣхъ случаяхъ быть побудительной силой, должно постоянно быть готовъ взять на себя отвѣтственность, если одинъ изъ подчиненныхъ главнокомандующихъ сомнѣвается, и должно вполнѣ объективно взвѣшивать взаимную важность различныхъ предпріятій.

Поэтому оно должно быть избавлено отъ тѣхъ тревогъ, безпокойствъ и заботъ, которыя ежедневно приноситъ жизнь войскъ, стоящихъ близко къ непріятелю; въ окружающей его атмосферѣ должно царствовать холодное спокойствіе. Только въ немногіе рѣшительные моменты можетъ оно лично спуститься въ возбуж-

денную стихію войны, чтобы подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ сдѣлать свои распоряженія. Но если это будетъ случаться слишкомъ часто, то потеряется представленіе о цѣломъ, и видъ дѣйствій постепенно ограничитъ и широкій полетъ плановъ.

Замѣчательно, какъ во время зимней кампаніи 1870—71 г. главная квартира германской арміи постоянно считала опасность, угрожавшую въ провинціяхъ нѣмцамъ, гораздо меньшею, чѣмъ это считали сами войска, расположенныя тамъ для обезпеченія блокады Парижа отъ попытокъ извнѣ. Сила формировавшейся за Луарой арміи генерала д'Орель-де-Паладина, на которую Франція возлагала свои надежды, оцѣнялась вначалѣ ниже дѣйствительности. Лишь послѣ сраженія при Кульмье ее начали признавать внушавшей уваженіе и опредѣляли ея численность въ 60.000 человѣкъ и болѣе. До тѣхъ поръ разсѣяніе ея считалось сравнительно легкимъ дѣломъ.

Точно также замѣчательно, что въ посланныхъ противъ этой арміи войскахъ опасенія возникали обратно пропорціонально разстоянію ихъ отъ нея. При выступленіи противъ нея надѣялись еще на легкую побѣду надъ неустроенными отрядами и думали достигнуть цѣли въ Буржѣ и Турѣ, но съ теченіемъ времени извѣстія и донесенія измѣняли взгляды и рѣшенія. Трудность дѣла стала очевидиѣе; большая численность непріятеля выдѣлилась рельефнѣе и стала предметомъ большей заботливости; появились даже сомнѣнія въ возможности исполненія задуманнаго. Рядомъ съ наступательными планами стали подумывать и о мѣрахъ на случай обороны. Рѣшеніе преслѣдовать достиженіе цѣли за Луарой было оставлено.

Дѣйствительно, недостатка въ причинахъ для осторожности не было [1]). Несмотря на то, что противъ германцевъ находились несравненно худшія войска, чѣмъ войска нашей имперіи, кампанія сложилась въ декабрѣ и январѣ гораздо серьезнѣе, нежели того ожидали.

На другихъ участкахъ театра войны происходило подобное же. Но, въ сущности, здѣсь произошелъ чрезвычайно счастливый об-

[1]) Какъ видно изъ приведенныхъ на стр. 109 мнѣній, опасенія эти впослѣдствіи вновь признавались и въ германской главной квартирѣ.

мѣнь. Въ то время, какъ справедливая осторожность исполнителей уменьшала возможность неудачъ, излишне высокія желанія главной квартиры служили немаловажной побудительной причиной для активныхъ дѣйствій.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ еще, что геніальнѣйшіе и самые смѣлые планы должны бы зарождаться дома, въ кабинетѣ, гдѣ непосредственное вліяніе опасностей войны совершенно исключено и гдѣ имѣется больше всего спокойствія для обдумыванія и работы. Далѣе, могутъ сказать, что присутствіе полководца въ арміи является необходимымъ только ко времени рѣшительнаго боя, да и тамъ руководство войсками могъ бы взять на себя старшій начальникъ: посредствомъ телеграфа можно было бы въ 1870—1871 годахъ доставлять приказанія изъ Берлина въ Орлеанъ, Везуль и Амьенъ такъ же удобно и почти такъ же скоро, какъ и изъ Версаля. Такимъ образомъ казалось бы, что при нынѣшнихъ условіяхъ веденія войны можно было бы вновь допустить такой способъ управленія арміями, какой приписывался въ прежнее время вѣнскому Гофкригсрату [1]).

Мы дѣйствительно видѣли такой примѣръ. Французское военное министерство въ 1870—1871 г. поступало подобно вышесказанному. Состоя въ связи съ арміей почти только посредствомъ одной телеграфной проволоки, оно разсылало къ своимъ генераламъ различные планы, обдуманные въ Турѣ или въ Бордо за зеленымъ столомъ. Но мечта управлять судьбою сраженій изъ рабочаго кабинета приводила только къ пораженіямъ. Всѣ воинственные проекты Гамбетты и Фрейсине отличались недостаткомъ соотвѣтствія между желаніемъ и возможностью ихъ исполнить, между цѣлями и средствами. Во всѣхъ планахъ недоставало вѣрнаго пониманія способностей молодыхъ республиканскихъ войскъ.

---

[1]) Для примѣра мы держимся здѣсь общепринятаго представленія о дѣятельности Гофкригсрата. Въ послѣднее время австрійцы оспариваютъ, что это учрежденіе, по крайней мѣрѣ въ семилѣтнюю войну, оказывало какое-нибудь вліяніе на военныя операціи, и увѣряютъ, что оно было лишь административнымъ учрежденіемъ. См. сообщенія Императорско-Королевскаго военнаго архива. Майскій тетрадь 1879 г. австрійской періодической военной литературы. Строффлеръ стр. 8.

Слѣдовательно, если главная квартира и хорошо поступаетъ, что держится вообще въ нѣкоторомъ удаленіи отъ полей сраженій, то это разстояніе не должно быть настолько велико, чтобы между арміей и главной квартирой прекратилась живая, внутренняя связь. Полководецъ долженъ каждую минуту слышать пульсъ своей арміи. Отъ ея внутренняго волненія къ нему должно доходить лишь столько, чтобы минутныя впечатлѣнія не слишкомъ докучали ему, но чтобы онъ, все-таки, еще имѣлъ вѣрное представленіе о томъ, чего онъ въ данную минуту можетъ требовать отъ арміи. Присутствіе главной квартиры на театрѣ войны ведетъ къ тому, что она въ своихъ планахъ остается на реальной почвѣ.

Точно также полезно для главной квартиры испытывать, на маршахъ и остановкахъ въ переполненныхъ квартирахъ, часть тѣхъ неудобствъ и лишеній войны, которыя приходится войскамъ испивать до дна. Это предохраняетъ отъ невозможныхъ требованій и даетъ иногда надлежащій масштабъ для оцѣнки опасенія препятствія, которое издали казалось болѣе, чѣмъ вблизи.

Подобное же отношеніе, какъ при веденіи большихъ операцій, имѣетъ мѣсто и въ сраженіяхъ. Справедливо совѣтуютъ высшимъ начальникамъ не подходить слишкомъ близко къ боевой линіи. И здѣсь должна быть соблюдена вѣрная мѣра въ разстояніи отъ опасности.

Клаузевицъ, во второй части своего сочиненія о войнѣ, оставилъ намъ слѣдующее прекрасное описаніе тѣхъ различныхъ зонъ, которыя окружаютъ главный фокусъ боя:

„Послѣдуемъ въ бой за новичкомъ. Когда мы приближаемся къ полю сраженія, то становящійся все сильнѣе громъ орудій смѣняется наконецъ ревомъ снарядовъ, которые теперь и начинаютъ привлекать вниманіе неопытнаго. Ядра начинаютъ ложиться вблизи насъ, то впереди, то сзади. Мы спѣшимъ на тотъ холмъ, на которомъ стоитъ главный начальникъ со своей многочисленной свитой; здѣсь близкое паденіе ядеръ и разрывы гранатъ становятся уже столь частыми, что сквозь картину юношеской фантазіи начинаетъ пробиваться серьезный взглядъ на жизнь. Вдругъ падаетъ одинъ изъ нашихъ знакомыхъ; въ то же время граната

ударяетъ въ кучку людей свиты и заставляетъ ихъ дѣлать невольныя движенія,—начинаешь себя уже чувствовать не вполнѣ спокойнымъ и сосредоточеннымъ; даже самые храбрые люди становятся нѣсколько разсѣянными. Теперь сдѣлаемъ шагъ въ самый бой—разыгрывающійся пока передъ нами еще какъ на сценѣ—къ ближайшему начальнику дивизіи; здѣсь падаетъ ядро за ядромъ, и громъ собственныхъ орудій увеличиваетъ разсѣянность. Отъ начальника дивизіи переходимъ къ бригадному командиру. Послѣдній, будучи испытанной храбрости, держится осторожно за холмомъ, или за домомъ, или за деревьями; вѣрный признакъ увеличивающейся опасности—картечь—гремитъ по крышамъ и полямъ; артиллерійскіе снаряды визжатъ во всѣхъ направленіяхъ и уже часто слышанъ свистъ ружейныхъ пуль. Еще одинъ шагъ къ войскамъ—къ пѣхотѣ, которая по цѣлымъ часамъ съ невыразимою стойкостью выдерживаетъ бой съ ближайшихъ дистанцій; здѣсь воздухъ буквально переполненъ шипящими пулями, возвѣщающими о своей близости тѣмъ короткимъ, рѣзкимъ звукомъ, съ которымъ онѣ пролетаютъ въ разстояніи дюйма отъ уха, головы и души. Къ довершенію всего, жалость при видѣ изувѣченныхъ и падающихъ ударяетъ съ воплемъ въ наши трепещущія сердца".

Это изображеніе справедливо и въ настоящее время; только зоны боя увеличились еще болѣе съ введеніемъ дальнобойнаго оружія. Увеличившаяся дѣйствительность огня усилила и моральныя впечатлѣнія. Самый частый градъ пуль прежняго времени не можетъ выдержать никакого сравненія съ снопами снарядовъ нашихъ скорострѣльныхъ ружей.

Мы уже отмѣтили ранѣе, что мало такихъ людей, на которыхъ бы опасность не производила никакого впечатлѣнія. Клаузевицъ полагаетъ, что новичокъ не пройдетъ различныхъ полосъ боя безъ того, чтобы не почувствовать, что мысли работаютъ и отражаются здѣсь иначе, чѣмъ при спекулятивной дѣятельности. Если впечатлѣніе опасности постепенно и притупляется, то все-таки отъ него остается что-то даже у опытнѣйшаго солдата. Чѣмъ больше онъ углубится въ бой, тѣмъ скорѣе бьется его пульсъ, тѣмъ быстрѣе, но менѣе ясно, смѣняются его мысли

и тѣмъ болѣе его соображеніе будетъ направлено на собственную особу и на можетъ-быть очень близко предстоящій его конецъ. Вѣдь человѣку нечего терять матеріально болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ свое земное существованіе, и онъ довольно живо интересуется этою собственностью.

Чѣмъ болѣе требуется отъ полководца умственнаго и нравственнаго воздѣйствія на ходъ боя, тѣмъ далѣе онъ долженъ держаться отъ сферы серьезной опасности для жизни. Для полководца то мѣсто лучшее, съ котораго онъ можетъ видѣть подходъ своихъ колоннъ и въ то же время обозрѣть позицію непріятеля. Подобные пункты часто находятся лишь на значительномъ разстояніи отъ боевыхъ линій и совершенно внѣ сферы выстрѣловъ: но было бы вполнѣ ложнымъ самолюбіемъ не воспользоваться ими только по этой причинѣ. Примѣромъ презрѣнія смерти полководецъ часто не можетъ принести болѣе пользы, нежели какой-нибудь младшій офицеръ: яснымъ же и спокойнымъ взвѣшиваніемъ своихъ рѣшеній онъ, напротивъ, дѣлается благодѣтелемъ сотенъ тысячъ людей.

Въ сраженіи при Пуасвилѣ 31-го августа и 1-го сентября главная квартира арміи обложенія Меца находилась на Горимонтѣ, рѣзко выдающейся вершинѣ лѣваго берега долины Мозеля, отъ поля сраженія въ прямомъ разстояніи въ 14 верстъ, а считая по дорогамъ 21 верста. Первоначально оттуда хотѣли только сдѣлать обзоръ мѣстности, для чего была очень полезна превосходная труба наблюдательной станціи; но скоро потомъ убѣдились, что кругомъ нигдѣ нѣтъ болѣе удобнаго пункта для высшаго управленія ходомъ начинающагося сраженія, и главнокомандующій остался тамъ со всѣмъ своимъ штабомъ, посылая, по мѣрѣ надобности, отдѣльныхъ офицеровъ на поле сраженія.

Подобно панорамѣ, открывались съ Горимонта вся окрестность Меца съ массою домовъ города и предмѣстій, крѣпостные верки и лагери французскихъ войскъ. По ту сторону долины можно было ясно видѣть всѣ движенія противника, выступленіе окруженной французской арміи, ея развертываніе и переходъ въ наступленіе. Точно также можно было хорошо слѣдить и за успѣхами

двигавшихся къ полю битвы германскихъ колоннъ, при чемъ получалось чрезвычайно своеобразное представленіе о положеніи обѣихъ сторонъ, подобно тому, какъ это возможно для посредника въ военной игрѣ. Можно было различать не только фазисы сраженія, но было возможно и обсудить, какія распоряженія нужно сдѣлать заранѣе, чтобы противодѣйствовать мѣрамъ, предпринимаемымъ противникомъ.

Такимъ образомъ именно въ этомъ сраженіи выдается и необыкновенно удачное взаимодѣйствіе между высшимъ управленіемъ наличныхъ боевыхъ силъ и дѣятельностью командующаго на полѣ сраженія генерала.

Главнокомандующій арміей, принцъ Фридрихъ Карлъ, имѣлъ намѣреніе предоставить сражавшемуся при Нуасвилѣ генералу ф. Мантейфелю всю честь побѣды, но и помимо этой причины пребываніе принца на Горимонтѣ было совершенно основательно. Съ оставленіемъ высоко-лежащей наблюдательной станціи онъ немедленно не только лишился бы возможности одновременно обозрѣвать все поле сраженія—прибавимъ, и телеграфнаго сообщенія,—но и его дѣятельность была бы прервана во время прохожденія разстоянія въ нѣсколько миль.

Перемѣна мѣста стоянія во время сраженія уже сама по себѣ имѣетъ дурныя послѣдствія: донесенія теряются, подчиненные начальники, отыскивающіе главнокомандующаго, или совсѣмъ не находятъ его, или находятъ его поздно.

Пунктъ, съ котораго можно одновременно наблюдать всѣ пути наступленія войскъ и всѣ части поля сраженія, такъ важенъ для высшаго управленія и такъ рѣдко можетъ быть найденъ вновь, что его не слѣдовало бы оставлять безъ самыхъ уважительныхъ причинъ, хотя бы даже за дальностью разстоянія и ускользали отдѣльныя подробности. Конечно, если ходъ событій перемѣняется и кризисъ наступаетъ въ другомъ пунктѣ, чѣмъ это предполагалось, то первоначальное мѣсто пребыванія, большею частью, теряетъ свое значеніе и должно быть своевременно перемѣнено. Такъ бы оно случилось и въ сраженіи подъ Мецомъ 31-го августа и 1-го сентября, если бы бой отдалился отъ крѣпости и по-

пытка маршала Базена къ прорыву удалась. Принцъ Фридрихъ Карлъ не замедлилъ бы отправиться на новое мѣсто дѣйствія [1]).

При меньшихъ размѣрахъ мѣняются и точки зрѣнія на выборъ пункта для начальника. Корпусный командиръ будетъ только тогда поступать подобно главнокомандующему, когда онъ находится въ сходномъ съ нимъ положеніи, т. е. когда онъ отдѣльно оперируетъ со своимъ корпусомъ. Если же его корпусъ находится въ составѣ общей боевой линіи, то нужно болѣе быстрое участіе въ руководствѣ боемъ, а слѣдовательно необходимо и болѣе близкое наблюденіе.

По мѣрѣ перехода власти къ начальникамъ дивизіи, бригаднымъ и полковымъ командирамъ увеличивается и требованіе оставаться вблизи боя и опасности, ибо падобность въ широкомъ обзорѣ уменьшается; необходимость быстраго, рѣшительнаго вмѣшательства въ дѣло, въ силу мгновенныхъ побужденій, растетъ. Непосредственность впечатлѣній становится здѣсь даже полезнымъ источникомъ для дѣятельности. Наконецъ, субалтернъ-офицеръ идетъ впереди своихъ людей въ огонь и увлекаетъ ихъ своимъ примѣромъ.

Какъ всегда на войнѣ, и здѣсь рѣшаютъ обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ нужно себѣ выяснить, что хорошій выборъ мѣстъ для начальниковъ имѣетъ весьма существенное вліяніе на управленіе войсками. Было бы ошибкой умалять значеніе этого кажущагося чисто внѣшнимъ условія.

---

[1]) Сильно мѣ къ тому послужило бы замолчаніе французскихъ крѣпостныхъ орудій. По тому, что форты съ восточной стороны Меца своей артиллеріей все время принимали участіе въ бою, можно было, стоя на Горимонтѣ, судить, что сраженіе не двигается съ мѣста, а только колеблется впередъ и назадъ въ своемъ первоначальномъ направленіи. По линіямъ дыма, которыя были ясно видны, можно было точно опредѣлить только распространеніе боевыхъ линій къ флангамъ, но не наступленіе и отступленіе фронта, такъ какъ съ точки стоянія германской главной квартиры можно было видѣть линіи нѣмецкихъ войскъ только поверхъ французовъ, сражавшихся на той сторонѣ долины.

III.

УСЛОВІЯ УСПѢХА НА ВОЙНѢ.

Мы оказали бы высшему управленію войсками величайшую услугу, если бы могли перечислить всѣ условія успѣха на войнѣ. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ усиліи никогда не дошли бы до конца; мы въ состояніи выдвинуть только нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ.

Первое условіе есть политика, обыкновенно очень не симпатичная солдату.

Блюхеръ писалъ во время вѣнскаго конгресса: „О! вы политики, вы плохіе знатоки человѣчества! вашъ хваленый вѣнскій конгрессъ похожъ на ярмарку въ мелкомъ городкѣ, на которую каждый тащитъ свою скотину, чтобы продать ее или промѣнять; берлинцы жалуются, что они пригнали туда здороваго вола и получили взамѣнъ его паршиваго быка". „Старикъ" хотѣлъ даже, вслѣдствіе злобы на „политиковъ", немедленно выйти въ отставку; однако его гнѣвъ уже тогда не могъ ничего измѣнить въ той важной роли, которую играетъ политика во всѣхъ обстоятельствахъ войны.

Война есть продолженіе политики съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ и объясняется ея вліяніе даже на способъ веденія войны. Ужъ если порицать, то большею частью было бы правильнѣе порицать самую политику, чѣмъ ея вліяніе. Плохая политика, естественно, будетъ имѣть и дурное вліяніе на образъ веденія войны.

Конечно, въ этомъ случаѣ не надобно понимать политику въ тѣсномъ смыслѣ слова и подразумѣвать подъ ней только то, что мы обыкновенно называемъ „внѣшнею политикою". Не менѣе важна и внутренняя, такъ что мы принимаемъ слово „политика" въ самомъ обширномъ его смыслѣ. Отъ политики зависитъ общее состояніе, настроеніе, устройство, моральная и физическая сила

государственной жизни, а отъ этихъ условій зависитъ, въ свою очередь, образъ веденія войны.

Клаузевицъ говоритъ: „Огромное вліяніе французской революціи слѣдуетъ, очевидно, искать не столько въ новыхъ средствахъ и методахъ веденія французами войны, сколько въ совершенно измѣнившихся государственной политикѣ, государственной администраціи, характерѣ правительства, состояніи народа и т. п. Что остальныя правительства имѣли неправильныя взгляды на всѣ эти вещи, что они обыкновенными средствами хотѣли удержать въ равновѣсіи новыя, преодолѣвающія силы—это все ошибки политики".

Ошибкой политики было и то, что въ 1805 г. Пруссія, поддерживаемая могущественными союзниками, не явилась на полѣ битвы съ многочисленной, хорошо вооруженной арміей для произнесенія рѣшительнаго слова. Хотя бы въ ея военныхъ учрежденіяхъ и были кое-какіе недостатки, но, въ общемъ, ея положеніе было настолько благопріятно, что при разумномъ употребленіи ея вооруженныхъ силъ едва ли можно было сомнѣваться въ успѣхѣ. Но ошибочная политика не только не воспользовалась этими преимуществами, но ея дурное дѣйствіе распространилось сейчасъ же и дальше. Лучшіе и дальновидные люди прусской арміи навѣрно разсчитывали, что на этотъ разъ наступилъ конецъ вѣчнымъ колебаніямъ періода нейтралитета и что Пруссія наконецъ явится дѣйствующимъ лицомъ на всемірной сценѣ. Поэтому то и разочарованіе, когда опять ничего изъ этого не вышло, подѣйствовало такъ удручающе, какъ никогда. Отчаянное настроеніе, чувство стыда и безнадежности овладѣли многими сердцами. Въ войскѣ появилось убѣжденіе, что послѣ этого необходимо сражаться, хотя бы изъ-за чести. Сознаніе, что благопріятнѣйшій случай пропущенъ, увеличило безпокойство прусской партіи войны и оказало могущественное вліяніе на разрывъ съ Франціей, такъ несвоевременно послѣдовавшій въ 1806 г. Подобный же фактъ случился и съ Франціей въ 1870 году. Мнѣніе, что въ 1866 году былъ безвозвратно потерянъ удобный случай утвердить снова во всей Европѣ престижъ Франціи, раздражало національное самолюбіе, безпокойство которого заставило Наполеона III, послѣ не-

удачной попытки въ 1867 г. усмирить это раздраженіе, принять рѣшительный бой въ несчастное для него время. Пруссія въ 1806 г. и Франція въ 1870 г. —эти два эпизода изъ исторіи пропущенныхъ политическихъ обстоятельствъ, несомнѣнно доказывають вліяніе политики на войну.

Пруссія въ 1806 году двинулась въ бой за свое существованіе съ обыкновенными, годными для военныхъ цѣлей прошедшаго періода, средствами; въ то же время народъ долженъ былъ оставаться совершенно покоенъ, смотрѣть на это хладнокровно и возбуждать въ немъ патріотическое чувство не дозволялось. Это тоже была ошибка политики. Средства Пруссіи могли, пожалуй, считаться удовлетворительными для удержанія перваго удара находившейся въ это время въ Германіи французской полевой арміи, но удержать натиска освобожденной отъ оковъ французской національной силы они не могли. Политика дала Франціи необыкновенныя средства и этимъ сдѣлала возможнымъ такую энергію въ веденіи войны, о которой, иначе, нечего было бы и думать. Первое, что должна была бы сдѣлать Пруссія, это также набрать неслыханные призывы. Но для этого нужно было, чтобы политика еще задолго до войны поставила бы народъ въ такое положеніе, которое дозволяло бы употребленіе на войнѣ всѣхъ силъ государства. Клаузевицъ мѣтко разобралъ связь, существующую между политикой и войной [1]); въ настоящее время въ этомъ отношеніи точка зрѣнія еще нѣсколько расширилась. Война не освободилась отъ вмѣшательства политики, но вліяніе послѣдней немного упростилось, сравнительно съ прежнимъ. Если Клаузевицъ еще говоритъ о подобныхъ войнахъ, какъ коалиціонныя, или о войнѣ за австрійское наслѣдство, гдѣ союзныя державы обязывались поддерживать другъ друга опредѣленнымъ числомъ боецовъ, гдѣ выставлялась только часть, а не всѣ силы государства, и гдѣ политика всегда выступала на первый планъ, то въ настоящее время можно это обойти молчаніемъ. Подобныя отношенія едва ли еще мыслимы въ Европѣ. Даже попытка Россіи побѣдить въ 1877 году много слабѣйшую Турцію только *частью* своихъ силъ

[1]) «О войнѣ», томъ III, 8-ая кн., гл. VI. Сравнить также: Блуме. Стратегія, стр. 25.

потерпѣла полнѣйшую неудачу. Подобные же походы, какъ нѣмецко-датскій 1864 года или какъ англійскій въ Египетъ, въ которыхъ было достаточно одного экспедиціоннаго корпуса, чтобы урезонить слабаго, но упрямаго противника, мы причисляемъ къ военнымъ экзекуціямъ. Они только въ незначительной степени возбуждаютъ нашъ интересъ. Основныя начала современнаго образа войны должны быть объяснены только въ предположеніи большихъ народныхъ войнъ. Если столкнутся двѣ европейскія первоклассныя державы, то для рѣшенія спора онѣ съ самаго начала выставятъ всѣ организованныя оборонительныя силы. Всѣ политическія соображенія, нераздѣльныя съ союзническими войнами, отпадаютъ. Но и безъ этого остается еще довольно, о чемъ подумать.

Причины войны политическаго свойства, и мы уже говорили, что войны только еще возможны изъ-за великихъ политическихъ интересовъ. Конечно, эти интересы принимаютъ иногда весьма своеобразный видъ. Иногда кажется, что разрывъ между націями вызванъ мелочами. Напримѣръ, въ 1867 году Европа легко могла сдѣлаться свидѣтельницей кровопролитной войны изъ-за самаго второстепеннаго вопроса. Кандидатура принца Гогенцоллернскаго на Мадридскій престолъ навѣрное не была достаточной причиной для встрѣчи на жизнь и смерть такихъ двухъ народовъ, какъ германцы и французы. Однако во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обстоятельства складываются такъ, что внѣшній видимый мотивъ служитъ только какъ бы предлогомъ для политической антагоніи, которая произошла отъ долговременнаго тренія.

Въ настоящее время мы, въ извѣстномъ смыслѣ, приближаемся къ нѣкоторому первобытному природному состоянію, когда войны между сосѣдними народами могутъ произойти исключительно отъ ненависти другъ къ другу. Но при этомъ остается та разница, что эта вражда не есть болѣе чисто инстинктивная, а происходитъ отъ столкновенія идеальныхъ интересовъ, для которыхъ въ выдающейся степени нужны могущество и значеніе. И то и другое—политическіе факторы.

Далѣе, политика рѣшаетъ также наступательный или оборонительный характеръ войны. Если бы Пруссія придерживалась

въ 1866 году нерѣшительной политики, то, вмѣсто событій 1866 года, можно было бы ожидать такого рѣшенія вопроса между воюющими сторонами, при которомъ Пруссія подчинилась бы различнымъ давленіямъ и держалась бы оборонительнаго образа дѣйствія, чтобы только не уступить обратно разъ занятаго Шлезвига. При этомъ арміи были бы выставлены для обороны, и если бы дѣйствія Австріи внушали довѣріе, то не только мелкія государства Германіи, но и Франція приняла бы участіе въ нападеніи. Нѣчто подобное можно было бы себѣ представить и для кампаніи 1870 г. Легко судить, насколько иначе сложились бы событія этихъ войнъ.

Политика же опредѣляетъ отношенія тѣхъ государствъ, которыя хотя и не участвуютъ въ войнѣ, но заинтересованы въ ея исходѣ. Сочувствіе ихъ или несочувствіе можетъ получать большое значеніе и можетъ въ значительной степени тормозить или содѣйствовать активности. Далѣе, политика большею частью опредѣляетъ моментъ для начала военныхъ дѣйствій, отъ удачнаго выбора котораго много зависитъ; однимъ словомъ, она создаетъ общее положеніе, при которомъ государство вступаетъ въ бой. Въ свою очередь, это положеніе будетъ имѣть громадное вліяніе на рѣшенія и поведеніе полководца и даже на настроеніе всей арміи.

Конечно, при огромной тяжести военныхъ событій нашего времени, съ началомъ грома пушекъ политика отойдетъ болѣе прежняго на задній планъ. Въ войнахъ прошлаго столѣтія державы, несмотря на начавшіяся уже военныя дѣйствія, почти всегда держали еще часть своихъ вооруженныхъ силъ подъ рукою для другихъ предпріятій, и политика рѣшала, увеличивать ли ею сражающіяся арміи, или нѣтъ [1]). Въ настоящее же время съ самаго начала ставится на карту все, и военный жребій долженъ предварительно пасть, какъ то предопредѣлено судьбою.

Политика лишь только тогда получаетъ вновь свое вліяніе, когда станетъ замѣтно, что одна изъ воюющихъ сторонъ чувствуетъ потребность въ мирѣ, что желаніе ея продолжать войну

[1]) Точно также, часто между враждебными сторонами долго не прекращались и дипломатическія сношенія. Такъ напримѣръ, англійскій посланникъ не былъ отозванъ изъ С.-Петербурга во все время семилѣтней войны.

уменьшается и когда она теряетъ надежду на успѣхъ оружія. Въ такомъ случаѣ дѣло политики—предложить новыя условія, при которыхъ обѣ стороны могли бы согласиться на окончаніе спора. Здѣсь часто сказывается вліяніе третьей державы, которое нерѣдко опредѣляетъ, до какихъ предѣловъ могутъ простираться требованія побѣдителя и уступчивость побѣжденнаго.

Въ послѣдніе періоды войнъ, когда исходъ вооруженнаго столкновенія не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію, военный элементъ, естественно, все болѣе и болѣе уступаетъ поле дѣйствія политическому. Политика часто совершенно непосредственно вліяетъ на рѣшенія главнокомандующаго. При извѣстныхъ условіяхъ политическія соображенія вызываютъ иногда цѣлыя сраженія, которыя съ чисто военной точки зрѣнія болѣе не нужны, но необходимы для одной стороны, какъ послѣдняя попытка, а для другой, какъ послѣднее принудительное средство. Одной изъ воюющихъ сторонъ эта послѣдняя, рѣшительная борьба можетъ быть нужна и для нея самой: напр. слабое правительство нуждается въ ней, чтобы выяснить собственному народу необходимость мира, хотя бы само правительство и не имѣло уже надежды на побѣду. Какіе своеобразные результаты приноситъ вмѣшательство политики при окончаніи войнъ, показываетъ даже и 1871 годъ, когда, несмотря на заключенное перемиріе, на одной изъ частей театра войны продолжались военныя дѣйствія, подобно тому, какъ въ фехтовальномъ залѣ отдѣляютъ двухъ непасытившихся еще бойцовъ.

Война всецѣло служитъ цѣлямъ политики. Война, имѣющая цѣлью только уничтожать и разорить, въ настоящее время немыслима; для нея нужна цѣль, которою государство дорожило бы продолжительное время, будь это хотя только рѣшеніе о преобладаніи. Эта цѣль можетъ исходить только изъ политическихъ соображеній.

Цѣль войны сама по себѣ уже такъ важна и будетъ такъ много вліять на усилія народа для ея достиженія, что мы почти по одному этому хотѣли бы поставить политику первымъ условіемъ успѣха на войнѣ. Если же къ этому прибавить и остальные вышеприведенные мотивы, то мы, безъ сомнѣнія, можемъ сказать: *безъ дальной политики счастливое веденіе войны невозможно.*

Этимъ война нисколько не будетъ унижена въ своемъ значеніи и ограничена въ своей самостоятельности, если только полководецъ и руководящій государственный дѣятель себѣ ясно представятъ, что, при всѣхъ условіяхъ, *война лучше всего служитъ цѣлямъ полнѣйшимъ пораженіемъ противника.* Соблюденіемъ этого основного правила не только политика получитъ наибольшую свободу, но одновременно съ тѣмъ и употребленіе вооруженныхъ силъ на войнѣ получитъ наибольшій просторъ.

Очевидно, въ какой тѣсной связи должны дѣйствовать политика и образъ веденія войны. Это опять приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что наиболѣе счастливо положеніе той страны, въ которой полководецъ и политикъ соединены въ особѣ одного великаго государя.

Мы сказали, что всякая хорошая военная система имѣетъ ясно выраженный національный характеръ. То же самое выкажется и въ дѣятельности полководца и войскъ.

Кто пишетъ о тактикѣ и стратегіи, тотъ не долженъ былъ бы отказаться поучать національной стратегіи и тактикѣ, ибо только таковыя и могутъ быть дѣйствительно полезны его народу.

Какъ отдѣльныя человѣки, большею частью, выказываютъ полезную дѣятельность только тогда, когда онъ занимаетъ соотвѣтствующее мѣсто, такъ и арміи должны находиться въ своей сферѣ, чтобы выказаться въ наилучшемъ свѣтѣ. Прусскіе гренадеры, которые не колеблясь наступали парадными шагомъ на стрѣлявшія непріятельскія батареи, потеряли при Іенѣ присутствіе духа, встрѣтившись съ французскими стрѣлками, противъ огня которыхъ они ничего не умѣли предпринять. Наполеоновскія арміи, побѣдоносно прошедшія полъ-Европы, не могли справиться съ испанскою инсурекціею. Германская пѣхота, побѣдоносно наступавшая въ 1870 году подъ градомъ пуль французскихъ стрѣлковыхъ цѣпей и рѣшавшая труднѣйшія задачи, какія только ставятся войскамъ въ послѣднее время, вѣроятно нуждалась бы еще въ нѣкоторой опытности, чтобы вполнѣ овладѣть обстоятельствами, если бы ее перенесли на театръ войны гдѣ-нибудь въ Ачинъ, Ашанти или страну зулусовъ.

Современный германскій способъ веденія войны основанъ на

рѣшительной борьбѣ, въ которой быстро наносятся ударъ за ударомъ и которую мы считаемъ неразрывно связанной съ безпощаднымъ наступленіемъ. Въ основаніи всѣхъ теоретическихъ соображеній и большей части практическихъ упражненій лежитъ мысль наступательнаго характера. Германцамъ мало симпатичны проволочки выжиданія и покой обороны. Подготовка корпуса офицеровъ къ самостоятельности, къ иниціативѣ, къ стремленію къ осязательнымъ успѣхамъ—все требуетъ дѣятельности. Наша сила заключается въ великихъ рѣшеніяхъ на полѣ сраженія. Въ 1870 г., какъ въ характерѣ страны, такъ и въ устройствѣ нашихъ и непріятельскихъ вооруженныхъ силъ, соединились всѣ предварительныя условія для такого образа веденія войны, что и привело къ такимъ блестящимъ результатамъ. Гдѣ мы опять найдемъ подобныя условія, тамъ мы и въ будущемъ всегда сдѣлаемъ больше, чѣмъ когда мы будемъ обречены на долгое выжиданіе въ полевой и лагерной жизни или даже на постоянные, безрезультатные переходы съ мѣста на мѣсто, при оборонительномъ образѣ дѣйствія.

Турки и испанцы въ новѣйшее время могутъ выказать свои наиболѣе блестящія качества при упорной защитѣ за стѣнами, валами и рвами. Каждая армія, вслѣдствіе своихъ національныхъ особенностей, своихъ традицій, воспитанія и образа жизни, имѣетъ свою сферу, въ которой она себя чувствуетъ особенно хорошо. Если она принуждена оставить послѣднюю, то она, большею частью, теряетъ и свою годность. Импровизированныя арміи французской Сентябрьской республики 1870 года, которыя оказывали на р. Сартѣ довольно сильное сопротивленіе изъ-за кустовъ, изгородей, холмовъ и опушекъ лѣсовъ, имѣли очень мало успѣха въ открытомъ наступленіи противъ Лизенской позиціи. Дѣло въ томъ, что эти войска и не были созданы для наступленія, которое имъ было навязано новелѣніемъ свыше и желаніемъ освободить Парижъ.

Чувство, что находишься въ не вполнѣ знакомой сферѣ, что приходится бороться съ непривычными условіями и неизвѣстными препятствіями, точно такъ же вредно вліяетъ и на массу войскъ, какъ и на отдѣльнаго человѣка. Поэтому мы причисляемъ къ условіямъ успѣха, чтобы арміи была дана такая роль, которая

соотвѣтствуетъ ея личнымъ особенностямъ. Полководецъ не всегда можетъ это соблюсти, но онъ, все-таки, долженъ стремиться къ возможно широкому примѣненію *національнаго способа веденія войны*, гдѣ только обстоятельства это позволятъ, хотя бы это было связано даже съ нѣкоторыми матеріальными невыгодами.

Важное условіе для счастливаго исхода войны есть *хорошее напряженное расположеніе духа арміи*. Каждое войско выходитъ на войну съ извѣстнымъ основнымъ настроеніемъ, которое однако можетъ имѣть значительныя уклоненія и трудно объяснимые припадки. Дисциплина не имѣетъ безусловной власти надъ внутренними побужденіями, надъ дѣйствіями страха, несчастья или замѣчательно неудачныхъ случайностей. Слово „паника“ также невозможно выкинуть изъ военнаго словаря, какъ и слова „героизмъ“ или „презрѣніе къ смерти“.

Твердая воля побѣдить имѣетъ большое значеніе какъ для полководца, такъ и для войскъ. Побѣда и пораженіе не могутъ быть такъ рѣзко разграничены, какъ, напримѣръ, выдержанный или не выдержанный экзаменъ. Граница между ними весьма условная. Тѣ войска, которыя не хотятъ отступить съ поля сраженія, признаются побѣдителями, хотя бы они при этомъ понесли и бо́льшія потери, нежели непріятель. Въ упорной волѣ остаться побѣдителемъ больше всего высказывается тотъ духъ, который господствуетъ въ арміи. Впечатлѣнія предшествовавшей мирной и военной жизни содѣйствуютъ развитію здѣсь высокаго, моральнаго напряженія силъ. Гордость и чувство собственнаго достоинства арміи, покоящіяся на прекрасномъ прошломъ и на умѣломъ управленіи, *обезпечиваютъ* успѣхъ даже и при труднѣйшихъ обстоятельствахъ.

Рядомъ съ этими моральными факторами, надо имѣть въ виду и матеріальные. Счастливое равновѣсіе въ соблюденіи тѣхъ и другихъ дольше всего сохраняетъ способность войскъ къ дѣятельности и этимъ лучше всего гарантируется счастливый исходъ войны.

Одно изъ важнѣйшихъ матеріальныхъ условій есть, во всякомъ случаѣ, *достаточная численность арміи*. Обладающій численнымъ превосходствомъ на войнѣ имѣетъ, по крайней мѣрѣ,

первое право надѣяться на успѣхъ. Французская пословица говоритъ: „Le bon Dieu est toujours avec les gros escadrons" и исторія это подтверждаетъ. Достаточная масса войскъ имѣетъ двоякое значеніе въ настоящее время, когда не такъ, какъ во времена линейной тактики, дѣло рѣшалось только однимъ ударомъ, но когда силы взаимно истощаются въ продолжительной борьбѣ. Излишекъ войскъ даетъ возможность предпринимать безпрепятственно еще что-нибудь для уничтоженія противника въ то время, какъ равная ему армія будетъ удерживать его на мѣстѣ.

Конечно, талантливый полководецъ часто сумѣетъ парализовать всѣ силы противника меньшею частью своихъ собственныхъ войскъ, скрывая смѣлостью свою слабость или соблазняя его рѣшиться на особенно трудное предпріятіе, которое потребуетъ израсходованія большихъ силъ. Тогда можно и при общемъ равенствѣ въ численной силѣ пріобрѣсть перевѣсъ на рѣшительномъ пунктѣ, гдѣ этотъ излишекъ и принесетъ хорошіе плоды въ то время, когда непріятель получитъ на свой капиталъ только плохіе проценты. При этомъ имѣетъ значеніе умѣніе хозяйничать. Въ этихъ случаяхъ мы говоримъ о *благоразумной экономіи въ силахъ*, которая составляетъ новое условіе успѣха. Она, если и не вполнѣ, то отчасти, можетъ замѣнить отсутствующее богатство средствъ.

Говоря о значеніи численности на войнѣ, мы, естественно, сравниваемъ не худую, большую армію съ маленькой, хорошей, но всегда двѣ совершенно одинаково годныя. Что масса только при извѣстныхъ условіяхъ можетъ восполнить недостатокъ въ годности, само собою понятно, и мы вовсе не хотѣли бы объ этомъ говорить, если бы противъ утвержденія значенія численности не выставляли того довода, что сила арміи заключается не въ численности, а въ духѣ ея. Примѣръ зимней кампаніи 1870—71 г. научилъ насъ, что даже двоякое и троякое численное превосходство молодыхъ, необученныхъ войскъ французской республики не могло еще уравновѣсить высшей, боевой годности германцевъ. Для большихъ, но недостаточно организованныхъ и подготовленныхъ арміи, въ борьбѣ съ отлично обученнымъ противникомъ, неповоротливость, являющаяся слѣдствіемъ большой численности, служитъ даже источникомъ сла-

бости. Между тѣмъ, никогда нельзя ариѳметически сравнивать разнородныя вещи, и никакой здравомыслящій человѣкъ не будетъ говорить о превосходствѣ въ силахъ трехъ барановъ противъ одного льва.

Изъ тѣхъ обстоятельствъ, что Фридрихъ Великій при Коллинѣ съ 30 т. человѣкъ противъ 50 т. австрійцевъ и Наполеонъ при Лейпцигѣ съ 160 т. противъ 280 т. союзниковъ ничего не могли сдѣлать, Клаузевицъ выводитъ то заключеніе, что въ нынѣшней Европѣ и самому талантливому полководцу было бы очень трудно одержать побѣду надъ вдвое сильнѣйшимъ противникомъ. При этомъ онъ говоритъ: „Если мы видимъ, что двойное количество войскъ оказываетъ такое сильное вліяніе даже и при борьбѣ съ величайшими полководцами, то можемъ съ увѣренностью сказать, что при обыкновенныхъ условіяхъ значительное превосходство въ силахъ, которое, однако, можетъ и не быть двойнымъ, будетъ достаточно для одержанія побѣды, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ бояхъ, какъ бы ни были неблагопріятны остальныя обстоятельства. Конечно, можно себѣ представить такое дефиле, когда и десятерное превосходство въ силахъ не было бы достаточно, но въ такихъ случаяхъ, вообще, не можетъ быть болѣе и рѣчи о боѣ“.

Съ тѣхъ поръ способъ веденія самаго боя не внесъ никакихъ измѣненій въ этомъ отношеніи и потому мы должны признать выводъ Клаузевица вѣрнымъ и для настоящаго времени.

Отсюда вытекаетъ первый принципъ современнаго образа веденія войны: *на рѣшительномъ пунктѣ всегда сосредоточивать возможно больше силъ.* Оспаривать значеніе численности было-бы равносильно отрицанію этого общепризнаннаго принципа.

Точно также большое вліяніе на успѣхъ войны имѣетъ и *вооруженіе* войскъ. Храбрѣйшіе солдаты ничего не подѣлали бы копьемъ и коротким мечомъ противъ скорозарядныхъ ружей и нарѣзныхъ пушекъ. Конечно, полнаго несоотвѣтствія между вооруженіемъ и духомъ арміи никогда не будетъ, такъ какъ послѣдняя содержитъ въ себѣ и интеллигенцію, заботящуюся о хорошемъ оружіи. Но несвоевременная бережливость, техническія заблужденія или упрямство и ложная гордость, подъ вліяніемъ

которыхъ не желаютъ отказаться отъ оружія, признаннаго однажды годнымъ, могутъ при быстрыхъ успѣхахъ нашего времени, все-таки, вызвать значительное неравенство. Вооруженіе, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ своего времени, тѣмъ болѣе необходимо, что недостатки его непосредственно вліяютъ на увѣренность солдата. Нѣтъ ничего хуже, если онъ чувствуетъ себя обиженнымъ въ этомъ отношеніи и полагаетъ, что онъ безъ собственной вины долженъ сдѣлаться жертвой такого дѣйствія, противъ котораго онъ ничего не можетъ предпринять. Въ такихъ случаяхъ пораженіе кажется простительнымъ, а ничего не вліяетъ такъ вредно на успѣхъ, какъ это впечатлѣніе.

Говоря объ оружіи, мы, конечно, подразумѣваемъ при этомъ и полное умѣніе употреблять его, иначе дѣйствіе не соотвѣтствовало бы достоинству машины.

Нѣкоторое значеніе имѣютъ также и *боевые порядки*. Силою привычки они входятъ въ плоть и кровь войскъ и вызываютъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности въ бою, большій упадокъ духа, нежели это приписываютъ подобной причинѣ. Боевыя формы строя опредѣляются уставами. Поэтому необходимо, чтобы въ нихъ всюду была видна цѣлесообразность. Если въ нихъ отдано предпочтеніе красотѣ военныхъ зрѣлищъ или вѣрному сохраненію старины, то войска, послѣ перваго боевого опыта, потеряютъ довѣріе и будутъ себя чувствовать не въ безопасности.

Если мы до сихъ поръ говорили о богатствѣ въ боецахъ и средствахъ для борьбы, то мы должны теперь отдать справедливость *богатству государства вообще*, какъ одному изъ условій успѣха на войнѣ.

Для войны нужны деньги, деньги и еще деньги. Нынѣшній способъ веденія войны, съ его основнымъ принципомъ безпощаднаго употребленія всѣхъ имѣющихся средствъ, не мыслимъ безъ современнаго способа реализаціи денегъ внутренними подписными займами. Приведенная на военное положеніе армія всякой великой державы стоитъ ежедневно отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 милліоновъ рублей. Никакое государство не достаточно богато, чтобы скопить такое сокровище, изъ котораго можно было бы цѣлые годы покрывать расходы на такую армію. Это возможно только при помощи кре-

дига. Съ другой стороны, можно съ нѣкоторымъ правомъ сказать, что государство еще не побѣждено, пока оно имѣетъ кредитъ. Если Германія выставитъ въ поле всѣ свои организованныя оборонительныя силы, то это составитъ около $1^1/_2$ милліона вооруженныхъ людей. Слѣдовательно, при 46-ти милліонномъ населеніи, въ странѣ остается все еще много людей, способныхъ, въ случаѣ нужды, носить оружіе для защиты отечества [1]). Подобное же слѣдуетъ сказать и про остальныя великія державы и можно принять, что матеріальныя средства, по крайней мѣрѣ насколько они имѣются въ распоряженіи правительственной власти, изсякнутъ скорѣе, нежели человѣческія силы. У кого есть оружіе и деньги, тотъ, большею частью, еще не беззащитенъ. Кто можетъ долго выдержать войну, тотъ обладаетъ цѣннымъ залогомъ для достиженія въ концѣ концовъ успѣха.

Однако это будетъ зависѣть не отъ одного только обладанія деньгами, но и отъ большей или меньшей легкости ихъ добыванія. Государства, у которыхъ въ случаѣ войны море остается открытымъ, имѣютъ для пользованія своимъ кредитомъ совсѣмъ другіе пути, нежели тѣ, которыхъ всѣ гавани тотчасъ запираются. Первыя, кромѣ того, въ состояніи воспользоваться для вооруженія и снабженія новыхъ армій иностранной промышленностью. Безъ этого средства французское правительство національной обороны, въ послѣднюю франко-германскую войну, никогда не было бы въ состояніи окончить формированія тѣхъ большихъ армій, чѣмъ оно и удивило весь міръ. Если бы Наполеонъ I въ 1814 году находился въ такомъ же положеніи, то ходъ кампаніи былъ бы другой. Южные штаты во время американской междоусобной войны, несмотря на свою большую воинскую доблесть, потерпѣли пораженіе, потому что имъ были отрѣзаны всѣ морскіе пути сообщенія. Слѣдовательно, господство на морѣ придаетъ государству большую силу, хотя бы флотъ его и не могъ оказывать непосредственной поддержки сухопутной арміи.

[1]) Шарнгорстъ разсчитываетъ, что на 15 душъ населенія приходится 1 способный носить оружіе, и приводитъ, что курфюршество Ганноверъ имѣло въ 1759 году этого 15-го человѣка даже въ полѣ, несмотря на что его полки, всетаки, сохранили полный составъ до 1762 года. По этому расчету Германія должна была бы имѣть болѣе 3-хъ милліоновъ людей, способныхъ носить оружіе.

Если богатство и доставляетъ значительную силу, то оно приноситъ пользу только при *своевременной* готовности народа къ пожертвованіямъ. Что запоздалыя жертвы не могутъ искупить своевременныхъ, испыталъ Карѳагенъ въ судьбѣ Ганнибала и заплатилъ за это заблужденіе своей свободой. Матеріальные и нравственные мотивы дѣйствуютъ и здѣсь совмѣстно, какъ и при всякой воинской дѣятельности.

Въ заключеніе слѣдовало бы теперь привести всѣ тѣ условія успѣха, которыхъ нужно искать въ цѣлесообразномъ употребленіи боевыхъ силъ. Но намъ кажется лучше изложить ихъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ при разборѣ отдѣльныхъ явленій движенія боя.

IV.

ДВИЖЕНІЕ И БОЙ.

1. Вступленіе.

Движеніе и бой до сихъ поръ еще оцѣниваются на основаніи опытовъ кампаній 1866 и 1870—1871 годовъ, такъ какъ русско-турецкая война 1877—1878 г. происходила при особыхъ, исключительныхъ условіяхъ. Характеръ театра войны, дурныя сообщенія послѣдняго съ отечественными источниками и, наконецъ, неудовлетворительная подготовка обѣихъ сторонъ вызвали какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Арменіи, такія явленія, которыя напоминали болѣе древнія ступени развитія военнаго искусства. Продолжительныя выжиданія въ крѣпкихъ позиціяхъ, соединенныя съ дѣйствіями на тыловыя сообщенія противника, много напоминаютъ эпоху семилѣтней войны.

Такъ какъ въ этой войнѣ съ перваго взгляда видно, что частыя остановки и отсутствіе связи въ операціяхъ были вызваны особыми причинами, то въ нашемъ представленіи о кампаніи будущаго все еще жива картина быстро идущихъ впередъ военныхъ дѣйствій, идея непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ рѣшеній на полѣ сраженія, быстраго проникновенія глубоко въ сердце непріятельской страны и вынужденнаго этимъ скораго и выгоднаго мира. Такъ было въ 1866 и 1870 году, и мы надѣемся, что такъ будетъ и въ будущемъ.

Въ этомъ выражаются принципы, на основаніи которыхъ всякое дѣльное управленіе войсками должно всегда стремиться поскорѣе окончить каждую новую войну. Это, однако, не обусловливаетъ, чтобы и ея внѣшняя форма осталась прежнею. Несмотря на всю предусмотрительность прусскаго начальства, кампанія 1866 года приняла бы, можетъ-быть, совсѣмъ другой оборотъ, не будь она въ то же время поддержана большимъ внутреннимъ

достоинствомъ войскъ и превосходствомъ вооруженія. Въ 1870 г. успѣхамъ германской арміи много способствовали: въ первую половину кампаніи численное превосходство арміи, а во вторую— ничтожная боевая годность французскихъ войскъ. Предпринятая германцами атака непріятеля у Амавиле, 18-го августа 1870 г., не была бы такъ успѣшна, если бы противъ 130 т. французовъ было менѣе, чѣмъ 200 т. нѣмцевъ. Оборонять 28-ми верстую позицію за Мозелемъ и Алленомъ, которую занялъ генералъ ф. Вердеръ, для прикрытія осады Бельфора, съ 40 т. противъ втрое сильнѣйшаго числомъ непріятеля, было бы даже немыслимо, если войска послѣдняго были бы хороши. Это было возможно только потому, что обороняющіяся имѣли дѣло съ импровизированною непріятельскою арміею.

Нынѣ Франція, Австрія, Италія и Россія ревностно послѣдовали, въ отношеніи солдатскаго воспитанія, за опередившею ихъ Германіею. Внутреннее достоинство войскъ этихъ державъ все болѣе и болѣе приближается къ германскому. Въ концѣ концовъ они должны достигнуть почти одинаковаго уровня, хотя въ настоящее время еще, можетъ-быть, и далеко до этого.

До 1866 года было трудно вѣрно оцѣнить боевыя свойства и дѣйствительную силу прусской арміи, ибо она выработалась въ тиши казарменныхъ дворовъ, учебныхъ плацовъ и маневренныхъ полей, скрытыхъ отъ виѣшнихъ, любопытныхъ взоровъ. Двѣ большія кампаніи убѣдили теперь весь свѣтъ, но въ то же время и познакомили его съ непризнанными дотолѣ преимуществами нашей военной системы. Этимъ мы ихъ не удивимъ еще разъ, а найдемъ ихъ подготовленными къ своеобразностямъ нашего способа веденія боя. Франція, напримѣръ, несмотря на нѣкоторое подражаніе нашей военной системѣ, кажется, не намѣревается вести войны подобнымъ нашему образомъ, а, напротивъ, вырабатываетъ свой совершенно особый методъ. Упорное сопротивленіе и богатство средствъ обороняющагося могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, остановить самое смѣлое и самое сильное нападеніе. Поэтому Франція обратила все свое вниманіе на упорную, подготовленную съ большимъ искусствомъ и соотвѣтственной организаціей, оборону. Въ одномъ французскомъ сочиненіи, вышед-

шемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и трактующемъ о войнѣ будущаго, говорится: „Еще французы недостаточно сильны, чтобы побѣдить германцевъ въ ихъ собственной странѣ, но на нашей территоріи мы легко ихъ побьемъ“.

Мы указали на новыя фортификаціонныя постройки Франціи. Въ послѣднее десятилѣтіе восточная граница ея снабжена пашпиремъ изъ фортовъ и крѣпостей, въ которомъ оставлены только отдѣльные, легко объяснимые опредѣленными военными цѣлями, промежутки. Задача—запереть всѣ дороги, по которымъ непріятель могъ бы вступить въ страну съ востока или сѣверо-востока, почти разрѣшена.

Мы ни въ какомъ случаѣ не желаемъ Германіи слѣдовать подобному нововведенію, имѣя въ виду издержки и ослабленіе арміи отдѣленіемъ войскъ для занятія крѣпостей. Но другія державы, которымъ оборона болѣе по душѣ и которыя богаче насъ, могутъ съ успѣхомъ принимать подобныя предосторожности для своей защиты.

Нѣкоторую аналогію находимъ мы еще въ древности. Она заключается въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ римлянъ, значеніе которыхъ удержалось цѣлыя столѣтія. Подобныя явленія повторяются, потому что таныя внутреннія побужденія тѣ же. Болѣе глубокое и болѣе общее вліяніе каждаго систематическаго укрѣпленія страны заключается въ томъ, что оно вообще отнимаетъ у способа веденія войны его подвижность. Что инженеру доставляется при этомъ случай больше прежняго выдвинуться на сцену, не имѣетъ значенія. Мы знаемъ, какъ много нужно арміи для ея жизненныхъ потребностей и для того, чтобы она была снабжена всѣмъ необходимымъ, въ особенности боевыми припасами. Не столько для самыхъ арміи, сколько для ея продовольствія и снабженія, необходимо освободить извѣстное число путей и желѣзныхъ дорогъ. Слѣдовательно, въ настоящее время новая франко-германская война открылась бы рядомъ боевъ около укрѣпленій. Если пограничный поясъ фортовъ прорванъ, то за нимъ цѣпь крѣпостей-лагерей даетъ оборонѣ новую опору и опять препятствуетъ свободному движенію наступающаго. Этотъ послѣдній своими тыловыми сообщеніями прикрѣпленъ къ мѣсту

прорыва передней линіи и это тѣмъ важнѣе, что медленное движеніе арміи впередъ затрудняетъ въ то же время жизнь средствами театра военныхъ дѣйствій. Французскій генералъ де-Ривьеръ въ своемъ докладѣ законодательному корпусу, по поводу новаго плана укрѣпленія границъ, выяснилъ, что цѣль заключается въ томъ, чтобы въ будущей войнѣ заставить нѣмцевъ при наступленіи двигаться по точно опредѣленному направленію. Слѣдовательно, съ французской стороны признано не только, что главное преимущество нѣмцевъ заключалось въ подвижности войны, но и что для Франціи трудно достаточно скоро догнать насъ въ этомъ отношеніи, потому что это обусловливается цѣлесообразнымъ обученіемъ и воспитаніемъ всѣхъ начальниковъ. Здѣсь главные факторы—инициатива и самостоятельность, которыя не могутъ быть приняты въ короткое время, а требуютъ долголѣтней работы. Такимъ образомъ французы отказались отъ этого и рѣшили лишить германцевъ ихъ элемента—загородить дороги и мосты неодолимыми укрѣпленіями и заставить германцевъ принять бой на ограниченномъ и стѣсненномъ пространствѣ.

Пока отсутствуетъ практическая проба, до тѣхъ поръ мнѣнія о лучшемъ способѣ устраненія вновь явившагося препятствія будутъ очень различны. Одинъ желаетъ ограничиться оборонои на Рейнѣ, чтобы не слишкомъ приблизиться къ ключему ожерелью горныхъ укрѣпленій. Другой хочетъ штурмовать, т. е. перешагнуть черезъ покучныи вопросъ, и прійти къ обыкновенному порядку веденія войны. Третій желалъ бы протиснуться между фортами и предоставить овладѣніе ими слѣдующимъ сзади резервнымъ войскамъ, чтобы такимъ образомъ устранить весь этотъ вопросъ. Четвертый считаетъ ускоренную осаду достаточною, а пятый находитъ крайне необходимою долговременную атаку по всѣмъ правиламъ.

Въ дѣйствительности же средства и способы атаки будутъ различны, въ зависимости отъ свойствъ атакующей арміи и даже отъ личныхъ наклонностей ея вождей. Но во всякомъ случаѣ паузы въ операціяхъ и остановки въ наступленіи должны встрѣтиться. Это влечетъ за собою не только непосредственную потерю времени, но и дастъ возможность обороняющемуся притянуть подкрѣпле-

нія и продлить сопротивленіе. Такимъ образомъ является второй элементъ, обусловливающій остановки. Не подлежитъ сомнѣнію, что ходъ военныхъ операцій въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится имѣть дѣло съ подобными системами крѣпостей, временно долженъ принять неподвижный характеръ.

На востокѣ Европы—хотя и тамъ уже поговариваютъ о грандіозныхъ крѣпостныхъ постройкахъ—дѣло это обстоитъ пока еще иначе. Обширныя равнины открываютъ безостановочному слѣдованію военныхъ событій. Но громадная величина территоріи и незначительное развитіе дорожной сѣти, все-таки, вызвали бы подобныя же явленія, т. е. періодическія остановки для возстановленія своихъ тыловыхъ сообщеній или даже перерывы въ военныхъ дѣйствіяхъ для выжиданія болѣе удобнаго времени года для возобновленія операцій. Во всякомъ случаѣ война на востокѣ не могла бы быть рѣшена однимъ походомъ, а потребовала бы цѣлаго ряда ихъ [1]).

Поэтому, хотя бы въ будущей войнѣ управленіе нашими войсками было такое же осмотрительное и храбрость нашихъ солдатъ такъ же велика, какъ и до сихъ поръ, мы, все-таки, должны себѣ выяснить, что и думать нечего о подобномъ быстромъ ходѣ кампаніи и такихъ же счастливыхъ и скорыхъ результатахъ, какъ въ 1866 и 1870 г. Подобно тому, какъ Фридрихъ Великій, послѣ битвы при Ловозицѣ, писалъ старому фельдмаршалу Шверину: „Мы болѣе не находимъ прежнихъ австріяковъ", такъ и мы должны будемъ при началѣ будущей войны признаться, что мы не находимъ болѣе нашихъ прежнихъ враговъ. *Безъ сомнѣнія, весьма полезно проникнуться этимъ сознаніемъ, чтобы не вступить въ будущую войну съ фальшивыми представленіями, такъ какъ за иллюзіями неизбѣжно послѣдуетъ разочарованіе. Послѣднее же можетъ подорвать довѣріе къ общему управленію, между тѣмъ какъ медленный ходъ событій былъ бы сполна въ порядкѣ вещей.*

[1]) Такимъ образомъ, въ сущности, она Германія только и представляетъ еще вполнѣ удобный театръ для веденія быстрой, рѣшительной войны. Но поэтому наши стремленія и направлены къ тому, чтобы она никогда болѣе не сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій, а чтобы она рѣшала свои споры внѣ собственныхъ границъ.

Работа будетъ въ будущемъ при всѣхъ обстоятельствахъ трудная, а сознаніе въ началѣ будетъ гораздо тяжелѣе.

Далѣе, элементу подвижности войны мѣшаетъ непомѣрное увеличеніе войсковыхъ массъ. Милліоновъ нельзя перебрасывать съ мѣста на мѣсто, какъ тысячи. Прежде всего эти массы не могутъ такъ легко просуществовать вездѣ, куда бы онѣ не двинулись; употребленіе ихъ зависитъ отъ большаго числа обстоятельствъ.

Изъ кампаніи 1866 года мы узнаемъ, что одна только изъ колоннъ австрійской арміи, съ которой фельдцейхмейстеръ Бенедекъ выступилъ изъ Моравіи въ Богемію, занимала въ глубину не менѣе 105 верстъ. Слѣдовательно, считая по прямой линіи, она простиралась бы отъ Берлина до Магдебурга, отъ Штутгардта до Ансбаха или Вюрцбурга, или отъ Мюнхена до Регенсбурга. Тѣмъ не менѣе, въ сравненіи съ современными размѣрами войсковыхъ массъ, эта колонна не была особенно велика. Она состояла изъ трехъ армейскихъ корпусовъ и одной кавалерійской дивизіи, что составляло около 90,000 человѣкъ—цифра, въ настоящее время не играющая чрезмѣрно выдающейся роли. Въ то же время никакъ нельзя приписать нерадѣнію войскъ, что они такъ растянулись, такъ какъ, при приведенныхъ выше разсужденіяхъ о силѣ и составѣ армейскаго корпуса, мы уже убѣдились, что для движенія указанной массы войскъ по одной дорогѣ дѣйствительно **необходимо 105 верстъ глубины.**

Этотъ примѣръ дастъ наглядное представленіе о тѣхъ размѣрахъ, съ которыми приходится имѣть дѣло въ новѣйшихъ войнахъ, но это представленіе легко еще пополнить. Попробуемъ представить себѣ современную германскую армію на маршѣ по одному шоссе. Въ головѣ колонны поставимъ и здѣсь кавалерійскія дивизіи, изъ которыхъ каждая займетъ около $4^3/_4$ версты. Затѣмъ слѣдуютъ армейскіе корпуса. Если бы даже въ двигающихся колоннахъ уничтожить всѣ дистанціи и интервалы такъ, чтобы рядъ шелъ за рядомъ, повозка за повозкой, то для всѣхъ 18 корпусовъ германской арміи было бы необходимо не менѣе 700 верстъ. Кромѣ того, надо еще прибавить резервныя войска, которыя тоже выступаютъ въ поле, затѣмъ полевые штабы и управленія съ ихъ обозами, далѣе, продовольственный обозъ арміи,

насколько онъ еще не заключается въ корпусномъ обозѣ, и многое другое. Къ нашему удивленію получится колонна такой величины, что въ то время, когда ея голова вступитъ по франкфуртскому шоссе въ Мангицъ, хвостъ ея только-что будетъ въ состояніи оставить Эйдкуненъ на русской границѣ. Вся дорога между Рейномъ и русской границей была бы занята солдатами, орудіями и повозками. Нужно было бы около двухъ недѣль времени, чтобы такая колонна прошла въ одни ворота, идя безостановочно день и ночь. Поэтому естественно, что такія массы войскъ, когда онѣ въ сборѣ, наполняютъ цѣлыя провинціи. Австрійская армія въ 1866 г. заняла подъ свои квартиры почти всю Моравію, при чемъ части, квартировавшія наиболѣе къ югу, отстали отъ переднихъ на 9 переходовъ. Въ 1870 г. собранные на Рейнѣ 16 германскихъ корпусовъ заняли 120 квадратныхъ миль очень плодороднои земли. Современная же германская армія нуждалась бы для этой цѣли въ 200 квадратныхъ миляхъ, хотя бы войска и заняли всѣ населенные пункты.

Огромны были бы также и фронты, если развернуть въ одну линію современныя исполинскія арміи. Французская армія простиралась бы отъ Эпиналя до Вердюна. При этомъ отдѣльныя части войскъ вовсе не стояли бы слишкомъ свободно другъ возлѣ друга, а, напротивъ, такъ какъ значительныя пространства заняты укрѣпленіями, имъ было бы довольно тѣсно. Наступающему, вслѣдствіе этого, почти не осталось бы мѣста для быстрыхъ и неожиданныхъ движеній, для обходовъ и для нечаянныхъ нападеній. Только вступительные бои, которые вводятъ въ заблужденіе относительно истинныхъ намѣреній и заставляютъ непріятеля сосредоточиваться здѣсь или тамъ и такимъ образомъ оставить другіе пункты своей линіи, могутъ доставить необходимую свободу. Достаточно представить себѣ указанные, почти невѣроятные размѣры, чтобы окончательно понять, что по крайней мѣрѣ въ первыхъ періодахъ войны элементъ подвижности долженъ быть незначителенъ.

Раздѣленіе войскъ на арміи и резервы, отдѣленіе особыхъ отрядовъ для исполненія второстепенныхъ задачъ отчасти уменьшаютъ этотъ вредъ. Но, тѣмъ не менѣе, отдѣльныя части войскъ остаются еще довольно крупными и неуклюжими.

Возьмемъ арміи такого состава, какой мы признали наилучшимъ. Тогда самыя сильныя состояли бы изъ 6-ти армейскихъ корпусовъ и 3-хъ кавалерійскихъ дивизій. Если бы при сосредоточеніи этой арміи на одномъ полѣ сраженія даже выдѣлить часть войскъ—напримѣръ, два корпуса въ общій резервъ, позади фронта, а одну кавалерійскую дивизію выслать вовсе въ сторону, то все-таки еще остается четыре корпуса для передней боевой линіи. Корпусу для того, чтобы какъ слѣдуетъ развернуться, необходимо не менѣе $3^1/_2$ верстъ пространства [1]). Этотъ размѣръ подтвердился опытомъ главнѣйшихъ сраженій франко-прусской войны. Такимъ образомъ для самой сильной, отдѣльной арміи потребуется уже нѣлыхъ 14 верстъ по фронту. Кромѣ того, на флангахъ боевая линія значительно растягивается. Приходится занимать нѣкоторые лежащіе въ сторонѣ командующіе пункты. Кавалерійскія дивизіи становятся просторнѣе и выдвигаются вправо и влѣво впереди фланговъ. Если все это принять въ расчетъ, то фронтъ арміи будетъ значительно длиннѣе. Къ тому же большая часть артиллеріи корпусовъ резерва будетъ выдвинута въ боевую линію, что еще болѣе удлинитъ фронтъ. Правда, марши и сраженія значительно уменьшаютъ боевую численность арміи, но это касается только нѣхоты: протяженіе же фронта артиллеріи остается почти то же [2]). 18 верстъ для наибольшей и половина этого для наименьшей арміи—въ составѣ трехъ корпусовъ и одной или двухъ кавалерійскихъ дивизій—кажется намъ нормальнымъ протяженіемъ фронта при обыкновенныхъ условіяхъ. 18-го августа 1870 г. сражались рядомъ 7-й, 8-й, 9-й, гвардейскій и саксонскій корпуса на пространствѣ 14-ти верстъ. Вечеромъ въ эту линію вдвинулись еще 2-й и части 3-го и 10-го корпусовъ, но передніе ряды уже

---

[1]) Стратегія Блуме (стр. 161 и 162) принимаетъ нормальные размѣры боевыхъ порядковъ: батальона въ 280 шаговъ, кавалерійскаго полка 420 шаг., батареи 125 ш., артиллеріи одной нѣхотной дивизіи 560 ш., корпусной артиллеріи около 1,080 ш., всей артиллеріи одного армейскаго корпуса около 2.100 ш. По этому расчету нормальное протяженіе боевого порядка одной нѣхотной дивизіи было бы 2,100 шаговъ, а армейскаго корпуса 5.600 ш. или 3 ¸ версты.

[2]) Хотя и случаются нѣкоторыя потери въ орудіяхъ, которыя не могутъ быть тотчасъ пополнены, но такая разница, въ виду общей массы артиллеріи въ арміи, имѣетъ лишь ничтожное значеніе.

до такой степени поредѣли отъ потерь и убыли всякаго рода, что и эти подкрѣпленія нашли себѣ мѣсто.

Но дни сраженій составляютъ исключенія, когда войска сосредоточиваются необыкновенно тѣсно. Въ остальныхъ же случаяхъ никогда, даже при самомъ тѣсномъ расквартированіи, корпуса не будутъ такъ близко одинъ возлѣ другаго. Лѣса, луга, болота, воды также отпадаютъ, какъ и полосы, обстрѣливаемыя огнемъ непріятельскихъ крѣпостныхъ орудій. Такимъ образомъ характеръ театра войны можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно вызвать неудобное ограниченіе. Франко-германская граница, напримѣръ, едва хватаетъ для достаточно свободнаго развертыванія обѣихъ армій.

Такимъ образомъ, хотя бы основные принципы современнаго способа веденія войны и требовали скорѣйшаго рѣшенія и хотя бы эти принципы повели къ кровопролитнымъ сраженіямъ въ первые же дни по объявленіи войны, все-таки остается вѣроятнымъ, что, въ общемъ, событіе предстанется въ видѣ тяжелой борьбы, при которой сражающіяся арміи или почти не сдвинутся съ мѣста, или будутъ имѣть лишь незначительный успѣхъ, сравнительно съ общимъ разстояніемъ, которое нужно пройти. Лишь тогда, когда съ высшимъ напряженіемъ силъ обѣихъ сторонъ наступаетъ кризисъ, за которымъ для одной изъ воюющихъ сторонъ слѣдуетъ неизбѣжное истощеніе, военныя операціи могутъ опять получить болѣе быстрый ходъ. *Несомнѣнно, что войны ближайшаго будущаго должны много потерять въ подвижности, которая была такъ свойственна послѣднимъ двумъ кампаніямъ германцевъ.*

Картина гигантскихъ вооруженныхъ массъ въ то же время выясняетъ, что задача высшаго надъ ними управленія сдѣлалась гораздо болѣе затруднительною, нежели это было прежде. При такихъ походныхъ колоннахъ, такихъ пространствахъ и такихъ фронтахъ, естественно, многое должно ускользнуть отъ высшаго начальства—и оно должно покориться неизбѣжному. Дешевая критическая мудрость, которая такъ легко находитъ все случившееся „непонятнымъ," стала бы очень сдержанною, если бы она только одинъ разъ захотѣла сама взяться за исполненіе набро-

санной здѣсь картины и захотѣла бы подумать, какъ велики затрудненія, вытекающія изъ нынѣшнихъ громадныхъ арміи. Хотя телеграфъ, который въ большинствѣ случаевъ соединяетъ полководца съ командуемыми имъ войсками, и можетъ побороть время и пространство, но онъ не можетъ уничтожить различія въ понятіяхъ.

Черезъ то, что боевыя массы принуждены двигаться широкимъ фронтомъ, увеличивается возможность случайнаго столкновенія отдѣльныхъ частей съ непріятелемъ. Гдѣ вслѣдствіе этого загорается бой, туда на помощь спѣшатъ сосѣди съ обѣихъ сторонъ. И вотъ является рѣшающее дѣло тамъ, гдѣ вовсе его не хотѣли, и въ такой часъ, когда его вовсе и не ожидали. Такимъ образомъ происходитъ, что именно въ отношеніи самаго важнѣйшаго акта войны, въ отношеніи боя и сраженія, высшее управленіе войсками наименѣе свободно и въ наибольшей зависимости отъ чужой воли и отъ случая. Почти всегда главнокомандующему придется считаться съ совершившимся фактомъ, и онъ получитъ первое представленіе о боѣ только тогда, когда послѣдній будетъ уже въ полномъ разгарѣ.

Эта ничтожная власть высшихъ главнокомандующихъ надъ возникновеніемъ тактическихъ рѣшеній и есть именно самый затруднительный вопросъ въ новѣйшемъ способѣ веденія войны. Лучшія измѣренія полководца часто перепутываются, правильнѣйшіе его расчеты уничтожаются.

Могутъ возразить, что воля полководца должна быть извѣстна всѣмъ его подчиненнымъ начальникамъ и что послушаніе должно предохранить отъ такого вреда. Но такъ какъ на войнѣ невозможно всего заранѣе приказать или запретить, то отдѣльный начальникъ долженъ дѣйствовать тамъ, гдѣ лучъ свѣта на мгновеніе освѣтитъ часть мрака. Самое худшее, что могло бы случиться, это если бы генералы и офицеры, изъ боязни ошибиться, захотѣли бы всегда обождать приказаній свыше. Всѣ благопріятныя обстоятельства были бы упущены, а непріятелю съ самаго начала была бы дана возможность взять верхъ.

Даже и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда большія рѣшенія являются предвидѣнными и подготовленными, какъ, напри-

мѣръ, при С. Прива и при Седанѣ, главнокомандующему, относительно самаго сраженія, часто остается только свобода двинуть войсковыя массы къ непріятелю въ томъ направленіи, въ которомъ онѣ должны дѣйствовать. Затѣмъ ему остается не много болѣе, какъ воскликнуть съ Маркомъ Антоніемъ:

„Теперь пусть дѣйствуетъ. Дѣйствіе, тебѣ данъ ходъ!
Избирай, какое хочешь, направленіе"!

Тамъ, гдѣ сражаются шесть, восемь, десять корпусовъ съ столькими же сотнями орудій, среди лѣсовъ, скалъ, горъ, долинъ и селеній, гдѣ пороховой дымъ ложится густыми облаками надъ бойцами, тамъ кругозоръ слишкомъ малъ, чтобы одинъ глазъ могъ точно слѣдить за ходомъ всѣхъ событій и чтобы только одна воля управляла. Ходъ большого сраженія, руководство которымъ есть наитруднѣйшая задача, могущая выпасть на долю человѣческаго генія, является поэтому еще болѣе, чѣмъ другія операціи, продуктомъ воли и интеллигенціи многихъ лицъ, которымъ высшая власть можетъ только дать сходящееся къ одной цѣли общее направленіе.

2. Значеніе дисциплины для движенія и боя.

Кто себѣ представляетъ громадность армій, тотъ справедливо спроситъ себя, какъ это вообще возможно руководить такими массами? Отвѣтъ гласитъ, что дисциплина дѣлаетъ ихъ подвижными и удобоуправляемыми. Лучшаго рѣшенія этой загадки не существуетъ. Однако, слово „дисциплина" обнимаетъ такъ много понятій, что его содержаніе является мало опредѣленнымъ и требуетъ нѣкотораго объясненія.

Обыкновенно подъ дисциплиной разумѣютъ благоустройство и порядокъ, поддержанные точнымъ исполненіемъ строгихъ законовъ. Но этому можно противопоставить, что благоустройство и порядокъ вовсе не находятся въ прямомъ соотношеніи съ строгостью законовъ. Еще никогда не было лучше дисциплинированныхъ армій, чѣмъ германскія во время послѣднихъ кампаній. Между тѣмъ, ими руководили самые мягкіе законы, съ которыми когда-либо большія массы волекъ выступали въ поле. Кромѣ того, они примѣнялись къ виновнымъ самымъ гуманнымъ образомъ. Съ

другой стороны, древняя и новая исторія показываетъ массу примѣровъ, въ которыхъ драконовская суровость и распущенность шли долгое время рядомъ, не уменьшая другъ друга. Французская республика отъ 4 сентября 1870 г. грозила пулей каждому непослушному солдату, и законныя разстрѣлянія вовсе не принадлежали къ необыкновеннымъ случаямъ въ ея арміи. Тѣмъ не менѣе, дисциплина ея была шаткая. Въ сущности, дѣйствительное отношеніе вмѣстѣ съ тѣмъ и естественное. Всѣ законы являются сначала слѣдствіемъ существующей обстановки и дѣйствуютъ только впослѣдствіи обратно на нее.

Но съ другой стороны, не надо думать, что у всякаго образованнаго народа дисциплина есть нѣчто само собой понятное и является просто слѣдствіемъ хорошей гражданской нравственности. Для этого испытанія, которымъ она подвергается, слишкомъ жестоки. Конечно, въ войскѣ образованной націи преступленій должно быть при всевозможныхъ обстоятельствахъ меньше, нежели въ отрядахъ полудикой орды. Но дисциплина нуждается не только въ одинхъ отрицательныхъ услугахъ. Она требуетъ отъ солдата, чтобы онъ для побѣды надъ врагомъ пожертвовалъ жизнью. Она подталкиваетъ его на необыкновенныя дѣла и должна ему эти поступки настолько облегчить, чтобы онъ считалъ ихъ неизбѣжными и даже вполнѣ естественными.

Лучшее объясненіе дисциплинѣ и ея могуществу далъ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи „о происхожденіи человѣка“. Онъ говоритъ: „Превосходство, которое имѣютъ дисциплинированные солдаты надъ недисциплинированными массами, есть главнымъ образомъ слѣдствіе довѣрія, которое каждый питаетъ къ своему товарищу“. Это безусловное довѣріе есть, безъ сомнѣнія, главнѣйшее средство, которымъ дисциплина вліяетъ, и своеобразность его даетъ ясно понять, что́ мы подразумѣваемъ подъ этимъ общеупотребительнымъ словомъ.

Пока еще, конечно, все-таки нуженъ достаточно строгій законъ, чтобы исполненіе всѣхъ высшихъ приказаній казалось чѣмъ-то необходимымъ. „Безъ помощи законовъ нельзя обуздать силы страсти“, говоритъ Шарпоретъ. Неповиновеніе, гдѣ бы оно ни показалось, должно быть во-время и достаточно наказано. Было бы

роковымъ заблужденіемъ думать, что возможно обойтись безъ строгаго примѣненія закона. Это составляетъ основу дисциплины. Вдаваясь глубже, мы находимъ, что необходимость послушанія въ арміи одинаково важно какъ для старшихъ, такъ и для младшихъ, и личный примѣръ превосходитъ всѣ устныя и письменныя приказанія. Насколько солдатъ видитъ, что его начальники повинуются старшимъ, настолько онъ дѣлаетъ это и самъ. Однако, вопросъ не исчерпывается послушаніемъ старшему, который въ эту минуту что-нибудь приказываетъ; этимъ повиновеніемъ должна быть проникнута вся служба. Для солдата не должно быть ничего болѣе святого, чѣмъ обязанности его призванія. Рядовому его несложныя обязанности понятнѣе, нежели высшія [1]). Серьезность, съ которою съ давнихъ поръ исполняется въ германской арміи такъ называемая *малая служба*, нельзя ни въ какомъ случаѣ считать только послѣдствіемъ обычая или излишняго педантизма. Она преслѣдуетъ, скорѣе, нравоучительную цѣль—вызвать въ солдатѣ представленіе о долгѣ способомъ, соотвѣтствующимъ его духовному развитію. Само собою разумѣется, что эта точность въ малой службѣ не должна ограничиваться только одной парадной стороной военной жизни; гораздо большаго вниманія заслуживаютъ тѣ многія, незамѣтныя мелочи, которыя необходимы для человѣческаго воспитанія воина. Требованіе чистоты и порядка, точности, заботливости, правдивости и безусловной благонадежности больше всего содѣйствуетъ возстановленію дисциплины.

До сихъ поръ придерживаются того, что часть мелкихъ хозяйственныхъ заботъ, именно касающихся обмундированія и пропитанія солдата, предоставлена строевымъ офицерамъ. При этомъ руководствуются не экономическими причинами, а цѣлью сдѣлать

[1]) Отсюда вытекаетъ важность установившагося въ Германіи правила, что каждый офицеръ долженъ начинать свое военное поприще, совершенно какъ простой рядовой. Онъ долженъ сначала научиться повиноваться, чтобы потомъ умѣть повелѣвать, т. е. чтобы онъ умѣлъ отдавать приказаніе правильно и въ понятной для простого ума нижняго чина формѣ. Далѣе, онъ долженъ здѣсь основательно изучить ту низшую ступень исполненія обязанностей, отъ которой онъ впослѣдствіи отдаляется, такъ какъ его подчиненные судятъ о немъ главнымъ образомъ, все-таки, по умѣнію поддерживать порядокъ въ исполненіи именно этихъ простыхъ требованій.

отношенія между начальниками и подчиненными интимными и усилить вліяніе первыхъ. Работа въ шваль и казармахъ, наблюденіе въ кладовой и въ кухнѣ дѣлаютъ ротнаго командира убѣжищемъ и столпомъ дисциплины и отцомъ его части: что солдатъ съ любовью шутливо называетъ его „старикомъ", хотя онъ ежедневно видитъ, какъ распоряжаются болѣе пожилые офицеры въ высшихъ инстанціяхъ, есть полное значенія выраженіе его наивнаго ума.

Эта особенность жизни германской арміи, кромѣ сознанія въ необходимости неуклоннаго исполненія долга, развила еще чувство полнѣйшей *общности* или солидарности. Въ этомъ заключается до сихъ поръ ея сила. Изъ совмѣстной серьезной работы между офицерами и солдатами возникло самое искреннее чувство принадлежности къ одному цѣлому.

Каждый рядовой знаетъ изъ опыта, что его офицеръ ни при какихъ обстоятельствахъ не оставитъ своего отдѣленія или взвода, что его войсковая часть составляетъ одну семью съ общими для всѣхъ интересами, которая непоколебимо держится вмѣстѣ и въ нуждѣ и опасности. Изъ этого развивается то довѣріе, про которое говоритъ Дарвинъ и въ которомъ этотъ великій знатокъ человѣческой натуры ищетъ объясненія превосходства дисциплинированнаго войска. Солдатъ идетъ смѣло на встрѣчу непріятельскимъ пулямъ, потому что онъ убѣжденъ, что его сосѣдъ дѣлаетъ то же самое, что его начальники всѣ впереди и что онъ не смѣетъ ихъ оставить.

Эта внутренняя сила, происходящая отъ чувства принадлежности къ одной части, сохраняетъ устойчивость и тогда, когда порядокъ, поддерживаемый только законами, начинаетъ рушиться, такъ какъ возбужденіе и суматоха боя дѣлаютъ контроль невозможнымъ. Тогда чувство долга и чести вырабатываютъ въ сердцѣ солдата твердое рѣшеніе не отставать отъ другихъ.

На этомъ-то основаніи въ нашу послѣднюю войну каждая отдѣльная часть войска и могла атаковать превосходнаго въ силахъ непріятеля безъ всякаго колебанія, гдѣ только это казалось полезнымъ для общаго дѣла или обстоятельства тому благопріятствовали. Каждый генералъ, рѣшавшійся на какой-нибудь важный

шагъ, былъ увѣренъ, что его сосѣди поспѣшатъ къ нему на выручку, лишь только они услышатъ пушечные выстрѣлы, и что, въ случаѣ необходимости, счастливо начатое имъ дѣло будетъ доведено товарищами, если для этого у него не хватитъ собственныхъ силъ. Это самаго младшаго офицера, стоявшаго во главѣ своей стрѣлковой цѣпи, всѣ начальники имѣли право такъ думать и поступать. Такимъ образомъ объясняется происходившій отъ этого приростъ силъ германской арміи. Въ виду этого также понятно, что высшее начальство арміей, несмотря на свое ограниченное вліяніе на ходъ боевъ и сраженій, все-таки, приступало къ этимъ рѣшеніямъ съ такимъ же довѣріемъ. Оно знало, что всѣ освобожденныя силы въ общемъ соревнованіи стремятся, хотя бы различными путями, къ одной общей цѣли—настигнуть противника. Оно могло быть убѣждено, что ни одинъ начальникъ не остался бы вдали отъ кровавой борьбы, если бы только была еще возможность принять въ ней участіе.

Слѣдовательно, дисциплина есть дѣйствительно то средство, которое дѣлаетъ арміи подвижными. Чѣмъ многочисленнѣе онѣ, тѣмъ лучше должна быть дисциплина. Поэтому мы въ ней нуждаемся теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Однако, чтобы дисциплина доказала свою силу, она должна быть правильно понята; она должна быть тождественна съ полнѣйшей солидарностью всѣхъ членовъ арміи въ достиженіи однѣхъ общихъ идеальныхъ цѣлей, въ вѣрности исполненію своего долга и въ приверженности къ службѣ государю и отечеству.

Если хорошая дисциплина въ арміи и основана главнымъ образомъ на нравственныхъ началахъ, то, все-таки, для ея поддержки существуютъ различные внѣшніе пріемы.

Мы не будемъ говорить о томъ, что невыносимое положеніе въ военное время, напряженія, превосходящія человѣческія силы, слишкомъ удручающія впечатлѣнія боя, недостатки и нужда могутъ въ концѣ концовъ разрушить самую лучшую дисциплину и что прежде всего безполезныя тягости и потери дѣйствуютъ разлагающе. Важныя условія лежатъ въ организаціи арміи.

Одно изъ первыхъ заключается въ тщательномъ сохраненіи въ военное время обычныхъ мирныхъ подраздѣленій арміи. Разру-

шеніе ихъ вредитъ дисциплинѣ во всякомъ случаѣ, и убытокъ, происходящій отъ этого, почти всегда превзойдетъ пользу, полученную отъ увеличенія числа единицъ [1]).

При семенномъ характерѣ жизни германскихъ войскъ, такое разрываніе частей въ особенности непригодно. Изъ внутренняго склада нашей арміи само собою вытекаетъ, что каждый командиръ довѣряетъ болѣе своему полку, своему баталіону или своей ротѣ и эскадрону и имѣетъ надъ нимъ больше вліянія, чѣмъ надъ незнакомой частью, ввѣренной ему лишь въ началѣ войны. И, наоборотъ, солдатъ болѣе склоненъ повиноваться знакомымъ начальникамъ, чѣмъ совершенно ему чуждымъ. Соблюденіе разъ установленныхъ подраздѣленій мирнаго времени такъ настоятельно необходимо, что передъ нимъ должны замолчать второстепенныя требованія употребленія и боя. Можно вообще принять, что трехъ-батальонный полкъ сдѣлаетъ на войнѣ гораздо больше, нежели три батальона разныхъ полковъ, поставленные только случайно подъ одно общее начальство.

Если, при произвольномъ составленіи отрядовъ, перемѣшиваются даже части различныхъ корпусовъ, то приходится принимать во вниманіе и различіе провинцій. Одно племя германской имперіи требуетъ крутого обхожденія, другое же—бережливаго: съ однимъ нужно обращаться энергично, съ другимъ ласково; однихъ наиболѣе подбадриваетъ своевременный выговоръ, а другихъ, напротивъ, щедрая похвала. Между берлинцемъ или бранденбуржцемъ и вестфальцемъ, между восточнымъ пруссакомъ и рейнцемъ существуютъ довольно значительныя различія въ характерѣ. Предводитель, командующій частью на войнѣ, долженъ съ нею быть знакомъ еще въ мирное время. Онъ долженъ знать, какъ надо за нее приняться.

Большое значеніе для дисциплины имѣетъ еще и то, чтобы нижніе чины, которые по окончаніи своего обязательнаго пребыванія подъ знаменами возвращаются къ мирной, гражданской жизни, поступали бы, въ случаѣ мобилизаціи, на укомплектованіе

[1]) Вѣмъ извѣстно, какъ вредно подѣйствовало на корпоративный духъ датскихъ войскъ распоряженіе военнаго министра, который рѣшился, незадолго до войны 1864 г., раздѣлить всѣ баталіоны, чтобы получить двойное количество ихъ.

тѣхъ же частей, въ которыхъ они получили свое военное воспитаніе. Они находятъ здѣсь старыхъ знакомыхъ, товарищей и начальниковъ, которыхъ легко понимаютъ, и встрѣчаютъ отношенія, къ которымъ они когда-то привыкли и въ которыхъ они скоро ориентировываются. Они причастны къ славѣ и благодѣянію именно этой части и по старой памяти гордятся тѣмъ, что принадлежатъ къ ней. Здѣсь дѣйствуетъ корпоративный духъ, побуждающій отдѣльныя части войскъ къ благородному между собою соревнованію.

Конечно, при тѣхъ многихъ условіяхъ, которыя ставятся успѣшною мобилизаціею, не всюду возможно будетъ включать каждаго призваннаго изъ запаса въ прежніе ряды; но гдѣ только это возможно, тамъ слѣдовало бы это примѣнять.

Традиціи и корпоративный духъ могутъ развиться только при томъ условіи, чтобы офицеры въ части не мѣнялись слишкомъ часто. Въ особенности это важно для ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, въ рукахъ которыхъ находится воспитаніе солдатъ. Кромѣ того, мирный составъ отдѣльныхъ частей не долженъ быть слишкомъ слабъ. Корпорація должна быть значительныхъ внѣшнихъ размѣровъ, если желательно, чтобы въ ней сохранились извѣстныя традиціи [1]. Далѣе, болѣе или менѣе значительное число людей необходимо и для различныхъ цѣлей военнаго образованія ихъ. Слишкомъ маленькіе роты и батальоны мирнаго времени теряютъ свою самостоятельность; при упражненіяхъ они не могутъ представить всего того, что могутъ выполнить роты и батальоны военнаго состава. Тогда приходится прибѣгать къ опасному средству собирать ихъ по нѣсколько вмѣстѣ и отдавать ихъ подъ начальство одному изъ причастныхъ командировъ. Подобное происходитъ во Франціи. Въ Германіи такое явленіе нарушило бы основной принципъ образованія, службы и порядка въ частяхъ, заключающійся въ личной отвѣтственности каждаго начальника за состояніе своей части; тогда пострадали бы личный интересъ, личное вліяніе, а вслѣдствіе этого и дисциплина.

Нельзя обойтись и безъ еще одного вида дисциплины, которую, въ противоположность нравственной, можно назвать умствен-

[1]) Блуме.—Стратегія, стр. 67.

ной. Если дѣятельность интеллигенціи въ арміи не подчинена никакимъ правиламъ, то она до нельзя затрудняетъ управленіе. Это часто служило причиной несчастій импровизированныхъ армій.

Въ созданныхъ въ минуту необходимости милиціяхъ и партизанскихъ отрядахъ обыкновенно не бываетъ недостатка въ даровитыхъ и образованныхъ людяхъ между ихъ предводителями. Лучшіе люди государства, которые никогда не посвятили бы себя военной службѣ, должны при такихъ обстоятельствахъ слѣдовать зову. Въ войскахъ французской Сентябрьской республики служило много высшихъ аристократовъ въ самыхъ младшихъ званіяхъ. Natürlich въ этомъ случаѣ дѣйствовало много интеллигенціи, но только недисциплинированной, которой недоставало равномѣрной выучки. Поэтому и въ дѣятельности не хватало единства.

Этому можно противодѣйствовать равномѣрнымъ образованіемъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что слѣдуетъ дѣятельность начальниковъ схематизировать по опредѣленнымъ правиламъ. Война не терпитъ шаблоновъ. Но, все-таки, въ способѣ рѣшенія задачъ должно господствовать извѣстное согласованіе. Это достигается тѣмъ, что отдѣльные, общіе *принципы* вселяются наукой и упражненіями въ плоть и кровь начальниковъ. Они должны быть упомянуты въ правилахъ, какъ руководящія точки зрѣнія для дѣйствій, подобно тому, какъ это дѣлается въ „директивахъ", отдаваемыхъ въ особыхъ случаяхъ. Руководительство не можетъ обойтись безъ надежной школы. Только посредствомъ нея можно достигнуть того, что опредѣленная задача будетъ рѣшена всѣми офицерами, которымъ она можетъ быть задана, если и не по одному рецепту, то, все-таки, на основаніи однихъ и тѣхъ же принциповъ. Правда, при теоретическихъ, заданныхъ въ мирное время упражненіяхъ, рѣшенія представляютъ большое разнообразіе; но они служатъ, въ сущности, только для испытанія, т. е. задумываются такъ, что они должны возбуждать сомнѣнія. На войнѣ же все представляется значительно проще. Когда въ 1870 г. германскія арміи развернулись на Рейнѣ, то навряд ли нашелся бы одинъ генералъ, который не рѣшился бы тотчасъ же на наступленіе во Францію. Желаніе въ могучемъ и быстромъ наступленіи воспользоваться превосходствомъ въ числѣ и въ доблести нашихъ воиновъ

было нашимъ общимъ чувствомъ. Этотъ принципъ мы вдохнули въ себя еще съ воздухомъ нашей военной школы.

Гдѣ существуетъ такая дисциплина интеллигенціи, тамъ главнокомандующій смѣло можетъ много предоставить самостоятельности отдѣльнаго подчиненнаго. Онъ будетъ увѣренъ, что тамъ, гдѣ онъ самъ лично не можетъ распорядиться, случится если и не то именно, что бы онъ самъ сдѣлалъ, то все еще что-нибудь, по его мнѣнію, цѣлесообразное.

Одинаковость умственнаго развитія, между прочимъ, возможна только при томъ условіи, если весь personalъ начальниковъ занималъ одинаковое соціальное положеніе. Само собой разумѣется, что она не можетъ быть достигнута въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ часть офицеровъ производится изъ нижнихъ чиновъ, а другая часть изъ военныхъ школъ и академій. Здѣсь полное единство въ дѣйствіяхъ никогда не будетъ обезпечено.

3. Стратегическое развертываніе армій.

Открытію кампаніи предшествуетъ стратегическое развертываніе, т. е. сосредоточеніе вооруженныхъ силъ къ угрожаемой границѣ государства. Чѣмъ многочисленнѣе вооруженныя силы, тѣмъ болѣе возрастаетъ важность правильнаго стратегическаго развертыванія ихъ.

Въ сочиненіи прусскаго генеральнаго штаба о франко-нѣмецкой войнѣ 1870—71 г. говорится: „Ошибки въ первоначальномъ сосредоточеніи арміи едва ли поправимы въ теченіе всей кампаніи".

На первый взглядъ вѣрность этого положенія можетъ казаться сомнительною. Скорѣе можно было бы думать, что это зависитъ отъ исхода первыхъ боевъ и сраженій, которые, въ случаѣ нужды, дадутъ возможность быстро поправить неправильное сосредоточеніе арміи. Въ военной исторіи нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, показывающихъ, что кампаніи, начатыя самыми неудачными движеніями, вслѣдствіе одного счастливаго сраженія совершенно измѣнялись къ лучшему. Припомнимъ только судьбу Фридриха Великаго въ первую его кампанію, въ апрѣлѣ 1741 года. Фельдмаршалъ Нейперъ совершенно захватилъ врасплохъ молодого короля, замѣшкавшагося въ верхней Силезіи: онъ, своимъ наступ-

леніемъ черезъ Пенсе. отрѣзалъ его отъ всѣхъ сообщеній, угрожалъ его магазинамъ и артиллерійскому парку и довелъ Фридриха до того. что онъ долженъ былъ принять сраженіе, имѣя въ тылу непріятельскую страну, и долженъ былъ бы погибнуть, если бы онъ не остался побѣдителемъ. Болѣе блестящее открытіе кампаніи для Австріи и болѣе печальное для Пруссіи едва ли можно себѣ представить. Но при Мальвицѣ лучшая выправка прусской пѣхоты взяла верхъ и въ дѣлахъ наступилъ крутой поворотъ. Однимъ ударомъ Фридрихъ сдѣлался господиномъ положенія. Здѣсь стратегическія условія какъ будто не оказали никакого вліянія. Подобныя же впечатлѣнія выносимъ мы и изъ сопоставленія сраженій при Часлау, Гогенфридбергѣ и Лейтенѣ съ предшествовавшей имъ обстановкой.

Но эти всѣ примѣры принадлежатъ исключительно исторіи прежнихъ временъ. Къ числу особенностей современнаго способа веденія войны принадлежитъ тѣсное взаимодѣйствіе между движеніемъ и боемъ. Случай, когда неудачно начатая кампанія, вслѣдствіе одного выиграннаго сраженія, получаетъ благопріятный оборотъ. не невозможенъ и въ настоящее время, но, однако, въ высокой степени невѣроятенъ. При расчлененіи армій, при томъ широкомъ фронтѣ, которымъ онѣ занимаютъ. и при самостоятельности отдѣльныхъ частей ея уже съ подготовительныхъ движеній всегда явятся столкновенія съ непріятелемъ. Выгодный исходъ ихъ мыслимъ только съ придачею счастливыхъ боевъ, какъ и вступленіе германцевъ въ предѣлы Франціи тотчасъ сопровождалось побѣдами при Вейсенбургѣ, Вертѣ и Шпихернѣ. Въ лучшемъ стратегическомъ положеніи одной стороны высказывается въ настоящее время уже положительно и его тактическое превосходство. Ошибочное же стратегическое развертываніе ведетъ къ тому, что войска оказываются не тамъ, гдѣ они наиболѣе нужны въ данную минуту. Такимъ образомъ невозможно будетъ и дать побѣдоносно тѣ сраженія, которыя прежде всего были бы необходимы, чтобы исправить общее положеніе. Въ этомъ и заключается громадное вліяніе ошибокъ, случающихся при сосредоточеніи арміи. Въ большинствѣ случаевъ онѣ, при равныхъ противникахъ, рѣшатъ отступленіе одного и наступленіе другого. Лучшій при-

мѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ австрійская кампанія 1805 года. Наиболѣе сильная армія въ 100.000 человѣкъ, изъ лучшихъ полковъ и подъ предводительствомъ способнѣйшаго полководца, эрцъ-герцога Карла, была направлена въ Италію, гдѣ, казалось, ожидали, какъ въ 1796, 1797, 1799 и 1800 г., важнѣйшихъ рѣшеній. Только 70.000 человѣкъ, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Фердинанда и генерала Мака, находились на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Германіи, когда Наполеонъ, выступивъ изъ Булоня форсированными маршами, появился именно здѣсь съ большимъ превосходствомъ въ силахъ. Ульмская катастрофа была послѣдствіемъ этого. Она не могла быть уравновѣшена побѣдой австрійцевъ при Кальдіеро въ Италіи. Хотя и увидѣли ошибку и вызвали эрцъ-герцога Карла въ Германію, но это, все-таки, уже не могло измѣнить исхода кампаніи. Сраженіе при Аустерлицѣ окончило ее прежде, чѣмъ эрцъ-герцогъ Карлъ могъ что-нибудь предпринять для блага австрійцевъ.

Первоначальный сборъ французской арміи въ іюлѣ 1870 г. въ двѣ отдѣльныя группы, впереди Меца и въ Эльзасъ, былъ разсчитанъ на быстрое наступленіе въ Германію, для чего, однако, не было ни средствъ, ни серьезнаго намѣренія. Когда первыя неудачи сдѣлали соединеніе необходимымъ, то далекое разстояніе между этими группами потребовало долгаго отступленія. Послѣдствіями этого было, что Макъ-Магонъ долженъ былъ отступать до Шалона, а Базенъ въ скоромъ времени былъ изолированъ у Меца. Послѣднее повело къ маршу къ Седану и къ катастрофѣ 1-го сентября. Изъ этого не трудно видѣть связь между тяжелыми ударами, постигшими Францію въ теченіе всего перваго періода войны, и первоначальными распоряженіями для стратегическаго развертыванія ея вооруженныхъ силъ.

Сосредоточеніе арміи начинается въ то время, когда политика только-что рѣшила обнажить мечъ. Поэтому здѣсь приходится руководствоваться не одними военными, но и политическими соображеніями. Затѣмъ выступаютъ вопросы по продовольствію и расквартированію, географическія условія, пути сообщенія и дорожная сѣть.

Ни одно государство не захочетъ сейчасъ же въ началѣ вой-

ны оставить угрожаемую провинцію, хотя бы это и было желательно съ военной точки зрѣнія. Правда, наука о войнѣ утверждаетъ, что такія жертвы должны быть принесены не задумываясь, когда этого требуютъ высшіе интересы. Когда веденіе войнъ еще зависѣло исключительно отъ высочайшей воли самодержавнаго монарха, то это, можетъ-быть, было и вѣрно. Теперь же мужество, сила, довѣріе всего народа, а также и его національный кредитъ играютъ слишкомъ большую роль, чтобы придерживаться этого. Вообразимъ себѣ только, какое впечатлѣніе произвела бы война Германіи съ Франціей, начавшаяся съ оставленія на произволъ лѣваго берега Рейна, или походъ противъ Россіи, начавшійся съ очищенія Пруссіи вплоть до Вислы.

Мотивы, которые, можетъ-быть, оправдали бы эти мѣры въ глазахъ военныхъ, остались бы для большинства неизвѣстными. Нація придетъ всегда въ сильное волненіе, если значительныя части страны будутъ оставлены собственными войсками безъ видимой необходимости. Съ добровольнымъ очищеніемъ провинціи отказываются также и отъ пользованія ея средствами и силами. Кромѣ того, если непріятель ее займетъ, то даже въ случаѣ счастливаго исхода войны ее придется обратно завоевывать передъ заключеніемъ мира.

Послѣ несчастнаго похода 1806 г. ученые критики утверждали, что прусская армія должна была бы безъ дальнихъ проволочекъ отступать передъ Наполеономъ до Одера, чтобы соединиться тамъ съ русскими. Хотя бы Саксонія и отложилась и изъ арміи во время долгаго отступленія убѣжало бы много людей, то, тѣмъ не менѣе, на Одерѣ численный перевѣсъ перешелъ бы на ея сторону. Это совершенно вѣрно. Но если бы даже атака Наполеона линіи р. Одера и не удалась, то, все-таки, Императоръ тѣмъ временемъ сталъ бы господиномъ лучшихъ прусскихъ провинцій, и прусская армія должна была бы сначала пройти побѣдоносно свою собственную страну, чтобы дойти до того мѣста, гдѣ она находилась передъ началомъ войны. Поэтому попытка пруссаковъ, отстоять свою страну съ самаго начала, ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ порицанія. И на войнѣ примѣнима латинская пословица „beati possidentes“.

Поэтому-то Фридрихъ Великій и занималъ въ 1757 г. восточную Пруссію до тѣхъ поръ, пока онъ это могъ. Во время своихъ различныхъ операцій въ Лузаціи и Богеміи онъ постоянно заботился объ обезпеченіи верхней Силезіи. То же самое мы видимъ въ 1805 г., когда прусская армія сосредоточилась въ Тюрингіи и Франконіи, но оставила одинъ корпусъ около Глаца и Нейссе. И въ 1866 г. тамъ развернулась одна прусская армія, несмотря на то, что вторженіе въ Богемію, по направленію на Гичинъ, было рѣшеннымъ дѣломъ.

Защита угрожаемыхъ провинцій есть одно изъ требованій, которое должно быть исполнено при первоначальномъ сосредоточеніи армій.

Подъ этой защитой, однако, не надо понимать непосредственнаго занятія границъ; очень часто она явится слѣдствіемъ присутствія вблизи границы сильной арміи, которая сдѣлаетъ вторженіе противника въ обнаженную отъ войскъ полосу настолько для него опаснымъ, что онъ откажется отъ этого. Одно уже намѣреніе наступать настолько дѣйствуетъ на противника, что скоро обезпечиваетъ въ сторонѣ лежащую страну отъ его покушеній. Въ отдаленныя же провинціи и непріятель можетъ направить лишь незначительныя силы, и потому онѣ могутъ быть заняты не только резервными войсками, но даже и народнымъ ополченіемъ. Такъ, напримѣръ, уже въ 1795 г., когда Пруссіи угрожала война съ Россіей, министръ ф. Шреттеръ хотѣлъ защитить холмистую и покрытую озерами и лѣсами восточную Пруссію съ 50—60 т. человѣкъ ландштурма, опираясь на нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ.

Тѣ части полевой арміи, которыхъ первая задача во время стратегическаго развертыванія — прикрывать границы, могутъ только въ исключительныхъ случаяхъ не принимать участія въ большихъ операціяхъ всей арміи. Если онѣ, одновременно съ тѣмъ, задерживаютъ непріятельскую армію, какъ, напримѣръ, корпусъ фельдмаршала Лёвальда — русскихъ, или отвлекаютъ превосходныя непріятельскія силы отъ рѣшительнаго пункта, какъ Массена въ 1805 г. въ Италіи, то онѣ могутъ оставаться отдѣленными отъ своихъ главныхъ силъ, и отдѣленіе ихъ окупится впослѣд-

ствіи вполнѣ. Въ противномъ случаѣ они должны быть такъ расположены, чтобы имѣть возможность присоединить ихъ въ рѣшительныя минуты. Такъ случилось съ отрядомъ Шверина въ 1757 г., когда Фридрихъ вторгся въ Богемію, и повторилось въ 1866 г. съ арміей Кронпринца, когда началось наступленіе пруссаковъ.

Итакъ, *обезпеченіе своей собственной территоріи весьма важно, но при соблюденіи того условія, чтобы была возможность, при нанесеніи непріятелю рѣшительныхъ ударовъ, воспользоваться всею совокупностью своихъ силъ.*

Не всегда переходъ отъ мирнаго на военное положеніе будетъ такъ быстръ, какъ въ 1870 г. Уже сосредоточеніе арміи занимаетъ, несмотря на всѣ мѣры къ ускоренію его, порядочное число дней. Накопленіе большихъ массъ людей и лошадей принесетъ всегда съ собой много затрудненій. Приходится заботиться не только объ удобномъ расквартированіи арміи, но еще болѣе о продовольствіи ея. Хотя войска и принесутъ съ собой нѣкоторое количество жизненныхъ припасовъ съ родины, но все-таки нельзя будетъ совершенно отказываться отъ вспомогательныхъ источниковъ театра сосредоточенія. Во всякомъ случаѣ, большое преимущество, если войска найдутъ въ своихъ квартирахъ хорошій пріемъ на нѣкоторое время. Затѣмъ сейчасъ же приступаютъ къ устройству магазиновъ. Въ мѣстѣ расположенія войскъ или въ окрестностяхъ должна быть возможна закупка запасовъ въ большихъ размѣрахъ. Желѣзныя дороги служатъ преимущественно для перевозки войскъ. Водяные пути, соединяющіе значительные пункты государства съ занятой войсками территоріей, приносятъ самое большое облегченіе. Очевидно, что стратегическое сосредоточеніе войскъ въ странѣ, богатой желѣзными дорогами, сухопутными и водяными сообщеніями, гораздо легче, нежели въ бѣдной и пустынной полосѣ земли, въ которой, при извѣстныхъ условіяхъ, приходится дѣлать совершенно особыя приготовленія. *Такимъ образомъ не менѣе важно принять въ соображеніе естественныя и культурныя условія страны, въ которой происходитъ* **стратегическое развертываніе арміи.**

Само собою понятно, что не слѣдуетъ сосредоточивать огромныхъ массъ войскъ тамъ, гдѣ рѣки безъ переправъ или горные

хребты безъ путей могутъ задержать ихъ дальнѣйшее движеніе. Однако это обстоятельство, большею частью, отпадаетъ уже вслѣдствіе того, что въ подобныя мѣстности не ведутъ никакія большія жизненныя артеріи, а слѣдовательно о развертываніи въ нихъ значительныхъ войсковыхъ массъ не можетъ быть и рѣчи.

Какъ вліяетъ политика на стратегическое сосредоточеніе войскъ, учитъ исторія кампаніи 1877 года. Если бы Россія могла разсчитывать на Австрію такъ же, какъ на Румынію, то она была бы въ состояніи развернуть свою южную армію не на Прутѣ, а на Дунаѣ. Что турки могли переправиться черезъ Дунай, чтобы помѣшать этому стратегическому развертыванію, не внушало слишкомъ большихъ опасеній. Соображенія относительно ненадежныхъ сосѣдей, вѣрныхъ союзниковъ, которымъ угрожаетъ опасность, колеблющихся державъ, которыхъ желательно увлечь за собой быстрымъ предложеніемъ могущественной защиты, и нейтральныхъ областей, которыя беречь предписываетъ благоразуміе, всегда окажутъ вліяніе на стратегическое развертываніе арміи.

Но прежде всего, выдающуюся важность имѣетъ положеніе большихъ путей сообщенія, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ избираемую для сосредоточенія область. Легко понятно, что та изъ воюющихъ сторонъ, которая раньше готова съ своимъ сосредоточеніемъ арміи, имѣетъ много преимуществъ надъ противникомъ. Она можетъ начать движенія и первая навязать свою волю противнику. При сколько-нибудь равныхъ силахъ она можетъ одержать побѣды въ первыхъ бояхъ, пріобрѣтетъ этимъ моральное превосходство надъ противникомъ и возбудитъ къ себѣ довѣріе своихъ и чужихъ. Однимъ словомъ, она будетъ предписывать законы для дѣйствія, а не получать ихъ. Въ вступительный періодъ войны она имѣетъ перевѣсъ на своей сторонѣ, и дѣло заключается большею частью лишь въ томъ, чтобы умѣть хорошо воспользоваться этимъ перевѣсомъ и возможно дольше удержать его за собою. Этимъ объясняется состязаніе большихъ армій нашего времени въ быстротѣ мобилизаціи и сосредоточеніи на границѣ. Это состязаніе считаетъ теперь уже не дни, а часы. Поэтому-то весьма важно при стратегическомъ развертываніи воспользоваться какъ можно большимъ числомъ желѣзныхъ

дорогъ, даже если возможно всѣми, ведущими по тому направленію, въ которомъ приходится открыть военныя дѣйствія. Проектъ стратегическаго развертыванія арміи будетъ даже начинаться съ разсмотрѣнія этихъ условій. Вопросъ, какъ доставить войска къ требуемой границѣ, естественно будетъ первымъ.

Признавая чрезвычайную важность того, чтобы сосредоточеніе арміи совершалось какъ можно скорѣе, мы не можемъ въ то же время не увидѣть зависимости, которая существуетъ между нимъ и мобилизаціей арміи. Никакая войсковая часть не въ состояніи сейчасъ же выступить изъ своей постоянной квартиры противъ непріятеля. Сначала надобно призвать подъ знамена людей изъ запаса, каждаго соотвѣтственно его назначенію. Сотни тысячъ и даже, можетъ-быть, милліонъ людей неожиданно отрываются отъ своего домашняго очага и приходятъ въ лихорадочное движеніе. Это должно быть самымъ точнымъ образомъ подготовлено заранѣе, иначе можетъ возникнуть страшный безпорядокъ. Приведеніе въ готовность войсковыхъ частей полевой арміи не есть самое трудное въ мобилизаціи; здѣсь, напротивъ, все исполняется наиболѣе легко. Но многочисленныя присутственныя мѣста и учрежденія формируются вновь. Резервно-полевыя, гарнизонныя и запасныя войска, главныя квартиры отдѣльныхъ армій, генералъ-губернаторства, губернаторства, инспекціи этаповъ, комендантства и проч., изъ которыхъ еще бо́льшая часть имѣетъ раздѣляющіеся на различныя вѣтви штабы и управленія, создаются лишь въ первые дни мобилизаціи. Провіантскія и фурпарковыя колонны и обозъ должны быть снабжены, пополнены и запряжены: интендантства, пекарни, почтовыя управленія, органы телеграфной службы, казначейства, судная, санитарная и духовная части,— все это должно быть вновь сформировано: комиссіи всевозможнаго рода собираются. Прибывшихъ резервистовъ и ландверистовъ надо обмундировать и вооружить, офицеровъ, чиновниковъ и войска снабдить лошадьми, устроить депо, закупить и доставить запасы. Угрожаемыя крѣпости должны быть приведены въ оборонительное положеніе и снабжены гарнизонами, управленіями и учрежденіями разнаго рода. Дѣла мирнаго времени должны быть закончены или переданы въ временноисправляющія обязан-

ности управленія; архивы и регистратура требуютъ тщательнаго храненія во все время войны. Канцелярская служба полевыхъ войскъ должна быть организована и снабжена всѣми нужными средствами. Люди, лошади и матеріалы должны быть отправляемы къ своимъ желѣзно-дорожнымъ сборнымъ пунктамъ. Вскорѣ затѣмъ должна начинаться перевозка къ границѣ. *Все это должно быть исполнено въ теченіе немногихъ дней.* Въ 1870 году мобилизація была объявлена въ ночь на 16-е іюля, а 4-го августа армія перешла уже границу и одержала первую побѣду. Въ настоящее же время хотятъ достигнуть еще большей быстроты. Это такая работа, которая требуетъ не только долгой и заботливой подготовки въ мирное время, но которая въ минуту исполненія приводитъ всѣ правительственныя и административныя учрежденія страны въ лихорадочную, до крайняго напряженія силъ, дѣятельность. Она охватываетъ весь народъ; всѣ частныя отношенія затрогиваются самымъ коренымъ образомъ. Дни мобилизаціи суть дни величайшаго возбужденія и напряженія для всякаго. Совершенно справедливо говоритъ Блуме: [1]) „Мобилизація арміи, при настоящихъ условіяхъ, есть хорошій пробный камень для достоинства всего государственнаго организма и духа населенія".

Безъ основательной подготовки арміи къ возможно быстрѣйшему переходу съ мирнаго на военное положеніе, планы полководца обращаются въ воздушные замки; воодушевленіе всей націи не въ состояніи поправить недостатка его быстроты. Примѣръ Франціи въ 1870 году предостерегаетъ насъ. Въ Парижѣ знали о перевѣсѣ въ численности германскихъ войскъ надъ французскими и хотѣли уравновѣсить это преимущество смѣлостью и быстротой. Мысль была хороша. Весь народъ, охваченный желаніемъ войны, требовалъ энергическаго дѣйствія—существенная поддержка для дѣятельнаго правительства. Но для приведенія въ исполненіе нужно было бы прежде всего превосходить нѣмцевъ въ быстротѣ сосредоточенія армій. Вмѣсто этого съ первыхъ же дней вышли путаница и задержка. Самые смѣлые проекты были бы безсильны—машина отказывалась служить.

---

[1]) Стратегія. Берлинъ 1882 г. стр. 66.

Извѣстны нѣкоторыя телеграфическія депеши, посланныя во время этой войны безпомощными подчиненными въ французское военное министерство.

Такъ, напримѣръ, телеграфируетъ территоріальный комендантъ (начальникъ участка комплектованія) изъ Марселя: „Здѣсь 9,000 резервистовъ. Не знаю, куда ихъ дѣвать. Чтобы освободиться отъ нихъ, я ихъ всѣхъ отправлю съ находящимися здѣсь въ гавани транспортными судами въ Алжиръ".

„Какъ идетъ Ваше формированіе? Гдѣ Ваши дивизіи? Императоръ приказываетъ Вамъ ускорить эти формированія, чтобы какъ можно скорѣе присоединиться къ Макъ-Магону". Такой телеграммой обращается къ одному изъ корпусныхъ командировъ начальникъ штаба арміи, бывшій ранѣе военнымъ министромъ.

„Пришлите мнѣ денегъ на продовольствіе войскъ; ни въ общественныхъ, ни въ войсковыхъ кассахъ нѣтъ ничего"! заявляетъ одинъ генералъ. „Въ Мецѣ нѣтъ ни кофе, ни сахару, ни рису, ни водки, ни соли, мало сала и бисквитовъ. Пришлите мнѣ, по крайней мѣрѣ, милліонъ раціоновъ въ Тіонвиль"—телеграфируетъ генералъ-интендантъ въ Парижъ. „У меня нѣтъ ни лазаретныхъ служителей, ни лазаретныхъ линеекъ, ни чиновниковъ, ни полевыхъ пекарень, ни обоза" доноситъ интендантъ 3-го армейскаго корпуса въ ту минуту, когда его войска должны уже выступать.

Такъ продолжалось и далѣе. Суета, недоразумѣнія, недостатки и безпорядокъ господствовали здѣсь, между тѣмъ какъ мобилизація германскихъ армій совершилась почти въ полной тишинѣ. Послѣднія вступали уже черезъ границу въ страну, прежде чѣмъ съ французской стороны былъ сдѣланъ хоть одинъ шагъ къ тому сившемуся наступленію, которое должно было все опять поправить. Мысли о переходѣ черезъ Рейнъ и отдѣленіе южной Германіи отъ сѣверной перешли въ область прошедшаго.

Такова постоянно будетъ судьба военныхъ проектовъ, если подготовка въ мирное время не соотвѣтствуетъ имъ и если желанія и возможность расходятся между собой.

Однако опасность заключается не въ однихъ только упущеніяхъ. Слишкомъ большія требованія, которыя легко могутъ появиться при нынѣшнемъ состязаніи различныхъ первоклассныхъ

государствъ въ ускореніи мобилизаціи и сосредоточенія своихъ войскъ, могутъ также повредить. Лучшія силы отказываются служить, встрѣчая неодолимыя задачи; сознаніе, что имѣешь передъ собой такую задачу, лишаетъ яснаго пониманія порядка вещей и присутствія духа. Кто не вноситъ въ періодъ мобилизаціи большой бодрости тѣла и духа, тотъ и безъ того не справится съ ней. Поэтому въ этомъ дѣлѣ руководящіе люди должны бы опасаться слишкомъ сильнаго напряженія столько же, какъ и бездѣятельности. Ничто такъ гибельно не вліяетъ въ рѣшительные моменты, какъ чрезмѣрное нервное раздраженіе. Наши беззаботные предки не знали объ этомъ еще ничего. Безпокойство современной жизни сдѣлало изъ этого модную болѣзнь. Какъ ни дорогъ выигрышъ времени при мобилизаціи, но онъ никогда не долженъ получаться цѣною ущерба порядку.

Насколько стратегическое развертываніе арміи зависитъ отъ мобилизаціи, настолько же оно входитъ въ связь съ тѣми намѣреніями, которыя предположены для первоначальныхъ предпріятій. Сосредоточеніе войскъ, которое цѣлесообразно для предполагаемаго немедленнаго наступленія, можетъ быть очень неблагопріятно для обороны, какъ это и испытали французы въ 1870 году. Рѣдко возможно при первоначальномъ сосредоточеніи согласовать тѣ и другія требованія. Конечно, и здѣсь уже имѣетъ вліяніе предполагаемый образъ дѣйствія непріятеля. Вѣрная оцѣнка послѣдняго и введеніе его въ расчетъ есть задача плана кампаніи.

Стратегическое развертываніе армій двухъ первостепенныхъ державъ въ настоящее время представляетъ картину громаднаго перемѣщенія народовъ. Каждое изъ государствъ выставляетъ около милліона людей и трехсотъ тысячъ лошадей; какъ будто цѣлое маленькое королевство пришло въ движеніе и направляется къ границѣ, чтобы тамъ расположить все свое населеніе на тѣсномъ пространствѣ. Безъ современныхъ средствъ сообщенія отправленіе и продовольствіе такихъ массъ были бы немыслимы. Они возможны только потому, что такія государства, какъ Германія и Франція, такъ богаты желѣзно-дорожнымъ подвижнымъ составомъ, что могутъ одновременно посадить на поѣзда всю свою мобилизованную полевую армію.

Нечего и разъяснять, сколько труда и предусмотрительности надобно для того, чтобы произвести подобное воинственное переселеніе народа и чтобы поддержать порядокъ въ движеніи впередъ и назадъ безчисленныхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ. Подготовка этого наполняетъ въ мирное время дѣятельность не малаго числа офицеровъ, чиновниковъ и техниковъ.

Гдѣ существуетъ такъ много различныхъ условій, тамъ правильное рѣшеніе—трудная вещь. Но за то стратегическое развертываніе есть единственная операція, которая еще вполнѣ во власти высшаго военнаго управленія. Условія и опасенія разнообразны и трудны, но они, все-таки, не ускользаютъ отъ предварительнаго расчета, какъ это бываетъ въ большинствѣ другихъ случаевъ на войнѣ. За удачное выполненіе этого перваго акта, при которомъ неизвѣстность, властвующая надъ всѣмъ въ другихъ случаяхъ, играетъ самую незначительную роль, отвѣчаетъ въ особенности генеральный штабъ, на долю котораго выпадаетъ обработка его. Лишь позже начинается игра неограниченной власти судьбы и случая, которая отнимаетъ у высшей человѣческой проницательности возможность управлять ходомъ событій.

Въ Германіи въ послѣднее время двѣ пробы этого перваго акта прошли счастливо. Стратегическое развертываніе прусской арміи въ 1866 году принадлежитъ къ лучшимъ операціямъ этого рода. Когда оно было окончено и удалось, то всѣмъ оно казалось совершенно естественнымъ, какъ будто иначе даже не могло и быть. Но, представляя себѣ обстоятельства въ началѣ войны, мы должны будемъ многое признать необыкновеннымъ. Три группы непріятельскихъ державъ — на западѣ, юго-западѣ и югѣ, были противъ Пруссіи, а между ними—собственныя раздробленныя владѣнія послѣдней съ неблагопріятными для обороны границами, при чемъ необходимо было еще послать часть войскъ въ Шлезвигъ. Австрія уже была пять недѣль занята приготовленіями къ войнѣ, когда Пруссія, между 5-мъ и 12-мъ мая, мобилизовала свою армію. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя къ 5-му іюня находилась уже въ полной готовности на саксонской и силезско-богемской границѣ и выиграла такимъ образомъ передъ Австріей двѣ недѣли. Это только могло быть достигнуто смѣлымъ рѣшеніемъ обратить всѣ

силы тотчасъ же противъ самаго могущественнаго врага—Австріи; затѣмъ, искуснымъ пользованіемъ всѣми пятью желѣзно-дорожными линіями, ведшими на театръ войны, и, наконецъ, сборомъ арміи въ три самостоятельныя группы. Именно эта послѣдняя мѣра въ свое время и была осуждаема и, все-таки, она была важнѣйшая; она главнымъ образомъ дозволила наверстать потерянное время, ибо къ тремъ сборнымъ пунктамъ ведетъ болѣе коммуникаціонныхъ путей, чѣмъ къ одному. Кромѣ того, эта мѣра одновременно обезпечивала наиболѣе угрожаемыя провинціи, Бранденбургъ и Силезію, давала арміи возможность продовольствоваться безъ труда и предоставляла въ ея распоряженіе большое число удобныхъ дорогъ для наступленія. Но, конечно, это наступленіе должно было и послѣдовать. Стоять между р. Заале и Нейссе, на линіи въ 420 верстъ длиною, съ раздѣльными арміями, отдѣленными другъ отъ друга Эльбой и многочисленными притоками Одера, чтобы ожидать врага, было бы гибельно. Только соединеніе арміи при наступленіи въ непріятельскую страну и могло уничтожить опасность этого положенія. Но это было съ самаго начала принято въ расчетъ. Этотъ рискъ предписывался въ то же время благоразуміемъ и осторожностью, такъ что хорошій результатъ его является не случайной удачей, а какъ плодъ цѣлесообразныхъ основныхъ положеній.

Вышеописанное сосредоточеніе и первоначальныя операціи пруссаковъ подверглись слѣдующему близорукому упреку критика: „Своими стратегическими комбинаціями прусская главная квартира показала себя не выше посредственности“ [1]).

На этотъ упрекъ послѣдовалъ слѣдующій мѣткій отвѣтъ, написанный наиболѣе заинтересованнымъ писателемъ [2]): „При затруднительности условій войны очень рѣдко достигаютъ идеала, но и посредственное управленіе можетъ еще, какъ показалъ опытъ, достигнуть цѣли. Своевременное соединеніе прусской арміи никогда не считалось, по крайней мѣрѣ прусскимъ генеральнымъ

[1]) Въ февральской книжкѣ 1867 г. австрійской періодической военной литературы (Стреффлеръ).

[2]) N. 18 «Militair-Wochenblatt». 1867 г. Авторомъ статьи называютъ фельдмаршала Мольтке.

штабомъ, какою-либо особенно блестящею идеею или высоко-ученою комбинаціею. Это было понятно приказанное и энергически исполненное приказаніе, которое дало возможность измѣнить неблагопріятное первоначальное положеніе, вызванное необходимостью".

Въ стратегическомъ развертываніи нѣмецкихъ армій въ 1870 г. поучительны, съ одной стороны, оправдавшаяся смѣлость пруссаковъ, съ которою сосредоточеніе, несмотря на внезапное наступленіе Франціи, было перенесено за Рейнъ, и, съ другой стороны, увѣренность, съ которой отказались отъ непосредственной защиты южной Германіи на верхнемъ Рейнѣ, чтобы собрать всѣ свои силы въ Пфальцѣ. Болѣе вѣрнаго расчета не могло быть, ибо громадныя нѣмецкія арміи, появившіяся на Саарѣ, угрожали Франціи и Парижу такъ непосредственно, что непріятель не могъ даже и думать о какихъ-нибудь дальнихъ предпріятіяхъ.

Какъ и во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся войны, для стратегическаго развертыванія арміи также нельзя дать опредѣленныхъ правилъ. Только условія, отъ которыхъ зависитъ первоначальное сосредоточеніе войскъ, возможно разъяснить въ общихъ чертахъ. При всякомъ случаѣ они будутъ вліять отчасти или вполнѣ, но всегда различно. *Правильная оцѣнка ихъ, при* данныхъ обстоятельствахъ конкретнаго случая, есть дѣло военной проницательности. Однако и здѣсь хорошая школа играетъ еще большую роль. Хотя бы теорія военнаго искусства изучалась только для того, чтобы быть увѣреннымъ въ принятіи цѣлесообразныхъ мѣръ для первоначальнаго, вступительнаго періода войны, то уже и этимъ она пріобрѣтаетъ достаточную цѣну.

4. Планъ кампаніи.

„Je n'ai jamais eu un plan d'opération"! сказалъ Наполеонъ. Между тѣмъ вѣра въ планъ кампаніи удержалась до настоящаго времени. Благодарная нація, чтя своихъ великихъ воиновъ памятниками, изображаетъ полководцевъ съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, если они пріобрѣли славу, какъ военачальники. Тѣмъ же, которые почитаются преимущественно какъ мыслители, вручаютъ свертокъ, изображающій планъ кампаніи—символъ ихъ заслугъ. Про нихъ говорятъ, что они точно разсчитывали впередъ ходъ

событій и предсказывали, гдѣ и какъ они разобьютъ непріятеля. Про Фридриха Великаго исторія ошибочно разсказываетъ почти цѣлое столѣтіе, что онъ заранѣе хотѣлъ прибыть именно 4-го мая къ Прагѣ и именно 6-го разбить австрійцевъ. Вѣдь существовало же весьма широко распространенное мнѣніе, что сраженія при Кенигрецѣ, Віонвилѣ, Мецѣ и Седанѣ совершенно входили въ планъ нѣмецкой главной квартиры.

Между тѣмъ въ описаніи войны 1870 г. прусскимъ генеральнымъ штабомъ говорится: „Только дилеттантъ можетъ надѣяться увидѣть въ ходѣ кампаніи заранѣе разсчитанное исполненіе плана, установленнаго во всѣхъ мелочахъ и выдержаннаго до конца. Главнокомандующій, конечно, будетъ всегда имѣть передъ собою свои великія цѣли, несмотря на всѣ случайности событій, но пути и способы, которыми онъ надѣется ихъ достигнуть, никогда не могутъ быть съ увѣренностью установлены далеко впередъ".

Это объясненіе приближается къ словамъ Наполеона. Можно даже принять, что въ сущности онъ хотѣлъ ими выразить то же самое, что здѣсь сказано. Разъ только первые шаги представлялись сколько-нибудь ясно, то и онъ имѣлъ ихъ постоянно въ виду и подготовлялъ ихъ успѣхъ основательно. При всей своей смѣлости онъ былъ довольно осмотрительный полководецъ, и его небрежный отзывъ относился только къ планамъ кампаній старой военной школы ученыхъ, которые, несмотря на все ихъ кажущееся остроуміе, были не болѣе, какъ безполезныя измышленія дилеттантовъ.

Образцомъ этого можетъ служить планъ, предложенный герцогомъ Карломъ-Вильгельмомъ-Фердинандомъ Брауншвейгскимъ въ государственномъ совѣтѣ, въ Потсдамѣ, 3 ноября 1805 года. Наполеонъ взялъ въ Ульмѣ въ плѣнъ Мака и намѣревался проникнуть въ сердце беззащитной Австріи. Но тутъ герцогъ доказывалъ, что Императоръ не можетъ пройти мимо Тироля до тѣхъ поръ, пока тамъ держатся австрійцы, и такимъ образомъ его легко можно принудить къ остановкѣ. Затѣмъ пруссаки должны были напасть на него съ сѣвера и австрійцы съ юга, черезъ Фюссенъ, а русскіе—насѣсть на него съ тыла, какъ только онъ поспѣшитъ повернуть назадъ, въ чемъ не сомнѣвались. На Нек-

карѣ герцогъ хотѣлъ отрѣзать Наполеона отъ сообщенія съ родиной, такъ что онъ могъ бы только посѣдно спастись за Рейнъ или даже долженъ былъ бы искать убѣжища въ Швейцаріи. Зимою же союзники, послѣ этихъ счастливыхъ событій, должны были побѣдоносно стоять на Рейнѣ, отъ Везеля до Боденскаго озера, и такимъ образомъ удерживать Наполеона на томъ берегу. Кромѣ того, прусскій генералиссимусъ хотѣлъ его атаковать и со стороны Голландіи и Италіи. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ на всемъ пространствѣ между Нѣмецкимъ и Средиземнымъ морями раскинуть сѣть, чтобы взять въ плѣнъ этого льва.

Но что дѣлать, если онъ освободится отъ всего этого сраженіемъ?

Герцогъ легко отклонялъ этотъ доводъ: „Наполеонъ проиграетъ сраженіе. Онъ долженъ его проиграть!"

Конечно, если бы можно было такъ разсчитывать, то было бы возможно заранѣе разработать кампаніи во всѣхъ мелочахъ до самаго конца. Но вмѣсто отступленія французовъ послѣдовалъ ихъ маршъ на Вѣну, вмѣсто пораженія—побѣда при Аустерлицѣ, и весь планъ оказался безсодержательнымъ бредомъ.

Съ началомъ движеній, послѣ сосредоточенія арміи, вступаетъ въ силу господствующій на войнѣ элементъ—неизвѣстность.

Всѣ явленія развивались на войнѣ въ дѣйствительности иначе, нежели это предполагалось первоначально. Ничего нѣтъ болѣе естественнаго, чѣмъ это: „Наша собственная воля скоро встрѣчаетъ независимую волю противника". Кто хочетъ разсчитать впередъ ходъ событій, тому придется сдѣлать выводъ изъ одной извѣстной и одной неизвѣстной величины; поэтому и результатъ можетъ быть только вполнѣ неопредѣленнымъ. Это вычисленіе пріобрѣтаетъ нѣкоторую вѣроятность лишь, тогда, когда опредѣляется, которая изъ воюющихъ сторонъ сильнѣе. Послѣдняя тогда знаетъ, что можетъ исполнить свои намѣренія, несмотря на противодѣйствіе противника. Она получаетъ болѣе твердую почву для своихъ комбинацій, *нежели противникъ*.

Каждая изъ сторонъ, понятно, будетъ стремиться создать себѣ подобное положеніе. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что при безхитростномъ пониманіи воины обѣ стороны ищутъ рѣшитель-

наго боя. Во всякомъ случаѣ, его ищетъ та сторона, которая чувствуетъ въ себѣ положительную рѣшимость и большее довѣріе къ своимъ силамъ. Слѣдовательно—*первая цѣль, которую имѣютъ движенія арміи, есть непріятельская главная армія.*

Гдѣ отъ этого отступаютъ, тамъ рѣдко не получаются дурныя послѣдствія. Новѣйшій примѣръ этого представляетъ лѣтній періодъ кампаніи 1877 года. Русскіе, послѣ переправы черезъ Дунай, достигли съ большой быстротой Балканскихъ проходовъ и проникали черезъ этотъ защищающій горный хребетъ. Казалось, что дорога въ Константинополь лежала передъ ними открытою и что они въ двѣ недѣли достигнутъ того, чего сначала надѣялись добиться только въ нѣсколько мѣсяцевъ. Однако подтвержденіе этихъ успѣховъ подлежало еще большому сомнѣнію. Турецкія арміи, находившіяся по сѣверную сторону Балканъ, не были еще разбиты, и судьба всей кампаніи зависѣла отъ исхода неисполненной здѣсь работы, а не отъ захвата нѣсколькихъ проходовъ. Лишь только армія Османа-паши показала первые признаки жизни и появилась на Ломѣ и у Плевны, на флангѣ русскаго пути наступленія, какъ пришлось отдать назадъ все занятое и наверстать упущенное, т. е. искать рѣшенія на полѣ сраженія. До тѣхъ поръ, пока этого наконецъ не случилось, остановилось все движеніе.

Хотя въ сраженіи побѣдитель и подчиняетъ волю непріятеля своей собственной, однако онъ не уничтожаетъ ее вполнѣ. Такія рѣшительныя сраженія, какъ при Седанѣ, гдѣ однимъ ударомъ исчезаютъ съ театра войны цѣлыя арміи, представляютъ большую рѣдкость. Воля побѣжденнаго все еще сохраняетъ нѣкоторое вліяніе. Такъ, напримѣръ, воля Макъ-Магона, несмотря на пораженіе при Вертѣ и неудовлетворительное устройство его вновь усиленной въ Шалонѣ арміи, успѣла, все-таки, отвлечь главную нѣмецкую армію отъ ея марша на Парижъ къ сѣверной границѣ.

Слѣдовательно, даже счастливое сраженіе не вноситъ полной безопасности въ исполненіе предположеній, и послѣ него послѣднее продолжаетъ зависѣть отъ условій минуты и отъ обстановки, являющейся результатомъ дѣйствія и противодѣйствія. Это ведетъ къ новымъ сраженіямъ, изъ которыхъ каждое настолько же со-

вершенно измѣняетъ картину войны, какъ одинъ толчокъ мѣняетъ изображеніе въ калейдоскопѣ. Такимъ образомъ полководецъ принужденъ ежедневно, часто въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, основывать свои соображенія на новыхъ данныхъ. Военная исторія только рѣдко даетъ полную картину этого. При изобиліи событій она обыкновенно выхватываетъ только то, что позже пріобрѣло всеобщій интересъ, и обходитъ, что имѣло только проходящую важность и что затѣмъ исчезаетъ, какъ заблужденіе. Нужно бы, чтобы послѣ войны писали не только исторію случившагося, но еще и исторію того, что хотѣли сдѣлать; тогда разсказъ будетъ поучителенъ. Путаница вліяній гораздо болѣе, нежели ее себѣ представляютъ. Одинъ день, которому впослѣдствіи отведено въ книгахъ лишь нѣсколько строкъ, на самомъ дѣлѣ имѣетъ, можетъ-быть, богатую исторію.

Многое приходится имѣть въ виду: здѣсь надо помочь, тамъ— затормазить, чтобы не потерять направленія къ мелькающей вдали цѣли. Постоянно являющіяся новыя положенія вызываютъ новые планы, и отъ твердости и проницательности полководца зависитъ, насколько сквозь всѣ ихъ проходитъ, подобно красной нити, одна великая, руководящая мысль.

Откуда же взять эту мысль?

Она вытекаетъ изъ общаго военнаго и политическаго положенія. При оцѣнкѣ послѣдняго можно обыкновенно притти къ опредѣленному заключенію, что должно быть достигнуто, чтобы отнять у противника желаніе продолжать борьбу.

Слабѣйшій разсчитываетъ при этомъ, что онъ упорнымъ сопротивленіемъ до извѣстнаго времени можетъ или утомить противника, или пріобрѣсть союзниковъ. Сильнѣйшій же соображаетъ, какъ далеко онъ долженъ зайти послѣ уничтоженія противника, чтобы заключить счастливый миръ, который составляетъ конечную цѣль всякой войны: долженъ ли онъ занять непріятельскую столицу, или нейтральныя провинціи, или, наконецъ, всю страну.

Основываясь на этомъ, можно себѣ представить въ общихъ чертахъ картину того хода событій, къ которому постоянно должно стремиться, несмотря на всѣ вѣчно мѣняющіяся случайно-

сти. Можно, пожалуй, установить, какъ основное положеніе, что сопротивленіе должно быть оказано за тою или другою оборонительною линіею до прибытія подкрѣпленій или союзниковъ. При достаточной силѣ можно, послѣ того какъ удалось разбить противника, ставить себѣ цѣлью отбросить его въ невыгодномъ для него направленіи или въ заранѣе избранную часть страны. Но и самый лучшій стратегъ не можетъ дать ничего болѣе этихъ самыхъ общихъ указаній и точекъ зрѣнія. Въ подробностяхъ же могутъ быть установлены только самые ближайшіе шаги.

„Никакой операціонный планъ не можетъ съ нѣкоторою достоверностью идти далѣе первой встрѣчи съ непріятельскими главными силами“.

Къ сожалѣнію, планы полководцевъ только рѣдко становятся извѣстными вполнѣ. Большею частью политическія соображенія дѣлаютъ обнародованіе ихъ неудобнымъ. Тѣмъ болѣе драгоцѣнны тѣ отдѣльные случаи, когда имѣешь передъ собою такой документъ, какъ мемуаръ прусскаго генеральнаго штаба, [1]) послужившій впослѣдствіи основаніемъ для первыхъ движеній германскихъ войскъ въ войнѣ съ Франціей.

Въ этомъ мемуарѣ, послѣ общаго обзора положенія Германіи и Франціи и сравненія ихъ средствъ для веденія войны, мы находимъ стратегическое развертываніе трехъ германскихъ армій заранѣе опредѣленнымъ почти такъ же, какъ оно исполнилось и на самомъ дѣлѣ. Въ немъ указаны даже всѣ подробности, которыя вообще только регулируются такимъ высокимъ постомъ, какъ постъ главнокомандующаго. Затѣмъ намѣчено, какъ цѣль, что французскія главныя силы должны быть отысканы и атакованы. Во всякомъ случаѣ, ее можно было предполагать недалеко передъ своимъ фронтомъ. Слѣдовательно, не трудно было вывести заключеніе о наступленіи германцевъ въ направленіи, предпринятомъ въ достопамятные августовскіе дни 1870 года. Далѣе въ мемуарѣ указывается только на общую руководящую идею—оттѣснить войска противника въ сѣверномъ направленіи отъ ихъ сообщеній съ Парижемъ. Больше, какъ высказать, что это наиболѣе желательно, навѣрно не могло и быть опредѣлено впередъ.

[1]) Написанный зимою $18^{68}/_{69}$ г.

Осуществленіе этой, обозначенной лишь въ общихъ чертахъ, идеи было до извѣстной степени вѣроятно, чего никогда не могло бы быть съ пророческимъ вычисленіемъ отдѣльныхъ движеній. Въ наступленіи двухъ германскихъ армій къ Мозелю, южнѣе Меца, куда отступилъ Базенъ, въ движеніи третьей арміи къ Шалону, въ маршѣ къ Седану — всюду видно стремленіе оттѣснить непріятеля въ меньшую, сѣверную часть Франціи и отрѣзать его отъ столицы и богатыхъ, южныхъ провинцій. Но никакой пророкъ не могъ бы предсказать, что Базенъ рѣшитъ остаться въ Мецѣ, а Макъ-Магонъ затѣмъ долженъ будетъ предпринять для его спасенія тотъ гибельный маршъ. Подобныя рѣшенія зависятъ отъ того, какое направленіе примутъ въ критическую минуту колебанія, происходящія въ душѣ полководца. Простой случай, какое-нибудь само по себѣ не важное извѣстіе, ободряющее или обезкураживающее слово могутъ дать соображеніямъ и рѣшеніямъ другое направленіе.

Только такіе мудро ограниченные планы, какъ вышеприведенный образецъ, могутъ разсчитывать на осуществленіе. Поэтому и названіе *„проектъ операцій“* болѣе отвѣчаетъ существу дѣла, чѣмъ *„операціонный планъ“* или *„планъ войны.“*

Вся область, надъ которою съ достовѣрностью властвуетъ *„проектъ операцій,“* весьма тѣсно ограничена. Въ настоящее время она обнимаетъ не много болѣе, чѣмъ первое сосредоточеніе арміи для наступленія противъ непріятельскихъ главныхъ силъ или для отраженія таковыхъ. Въ будущемъ эта область еще болѣе ограничится, если войска будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться и систематическія укрѣпленія границъ будутъ встрѣчаться чаще. Съ первой минуты арміи будутъ почти непосредственно стоять другъ противъ друга, и свободное для движеній пространство будетъ очень невелико. При такихъ условіяхъ придется въ будущемъ ввести въ операціи неизвѣстную раньше подготовительную ступень, а именно прорывъ пограничныхъ линій. Нападающій долженъ будетъ стараться сдѣлать это тамъ, гдѣ онъ знаетъ, что непріятель не находится въ непосредственной близости, такъ какъ это значительно затруднило бы взятіе крѣпостей. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ *придется разыскивать непріятельскія главныя силы окольнымъ путемъ.* Боковыя передвиженія обоихъ противниковъ вдоль линіи первоначальнаго

сосредоточенія и быстрый сборъ большихъ массъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ одна сторона надѣется сдѣлать прорывъ, а другая этого опасается, будутъ составлять прелюдіи къ послѣдующимъ кровавымъ битвамъ. Отъ исхода послѣднихъ уже будутъ зависѣть дальнѣйшіе шаги.

Болѣе опредѣленныя данныя относительно содержанія проекта операцій дать очень трудно. Въ зависимости отъ того положенія, при которомъ приходится начинать войну, оно будетъ совершенно различно. Можно набросать только условія, служащія ему основаніемъ, которыя обыкновенно и остаются довольно одинаковыми.

Проектъ операцій и стратегическое развертываніе должны быть выработаны въ тѣсной связи между собою.

Прежде всего оцѣниваются, въ самыхъ широкихъ чертахъ, общія политическія условія. Съ этимъ, большею частью, уже связана и оцѣнка вооруженныхъ силъ, которыя будутъ въ распоряженіи обѣихъ партій, а результатомъ ея получится рѣшеніе, противъ которой державы должно направить свои главныя силы, чтобы достигнуть цѣли, важной и въ политическомъ отношеніи, которую державу можно только удерживать и, наконецъ, за которыми можно только наблюдать. Такіе простые случаи, что придется имѣть дѣло только съ одной державой, будутъ рѣдки. Обыкновенно союзники, ненадежные сосѣди или скрытые противники, рядомъ съ явно выступающими, требуютъ большого вниманія. Въ особенности Германія, какъ страна, окруженная великими державами, должна непремѣнно оглядываться во всѣ стороны.

Для примѣра добавимъ къ даннымъ, на основаніи которыхъ былъ въ 1868 г. составленъ проектъ операцій на случай войны съ Франціей, еще и то предположеніе, что Австрія стала бы союзницей Франціи. Такое предположеніе не будетъ неестественнымъ, въ особенности принявъ во вниманіе, что прошло только два года послѣ войны 1866 г.; примѣръ выиграетъ отъ этого въ поучительности.

Прежде всего, конечно, является вопросъ, противъ кого изъ двухъ противниковъ направить главныя силы сѣверо-германскаго союза.

Къ сторонѣ Франціи Рейнъ со своими крѣпостями представлялъ очень сильную оборонительную линію, на которой можно

было бы долго держаться даже противъ значительно превосходныхъ силъ. Къ сторонѣ Австріи не было такой линіи. Но, при оборонѣ противъ Франціи съ слабыми силами, южная Германія оставалась бы безъ защиты. Французы могли обойти сѣверо-германскій рейнскій фронтъ черезъ Вормсъ, Мангеймъ или Шпейеръ и, подобно Наполеону въ 1806 году, проникнуть по столбовой дорогѣ черезъ Франконію къ Берлину. Между тѣмъ наступленіе германцевъ противъ Австріи, можетъ-быть, пріостановилось бы у Ольмюца или на Дунаѣ; было также возможно, что австрійскія войска съ самаго начала отступили бы до этихъ пунктовъ, чтобы дать время французамъ одержать нѣсколько успѣховъ. И безъ этого Австрія, для приведенія своей арміи на военное положеніе, нуждалась въ нѣсколькихъ недѣляхъ. Съ другой стороны, можно было бы предположить, что французы, разъ нѣмецкія войска вступили бы на ихъ почву, не стали бы ждать Австріи—ихъ національное чувство не потерпѣло бы этого. Слѣдовательно, только съ этой стороны можно было разсчитывать на то, чтобы быстро добиться рѣшительной развязки, которая измѣнила бы всю обстановку и могла заставить Австрію снова вложить полуобнаженный мечъ въ ножны. Кромѣ того, послѣдняя сдерживалась бы положеніемъ, занятымъ Россіей.

Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ мы пришли бы къ заключенію, что противъ Австріи нужно ограничиться на первое время лишь слабою арміею; всѣми же остальными массами необходимо обрушиться на Францію и съ превосходными силами искать, какъ можно скорѣе, рѣшительнаго сраженія.

Подобнымъ же образомъ придется и при другихъ политическихъ комбинаціяхъ опредѣлять, куда слѣдуетъ направить главныя силы, куда второстепенныя, или возможно ли, какъ въ 1870 году, обратить всѣ силы противъ одного врага.

Когда проектъ операцій настолько разработанъ, то приступаютъ къ составленію плана стратегическаго развертыванія. Такъ какъ необходимо окончить его по возможности раньше, и ни въ какомъ случаѣ не позже противника, то дѣло будетъ просто заключаться въ томъ, чтобы распредѣлить войска по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, ведущимъ къ границѣ, такимъ образомъ, чтобы

избѣгнуть всякаго окольнаго пути, всякой потери времени. Безопасныя еще конечныя станціи этихъ желѣзныхъ дорогъ дадутъ приблизительную линію сосредоточенія войскъ. Затѣмъ, къ этому прибавляются приведенныя уже выше многочисленныя политическія и географическія соображенія и принимаются во вниманіе всякаго рода культурныя условія въ ихъ общемъ значеніи. Придется выяснить себѣ, заставляетъ ли совокупность всѣхъ условій ожидать наступленія противника, или она дастъ возможность самимъ перейти въ наступленіе, что всегда желательно. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ цѣлью является непріятельская армія, то ея предполагаемое стратегическое развертываніе окажетъ бо́льшое вліяніе на такое же развертываніе нашей собственной. Конечно, его не знаютъ, но если мысленно вообразить себя въ положеніи противной стороны, если произвести тамъ тѣ же изслѣдованія, которыя были только-что сдѣланы для себя, если внимательно разсмотрѣть положеніе его желѣзныхъ дорогъ, необходимость защитить угрожаемыя провинціи, а позже и столицу, систему пограничныхъ укрѣпленій, если таковая существуетъ, то можно получить довольно вѣрное представленіе о стратегическомъ развертываніи, которое должно имѣть мѣсто у противника. Въ худшихъ случаяхъ получается весьма ограниченное число возможностей.

Когда такимъ образомъ пришли къ заключенію относительно стратегическаго развертыванія непріятеля, то и для проекта операціи (если вообще остается для этого пространство) выяснится, въ какой полосѣ границы слѣдуетъ сосредоточивать собственныя войска. Туда-то и направляются съ послѣднихъ прогоновъ всѣ желѣзно-дорожные транспорты, пользуясь развѣтвленіями и боковыми линіями. Наконецъ войска окончательно размѣщаются по своимъ мѣстамъ походнымъ порядкомъ. При этомъ надобно каждой части войскъ дать достаточно пространства для удобнаго расквартированія. Точно также нужно имѣть въ виду, чтобы на случай обороны расположеніе войскъ давало возможность сосредоточить ихъ для боя на удобной позиціи: если же предполагается перейти въ наступленіе, то необходимо, чтобы каждый корпусъ имѣлъ передъ собой, по крайней мѣрѣ, хоть одну хорошую, большую дорогу, которая вела бы изъ его квартирнаго расположенія

къ непріятелю. Кавалерійскія дивизіи во всякомъ случаѣ должны быть впереди, такъ какъ, иначе, имъ придется пройти черезъ всѣ остальныя войска, чтобы начать свою развѣдывательную службу. Это легко вызываетъ помѣхи и, кромѣ того, лишаетъ ихъ квартиръ на все время прохода, потому что всѣ населенные пункты будутъ уже заняты. Вслѣдствіе этого обыкновенно всѣ или часть кавалерійскихъ дивизій перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ раньше другихъ войскъ, черезъ что онѣ и безъ перемѣщеній впослѣдствіи оказываются впереди.

Изъ совокупнаго положенія конечныхъ пунктовъ желѣзныхъ дорогъ и путей, по которымъ войска доходятъ отъ нихъ къ своимъ мѣстамъ квартированія, обыкновенно опредѣляется естественная группировка вооруженныхъ силъ въ арміи. Такъ оно было и въ 1870 году. Во всякомъ случаѣ, для того только, чтобы сдѣлать одну армію болѣе сильною, а другую болѣе слабою, и для того, чтобы такой-то корпусъ придать одной группѣ, а другой корпусъ—другой, для этого не станутъ предпринимать ненужныхъ и отнимающихъ время передвиженій.

Всѣ вышеприведенныя соображенія составляютъ основы для обработки плана перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ въ видахъ сосредоточенія; этотъ планъ будетъ обратно вліять на проектъ операціи, который, вслѣдствіе этого, придется видоизмѣнять и дополнять.

Разъ только планъ перевозки войскъ точно составленъ, то является возможность дальнѣйшей разработки проекта ближайшимъ опредѣленіемъ первыхъ шаговъ, которые можно предпринять по окончаніи стратегическаго развертыванія. Именно, можно разсчитывать, какимъ количествомъ войскъ можно ежедневно располагать на границѣ: это же самое можно опредѣлить и у непріятеля и сообразить, что онъ можетъ сдѣлать въ то же время и какія мѣры нужно предпринять для противодѣйствія ему. Далѣе выясняется, когда силы, собранныя на границѣ, будутъ достаточны, чтобы чувствовать себя обезпеченнымъ отъ различныхъ неожиданностей, и когда ихъ будетъ довольно для перехода въ наступленіе и для открытія операцій. Въ заключеніе опредѣляется главное направленіе, которое предполагается имъ дать.

Особыя соображенія являются, если пріобрѣтаютъ вліяніе отношенія на морѣ или защита береговъ, т. е. если приходится считаться съ собственными предпріятіями на морѣ или возможностью непріятельской высадки. Точно также при составленіи проекта операцій важно еще рѣшить, гдѣ—по приблизительному опредѣленію—предполагается прорваться черезъ непріятельскую пограничную линію укрѣпленій. Для этого понадобятся осадные парки, а ихъ доставка требуетъ особыхъ приготовленій. Если они ошибочно посланы на одинъ флангъ и если затѣмъ хотятъ перенти въ наступленіе другимъ флангомъ, то парковъ нельзя ужъ будетъ перемѣстить своевременно [1]); здѣсь, слѣдовательно, необходима дальновидность. Въ тѣхъ же видахъ придется заранѣе рѣшить, должно ли осадить, и какую именно, непріятельскую крѣпость. Никакое государство не въ силахъ осадить одновременно нѣсколько большихъ, современныхъ непріятельскихъ крѣпостей перваго класса—такъ много нужно имѣть для этого средствъ и притомъ такихъ тяжелыхъ, что разъ они доставлены на какой-нибудь пунктъ театра войны, то ихъ только съ крайнимъ трудомъ можно перемѣстить на другое мѣсто [2]).

Обыкновенно штабамъ отдѣльныхъ арміи не доставляются письменные экземпляры проекта операцій въ полномъ его объемѣ. Между тѣмъ весьма важно, чтобы главнокомандующіе отдѣльными арміями или ихъ начальники штабовъ были бы хоть въ общихъ чертахъ знакомы съ его содержаніемъ, чтобы при первыхъ шагахъ, часто имѣющихъ вліяніе на весь ходъ кампаніи, не бродить въ темнотѣ. Исторія войны 1870 года, составленная прусскимъ генеральнымъ штабомъ, показываетъ, что и въ этой войнѣ не было недостатка въ недоразумѣніяхъ, именно при первоначальномъ наступленіи къ Саарѣ и при переходѣ черезъ нее. Было бы, можетъ-быть, полезно привлекать лицъ, предназначаемыхъ

[1]) Полковникъ Блуме полагаетъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣятся заставить городъ сдаться вслѣдствіе одного только обстрѣливанія его крѣпостныхъ верковъ, нельзя разсчитывать достигнуть этого успѣха однимъ только полевыми орудіями. Стратегія, стр. 245.

[2]) Къ проекту операцій должны быть приложены: расписаніе желѣзно-дорожнаго движенія, обзоръ состава мобилизованныхъ арміи, расписаніе занимаемыхъ пунктовъ и необходимое число экземпляровъ ориентировочныхъ свѣдѣній о непріятелѣ.

еще въ мирное время на должности начальниковъ штабовъ армій, если не къ утвержденію, то, по крайней мѣрѣ, къ предварительной выработкѣ проекта операцій.

Изъ этого проекта вытекали первыя „директивы“ общей главной квартиры, и пониманіе ихъ существенно облегчится вслѣдствіе знакомства съ фундаментомъ, на которомъ онѣ основаны.

Изъ вышесказаннаго не трудно замѣтить, что составленіе проекта операціи не можетъ быть дѣломъ одного дня и что онъ вырабатывается постепенно или же, вылившись сразу, долженъ постепенно пополняться и исправляться. Хотя въ этомъ случаѣ работа и основывается на болѣе положительныхъ данныхъ, нежели послѣдующія рѣшенія на войнѣ, но и при ней нѣтъ достаточной независимости. Мобилизація и перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ такъ тѣсно переплетаются съ основною стратегическою мыслью, что послѣдняя не можетъ уже такъ свободно, какъ это было въ старое время, рѣшить, какое направленіе дать войскамъ.

Съ одной стороны, черезъ это уменьшается опасность впасть въ неосновательныя мечтанія, съ другой стороны, работа становится непомѣрно болѣе трудною. Нѣсколько бо́льшую свободу получаютъ лишь позднѣйшіе проекты операцій, которые нерѣдко возникаютъ въ теченіе войны послѣ рѣшающихъ событій. Сосредоточеніе совершено, войска уже въ движеніи, остается только соблюдать тѣ общія правила, которыя имѣли значеніе и въ прежнее время.

Остается обратить вниманіе еще на одно основное положеніе. Если проектъ операціи и имѣетъ, большею частью, въ виду нѣсколько возможныхъ комбинацій, то онъ никогда не долженъ искать такихъ мѣръ, которыя годились бы на всѣ случаи, такъ какъ таковыя обыкновенно не будутъ особенно энергичны ни для одного изъ нихъ.

25-го сентября 1806 года прусскія войска стояли сосредоточенными въ трехъ пунктахъ, у Мюльгаузена, Наумбурга и Фрейберга, въ Саксоніи, между тѣмъ какъ французская армія была еще разбросана на широкихъ квартирахъ въ южной Герма-

пін. Герцогъ Брауншвейгскій предложилъ напасть врасплохъ на французскую армію и разбить ее до ея сосредоточенія, но правильность этого рѣшенія была скоро искажена. Дипломатія еще надѣялась на мирный исходъ, и поэтому военныя дѣйствія не должны были начаться раньше извѣстнаго дня. Между тѣмъ Наполеонъ могъ воспользоваться этимъ временемъ, охватить надвигающіяся колонны пруссаковъ справа или слѣва и отбросить ихъ въ Богемію или отрѣзать отъ Эльбы. Поэтому сочли цѣлесообразнымъ занять такое положеніе, которое дало бы еще возможность своевременно перейти къ оборонѣ. Мало того, въ то же время заботились, чтобы въ этомъ положеніи можно было парировать опасность одинаково хорошо со всѣхъ сторонъ. Результатомъ этихъ соображеній получилось рѣшеніе сосредоточить сначала прусскую армію у сѣверной подошвы Тюрингенскаго лѣса, что и породило желаемое замедленіе въ открытіи военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ можно было еще остановиться впереди хребта, если бы Наполеонъ предупредилъ пруссаковъ; можно было также одинаково легко изъ Эрфурта и Готы двинуться на Эйзенахъ и Фульду, если бы Императоръ воспользовался гессенской дорогой, или на Гофъ, если бы онъ воспользовался франко-саксонской; наконецъ, если бы Наполеонъ медлилъ, то можно было еще, пользуясь горными проходами, перейти въ неожиданное наступленіе.

Дѣйствительно, этотъ проектъ годился одинаково хорошо на всѣ случаи, но именно въ этомъ и заключалась его слабость, потому что эти мѣры ни на какой случай не были разсчитаны такъ исключительно и съ такой энергіей, чтобы можно было надѣяться на рѣшительный успѣхъ. Единственная же благопріятная минута была пропущена.

Послѣ взвѣшиванія всѣхъ возможныхъ комбинацій надобно остановиться на *самой вѣроятной* изъ нихъ, на ней основать свое собственное положительное намѣреніе *и затѣмъ принять всѣ мѣры къ энергичному его исполненію*. Въ приведенномъ выше примѣрѣ главнѣйшею руководящею мыслью было быстрое, неожиданное для французовъ, наступленіе въ южную Германію. Каждая потеря времени ослабляла ее и должна была поэтому быть избѣгаема во что бы то ни стало. Поэтому проектъ операцій могъ осу-

ществиться только при быстромъ соединеніи частей прусской арміи впередъ, по направленію на Бамбергъ, пользуясь для этого кратчайшими дорогами. Предосторожность должна была выражаться только въ ускореніи движенія, въ тщательномъ освѣщеніи и въ выборѣ пункта соединенія такъ, чтобы отдѣльныя колонны на пути къ нему могли наткнуться только на части, а никакъ не на всѣ непріятельскія силы.

Конечно, опасности, сомнѣнія и другія подобныя обстоятельства не должны быть упущены изъ вида, но на нихъ слѣдуетъ обращать вниманіе лишь настолько, чтобы они не ослабили мѣръ, принятыхъ для приведенія въ исполненіе собственнаго положительнаго намѣренія. Такъ мы понимаемъ смыслъ такъ часто приводимаго, но не всегда вполнѣ схватываемаго, выраженія: „сначала взвѣшивать—потомъ рѣшаться“. Слѣдовательно, какъ и въ прочихъ большихъ рѣшеніяхъ на войнѣ, и при разработкѣ проекта операціи крайне необходима *односторонность*. Кто не можетъ опуститься до нея, тотъ, за значительнымъ числомъ болѣе или менѣе справедливыхъ точекъ зрѣнія, не удержитъ ясно передъ глазами одной только великой цѣли; онъ, можетъ-быть, и выкажетъ себя проницательнымъ труженикомъ, но отнюдь не великимъ полководцемъ.

5. Свѣдѣнія о непріятелѣ и развѣдывательная служба.

Клаузевицъ говоритъ, что свѣдѣнія о непріятелѣ составляютъ основу всѣхъ идей и дѣйствій на войнѣ; поэтому имъ принадлежитъ выдающееся мѣсто въ этой книгѣ. Болѣе разумныхъ исходныхъ точекъ для постановленія собственныхъ рѣшеній, чѣмъ знаніе того, что непріятель вѣроятнѣе всего предприметъ, не существуетъ. Однако, въ виду этого, не слѣдуетъ еще желать стать въ зависимость отъ дѣйствій непріятеля. Только тотъ, кто съ удрученнымъ сердцемъ принимается за свою задачу, ограничится обороной; болѣе энергическое рѣшеніе стремится всегда, дѣйствуя самостоятельно, навязать противнику свои законы и дѣлать это даже тамъ, гдѣ это непріятелю наиболѣе чувствительно. Но чтобы быть въ состояніи такъ поступать, именно необходимо проникнуть въ намѣренія противника.

Хорошія свѣдѣнія даютъ большое преимущество. „Если бы во всякое время знать впередъ намѣренія непріятеля, то всегда и съ меньшей арміи можно было бы быть сильнѣе его“ [1]).

Въ настоящее время уже выходятъ на войну съ значительными свѣдѣніями о противникѣ, такъ какъ уже въ мирное время тщательно изучаютъ его военную организацію: это вѣдь составляетъ одну изъ главныхъ задачъ каждаго генеральнаго штаба. Вѣрная оцѣнка противника передъ кампаніей есть необходимое основаніе для всей послѣдующей развѣдывательной работы. Какъ мы уже видѣли, относительно первоначальнаго сосредоточенія непріятельскихъ арміи не будетъ господствовать полнѣйшая неизвѣстности. Къ тому же, въ то время, когда начинается первая перевозка войскъ, непріятельская страна не закрыта еще совершенно и извѣстія оттуда еще возможны. Съ началомъ же движенія арміи первоначальная картина быстро измѣняется и покрывается мракомъ; съ этого-то момента является необходимость **ежедневно добывать новыя свѣдѣнія.**

Изъ средствъ, которыя существуютъ для этого, наибольшаго предпочтенія заслуживаютъ тѣ, которыя получаются войсками отъ непосредственной ихъ дѣятельности. Слава, которой пользуется шпіонство, незаслуженная, и въ современномъ военномъ искусствѣ его значеніе весьма ограничено. Когда въ 1870 г. французы замѣтили, что германскіе начальники дѣйствовали, очевидно, на основаніи вѣрныхъ донесеній и извѣстій, то они пришли въ сильное негодованіе, приписывая это вездѣ будто бы чувствовавшемуся прусскому шпіонству: это негодованіе доказываетъ только, что великая нація тѣхъ дней обладала не особенно ясными понятіями **объ условіяхъ веденія войны.**

Кавалерію совершенно справедливо называютъ глазами арміи. Живая дѣятельность этого рода оружія можетъ скорѣе всего разъяснить непріятельскія мѣропріятія и намѣренія; ея быстрота дѣлаетъ ее способною какъ будто предупредить событія — она открываетъ сегодня то, что предстоитъ арміи завтра или даже позже. Она должна отыскать непріятельскія походныя колонны, его лагерь, его аванпосты и неотступно слѣдить за ними. Кава-

[1]) Фридрихъ Великій. «Главные принципы войны», 1753 года.

лерія должна окружать непріятеля какъ бы эластичнымъ веществомъ, уступая тамъ, гдѣ онъ насильно тѣснитъ, и прижимаясь и слѣдуя за нимъ тамъ, гдѣ онъ отступаетъ. Извѣстія и донесенія, которыя сообщаетъ кавалерія, имѣютъ за собою непосредственность и касаются того, что важно именно въ данную минуту; они имѣютъ то преимущество передъ донесеніями лазутчиковъ и шпіоновъ, что исходятъ отъ людей-спеціалистовъ. Для развѣдывательной службы требуется много ума и пониманія дѣла, но современный кавалерійскій офицеръ и воспитывается для нея.

Это даетъ намъ поводъ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о развѣдывательной службѣ вообще.

Въ учебникахъ много говорится о томъ, что отдѣльные добровольные офицеры съ горстью отважныхъ ѣздоковъ должны проникнуть черезъ непріятельскіе аванпосты, обойти его фланги и производить свои наблюденія передъ самымъ фронтомъ или въ тылу непріятельскихъ главныхъ силъ. Подобная дѣятельность заключаетъ въ себѣ всегда весьма цѣнный поступокъ, но она очень затруднительна, такъ какъ противникъ дастъ своей конницѣ такое же самое употребленіе. Кромѣ того, подобныя поѣздки требуютъ отъ ихъ исполнителей необыкновеннаго мужества, необыкновенной осмотрительности и такого же необыкновеннаго счастья. Поэтому нельзя основывать своего расчета исключительно на такихъ рекогносцировкахъ [1]) хотя каждая дѣльная кавалерія и будетъ стремиться отличиться именно въ этомъ отношеніи. Къ тому же, важно ощупывать противника въ значительномъ числѣ пунктовъ; отдѣльное донесеніе почти никогда не можетъ дать полнаго разъясненія. Уже одни тѣ огромныя разстоянія, о которыхъ теперь постоянно приходится напоминать, не допускаютъ этого, но изъ двадцати, тридцати донесеній, поступающихъ изъ различныхъ мѣстъ, можно себѣ составить отыскиваемую картину обстановки.

[1]) Хотя въ кампаніи 1870—71 г. и были многіе примѣры успѣшныхъ и важныхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ отдѣльными конными офицерами, но надо принять въ вниманіе, что кавалерія противника очень немного затрудняла ихъ, на что въ будущемъ нельзя разсчитывать.

Удачное составленіе донесеній такъ же трудно, какъ и хорошее редактированіе приказаній. И здѣсь главное условіе—ясность; опредѣленныхъ же указаній на то, что и какъ доносить, дать нельзя. Для большихъ, крупныхъ операцій принимаются во вниманіе, за весьма немногими исключеніями, только донесенія офицеровъ и тѣмъ болѣе можно полагаться на сужденіе докладчика. Только отдѣльные случаи будутъ до такой степени выдаваться, что потребуютъ немедленнаго донесенія развѣдчика. Когда открываютъ непріятеля въ первый разъ, когда за замѣченной ранѣе одной только непріятельской кавалеріей слѣдуютъ пѣхота и артиллерія, если позиціи, предполагаемыя занятыми, свободны, важныя переправы открыты, значительныя линіи рѣкъ найдены не охраняемыми, если замѣтили неожиданную перемѣну въ направленіи движенія непріятеля, когда отдаленные пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ столкновеніе и т. п., тогда всегда будутъ посылаться донесенія назадъ, чтобы быстро выяснить обстановку начальникамъ слѣдующихъ позади колоннъ. Но часто для полководца столь же важно знать, что его конница ничего не имѣетъ ему донести, что она въ извѣстномъ направленіи не можетъ открыть непріятеля, какъ и то, что въ другомъ направленіи онъ найденъ. Увѣренность полководца много увеличивается, если отрицательныя донесенія дополняютъ положительныя. Уже изъ этого ясно видна важность прилежнаго отправленія донесеній даже и тогда, когда нѣтъ ничего особенно новаго.

Естественно, что и у кавалеріи слухи и разсказы значительно расширятъ видѣнное ею.

Важно также тщательное опрашиваніе мѣстныхъ жителей. Средства сношенія безконечно возвысили нынѣ всеобщій интересъ и общественное любопытство. О большихъ передвиженіяхъ войскъ всегда распространяется молва, и иногда даже загадочно, какъ быстро на войнѣ, несмотря на препятствія въ обыкновенныхъ путяхъ сношеній, разростаются темные слухи, имѣющіе однако истинное основаніе. Окрестные жители Меца имѣли уже въ то время извѣстія о выступленіи Макъ-Магона на выручку Базена, когда это движеніе только еще развивалось и когда еще не произошло ни одного изъ боевъ, предшествовавшихъ сраженію при

Седанѣ. При этомъ, конечно, выкажется большое различіе между національностями: отъ молчаливаго русскаго или англичанина гораздо труднѣе что-нибудь вытянуть, нежели отъ живого и словоохотливаго француза или итальянца, но кое-что всегда узнать можно. При этомъ нѣтъ никакой надобности, чтобы разъѣздамъ удавалось находить завѣдомыхъ измѣнниковъ, которые готовы сообщить важное. Всякій опрашиваемый, для того только, чтобы скорѣе освободиться отъ скучнаго допроса, скажетъ, что ему покажется совершенно ничтожнымъ, но изъ сотни неважныхъ сообщеній можно вывести и что-нибудь важное.

Далѣе, справедливо еще и то заключеніе, что въ мѣстностяхъ, откуда ничего не слышно, дѣйствительно не происходитъ никакихъ военныхъ передвиженій. Этотъ выводъ не долженъ быть упущенъ изъ вида: онъ тоже значительно увеличиваетъ безопасность. Невѣрно предполагать всюду враговъ; можно разсчитывать на то, что тамъ, гдѣ они дѣйствительно существуютъ, они **такъ или иначе скоро выкажутъ себя.**

Изъ донесеній должны быть строго исключены всякія личныя размышленія докладчика; дѣло заключается только въ томъ, чтобы точно описать явленія. Оцѣнка ихъ значенія есть дѣло высшихъ начальниковъ, которые въ состояніи опредѣлить связь между отдѣльнымъ фактомъ и ходомъ всего дѣла.

Очень часто случалось, что предложеніе доносящаго служило поводомъ къ предпріятіямъ, которыя, хотя и могли казаться полезными съ его точки зрѣнія, но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, были **противны интересамъ арміи.**

Когда въ 1806 году герцогъ Брауншвейгскій хотѣлъ предпринять свой осторожно проектированный переходъ черезъ Тюрингервальдъ, то онъ выслалъ для рекогносцировки по ту сторону хребта капитана Мюффлинга. Послѣдній нашелъ французовъ уже въ движеніи противъ Саксоніи и тѣ мѣстности на франконской Заалѣ, которыя пруссаки предполагали сильно занятыми, совершенно очищенными. Это показалось ему внѣ всякаго „здраваго смысла", потому что Наполеонъ оставилъ свои тыловыя сообщенія съ Рейномъ беззащитными. Мюффлингъ взялъ на себя смѣлость предложить герцогу предпринять нападеніе на

эти сообщенія, рисуя ему заранѣе тотъ прекрасный ударъ, который представляется возможность нанести. Правда, онъ благоразумно предполагалъ употребить для этого только одну кавалерію. Но болѣе осторожный герцогъ, не желая, съ одной стороны, упустить удобнаго случая, а съ другой—подвергнуть войска опасности, рѣшилъ придать кавалеріи также пѣхоту и артиллерію. Это и привело къ тому, что прусская армія, и безъ того далеко уступавшая въ численности непріятелю, въ день двойного рѣшительнаго сраженія 14-го октября еще болѣе ослабила себя отдѣленіемъ 11,000 человѣкъ для совершенно безполезнаго предпріятія противъ французскихъ этапныхъ линій. Это былъ Мюфлингъ, который своими тороватыми прибавленіями къ донесенію тоже былъ причиною этой ошибки, принадлежащей къ наибольшимъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ въ тѣ несчастные дни прусскими военачальниками.

Точно также каждое донесеніе должно давать возможность ясно отличать, что развѣдчикъ видѣлъ лично и что онъ почерпнулъ изъ другихъ источниковъ. Если донесеніе письменное, то искусство докладчика будетъ заключаться въ томъ, чтобы вѣрно поставить себя мысленно въ положеніе получателя и проконтролировать, будетъ ли послѣднему все понятно.

Кавалерія можетъ дать драгоцѣнныя прибавленія къ своимъ донесеніямъ изъ захваченныхъ ею документовъ и различныхъ бумагъ. Она раньше другихъ вступаетъ въ нетронутыя еще мѣста непріятельской страны; она еще находитъ въ почтовыхъ конторахъ письма, на телеграфныхъ станціяхъ депеши, у частныхъ лицъ или въ гостиницахъ и ресторанахъ газеты [1]). Все это составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для выясненія обстановки. Конница должна обладать особымъ талантомъ къ разыскиванію: отъ нея не должно ускользать и самое незамѣтное, если оно только достойно вниманія. Впрочемъ, предпріимчивымъ начальникамъ не трудно оживить эту службу, такъ какъ каждый человѣкъ обладаетъ нѣкоторой дозой ревности къ открытіямъ, которая нуждается только въ поощреніи.

[1]) Какъ извѣстно, найденная во время операцій на Луарѣ, станціонная книга для записыванія содержанія депешъ дала возможность штабу II-й арміи сдѣлать многіе выводы.

Чтобы много видѣть, кавалерія должна быть развернута достаточно широко, и если она можетъ охватить непріятельскіе фланги, то это—значительное преимущество; тѣмъ лучше она въ то же время скроетъ движенія собственной арміи. Но эта завѣса не должна опять быть слишкомъ тонкой, чтобы непріятель не могъ ея прорвать; за цѣпями разъѣздовъ должны слѣдовать сомкнутыя массы кавалеріи, чтобы не допустить этого.

Непріятель будетъ совершенно также думать и поступать, и естественнымъ послѣдствіемъ этого будетъ скорая встрѣча кавалерійскихъ дивизій, предшествующихъ арміямъ. Поэтому тамъ, гдѣ пространство между развернувшимися арміями и условія мѣстности позволяютъ, введеніемъ къ операціямъ является рядъ кавалерійскихъ боевъ. Только та сторона можетъ имѣть значительный успѣхъ въ развѣдывательной службѣ, которой удастся предварительно побѣдить кавалерію противника. Лишь послѣ этого отдѣльные офицеры и небольшіе разъѣзды получатъ возможность доходить до непріятеля. Въ сущности, только превосходная [1]) кавалерія можетъ быть полезна, потому что слабѣйшая будетъ несомнѣнно очень скоро оттѣснена на слѣдующія за ней колонны войскъ, гдѣ она явится скорѣе обузой, нежели помощью; она тогда не будетъ въ состояніи ни скрывать движенія своей арміи, ни развѣдывать непріятельскія. Это обстоятельство непремѣнно должно быть принято во вниманіе при рѣшеніи столь часто возникающаго вопроса о томъ, какъ много надо имѣть кавалеріи. Численность конницы, какъ и многое другое въ системахъ обороны современныхъ культурныхъ государствъ, зависитъ отъ нѣкотораго взаимнаго отношенія между тѣми державами, которыя съ вѣроятностью могутъ встрѣтиться врагами.

Въ новѣйшее время много говорилось объ отдаленныхъ набѣгахъ большихъ кавалерійскихъ массъ на фланги и тылъ непріятеля, выходящихъ за намѣренія развѣдки и имѣющихъ цѣлью уничтоженіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, мостовъ, магазиновъ и депо. Американская междоусобная война представляетъ значительное число такихъ „рейдовъ", громко прославившихъ имена Стю-

[1]) При чемъ превосходство заключается не исключительно въ численности, но въ правильномъ сочетаніи боевой годности и численности.

арта. Асби, Моргана и др. Но при попыткѣ перенести подобныя дѣйствія на наши военные театры необходимо принять во вниманіе совершенно другія условія природы, культуры и пространства большей части европейскихъ странъ, въ особенности западныхъ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду совершенно другое устройство вооруженныхъ силъ. Если въ Америкѣ какой-нибудь конный отрядъ, набранный какимъ-нибудь партизаномъ, при исполненіи подобныхъ предпріятій бывалъ разбитъ или, окруженный непріятелемъ, самовольно разсѣивался, то тамъ это имѣло мало значенія; дѣло было только въ томъ, чтобы онъ раньше окупился нѣкоторыми успѣхами. Совершенно другое впечатлѣніе произведетъ гибель какого-нибудь изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ, который исторіей и традиціями тѣсно связанъ со всей арміей и который, будучи разъ уничтоженъ, не можетъ такъ легко опять возникнуть, какъ добровольное товарищество любителей приключеній.

Система обороны такъ широко охватываетъ европейскіе культурные народы, что сильно парализуетъ рейды. Въ густо населенныхъ провинціяхъ можно, даже и при отсутствіи войскъ, собрать ополченіе, которое, при нѣкоторой подготовкѣ, съ успѣхомъ отразитъ кавалерійскіе отряды. Французскіе вольные стрѣлки въ западныхъ департаментахъ противились нашей кавалеріи, разъ только послѣдняя бывала изолирована.

При подобныхъ предпріятіяхъ на нашихъ театрахъ войны маленькіе, искусно веденные отряды скорѣе достигнутъ цѣли хитростью и быстротой, нежели большія массы силою. Намъ можетъ служить образцомъ для подражанія только смѣлая предпріимчивость американскихъ кавалерійскихъ начальниковъ; способъ же исполненія набѣговъ на европейской почвѣ долженъ быть другой.

Наша конница въ настоящее время по большей части обладаетъ хорошимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; и въ 1870 году она была не безъ такового, ибо она быстро вооружилась ружьями Шасспо, какъ только почувствовала въ этомъ необходимость. Но въ настоящее время она обладаетъ соотвѣтствующими знаніями для употребленія огнестрѣльнаго оружія и для боя въ нѣшемъ строю, чѣмъ много выигрываетъ въ самостоятельности.

Она въ состояніи не только лучше защищаться противъ напа-

денія, задерживать непріятеля, легче прежняго обмануть его [1]), но она, прежде всего, способна къ болѣе энергичному наступленію. Если и нельзя слишкомъ много разсчитывать на бои въ пѣшемъ строю, потому что значительный конный отрядъ, спѣшившись, все-таки будетъ равенъ только скромной пѣхотной части, и если кавалерія и не должна забывать, что ея настоящее мѣсто въ сѣдлѣ, то, тѣмъ не менѣе, развѣдывательная служба и скрытіе движеній своей арміи много выиграютъ. Этотъ выигрышъ, какъ мы надѣемся, идетъ, по крайней мѣрѣ, соразмѣрно съ увеличеніемъ затрудненій, возникшихъ за послѣднее десятилѣтіе.

Изреченіе Фридриха Великаго: „На войнѣ доблестная кавалерія дѣлаетъ васъ господиномъ кампаніи“ въ настоящее время потеряло свое значеніе въ томъ смыслѣ, что роль конницы въ бою уменьшилась. Однако, *доблестная и многочисленная кавалерія есть пока еще лучшее средство, чтобы господствовать надъ движеніями.* Какъ въ нѣкоторыхъ играхъ тотъ имѣетъ лишній шансъ выиграть, который дѣлаетъ первый ходъ, такъ и на войнѣ преимущества будутъ на той сторонѣ, кавалерія которой возьметъ верхъ, которая, слѣдовательно, можетъ скорѣе ориентироваться и поэтому ранѣе противника рѣшиться на что-нибудь и открыть военныя дѣйствія.

Но недостаточно только имѣть прекрасную конницу; она должна быть еще, кромѣ того, хорошо употреблена высшимъ управленіемъ; на долю послѣдняго очень часто должны выпадать многіе упреки въ ошибкахъ, которыя взваливаютъ на кавалерію. Послѣдней должна быть предоставлена достаточная свобода, но тѣмъ не менѣе кавалерійскія дивизіи не должны ускользать изъ рукъ полководца. Тогда какъ прежде удерживали массы конницы, чтобы употребить ихъ какъ резервы или для преслѣдованія непріятеля, въ настоящее время существуетъ стремленіе высылать всю кавалерію съ перваго же дня далеко впередъ въ какомъ-нибудь направленіи. Подобное распоряженіе можетъ вызвать затрудненіе, если возникнетъ надобность въ этомъ родѣ оружія, когда онъ уже израсходованъ. Даже при высылкѣ кавалерійскихъ дивизій и выборѣ для нихъ направленія непремѣнно должна существовать совер-

[1]) Т. е. заставить его предполагать присутствіе пѣхоты.

менно опредѣленная цѣль, и главнокомандующій долженъ не только самъ одинъ знать, чего онъ въ каждомъ случаѣ хочетъ достигнуть, но и высказать это кавалеріи съ полною ясностью.

Успѣхъ развѣдывательной службы много зависитъ отъ рода даннаго порученія. Часто встрѣчающееся приказаніе кавалеріи—развѣдать непріятельскія силы и расположеніе—совершенно безполезно, ибо этимъ обозначается только само собою понятная обязанность этого рода оружія. Если, какъ это также нерѣдко случается, приказываютъ кавалеріи выяснить намѣренія противника, то, въ сущности, начальникъ требуетъ этимъ, чтобы она рѣшила ту задачу, которая возложена на него самого. Въ обоихъ случаяхъ выражается нѣкоторая безпомощность высшаго управленія, которая будетъ имѣть послѣдствіемъ неувѣренность въ исполненіи. Лучше всего предоставить кавалеріи вопросы, рѣшеніе которыхъ въ данную минуту наиболѣе желательно для главнокомандующаго, какъ напримѣръ: видны ли здѣсь или тамъ непріятельскіе лагери, или заняты ли тѣ или другіе пункты, или достигли ли головы или главныя силы непріятельскихъ колонпъ извѣстной линіи, или происходятъ ли по обозначенной желѣзной дорогѣ или шоссе передвиженія войскъ и т. д. На такія, не допускающія недоразумѣній, порученія будутъ получаться и ясныя донесенія, изъ которыхъ главнокомандующій можетъ самъ составить себѣ представленіе о силѣ и расположеніи противника и угадать его намѣренія.

Однимъ изъ важныхъ средствъ для добыванія свѣдѣній служатъ стычки и сраженія. Обѣ стороны входятъ здѣсь въ болѣе продолжительное соприкосновеніе и узнаютъ другъ друга. Часто разыгрывались сраженія единственно съ цѣлью добыванія свѣдѣній, что, однако, рѣдко можно оправдать. Выгода, разумѣется, въ значительно большей степени достается побѣдителю, такъ какъ онъ остается обладателемъ поля сраженія, на которомъ онъ находитъ много средствъ для пополненія своихъ свѣдѣній: мундиры убитыхъ и раненыхъ солдатъ покажутъ ему, какія части войскъ находятся передъ нимъ; при нихъ находятъ рапорты, записныя книжки и документы разнаго рода; иногда удается захватить у непріятеля даже повозку съ письменными дѣлами,—короче, бой,

большею частью, даетъ возможность хорошо познакомиться съ непосредственно затронутыми частями непріятельскихъ войскъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это приноситъ еще бо́льшую пользу: рекомендательное письмо Гамбетты, которое имѣлъ при себѣ ирландскій искатель приключеній, капитанъ Огильви, убитый 24-го Ноября 1870 года, дало штабу II-й германской арміи весьма цѣнный намекъ на ближайшія намѣренія правительства національной обороны, которое, какъ извѣстно, имѣло тогда въ виду идти на Фонтенбло для освобожденія Парижа. Бои, конечно, доставляютъ больше возможности для подобныхъ прихотей судьбы, нежели марши и операціи.

Но часто и сраженія не оправдываютъ тѣхъ ожиданій относительно добыванія свѣдѣній, которыя на нихъ возлагаютъ. По окончаніи боя непріятельскія войска скрываются изъ вида, и составленная съ такимъ трудомъ цѣпь достаточныхъ познаній о противникѣ обрывалась. Причина этого заключается, какъ уже раньше указано, въ томъ, что сраженіе притягиваетъ вниманіе и связываетъ разсудокъ всѣхъ участниковъ. Но и неучаствующіе обыкновенно слишкомъ заинтересовываются исходомъ сраженія, вмѣсто того, чтобы неуклонно продолжать свое дѣло. Если сомкнутыя части наступающей кавалерійской дивизіи и отброшены непріятелемъ, то, все-таки, нѣтъ никакой надобности, чтобы и вся цѣпь разъѣздовъ отступала вмѣстѣ съ ними. Напротивъ, для нея самое удобное время для наблюденія именно то, когда бой сковываетъ и противника.

Дѣятельность лазутчиковъ можетъ еще принести пользу въ періодъ приготовленія къ войнѣ, когда для нихъ еще открыты обыкновенныя средства корреспонденціи и когда ихъ свѣдѣнія не требуютъ немедленной передачи, какъ во время боя. Для операціи, стычекъ и сраженій цѣнны только самыя новѣйшія извѣстія, а ихъ доставить шпіонъ не въ состояніи. Онъ не имѣетъ возможности пользоваться телеграфомъ для корреспондированія съ партіей, которой онъ служитъ, а для доставленія свѣдѣній лично онъ долженъ осторожно пробираться окольными путями и, слѣдовательно, почти всегда опоздаетъ. Лишь когда война пріостанавливается, при осадахъ, при бояхъ около укрѣпленныхъ пози-

ціи и т. п. случаяхъ, они могутъ играть подобную же роль, какъ въ старину, когда правила искусства рекомендовали еще пріобрѣсть расположеніе какого-нибудь важнаго лица въ непріятельской странѣ, опредѣлить къ нему искуснаго шпіона въ качествѣ кучера или лакея и такимъ образомъ всунуть послѣдняго въ самый непріятельскій лагерь. Но подобныя мѣры въ настоящее время весьма рѣдко примѣнимы. Для общаго обзора положенія противника, настроенія народа и войска, высокопоставленныхъ лицъ, состоянія вооруженія, финансовъ и т. п. время отъ времени доставляемые подробные отчеты осмотрительныхъ лазутчиковъ могутъ быть очень полезны. Но для этой двусмысленной службы очень рѣдко находятъ людей съ необходимымъ образованіемъ. Часто подобные люди, ради собственной безопасности, должны будутъ завязать сношенія съ обѣими воюющими сторонами; поэтому, принимая отъ нихъ свѣдѣнія, даешь возможность доставлять ихъ и противнику.

Что шпіонъ романа, прибывающій вечеромъ, наканунѣ рѣшительнаго сраженія, на покрытомъ пѣной конѣ, чтобы передать полководцу въ мельчайшихъ подробностяхъ „планъ“ противника, есть только герой именно романа, не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія послѣ того, какъ мы изучили сущность „плановъ“ кампаній.

Однимъ изъ важныхъ источниковъ для полученія свѣдѣній о непріятелѣ служитъ *пресса* и не только такъ называемая большая, но часто именно мелкая, мѣстная. Само собою разумѣется, что никакая, даже обладающая наилучшими свѣдѣніями, газета не будетъ въ состояніи или не захочетъ опубликовать положенія собственной стороны во всѣхъ подробностяхъ; но и здѣсь можно изъ массы мелочей составить себѣ понятіе о важномъ. Иногда случается такъ, что свѣтомъ изъ другихъ источниковъ картина положенія противника освѣщена уже настолько, что недостаетъ только послѣдняго дуновенія вѣтерка, чтобы окончательно разорвать закрывающую ее тонкую, туманную завѣсу. Тамъ упоминается въ газетахъ о мѣстѣ пребыванія одного изъ главныхъ начальниковъ, здѣсь публикуется письмо, въ которомъ пишущій называетъ части войскъ и мѣста расположенія, или разсказы-

вается про какой-нибудь бой съ точнымъ обозначеніемъ обстановки, полковъ и ихъ командировъ. Каждое отдѣльное подобное свѣдѣніе само по себѣ совершенно безопасно, но оно можетъ, все-таки, служить цѣннымъ звеномъ въ той цѣпи, которая наконецъ ведетъ къ цѣли. Если прибавить къ этому захватъ писемъ, разспросы плѣнныхъ и показанія жителей или путешественниковъ, то явится возможность сдѣлать вѣрные и важные выводы. Отечественной прессѣ нельзя достаточно рекомендовать особой осторожности во время войны. Пагубное дѣйствіе жажды новостей должно быть рѣшительно сдерживаемо, хотя, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе ея вліянія на настроеніе страны. Поэтому будетъ раціональнѣе поручить надежнымъ лицамъ распространять необходимыя странѣ извѣстія, чѣмъ пытаться закрыть всѣ источники свѣдѣній и тѣмъ поощрять непризванныхъ и ненадежныхъ людей добывать ихъ на собственный рискъ [1]). Фридрихъ Великій разъ даже самъ взялъ на себя обязанность репортера своей главной квартиры, а Шарнгоретъ предложилъ, какъ весьма полезное средство, изданіе особой военной газеты для распространенія въ публикѣ выдающихся геройскихъ подвиговъ и разнаго рода военныхъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ, недостаточно только относиться съ недовѣріемъ къ прессѣ; необходимо также направлять ея дѣятельность по вѣрному пути.

Международныя сношенія издавна умѣли находить себѣ пути и во время войны. Могущества торговыхъ интересовъ нельзя оставлять безъ должнаго вниманія. Существуетъ мало лестная для германца пословица, что нѣмецъ за милыя деньги все сдѣлаетъ, но она не менѣе справедлива и для всякаго другого народа. Расчетъ на прибыль позволяетъ преодолѣть многія затрудненія, которыя, иначе, непреодолимы. Наполеонъ, хорошо знавшій, что въ коммерческомъ мірѣ постоянно имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія, приказалъ 3-го сентября 1806 года, передъ войной, маршалу Бертье вскрывать въ Аугсбургѣ и Нюренбергѣ письма, при-

[1]) Полковникъ Блуме. Стратегія, стр. 126: «Лучшее средство по возможности удовлетворить требованіямъ этихъ двухъ противоположныхъ интересовъ заключается въ регулярномъ опубликованіи самимъ военнымъ начальствомъ тѣхъ извѣстій, которыя не могутъ быть скрыты отъ противника».

ходящія изъ Россіи, чтобы опредѣлить, что тамъ происходитъ. Телеграфъ такъ облегчаетъ всѣ сношенія, какъ въ прежнія времена и не мечтали; онъ почти совсѣмъ уничтожаетъ замедляющее вліяніе кружныхъ путей. 1-го февраля 1871 г. генералъ фонъ-Мантейфель имѣлъ еще жаркій бой съ арьергардомъ восточной арміи, отступавшей черезъ Понтарлье въ горы Юры. Около полудня этого дня была послана изъ Берна телеграмма въ Берлинъ съ донесеніемъ швейцарскому посланнику, что французская армія перешла на швейцарскую территорію. Телеграмма эта была затѣмъ доставлена въ прежнее мѣстопребываніе главной квартиры, въ Ла-Барръ у Дампьера (югозападнѣе Безансона); отсюда она была передана посредствомъ летучей почты на 84 версты, по обледенѣлымъ скатамъ горъ, въ новое мѣстопребываніе главной квартиры, Понтарлье, гдѣ и была получена въ ночь на 2-ое февраля. Эта телеграмма была первымъ формальнымъ удостовѣреніемъ того, что непріятель отказался отъ борьбы, тогда какъ еще до наступленія глубокой темноты въ долинахъ горъ раздавалось эхо залповъ ружей и орудій. Подобно же быстро достигали театра военныхъ дѣйствій и многія другія извѣстія черезъ нейтральныя сосѣднія страны. Посольства и агентства въ иностранныхъ государствахъ, въ отдаленіи отъ театра войны, могутъ этимъ сослужить большую службу своему отечеству. Поэтому въ высшей степени важно тщательно изслѣдовать международныя телеграфныя сношенія.

На самомъ театрѣ войны, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пользовались даже непріятельской телеграфной корреспонденціей. Во время операцій на Луарѣ германцы, по нѣкоторымъ признакамъ, пришли къ заключенію, что французскіе техники вводили аппараты въ нѣмецкія телеграфныя линіи и такимъ образомъ также читали телеграммы. Вскорѣ затѣмъ и нѣмцы употребляли съ успѣхомъ это же средство. Болѣе искусственные пути для добыванія свѣдѣній—рекогносцировки на аэростатахъ и воздушная почта, геліографы, подземные телеграфы, голубиная и собачья почты, бутылки, пускаемыя по теченію рѣкъ, [1]) и т. п.

[1]) Какъ извѣстно, къ этому средству прибѣгли въ Мецѣ, чтобы войти въ сношеніе съ Тіонвилемъ, лежащимъ ниже по теченію, на Мозелѣ.

средства, скорѣе возможны въ крѣпостной, нежели въ полевой войнѣ. Послѣдняя и въ будущемъ будетъ еще слишкомъ подвижна, чтобы имѣлось достаточно времени для употребленія подобныхъ средствъ; только тамъ, гдѣ наступитъ пауза или остановка въ военныхъ дѣйствіяхъ, явится возможность ихъ примѣненія.

Не маловажное значеніе имѣетъ *организація военнаго репортерства* въ собственной арміи. Можетъ легко случиться, что сумма имѣющихся вообще во всей арміи извѣстій вполнѣ достаточна для выясненія картины положенія противника и что, тѣмъ не менѣе, полководцу недостаетъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній.

Прежде всего, для соприкасающихся съ непріятелемъ низшихъ начальниковъ трудно рѣшить въ каждомъ случаѣ, важно ли для высшихъ инстанцій то, что они замѣчаютъ. Затѣмъ, младшіе офицеры составляютъ себѣ часто фальшивое понятіе о всевѣдѣніи полководца и неправильно полагаютъ, что то, что они могутъ доложить, должно быть ему уже давно извѣстно изъ другихъ источниковъ. Лицъ же, для которыхъ доставленіе свѣдѣній не есть прямая обязанность, часто удерживаетъ скромность или боязнь навлечь на себя подозрѣніе въ фальшивомъ самолюбіи. Кромѣ того, каждый на войнѣ слишкомъ занятъ самимъ собой и собственнымъ кругомъ обязанностей; онъ прежде всего извлекаетъ изъ полученныхъ имъ извѣстій пользу для собственной дѣятельности и потомъ легко забываетъ о дальнѣйшей ихъ передачѣ. Чѣмъ острѣе кризисъ, тѣмъ рѣже доставляются донесенія, потому что начальники не имѣютъ на то времени. Военная исторія представляетъ намъ не мало случаевъ, что высшіе начальники съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій отъ своихъ генераловъ, что послѣдніе дѣйствительно обладали желательными свѣдѣніями и что, все-таки, передачи таковыхъ не было. Можно считать за правило, что *каждый начальникъ долженъ самъ заботиться о полученіи тѣхъ свѣдѣній, въ которыхъ онъ нуждается;* но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждый посылалъ свои разъѣзды и своихъ офицеровъ вплоть до непріятеля: скорѣе должно основательно воспользоваться тѣмъ, что собрано другими. Однако связь между всѣми отдѣльными частями должна быть тщательно организована и постоянно поддерживаема. Главнокомандующій долженъ постоянно

посылать своихъ штабныхъ офицеровъ къ корпусамъ, которые, въ свою очередь, должны имѣть свои органы при авангардахъ, аванпостахъ и находящейся впереди кавалеріи. Весьма важно, чтобы эти офицеры не были отвлечены никакой другой работой въ штабѣ и могли всецѣло посвятить себя доставкѣ донесеній. Мы уже указали выше, что въ главныхъ квартирахъ необходимо возложить на отдѣльнаго офицера приведеніе въ порядокъ этой отрасли службы, дабы аппаратъ не отказалъ бы именно въ тотъ моментъ, когда главнокомандующій и начальникъ штаба охвачены сильно напирающими на нихъ сомнѣніями.

Большею частію, хорошій успѣхъ достигается не столько счастливымъ добываніемъ отдѣльныхъ, очень подробныхъ извѣстій, сколько тщательнымъ пользованіемъ многими.

Ясно, что разборъ и сопоставленіе матеріала, вмѣстѣ съ предварительной оцѣнкой его, составляютъ значительную работу; большею частію, жемчужныя зерна находятся подъ большими кучами мусора, и обработка донесеній требуетъ выдающагося прилежанія. Когда въ руки арміи, обложившей Мецъ, попалъ почтовый воздушный шаръ съ многими тысячами маленькихъ записокъ, написанныхъ на шелковой бумагѣ, то съ перваго взгляда казалось, что въ нихъ ничего нельзя было найти важнаго; очевидно, онѣ передъ отправленіемъ подверглись строгой цензурѣ. Но когда онѣ, наконецъ, были приведены въ порядокъ, когда имена и обозначенные адресы отправителей были сопоставлены и сравнены, то, все-таки, получилась довольно вѣрная картина устройства непріятельскихъ лагерей внутри фортовъ. Даже относительно настроенія осажденныхъ можно было сдѣлать не одинъ драгоцѣнный выводъ.

Критика должна не только оцѣнивать фактическую вѣрность, но и распредѣлять различнаго рода извѣстія по соотвѣтствующимъ имъ мѣстамъ. Пріобрѣтенныя еще въ мирное время свѣдѣнія въ началѣ еще совершенствуются отчетами посольствъ и военныхъ агентовъ. Затѣмъ они обрываются и на мѣсто ихъ являются газеты и замѣтки всякаго рода. Лазутчики даютъ отчеты о настроеніи населенія и указанія о намѣреніяхъ противника, въ которыхъ обыкновенно слышанное смѣшивается съ соб-

ственными комбинаціями. Только донесенія войскъ, въ особенности кавалеріи, доставляютъ добытымъ уже результатамъ необходимое основаніе: они ихъ удостовѣряютъ и дѣлаютъ все ранѣе добытое вѣроятнымъ.

Но, тѣмъ не менѣе, самое трудное остается еще сдѣлать—это *правильная оцѣнка* извѣстій. Военная исторія указываетъ большею частью только на тѣ донесенія, которыя впослѣдствіи стали важны, и когда читаешь ихъ, очищенныхъ отъ тѣхъ придатковъ, которыми они были облѣплены въ моментъ дѣйствія, то часто становится непонятнымъ, какъ могло тутъ произойти недоразумѣніе. Только представивъ себѣ то невѣрное, ту путаницу, то неопредѣленное, которое ихъ окружало, можно понять, какъ трудно было отыскать истину. Если полководецъ хочетъ основывать свое собственное рѣшеніе на хаосѣ донесеній, то онъ, въ общемъ, долженъ руководствоваться теоріей вѣроятности. Онъ долженъ предполагать и со стороны противника цѣлесообразную дѣятельность. Но упрямая вѣра во внутреннюю вѣроятность событій и упорное невниманіе къ признакамъ противоположнаго могутъ опять легко привести къ предвзятымъ мнѣніямъ и пагубнымъ заблужденіямъ. Какъ часто на войнѣ случается невѣроятное. Поэтому его надо считать возможнымъ, не терять изъ вида и даже вѣрить этому, когда несомнѣнные признаки повторяются. Слѣдовательно, съ одной стороны нужна твердость, съ другой эластичность убѣжденій; вѣрныхъ же признаковъ того, когда должна наступить поворотная точка въ убѣжденіяхъ, не существуетъ.

Прежде всего, полководецъ долженъ себѣ составить какое-нибудь собственное убѣжденіе и оставаться ему вѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока сомнѣнія, основанныя на вѣрныхъ противоположныхъ признакахъ, не возьмутъ верхъ, т. е. не выработаются въ лучшее убѣжденіе. Національныя особенности непріятеля, личность его вождя, настроеніе, которое можно предположить у противника въ данную минуту—все это вещи, которыя должны быть приняты во вниманіе, потому что онѣ имѣютъ свое вліяніе. Тысячи вопросовъ нужно обдумывать и, все-таки, нельзя долго колебаться. Нельзя ни легко вѣрить, ни упорно недовѣрять — то и другое неправильно. Рядомъ съ спеціальными знаніями и опытностью, полко-

водцу необходимы способность фантазіи изъ основныхъ точекъ и линій воспроизводить всю картину и психологическая проницательность, которая разгадываетъ свойства человѣчества.

Подобно врачу, который основываетъ свои діагнозъ не только на отдѣльныхъ симптомахъ, а на общемъ тѣлесномъ и душевномъ состояніи больного, такъ и полководецъ долженъ умѣть составить свое мнѣніе о непріятелѣ изъ совокупности всѣхъ признаковъ. Выдающіяся качества для этого бываютъ только врожденныя; упражненія могутъ только обострить глазомѣръ, но не создать его.

6. Марши, перевозка войскъ и размѣщеніе ихъ на отдыхъ.

„Когда мы двигаемся разомкнутыми, длинными рядами по лѣснымъ, извилистымъ дорогамъ, черезъ горы и долины, и музыка и пѣсни наполняютъ воздухъ, то какъ-то хорошо становится на сердцѣ и самъ переполняешься веселыми надеждами и предчувствіями..."

„Проходящій мимо отрядъ войскъ производитъ дѣйствительно довольно эстетическое впечатлѣніе, при чемъ только не слѣдуетъ думать о нашихъ парадахъ. Здѣсь представляются глазу не безжизненные ряды войскъ, какъ тамъ, а, напротивъ, въ разомкнутыхъ рядахъ можно еще отличить личность въ ея природной особенности и рядомъ съ спокойнымъ движеніемъ впередъ господствуетъ много разнообразія и выраженія жизни. Сквозь зеленыя вѣтви молодого лѣса свѣтится снаряженіе каждаго отдѣльнаго солдата, и когда человѣкъ уже исчезъ, то его оружіе еще блеститъ сквозь облако пыли, которое высоко поднимается надъ краемъ долины и возвѣщаетъ далекому о движеніи скрытаго отряда. Даже трудность, выказывающаяся въ напряженіи, когда войска съ ихъ орудіями и обозомъ медленно поднимаются на гору, даетъ хорошую черту для картины. Масса различныхъ индивидуумовъ, представляющихся глазу даже въ небольшомъ отрядѣ, соединенныхъ для долгаго, труднаго, общаго путешествія, чтобы наконецъ прибыть на театръ войны, изобилующій тысячами смертельныхъ опасностей, великая и святая цѣль, которой всѣ они слѣдуютъ, придаютъ этой картинѣ такое значеніе, которое глубоко западаетъ въ мою душу".

Такъ описываетъ Клаузевицъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ юности, выступленіе въ походъ, и всякая душа, способная прійти въ одинаковое съ нимъ настроеніе, почувствуетъ внутреннюю истину этого прелестнаго изображенія.

Даже менѣе поэтическія натуры не избѣгнутъ того возвышающаго впечатлѣнія, которое производятъ блестящія колонны, когда онѣ при шумныхъ звукахъ музыки проходятъ черезъ населенные пункты, когда жители бросаются къ окнамъ и дверямъ, любопытная толпа тѣснится на улицахъ и громкія пожеланія и привѣтствія сыпятся на проходящихъ. Въ человѣкѣ просыпается потребность къ странствованію, и новыя страны, съ которыми знакомишься, оживляютъ фантазію. Въ молодые годы охотно мѣняютъ мѣста и образъ жизни.

Но эти возвышающія минуты суть только рѣдкіе перерывы маршеваго дня, и наслажденіе ими скорѣе возможно, когда ѣдешь на хорошемъ конѣ рядомъ съ колонной, нежели когда тащишься пѣшкомъ въ серединѣ ея.

Медленность и трудность суть характеристическія особенности походныхъ движеній большихъ массъ. Въ этомъ убѣждаешься, если, послѣ того какъ музыка замолкла, посмотрѣть на отдѣльныхъ солдатъ поближе, а не издали, какъ это изображаетъ Клаузевицъ. Вотъ здѣсь хромаетъ одинъ бѣднякъ съ тяжелымъ ранцемъ на спинѣ и ружьемъ на плечѣ и плетется, напрягая все свое самообладаніе, и мы невольно также чувствуемъ въ ногѣ ту боль, которую причиняетъ ему натирающій ногу сапогъ. Вотъ другой, у котораго по лицу потъ катится градомъ, и его вялыя черты лица ясно показываютъ изнеможеніе. Тамъ и сямъ выводятъ изъ фронта ослабѣвшихъ и укладываютъ ихъ въ сторонѣ отъ шоссе, на краю канавы. Каждый часъ колонна плетется все медленнѣе впередъ; люди, лошади и повозки—все покрывается пылью, которая почти не позволяетъ открывать рта и глазъ. Солнце не обращаетъ ни на что вниманія и немилосердно сыплетъ свои жгучіе лучи на горныя покатости, вдоль которыхъ тянется дорога. Жара невыносимая. Только голова колонны идетъ еще довольно бодро; но чѣмъ дальше въ глубину колонны, тѣмъ болѣе устало движется все: тутъ уже смолкаютъ и пѣсни. Чѣмъ

длиннѣе колонна, чѣмъ болѣе въ ней находится орудій и тяжелыхъ повозокъ, тѣмъ медленнѣе будетъ движеніе, тѣмъ чаще будутъ случаться задержки и въ движеніи наступятъ невольныя остановки. И наоборотъ, чѣмъ меньше колонна, тѣмъ легче, удобнѣе и скорѣе подвигается она впередъ.

Нигдѣ фантазія начинающаго полководца, знакомаго съ войной только по книгамъ, такъ не нуждается въ опытѣ, какъ относительно медленности движенія большихъ походныхъ колоннъ. Въ умѣ и на картѣ онъ направляетъ ихъ то сюда, то туда, согласно быстро принятому рѣшенію, заставляетъ ихъ достигать важныхъ пунктовъ, занимать ихъ раньше непріятеля, развертываться, атаковать,—и все это безъ малѣйшаго перерыва. Но разъ эта идеальная картина переносится на почву трезвой дѣйствительности, то оказывается, что дѣло далеко не такъ скоро слѣдуетъ за мыслью, а остается всегда позади. Поисковыя колонны, выдвигаясь впередъ, употребляютъ такую массу времени, что теряется всякое терпѣніе и присутствіе духа, и опасность, что непріятель займетъ раньше насъ желаемый пунктъ, увеличивается съ каждою минутой. Противнику, котораго не такъ тщательно наблюдаютъ, какъ собственныя войска, фантазія придаетъ крылья и мысленно его видятъ уже приближающимся исполинскими шагами.

Тогда оказывается иногда дѣйствительно, что приказаніе было отдано поздно и расчетъ времени для движенія сдѣланъ невѣрно. Но нѣтъ никакихъ средствъ сообщить всей той массѣ людей тотъ огонь нетерпѣнія, который пылаетъ въ сердцѣ неопытнаго. Тяжело нагруженные пѣхотинцы кидаютъ на подбодряющаго ихъ съ коня начальника довольно равнодушный взглядъ, и самое большое, если они въ непосредственной близости нѣсколько прибавятъ шагу, чтобы вскорѣ затѣмъ опять продолжать идти по прежнему. Они знаютъ изъ опыта, что если они будутъ при каждомъ подобномъ воззваніи напрягать всѣ свои силы, то послѣднихъ скоро не хватитъ. Подобныя массы безконечно трудно вывести изъ ихъ черепашьяго движенія, и только громъ пушекъ окрыляетъ ихъ шагъ, если войска доблестны.

Въ высшей степени замѣчательна та большая разница, которая существуетъ въ способности войскъ къ походнымъ движе-

ніямъ и которую нельзя всегда объяснить различіемъ національности или различной натурой солдатъ. Часто незначительный по картѣ маршъ въ 15—20 верстъ превращается на дѣлѣ въ почти непреодолимую тягость, тогда какъ въ другой разъ переходъ вдвое большій совершается безъ видимаго вреда. Въ этихъ явленіяхъ выказываютъ свое вліяніе вѣтеръ, погода, дороги, нравственное состояніе войскъ, впечатлѣнія предшествовавшаго періода [1]), упражненія мирнаго времени, которыя здѣсь имѣютъ большую важность, чѣмъ во всякой другой отрасли боевой дѣятельности, и, наконецъ, вліяніе того начальника, по приказанію котораго исполняется маршъ. Хотя мы считаемъ за норму суточнаго перехода 21 версту, при которомъ солдатъ находится въ походѣ при обыкновенныхъ условіяхъ шесть, а при затруднительныхъ—восемь и даже десять часовъ, но мы видимъ, напримѣръ, что Наполеонъ, при переходѣ черезъ Сенъ-Готардъ, дѣлалъ со своей арміей такіе же переходы семь сутокъ подрядъ и въ высочайшихъ горахъ. Въ удобопроходимой странѣ переходы въ 35—50 верстъ цѣлыми корпусами не считались у него за слишкомъ форсированные. Кавалерія Мюрата въ 1806 году, при преслѣдованіи пруссаковъ, по цѣлымъ недѣлямъ дѣлала ежедневно болѣе четырехъ миль. [2]) Въ новѣйшихъ походахъ такіе и еще большіе, отдѣльные переходы встрѣчаются часто. 16-го декабря 1870 г. 9-й германскій корпусъ стоялъ послѣ полудня наготовѣ у Ла-Шапель-Вандомуазъ, между Блуа и Вандомомъ. По полученіи извѣстія о томъ, что французы угрожаютъ германскому расположенію на Луарѣ, принцъ Фридрихъ Карлъ, когда уже стало смер-

[1]) Примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ переходъ II германской арміи отъ Меца къ Луарѣ. Хотя въ началѣ переходы были небольшіе и совершались при хорошей погодѣ и по удобнымъ дорогамъ, но отсталыхъ было много, что объясняется вліяніемъ тяжелаго напряженія, испытаннаго всѣми войсками непосредственно передъ капитуляціей Меца. Несмотря на то, что впослѣдствіи величина переходовъ увеличилась, число отсталыхъ уменьшилось, потому что войска мало по малу оправились и втянулись въ работу.

[2]) Мюратъ преслѣдовалъ сначала Готенлое съ поля сраженія при Іенѣ до Пренцлау; потомъ онъ пошелъ за Блюхеромъ къ Любеку, а отсюда черезъ Позенъ въ Варшаву, которую и занялъ 28-го ноября 1806 года. Въ теченіи 1½ мѣсяца онъ сдѣлалъ въ общемъ 1316 верстъ.

каться, приказалъ корпусу идти къ Орлеану, отстоящему почти на 63 версты, несмотря на то, что части этого корпуса до сбора у Ла-Шапель сдѣлали въ этотъ день уже 14 верстъ и нѣсколько часовъ простояли на мокрыхъ отъ дождя поляхъ. Дороги въ Орлеанъ были плохи, каменное полотно ихъ было разъѣзжено и идущие на встрѣчу обозы II-й арміи задерживали движеніе. Тѣмъ не менѣе, корпусъ къ полудню слѣдующаго дня прибылъ въ Орлеанъ безъ особенныхъ потерь; 70 — 77 верстъ были пройдены частями корпуса въ 33 — 36 часовъ, включая сюда ночной отдыхъ и время стоянки у Ла-Шапель. Одинъ изъ батальоновъ корпуса могъ похвастаться, что у него не было ни одного отсталаго; изъ 4000 лошадей пало только 13 [1]). Этотъ переходъ можно смѣло поставить на ряду съ лучшими всѣхъ временъ. Суворовъ, въ іюнѣ 1799 года, прошелъ отъ окрестностей Александріи до р. Тидоне тоже 77 верстъ въ 36 часовъ. Жюно, въ ноябрѣ 1807 г., при своемъ движеніи къ Лиссабону, прошелъ отъ Саламанки черезъ Сіудадъ-Родриго въ Алькантару 215 верстъ только въ пять переходовъ по непривѣтливой мѣстности и во время сильной снѣжной вьюги. Подобнымъ же образомъ онъ продолжалъ движеніе до Лиссабона, но при этомъ армія послѣ неслыханныхъ потерь почти совершенно распалась. Приводить при-

[1]) Замѣчательный маршъ совершилъ 11-й пѣхотный полкъ въ промежутокъ времени между 4 и 16 ноября 1870 г. изъ окрестностей Меца къ Парижу. Онъ сопровождалъ парки, обозъ и артиллерію II корпуса, бо́льшая часть котораго перевозилась по желѣзной дорогѣ, и сдѣлалъ въ 13 дней 291 версту. Его потери больными и т. п. состояли изъ 136 ч., при общей численности въ 2547 ч. При этомъ надо принять во вниманіе, что полкъ былъ расположенъ передъ Меномъ съ 18-го августа и потому продолжительное время не имѣлъ упражненія въ движеніи.

10-я армейская корпусъ до вступленія на поле сраженія при Віонвилѣ, 16-го августа, сдѣлалъ 35 верстъ, а 2-й корпусъ передъ сраженіемъ при Гравелотѣ, 18-го августа, 35—42 версты.

18-я пѣхотная дивизія при переходѣ отъ Ле-Манса къ Орлеану, 26-го января 1871 года, сдѣлала между С. Кале и Море 38 верстъ; корпусная артиллерія 2-го корпуса съ 3-й и 4-й ротами 14-го пѣхотнаго полка въ трескомъ походѣ прошла 29-го января 39 верстъ отъ Полиньи черезъ Шампоньоль въ Нозеруа по глубокому снѣгу и переваливъ высокій горный хребетъ.

мѣры изъ древнихъ вѣковъ всегда нѣсколько сомнительно, такъ какъ имъ недостаетъ строгой исторической критики нашего времени.

Къ тому же приведенныхъ выше примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать, что можно впасть въ большія заблужденія, если разсчитывать только на среднюю способность къ походнымъ движеніямъ. Въ этомъ отношеніи допуски очень велики.

Какимъ преимуществомъ обладаетъ лучше выносящая и исполняющая походы армія, видно уже изъ одного того, что ея полководецъ всегда въ состояніи скорѣе, нежели его противникъ, сосредоточить большія массы, чтобы атаковать превосходными силами. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать пословицу, говорящую, что непріятеля бьютъ сапогами. Во время боя моментальный импульсъ можетъ произвести значительное дѣйствіе, но на время долгаго и тяжелаго перехода это немыслимо. Усталую колонну очень трудно подвинуть впередъ даже мѣрами строгости; разъ только сотня, другая, солдатъ лежитъ въ шоссейныхъ канавахъ, то возможность наказыванія прекращается, и для слѣдующихъ людей уже безопасно лечь и отстать. Поэтому справедливо судятъ о части войскъ по большему или меньшему числу отсталыхъ во время усиленнаго марша; въ походныхъ движеніяхъ ясно выказывается внутренняя дисциплина. Какъ важно при этомъ настроеніе отдѣльной личности, показываетъ масса примѣровъ, въ которыхъ прежде плохія войска, послѣ понесенныхъ пораженій, вдругъ проявляли удивительную настойчивость и быстроту въ походныхъ движеніяхъ. Страхъ передъ преслѣдующимъ непріятелемъ и инстинктъ самосохраненія гонятъ въ подобные моменты каждаго солдата и этимъ увеличиваютъ общую выносливость.

Цѣлесообразная подготовка въ мирное время къ походнымъ движеніямъ необходима. Въ арміяхъ, въ которыхъ господствуетъ дѣятельная служебная жизнь, она заключается въ частыхъ движеніяхъ при упражненіяхъ полевой службы, при движеніи на учебные плацы и на стрѣльбища. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя обойтись безъ особыхъ упражненій въ походныхъ движеніяхъ, при которыхъ проходятся большія разстоянія единственно для практики. Правда, устройство нашихъ народныхъ арміи приводитъ къ тому, что въ военное время большею частью въ рядахъ

стоятъ иные люди, нежели въ предшествовавшей мирной эпохѣ. Тѣмъ не менѣе, часто раздающееся утвержденіе, что поэтому не стоитъ труда заставлять въ мирное время солдата привыкать къ трудностямъ похода — невѣрно; уходя въ запасъ и возвращаясь къ жизни мирнаго гражданина, человѣкъ, конечно, очень скоро теряетъ механическій навыкъ, но самое важное остается — это *привычка* значительныхъ трудовъ. Напряженія, на которыя мы, по прежнему опыту, научились смотрѣть, какъ на нѣчто обыкновенное, переносятся много легче тѣхъ, которыхъ мы вообще еще совсѣмъ не знаемъ. Если прекратить утомительныя упражненія и далекіе переходы мирнаго времени, то армія мало по малу потеряетъ всякую мѣру того, что человѣческая натура при добромъ желаніи можетъ перенести безъ вреда. Требованія становятся изъ года въ годъ все меньше. Начальники и солдаты привыкаютъ смотрѣть на среднее упражненіе, какъ на нѣчто великое, и въ концѣ концовъ оно дѣйствительно становится такимъ, вслѣдствіе получаемыхъ исполнителями впечатлѣній.

Если въ жаркую лѣтнюю пору, во время усиленныхъ занятій полевой службой, произойдетъ несчастный случай и чья-нибудь молодая жизнь погибнетъ отъ солнечнаго удара или слишкомъ большого напряженія силъ, то обыкновенно подымаются многочисленные голоса, требующіе, въ виду этого, совершеннаго уничтоженія трудныхъ упражненій. Но о томъ не думаютъ, какъ необходимо дать каждому солдату нѣкоторый опытъ. Послѣдній позволяетъ ему впослѣдствіи идти на встрѣчу неизбѣжнымъ тягостямъ войны съ совершенно другимъ мужествомъ, чѣмъ если бы онъ былъ новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, и онъ лучше перенесетъ ихъ. Если же въ мирное время устранить все, что можетъ привести къ несчастному случаю, то этимъ поступили бы очень жестоко въ отношеніи къ массѣ войска, сдѣлавъ ее неуклюжей и неспособной къ войнѣ, отчего потери ея удваиваются.

Періодъ долгихъ маршей для сосредоточенія арміи, въ прежнее время дававшій возможность исправить недостатокъ навыка въ исполненіи походныхъ движеній, въ настоящее время не существуетъ. Часто прямо съ конечныхъ станцій желѣзныхъ дорогъ выступаютъ къ полю сраженія; свободнаго времени для хорошаго

втягиванія войскъ въ исполненіе маршей, прежде чѣмъ начнутся операціи, нѣтъ. По этому первыя требованія не должны быть очень значительны. Если бы 9-й корпусъ сдѣлалъ приведенный нами маршъ въ августѣ, въ Эльзасѣ, то онъ навѣрно потерялъ бы треть или даже половину своего состава. Только тогда, когда война продолжается уже нѣкоторое время, когда хорошее питаніе и упражненія укрѣпили силы арміи, а всѣ слабосильные выбыли—лишь тогда можно требовать отъ войскъ и необыкновенныхъ усилій.

Естественно, что цѣлесообразныя распоряженія для маршей чрезвычайно важны. Разбирать ихъ всѣ въ отдѣльности повело бы насъ слишкомъ далеко [1]; къ тому же здѣсь идетъ рѣчь только о значеніи способности къ походнымъ движеніямъ для стратегіи войны.

Напряженіе солдата при маршѣ менѣе обусловливается величиною перехода, нежели тѣмъ временемъ, которое онъ проводитъ подъ ружьемъ и вьюкомъ. Три, четыре, пять и даже шесть миль (21—42 версты) для хорошаго пѣшехода не составляютъ особенно большого суточнаго перехода. Припомнимъ только наши, предпринимаемыя въ юношескомъ возрастѣ, каникулярныя путешествія въ горы. Не только скороходы албанцы и испанцы, но навѣрное и наши германскіе ремесленники и запасные солдаты доказали, что можно въ одни сутки сдѣлать пѣшкомъ даже 70 верстъ, когда хочется поскорѣе быть дома. Но путешествовать въ легкой одеждѣ, совершенно свободно и удобно, совсѣмъ не то, что идти въ строю, въ мундирѣ и полномъ снаряженіи. Поэтому время, которое солдатъ проводитъ въ такомъ положеніи, должно быть ограничено настолько, сколько неизбѣжно необходимо, чтобы пройти данное пространство. Всѣ ненужныя остановки и выжиданія должны быть строго избѣгаемы. Изъ большого лагеря голова колонны должна выступать нѣсколькими часами ранѣе послѣдняго батальона, и было бы несправедливо ставить весь отрядъ одновременно въ ружье. Если войска были расположены на ночь по населеннымъ пунктамъ и ихъ хотѣли бы, какъ это дѣлалось раньше, передъ началомъ марша собрать въ одномъ пунктѣ, то

[1] Интересующимся этимъ вопросомъ читателямъ рекомендуемъ отдѣлъ «О маршахъ» тактики Меккеля, стр. 145—187, какъ лучшее произведеніе въ наше время. Blume разбираетъ стратегическое значеніе маршей въ 5-й главѣ, на стр. 81—90.

при одномъ корпусѣ части, составляющія хвостъ колонны, должны бы простоять 5—6 часовъ на общемъ сборномъ пунктѣ. Поэтому, смотря по расположенію почлеговъ, ихъ будутъ сначала собирать въ небольшіе отряды, которые потомъ по боковымъ дорогамъ вступятъ на главную, подобно тому, какъ притоки постепенно сливаются въ большую рѣку.

Тщательное составленіе приказаній для движенія имѣетъ значеніе и для моральнаго состоянія войскъ. Каждое напряженіе, которое простому уму солдата кажется безполезнымъ, досадуетъ его; необходимое же онъ переноситъ охотно, даже если оно и значительно труднѣе. Онъ чувствуетъ это почти всегда вѣрно и ни въ какомъ случаѣ не придерживается опредѣленнаго шаблона. Выраженіе Блюхера: „Ночныхъ маршей надо бояться болѣе, нежели непріятеля“, какъ и всѣ выраженія подобнаго рода, не всегда справедливо. Въ свѣтлыя, лунныя ночи и по хорошимъ дорогамъ люди идутъ безъ всякаго затрудненія почти такъ же скоро, какъ и днемъ, а хорошія войска и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ исполняли ночные марши безъ вреда, примѣровъ чего можно много найти въ походахъ Фридриха и Наполеона. 9-й армейскій корпусъ 16-го декабря 1870 г. двигался ночью, чтобы сдѣлать еще лишнихъ 28 или 35 верстъ. Примѣръ войскъ Бердера былъ уже нами приведенъ, а что можетъ сдѣлать и вынести небольшая часть при исполненіи ночныхъ маршей, это доказалъ комендантъ Бернардъ, когда онъ съ своими „Chasseurs des Vosges“ отправился изъ Ла-Маршъ къ Фонтенуа, близъ Туля, чтобы тамъ взорвать желѣзнодорожный мостъ. Онъ шелъ по дурнымъ дорогамъ и часто даже цѣликомъ по полямъ, черезъ лѣса и горы, по глубокому снѣгу. Въ ночь на 19-е января 1871 года онъ прошелъ съ 1100 человѣкъ $37\frac{1}{2}$ верстъ; въ слѣдующую ночь онъ остановился, но былъ поднятъ тревогой и продолжалъ маршъ, сдѣлавъ въ ночь съ 20-го на 21-е съ 300 человѣкъ 33 версты и въ ночь съ 21-го на 22-е января даже 56 верстъ. При этомъ въ послѣднюю ночь онъ вытѣснилъ небольшой гарнизонъ и послѣ работы, потребовавшей нѣсколько часовъ, взорвалъ мостъ. Кромѣ того, во время этого марша ему пришлось при неблагопріятныхъ условіяхъ переходить два раза полу-замерзшую р. Мозель. Только

одного надо бояться болѣе непріятеля—это привычнаго тревоженія ночного покоя, въ особенности при большихъ переходахъ и плохомъ довольствіи, какъ это имѣло мѣсто во время марша Блюхера въ 1806 году. Въ эту же кампанію войска корпуса Лестока сдѣлали очень много ночныхъ маршей, и притомъ зимою, безъ вреда для своей боевой годности. Въ промежутокъ времени, отъ полудня 2-го февраля до ночи на 8 е. т. е. въ продолженіе 5½ сутокъ, они прошли по занесеннымъ снѣгомъ проселочнымъ дорогамъ болѣе 140 верстъ [1]), исполняя бо́льшую часть марша по ночамъ. Несмотря на это, 8-го февраля этотъ корпусъ совершилъ свой знаменитый маршъ на поле сраженія при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ его прибытіе рѣшило судьбу этого сраженія.

Страхъ, съ которымъ смотрятъ въ настоящее время на ночные марши, требуетъ еще подтвержденія. Въ войнахъ будущаго, когда огромныя массы должны будутъ двигаться въ ограниченномъ, тѣсномъ пространствѣ и нѣсколько корпусовъ должны будутъ пользоваться одной дорогой, безъ ночныхъ маршей нельзя будетъ обойтись.

Само собою разумѣется, что необходимо заботиться о томъ, чтобы солдатъ могъ какъ слѣдуетъ выспаться—потребность для него необходимая при тѣхъ физическихъ трудахъ, которые онъ переноситъ на войнѣ. Поэтому гораздо хуже отдѣльныхъ ночныхъ маршей поздняя отдача приказаній, что постоянно заставляетъ войска не спать до глубокой ночи; то же самое можно сказать и про слишкомъ раннія выступленія. Такъ называемое солдатское правило, что лучше дѣлать маршъ, начиная его ночью и кончая днемъ, нежели наоборотъ,—ложно. Въ первомъ случаѣ никто передъ выступленіемъ не воспользуется достаточнымъ отдыхомъ, а во второмъ придется достигать ночлега съ нѣкоторымъ напряженіемъ [2]).

Хорошій порядокъ во время марша значительно облегчаетъ его, и начинать соблюдать его надо не тогда, когда уже сказывается

---

[1]) Здѣсь не включены еще всѣ обходы и марши съ квартиръ, на квартиры и на сборные пункты.

[2]) Мекель даетъ вѣрное правило, что часъ выступленія для большихъ частей войскъ долженъ быть только въ исключительныхъ случаяхъ на началѣ лѣтомъ до 6-ти часовъ утра, а зимою до 8-ми; при этомъ мелкимъ частямъ—ротамъ, эскадронамъ, батареямъ—всегда придется подняться достаточно рано, чтобы собраться предварительно въ полки и бригады.

безпорядокъ. Но порядокъ этотъ долженъ имѣть цѣлью только облегченіе солдата, и потому всякій педантизмъ, который обременяетъ его, вреденъ. Необыкновенныя средства для облегченія солдата, какъ-то перевозка ранцевъ на подводахъ и т. п., могутъ быть оправданы только исключительными обстоятельствами. Если же ихъ нельзя ввести разъ навсегда, то не слѣдуетъ несвоевременно этимъ и баловать войска, потому что впослѣдствіи это сдѣлается для нихъ необходимостью.

Въ учебникахъ много говорится объ охраненіи маршей, но, въ сущности, движущіяся войска очень мало нуждаются въ охраненіи, такъ какъ они въ движеніи и готовы вступить въ бой: вѣрнѣе будетъ сказать, что они нуждаются въ *осмотрѣніи*. Они должны искать непріятеля и имѣть о немъ свѣдѣнія, а это, мы знаемъ, возлагается на движущіяся впереди кавалерійскія дивизіи: кромѣ того, обыкновенно колоннамъ предшествуетъ еще отдѣленный отъ нихъ авангардъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, чѣмъ и обезпечивается спокойствіе главной массы войскъ. При отсутствіи авангарда каждый раздавшійся впереди выстрѣлъ, остановка или извѣстіе о близости непріятеля быстро распространяютъ безпокойство и напряженіе по всей колоннѣ, и движеніе останавливается. Авангардъ же, выдвинутый впередъ версты на двѣ, принимаетъ все вышесказанное на себя и, вслѣдствіе этого, главныя силы, слѣдующія за нимъ, чувствуютъ свою безопасность; онѣ знаютъ, что должны будутъ бороться только съ такимъ препятствіемъ, съ которымъ не могъ справиться авангардъ.

Но авангардъ не долженъ быть силенъ. До настоящаго времени считали за правило отдѣлять въ авангардъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ всего отряда, но справедливость этого кажется очень сомнительной, потому что начальникъ въ этомъ случаѣ выпускаетъ изъ рукъ значительную часть своихъ боевыхъ силъ и создаетъ рядомъ съ собою другую независимую волю.

Въ составъ авангарда должна постоянно входить большая часть кавалеріи [1]), даже и тогда, когда впереди уже находятся кава-

[1]) Въ высокихъ и трудно проходимыхъ горныхъ или въ другихъ пересѣченныхъ или неудобныхъ для движенія мѣстностяхъ, при прохожденіи узкихъ дефиле и вообще вездѣ, гдѣ трудно на конѣ пробраться и гдѣ не могутъ двигаться значительныя части кавалеріи, тамъ, конечно, авангардъ будетъ составленъ изъ пѣхоты.

лерійскія дивизіи, такъ какъ только на конѣ можно успѣшно поддерживать связь съ послѣдними и получаемыя отъ нихъ свѣдѣнія быстро передавать въ главныя силы. Нѣкоторое количество артиллеріи также всегда принесетъ пользу, такъ какъ этотъ родъ оружія болѣе другихъ въ состояніи опредѣлить, насколько серьезно препятствіе, приготовленное непріятелемъ нашему движенію. Даже спѣшенные всадники, наступающіе съ карабинами въ рукѣ, могутъ легко быть остановлены у какой-нибудь баррикады, деревни или лѣсной опушки горстью рѣшительныхъ противниковъ, тогда какъ пара мѣткихъ гранатъ или шрапнелей прогоняютъ пугало. Другой разъ выѣзжающею на позицію батареею легче всего задержать на нѣкоторое время наступающаго противника и заставить его развернуть свои силы. Что же касается до пѣхоты, то она нужна авангарду въ самомъ небольшомъ количествѣ. До настоящаго времени полагали, что въ авангардѣ должно быть столько пѣхоты, чтобы дать слѣдующей сзади колоннѣ главныхъ силъ время развернуться или, вѣрнѣе говоря, перейти изъ походнаго порядка въ резервный. *Но опытъ послѣднихъ войнъ учитъ именно тому, что главныя силы очень часто предварительно не сосредоточивались только потому, что настоятельная необходимость поддержать авангардъ, борющійся уже съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, заставляла вводить войска въ бой по частямъ, прямо изъ походной колонны.* И это совершенно естественно. Весьма трудно опредѣлить въ первую минуту, насколько велико препятствіе, на которое наткнулся авангардъ. Начальникъ авангарда, который сейчасъ остановится, какъ только у него явится сомнѣніе, будетъ постоянно тормазить маршъ и долженъ будетъ выслушать горькіе упреки, если препятствіе окажется ничтожнымъ. Всякій порядочный солдатъ охотнѣе позволитъ себя упрекнуть въ излишней смѣлости, чѣмъ въ излишней осторожности; если въ первомъ случаѣ предпріятіе и не удастся, то онъ, все-таки, можетъ утѣшить себя словами императора Франца: „Все потеряно, кромѣ чести!" во второмъ случаѣ этого сказать невозможно. Къ тому же, въ арміи, склонной къ живой дѣятельности, не уволятъ послѣ воины отъ службы того начальника, про котораго говорятъ, что онъ хотя и отважень и предпріимчивъ, но выказалъ себя однажды

безразсуднымъ. Гораздо больше вѣроятности быть устраненнымъ имѣетъ тотъ, котораго называютъ осторожнымъ, хотя и считаютъ ученымъ и разсудительнымъ. Тѣмъ болѣе можно разсчитывать, что всякій храбрый начальникъ авангарда въ сомнительномъ случаѣ всегда рѣшится на атаку. Если къ тому онъ, кромѣ кавалеріи и артиллеріи, имѣетъ еще въ своемъ распоряженіи полкъ или даже цѣлую бригаду пѣхоты, то уже въ этомъ заключается настоятельное требованіе попробовать счастье въ бою. Кто согласится выслушать, что онъ, стоя во главѣ такихъ силъ, былъ введенъ въ заблужденіе и остановленъ нѣсколькими нахальными выстрѣлами противника или упустилъ хорошій случай нанести ему чувствительный ударъ. Нѣтъ, лучше рискнуть!

Бой еще можетъ быть легко прекращенъ, если только кавалерія съ артиллеріей столкнулись съ непріятелемъ; батареи стоятъ на большихъ дистанціяхъ отъ послѣдняго, а кавалерія въ своей быстротѣ имѣетъ средство опять разойтись съ противникомъ. Но разъ въ дѣло вступила пѣхота, прекращеніе его дѣлается весьма труднымъ. Невозможно одновременно отозвать многочисленныхъ, разсыпанныхъ отдѣльно людей: только-что на одномъ мѣстѣ стихнутъ выстрѣлы, какъ на другомъ они оживляются снова; сигналы же, въ виду ихъ неудобствъ относительно сосѣднихъ частей, могутъ быть очень рѣдко употребляемы; тамъ, гдѣ наши стрѣлки перестаютъ стрѣлять, сейчасъ пользуется этимъ непріятель и, не сдерживаемый болѣе нашими пулями, переходитъ въ наступленіе, чѣмъ заставляетъ опять взяться за оружіе. Такъ обыкновенно продолжается до тѣхъ поръ, пока начальники не убѣдятся, что надо предоставить дѣла ихъ теченію. Чѣмъ больше пѣхоты ввязалось въ дѣло, тѣмъ труднѣе становится возможность его прекращенія.

Если, напримѣръ, начальникъ авангарда имѣетъ въ своемъ распоряженіи только одинъ батальонъ, то онъ, натолкнувшись на сопротивленіе, легче придетъ къ заключенію остановиться, чтобы предоставить рѣшеніе вопроса начальнику дивизіи или корпусному командиру. Никто и не потребуетъ отъ него, чтобы онъ съ такимъ незначительнымъ количествомъ пѣхоты устремился въ серьезный бой съ противникомъ, а между тѣмъ ея, все-таки, достаточно, чтобы

устранить простыя демонстраціи. Тамъ, гдѣ при наступленіи освѣщающая кавалерійская дивизія съ одной или двумя батареями и нѣкоторымъ количествомъ авангардной пѣхоты будетъ остановлена, тамъ для преодолѣнія препятствія потребуется серіозный бой, который гораздо лучше передать въ руки начальника всего наступающаго отряда. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что даже при отрядѣ силою въ одну дивизію или въ одинъ корпусъ часто достаточно будетъ вести за освѣщающей массой кавалеріи только одинъ батальонъ, въ видѣ передового отряда. Онъ же послужитъ необходимымъ прикрытіемъ для артиллеріи авангарда, если она состоитъ не только изъ конныхъ батарей, слѣдующихъ обыкновенно съ кавалеріей.

Конечно, если предвидится, что на долю авангарда выпадетъ какая-либо особая задача, какъ, напримѣръ, поспѣшное занятіе какого-либо пункта, то авангардъ дѣлается болѣе сильнымъ, и его составъ долженъ быть приспособленъ къ выдержанію серьезнаго боя.

Въ германской арміи обычай придалъ право гражданства авангардамъ слѣдующаго состава: для дивизіи—полкъ пѣхоты въ три батальона, три эскадрона, одна батарея, отрядъ саперъ или, какъ ихъ въ Германіи называютъ, піонеровъ съ понтоннымъ паркомъ и одно санитарное отдѣленіе; для корпуса же авангардъ состоитъ изъ бригады пѣхоты въ 6 батальоновъ, одного или даже обоихъ полковъ дивизіонной кавалеріи [1]), двухъ батарей и необходимыхъ вспомогательныхъ войскъ въ соотвѣтственномъ количествѣ. Подобную норму учебники приводятъ какъ образцовую и рекомендуютъ ее какъ годную, какъ для развѣдыванія и освѣщенія, такъ и для выполненія особыхъ задачъ и веденія самостоятельнаго боя. Къ тому же, отдѣленіемъ ихъ происходитъ удобное раздѣленіе на части всей движущейся массы. Поэтому ихъ можно назвать авангардами на всѣ случаи и въ этомъ смыслѣ сохранить ихъ въ видѣ примѣра. Но на войнѣ обстановка будетъ очень рѣдко такъ мало выяснена, чтобы составъ авангарда не обусловливался особой причиной и чтобы было не хорошо уклониться отъ этой нормы. Кромѣ того, подобные авангарды имѣютъ еще тотъ очевидный недостатокъ, что они раз-

[1]) Соединенныхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ эскадроновъ, отдѣленныхъ къ главнымъ силамъ, въ одну бригаду.

рываютъ въ дивизіи бригаду, а въ корпусѣ дивизію, и они же прежде всѣхъ вырываютъ изъ рукъ командира корпуса рѣшеніе вступить или не вступить въ бой.

Что же касается до выигрыша времени для развертыванія отряда, то это легче достигается какъ можно болѣе далекой высылкой впередъ кавалеріи, такъ какъ въ такомъ случаѣ имѣется возможность рано получать извѣстія о приближеніи противника и тѣмъ самымъ во-время рѣшить, когда и гдѣ должно состояться сосредоточеніе. Въ случаѣ нужды выѣздъ на позицію нѣсколькихъ батарей, которыя своимъ огнемъ заставятъ непріятеля развернуться, представляется лучшимъ средствомъ для выигрыша времени, нежели бой сильной пѣхоты авангарда. Первое средство не обязываетъ ни къ чему, а второе ведетъ обыкновенно къ принятію рѣшительнаго сраженія.

Совершенно иныя условія существуютъ при отступленіи, когда стараются избѣжать боя. Здѣсь необходимы болѣе сильные арьергарды, которые должны въ извѣстныхъ пунктахъ задерживать преслѣдующаго непріятеля, чтобы дать своимъ главнымъ силамъ возможность не прерывать своего движенія. Но и для нихъ упорный бой точно также вреденъ, потому что онъ затрудняетъ отступленіе, легко вызываетъ большія потери и можетъ даже заставить главныя силы повернуть назадъ для поддержки своего арьергарда, т. е. сдѣлать противоположное своей цѣли [1]. Слѣдовательно, и въ ихъ составѣ значительную роль будетъ играть артиллерія; она сдѣлается, пожалуй, даже главнымъ родомъ оружія. Ея дальній и могущественный огонь служитъ лучшимъ средствомъ для удержанія противника на почтительномъ разстояніи [2], въ чемъ и заключается задача каждаго арьергарда. Поэтому весьма хорошо временно выдѣлять въ составъ послѣдняго нѣсколько

[1]) Только съ наступленіемъ темноты арьергардъ можетъ вступить въ упорный бой, такъ какъ при этомъ непріятель не будетъ имѣть возможности воспользоваться своимъ превосходствомъ; но въ нашихъ широтахъ темнота наступаетъ не вдругъ и въ сумеркахъ дѣятельный противникъ еще можетъ кое-что предпринять.

[2]) Чѣмъ дольше держится артиллерія на позиціи, тѣмъ болѣе она во всѣхъ случаяхъ исполняетъ свое призваніе. Опасеніе потерять нѣсколько орудій не имѣетъ значенія и никогда не должно быть причиной преждевременнаго отступленія съ позиціи.

большое количество батарей изъ артиллерійской массы главныхъ силъ [1]).

Тѣ же самыя соображенія, обусловливающія составъ авангардовъ и арьергардовъ, опредѣляютъ и порядокъ слѣдованія частей войскъ въ отдѣльныхъ походныхъ колоннахъ. За кавалеріей, въ сущности, должна непосредственно слѣдовать часть артиллеріи, т. е. того рода оружія, который всегда необходимъ для подготовки боя. Но опасенія, что кавалерія можетъ быть опрокинута и преслѣдующій непріятель можетъ броситься на совершенно беззащитныя на походѣ батареи, установили обычай вести, во всякомъ случаѣ, впереди артиллеріи хоть сколько-нибудь пѣхоты. Разумѣется, артиллерію не всю высылаютъ въ голову колонны, такъ какъ, иначе, сзади идущая пѣхота приходила бы слишкомъ поздно на поле сраженія. Корпусная артиллерія, занимающая одна въ походной колоннѣ до $6^1/_2$ верстъ, не можетъ быть поставлена въ серединѣ дивизіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ идущая сзади ея пѣхота придетъ на поле сраженія на $1^1/_2$ часа позже головныхъ частей, такъ что начальнику дивизіи придется все это время обходиться только съ половиной своихъ силъ; поэтому ее помѣщаютъ между обѣими дивизіями корпуса, если, вообще, послѣдній весь слѣдуетъ только по одной дорогѣ [2]).

До сихъ поръ мы разсматривали марши такого рода, при которыхъ войска имѣютъ непріятеля прямо передъ собой. Намъ еще остается сказать кое-что про такіе марши, когда наши войска проходятъ мимо непріятельскихъ позицій или головъ его колоннъ; эти послѣдніе называются *фланговыми*. Они издавна пользуются славой особенно трудныхъ и опасныхъ предпріятій. Между тѣмъ военная исторія показываетъ, что ихъ можно предпринимать гораздо чаще, нежели то допускаетъ теорія. Фридрихъ Великій при Прагѣ обошелъ фланговымъ маршемъ правое крыло австрійцевъ; при Колинѣ онъ шелъ такимъ образомъ даже вдоль всего фронта противника. Въ тѣ времена арміи, разъ занявшія позицію для боя, были весьма мало подвижны, такъ какъ боевого

[1]) Если исторія изъ нихъ окажутся непужными болѣе, то по хорошимъ дорогамъ и усиленнымъ аллюромъ онѣ могутъ скоро догнать главныя силы.

[2]) См. приложенія.

порядка ихъ не дозволялось нарушить. Слѣдовательно, о контръ-атакахъ противника, если онъ замѣчалъ фланговый маршъ, нечего было много и заботиться, и корпь дѣйствительно никогда ихъ не боялся. Но въ настоящее время это измѣнилось. Отдѣльныя части каждой арміи сдѣлались самостоятельными; онѣ могутъ скорѣе рѣшиться атаковать проходящія мимо нихъ походныя колонны непріятеля. Но и нынѣ все еще трудно двинуть развернутый уже большой отрядъ въ направленіи, ранѣе не предусмотрѣнномъ. При этомъ очень часто проходитъ удобная для дѣйствія минута, или начальникъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣвается, не пройдетъ ли это удобное время, и отказывается отъ попытки. Если же фланговымъ маршемъ слѣдуетъ не вся армія противника, а часть ея остановилась, то нерѣдко являются опасенія очутиться при атакѣ между обѣими группами непріятеля—движущейся и стоящей—и тѣмъ поставить себя въ скверное положеніе. Поэтому даже на маневрахъ случается, что удаются фланговые марши, совершаемые въ виду противника.

Естественно, что опасность фланговыхъ маршей увеличивается, если непріятель также уже находится въ движеніи. Въ такихъ случаяхъ лучше совершать такой маршъ въ большемъ отдаленіи отъ головъ непріятельскихъ колоннъ или, одновременно съ исполненіемъ движенія, завязать съ нимъ бой частью своихъ войскъ, чтобы отвлечь его вниманіе.

При обыкновенномъ наступательномъ маршѣ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ значенія, встрѣтится ли непріятель двумя или тремя верстами ближе или дальше и придется ли здѣсь или тамъ развернуться для боя. При фланговомъ же всегда имѣется въ виду уже опредѣленная цѣль, которой желательно достигнуть безъ боя и остановокъ; въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, всякое столкновеніе съ противникомъ непріятно. Его ожидаютъ съ извѣстнымъ напряженіемъ, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе, что исполняешь нѣчто трудное. Кромѣ того, человѣческой натурѣ свойственно считать болѣе грозной ту опасность, которая грозитъ не спереди, а сбоку или сзади. Солдатъ въ походной колоннѣ полагаетъ, что его начальники ожидаютъ непріятеля прямо спереди; если же послѣдній вдругъ окажется

на флангѣ, то у большинства легко является впечатлѣніе, что отрядъ застигнутъ врасплохъ, а это подрываетъ довѣріе. Поэтому, тѣ фланговые марши, въ которыхъ даже нижніе чины знаютъ, съ какой стороны ожидать непріятеля, обыкновенно легко удаются. Это доказывается многочисленными маршами германскихъ отрядовъ внутри линій обложенія, передъ Мецомъ и Парижемъ, въ 1870 году. Всѣ они, въ сущности, были фланговыми относительно непріятеля, расположеннаго позади фортовъ и между ними. Но это обстоятельство было всѣмъ ясно; каждый солдатъ зналъ, что можно было быть атакованнымъ во время исполненія марша только съ той стороны, гдѣ находилась крѣпость, и вслѣдствіе этого чрезвычайное положеніе исчезало. Войска двигались вдоль линіи обложенія къ угрожаемому пункту совершенно спокойно, потому что это казалось вполнѣ естественнымъ. При этихъ маршахъ даже не принималось никакихъ особыхъ мѣръ [1]).

Если армейскій корпусъ будетъ при движеніи атакованъ съ фланга и вслѣдствіе этого развернется захожденіемъ къ этому флангу, то его фронтъ займетъ протяженіе въ 21 версту, въ которомъ будутъ различные, большіе и малые, промежутки. Но навряд ли можно когда-нибо до такой степени быть застигнутымъ врасплохъ, чтобы пришлось вытянуть фронтъ на самой дорогѣ. Всегда еще хватитъ времени достигнуть какой-нибудь позиціи въ сторонѣ отъ походной колонны, и части корпуса соберутся на нее скорѣе, такъ какъ ихъ пути къ позиціи короче. Хвостъ колонны отстоитъ, какъ извѣстно, отъ головы ея на $22\frac{1}{2}$ версты, тогда какъ на выбранную въ 3-хъ верстахъ въ сторонѣ отъ дороги позицію онъ долженъ сдѣлать только 10 верстъ [2]).

Только въ томъ случаѣ, когда условія мѣстности дѣлаютъ развертываніе изъ походной колонны къ сторонѣ фланга невозможнымъ, напримѣръ при прохожденіи по узкому горному до-

---

[1]) Пріятіе, доставляемое фортификаціонными работами, было, напримѣръ, во время сраженія при Нуазьлѣ, во многихъ мѣстахъ еще очень незначительное къ тому же, чтобы собрать достаточно войскъ на поль сраженія, большая часть линій обложенія занималась только аванпостами.

[2]) Здѣсь предполагается, что позиція имѣетъ 1 версту въ длину и что частямъ, находящимся въ хвостѣ колонны, нужно пройти только къ ея флангу.

фил. положеніе ухудшается; но здѣсь та же мѣстность обыкновенно и защищаетъ отъ тревоженія фланговаго марша, потому что противнику не хватитъ дорогъ для наступленія.

Правила военнаго искусства рекомендуютъ охранять фланговый маршъ особыми отрядами, противопоставленными непріятелю. Но присутствіе этихъ отрядовъ очень часто только обнаруживаетъ противнику предпріятіе; кромѣ того, они всегда слабы и поэтому скорѣе привлекаютъ на себя атаки послѣдняго, чѣмъ удерживаютъ его отъ нихъ. Слѣдовательно, гдѣ удаленіе или мѣстность доставляютъ нѣкоторое прикрытіе, тамъ слѣдуетъ отказаться отъ подобной мѣры и лучше ограничиться тщательнымъ наблюденіемъ за противникомъ кавалеріей. Кромѣ того, присоединеніе впослѣдствіи этихъ отрядовъ къ главнымъ силамъ часто затруднительно и задерживаетъ все движеніе. Когда генералъ Бенедекъ въ 1866 году исполнялъ свой „прекрасно обдуманный“ фланговый маршъ изъ Моравіи на верхнюю Эльбу, то онъ выставилъ находящіеся впереди 2-й корпусъ и 2-ю кавалерійскую дивизію противъ графства Глацъ; но это повело только къ замедленію полнаго исполненія движенія.

Въ періодъ наполеоновскихъ войнъ существовало мнѣніе, что боевой порядокъ, при всякихъ обстоятельствахъ, долженъ быть глубокъ; но при встрѣчѣ съ непріятелемъ на фланговомъ маршѣ это рѣдко можно будетъ осуществить, и это неудобство въ настоящее время отчасти уменьшается тѣмъ, что современное огнестрѣльное оружіе даетъ и тонкимъ линіямъ большую способность къ сопротивленію.

Такимъ образомъ оказывается, что страхъ передъ фланговыми маршами подобенъ страху передъ ночными движеніями и отъ него слѣдуетъ освободиться. Если въ будущемъ войска противниковъ будутъ развернуты на границѣ, близко другъ противъ друга, то возможность перваго успѣха будетъ зависѣть отъ быстраго сосредоточенія силъ на одномъ пунктѣ, что достигается только исполненіемъ смѣлыхъ и быстрыхъ фланговыхъ маршей. Въ особенности это будетъ пригодно въ тѣхъ случаяхъ, когда непріятельская армія растянута за линіей фортовъ-застав.

Но нѣкоторой осторожности фланговые марши, все-таки, тре-

буютъ. Выгодно будетъ, напримѣръ, при исполненіи ихъ уменьшить глубину колонны ограниченіемъ дистанцій между частями и болѣе широкимъ фронтомъ всего движенія. Обозы, конечно, не должны слѣдовать за войсками, если непріятель близокъ, а двигаются по параллельной дорогѣ, рядомъ съ походной колонной войскъ, съ противоположной непріятелю стороны. Весьма хорошо дѣлать переходы ночью, въ особенности если маршъ происходитъ въ виду противника. Если маршъ исполняется цѣлой арміей, то слѣдуетъ имѣть всегда возможность, въ случаѣ нужды, развернуть къ сторонѣ фланга отрядъ достаточной силы. Здѣсь, слѣдовательно, взятъ такой случай, когда представляется полное право двинуть по дорогѣ, ближайшей къ противнику, два корпуса и притомъ возможно ближе другъ къ другу [1]). Но этимъ и должно ограничиться обезпеченіе фланговаго движенія.

— —

Клаузевицъ говоритъ, что разрушительное вліяніе маршей на войска такъ велико, что оно „должно бы считаться самостоятельнымъ дѣятельнымъ принципомъ, наравнѣ съ боемъ". Это несомнѣнно вѣрно. Тысячи людей погибаютъ отъ маршей, несмотря на всѣ принимаемыя предосторожности. Наполеонъ въ 1812 г., при наступленіи въ Россію, потерялъ въ 52 дня около 100,000 человѣкъ больными и отсталыми, пройдя только 490 верстъ [2]). Въ данномъ случаѣ отчасти виновата дурная дисциплина, но и безъ этого ущербъ отъ маршей былъ бы весьма великъ. Если люди, отбившіеся отъ своихъ частей, и не мертвы, то они, все-таки, большею частью, уже потеряны для похода и, наполняя собою лазареты и этапы въ тылу арміи, составляютъ только безполезную тяжесть [3]).

[1]) При вступленіи II прусской арміи въ Богемію, въ концѣ іюня 1866 г., на ея угрожаемомъ лѣвомъ флангѣ, совершавшемъ въ нѣкоторомъ родѣ фланговый маршъ передъ прибывавшими головами непріятельскихъ колоннъ, слѣдовали 5-й и 6-й корпуса: оба они, какъ извѣстно, были временно подчинены генералъ ф. Штейнмецу.

[2]) Считая по прямой линіи.

Формированіе роты изъ отсталыхъ для употребленія ихъ при осадной войнѣ, установленное въ 1870 г. принцемъ Фридрихомъ Карломъ при II арміи, оказалось весьма пригоднымъ. Оно избавляло отъ необходимости отдѣлять части отъ арміи, а строгая сторожевая служба возбуждала въ отсталыхъ желаніе скорѣе опять присоединиться къ своимъ частямъ.

Если въ исключительныхъ случаяхъ и можно значительно превзойти обыкновенную норму, при которой корпусъ въ одинъ сутки подвигается впередъ, приблизительно, на протяженіе его собственной походной колонны, то полководцу придется, все-таки, каждый разъ предварительно разсчитать, окупитъ ли успѣхъ тотъ ущербъ, который неизбѣжно съ этимъ связанъ. Форсированные же марши, которыхъ непріятелю удается избѣгать, какъ это можетъ, напримѣръ, имѣть мѣсто на восточныхъ театрахъ войны, должны въ матеріальномъ отношеніи быть приравнены пораженію. Они производятъ даже вредное моральное вліяніе на людей, которые сознаютъ, что всѣ ихъ труды пропали даромъ.

Въ настоящее время, рядомъ съ маршами, играетъ роль и перевозка войскъ, до сихъ поръ бывшая возможною только водою. Наполеонъ, умѣвшій все дѣлать возможнымъ, перевозилъ въ 1805 и 1806 годахъ свою гвардію и въ 1814 г. войска, пришедшія изъ Испаніи, на телѣгахъ, при чемъ они дѣлали по 70 верстъ въ сутки. Въ наше же время, какъ мы видѣли, при стратегическомъ развертываніи перевозятъ войска цѣлыми милліонами по **желѣзнымъ дорогамъ къ границѣ.**

Разъ только война началась, то перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ въ большихъ размѣрахъ весьма затрудняется, такъ какъ линіи заняты перевозкою различныхъ транспортовъ, а personalъ служащихъ ослабленъ отдѣленіемъ многихъ для военныхъ цѣлей. Послѣ сильнаго напряженія въ періодъ стратегическаго развертыванія весьма естественно настаетъ извѣстное ослабленіе дѣятельности; матеріальная часть пришла въ нѣкоторое разстройство, близость непріятеля вызываетъ безпокойство и пользованіе желѣзными дорогами легко можетъ не оправдать возлагаемыхъ на него надеждъ. Доставка подкрѣпленій изъ неугрожаемыхъ провинцій гораздо легче, нежели перевозка войскъ за или по фронту расположенія арміи. Но такъ какъ, вслѣдствіе быстроты перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, потеря времени при кружныхъ обходахъ играетъ незначительную роль, то всегда надо будетъ разсчитывать на неожиданное перемѣщеніе большихъ войсковыхъ массъ. Въ особенности это выгодно и удобно для обороняющагося на собственной территоріи.

Во время военныхъ дѣйствій на р. Луарѣ, въ промежутокъ времени съ 7 ч. утра 27-го октября 1870 г. до 9 ч. 20 м. вечера 28-го октября, было перевезено 28,000 ч. пѣхоты 15-го французскаго корпуса изъ Сальбри, въ Солоши, черезъ Вирзонъ и Туръ въ Меръ, близъ Блуа и Вандома, и вмѣстѣ съ тѣмъ переправлены съ лѣваго берега Луары на правый, при чемъ германская армія не замѣтила этого движенія. Къ 8 ч. утра 29-го октября такимъ же порядкомъ были доставлены туда же еще 16 батарей, 2 полка кавалеріи, парковыя колонны и т. п. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года корпусъ генерала Груза, изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, численностью въ 40,000 человѣкъ, былъ перевезенъ изъ Безансона, на Дубъ, въ Гіенъ, на Луарѣ, на 88-ми желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ и употребилъ на это три дня. И объ этомъ движеніи германцы узнали только тогда, когда корпусъ уже достигъ своей цѣли. Въ періодъ дѣйствій на Луарѣ бывали случаи, что французскіе военные поѣзда слѣдовали другъ за другомъ съ интервалами въ 10 минутъ и даже менѣе. Напротивъ, попытка особенно скоро перевезти въ декабрѣ мѣсяцѣ 1870 года армію генерала Бурбаки съ верхней Луары въ долину Дуба не удалась, вслѣдствіе недостаточной подготовки и отсутствія единства въ управленіи. Два корпуса и резервъ арміи, силою въ 1 дивизію, употребили только на свою посадку 7 дней и въ общемъ 10 дней на всю перевозку, между тѣмъ какъ надѣялись совершить ее въ вдвое меньшій срокъ. Слѣдовавшій же впослѣдствіи за этой арміей еще одинъ корпусъ употребилъ 12 дней (съ 1-го по 16-е января) на свой переѣздъ изъ Невера на верхній Дубъ, близъ Белфора, потому что стеченіе войсковыхъ, вещевыхъ и продовольственныхъ транспортовъ вызвало необыкновенную остановку движенія. Въ этомъ случаѣ было гораздо выгоднѣе совершить этотъ маршъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, нежели настаивать на пользованіи желѣзной дорогой, притомъ еще одноколейной, проходящей вдоль верхняго Дуба, небольшія станціи на ней затруднили высадку, а устройство разъѣздныхъ и боковыхъ путей въ узкой долинѣ, между рѣкой и отвѣсными скалами, было невозможно при той поспѣшности.

Еще меньше представляется возможности атакующему поль-

зоваться желѣзными дорогами для перемѣщенія большихъ массъ войскъ во время операцій, хотя само собою разумѣется, что всѣ занятыя имъ желѣзно-дорожныя линіи должны быть возстановлены и приведены въ дѣйствіе [1]). Пользованіе ими въ большинствѣ случаевъ ограничится только подвозкою укомплектованія, огнестрѣльныхъ и жизненныхъ припасовъ и т. п.

Преимущество перевозки по желѣзнымъ дорогамъ передъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ видно уже изъ того, что при второмъ считается обыкновеннымъ переходомъ 21 верста въ сутки, тогда какъ желѣзно-дорожный поѣздъ средней скорости дѣлаетъ въ это время 630 верстъ. При перевозкѣ утомленіе войскъ будетъ нѣсколько болѣе, вслѣдствіе отсутствія ночного отдыха. Съ другой стороны, оказывается, что высадившіяся изъ вагоновъ войска могутъ еще безъ особаго труда сейчасъ же сдѣлать небольшой переходъ, который люди послѣ долгаго сидѣнія исполняютъ охотно. Затрудненіе при перевозкѣ большихъ массъ по желѣзнымъ дорогамъ заключается не въ самомъ перемѣщеніи ихъ съ одного пункта на другой, а въ посадкѣ ихъ и высадкѣ. Такъ

---

[1]) Приводимъ изъ послѣдней войны примѣры пользованія германскими войсками желѣзными дорогами на непріятельской территоріи: 14-я пѣхотная дивизія, которая къ концу 1870 года была занята осадой французскихъ крѣпостей на сѣверной границѣ, перевезена оттуда къ Шатильону, на Сенѣ, въ промежутокъ времени между 7-мъ и 14-мъ января 1871 года, такъ что 14-го января вся боевая часть дивизіи была сосредоточена у Шатильона; обозы же прибыли послѣ.

Послѣ паденія Страсбурга гвардейская ландверная дивизія была присоединена къ арміи, находившейся подъ Парижемъ. Дивизія эта, начавъ 7-го октября посадку на эруардскую желѣзную дорогу, и безъ того сильно занятую различнаго рода перевозками, прибыла въ Нантейль лишь въ промежутокъ времени между 10 и 19 октября.

Подобнымъ же образомъ былъ передвинутъ 2-й корпусъ отъ Меца къ Парижу. 3-я пѣхотная дивизія (десять баталіоновъ, одинъ эскадронъ, четыре батареи, одна піонерная рота, одно санитарное отдѣленіе, полевая хлѣбопекарня, полевой лазаретъ, провіантская колонна и 120 фуражныхъ повозокъ) была перевезена въ 21 поѣздахъ въ промежутокъ времени отъ 3-го до 8-го ноября. 4-я пѣхотная дивизія начала свою посадку еще въ полдень 26 октября въ Понтъ-а-Муссонѣ: къ 6-му ноября вся боевая часть этой дивизіи съ санитарнымъ отдѣленіемъ, полевымъ лазаретомъ и необходимыми парковыми колоннами была въ сборѣ у Лонжюмо. Часть корпуса двигалась обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ къ Парижу.

какъ на одноколейныхъ дорогахъ нѣтъ особаго пути для обратнаго слѣдованія поѣздовъ и потому остановки въ движеніи весьма легко возможны, то на ихъ дѣятельность можно разсчитывать гораздо менѣе и, главное, съ меньшей увѣренностью, нежели на дѣятельность двухколейныхъ дорогъ. Какъ результатъ высшаго напряженія дѣятельности одноколейной дороги, обыкновенно считаютъ двѣнадцать поѣздовъ въ сутки, тогда какъ по двухколейной можетъ въ это время пройти восемнадцать поѣздовъ. Полковникъ Блуме, основываясь на опытахъ 1870 и 1871 г., совѣтуетъ, вмѣсто приведенныхъ, принимать за норму для одноколейныхъ дорогъ только восемь, а для двухколейныхъ двѣнадцать поѣздовъ. Такой расчетъ будетъ, безспорно, болѣе безопасенъ. Французы жаловались въ 1870 г. на медленность движенія, когда имъ приходилось отправлять только это число поѣздовъ.

Тамъ, гдѣ условія сколько-нибудь благопріятствуютъ перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, ее будутъ предпочитать движенію походнымъ порядкомъ, такъ какъ при ней потерь почти не бываетъ; но во всякомъ случаѣ должно предварительно разсчитать, какимъ способомъ скорѣе достигается цѣль. Одинъ корпусъ со всѣми своими обозами требуетъ при обыкновенной провозоспособности одноколейной дороги 11 дней, а двухколейной—7 дней, чтобы быть переправленнымъ. Обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ онъ можетъ въ 7 дней сдѣлать 140 верстъ, а въ 11—около 210. Слѣдовательно, только когда разстояніе, на которое требуется передвинуть весь корпусъ, становится больше, нежели 200 верстъ, то пользованіе желѣзными дорогами даетъ выигрышъ во времени. Но очень часто является необходимость быстро доставить къ извѣстному пункту только нѣкоторую часть силъ, и тогда ее отправляютъ по желѣзной дорогѣ, а остальная часть двигается обыкновеннымъ походомъ [1]). Вообще, часто выгодно соединять эти два способа передвиженія войскъ такимъ образомъ, что пѣхота перевозится по желѣзной дорогѣ, а кавалерія, артиллерія, парки и обозы слѣдуютъ обыкновеннымъ порядкомъ, дѣлая нѣсколько большіе переходы. Если того требуетъ преслѣдуемая цѣль,

[1]) Меккель въ своей тактикѣ на 23 стр. приводитъ цѣлый рядъ интересныхъ примѣровъ этого рода.

го перевозимой пѣхотѣ придается нѣсколько артиллеріи и кавалеріи; съ другой стороны, къ идущимъ обыкновеннымъ порядкомъ войскамъ, для большей ихъ безопасности, придается немного пѣхоты.

Чрезвычайное значеніе желѣзныхъ дорогъ, какъ для продовольствія и сбереженія войскъ, такъ и для передвиженія боевыхъ массъ, заставляетъ проникающаго въ непріятельскую страну стремиться какъ можно скорѣе обезпечить за собой пользованіе занятыми имъ линіями. Возстановленіе разрушенныхъ желѣзныхъ дорогъ должно идти рядомъ съ наступленіемъ арміи. Временныя желѣзныя дороги, построенныя во время самыхъ военныхъ дѣйствій, подобно тому, какъ въ 1870 году была выстроена обходная линія у Меца, отъ Ремильи до Понтъ-а-Муссона, въ войнахъ будущаго получатъ еще большее примѣненіе. Желѣзныя дороги стали необходимы при современной крѣпостной войнѣ, такъ какъ нынѣшняго осаднаго парка невозможно перевозить по обыкновеннымъ дорогамъ на сколько-нибудь значительное разстояніе. Помимо тяжести осадныхъ орудій, масса матеріала такъ велика, что, напримѣръ, для организаціи непрерывной транспортировки его на 140 верстъ потребовалось бы 20.000 лошадей и столько же людей. При осадахъ современныхъ большихъ крѣпостей ежедневно расходуется отъ 18 до 20 тысячъ пудовъ огнестрѣльныхъ припасовъ. При такихъ условіяхъ пользованіе желѣзными дорогами является какъ бы „conditio sine qua non“, потому что подобныхъ тяжестей немыслимо доставлять въ теченіе продолжительнаго времени по обыкновеннымъ дорогамъ [1]).

---

[1]) Приводимъ нѣкоторыя цифры, относящіяся къ пользованію желѣзными дорогами во время войны:

Одинъ желѣзно-дорожный поѣздъ можетъ поднять: одинъ батальонъ, немного болѣе одного эскадрона (такъ что на 4-хъ эскадронный полкъ потребно три поѣзда), или одну батарею, или одну парковую колонну и т. д. Цѣлый армейскій корпусъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему обозомъ, требуетъ 90 поѣздовъ. Пѣхотная дивизія (безъ обоза) потребуетъ 20 поѣздовъ; того же самаго количества потребуетъ и кавалерійская дивизія (также безъ обоза). Отсюда можно разсчитать, сколько дней потребуетъ извѣстный отрядъ для своей перевозки. Если принять указанныя выше цифры, 8 поѣздовъ для одноколейной и 12 для двухколейной дороги въ одинъ сутки, то выходитъ, что корпусъ потребуетъ для своей посадки и отправки въ первомъ случаѣ 11, а во второмъ $7^1/_2$ дней; дивизія пѣхотная или кавалерійская $2^1/_2$ и $1^1/_2$ сутокъ. Прибавъ къ этому еще время,

Перевозка войскъ моремъ. въ противоположность перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, несмотря на быстрое развитіе мореходства, не сдѣлала особыхъ успѣховъ [1]). Хотя скорость переѣзда моремъ и подходитъ близко къ средней скорости движенія желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ, но никакое государство не въ состояніи держать всегда такого транспортнаго флота, который могъ бы поднять цѣлыя арміи. Даже Франція обладаетъ въ мирное время только такой эскадрой военныхъ транспортовъ, которая въ состояніи поднять одинъ корпусъ. Такимъ образомъ всѣ государства, въ случаѣ войны, должны были бы пользоваться для этой цѣли почтовыми, купеческими и другими частными пароходами, при чемъ явилось бы то большое неудобство, что пришлось бы потерять массу времени на приспособленіе ихъ внутренняго устройства для перевозки войскъ. Надо поставить скамейки, столы, колышки для платья и аммуниціи, устроить лазареты, кухни и проч. Нагрузка и выгрузка чрезвычайно затруднительны; у большихъ пароходовъ, могущихъ, напримѣръ, поднять цѣлый батальонъ, палуба расположена такъ высоко, что лошадей и повозки приходится нагружать посредствомъ кранovъ. Маленькіе же пароходы, какъ напр. плавающіе по Балтійскому морю, недостаточно помѣстительны; ихъ надобно около 50 штукъ, чтобы поднять только одну пѣхотную дивизію съ тѣми ея обозами, безъ которыхъ она не можетъ обойтись. Между тѣмъ какъ такое же количество океанскихъ паро-

---

употребляемое большимъ для пробѣга пространства, на которое нужно перемѣстить войска, получимъ то время, потребное для перевозки данной части. Такъ какъ средняя скорость войскового поѣзда 28 верстъ въ часъ, то для перевозки на 700 верстъ потребуется:

для корпуса, по однопутной дорогѣ 12 дней; по двухпутной 8½ дней.
для авангарда корпуса (см. прил.) » 2½ дня; » » 2 дня;
для пѣхотной или кавалер. дивиз. » 3½ дня; » » 2⅔ дня.

Но, какъ показываютъ приведенные выше примѣры изъ послѣдней войны, дѣятельность желѣзныхъ дорогъ можетъ быть временно увеличена въ весьма значительной степени. (Сравнить пользованіе желѣзными дорогами на войнѣ: Бруме, стратегія, стр. 91—95 и Меккель, тактика, стр. 21—25).

[1]) Необходимо напомнить, что здѣсь мы разсматриваемъ отношенія государствъ только Европейскаго материка. Во время послѣдней Сѣверо-американской междоусобной войны перевозка водою играла весьма важную роль. Потомакская армія генерала Макъ-Клелана, свыше въ 80,000 человѣкъ, была достав-

ходовъ хватитъ на цѣлый корпусъ. Если высадка производится не въ гавани, то на каждое судно надобно около 140 саженъ удобной береговой полосы, а для эскадры съ цѣлымъ корпусомъ потребуется около 20-ти верстъ. Но такія длинныя и удобныя для высадки полосы очень рѣдки или даже никогда не встрѣчаются, такъ что высадку придется дѣлать по частямъ и, кромѣ того, еще пересаживаться на болѣе мелкія суда. Состояніе погоды дѣлаетъ всѣ расчеты перевозки моремъ крайне неустойчивыми: оно можетъ и вовсе помѣшать высадкѣ, а буря можетъ привести къ катастрофѣ. Ясно, какъ губительно для большихъ транспортныхъ эскадръ нападеніе непріятельскаго флота, а страшное минное искусство увеличиваетъ опасность еще болѣе. Необходимо совершенно господствовать на морѣ, чтобы сколько-нибудь спокойно предпринимать транспортировку по немъ войскъ. Наконецъ, войсковыя единицы, которыя можно этимъ способомъ перемѣщать, играютъ при настоящемъ образѣ веденія войны лишь незначительную роль: издержки же на ихъ перевозку моремъ очень велики. Только одна Англія, благодаря всему своему положенію, своему богатству и числу военныхъ и коммерческихъ судовъ крупныхъ размѣровъ, дѣйствительно можетъ развить перевозку моремъ, какъ войскъ, такъ и всякаго рода запасовъ, до широкихъ размѣровъ. Остальныя же государства прибѣгнутъ къ этому средству только въ исключительныхъ случаяхъ, когда нѣтъ никакого другого. Между ними Франція имѣетъ значительное преимущество [1]).

ьена на судахъ изъ Александріи, на р. Потомакъ, къ форту Монро, на р. Джемсъ, въ промежутокъ времени между 17 марта и 4 апрѣля 1862 года. Богатство американцевъ транспортными средствами и ихъ энергія въ преодолѣніи техническихъ затрудненій сдѣлали успѣхъ возможнымъ. Наиболѣе замѣчательная транспортировка войскъ моремъ, предпринятая въ послѣднее время въ Европѣ, была перевозка союзной арміи въ 63,000 человѣкъ съ 207 орудіями на 330 судахъ, въ началѣ сентября 1854 года, изъ Варны и Бальчика къ берегамъ Крыма. Но здѣсь надо принять во вниманіе, что всѣ приготовленія могли быть сдѣланы заблаговременно и что нечего было опасаться какой-либо помѣхи во время перевозки.

[1]) Въ февралѣ 1871 года 22-й французскій корпусъ, силою въ 18,000 человѣкъ и 10 батарей, былъ въ короткое время доставленъ моремъ съ сѣвернаго театра войны въ Шербургъ. 16 іюля 1877 года 19 турецкихъ батальоновъ арміи Сулеймана-паши были посажены на суда въ Антивари и съ 19-го іюля начали высаживаться въ устьѣ Марицы.

Перевозка по рѣкамъ можетъ быть весьма пригодна для перемѣщенія пѣхоты, но въ особенности она важна для продовольствованія арміи. Фридрихъ Великій, при своихъ различныхъ походахъ въ Богемію, постоянно считалъ р. Эльбу своей главной коммуникаціонной линіей. Штабъ II германской арміи, въ іюлѣ 1870 года, еще во время сосредоточенія организовалъ на Рейнѣ флотилію изъ 6 пароходовъ и многихъ барокъ, которая должна была служить подвижнымъ магазиномъ на линіи Вормсъ-Майнцъ-Бингенъ. Суда пополнялись и нагружались припасами, купленными въ Голландіи, а когда послѣдняя заперла свои границы,—то на нижнемъ Рейнѣ и даже въ самомъ районѣ сосредоточенія войскъ и, наконецъ, изъ запасовъ крѣпостей Кобленца, Кельна и Везеля. Когда же послѣдовало быстрое наступленіе арміи во Францію, то флотилія слала свои грузъ въ большіе магазины въ Бингенѣ и Вормсѣ.

Неразрывно съ разсмотрѣніемъ маршей и перевозки войскъ связанъ вопросъ о *ихъ размѣщеніи*. Солдатъ, получающій послѣ утомительнаго марша хорошую квартиру, быстро отдыхаетъ и возстановляетъ силы для слѣдующаго дня, между тѣмъ какъ оставленный ночевать въ полѣ, въ непогоду и вѣтеръ, онъ, можетъ-быть, сдѣлался бы неспособнымъ къ дальнѣйшему походу. Разумное вниманіе къ размѣщенію войскъ есть лучшее средство для уменьшенія потерь отъ походныхъ движеній, тѣмъ болѣе, что теперь человѣчество достигло уже той степени культуры, когда отвыкаютъ смотрѣть на лѣсъ, какъ на ложе для сна, и на луну, какъ на достаточный источникъ свѣта.

Соединяя войска съ перваго же дня открытія кампаніи въ общихъ лагеряхъ, можно безъ боя скоро погубить ихъ въ конецъ. Вспомнимъ только, сколько выстрадала германская армія въ первые августовскіе дождливые дни 1870 года. Конечно, если обстоятельства этого требуютъ, то нечего останавливаться передъ ночлегомъ подъ открытымъ небомъ, но, все-таки, это было и есть зло. И въ будущихъ войнахъ будутъ заботиться о томъ, чтобы располагать возможно большимъ войскъ и на возможно продолжительное время по квартирамъ: въ особенности это важно въ началѣ кампаніи.

когда въ арміи еще многое должно хорошенько войти въ свою колею и когда въ ней большая часть людей должна постепенно вновь привыкать къ походной жизни.

Самая плохая квартира, все-таки, еще лучше самаго прекраснаго бивака; но и худыя квартиры также вредная вещь для состоянія войскъ, и потому избѣганіе ихъ не есть доказательство изнѣженныхъ привычекъ, а, напротивъ, вызывается весьма разумными условіями.

Кто бывалъ на войнѣ, тотъ знаетъ, какъ скоро въ мѣстностяхъ, надъ которыми разливается войсковой потокъ, всѣ средства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей приходятъ къ концу, лавки пустѣютъ или запираются, запасы исчезаютъ, подвозъ прекращается. Въ переполненныхъ квартирахъ днемъ не найдешь никакого подкрѣпленія, а ночью никакого покоя. Поэтому необходимо широкое размѣщеніе, при чемъ богатство, занятія и образъ жизни населенія послужатъ для него мѣриломъ. Въ равнинной, исключительно земледѣльческой, странѣ, для того чтобы размѣщеніе было удобно, можно принять среднимъ числомъ по одному квартиранту на каждую душу населенія. Фабричные же, мануфактурные и горнозаводскіе пункты, большіе города и т. п. составляютъ исключенія. Такъ, напримѣръ, Берлинъ, при своемъ населеніи въ милліонъ душъ, никогда не можетъ принять на квартированіе милліона солдатъ, тогда какъ средняя зажиточная деревня можетъ пріютить солдатъ въ количествѣ бо́льшемъ, нежели ея населеніе. Среднимъ числомъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, для расквартированія одного корпуса потребуется районъ отъ 8 до 10 квадр. миль, что составляетъ квадратъ той глубины, которую занимаетъ его походная колонна безъ обоза.

Расположеніе войскъ подъ открытымъ небомъ облегчаетъ приведеніе отдыхающей массы вновь въ движеніе; черезъ четверть часа послѣ отдачи приказанія для выступленія оно можетъ начаться. Если пустить ихъ широкимъ фронтомъ, такъ что нѣтъ надобности перестраивать ихъ предварительно въ колонны, то выигрышъ во времени будетъ значительный. Войска же, расположенныя въ разбросанныхъ тамъ и сямъ урочищахъ, прибывая по частямъ, должны будутъ для подобнаго наступленія еще пред-

варительно формироваться въ группы. Кромѣ того, при бивакахъ войскамъ не приходится дѣлать еще переходовъ на квартиры и съ квартиръ. Но, несмотря на все это, расположеніе на бивакѣ только въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ окупитъ недостатки его.

Къ послѣднимъ относится, что они легче могутъ быть открыты непріятелемъ и сила бивакирующаго отряда скорѣе опредѣляется, нежели расположеннаго на квартирахъ. Въ темныя ночи свѣтъ отъ бивачныхъ костровъ видѣнъ за много миль. При дневномъ свѣтѣ, въ особенности къ вечеру, можно съ возвышенныхъ пунктовъ наблюдать дымъ на такое же разстояніе [1]). Разведеніе же костровъ можетъ быть запрещено людямъ лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ, иначе они будутъ слишкомъ сильно страдать.

Наполеонъ въ 1812 году, при переходѣ отъ Вислы до Нѣмана, постоянно располагалъ свою „великую армію“ на бивакахъ, результатомъ чего хотя и было быстрое наступленіе, но сопряженное съ громадными потерями. Совершенно противоположная ошибка была сдѣлана въ прусской арміи при ея отступленіи въ 1806 г., когда для продовольствованія ея приходилось войска такъ широко разбрасывать по деревнямъ и городамъ, что переходы увеличивались непомѣрно, а ночной отдыхъ пропадалъ.

Палаточные лагери прежнихъ временъ совершенно оставлены въ настоящее время, какъ слишкомъ увеличивающіе войсковой обозъ или какъ непомѣрно обременяющіе каждаго солдата въ отдѣльности.

Поэтому въ настоящее время, разъ только военныя операціи въ полномъ разгарѣ, обыкновенно существуетъ только одинъ способъ расположенія войскъ на отдыхъ. Способъ этотъ заключается въ томъ, что всѣ части колонны, по окончаніи дневного марша, распредѣляются по всѣмъ населеннымъ пунктамъ, которыхъ въ этотъ день еще можно легко достигнуть; при этомъ безразлично, нарушаются ли какія-либо нормы или расписанія повинностей и не обращается вниманія на какія-либо статистическія обозрѣнія.

[1]) Съ колокольни въ Питлѣ можно было въ концѣ ноября, при закатѣ солнца, очень хорошо наблюдать столбы дыма большого французскаго лагеря у Гиды и Серноты, подъ Орлеаномъ, хотя до него было 35 верстъ.

Каждая часть устраивается въ отведенном ей деревнѣ, какъ умѣетъ; кому нѣтъ мѣста въ домахъ, тѣ строятъ себѣ шалаши изъ вѣтвей или соломы или ищутъ себѣ защиты у стѣнъ и заборовъ, устраивая навѣсы изъ досокъ, дверей и т. п. Для подобнаго расположенія изобрѣтено названіе *квартирно-бивачное* (Ortschaftslager), которое, какъ ясно выражающее сущность этого способа, можетъ быть за нимъ и сохранено.

Въ прежнее время считали необходимымъ располагаться лагерями для большей безопасности отдыхающихъ войскъ. Полагали, что, иначе, при нападеніи непріятеля ихъ нельзя будетъ достаточно скоро построить для боя; къ тому же представляли себѣ расположеніе по квартирамъ очень разбросаннымъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились тѣсно размѣщаться въ населенныхъ пунктахъ, а нарушеніе нормальнаго боевого порядка потеряло всякое значеніе, забота эта стала ненужною. Располагаться на отдыхъ близъ деревни, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, поспѣшно занять ее для обороны, противно самымъ обыкновеннымъ условіямъ цѣлесообразности; гораздо лучше расположиться въ ней и для отдыха, такъ какъ и внутри нея мѣры охраненія и готовность къ бою могутъ быть точно такъ же хорошо сохранены, какъ и на бивакѣ. Отдѣльныя части размѣщаются цѣликомъ въ большихъ зданіяхъ и дворахъ; каждый человѣкъ можетъ осмотрѣться, подготовить оборону и устроиться для нея, какъ ему кажется лучше. Такимъ образомъ, какъ только непріятель покажется, все будетъ на своемъ мѣстѣ раньше, чѣмъ если бы отрядъ бивакировалъ подъ открытымъ небомъ и долженъ былъ бы потомъ при наступившей темнотѣ занять деревню для обороны ея. При этомъ важно соблюдать только то правило, чтобы войска съ самаго начала размѣщались въ извѣстномъ тактическомъ порядкѣ, т. е. чтобы каждый находился на томъ мѣстѣ, которое онъ, въ случаѣ необходимости, долженъ защищать. Даже во время самыхъ рѣшительныхъ операцій, когда огромныя массы войскъ собраны на тѣсномъ пространствѣ и нельзя вполнѣ избѣжать расположенія лагерями въ шалашахъ изъ соломы и вѣтвей, будутъ въ ближайшихъ населенныхъ пунктахъ размѣщать какъ можно болѣе войскъ. Преимущество этого способа расположенія заклю-

чается не только въ защитѣ отъ стужи и непогодъ, но и въ томъ, что люди находятъ приспособленія для варки, которыя облегчаютъ приготовленіе пищи. Послѣднее весьма затруднительно подъ открытымъ небомъ, при несовершенствѣ имѣющейся посуды, а при сильномъ вѣтрѣ часто и совсѣмъ невозможно. Пыль песчаныхъ полей даже на маневрахъ дѣлаетъ пищу несъѣдобной. Кромѣ того, въ самыхъ переполненныхъ населенныхъ пунктахъ всегда можно найти какіе-нибудь припасы для прибавки къ отпущеннымъ таковымъ изъ продовольственныхъ колонпъ и повозокъ, такъ что къ преимуществу размѣщенія присоединяется и выгода лучшей пищи. Во время зимняго похода въ 1870—1871 г. германскія войска даже въ дни сраженій не стремились искать ночного отдыха въ ближайшихъ къ ихъ постамъ селеніяхъ. Такъ было при Божанси, Ле-Мансъ и на Лизенѣ. Если бы даже какая-нибудь часть и дала себя захватить врасплохъ и понесла нѣкоторыя потери, какъ, напримѣръ, это случилось при Божанси, то эти потери, все-таки, не могутъ сравниться съ тѣми, которыя понесли бы войска, если бы, въ предупрежденіе подобныхъ несчастныхъ случаевъ, ихъ ставили продолжительное время на бивакахъ. Чѣмъ хуже время года и погода, тѣмъ необходимѣе располагаться квартирно-бивачно и на тѣсныхъ квартирахъ. Нѣсколько скверныхъ ночей, безполезно проведенныхъ на открытомъ воздухѣ, могутъ произвести дѣйствіе, равносильное неудачному бою, и во всякомъ случаѣ вреднѣе, нежели отдѣльные почные марши. Конечно, всегда самое трудное размѣстить лошадей, въ особенности большихъ кавалерійскихъ массъ; люди и лошади обоза находятъ еще кое-какую защиту у повозокъ.

Естественно, что каждая часть ревниво охраняетъ свои временныя права на отведенный для квартированія пунктъ и смотритъ недружелюбно на непрошенныхъ, или даже не имѣющихъ на то права, гостей. Поэтому, насколько цѣлесообразно распредѣлять отдѣльные кварталы большихъ селеній и городовъ между различными частями войскъ, настолько же, во избѣжаніе споровъ, высшія инстанціи должны точно указывать низшимъ, какое именно пространство имъ предоставляется занять. Въ квартирномъ и продовольственномъ вопросахъ эгоизмъ играетъ выдающуюся роль.

Такимъ образомъ главнокомандующій указываетъ районы корпусамъ, а корпусные командиры, въ свою очередь, отводятъ районы для своихъ дивизій, корпусной артиллеріи, парковъ, обозовъ и проч. При этомъ недостаточно обозначать только границы района, а слѣдуетъ прибавлять, какой именно части войскъ отводятся лежащіе въ немъ населенные пункты.

Форма или фигура квартирнаго района зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ того, что предполагается предпринять въ ближайшемъ будущемъ. Во время движенія лучше всего избирать по сторонамъ главнаго пути длинныя, узкія полосы, имѣющія глубину походныхъ колоннъ; на военномъ языкѣ говорятъ — на этомъ пути „эшелонируютъ" войска. При этомъ, слѣдовательно, совершенно подходящее, если послѣднія войсковыя части каждаго корпуса будутъ размѣщены въ 20-ти верстахъ позади головы колонны, такъ какъ имъ все равно необходимо это разстояніе, чтобы при продолженіи движенія присоединиться къ общей колоннѣ. Разстояніе, на которое войска могутъ отходить въ сторону отъ главнаго пути, зависитъ отъ направленія дорогъ и отъ положенія населенныхъ пунктовъ. Если бы вздумали отсылать войсковую часть въ сторону отъ главнаго пути, болѣе чѣмъ на одну милю, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро опять притянуть ее, то ей пришлось бы исполнить полный двойной переходъ и, вѣроятно, было бы лучше выиграть необходимое для размѣщенія пространство движеніемъ впередъ. Поэтому рѣдко отдаляются отъ главной дороги болѣе 2-хъ или 3-хъ верстъ. Правда, при этомъ нельзя получить столько пространства, сколько считается необходимымъ для удобнаго размѣщенія, но на одну ночь и эти квартиры будутъ достаточны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда наступаетъ затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ или предвидится продолжительная стоянка на одномъ мѣстѣ, районъ расширяется и тогда ему придаютъ форму квадрата или круга, въ центрѣ котораго помѣщается главная квартира, такъ какъ тогда ей одинаково легко сноситься со всѣми подчиненными частями. Совершенно также поступаютъ въ томъ случаѣ, когда имѣютъ въ виду обороняться на мѣстѣ, ибо тогда особенно важно, чтобы корпуса могли возможно скорѣе собраться.

Въ отдѣльныхъ населенныхъ пунктахъ, для того чтобы вполнѣ воспользоваться ихъ домами и конюшнями, придется ставить всѣ три рода оружія. Поэтому нормальный порядокъ, въ которомъ началея маршъ (см. приложеніе), продержится не долго. Въ зависимости отъ положенія квартиръ, внутри крупныхъ единицъ образуются меньшія группы всѣхъ трехъ родовъ оружія, напр. внутри корпусовъ и дивизій— бригады съ нѣкоторымъ количествомъ кавалеріи и нѣсколькими батареями, которыя и при дальнѣйшемъ движеніи останутся соединенными. Командиръ корпуса охотно захочетъ только свою корпусную артиллерію держать внѣ этого смѣшенія войскъ и вести ее всегда въ сборѣ.

Но и здѣсь слѣдуетъ, насколько это возможно, избѣгать ненужныхъ маршей отдѣльныхъ частей, такъ какъ всякое движеніе, какъ и бой, ведетъ за собою извѣстный расходъ силъ. Стремленіе постоянно возстановлять основной тактическій порядокъ всѣхъ нормальныхъ соединеній никогда не должно прекращаться, но дѣло въ томъ, чтобы искусно изыскивать удобные случаи, когда это можетъ быть сдѣлано безъ особаго утомленія для участвующихъ частей.

Въ этомъ очеркѣ мы говорили о маршахъ и размѣщеніи, не принимая во вниманіе движеній войскъ по большимъ и пустыннымъ странамъ, бѣднымъ путями сообщенія и рѣдко населеннымъ, по какимъ, напримѣръ, двигался Наполеонъ въ 1812 году. Здѣсь размѣщеніе подъ крышею будетъ невозможно, не говоря уже о вмѣщеніи войскъ средствами занятыхъ ими населенныхъ пунктовъ. Тутъ придется прибѣгать къ бивакамъ, которые, однако, при суровомъ климатѣ негостепріимной страны, вредно дѣйствуютъ на войска. Поэтому необходимо взвѣсить, насколько выгодно здѣсь прибѣгать къ необыкновеннымъ средствамъ защиты, какъ возка за собою изъятыхъ изъ употребленія шатровъ или, при болѣе продолжительныхъ остановкахъ, къ барачнымъ постройкамъ въ широкихъ размѣрахъ [1]). Часто именно при подобныхъ

[1]) [illegible] также позаботиться о заготовкѣ въ значительномъ количествѣ матеріала для постройки бараковъ, которые должны быть собраны вблизи конечныхъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ на границѣ и въ большихъ крѣпостяхъ. Важно именно въ первое время кампаніи не заставлять людей терпѣть отъ холода, а между тѣмъ здѣсь стекается такая масса людей, что бивакированіе подъ открытымъ небомъ, иначе, является неизбѣжнымъ.

условіяхъ особенно важно сохранить войска въ готовности къ бою. Такъ какъ они при этомъ должны будутъ болѣе исключительно пользоваться продовольствіемъ изъ возимыхъ съ собою запасовъ, чѣмъ въ плодородныхъ, густонаселенныхъ культурныхъ странахъ, то провіантскія повозки не должны слѣдовать въ концѣ колонны. Иначе, при дурныхъ дорогахъ онѣ никогда или очень рѣдко догонятъ во-время голову колонны. Поэтому придется отдѣльныя части ихъ придавать войскамъ и вести непосредственно за послѣдними. При такихъ условіяхъ подобныя отступленія отъ обыкновеннаго порядка, навѣрное, болѣе чѣмъ цѣлесообразны.

Въ распоряженіяхъ для маршей и размѣщенія можетъ на дѣлѣ выказаться заботливость, умѣніе и опытъ высшихъ командныхъ управленій и, въ особенности, генеральнаго штаба. На войнѣ больше ходятъ, нежели дерутся, и потому тѣмъ необходимѣе употребить все возможное стараніе для уменьшенія тягостей похода.

Разсмотрѣвъ различные способы передвиженія войскъ, было бы умѣстно теперь изслѣдовать способы ихъ употребленія для постоянно мѣняющихся цѣлей войны. Но для этого прежде необходимо разсмотрѣть, такъ называемыя, двѣ основныя формы боя.

7. Атака и оборона.

„Наступленіе или оборона“ было всегда любимою темою военныхъ теоретиковъ. Вопросъ—которая изъ этихъ двухъ формъ веденія войны болѣе сильная—такъ же привлекателенъ, какъ многоразличенъ можетъ быть отвѣтъ на него, въ зависимости отъ тѣхъ безчисленныхъ обстоятельствъ, которыя предполагаются. Клаузевицъ говоритъ: „Оборонительная форма веденія войны сама по себѣ сильнѣе наступательной“. Блуме же полагаетъ, что „стратегическое наступленіе есть болѣе дѣйствительная форма веденія войны“.

Въ большинствѣ случаевъ рѣшенія этого вопроса звучатъ такъ, какъ будто атака и оборона суть исключительно дѣло свободнаго выбора воюющихъ сторонъ. Между тѣмъ подобнаго случая почти никогда не бываетъ. Условія съ самаго начала укажутъ одной сторонѣ на наступательный образъ дѣйствій, а дру-

гон—на оборонительный. Слѣдовательно, дѣло заключается гораздо больше въ томъ, чтобы изучить своеобразныя свойства той и другой формы, нежели сравнивать выгоды и невыгоды ихъ. Можно даже сомнѣваться, правильно ли пытаться дѣлать это сравненіе.

Большею частью различаютъ *стратегическое* и *тактическое наступленіе, стратегическую* и *тактическую оборону*. Въ сущности, оба вида одно и то же. Стратегическое наступленіе заключаетъ въ себѣ понятіе объ атакѣ въ широкомъ смыслѣ, о движеніи и боѣ, которые имѣютъ цѣлью уничтожить непріятеля. Тактическое же наступленіе обнимаетъ собою только образъ дѣйствій атакующаго на полѣ сраженія: оно является конечнымъ дѣйствіемъ стратегическаго наступленія. Стратегическая оборона обозначаетъ защиту въ широкомъ смыслѣ слова, тогда какъ тактическая оборона есть отбитіе атаки на избранной позиціи. Хотя сущность дѣла и не оправдываетъ этого различія, но употребленіе этихъ названій весьма облегчаетъ способъ обозначенія въ короткихъ словахъ, про какой именно актъ атаки или обороны говорится.

Одинъ изъ новѣйшихъ писателей совершенно справедливо указалъ, что *стратегическому наступленію должно предшествовать и историческое*. То же самое можно сказать и про оборону. Въ большинствѣ случаевъ послѣдняя покоится на общемъ оборонительномъ характерѣ народа, а первое на агрессивномъ.

Слѣдовательно, историческое положеніе государства является исходной точкой, съ которой связано и военное положеніе. Никто не удивлялся, что Турція въ 1877 году съ самаго начала держалась оборонительнаго образа дѣйствій. При этомъ навѣрно никто не думалъ о стратегическихъ мотивахъ, но смотрѣли на это, какъ на совершенно естественное дѣло, потому что Турція вступила въ тотъ періодъ историческаго развитія, когда только и можно было еще думать объ оборонѣ, тогда какъ Россія, насильно увлеченная идеей панславизма, была призвана къ наступленію. Такимъ образомъ историческое положеніе указываетъ борцу уже до голны образъ дѣйствій, котораго онъ долженъ держаться на войнѣ. Государства наступательнаго характера въ историческомъ

и политическомъ отношеніяхъ будутъ искать предметовъ своихъ стремленій внѣ собственныхъ границъ и потому должны держаться и наступательнаго образа дѣйствій; кто же достигъ самодовольства, естественно, только обороняется.

Исключенія возможны. Несоотвѣтственное состояніе военнаго дѣла можетъ принудить къ оборонѣ государство, которое въ общемъ отличается агрессивнымъ характеромъ. Можно даже сказать, что всѣ государства, стремящіяся выйти изъ продолжительнаго тѣснаго, зависимаго положенія въ болѣе широкую политическую сферу, должны переживать такія эпохи, когда имъ приходится бороться съ коалиціями и поэтому ограничиваться оборонй. Такія времена пережилъ Римъ, пережила Пруссія.

Случаи, когда обѣ стороны одновременно рѣшатся на наступательныя дѣйствія, мыслимъ только при войнѣ между одинаково-сильными и одинаково-устроенными въ военномъ отношеніи государствами. При современныхъ условіяхъ уже разница въ нѣсколькихъ дняхъ приготовленія къ войнѣ заставитъ опоздавшаго, хотя на первое время, принять оборонительный образъ дѣйствій.

Наполеонъ I своими смѣлыми и быстрыми наступательными войнами способствовалъ побѣдѣ того мнѣнія, что наступленіе всегда имѣетъ преимущество надъ оборонй. Успѣхи же, сдѣланные съ тѣхъ поръ въ техническомъ усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, въ тактическомъ отношеніи часто какъ бы оправдываютъ противоположное. А такъ какъ стратегическое наступленіе, какъ мы выяснимъ ниже, мыслимо только въ связи съ тактическимъ, то невыгода этой послѣдней формы должна была бы оказать свое вліяніе и въ стратегическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ сторона, которую совокупность всѣхъ условій принуждаетъ къ оборонѣ и которая, слѣдовательно, является страдательнымъ лицомъ, должна была бы въ то же время быть, все-таки, въ болѣе выгодномъ положеніи. Внутреннее противорѣчіе показываетъ, что представленіе о большей силѣ обороны, несмотря на все, основано на заблужденіяхъ.

Правда, въ настоящее время обороняющійся, благодаря огню превосходнаго оружія, можетъ на 500 саж. все смести, что находится передъ его линіями; наступающій долженъ пройти пе-

рокую, смертоносную зону, которая расширилась въ десять разъ противъ полосы эпохи гладкихъ орудій: защита, представляемая мѣстностью, укрѣпленными пунктами и искусственными препятствіями—все это служитъ въ пользу обороняющагося. Онъ неподвижно ожидаетъ нападенія, приготовившись къ нему; онъ можетъ выпускать снаряды непрерывно, тогда какъ наступающій часто долженъ прекращать свой огонь для того, чтобы подаваться впередъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; при этомъ послѣдній, кромѣ потерь и опасности, испытываетъ еще и усталость. При оборонѣ все складывается проще; единство высшаго управленія сохраняется легче; внутри арміи гораздо меньшее число начальниковъ отдѣльныхъ частей получаютъ самостоятельную дѣятельность. Снабженіе войскъ боевыми припасами и введеніе имѣющихся резервовъ облегчаются, такъ какъ приходится отстаивать только одну опредѣленную линію и при движеніи впередъ не приходится раздѣляться, разбрасываться, перемѣшиваться, мѣнять направленія, въ одномъ мѣстѣ ослабить нападеніе, а въ другомъ усилить, какъ это неизбѣжно бываетъ при всякой атакѣ.

Даже и въ тактическихъ условій оборона имѣетъ нѣкоторыя преимущества. Продовольствіе войскъ, пополненіе ихъ людьми и лошадьми, подвозъ потребностей разнаго рода—все это болѣе обезпечено, потому что обороняющійся не удаляется отъ своихъ источниковъ, а часто даже и отступаетъ на нихъ, и коммуникаціонныя линіи не удлиняются, какъ при наступленіи. При оборонѣ является возможность пользоваться бо́льшими силами и въ томъ смыслѣ, что можно употребить для военныхъ дѣйствій и такія категоріи войскъ, которыхъ наступающій не можетъ даже и вести съ собой. Обороняющемуся приносятъ пользу гарнизоны находящихся на театрѣ войны крѣпостей; они привлекаютъ часть непріятельскихъ силъ на себя, хотя бы только и для наблюденія. Наступающій же не можетъ притянуть къ себѣ своихъ гарнизонныхъ войскъ, такъ какъ онъ не можетъ оставить крѣпостей безъ всякой охраны и долженъ имѣть въ виду возможность быть отброшеннымъ. Къ тому же, гарнизонныя войска, большею частью, неспособны къ наступательнымъ дѣйствіямъ на непріятельской территоріи. Обороняющійся же можетъ пользоваться подобными вои-

сками въ закрытой мѣстности или въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Ему приносятъ пользу даже народныя ополченія, которыхъ наступающій не можетъ привести въ движеніе для своихъ цѣлей. Всякій гражданинъ и крестьянинъ зрѣлаго возраста берется за оружіе для защиты своего собственнаго очага, но онъ не пойдетъ поддерживать армію, распространяющую свои завоеванія въ непріятельской странѣ.

Вѣрно, что наступленіе всегда сопряжено съ бо́льшими потерями и напряженіями для войскъ и что абсолютныя силы при наступленіи уменьшаются въ бо́льшей степени, чѣмъ при оборонѣ.

Прежде всего атакующій вступаетъ въ непріятельскую страну и долженъ занять ее. Ему приходится прорывать болѣе или менѣе сильную систему пограничныхъ укрѣпленій, нѣкоторыя изъ нихъ осадить или наблюдать продолжительное время: и то и другое требуетъ расхода силъ. При дальнѣйшемъ наступленіи сообщенія съ тыломъ удлиняются и становятся менѣе удобными. Армія день ото дня все болѣе нуждается въ оставленіи позади себя небольшихъ отрядовъ для обезпеченія этапныхъ пунктовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставка укомплектованій затрудняется въ той же степени. Наступающія арміи таютъ, какъ свѣже-выпавшій снѣгъ весною. Съ сотнями тысячъ переступаютъ границы, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ведутъ войну въ сердцѣ непріятельской страны только съ тысячами людей. Наполеонъ, вступивъ въ октябрѣ 1805 года въ Австрію съ 200.000 человѣкъ, несмотря на свою удивительную экономію въ силахъ, могъ къ рѣшительному сраженію при Аустерлицѣ, 2-го декабря, собрать только всего 80.000 человѣкъ.

Наступающему трудно также поддерживать первоначальное возбужденіе своихъ войскъ. Послѣ первыхъ побѣдъ кажется, что цѣль уже достигнута и преимущество пріобрѣтено. Необходимость постоянно прилагать новыя усилія и средства для того, чтобы удержать успѣхъ на своей сторонѣ и упрочить за собой все пріобрѣтенное, будетъ непонятна для тѣхъ, кому приходится приносить жертвы. Обороняющійся находится въ другомъ положеніи. Когда непріятель переходитъ въ наступленіе и приближается все болѣе и болѣе, когда опасность становится очевиднѣе, то

для обороняющагося открываются и новые источники; необычайныя мѣры для доставленія арміи людей, оружія и денегъ оправдываются сами собой. Если только за арміей стоитъ гордая и сильная нація, то очень часто оборона, послѣ первыхъ неудачъ, пріобрѣтаетъ большое матеріальное усиленіе. Замѣчательными примѣрами этого могутъ служить сѣверные штаты Америки въ междоусобной войнѣ и Франція во второй половинѣ послѣдней войны.

Но, взамѣнъ всѣхъ этихъ преимуществъ обороны, наступленію присуща бо́льшая способность къ подъему духовныхъ и моральныхъ силъ арміи. Эта способность объясняетъ, почему наступленіе имѣетъ на своей сторонѣ бо́льшее число тріумфовъ. Наступающій съ самаго начала сознательнѣе приступаетъ къ дѣлу; онъ избираетъ для себя цѣль, и его духовное напряженіе получаетъ такимъ образомъ совершенно опредѣленное направленіе; сила обстоятельствъ какъ бы помогаетъ производительности его ума. Однимъ тѣмъ уже, что наступленіе требуетъ болѣе дѣятельности, нежели оборона, много выигрывается, такъ какъ изъ двухъ, равныхъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, противниковъ болѣе дѣятельный одержитъ верхъ.

Обороняющійся выжидаетъ удара, чтобы его потомъ отпарировать; онъ долженъ слѣдить за противникомъ и соображать по его дѣйствіямъ свои собственныя; немыслимо, чтобы онъ испытывалъ такое же побужденіе, какъ атакующій. Черезъ это наступающій становится въ господствующее положеніе, и сознаніе подобной роли, быстро распространяющееся въ войсковыхъ массахъ, дѣлаетъ чудеса. Настроеніе духа наступающей арміи неизмѣримо выше, нежели отступающей или даже выжидающей на мѣстѣ. Духъ предпріимчивости возбуждается, и атака даетъ ему совсѣмъ иной просторъ, нежели оборона; первая приводитъ въ дѣйствіе гораздо больше факторовъ. Мы знаемъ, что полководецъ указываетъ только общія направленія, а уже младшіе начальники призваны самостоятельно слѣдовать полученнымъ указаніямъ и извлечь дальнѣйшую пользу. Каждый изъ нихъ, даже самый незначительный, можетъ сдѣлаться героемъ драмы, разъ только случай приведетъ его на рѣшительный пунктъ. Оборонительная линія, длиною въ цѣлую милю, можетъ быть въ общемъ избрана пре-

красно, и, все-таки, она можетъ имѣть одинъ слабый пунктъ; кто употребитъ всѣ свои силы въ этомъ мѣстѣ, тому и принадлежитъ честь дня. Сознаніе подобной возможности придаетъ наступающей арміи всегда больше энергіи. Съ увеличеніемъ дѣйствующихъ силъ увеличивается и число шансовъ на успѣхъ. Прорвавшаяся черезъ линію обороняющагося часть служитъ магнитомъ для всѣхъ еще не ввязавшихся въ бой войскъ. Какъ при прорывѣ плотины вся вода стремится къ отверстію, чтобы увеличить его, такъ и въ бою живыя волны стремятся къ тому мѣсту, гдѣ смѣло и искусно нанесенный ударъ пробилъ первую брешь. Къ тому же успѣхъ при атакѣ имѣетъ двойное значеніе. Успѣшная оборона доказываетъ всегда только то, что непріятель въ данный моментъ не былъ сильнѣе, а удачная атака показываетъ, что наступающій самъ сильнѣе обороняющагося.

Психологическія условія играютъ на войнѣ такую же роль, какъ и матеріальныя. Представимъ себѣ положеніе человѣка, ожидающаго опасности, не зная, когда она придетъ, и мы вполнѣ поймемъ нравственное состояніе арміи, выжидающей на мѣстѣ атаку противника. Оборонѣ недостаетъ побуждающаго элемента; она сковываетъ силы, вмѣсто того, чтобы подбодрять ихъ она легко навязываетъ солдату чувство, что армія и ея предводители находятся подъ гнетомъ обстоятельствъ, а не сами господствуютъ надъ ними; чувство это не усыпляется здѣсь дѣятельностью. Не утѣшительно при оборонѣ и сознаніе, что конецъ можетъ быть хорошъ только тогда, когда удастся отстоять всю линію. Нѣтъ никакой пользы въ томъ, что пять шестыхъ оборонительной линіи остались въ нашихъ рукахъ, если непріятель разгромилъ шестую часть. Для послѣдняго, пожалуй, даже достаточно выиграть только одинъ флангъ, откуда можно было бы свернуть и всю линію. 18-го августа 1870 г. германскимъ войскамъ доставили, въ концѣ концовъ, побѣду только нѣсколько батальоновъ, которые обошли правый флангъ удерживаемой непріятелемъ до вечера позиціи, въ нѣсколько миль длиною, и которые, совмѣстно съ фронтальной атакой, разгромили лишь небольшую часть ея. Роковая разница между обороной и наступленіемъ заключается въ томъ, что обороняющійся побѣждаетъ только тогда, когда одерживаетъ побѣду на

всѣхъ пунктахъ, а атакующій торжествуетъ и тогда, если ему удалось взять верхъ хотя только въ одномъ мѣстѣ.

Въ этой истинѣ, которая болѣе справедлива относительно столь часто восхваляемой тактической обороны, нежели относительно стратегической, лежитъ и причина, почему продолжительная оборона рѣкъ и горныхъ цѣпей почти никогда не удавалась. Ни Дунай, ни Рейнъ не удержали арміи. Уже изолированное положеніе всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, поставленныхъ на вѣроятныхъ пунктахъ переправы, опасно; но еще болѣе опасно убѣжденіе, что каждый изъ нихъ погибъ, разъ только который-нибудь изъ сосѣдей слишкомъ скоро отступитъ. Такимъ образомъ „своевременное отступленіе“ какъ будто поощряется, и это ослабляетъ энергію обороны. Поэтъ, изображающій полководцевъ, спорящихъ послѣ пораженія, въ слѣдующихъ словахъ: „Ваши люди побѣжали прежде всѣхъ!“ — „Никто не выдержалъ. Бѣгство было всеобщее“! — „Нѣтъ, государь, оно началось на вашемъ флангѣ!“ — имѣлъ, очевидно, передъ глазами оборонительный бой на длинной позиціи. При оборонѣ Балканъ, зимой 1878 года, въ томъ же единственномъ пунктѣ, гдѣ храбро дрались, постигла обороняющагося и катастрофа. Жомини называетъ горные хребты „непреодолимыми препятствіями, которыя всегда преодолѣваются“.

Пусть даже, какъ полагаетъ Клаузевицъ, оборона будетъ сама по себѣ болѣе сильной формой, пусть слабѣйшая сторона пользуется ею для своей выгоды, чтобы при помощи мѣстности и искусственныхъ средствъ достигнуть хотя бы болѣе скромной цѣли—отразить непріятеля,—бо́льшая живая сила, все-таки, присуща атакѣ. Правда, задача наступленія затруднилась еще въ послѣднее десятилѣтіе. Необходимо будетъ высшее напряженіе, чтобы разбить окончательно тѣ массы войскъ, которыя обороняющійся въ будущемъ выведетъ въ поле и которыя будутъ ожидать непріятеля, опираясь сами вправо и влѣво на надежную защиту крѣпостныхъ орудій. Полководецъ долженъ будетъ еще болѣе тщательно взвѣшивать, но въ то же время и болѣе рисковать, чѣмъ до сихъ поръ. Фронтальной атакой или попытками охватить непріятельскій флангъ въ будущемъ нельзя будетъ много сдѣлать. Предварительными, скомбинированными съ боями, дви-

женіями, съ цѣлью ввести противника въ обманъ, большими артиллерійскими сраженіями и быстрыми, между тѣмъ, перемѣщеніями войскъ изъ одного пункта въ другой,—будутъ подготовляться сраженія и потомъ приводиться въ исполненіе при самомъ рискованномъ положеніи. Если до сихъ поръ было достаточно занимать непріятеля съ фронта пятью или шестью корпусами, а одинъ бросить во флангъ, то, можетъ-быть, въ рѣшительныхъ сраженіяхъ будущаго отношеніе это будетъ обратное. Ближайшая война несомнѣнно представитъ намъ такіе эпизоды напряженія всѣхъ силъ, о которыхъ прежніе походы не могутъ дать достаточно яснаго представленія.

Тѣмъ не менѣе, это ничего не измѣняетъ въ общемъ сужденіи объ атакѣ и оборонѣ, потому что оно покоится на внутреннихъ, а не внѣшнихъ, мотивахъ и на основаніяхъ, вытекающихъ изъ тайнъ человѣческой натуры. Каждое затрудненіе задачи возбудитъ въ атакующемъ новыя мысли и новыя силы, обострить его находчивость и усилитъ его предпріимчивость, такъ что чѣмъ болѣе требуется отъ него, тѣмъ болѣе онъ исполнитъ. Счастливъ тотъ воинъ, которому судьба предназначила роль атакующаго.

Цѣль всякой борьбы—уничтоженіе непріятельской вооруженной силы—можетъ быть достигнута только атакой. Даже защитники обороны, и тѣ постоянно говорятъ, что ея должно держаться только временно и при первой возможности переходить въ наступленіе, чтобы на отраженную атаку противника отвѣтить контръ-атакой, и это надо постоянно имѣть въ виду. Другими словами, это значитъ, что и обороняющійся хочетъ быть атакующимъ и ждетъ только той минуты, когда онъ можетъ имъ сдѣлаться съ надеждой на успѣхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что оборона даже не можетъ считаться самостоятельной формой веденія войны, а есть только одинъ изъ ея эпизодовъ.

Никто не будетъ утверждать, что человѣкъ, отразившій произведенное на него нападеніе, участвовалъ въ дракѣ. Точно также про обороняющагося нельзя сказать, что онъ *ведетъ войну*; скорѣе, онъ *ее только претерпѣваетъ*.

Вести войну значитъ нападать.

Разсмотримъ теперь условія для успѣшнаго исполненія атаки.

Несомнѣнно, что атака требуетъ большого расхода, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ и умственныхъ силъ. Поэтому, гдѣ при приблизительно одинаковыхъ качествахъ нѣтъ численнаго превосходства, необходима армія того внутренняго достоинства, которое одно только и можетъ вынести ту высокую степень напряженія. Недостаточно доблестнымъ войскамъ, какъ бы они ни были многочисленны, нельзя ставить нѣкоторыхъ задачъ, какъ напр. отнятіе какихъ-либо хорошо защищаемыхъ урочищъ, которыхъ нельзя ни обойти, ни взять маневромъ; штурмовать съ успѣхомъ такой пунктъ могутъ только очень храбрыя, ловкія и хорошо обученныя и подготовленныя къ бою войска. У кого ихъ нѣтъ, тотъ немного сдѣлаетъ повтореніемъ атаки свѣжими войсками, такъ какъ отдѣльные удары ихъ будутъ, все-таки, не такъ сильны, чтобы сломить сопротивленіе. *Одна сильная атака достигнетъ всегда большаго, нежели десять слабыхъ, хотя бы послѣднія и слѣдовали немедленно одна послѣ другой.* Атаки французами Низенской позиціи, 15, 16 и 17 января 1871 года, представляютъ много доказательствъ этого.

Такъ какъ въ настоящее время удача наступленія арміи весьма много зависитъ отъ хорошаго низшаго управленія, то вести наступленіе съ успѣхомъ могутъ только тѣ войска, которыя имѣютъ опытный, образованный, храбрый и подготовленный къ самостоятельной дѣятельности корпусъ субалтернъ-офицеровъ. Жажда дѣятельности должна воодушевлять всѣхъ членовъ арміи.

Въ виду того, что обсолютная сила наступающаго съ перваго же момента открытія войны постоянно уменьшается, однимъ изъ главнѣйшихъ условій успѣха наступленія является образцово-устроенная система пополненія арміи.

Необходимо, чтобы запасъ для пополненія арміи свѣжими силами никогда не истощался и чтобы онъ состоялъ изъ людей, способныхъ исполнить тяжелую задачу наступленія. Поэтому наступающій непремѣнно долженъ имѣть тщательно подготовленную воспитаніемъ мирнаго времени армію и строгую, но тѣмъ не менѣе національную, военную систему. Только первая можетъ

выказать требуемую внутреннюю силу, и только вторая можетъ дать достаточно матеріала для поддержанія ея.

Быстрота и непрерывность дѣйствій суть элементы наступленія; никакое перемиріе немыслимо раньше достиженія цѣли. Перерывъ дѣйствій опасенъ тѣмъ, что слѣдуетъ послѣ необычайнаго напряженія, которое всегда влечетъ за собой разслабленіе. Разъ остановившееся наступленіе возобновить во время хода операціи трудно, а въ сраженіи почти невозможно, если только не прибудетъ столько свѣжихъ силъ, чтобы съ одной стороны можно было пополнить то, что съ другой теряется вслѣдствіе прекращенія возбужденія. Поэтому только положительный расчетъ на значительныя подкрѣпленія можетъ оправдать добровольную остановку наступленія. Противъ неприступныхъ позицій лучше предпринимать самыя рискованныя попытки обхода и угрозы противнику, нежели выжидать благопріятной минуты. Иначе, незамѣтно для самаго себя атакующій сдѣлается атакованнымъ, потому что мужество обороняющагося, естественно, должно возрастать, разъ онъ замѣчаетъ, что непріятель не отваживается его тронуть. Кромѣ того, въ интересахъ наступающаго—не искать боя на томъ мѣстѣ, гдѣ противникъ къ нему приготовился; онъ долженъ постоянно стремиться перенести бой на другое мѣсто, т. е. собственною подвижностью насильно увлечь и противника въ движеніе, во время котораго атака, по всему своему существу, всегда имѣетъ преимущество надъ обороной.

Въ общемъ, быстрое наступленіе обыкновенно требуетъ меньшаго расхода силъ, хотя въ отдѣльные, короткіе промежутки времени онъ можетъ быть и болѣе значительный. Въ особенности это имѣетъ значеніе для быстроты тактическаго наступленія. Фридрихъ Великій учитъ въ своихъ „генеральныхъ принципахъ войны“: „Поэтому, чѣмъ живѣе атака, тѣмъ меньше она стоитъ людей“.

Далѣе, постоянная убыль силъ при наступленіи требуетъ самой большой экономіи въ расходованіи средствъ для борьбы. Поэтому наступленіе должно постоянно имѣть въ виду только одну цѣль и оставить всѣ остальныя временно въ сторонѣ. Всѣ физическія и моральныя силы должны быть употреблены на достиже-

ніе этой единственной цѣли. При исполненіи тактическаго наступленія надо имѣть твердую рѣшимость, что прежде всего все должно быть сдѣлано для того, чтобы непремѣнно одержать верхъ на избранномъ пунктѣ атаки такъ, дабы непріятель даже не могъ настолько устроиться, чтобы поправить тутъ свою неудачу. Только послѣ этого можно приниматься за другую, болѣе благодарную работу. При стратегическомъ наступленіи необходимо неуклонно направлять всѣ свои силы для разгрома той массы непріятельскихъ войскъ, пораженіе которой, по мнѣнію наступающаго, сдѣлаетъ его господиномъ обстановки.

Но при стратегическомъ наступленіи, при выборѣ цѣли, принимаются въ расчетъ и другія условія. Необходимо рѣшить вопросъ, возможно ли исполнить всю задуманную работу въ одинъ разъ, или не лучше ли раздѣлить эту работу, ставить себѣ послѣдовательно нѣсколько объектовъ дѣйствій и предпринимать, нѣкоторымъ образомъ, не одно, а нѣсколько различныхъ стратегическихъ наступленій, которыя, тѣмъ не менѣе, могутъ стремиться къ достиженію только одной великой конечной цѣли. Размѣры отдѣльнаго стратегическаго наступленія должны быть тщательно соображены съ имѣющимися средствами; здѣсь мудрая умѣренность въ полководцѣ есть величайшая добродѣтель. Наполеону I въ 1812 г. недоставало ея, и это привело его къ гибели. Дальнѣйшее наступленіе его отъ Смоленска до Москвы, еще во 2-й половинѣ августа, было самымъ рискованнымъ дѣломъ. Эта послѣдняя, рѣшительная часть его предпріятія должна была бы составить предметъ новой весенней кампаніи 1813 года, которую слѣдовало хорошо подготовить зимой. Наполеонъ слишкомъ высоко ставилъ силу своего генія, когда онъ попытался исполнить все предпріятіе безъ перерыва въ одинъ только походъ. Въ противоположность ему, Александръ, при завоеваніи Азіи, показалъ себя образцомъ полководца умѣренностью въ установленіи отдѣльныхъ предпріятій своей боевой дѣятельности, имѣя, все-таки, въ виду отдаленнѣйшія цѣли, какихъ только вообще можно было достигнуть. Его геніальность въ высшей степени выказалась въ систематическомъ завоеваніи мало-азійскаго прибрежья и занятіи Египта, прежде чѣмъ двинуться въ глубину

страны. Онъ обезпечилъ свой тылъ, усилилъ свою армію, пріобрѣлъ большія морскія силы и только послѣ этого направился на неизвѣстный востокъ. Такимъ образомъ онъ предохранилъ себя отъ судьбы Ксенофонта, и именно за это хитрые и осторожные римляне прозвали его единственнымъ великимъ человѣкомъ между чужестранцами. Подобную же умѣренность выказало и германское начальство въ войну 1870—1871 г., когда во время осады Парижа дальнѣйшее наступленіе во внутреннія провинціи Франціи было остановлено для того, чтобы прежде всего взять столицу и совершенно обезпечить этотъ успѣхъ. „Общая обстановка требуетъ, чтобы преслѣдованіе непріятеля, послѣ одержанной побѣды, простиралось лишь настолько, чтобы разобщить его силы и затруднить ихъ сборъ на возможно долгое время. Мы не можемъ слѣдовать за нимъ до его послѣднихъ опорныхъ пунктовъ, какъ Лиль, Гавръ и Буржъ, или прочно занять его отдаленныя провинціи, какъ Нормандію, Бретань и Вандею. Мы должны рѣшиться опять очистить даже уже взятые нами пункты, какъ Діенъ, а въ крайности даже и Туръ, чтобы сосредоточить наши главныя силы на немногихъ важныхъ пунктахъ". Такими словами выражала германская главная квартира свой взглядъ въ издаваемыхъ ею директивахъ. Только послѣ взятія Парижа, когда осаждавшая его армія была бы свободна и дала бы возможность усилить прочія арміи, можно было бы думать о полномъ занятіи провинцій, если бы это еще понадобилось. Безъ этой, вызванной обстоятельствами, сдержанности произошло бы раздробленіе силъ, приведшее бы, можетъ-быть, послѣ всѣхъ блестящихъ успѣховъ къ неудачамъ или даже затруднившее бы достиженіе общаго успѣха. Слѣдовательно, если наступленіе должно безостановочно идти къ цѣли, то оно не должно искать ея въ недостижимой дали, а оставить ее не дальше того, насколько это позволяютъ наличныя силы. *Добровольная умѣренность предохраняетъ отъ вынужденнаго отступленія.*

Наступающій долженъ обезпечивать свой тылъ и свои фланги не столько отдѣленіемъ значительныхъ силъ для ихъ охраненія, сколько возможно большей силой нанесенія ударовъ впередъ. Всякое отдѣленіе войскъ для побочныхъ цѣлей вредно.

Тщательное устроиство и организація сообщенія арміи съ родиной, разумѣется, необходимо для того, чтобы армія безостановочно получала все къ ней оттуда посылаемое. Наполеонъ въ этомъ отношеніи былъ образцомъ предусмотрительности. Онъ тратилъ много ума и труда на хорошее устройство этапныхъ линій въ тылу арміи, потому что зналъ, какъ необходимъ для наступающей арміи постоянный притокъ свѣжихъ силъ. Даже и въ 1812 году онъ въ этомъ отношеніи ничего не упустилъ изъ вида, но только его громадныя приготовленія оказались недостаточными для устраненія дѣйствительно непреодолимыхъ препятствій.

Чѣмъ болѣе гордо, увѣренно и сознательно производится наступленіе, въ соединеніи съ необходимой осторожностью, тѣмъ больше надежды на успѣхъ. Счастливые нападающіе всегда выигрывали половину своего дѣла только тѣмъ, что импонировали. Такъ напр. дѣйствіе движенія Жюно къ Лиссабону въ 1807 г. и перехода Дибича черезъ Балканы въ 1829 году заключалось только въ моральномъ впечатлѣніи. Но счастливому исходу подобныхъ предпріятій, большею частью, должна помочь нерѣшительность непріятеля или ловкая политика, которая не замедлитъ воспользоваться достигнутымъ эффектомъ.

Оборона ставитъ гораздо меньшія требованія качеству войскъ, въ особенности для тактическаго ихъ употребленія. Солдатъ при оборонѣ становится болѣе машиной, нежели при атакѣ; его мѣсто ему показано, дѣятельность его опредѣлена; сильный огонь и упорство—вотъ главныя требованія, которыя исполнить способны также и молодые, мало обученные воины. Самостоятельность, жажда дѣятельности и находчивость требуются гораздо менѣе, и достаточно, если только небольшая часть начальниковъ обладаетъ этими качествами. Дисциплина, конечно, при оборонѣ имѣетъ большее значеніе, но ее гораздо легче сохранить, нежели при наступленіи.

Поэтому менѣе доблестныя войска и наскоро собранныя для наступательныя массы, неспособныя для сколько-нибудь энергичнаго наступленія, могутъ, все-таки, принести нѣкоторую пользу при оборонѣ. Разница между этими двумя ролями такъ велика, что одни и тѣ же войска часто неузнаваемы въ одной и другой.

Элементы атаки суть быстрота и сила, тогда какъ элементы обороны—выдержка и упорство.

Наступленіе ищетъ рѣшенія въ нанесеніи быстрыхъ и сильныхъ ударовъ, оборона же ждетъ его отъ времени и частаго возобновленія сопротивленія и должна это имѣть въ виду съ самаго начала. Нѣсколько оборонительныхъ линій, расположенныхъ одна за другой и которыя она каждый разъ удерживаетъ всѣми имѣющимися средствами, придаютъ ей много силы: большая величина театра войны, какъ это наглядно показалъ походъ 1812 года, ей выгодна. Хотя оборона и менѣе страдаетъ отъ недостатковъ военной системы и обученія въ мирное время, чѣмъ наступленіе, но ей необходимы богатство и національный кредитъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворять постоянно возрастающимъ или повторяющимся требованіямъ въ нужныхъ для борьбы средствахъ. Далѣе, такъ какъ рѣдко страна въ данный промежутокъ времени можетъ сама все приготовить, что необходимо ея арміямъ, то государство, желающее побѣдить при оборонѣ, должно имѣть свободныя сношенія съ дружественными державами или господствовать на какомъ-нибудь позади лежащемъ морѣ. Безъ этихъ условій каждое государство, даже въ лучшемъ случаѣ, можетъ оказывать сопротивленіе только до тѣхъ поръ, пока его производительность будетъ въ состояніи удовлетворять потребностямъ арміи, при чемъ не надо забывать, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, истощаются и денежныя средства.

Наступающій пользуется своими крѣпостями только какъ надежными точками опоры для организованныхъ имъ сообщеній въ тылу и для помѣщенія магазиновъ и депо. Обороняющійся же можетъ извлечь изъ нихъ гораздо больше выгодъ, употребляя ихъ для упора своихъ фланговъ и для совмѣстнаго съ полевой арміей преодолѣнія противника или для ослабленія его прежде, чѣмъ онъ встрѣтится съ ней.

Обороняющійся долженъ всегда имѣть въ виду, какой притягательной силой для противника обладаетъ его главная армія. Эта армія защищаетъ не только области, находящіяся у нея въ тылу, но, пока она не разбита, и вообще всю окружающую страну. Отдѣленіе отъ нея какихъ-либо отрядовъ для охраненія можетъ

быть весьма бережливое и при оборонѣ, разъ только операціи между главными силами начались.

Далѣе, мы видѣли, что наступленіе ищетъ движенія; слѣдовательно, обороняющійся рѣдко можетъ разсчитывать быть атакованнымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ занялъ позицію и приготовился къ бою; такіе случаи могутъ имѣть мѣсто только при особенно выгодныхъ географическихъ условіяхъ. Такимъ образомъ обороняющемуся придется подумать и о собственныхъ движеніяхъ и приготовиться къ быстрому перемѣщенію своихъ силъ съ одного пункта на другой. Поэтому онъ не долженъ никогда быть привязанъ къ одной только коммуникаціонной линіи, а долженъ имѣть возможность легко мѣнять ее. Но такъ какъ онъ обыкновенно оперируетъ въ собственной странѣ и такъ какъ въ западной и средней Европѣ въ настоящее время всюду существуетъ сравнительно густая желѣзно-дорожная сѣть, то ему не трудно будетъ это сдѣлать.

Но и бой не долженъ быть подготовленъ въ одномъ только мѣстѣ; главные опорные пункты должны находиться и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ атакующій можетъ появиться и гдѣ обороняющійся долженъ быть быстро готовъ. Въ этомъ отношеніи Франція сдѣлала много. Ея сѣверо-восточныя провинціи можно разсматривать, какъ отдѣльный, прекрасно подготовленный театръ войны. Гдѣ на этомъ театрѣ появятся полевыя арміи, тамъ съ самаго начала войны, между существующими уже верками, выростутъ въ теченіе одной ночи полевыя укрѣпленія.

Такъ какъ инициатива дѣйствій принадлежитъ наступающему, то обороняющійся, естественно, рискуетъ опоздать своимъ прибытіемъ на рѣшительномъ пунктѣ. Поэтому для него является необходимость задержать движенія непріятеля. Достигнуть этого возможно контръ-нападеніями во время производства непріятелемъ наступленія; но такія предпріятія всегда трудны. Они требуютъ очень точныхъ свѣдѣній о противникѣ и хладнокровной умѣренности начальника, который не увлекся бы первоначальнымъ успѣхомъ и не зашелъ бы слишкомъ далеко. Контръ-нападенія поражаютъ своею неожиданностью и въ началѣ имѣютъ, большею частью, успѣхъ; но если атакующій не потерялъ головы, то онъ скоро-

откроетъ ихъ цѣль, измѣнитъ свои взгляды, соберетъ свои силы и приступитъ немедленно къ рѣшенію. Слѣдовательно, слишкомъ далекое контръ-наступленіе можетъ легко привести къ сраженію тамъ, гдѣ его ищетъ атакующій и гдѣ обороняющійся не желалъ его и къ нему не приготовился. Этимъ дѣло обороны уже на половину проиграно. Менѣе опасна попытка замедлить движеніе противника занятіемъ угрожающихъ фланговыхъ позицій. Пока обороняющійся съ главною массою своихъ силъ спѣшитъ туда, гдѣ онъ предполагаетъ—рѣшится участь кампаніи, онъ часто въ состояніи занять отдѣльными частями подобныя фланговыя позиціи, чтобы впослѣдствіи притянуть ихъ еще прежде, чѣмъ онѣ будутъ серьезно атакованы.

Такимъ образомъ ясно, что обороняющемуся дѣйствительно никогда не слѣдуетъ, какъ это и приводятъ защитники обороны, ограничиваться только одной пассивной дѣятельностью; онъ долженъ вложить въ нее элементъ, стремящійся къ движенію и бою. Наконецъ, когда атакующій отбитъ и нужно напасть на него и нанести ему пораженіе, то этотъ элементъ долженъ получить господствующее значеніе. Тогда, слѣдовательно, наступила желанная минута совсѣмъ сбросить маску обороны и перейти въ наступленіе.

Разъяснивъ главныя свойства атаки и обороны, каждой въ отдѣльности, остается еще разсмотрѣть соединеніе этихъ обѣихъ формъ, которое многими спеціалистами почитается, какъ высшее проявленіе искусства.

Такъ какъ выгоды наступленія заключаются въ особенности въ движеніи, а оборона сильна боемъ, то явилось предположеніе, что наилучшій способъ дѣйствій есть стратегическое наступленіе, соединенное съ тактической обороной. Другими словами, нужно наступать въ непріятельскую страну и занять въ ней такіе пункты, которыхъ противникъ не можетъ допустить вырвать у себя, и такимъ образомъ принудить его къ бою, въ которомъ, однако, слѣдуетъ оставаться въ роли обороняющагося, предоставивъ противнику труднѣйшую и сопряженную съ большими потерями роль атакующаго. Наступательныя движенія съ оборонительными сраженіями легко выдумать, но очень трудно исполнить и они почти нигдѣ не встрѣчаются въ военной исторіи.

Мы уже раньше говорили, что въ настоящее время арміи, послѣ стратегическаго сосредоточенія, не могутъ сдѣлать сколько-нибудь значительнаго движенія впередъ безъ того, чтобы немедленно же не натолкнуться на сопротивленіе непріятеля. Такимъ образомъ при наступательныхъ движеніяхъ сейчасъ же необходимы и наступательные бои. Даже и тогда, когда наступающій дойдетъ до рѣшительныхъ пунктовъ, эти условія не перемѣнятся, такъ какъ если бы онъ захотѣлъ въ это время перейти къ оборонѣ и дать себя атаковать, то онъ возвратилъ бы противнику стратегическую свободу, которую онъ у него только-что съ такимъ трудомъ отнялъ; слѣдовательно, наступающій долженъ былъ бы пожертвовать собственной выгодой. Къ тому же, этотъ внезапный переходъ не останется безъ гибельнаго вліянія и на войска. Но, прежде всего, форма дѣйствій и выборъ времени для рѣшенія кампаніи не настолько находятся въ рукахъ главнокомандующаго, чтобы онъ могъ распоряжаться ими по собственному желанію. Какъ мелкіе бои, такъ и рѣшительныя битвы будутъ непосредственно развиваться изъ движеній. Поэтому совершенно естественно, что войска наступающаго атакуютъ, когда они находятъ передъ собою непріятеля. Затѣмъ бой распространяетъ свою притягательную силу на всѣ войска и большею частью уже невозможно предписывать имъ оборонительнаго образа дѣйствій.

Такимъ образомъ стратегическое наступленіе совершенно естественно влечетъ за собою и тактическое, и первое безъ второго немыслимо. Только тактическое наступленіе придаетъ стратегическому его значеніе, доканчиваетъ его и даетъ ему результаты; однимъ словомъ, стратегическое наступленіе сѣетъ, а тактическое собираетъ жатву. Даже самый слабый противникъ, стратегически стѣсненный со всѣхъ сторонъ, не признаетъ себя побѣжденнымъ раньше, чѣмъ попытаетъ свое счастье на полѣ битвы. Если бы наступающій пожелалъ здѣсь остановиться и захотѣлъ бы въ этотъ послѣдній критическій моментъ воспользоваться выгодами обороны, то это очень часто будетъ равносильно отказу отъ рѣшенія участи, ибо противникъ, находившійся до тѣхъ поръ въ положеніи отражающаго и выжидающаго, тѣмъ скорѣе останется таковымъ и въ послѣднюю минуту, которая обыкновенно не увеличиваетъ его надежды.

Конечно, могутъ случаться такія положенія, когда отчаяніе заставитъ обороняющагося перенти къ тактическому наступленію и когда оборона выпадаетъ на долю наступавшаго до тѣхъ поръ противника. Это можетъ, напримѣръ, имѣть мѣсто, когда обороняющійся запертъ въ большомъ укрѣпленномъ пунктѣ, и нужда заставляетъ его предпринимать попытки къ освобожденію. Въ эту минуту облагающій противникъ обращается даже въ обороняющагося, который можетъ подготовить свою оборону. Такъ случилось съ германцами подъ Мецомъ и Парижемъ. Точно также желаніе спасти какой-нибудь рѣшающе-важный въ политическомъ отношеніи объектъ можетъ принудить стратегическую оборону къ перемѣнѣ роли и доставить такимъ образомъ наступленію случаи къ тактической оборонѣ. Когда зимой 1870—71 г. французамъ угрожало паденіе Парижа, а вмѣстѣ съ нимъ и прекращеніе сопротивленія во всей Франціи, то германцы имѣли возможность давать оборонительныя сраженія непріятельскимъ арміямъ, прибывавшимъ для выручки столицы. Но именно при этомъ выяснилось, какъ въ арміи, долгое время успѣшно наступавшей, силенъ активный духъ; и при этихъ условіяхъ германскія войска дрались почти вездѣ наступательно, и только тамъ, гдѣ необходимость этого требовала, они ограничивались обороной. Итакъ, *стратегическое наступленіе неразрывно съ тактическимъ.*

То же самое можно сказать и про стратегическую и тактическую оборону. Кто держался оборонительнаго образа дѣйствія при движеніяхъ, тотъ и на полѣ сраженія, въ большинствѣ случаевъ, будетъ принужденъ къ оборонѣ. Наступающій тѣснитъ его и переходитъ отъ наступательныхъ операцій къ бою, и для обороняющагося чрезвычайно трудно найти благопріятный моментъ, чтобы скинуть съ себя навязанное ему ярмо и, въ свою очередь, перестав быть наковальнею, сдѣлаться молотомъ. При этомъ ясно выказывается, какъ много значитъ, если одна сторона привыкла чувствовать себя подъ игомъ. Часто даже при превосходствѣ въ силахъ она не оставитъ роли обороняющагося и удовольствуется только порядочнымъ ея исполненіемъ. Французы въ сраженіи при Вионвилѣ, 16-го августа 1870 года, показали тому примѣръ. Они въ теченіе 12-ти дней находились въ стратегической оборонѣ, были

6-го и 14-го августа атакованы и чувствовали себя и въ новомъ сраженіи прикованными къ своей позиціи, несмотря на то, что они имѣли подавляющій численный перевѣсъ на своей сторонѣ. Та армія, которая способна къ крутому переходу отъ обороны къ наступленію, вообще не дастъ себя принудить къ оборонѣ и начнетъ съ самаго начала войну наступленіемъ. Правда, предполагается, что этотъ крутой переходъ долженъ имѣть мѣсто на полѣ сраженія, гдѣ, согласно программѣ правильной обороны, послѣ счастливаго отраженія должень послѣдовать контръ-ударъ. Хотя Моро при Гогенлиденѣ, Бюловъ при Денневицѣ и Наполеонъ при Дрезденѣ и Аустерлицѣ доказали, что переходъ отъ обороны къ наступленію возможенъ [1]), но эти примѣры исчезаютъ среди числа примѣровъ противнаго.

Гдѣ первоначальная оборона вызвана силою необходимости, тамъ армія, большею частью, и останется въ этой роли. Если даже противникъ и отбитъ, то, все-таки, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ исчезаетъ сомнѣніе, что онъ не вернется со свѣжими и большими силами, и что это отраженіе было окончательное. Почти всегда явится опасеніе, при необдуманномъ контръ-наступленіи, поставить на карту только-что пріобрѣтенный успѣхъ. Обороняющійся ограничится удержаніемъ своей позиціи, чтобы не потерять того, что вѣрно, и откажется отъ увеличенія своего успѣха, такъ какъ онъ, все-таки, одержалъ хоть одну побѣду. Къ тому же, онъ никогда и не почувствуетъ сразу, что нападающій отказывается отъ своихъ усилій. Въ этомъ убѣждаешься только постепенно и часто не раньше, какъ на слѣдующее утро, когда, къ собственному удивленію, находишь поле сраженія оставленнымъ непріятелемъ. Большія разстоянія въ настоящее время неомѣримо затрудняютъ уловить моментъ перелома сраженія [2]). По-

[1]) Впрочемъ, при Денневицѣ обороняющійся имѣлъ только въ виду дать своимъ силамъ время собраться, чтобы потомъ перейти въ наступленіе. При Аустерлицѣ же оборона была только кажущейся, такъ какъ атака была заранѣе рѣшена.

[2]) Какъ трудно при энергичномъ противникѣ, даже при большомъ численномъ превосходствѣ обороняющагося, опредѣлить моментъ, когда нужно перейти къ наступленію, доказала силезская армія при Лонѣ. Несмотря на успѣшныя нападенія Іорка и Клейста, въ ночь съ 9-го на 10-е марта 1814 г., на французское правое крыло, союзники, все-таки, не перешли 10-го марта къ всеобщему наступленію, которое уничтожило бы Наполеона.

этому на полѣ сраженія наступленіе только тогда послѣдуетъ оборонѣ, когда прибудутъ значительныя подкрѣпленія къ собственному фронту или крыльямъ, или даже, какъ при Ватерлоо и Кениггрецѣ, подкрѣпленія эти выйдутъ во флангъ противнику.

Прежде чѣмъ стратегическая оборона перейдетъ къ наступленію, произойдетъ перерывъ военныхъ дѣйствій, вытекающій изъ того, что первоначально наступавшій противникъ отъ истощенія силъ не будетъ въ состояніи продолжать своего наступленія, а обороняющійся освободится отъ чувства, что надъ нимъ господствуютъ, и окрѣпнетъ въ своемъ положеніи и въ силахъ. Такимъ образомъ перемѣна ролей подготовляется постепенно и задолго до своего осуществленія, хотя послѣднее и является неожиданно для наблюдающаго издали. Наполеоновская великая армія погибла еще при наступленіи въ Россію, но разрушеніе ея стало очевиднымъ только тогда, когда остатки ея начали отступленіе, а русскіе принялись ихъ преслѣдовать.

8. Раздѣленіе, соединеніе и маневрированіе.

„Всякое тѣсное скучиваніе большихъ массъ есть само по себѣ бѣдствіе. Оно оправдывается и предписывается только тогда, когда ведетъ непосредственно къ сраженію. Опасно раздѣлять собранныя массы въ виду непріятеля, а долгое пребываніе ихъ въ сборѣ—невозможно“.

„Хорошему управленію войсками предстоитъ трудная задача держать массы раздѣльно, сохраняя въ то же время возможность своевременнаго ихъ сосредоточенія“.

„Невозможно дать для этого какихъ-либо общихъ правилъ, задача будетъ каждый разъ различная“.

Мы ставимъ это руководящее основное положеніе въ началѣ этой главы и не будемъ пытаться его развивать, такъ какъ оно должно быть выведено изъ опыта. Разъ только начнутъ отрицать, что тѣсное скопленіе большихъ массъ войскъ есть зло, то многое, что можно сказать о раздѣленіи и соединеніи, теряетъ свое значеніе. Но кто сдѣлалъ хотя одну кампанію, тотъ знаетъ, какое удручающее состояніе ощущается всѣми при тѣсномъ сборѣ вои-

сковыхъ массъ, какъ при раздѣленіи все начинаетъ дышать свободнѣе и какъ каждая часть жаждетъ избавленія отъ этого ига, чтобы имѣть возможность свободно двигаться.

Не принимая даже совершенно во вниманіе такихъ несчастій, какъ заразительныя болѣзни, которыя среди тѣсно скученныхъ массъ, естественно, распространяются скорѣе, нежели среди раздѣленныхъ, мы разсмотримъ только обыкновенныя бѣдствія этихъ сборовъ. Скопленіе большихъ массъ ведетъ за собой недостатокъ мѣста для расположенія, ночи, проводимыя подъ открытымъ небомъ, быстрое истощеніе всѣхъ средствъ страны, недостатокъ воды [1]), остановка въ подвозѣ, невозможность отправки по переполненнымъ дорогамъ больныхъ и раненыхъ, порча дорогъ, особенно въ дурную погоду, столкновенія двигающихся взадъ и впередъ колоннъ и опустошеніе, распространяющееся, какъ отъ саранчи, тамъ, гдѣ пройдутъ сотни тысячъ людей; пыль, дымъ, запахъ гари наполняютъ атмосферу. Для передовыхъ войскъ это еще сносно. Но если это прохожденіе района продолжается два, три, четыре дня подъ рядъ, то послѣднія войска находятъ уже голую пустыню. Всего этого совершенно достаточно, чтобы считать такіе сборы неизбѣжнымъ зломъ.

„Прежде всего каждая армія хочетъ жить; она должна быть пить, отдыхать и имѣть возможность двигаться“. Это возможно только при раздѣленіи. Въ большомъ районѣ расположено больше жилыхъ мѣстъ, находится больше богатствъ, къ нему и изъ него ведетъ больше желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія, нежели въ тѣсномъ. Слѣдовательно, раздѣленіе войскъ должно быть сохранено какъ можно дольше. Сосредоточеніе войскъ со всѣми его дурными послѣдствіями должно начинаться съ того момента, когда уже нельзя дать для корпуса того пространства, которое мы въ главѣ о маршахъ признали необходимымъ. Только когда непріятель уже близокъ, слѣдуетъ стягивать войсковыя колонны для того, чтобы драться. При этомъ важно не вдаться въ обманъ и не ошибиться въ расчетѣ. Рѣшеніе задачи основывается на самыхъ простыхъ величинахъ: времени, пространствѣ, глубинѣ

[1]) Послѣдній былъ очень чувствителенъ въ 1870 г. въ окрестностяхъ Меца.

колонны и способности войскъ къ исполненію маршей. Но, какъ оно ни кажется просто, оно часто бываетъ безконечно трудно, потому что здѣсь еще дѣйствуютъ моральные факторы: быстрое рѣшеніе, ленность, твердость убѣжденій, не переходящая въ упрямство, и энергія въ приказаніяхъ и дѣйствіяхъ.

Если сраженіе предвидится еще во время марша, то необходимо позаботиться, чтобы длинныя походныя колонны стянулись къ головѣ, которая для этого должна остановиться, т. е. колонны должны свернуться въ резервный порядокъ или, какъ нѣмцы говорятъ, *разомкнуться* (Aufschliessen). Кромѣ того, притягиваются и тѣ части войскъ, которыя слѣдуютъ въ сторонѣ, по другимъ дорогамъ. Нѣмцы называютъ это сведеніемъ или *смыканіемъ* (Zusammenschliessen) арміи. Передъ большими, рѣшительными сраженіями съ главными силами непріятеля, въ послѣдніе дни передъ встрѣчей, обыкновенно происходитъ постепенное смыканіе колоннъ. Сосредоточеніе же колоннъ въ резервный порядокъ можетъ быть произведено или въ послѣдній день передъ сраженіемъ, если по каждой большой дорогѣ двигается не болѣе одного корпуса, или въ два или три послѣднихъ дня, если по дорогамъ двигается по два или по три корпуса, одинъ за другимъ.

Какъ извѣстно, глубина походной колонны германскаго армейскаго корпуса безъ обоза составляетъ круглымъ числомъ около трехъ миль [1]), и для перестроенія ея въ резервный порядокъ требуется отъ 5 до 6 часовъ, а съ обозами—вдвое, при чемъ голова колонны корпуса должна оставаться на мѣстѣ. Если же она должна продвинуться впередъ, то этимъ легко увеличить для заднихъ войскъ напряженіе свыше мѣры.

Часто колонна прошла уже нѣкоторое разстояніе, когда она наталкивается на непріятеля и является необходимость развернуться. Если пройдено 14 верстъ, то послѣднему батальону корпуса придется сдѣлать 35 верстъ, чтобы прибыть къ мѣсту боя. Поэтому, того непріятеля, который утромъ отстоялъ на 20 верстъ и самъ не подвигался впередъ, лучше не атаковывать въ этотъ день, а ограничиться только тѣмъ, чтобы головы колоннъ дошли до его позиціи. Только на слѣдующій день колонны перестраи-

[1]) При полной численности частей $22^1/_2$ версты.

ваются въ резервный порядокъ и атаковываютъ. Въ крайнемъ случаѣ можно начинать атаку и съ частью сосредоточенныхъ и развернутыхъ войскъ, тогда какъ другая часть подойдетъ во время сраженія. Но тогда приходится отказаться отъ одновременнаго употребленія всей массы, а это всегда составляетъ невыгоду.

Изъ этого же слѣдуетъ и обратный выводъ—что можно избѣжать столкновенія съ непріятелемъ, если разстояніе до него болѣе 20-ти верстъ. Если головы его колоннъ въ теченіе ночи отстоятъ на 15 верстъ, то отступающему достаточно сдѣлать самому еще столько же, чтобы избѣгнуть возможности всякаго серьезнаго столкновенія съ противникомъ въ этотъ день, такъ какъ переднимъ войскамъ непріятеля пришлось бы предварительно пройти въ этотъ день 30 верстъ, а заднимъ даже 50 верстъ, прежде чѣмъ они дошли бы до перепесенной назадъ позиціи. Но такихъ людей, которые сдѣлали переходъ въ 50 верстъ, нѣчего бояться, такъ какъ они израсходовали свои силы. Кромѣ того, такой маршъ продолжится такъ долго, что наступитъ уже слѣдующая ночь, если только непріятель не выступилъ до разсвѣта и не возложилъ на себя двойной тягости. Зимой же, при худыхъ дорогахъ, глубокомъ снѣгѣ и рано наступающей темнотѣ, достаточно сравнительно гораздо меньшее разстояніе, чтобы сдѣлать невозможнымъ энергичное нападеніе непріятеля.

Чтобы этотъ расчетъ оказался вѣрнымъ на практикѣ, необходимо, однако, чтобы съ того мѣста, гдѣ войска стояли утромъ, движеніе назадъ могло бы совершаться свободно. Для этого нужно располагать достаточнымъ количествомъ дорогъ или отступать широкимъ фронтомъ. При этомъ играетъ роль и величина отрядовъ. Напримѣръ, если мы имѣемъ одинъ сосредоточенный корпусъ и онъ долженъ отступать по одной дорогѣ, то для этого ему потребно еще отъ пяти до шести часовъ для предварительнаго вытягиванія въ походную колонну [1]). Если непріятель былъ отъ насъ въ одномъ переходѣ и началъ свое наступленіе одновременно съ нашимъ перестроеніемъ, то головы его колоннъ застанутъ еще наши послѣднія части въ моментъ выступленія, и

[1]) Полковникъ Блуме считаетъ, какъ на переходъ въ 21 версту, такъ и на вытягиваніе колонны, по 5 часовъ.

безъ боя имъ не уйти. Если же при отступающемъ корпусѣ находится еще его обозъ, который нужно вывести на путь отступленія и отправить раньше, то весь корпусъ будетъ задержанъ, ибо, такъ какъ глубина этой колонны обозовъ равняется суточному переходу, то корпусъ вообще будетъ еще выжидать на мѣстѣ, когда противникъ уже нагрянетъ.

Конечно, всего вышесказаннаго нельзя принимать строго ариѳметически; рѣдко корпуса бываютъ всецѣло въ сборѣ; по большей части отъ нихъ отдѣляютъ нѣкоторыя войска. Обозъ никогда не бываетъ при корпусѣ весь, потому что постоянно часть его оставляется въ болѣе далекомъ разстояніи. Только въ исключительныхъ случаяхъ приходится ограничиваться одной дорогой; нужно, чтобы это было длинное дефиле, или гать, или горный проходъ, которыми мы принуждены пользоваться.

Но эти примѣры выясняютъ, на что надо обратить вниманіе при соображеніи маршей Они учатъ, что корпусовъ нельзя двигать, какъ фигуръ на шахматной доскѣ, и что, кромѣ времени и пространства, потребнаго для перемѣщенія отдѣльной части отъ одного пункта къ другому, надо еще принять въ расчетъ и время, необходимое на то, чтобы войска до боя сосредоточились или, обратно, перестроились въ походную колонну. Понятно также, что между двумя большими враждебными другъ другу массами, сошедшимися на близкое разстояніе, всегда будетъ дѣйствовать извѣстная притягательная сила, какъ между желѣзомъ и магнитомъ. Такъ какъ одинъ корпусъ можетъ уже помѣшать отступленію другого, если послѣдній находится отъ него въ суточномъ переходѣ или менѣе и, слѣдовательно, долженъ уже принять нѣкоторыя оборонительныя мѣры, то вообще можно сказать, что большія массы войскъ, сойдясь на такое близкое разстояніе, обыкновенно не расходятся безъ боя. Поэтому его надо имѣть въ виду съ самаго начала. Только пока еще оба противника эшелонированы по дорогамъ на полную походную глубину, такъ что на слѣдующее утро всѣ части отступающей стороны могутъ выступить съ ночлеговъ одновременно, послѣднія не будетъ настигнута и возможно избѣжать боя.

При значительной глубинѣ походной колонны невозможно

въ одинъ день сосредоточить двухъ корпусовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по одной дорогѣ; если бы въ головѣ колонны перваго корпуса завязался бой, то заднимъ войскамъ второго придется сдѣлать, по меньшей мѣрѣ, два сильныхъ перехода, прежде чѣмъ они прибудутъ на поле сраженія [1]). Гораздо легче собрать два корпуса, слѣдующіе по двумъ параллельнымъ дорогамъ, хотя бы эти дороги и были отдалены другъ отъ друга на цѣлый переходъ, такъ какъ простой ариѳметическій расчетъ показываетъ, что послѣдній солдатъ въ обоихъ корпусахъ долженъ сдѣлать не больше 30-ти верстъ, чтобы вступить въ бой, загорѣвшійся въ головѣ одной изъ колоннъ. Даже если и три корпуса двигаются по тремъ параллельнымъ шоссе, отстоящимъ другъ отъ друга на 20 верстъ, то и тогда они могутъ быть сосредоточены къ головѣ средней колонны въ одинъ день, и только если бы нужно было собраться къ одной изъ фланговыхъ колоннъ, то понадобилось бы два дня. Если же бы три корпуса слѣдовали по одной дорогѣ, то для сосредоточенія ихъ къ головѣ первой потребовалось бы не менѣе трехъ дней [2]). Фельдцейхмейстеру Бенедеку въ 1866 г. понадобилось бы для сосредоточенія своей большой колонны даже четыре дня. Понятно, что легче всего собрать нѣсколько корпусовъ въ одномъ мѣстѣ, если они двигаются по дорогамъ, сходящимся въ этомъ пунктѣ. Армія, утромъ занимавшая фронтъ длиною въ 40 слишкомъ верстъ по прямой линіи, можетъ быть собрана въ продолженіе того же дня на полѣ сраженія, отстоящемъ отъ середины ея фронта на 20 верстъ, если только передъ тѣмъ корпуса были расположены квартирно-бивачно или биваками и если каждый изъ нихъ имѣетъ особую дорогу, ведущую къ этому пункту. Простое геометрическое построеніе показываетъ, что въ этомъ случаѣ самый отдаленный солдатъ долженъ былъ бы сдѣлать не болѣе 30-ти или 35-ти верстъ, а

[1]) Мы при этомъ постоянно беремъ корпусъ безъ полнаго обоза, такъ какъ бо́льшую часть послѣдняго можно временно устранить.

[2]) Затрудненія въ употребленіи войскъ, происходящія отъ большой глубины колоннъ, должны быть тѣмъ болѣе тщательно разсматриваемы и изучаемы при военной игрѣ, полевыхъ поѣздкахъ и проч., что на маневрахъ мирнаго времени, когда при войскахъ почти нѣтъ обоза и части находятся сами только въ половинномъ составѣ, эти затрудненія почти не сказываются.

подобное напряженіе всегда можетъ быть потребовано отъ людей, когда выстрѣлы призываютъ. Стягиваніе арміи, конечно, облегчается, если она была расположена не на прямой линіи, а по дугѣ вокругъ избраннаго мѣста. Кениггрецкое сраженіе представляетъ прекрасный примѣръ этого.

Вечеромъ 30-го іюня 1866 года обѣ германскія арміи, вторгнувшіяся въ Богемію двумя отдѣльными массами, были расположены на разстояніи только одного сильнаго перехода другъ отъ друга: одна у Гичина, а другая на верхней Эльбѣ, отъ Арнау до Градлица. Такъ какъ австрійцы въ этотъ же день начали отступленіе къ Кениггрецу, то соединеніе прусскихъ армій въ одномъ пунктѣ дѣлалось возможнымъ. Но отъ этого отказались добровольно и только сблизили эти арміи немного, такъ что 2-го іюля онѣ, занимая дугу длиною въ 35 верстъ, отъ Смидара черезъ Милетинъ, Кениггинофъ до Градлица, остановились вокругъ противника, тѣсно собравшагося за р. Быстрицей, къ сѣверо-западу отъ Кениггреца. 3-е іюля блестящимъ образомъ доказало, что изъ этого расположенія всѣ войска могли своевременно сосредоточиться на Кениггрецкихъ поляхъ. Звучавшее въ свое время еще чѣмъ-то еретическимъ, выраженіе Шарнгорста, что никогда не слѣдуетъ располагаться концентрически, а драться концентрически всегда, было въ этомъ случаѣ вѣрно понято и мастерски приведено въ исполненіе. Если бы всѣ прусскія войска были соединены у Милетина и Горзица, то изъ этого болѣе тѣснаго пространства вело бы и гораздо менѣе дорогъ по направленію къ непріятелю, такъ что 3-го іюля пришлось бы двигать корпуса другъ за другомъ по одной дорогѣ и такимъ образомъ опять потерять преимущество болѣе тѣснаго сосредоточенія, заключающагося въ одновременномъ употребленіи всѣхъ силъ; часть войскъ, вслѣдствіе слишкомъ большой глубины немногихъ колоннъ, не поспѣла бы во-время на поле сраженія. *Большія массы войскъ легче собрать смыканіемъ, нежели сосредоточеніемъ колоннъ, а наиболѣе легко это исполнимо при направленіи отдѣльныхъ ихъ частей соотвѣтственно широкимъ фронтомъ по дорогамъ, сходящимся въ избранномъ пунктѣ.*

Это обстоятельство требуетъ вниманія при *маневрированіи*. Однако, прежде всего опредѣлимъ, что мы понимаемъ подъ сло-

вомъ „маневрированіе“. Времена, когда Массенбахъ думалъ силою маневровъ заставить непріятеля отступить, прошли. Какъ и Клаузевицъ, мы болѣе не цѣнимъ тѣхъ полководцевъ, которые хотятъ побѣждать, не проливая крови. Какой болѣе или менѣе сильный противникъ испугается угрозъ? Одни только маневры, безъ боя, произведутъ на насъ впечатлѣніе кажущихся сраженій театральныхъ героевъ. Несмотря на ихъ грозные жесты, мы не дрожимъ за жизнь ни одного изъ нихъ, такъ какъ знаемъ, что ихъ мечи тупы. Въ своей рѣчи въ честь принца Генриха, брата великаго короля, Массенбахъ хотѣлъ поставить незабвенный памятникъ своему герою словами: „Смѣлыми маршами льстилъ онъ счастью; счастливѣе, чѣмъ Цезарь при Диррахіумѣ, болѣе великій, чѣмъ Конде при Рокруа, равный безсмертному Бервику, одерживалъ онъ побѣду безъ боя“. Но для нашихъ ушей эта фраза звучитъ, какъ весьма сомнительная похвала. Побѣды, одержанныя безъ боя, имѣютъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока слабый противникъ дѣйствуетъ весьма трусливо. Мы же понимаемъ подъ словомъ маневрированіе не „искусные“ и даже не „смѣлые“ марши, а согласованныя движенія, которыя всегда имѣютъ цѣлью въ опредѣленномъ мѣстѣ напасть съ превосходными силами на непріятеля, чтобы уничтожить его. Каждый маневръ долженъ вести къ выгодному бою. Черезъ это слово теряетъ свое невинное значеніе.

То обстоятельство, что войсковыя массы обыкновенно легче собирать путемъ смыканія, нежели путемъ сосредоточенія колонны въ резервный порядокъ, приводитъ насъ, прежде всего, къ разбору *охватовъ* (Umfassungen) [1]).

Охватывающія операціи получили большее значеніе, благодаря тому естественному обстоятельству, что въ послѣднихъ войнахъ къ нимъ прибѣгала всегда болѣе сильная сторона. Къ этому вело большее протяженіе собственнаго фронта, вслѣдствіе большей численности боевыхъ массъ или чувства большей безопасности и силы, вытекавшаго изъ способности начальниковъ и войскъ. Слабѣйшій будетъ всегда стараться держать свои массы

[1]) Авторъ этого сочиненія не дѣлаетъ различія между понятіями объ *обходѣ* (Umgehung) и *охватѣ* (Umfassung).

Прим. редактора.

гѣпѣе и будетъ опасаться разъединенія, необходимаго при охватывающемъ наступленіи.

Самое большое преимущество охватывающихъ движеній состоитъ въ томъ, что при удачномъ выполненіи они ведутъ къ тому, что ставятъ на полѣ сраженія непріятельскую армію или часть ея между двухъ огней. Шарнгорстъ говорилъ: „Войска, атакованныя болѣе, чѣмъ съ одной стороны, можно считать побѣжденными". Хотя эту фразу и нельзя считать безусловно вѣрной, но она, все-таки, основана на той истинѣ, что тотъ изъ противниковъ, на котораго наступаютъ съ нѣсколькихъ сторонъ, будетъ принужденъ дѣйствовать эксцентрически, что раздробляетъ, а слѣдовательно и ослабляетъ его силы, тогда какъ противникъ дѣйствуетъ концентрически и выигрываетъ въ силѣ.

Дальнѣйшія преимущества охватывающихъ операцій, помощью отдѣльныхъ самостоятельныхъ войсковыхъ единицъ, связаны съ расширеніемъ въ пространствѣ. Прежде всего ускоряется изготовленіе боевыхъ силъ; ихъ можно съ мѣста собирать въ отдѣльныя группы; къ двумъ или тремъ пунктамъ идетъ больше желѣзныхъ дорогъ, нежели къ одному. Затѣмъ движеніе войскъ весьма облегчается возможностью пользоваться бо́льшимъ числомъ дорогъ; для продовольствованія и размѣщенія войскъ является больше жилыхъ мѣстъ и больше наличныхъ средствъ страны; соединеніе у цѣли тоже идетъ скорѣе. Угрозы отрѣзать противника отъ сообщеній дѣлаются возможнѣе и сильнѣе; перспектива, что въ случаѣ неудачи его могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишить и путей спасенія и средствъ къ существованію, должна его сильно безпокоить.

Если нельзя охватить непріятеля съ обоихъ фланговъ, то стараются охватить обыкновенно наиболѣе чувствительный. Общая обстановка даетъ возможность опредѣлить, правый ли это, или лѣвый, и только именно его охватъ можетъ принести успѣхъ. Въ виду различныхъ обстоятельствъ, иногда достаточно простого обхода, чтобы заставить непріятеля отказаться отъ своихъ плановъ и отступить. Но рѣдко одно только направленіе угрозы произведетъ достаточный эффектъ, если одновременно съ тѣмъ не грозитъ серьезная опасность и цѣлому объекту. Обходъ

стоявшей на р. Заале прусской арміи, въ октябрѣ 1806 года, произвелъ потому такое удручающее впечатлѣніе, что при этомъ неожиданно былъ потерянъ находившійся въ тылу арміи, у Наумбурга, большой магазинъ. Извѣстіе объ этомъ быстро проникло всюду, значеніе потери сдѣлалось каждому понятнымъ, и такимъ образомъ распространилось гибельное мнѣніе, что армія побѣждена прежде, чѣмъ началея рѣшительный бой.

Охватъ обоихъ фланговъ, если онъ только предпринятъ съ достаточными силами, всегда произведетъ свое дѣйствіе; онъ грозитъ непріятелю полнымъ окруженіемъ и лишеніемъ всякой свободы; вдали поднимается, какъ страшный призракъ, картина неравнаго боя и позорнаго плѣна. Большею частью положительная опасность подобнаго положенія преувеличивается, но на войнѣ воображаемыя бѣдствія, вслѣдствіе ихъ моральнаго впечатлѣнія, легко превращаются въ дѣйствительныя.

Основная опасность, грозящая охватамъ, та же, которая свойственна всѣмъ операціямъ, стремящимся раздѣленными частями достигать одной и той же цѣли: непріятель можетъ воспользоваться временнымъ раздѣленіемъ арміи и разбить ея отдѣльныя части, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ соединиться у цѣли.

Опасность эта безспорно существуетъ, но она значительно уменьшается условіями, при которыхъ совершается охватъ. Первымъ такимъ условіемъ является лепость всего движенія; цѣль дѣйствій находится въ серединѣ и видна каждому. Всѣ начальники отдѣльныхъ частей знаютъ, что они только энергичнымъ наступленіемъ могутъ содѣйствовать успѣху всего предпріятія; этимъ гарантируется единство дѣйствій и устраняется возможность уклоненій. Принцъ Фридрихъ Карлъ, предпринимая свое охватывающее наступленіе противъ арміи генерала Шанзи у Ле-Манса, 6-го января 1871 года, указалъ каждому корпусу только ту дорогу, по которой онъ долженъ былъ наступать. Скоро начали встрѣчать непріятеля, и отдѣльно слѣдующимъ колоннамъ пришлось выдерживать съ нимъ бои, не имѣя возможности непосредственно помочь другъ другу. Между тѣмъ 8-го января было отдано приказаніе по арміи, въ которомъ предписывалось неуклонно продолжать наступленіе; оно оканчивалось слѣдую-

щими словами: „Въ предстоящемъ наступленіи общей руководящей точкой зрѣнія должно служить, что чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе отдѣльныя колонны продвинутся впередъ къ Ле-Мансу, въ тѣмъ болѣе затруднительное положеніе должны понасть разрозненные непріятельскіе отряды, находящіеся еще между нашими путями движенія.“ Сущность концентрическихъ охватывающихъ операцій ведетъ за собою, что каждая колонна своимъ собственнымъ успѣхомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуетъ и успѣху прочихъ; чѣмъ ближе онѣ сходятся, тѣмъ, естественно, дѣйствительнѣе ихъ взаимная поддержка. Послѣднія все болѣе и болѣе приближается къ совмѣстной дѣятельности на полѣ сраженія.

Но для того, чтобы все удалось, необходимъ искусный выборъ цѣли. Она должна быть согласована съ мѣстной сѣтью дорогъ такъ, чтобы направленіе главныхъ путей вело бы каждый корпусъ естественнымъ образомъ къ избранному пункту. Если оперируютъ по направленію къ какому-нибудь большому городу, какъ это было, напримѣръ, при Ле-Манѣ, то это обыкновенно такъ и будетъ, такъ какъ значительные населенные пункты служатъ центрами большихъ путей сообщенія. Кромѣ того, необходимо быть увѣреннымъ въ самостоятельной и цѣлесообразной дѣятельности низшихъ начальниковъ, даже въ случаѣ неполученія ими своевременно приказаній свыше; при затрудненныхъ сношеніяхъ между главнокомандующимъ и отдѣльными колоннами это обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Къ тому же, пунктъ соединенія не долженъ лежать слишкомъ глубоко въ занятомъ непріятелемъ районѣ, иначе грозитъ опасность встрѣтить сосредоточивающагося уже противника еще раньше достиженія этого пункта.

Когда прусская главная квартира предписала, 22-го іюня 1866 года, вступленіе въ Богемію, то она назначила своимъ тремъ арміямъ, растянутымъ у Дрездена, Герлица и Нейссе на пространствѣ 280 верстъ, сборнымъ пунктомъ окрестность Гичина. Фельдцейхмейстеръ Бенедекъ въ это время уже наступалъ съ сосредоточенной массой своихъ войскъ изъ Моравіи къ верхней Эльбѣ, чтобы, бросившись между отдѣльными группами прусской арміи, разбить ихъ по одиночкѣ. Тѣмъ не менѣе, искусно соображенное соединеніе, все-таки, удалось. Несмотря на то, эта операція прус-

саковъ подверглась рѣзкой критикѣ. Одинъ писатель школы Жомини выразился такъ: „Начало кампаніи показываетъ смѣлое пренебреженіе пруссаковъ къ основнымъ законамъ военнаго искусства!“ Другой говоритъ: „Пруссія безъ всякой надобности проходила по краю пропасти, и достаточно было одного удара ея противника, чтобы низвергнуть ее туда. Этого удара не послѣдовало. Только истинное чудо сохранило Пруссію отъ пораженія, которое при тѣхъ обстоятельствахъ должно было бы привести къ ужаснѣйшей катастрофѣ.“ Подобныя вещи еще въ самое недавнее время повторялись въ французской военной литературѣ. Но если разсмотрѣть повнимательнѣе всѣ условія, то совершенно теряется впечатлѣніе безъ необходимости вызванной игры счастья, какое производятъ движенія прусскихъ войскъ на посторонняго наблюдателя. Передъ началомъ движенія австрійцы стояли между городами: Вейскирхенъ, Вильденшвертъ, Гроссъ-Мезеричъ и Лунденбургъ, въ Богеміи. Для сосредоточенія въ этомъ пространствѣ требовалось отъ 9 до 10 дней, а при перенесеніи сборнаго пункта на верхнюю Эльбу, какъ это на самомъ дѣлѣ и случилось, срокъ этотъ увеличивался до 13 дней. Если выступленіе началось 18-го іюня, то вся австрійская армія могла только 30-го собраться на верхней Эльбѣ. Отъ Дрездена и Нейссе до Гичина прусскимъ войскамъ нужно было сдѣлать, самое большое, 8 переходовъ; слѣдовательно, и они могли вполнѣ окончить свое сосредоточеніе къ 30-му числу. До этого дня они могли встрѣтить только отдѣльные австрійскіе корпуса, но никакъ не всю армію. Но даже не соединившіяся еще прусскія арміи, силою въ 125 и 140 тысячъ человѣкъ, превосходили въ численности отдѣльныя части австрійской арміи. „Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о необдуманномъ предпріятіи.“ Достаточнымъ ручательствомъ успѣха служилъ именно вѣрный выборъ цѣли, которой достигнуть было еще возможно прежде, нежели тамъ будетъ находиться главная масса непріятеля. „Конечно, тогда нельзя было такъ опредѣленно знать положенія австрійской арміи, какъ въ настоящее время; предполагали—но ошибочно—бо́льшую часть ея сосредоточенной въ сѣверной Богеміи; можно было встрѣтить большія затрудненія въ условіяхъ мѣстности, *но вѣдь кто хочетъ на войнѣ все*

вполнѣ обезпечить, тотъ, вообще, навряд ли когда-либо достигнетъ цѣли“ [1]).

Время опасности охватывающихъ операцій, большею частью, ограничивается только немногими днями, когда отдѣльныя колонны уже слишкомъ близки, чтобы безъ ущерба общему дѣлу уклониться отъ боя съ превосходнымъ противникомъ, но съ другой стороны, еще настолько удалены, что не могутъ оказать поддержки другъ другу.

Если одна изъ колоннъ и разбита, то она не исчезаетъ съ театра войны. Современная дѣйствительность оружія и характеръ боя затрудняютъ такія быстрыя и окончательныя пораженія, какъ, напримѣръ, понесенное Олсуфьевымъ 10-го февраля 1814 года, когда Наполеонъ бросился между отдѣльными частями силезской арміи. Потерпѣвшая неудачу колонна можетъ, оправившись, опять начать преслѣдовать противника, если онъ оставитъ ее и устремится на другую. Такимъ образомъ она, все-таки, еще будетъ въ состояніи облегчить наступленіе прочимъ колоннамъ.

Конечно, охватывающія операціи требуютъ равномѣрно искуснаго управленія всѣми отдѣльными колоннами. Роль главнокомандующаго ограничивается только выборомъ цѣли и указаніемъ общихъ основныхъ положеній; во всемъ прочемъ онъ долженъ вполнѣ положиться на предусмотрительность и энергію корпусныхъ командировъ, которымъ необходима большая самостоятельность. Поэтому не всякой арміи удастся счастливо исполнять искусные охваты и концентрическія операціи.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для противодѣйствія охвату остается, какъ и прежде, бой. Онъ сзываетъ бойцовъ съ обѣихъ сторонъ. Маневры прекращаются; начинается сборъ къ полю сраженія, и если здѣсь только удастся избѣгнуть тактическаго окруженія, то обыкновенно прекращается и стратегическое. Прекрасный примѣръ этого представляютъ операціи, происходившія незадолго до и послѣ сраженія при Іенѣ и Ауэрштедтѣ. Наполеонъ совершенно охватилъ прусаковъ и саксонцевъ, расположенныхъ за р. Заале, при Іенѣ и Веймарѣ. 12-го октября 1806 г. его кавалерія заняла Наумбургъ; 13-го въ немъ и

[1]) Militair-Wochenblatt. 1867 г. № 18.

въ Кезенѣ стоялъ маршалъ Даву съ цѣлымъ корпусомъ. Дорога къ Эльбѣ—прямое сообщеніе прусской арміи со столицей и съ сердцемъ государства—была отрѣзана. Но въ этотъ день исчезло послѣднее сомнѣніе въ томъ, что вся прусская армія еще стоитъ за р. Заале. Наполеонъ сейчасъ же сдѣлалъ всѣ распоряженія для сраженія, котораго онъ такъ искалъ. Обойтись безъ корпуса Даву нельзя было, и потому онъ получилъ приказаніе двинуться изъ Кезена въ западномъ направленіи, чтобы выйти пруссакамъ въ тылъ въ то время, какъ главныя силы французской арміи должны были атаковать противника съ фронта, по направленію на Іену и Дорнбургъ. При такомъ положеніи сторонъ послѣдовало двойное сраженіе 14-го октября. Охватъ произвелъ свое дѣйствіе въ томъ смыслѣ, что распространилъ въ прусской арміи всеобщее смятеніе, но сраженіе прекратило его.

Маршалъ Даву долженъ былъ отказаться отъ выгоднаго по направленію къ Эльбѣ пространства. Французская армія стояла не далеко отъ полей сраженій, тогда какъ прусская армія двигалась всю ночь. Если пути отступленія вначалѣ выбирались несчастливо, то въ послѣдующіе дни они, все-таки, могли еще быть измѣнены. Клаузевицъ доказываетъ, что для прусской арміи еще 15-го и 16-го октября было возможно отступленіе на Виттенбергъ и Дессау и дорога къ Берлину была открыта [1]). Недоставало только достаточной разсудительности, чтобы воспользоваться этимъ.

Очень рѣдко случается, что непріятель производитъ охватъ только серединою своего фронта, при чемъ, слѣдовательно, нужно предполагать, что болѣе кружный обходъ совершаютъ отдѣльные сосѣдніе корпуса. Но только въ этомъ случаѣ сраженіе и не отвратитъ окруженія. Очень часто для послѣдняго достаточно только одной рѣшительной остановки на избранной позиціи. Когда французы, послѣ пораженія 6-го августа 1870 года, начали отступать отъ границы, главныя силы ихъ, уходившія къ Мецу, были охвачены II-й германской арміей, наступавшей на Понтъ-а-Муссонъ,

[1]) Конечно, мы французовъ могли быть и другія, чѣмъ принятыя дѣйствительно. Напряженія, предшествовавшія двойному сраженію, давали себя и имъ чувствовать.

и III-й, двигавшіеся на Нанси, въ то время какъ I-я армія преслѣдовала ихъ съ тыла. На французскомъ Нидѣ французы, однако, остановились, и нѣмецкіе кавалерійскіе разъѣзды, вечеромъ 10-го августа, донесли, что они стоятъ тамъ, готовые принять сраженіе. Дѣйствительное значеніе этой остановки было очень невелико, такъ какъ позиція на р. Нидѣ была уже 11-го августа оставлена и французы опять продолжали отступленіе, что 12-го числа стало извѣстнымъ германцамъ черезъ ихъ лазутчиковъ. Между тѣмъ первыя приготовленія для измѣненія направленія II-й арміи на линію Фолькемонъ-Верны уже были сдѣланы, и французы, простоявъ долѣе на р. Нидѣ, могли бы освободиться отъ общаго охвата, такъ какъ сквозь кавалерію и авангарды II-й арміи, которые, можетъ-быть, и продолжали бы наступленіе къ западу, можно было при дальнѣйшемъ отступленіи насильно пробить себѣ дорогу. Въ одномъ изъ высшихъ штабовъ былъ уже поднятъ вопросъ о присоединеніи части III-й германской арміи. Если бы бои передъ Мецомъ были упорнѣе со стороны французовъ, то было бы пріостановлено и охватывающее движеніе этой арміи. Примѣръ этотъ тѣмъ болѣе поучителенъ, что въ данномъ случаѣ охватъ былъ необыкновенно сильный; онъ производился цѣлыми арміями, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ это исполняется только передовыми или фланговыми корпусами.

Слѣдовательно, кто на войнѣ во время движенія чувствуетъ себя охваченнымъ, тотъ сдѣлаетъ самое лучшее, если онъ быстро принудитъ противника къ бою. Сраженіе стягиваетъ всѣ силы къ одному мѣсту, ибо значеніе его для исхода войны слишкомъ велико, чтобы атакующій захотѣлъ лишить себя сильныхъ частей арміи только изъ любви къ своимъ охватывающимъ маневрамъ.

Итакъ, если наибольшая сила атакующаго и заключается въ сильныхъ, охватывающихъ маневрахъ, то и обороняющійся не безоруженъ противъ нихъ; рьяностными объѣздами онъ можетъ создать очень сильное сопротивленіе.

Въ какомъ направленіи должна развиться эта дѣятельность обороняющагося, вполнѣ зависитъ отъ обстоятельствъ; она будетъ различна, смотря по тому, совершается ли охватъ одного или обоихъ фланговъ.

Въ первомъ случаѣ нападеніе въ данную минуту быстро собранными массами на охватывающую, болѣе опасную часть противника есть самое простое средство. Если даже этотъ ударъ и не удастся, то онъ, все-таки, помѣшаетъ исполненію этого маневра и этимъ возвратитъ охваченному свободу. Неудача будетъ гораздо чувствительнѣе при атакѣ фронтально наступающей части арміи противника, такъ какъ въ такомъ случаѣ обходъ могъ безпрепятственно продолжаться и тиски сожмутся еще болѣе. Правда, при благополучномъ исходѣ въ этомъ направленіи можно достигнуть бо́льшихъ результатовъ вслѣдствіе того, что одна часть непріятельской арміи была бы разбита, а другая была бы отрѣзана отъ первой и отъ своихъ естественныхъ сообщеній.

При обходѣ обоихъ фланговъ задача противодѣйствія гораздо болѣе затрудняется; часто и здѣсь ударъ на одинъ изъ непріятельскихъ фланговъ можетъ еще дать дѣлу благопріятный оборотъ. Если бы фельдцейхмейстеръ Бенедекъ предчувствовалъ, что́ ему предстоитъ въ сѣверной Богеміи, и если бы вслѣдствіе этого онъ пошелъ отъ Ольмюца на Нейссе, противъ германскаго крайняго лѣваго фланга, то хотя онъ этимъ, можетъ-быть, и не выигралъ бы кампаніи, но перенесъ бы поля первыхъ сраженій изъ Богеміи въ Силезію. Однако, для подобныхъ предпріятій нужна не только большая рѣшительность, но также и соотвѣтственное положеніе съ самаго начала. Бенедекъ при Ольмюцѣ не находился еще внутри дуги, образованной прусскими войсками, но противъ головы одного изъ фланговъ ея. Разъ находишься въ серединѣ круга, дѣло освобожденія значительно затрудняется, тѣмъ болѣе что въ этомъ положеніи обыкновенно уже выражается большой перевѣсъ противника въ численности и хорошихъ качествахъ. Наступленіе противъ его центра хотя и дастъ надежду разрѣзать непріятеля на двѣ части, которыя при обходномъ движеніи бросаютъ свои сообщенія, но съ другой стороны угрожаетъ опасность, что кругъ тѣмъ временемъ сомкнется и собственная армія можетъ внутри его быть раздавлена.

При такихъ обстоятельствахъ обороняющійся нерѣдко находитъ спасеніе для себя въ многократномъ употребленіи однѣхъ и тѣхъ же силъ противъ различныхъ враговъ: онъ атакуетъ то на-

право, то налѣво и энергичными ударами держитъ силы непріятеля разрозненными. Такимъ образомъ онъ наноситъ противнику цѣлый рядъ отдѣльныхъ пораженій, дѣйствіе которыхъ въ суммѣ равняется генеральному сраженію. Такъ дѣйствовалъ Наполеонъ въ февралѣ 1814 года. И Фридрихъ былъ одинъ и той же арміей сначала французовъ при Росбахѣ, а потомъ австрійцевъ при Лейтенѣ. Оба полководца пользовались съ большимъ успѣхомъ такъ называемыми *внутренними линіями* [1]). Но если вообще говорятъ о преимуществахъ послѣднихъ, то это невѣрно, ибо общее положеніе части, находящейся на внутреннихъ линіяхъ, почти всегда очень критическое. Таково было и положеніе Фридриха осенью 1757 года и Наполеона въ февралѣ 1814 г. Преимущество это можетъ быть допущено только въ томъ смыслѣ, что положеніе было бы еще болѣе критическимъ, если вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ не было бы даже возможности двигаться взадъ и впередъ между различными непріятельскими группами. Армія, запертая противникомъ около крѣпости, тоже находится на внутреннихъ линіяхъ, однако она не находитъ своего положенія выгоднымъ.

Для успѣшнаго исполненія передвиженія между раздѣленными массами противника прежде всего необходимы соотвѣтствующія разстоянія до нихъ. Если части непріятеля еще отстоятъ далеко, то будетъ очень трудно принудить которую-нибудь изъ нихъ къ бою безъ того, чтобы не потерять остальныхъ изъ вида и не дать имъ возможности безпрепятственно продолжать свой путь. Оставить ихъ безъ вниманія, безъ вреда для себя, можно только при очень непредпріимчивомъ противникѣ. Такъ поступилъ Фридрихъ въ 1757 году, когда онъ оставилъ въ сторонѣ австрійцевъ и направился противъ французовъ. Но вслѣдствіе этого и австрійцы, несмотря на всю свою медленность, захватили Силезію съ Бреславлемъ, и Фридриху пришлось ее потомъ вновь отвоевывать. Если же разстоянія

---

[1]) Генералъ Жомини опредѣляетъ ихъ такъ: «*Внутренними операціонными линіями* называются такія, которыми армія пользуется, чтобы противостать нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ противника, по которымъ даютъ такое направленіе, чтобы можно было различные корпуса сближать и связать ихъ движенія прежде, чѣмъ непріятель въ состояніи противопоставить имъ бо́льшую массу войскъ».

отъ частей противника слишкомъ малы, то невозможно разбить одну изъ отдѣльныхъ частей безъ того, чтобы другія не поспѣшили ей на помощь. Въ ту минуту, когда это совершается, преимущество движенія по внутреннимъ линіямъ обращается въ невыгоду быть охваченнымъ тактически на полѣ сраженія. Такимъ образомъ успѣшное пользованіе внутренними линіями требуетъ такихъ среднихъ разстояній, при которыхъ еще возможно нанесеніе удара одной изъ частей непріятеля прежде, чѣмъ ее поддержатъ другія, которыхъ, однако, не надо упускать изъ вида. Если отдѣльныя группы непріятеля находятся отъ обороняющагося менѣе, чѣмъ на два полныхъ перехода, то нужно считать за правило, что ихъ нельзя уже разбить въ одиночку. Этимъ очень ограничивается удобное время для дѣйствій по внутреннимъ линіямъ. При слишкомъ раннемъ наступленіи грозитъ опасность сдѣлать безполезнымъ ударъ по воздуху; при слишкомъ позднемъ—можно во время боя попасть между непріятельскими частями, надвигающимися со всѣхъ сторонъ. Эти соображенія чрезвычайно затрудняютъ рѣшеніе. Къ тому же, если противникъ какъ слѣдуетъ пользуется своей кавалеріей, то очень рѣдко можно будетъ выяснить себѣ, которую изъ частей слѣдуетъ атаковать раньше всѣхъ; между тѣмъ ясность при быстрыхъ дѣйствіяхъ вдвое необходима. Только тѣ полководцы, которые обладаютъ большой рѣшимостью, могутъ пользоваться съ успѣхомъ внутренними линіями. Нерѣшительные начинаютъ колебаться; недостатокъ увѣренности въ безошибочномъ выборѣ момента или непріятеля затормозитъ его предпріятія уже въ самомъ началѣ. Даже Мармонъ, духовный творецъ блестящихъ наполеоновскихъ операцій между раздѣленными группами силезской арміи, ранѣе наступленія для французскаго оружія ряда счастливыхъ дней, съ 10-го до 15-го февраля 1814 года, счелъ благопріятную минуту упущенною и отговѣтывалъ. Слѣдовательно, и онъ только задумалъ бы предпріятіе, но не исполнилъ бы его, а между тѣмъ Мармонъ былъ превосходный военачальникъ. Изъ первоначальнаго намѣренія наступать въ рѣшительный моментъ съ полною энергіею по внутреннимъ линіямъ, въ случаѣ когда этотъ моментъ не найденъ или упущенъ, получается въ конечномъ результатѣ переходъ къ оборонѣ и предварительное занятіе *центральной позиціи*. Послѣ-

дили тогда приписывают, что, занявъ таковую, можно одинаково хорошо отразить противника, въ какомъ бы онъ направленіи ни поступилъ, и что впослѣдствіи можно съ тѣми же шансами на успѣхъ перейти въ наступленіе. Но такая слава весьма сомнительна. Обыкновенно войска занимаютъ центральныя позиціи вслѣдствіе неизвѣстности обстановки или, еще чаще, по нерѣшительности полководца. Такимъ образомъ, большею частью, практическое значеніе пріобрѣтаетъ только вторая выгода, именно, что можно съ одинаковымъ удобствомъ ударать въ любомъ направленіи.

Къ вышеизложеннымъ, существовавшимъ и прежде, затрудненіямъ при пользованіи внутренними линіями нужно еще прибавить особыя причины, появившіяся въ настоящее время.

Оперирующему по внутреннимъ линіямъ приноситъ пользу только полная побѣда на полѣ сраженія, такъ какъ преслѣдованіе въ этомъ случаѣ обыкновенно невозможно, въ виду прочихъ частей непріятельской арміи. Выше мы уже говорили, что нельзя болѣе разсчитывать на возможность короткимъ боемъ уничтожить непріятеля. Къ тому же, Фридрихъ и Наполеонъ дѣйствовали въ тѣ времена, когда самостоятельность отдѣльныхъ высшихъ начальниковъ не была такъ распространена и развита, какъ въ настоящее время; тогда скорѣе можно было разсчитывать побѣдой надъ одной колонной встревожить остальныя и разстроить всѣ мѣры противника. Въ настоящее время это невозможно, такъ какъ нужно быть готовымъ встрѣтить со стороны всѣхъ непріятельскихъ генераловъ мощное и энергичное стремленіе къ центру обхватываемаго пространства. Огромная величина современныхъ армій также увеличиваетъ затрудненія при пользованіи внутренними линіями, требующими быстрыхъ соединеній и скорыхъ передвиженій войскъ. Это было мыслимо исполнить, имѣя подъ командой одинъ или два корпуса, а не десять или двѣнадцать. Такія массы требуютъ большей свободы движеній, нежели при подобной обстановкѣ имѣется.

Преимущество операцій по внутреннимъ линіямъ заключается въ томъ, что части войскъ находятся другъ отъ друга въ болѣе близкомъ разстояніи, вслѣдствіе чего увеличивается вліяніе главнокомандующаго. Онъ держитъ войска больше въ своихъ рукахъ,

нежели его охватывающій или концентрически наступающій противникъ. При подобной обстановкѣ равномѣрно-хорошее низшее управленіе войсками не столь необходимо для успѣха. Одного или двухъ искусныхъ генераловъ, выставленныхъ противъ тѣхъ наступающихъ непріятельскихъ группъ, за которыми временно ограничиваются только наблюденіемъ или охраненіемъ, будетъ достаточно. Наполеонъ нуждался при Монмиралѣ и Шато-Тьерри только въ помощи Мармона, чтобы удерживать Блюхера въ то время, какъ онъ разбивалъ Сакена и Іорка. Но тѣмъ больше становятся требованія отъ верховнаго вождя. Большая и быстрая рѣшительность, крайне сильная энергія и смѣлый рискъ только одни ведутъ къ побѣдѣ, когда находишься окруженнымъ сильными врагами.

Вообще, можно признать, что *трудно съ успѣхомъ обороняться, удерживая внутреннія линіи, нежели исполнить охватывающее или концентрическое наступленіе.* Конечно, эти разсужденія, приводящія къ такому заключенію, разсматриваютъ не отвлеченный случай, когда обѣ стороны равносильны, одинаково доблестны и одинаково хорошо руководимы, но такіе, какіе даетъ дѣйствительность, т. е. когда одна сторона, вслѣдствіе превосходства въ численности или въ сознаніи своей силы, становится способною къ обходамъ.

Если воюющія стороны при своихъ маневрахъ встрѣтятся параллельными фронтами, то все будетъ зависѣть отъ того, кто раньше остановится на рѣшеніи собрать на одномъ пунктѣ большія массы, искуснѣе подготовитъ его и энергичнѣе приведетъ въ исполненіе. Въ этомъ заключается единственное средство извлечь выгоду изъ движеній; остальное рѣшаетъ бой. При наступленіи на непріятельскій центръ, чтобы прорвать его, явится и здѣсь опасность быть охваченнымъ и вскорѣ увидѣть на своихъ собственныхъ флангахъ непріятельскіе корпуса, спѣшащіе на выстрѣлы. Поэтому, большею частью, будутъ ограничиваться меньшимъ успѣхомъ и сосредоточиваться и наступать противъ непріятельскаго фланга. Если послѣдній разбитъ, то останется еще возможность предпринять охватывающія операціи и противъ остальныхъ частей.

Наступленіе противъ стратегическаго фланга противника бу-

деть всегда имѣть ту большую выгоду, что оно принуждаетъ его къ быстрому сосредоточенію въ очень неудобномъ для него и непредвидѣнномъ направленіи. Приведенное нами, какъ примѣръ, наступленіе Бенедека отъ Ольмюца къ Нейссе произвело бы подобное же дѣйствіе; сосредоточеніе прусскихъ силъ, растянутыхъ еще между Дрезденомъ и Нейссе, не обошлось бы безъ затрудненій. Однако только какія-нибудь особенныя условія дѣлаютъ возможнымъ такое предпріятіе въ широкихъ размѣрахъ.

Оборонающемуся можетъ скорѣе когда-нибудь представиться случай напасть на флангъ противника, если онъ для этой именно цѣли заранѣе займетъ *фланговую позицію*, а непріятель проходитъ мимо. Конечно, кто чувствуетъ себя сильнымъ, тотъ не будетъ обращаться къ этому средству, предпочитая прямо загородить врагу дорогу; но слабѣйшій можетъ съ успѣхомъ прибѣгать къ нему. Представимъ себѣ, что мальчишки дерутся на улицѣ и побѣжденный спрячется за ближайшимъ угломъ, чтобы еще разъ напасть на побѣдителя сбоку, и мы получимъ картину фланговой позиціи. Правда, мы назвали бы это тактическою фланговою позиціею, но эту же картину легко перенести и въ болѣе широкія стратегическія условія. Фланговая позиція не преграждаетъ пути непріятелю, но находится подлѣ него и господствуетъ надъ нимъ. Когда Наполеонъ, въ первой половинѣ октября 1806 года, хотѣлъ проникнуть изъ Франконіи черезъ Гофъ, Шлейцъ и Заалфельдъ въ Саксонію, а прусская армія находилась за р. Заале у Іены, то послѣдняя занимала фланговую позицію. Клаузевицъ говоритъ объ этомъ: „Позиція за р. Заале была такой фланговой позиціей, какія весьма рѣдко встрѣчаются; она обѣщала превосходныя условія для сраженія". Къ этому онъ прибавляетъ слѣдующее: „Первое условіе для фланговой позиціи есть то, чтобы непріятель не могъ пройти мимо нея, не обративъ вниманія. Этому условію, вообще, весьма трудно удовлетворить, но въ этомъ случаѣ оно было вполнѣ соблюдено. Французы обладали для своихъ сообщеній такой узкой полосой между р. Заале и Богеміей и эти сообщенія, относительно этой рѣки, лежали такъ далеко въ сторонѣ, что они никакъ не могли идти далѣе, не отыскавъ прусской арміи за р. Заале. Второе условіе для фланговой позиціи заключается въ томъ, чтобы

она представляла большія выгоды и для самаго боя, такъ чтобы стоило труда занять ее. Долина р. Заале представляетъ глубокую лощину въ горной мѣстности, по которой непріятель могъ пройти только разъединенными колоннами. По лѣвому берегу рѣки тянется ровное, плодородное плато, весьма удобное для движеній прусскихъ войскъ. Въ то время, какъ небольшіе отряды занимали самую долину р. Заале и могли тамъ оказать сравнительно долгое сопротивленіе, остальныя наши войска могли изъ центральной позиціи устремиться на ту изъ частей французской арміи, атака которой обѣщала наибольше выгодъ [1]). Непріятель сражался тыломъ къ крутому обрыву р. Заале, едва имѣя необходимое пространство, чтобы развернуться; онъ дрался, имѣя въ тылу нейтральное королевство Богемію, а путь отступленія въ сторонѣ".

Сущность значенія фланговаго расположенія заключается въ томъ, что оно неожиданно для непріятеля принуждаетъ его развернуться для сраженія въ такомъ направленіи и на такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ этого не желалъ и гдѣ это ему, по всей вѣроятности, очень непріятно. Онъ долженъ оставить свой путь, отдѣляется вслѣдствіе этого отъ своихъ естественныхъ сообщеній и развертывается въ сторону, чтобы сражаться съ противникомъ при мало выгодной для себя обстановкѣ. Онъ какъ бы безсознательно совершаетъ фланговый маршъ, во время котораго его неожиданно прерываютъ. Предпринимая намѣренно подобный маршъ, дѣло заключается только въ томъ, чтобы въ виду непріятеля перейти съ одной дороги на другую, имѣющую въ общемъ то же направленіе; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ не отдѣляются отъ пути отступленія, тогда какъ, выстраивая фронтъ противъ непріятеля, занявшаго фланговую позицію, путь отступленія на долгое время отходитъ къ сторонѣ фланга. Поэтому послѣ неудачной атаки весьма трудно опять попасть на первоначальное направленіе.

Но для того, чтобы фланговыя позиціи оказывали дѣйствительное вліяніе, онѣ должны удовлетворять еще нѣсколькимъ усло-

[1]) Къ сожалѣнію, и здѣсь оправдалось то, что мы говорили о центральныхъ позиціяхъ вообще. Колебанія, когда и куда перейти къ наступленіе, продолжались до тѣхъ поръ, пока удобное для этого время не прошло и пока не рѣшились начать отступленіе, при которомъ непріятель напалъ и разбилъ на голову.

віямъ. Непріятель приближается довольно широкимъ фронтомъ: если онъ рано замѣтитъ фланговую позицію, то ему легко будетъ измѣнить направленіе головъ своихъ колоннъ и такимъ образомъ избѣжать главныхъ невыгодъ своего положенія. Хорошо, если фланговая позиція расположена такъ, что непріятель долженъ пройти мимо нея только по одной дорогѣ: это бываетъ, когда онъ только-что переправился черезъ большую рѣку и имѣетъ для отступленія только одинъ мостъ. При такихъ обстоятельствахъ перемѣна направленія будетъ для него особенно непріятна. Далѣе, фланговая позиція сама подставляетъ приближающемуся противнику свои собственныя фланги. Послѣдній долженъ быть естественно прикрытъ мѣстностью или настолько поданъ назадъ и скрытъ, чтобы непріятель не могъ его легко охватить. Наконецъ, препятствіе, которое фланговая позиція, ради собственной силы, должна имѣть передъ фронтомъ, не должно быть такого рода, чтобы оно исключало возможность самому перейти въ наступленіе, если непріятель пройдетъ мимо. Это надо всегда имѣть въ виду, ибо это можетъ случиться не только вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія, но и просто вслѣдствіе невнимательности противника.

Такая масса условій рѣдко можетъ быть выполнима, и потому такія дѣйствительныя фланговыя позиціи, какъ генерала Вердера близъ Везуля, на пути наступленія генерала Бурбаки къ Бельфору, въ январѣ 1871 г. и Османа-паши при Плевнѣ лѣтомъ 1877 г., на флангѣ перваго наступленія русскихъ черезъ Балканы, являются исключеніями.

Впрочемъ, и здѣсь рѣшаетъ дѣло не столько положеніе позиціи, сколько количество войскъ, занимающихъ ее. Слабый противникъ, гдѣ бы ни занялъ фланговую позицію, добьется только того, что непріятель отдѣлитъ часть своихъ войскъ для наблюденія за нимъ, а самъ преспокойно будетъ продолжать свое наступленіе къ избранной цѣли. Когда принцъ Фридрихъ Карлъ съ II-й арміей, 6-го января 1871 года, наступалъ къ Ле-Мансу, то на его лѣвомъ флангѣ, почти даже въ тылу, при С.-Амандѣ, появилась французская дивизія Куртена, которая, однако, по слабости своей не задержала операціи II-й арміи ни на одинъ день. Суть въ томъ, что ея не боялись.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выигрышѣ времени или гдѣ хотятъ сначала обнаружить до извѣстной степени намѣренія непріятеля, прежде чѣмъ самому принять рѣшительныя мѣры, тамъ можно временно пользоваться фланговыми позиціями: достигнувъ своей цѣли и заставивъ противника развернуться, оставляютъ ее до начала непріятельской атаки. Въ такомъ смыслѣ занялъ генералъ ф. Вердеръ позицію при Везулѣ. Дѣйствуя такимъ образомъ, пруссаки въ 1806 году, можетъ-быть, избавились бы отъ объятій Наполеона, а французы въ 1870 году на Нидѣ помѣшали бы обходному движенію германской арміи. Но при этомъ всегда придется выжидать до послѣдняго момента и, все-таки, не пропустить его, что легко случается незамѣтно. Слѣдовательно, подобныя дѣйствія заключаютъ въ себѣ всегда большой рискъ.

Впрочемъ, не только наступающій, въ виду фланговой позиціи, но и обороняющійся, занимая ее, долженъ будетъ отказаться отъ своихъ естественныхъ сообщеній. Если послѣдній захочетъ еще и самъ предпринять какіе-либо маневры изъ фланговой позиціи, то онъ долженъ обладать большою свободою и находиться въ собственной странѣ или въ такой части непріятельской, которая ему вполнѣ предана.

При всѣхъ маневрахъ на войнѣ существуетъ извѣстная зависимость отъ тѣхъ обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ, посредствомъ которыхъ армія получаетъ свое комплектованіе, пополняетъ свои боевые и продовольственные запасы, отправляетъ обратно своихъ больныхъ и раненыхъ, а также и отъ тѣхъ путей, по которымъ въ случаѣ несчастья къ ней можетъ прибыть помощь. Но эта зависимость отъ *коммуникаціонныхъ линій и естественнаго пути отступленія* не должна имѣть рѣшающаго вліянія при энергичномъ образѣ веденія войны. Придерживаться ея можно только до тѣхъ поръ, пока она не идетъ въ ущербъ собственнымъ положительнымъ намѣреніямъ, стремящимся къ уничтоженію непріятеля. Кто много говоритъ объ отступленіи, собираясь наступать, тому лучше оставаться дома. Кто побѣждаетъ, тотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обезпечиваетъ свои линіи сообщенія и отступленія, а побѣжденный достигаетъ ихъ часто даже при весьма трудныхъ обстоятель-

ствахъ, такъ какъ пораженіе окрыляетъ его шаги, тогда какъ побѣдитель торжествуетъ неподвижно на полѣ сраженія. При Цорндорфѣ русскіе, дерзкимъ маршемъ отъ Древницкой пустоши къ Кленицъ-Камину, обошли вокругъ лѣваго фланга прусской арміи и этимъ возвратили себѣ почти совершенно потерянный естественный путь отступленія къ родинѣ. Фридрихъ, послѣ пораженія при Гохкирхѣ, прошелъ сначала до Кленицъ-Баутцена между обоими флангами австрійцевъ, которые хотѣли его окружить, а потомъ онъ исполнилъ фланговый маршъ къ Герлицу, чтобы возстановить свои сообщенія. Итакъ, главнокомандующій долженъ смотрѣть болѣе впередъ, нежели оглядываться назадъ за помощью и путями спасенія.

Однако, неестественное направленіе жизненныхъ артерій собственной арміи, каковыми можно считать коммуникаціонныя линіи, никогда не бываетъ удобно. Лучше всего, если онѣ отходятъ перпендикулярно отъ середины занимаемаго арміей фронта; тамъ онѣ больше всего защищены отъ противника и легко могутъ быть достигнуты своими войсками. Сношенія имѣютъ непринужденное, простое направленіе, и противникъ, желая угрожать имъ, долженъ далеко обходить фланги арміи. Косое направленіе къ фронту менѣе удобно тѣмъ, что одному изъ фланговъ сообщеніе назадъ значительно труднѣе, а непріятелю съ одной стороны легче предпринять что-нибудь противъ сообщеній въ тылу. Наиболѣе неблагопріятно, если эти линіи примыкаютъ къ флангу или даже проходятъ въ параллельномъ къ фронту направленіи, такъ какъ тогда армія ихъ болѣе не прикрываетъ и для защиты требуются особыя мѣры. Послѣднія же безполезно отвлекаютъ силы. Лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ значительная масса войскъ будетъ принуждена пользоваться для своихъ сообщеній только одной линіей. Въ культурныхъ странахъ охотнѣе всего предоставляютъ каждому корпусу отдѣльную дорогу, по которой слѣдуютъ его обозы и всякаго рода подвозъ съ родины; она становится коммуникаціонной линіей, которая сохраняется на продолжительное время. Такимъ образомъ, при счастливыхъ условіяхъ и не слишкомъ большихъ арміяхъ, каждый корпусъ имѣетъ за собой жизненную артерію, которою онъ только одинъ и поль-

зуется [1]). Только при глубокомъ проникновеніи въ непріятельскую страну онѣ соединятся въ одну желѣзно-дорожную линію для всей арміи, ибо рѣдко найдется нѣсколько рельсовыхъ путей, ведущихъ въ одномъ направленіи.

Такъ какъ на тыловыхъ коммуникаціонныхъ линіяхъ происходитъ безпрерывное движеніе взадъ и впередъ и на нихъ располагаются ея различныя учрежденія, разсчитанныя на продолжительное пользованіе, то перемѣна ихъ—вещь не легкая. Во всякомъ случаѣ, она требуетъ значительнаго срока и поэтому во время движеній придется обратить на это вниманіе. Перекрещиваніе корпусовъ естественно ведетъ за собой и перекрещиваніе движенія на коммуникаціонныхъ линіяхъ, если этому не предпочитается совершенный обмѣнъ ихъ. Скрещиваніе обозовъ и транспортовъ вызываетъ всегда недоразумѣнія и столкновенія: измѣненіе порядка расположенія корпусовъ впереди стоящей арміи не всегда достаточно скоро и далеко извѣстно въ тылу, чтобы предупредить заблужденіе обозовъ. Если наступаетъ пауза въ движеніяхъ, то главнокомандующій долженъ, гдѣ это возможно, возстановить первоначальный порядокъ расположенія отдѣльныхъ частей арміи отъ одного фланга къ другому. Часто маневры представляютъ для этого удобный случай. Однако не слѣдуетъ боязливо придерживаться и считать себя связаннымъ первоначальнымъ порядкомъ: неудобства не суть еще серьезныя невыгоды. Въ сущности, войска въ настоящее время зависятъ отъ своихъ коммуникаціонныхъ линій только въ смыслѣ пополненія огнестрѣльныхъ припасовъ, которые, къ сожалѣнію, необходимо подвозить по желѣзной дорогѣ изъ отечества. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ господствуетъ большая свобода, и поэтому обходы, угрозы тылу и сообщеніямъ имѣютъ никогда не будутъ уже имѣть того вліянія, какъ прежде, когда значеніе ихъ бывало часто рѣшающимъ. Въ особенности простое, геометрическое пересѣченіе одной коммуникаціонной линіи не произведетъ никогда, или только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, впечатлѣнія.

---

[1]) Это соотвѣтствуетъ и административной самостоятельности корпуса, который долженъ заботиться о своемъ сохраненіи и который въ этомъ отношеніи получаетъ только самыя общія распоряженія изъ штаба арміи.

И для естественнаго пути отступленія перпендикулярное отъ середины фронта назадъ положеніе есть наиблагопріятнѣйшее, потому что войска, принужденныя къ отступленію, скорѣе всего выбираютъ это направленіе. Всякое другое, при затруднительности управленія войсками въ такія минуты, является неудобствомъ, хотя, какъ мы видѣли, и не такимъ, которое уже угрожало бы благу арміи. *Коммуникаціонныя линіи и пути отступленія могутъ совпадать, но ставить это непремѣннымъ условіемъ—нельзя.* Первыя соединяютъ армію съ первоначальными источниками ея силы, вторые ведутъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ въ данную минуту можно получить подкрѣпленіе.

Мѣстность при движеніяхъ войскъ играетъ менѣе значительную роль въ томъ смыслѣ, что ея особенности почти всегда вліяютъ одинаково на обѣ стороны. Мы обязываемся всюду, гдѣ движется обороняющійся, пройти и съ нашей арміей. Рѣшающимъ элементомъ здѣсь является дорожная сѣть. Большая война держится и большихъ путей сообщенія. Обороняющійся, который отступаетъ, можетъ, конечно, извлечь для себя пользу изъ мѣстности, разрушая мосты и шоссе. Когда генералъ ф. Шастровъ, 20-го декабря 1870 г., хотѣлъ пройти отъ Оксерра къ верхней Луарѣ, чтобы поддержать II-ю армію, то онъ нашелъ всѣ дороги до того разрушенными по хорошо обдуманному плану, что его предпріятіе казалось почти неисполнимымъ. Но подобная порча требуетъ много времени, а поверхностныя поврежденія въ настоящее время привыкли преодолѣвать. Чтобы въ отношеніи проходимости страны не остаться въ убыткѣ, атакующему лучше всего сильно тѣснить противника и преслѣдовать его безостановочно по пятамъ.

Широкимъ фронтомъ, распредѣливъ свои части по возможно большему числу дорогъ, начинаетъ современная масса войскъ свое движеніе. Гдѣ только возможно, раздѣляются еще и корпуса, пользуясь удобно-направляющимися боковыми дорогами. Къ тому пункту, гдѣ конница открываетъ двигающагося на встрѣчу или стоящаго на мѣстѣ непріятеля, стягиваются походныя колонны. Начинается маневрированіе. Одна сторона готовитъ обходъ или направляетъ массы противъ одного фланга или противъ фронта; про-

тивникъ отвѣчаетъ такими же средствами. Онъ избѣгаетъ охвата, мѣняетъ свое направленіе или свой фронтъ, занимаетъ фланговую позицію и покидаетъ ее, потому что ему кажется еще опаснымъ вступить въ бой. Его преслѣдуютъ; онъ уклоняется, но приходитъ все больше и больше въ боевыя соприкосновенія. Войска сближаются все тѣснѣе и тѣснѣе.

Желаніе доставить всевозможныя удобства становится неисполнимымъ. Обозы, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, должны оставаться назади; ихъ распредѣляютъ по такимъ пунктамъ, откуда ихъ можно впослѣдствіи легко притянуть. Теперь дороги за передними корпусами свободны; другіе корпуса могутъ слѣдовать по тому же направленію и имѣютъ возможность въ ожидаемомъ бою поддержать первые въ тотъ же день. Можетъ случиться, что по извѣстному числу дорогъ будутъ слѣдовать по одному и тому же направленію даже двѣ арміи. Передовой, можетъ-быть, пришлось совершить далекій обходъ; непріятель противодѣйствовалъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ это предполагалось; имѣющаяся еще резервная армія должна быть быстро двинута за нею, чтобы не потерять опять первоначальныхъ успѣховъ. Находящаяся впереди армія совершенно устраняетъ свои обозы изъ района наступленія поддерживающей; она отправляетъ ихъ къ дорогамъ, служащимъ тыловыми сообщеніями для фланговыхъ корпусовъ, и „эшелонируетъ" ихъ тамъ, откуда они все еще могутъ найти какой-нибудь путь къ своимъ корпусамъ. Если же нельзя болѣе разсчитывать на далекія движенія впередъ въ ближайшемъ будущемъ, то армія притягиваетъ ихъ совсѣмъ къ себѣ, опоражниваетъ провіантскія колонны въ магазины или въ подлежащія большей нагрузкѣ повозки, которыя состоятъ непосредственно при войскахъ, и отсылаетъ ихъ кружными путями назадъ. *Въ такія минуты оправдывается всякое средство, имѣющее цѣлью освободить дороги и доставить мѣсто для движенія войсковыхъ колоннъ.* Квартирно-бивачное расположеніе все болѣе и болѣе начинаетъ походить на бивакъ. Такое состояніе, конечно, не можетъ долго продолжаться. Разъ стороны сошлись такъ близко, онѣ уже не расходятся безъ боя.

Бой разбиваетъ узелъ. Побѣжденный старается уйти; побѣдитель хочетъ его снова настигнуть. Но для этого, чтобы удобнѣе

подвигаться впередъ, онъ долженъ опять распредѣлять свои массы по болѣе широкому району, гдѣ онъ могутъ найти больше дорогъ. Обозы и колонны подтягиваются: войска после лишенія послѣднее время.—надобно ихъ теперь размѣстить по болѣе широкимъ квартирамъ. Но вотъ непріятель успѣлъ еще разъ оправиться и остановился. Опять слѣдуетъ сосредоточеніе, опять битва!

Такимъ образомъ движенія войскъ представляютъ безпрерывное разъединеніе и сосредоточеніе. Для обоихъ необходимо уловить соотвѣтствующій моментъ: начавъ сосредоточеніе слишкомъ рано, можно быть принужденнымъ опять разъединиться, или въ тѣсномъ пространствѣ и по немногимъ дорогамъ продолжать дальнѣйшее движеніе. Но тогда теряется преимущество именно этого сосредоточенія, вслѣдствіе новаго растягиванія фронта или слишкомъ большой глубины походныхъ колоннъ. Кто черезчуръ долго остается въ сборѣ, тотъ забываетъ, что и жизнь арміи требуетъ пространства. Кто слишкомъ поздно начинаетъ свое сосредоточеніе или слишкомъ рано опять разъѣзжается, тотъ подвергается опасности быть разбитымъ по частямъ. Дать какихъ-либо законовъ для соединенія движеній и боя невозможно. Самые простые маневры—самые лучшіе; дѣло не въ томъ, чтобы выказать свое искусство, а въ томъ, чтобы разбить врага. Внимательное изученіе карты съ циркулемъ въ рукѣ есть лучшее средство для рѣшенія этой задачи. Бой требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ; но при этомъ надо всегда имѣть въ виду, что великое сосредоточеніе сопряжено съ большими затрудненіями и лишеніями для войскъ, что при этомъ не хватаетъ помѣщенія для отдыха и жизненныхъ припасовъ, а болѣзни находятъ удобную для себя почву. Поэтому разъединенію должно быть отдано предпочтеніе, но оно должно сохранять возможность единства дѣйствій у цѣли.

На войнѣ важно не совмѣстное пребываніе силъ, а ихъ совмѣстное дѣйствіе.

9. Бой.

Если Клаузевицъ изображаетъ стратегическое положеніе прусской арміи въ октябрѣ 1806 года въ ея фланговой позиціи за р. Заале, какъ выгодное, а наступленіе Наполеона между р. Заале

и богемской границей, какъ очень рискованное, то невольно возникаетъ вопросъ.—вслѣдствіе какой же причины Императоръ попалъ въ такія условія и какимъ онъ образомъ вышелъ изъ нихъ даже побѣдителемъ? Отвѣтъ простъ. *Онъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ въ бою при всякихъ обстоятельствахъ.* Бо́льшая численность, боевая опытность и ловкость его войскъ, довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ давали ему увѣренность, что онъ, гдѣ бы и какъ бы ни произошло столкновеніе, долженъ, въ концѣ концовъ, выйти побѣдителемъ. Подобное чувство необыкновенно облегчаетъ стратегическія рискованныя предпріятія. Хотя бы путь отступленія и лежалъ въ сторонѣ, или въ тылу находилась чужая граница или рѣка, хотя бы пришлось сражаться съ неправильно развернутымъ фронтомъ и коммуникаціонныя линіи отходили бы неудобно,—*всѣ эти недостатки не имѣютъ значенія, если только мы сильнѣе непріятеля на полѣ сраженія.* Преобладающее значеніе боя въ веденіи войны вытекаетъ изъ всѣхъ опытовъ, изъ исторіи каждой кампаніи.

Мы здѣсь будемъ разсматривать не какое-нибудь опредѣленное сраженіе, а сраженіе вообще, т. е. бои, чтобы ближе изслѣдовать его сущность.

„L'arme à feu c'est tout, le reste ce n'est rien!" гласитъ одно изъ выраженій Наполеона, про котораго часто говорили, что онъ искалъ свою силу въ штыковой атакѣ большихъ массъ. Когда подумаешь, что въ настоящее время ружья наносятъ еще значительный вредъ съ разстоянія болѣе, чѣмъ въ 1500 шаговъ, а орудія съ двойной и тройной дистанціи, то исчезаетъ сомнѣніе въ вѣрности приведеннаго выше выраженія. Современныя сраженія рѣшаются большими, одновременно брошенными на непріятеля, массами пуль и снарядовъ. Выраженія—покрывать мѣстность свинцомъ или расчистить поле снарядами—нѣсколько сильны, но они приблизительно вѣрно передаютъ сущность дѣла. Тамъ, гдѣ нынче загорается сильный и близкій бой, никто не можетъ долго простоять прямо и открыто или даже верхомъ. Только тѣ, кому надоѣла жизнь, могутъ на это рискнуть, потому что смерть, какъ извѣстно, не беретъ тѣхъ, которыя ея ищутъ. Плашмя лежащія на землѣ, густыя и длинныя стрѣлковыя цѣпи посылаютъ

нимче другъ другу въ пѣхотномъ бою цѣлыя тучи пуль до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не сдастъ. Опыты съ митральезами служатъ символомъ современнаго способа боя. Было бы желательнѣе всего имѣть машины, которыя безпрестанно сыпали бы пули, какъ сѣялки—жерла. Несмотря на это, легенда о штыковыхъ атакахъ, которую Суворовъ мѣтко формулировалъ въ выраженіи „пуля — дура, а штыкъ — молодецъ", имѣетъ еще и въ настоящее время свой глубокій смыслъ. Огнестрѣльное оружіе наноситъ непріятелю потери, а штыкъ, т. е. энергичное стремленіе впередъ, увеличиваетъ своимъ ужасомъ впечатлѣніе потерь. Объ эти формы должны идти рука объ руку, ибо дѣло идетъ не столько объ истребленіи непріятельскихъ бойцовъ, сколько объ уничтоженіи ихъ мужества. Побѣда одержана, какъ только удалось вселить въ противника убѣжденіе, что его дѣло проиграно. Но этого убѣжденія, несмотря на весь ужасъ свинцоваго дождя, онъ никогда не пріобрѣтетъ, если долго остается въ томъ же почтительномъ отдаленіи отъ него. Движеніе же впередъ доказываетъ ему, что противникъ не дастъ себя удержать огнемъ отъ намѣренія добраться до него. Опасность начинаетъ ему угрожать непосредственно. Если наконецъ наступаетъ послѣдняя, рѣшительная перебѣжка, для которой нѣтъ болѣе промежуточной остановки, то непріятель въ большинствѣ случаевъ сочтетъ себя побѣжденнымъ и отступитъ. Эту перебѣжку называютъ штыковымъ ударомъ, хотя обыкновенно штыкъ тутъ мало работаетъ [1]). *Его все еще неодолимая сила заключается въ томъ внушеніи противнику убѣжденія, что часть, обладающая энергіею наступать подъ смертоноснымъ огнемъ, тѣмъ скорѣе будетъ имѣть энергію, въ случаѣ необходимости, истребить его холоднымъ оружіемъ, если онъ не отступитъ.* Страхъ смерти прогонитъ его тогда.

Въ русской арміи до сихъ поръ еще существуетъ ученіе о чудесной силѣ штыка. Если выдающіеся писатели при этомъ проповѣдуютъ штурмъ сомкнутыми частями, то ученіе заходитъ слишкомъ далеко. Атака сомкнутыми частями можетъ быть употреблена только еще при тѣхъ условіяхъ, когда огонь, смятеніе или

[1]) Въ бояхъ за мѣстные предметы—въ деревняхъ и лѣсахъ, гдѣ бойцы неожиданно сталкиваются, штыкъ еще идетъ въ употребленіе.

недостатокъ кругозора парализ овываетъ противника. Конечно, въ густомъ лѣсу или ночью лучше наступать въ колоннахъ, нежели вести безполезный стрѣлковый бой. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ надобно размыкаться. Атака цѣпью показываетъ и большую храбрость, потому что при этомъ отдѣльный человѣкъ самостоятельнѣе и не такъ увлекается цѣлымъ, нежели въ сомкнутомъ строю. Не сила догмата, а сила всего воспитанія части высказывается въ томъ, способна ли она къ рѣшительной штыковой атакѣ, или нѣтъ.

Но размыканіе никогда не должно слишкомъ рано начинаться. Часть, разсыпавшаяся въ стрѣлковыя цѣпи, выходитъ изъ рукъ; господство надъ нею начальниковъ значительно уменьшается и управленіе ею затруднительно. Сомкнутый батальонъ можно еще по командѣ двигать и поворачивать во всѣ стороны, тогда какъ съ ротою, разсыпанною въ цѣпь, нельзя этого сдѣлать, хотя она и въ четыре раза менѣе батальона. Толчокъ къ дальнѣйшему наступленію дается обыкновенно прибывающими свѣжими войсками; рѣшеніе идти впередъ исходитъ, большею частью, отъ начальниковъ, а послѣдніе господствуютъ еще вполнѣ только надъ сомкнутыми частями, которыя и являются орудіями ихъ воли. Въ первый періодъ кампаніи 1870 г. германскія войска, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дальнобойными ружьями, часто дѣлали попытки наступать сомкнутыми частями до той дистанціи, съ которой можно было открыть дѣйствительный огонь изъ ихъ нольчатыхъ винтовокъ, и только тогда размыкали ряды и разсыпали стрѣлковыя цѣпи. Но такое обыкновеніе неизбѣжно сопровождалось большими потерями, такъ какъ германская пѣхота должна была проходить сотни шаговъ подъ градомъ снарядовъ, не имѣя сама возможности послать противнику хоть одинъ. Въ такомъ положеніи французы пользовались полнымъ спокойствіемъ и стрѣляли хорошо. Однако германцы скоро нашли средство помочь дѣлу: они начали высылать впередъ очень рѣдкія и длинныя цѣпи, которыя перехватывали огонь, дозволяя тѣмъ остальнымъ наступать съ меньшими потерями. Въ послѣднее время кампаніи стали также хорошенько выжидать подготовку огнемъ артиллеріи. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ

побѣдоносно и съ малыми потерями всѣхъ такія атаки, которыя, предпринятыя въ августѣ при Вертѣ, Шихеритѣ или Мецѣ, стоили бы многихъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ. Такъ, напримѣръ, атаковалъ 5-й армейскій корпусъ въ первый день сраженія подъ Орлеаномъ высоты Шиллеръ-о-Буа и 9-й корпусъ при штурмѣ плато д'Овуръ при Ле-Манѣ. Другихъ, какъ такихъ простыхъ средствъ для уменьшенія потерь, нѣтъ надобности имѣть и для будущаго, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ въ вооруженіи пѣхоты главнѣйшихъ арміи существуетъ почти полное однообразіе. Кто слишкомъ много думаетъ о томъ, какъ бы уменьшить потери, тотъ разучивается переносить и неизбѣжныя.

Какъ близко можно подойти къ непріятелю, прежде чѣмъ разомкнуться, зависитъ отъ мѣстности и отъ другихъ особыхъ условій. Такъ какъ для того, чтобы подвинуть стрѣлковъ впередъ, почти всегда нуженъ толчокъ сомкнутой части, то первоначальныя разстоянія до позиціи противника не должны быть такъ велики, чтобы приходилось чаще останавливаться, нежели возможно вливать въ цѣпь новыя силы. Къ тому же, при наступленіи разомкнутыхъ стрѣлковыхъ массъ черезъ хлѣбъ, кустарникъ, лѣсъ, сады и деревни, многое отпадаетъ, потому что офицеры не могутъ имѣть за ними такого наблюденія, какъ въ сомкнутомъ строю. Уже на этомъ основаніи нужно избѣгать проходить слишкомъ большія пространства разомкнутымъ строемъ. Держаться здѣсь мѣры весьма полезно.

Въ послѣднее время пытаются возвратить себѣ полное господство надъ стрѣлковыми цѣпями, такъ сказать упорядочить существующій безпорядокъ. Этого хотятъ достигнуть большимъ сгущеніемъ ихъ. Современныя стрѣлковыя цѣпи уже весьма похожи на прежнія длинныя пѣхотныя линіи временъ Фридриха, съ тою только разницею, что онѣ не наступаютъ парадномъ шагомъ и стрѣляютъ лежа, а не стоя. Онѣ потеряли также то строгое равненіе и примѣняются къ мѣстности, доставляющей имъ прикрытіе и выгоду [1]). Но затѣмъ пытаются, подобно тому, какъ

[1]) Однако даже и въ настоящее время часто встрѣчаются любители военной красоты, которые возстаютъ противъ этого, и такимъ образомъ совершается круговое движеніе, которое, въ конецъ концовъ, возвращаетъ насъ къ временамъ

цѣлое столѣтіе назадъ. снова управлять огнемъ посредствомъ команды. Однако рѣшеніе этой задачи теперь еще менѣе мыслимо. чѣмъ прежде. такъ какъ разброска людей. шумъ и трескотня бѣглаго огня увеличились. человѣческій голосъ заглушается и возбужденіе боя болѣе чѣмъ когда-либо плѣняетъ вниманіе. сознаніе и разумъ.

Желаніе держать въ своихъ рукахъ расходованіе боевыхъ припасовъ естественно, потому что при недостаточной бережливости пополненіе ихъ можетъ оказаться затруднительнымъ. Часть же, разстрѣлявшая свои патроны, есть въ эту минуту только мертвая сила [1]). Къ тому же, совершенно правильно, что при данной мѣткости оружія разсчитываютъ, на основаніи теоріи вѣроятности. попасть въ далекую цѣль массовымъ огнемъ, а не выпусканіемъ отдѣльныхъ выстрѣловъ лучшими стрѣлками. Такимъ же образомъ. въ виду невозможности точно опредѣлять разстоянія до цѣли, стрѣльба съ различной установкой прицѣла, съ намѣреніемъ обсыпать пулями извѣстное пространство. въ которомъ непріятель навѣрно находится, кажется болѣе цѣлесообразной. нежели стрѣльба съ одной общей установкой прицѣла. Кромѣ того, одновременно выпущенная масса пуль допускаетъ въ началѣ боя возможность легко опредѣлить дѣйствіе огня, такъ что. испытавъ различныя дальности, можно найти и дѣйствительную. Но успѣхъ подобныхъ стараній никогда не бываетъ вѣренъ, и было бы иллюзіей предполагать. что въ современномъ бою возможно по командѣ пользоваться массою людей. какъ большою. живою митральезою. дѣйствіе которой можно по желанію направить то туда, то сюда. Эта возможность даже и при упражненіяхъ мирнаго времени только кажущаяся, потому что мыслительный аппаратъ простолюдина работаетъ слишкомъ медленно для того.

Мольтке. Правда, себя утѣшаютъ тѣмъ, что подобныя вещи мыслимы только на маневрахъ мирнаго времени и на войнѣ сами собою отпадаютъ. Но при этомъ умаляютъ силу привычки, которая со временемъ можетъ изъ невѣрной игры **сдѣлать неповоротливость въ серьезномъ случаѣ.**

[1]) Опытъ послѣднихъ большихъ сраженій до сихъ поръ, однако, подтвердилъ только то, что принимаемыя мѣры для пополненія боевыхъ припасовъ совершенно еще **достаточны для частныхъ случаевъ. Общаго же недостатка не пришлось испытать.**

чтобы онъ могъ въ промежутокъ времени между указаніемъ цѣли и командой „пли!“ вѣрно направить свой взглядъ и оружіе [1]). Онъ слышитъ только звукъ команды, стрѣляетъ въ первый появившійся клубъ дыма и большею частью только послѣ него даетъ себѣ отчетъ, кому собственно предназначалась пуля. Вѣдь случается и съ развитымъ человѣкомъ, привыкшимъ быстрѣе мыслить, что онъ слышитъ что-нибудь и, все-таки, переспрашиваетъ говорившаго, и, прежде чѣмъ послѣдній можетъ это повторить, уже самъ знаетъ, въ чемъ дѣло. И здѣсь тому причина медленная передача слуховыхъ ощущеній головному мозгу. А что уже трудно внѣ всякой опасности — будетъ невозможно при дикомъ возбужденіи боя. Поэтому приходится удовлетворяться очень небольшою частью достигнутаго дѣйствія. Начальники могутъ имѣть извѣстное опредѣленное вліяніе на массу при открытіи огня, и нѣкоторая часть его остается при дальнѣйшей стрѣльбѣ. Затѣмъ солдаты учатся не только цѣлить, но и обдумывать возможность или невозможность успѣха стрѣльбы. Такимъ образомъ въ будущихъ бояхъ можно будетъ болѣе прежняго разсчитывать, что снопы снарядовъ будутъ направлены на важнѣйшіе пункты. Такъ какъ послѣдніе гораздо менѣе видны атакующему, который уже при движеніи беретъ направленіе на опредѣленныя цѣли, и у него болѣе сознаются вѣми, чѣмъ у обороняющагося, то изъ этого слѣдуетъ, что *большое заблужденіе предполагать, что нынѣ выгоды стрѣлковаго боя находятся исключительно на сторонѣ послѣдняго.*

---

[1]) Получаемые, часто поразительно-хорошіе, результаты упражненій мирнаго времени въ стрѣльбѣ залпами, по командѣ, показываютъ только, какое дѣйствіе можетъ оказать оружіе при правильномъ употребленіи и при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Но было бы въ высшей степени опасно выводить изъ этого какія-либо заключенія о дѣйствіи его въ бою. Помимо того, что при упражненіяхъ въ стрѣльбѣ опасность не безпокоитъ стрѣлка, что нѣтъ возбужденія боя и обыкновенно выбираются хорошая погода и нормальныя условія, надо особенно имѣть въ виду, что здѣсь все вниманіе стрѣлка обращено на тѣ мишени, въ которыя онъ долженъ стрѣлять. Здѣсь недостаетъ массы сбивающихъ съ толку впечатлѣній и тѣхъ пестрыхъ картинъ, которыя въ бою совершенно **овладѣваютъ чувствами и разумомъ человѣка.**

Въ прекрасно написанной генераломъ баономъ Людингаузенъ-фонъ-Вольфъ исторіи 2-го пѣхотнаго гвардейскаго полка приведено, какъ славный подвигъ, по-

Такъ какъ дѣло рѣшаютъ сильные потоки огня, то наиболѣе шансовъ на успѣхъ имѣлъ бы тотъ, кто могъ бы одновременно и единовластно воспользоваться дѣйствіемъ всѣхъ своихъ ружей. Но вполнѣ достигнуть этого невозможно. Мы видѣли, что часть силъ должна быть въ началѣ боя сбережена для счастливаго преодолѣнія всѣхъ остановокъ при наступленіи. Нѣкоторый резервъ во всякомъ случаѣ необходимъ и для устраненія непредвидѣнныхъ случайностей. Только мало по малу вступаютъ всѣ силы въ бой. Но нужно имѣть въ виду, что *постепенное расходованіе силъ есть только неизбѣжное зло, но отнюдь не преимущество современнаго способа веденія боя.*

Это обстоятельство должно быть принято въ соображеніе при завязкѣ боя. Постепенное расходованіе силъ часто вызывалось тѣмъ, что подобная завязка боя, вообще, не имѣла мѣста. Жажда дѣятельности низшихъ и безпокойство высшихъ начальниковъ гнали войска въ бой по частямъ, по мѣрѣ ихъ прибытія на поле сраженія. Часто и не могло быть иначе, потому что бой возникалъ вслѣдствіе неожиданной встрѣчи съ противникомъ и съ самаго начала такъ сильно разгорался, что не оставалось другого выбора. Но гдѣ только это возможно, необходимо до вступленія въ огонь предварительно сосредоточить и правильно развертывать свои силы, а также и дать имъ такое направленіе, при которомъ наступленіе ихъ наиболѣе удобно и наиболѣе дѣйствительно. *Тщательная завязка боя обезпечиваетъ одновременное и совокупное употребленіе если и не всѣхъ силъ, то, по крайней мѣрѣ, большей ихъ*

веденіе унтеръ-офицера 1-й роты, Шульца, который въ пылу сраженія при С. Прива замѣтилъ, что люди его, вслѣдствіе возбужденія, стрѣляютъ на 400 шаговъ съ постояннымъ прицѣломъ изъ прежней гладкоствольной винтовки, и прекратилъ это. Если справедливо считать за выдающійся подвигъ простое сохраненіе начальникомъ спокойствія и хладнокровія во время смертельной опасности, для повѣрки установки прицѣла, то изъ этого уже ясно, какъ мало нужно придавать значенія мѣткости огня большихъ массъ въ бою. Чтобы достигнуть въ бою подобнаго результата, какъ на стрѣльбищѣ, самое простое брать одну вѣрную высоту прицѣла; при этомъ еще многое зависѣло бы отъ точнаго намѣриванія цѣли, правильнаго положенія оружія, равномѣрнаго спуска и отъ многаго другого, отъ котораго навѣрно приходится отказываться, если уже правильную установку прицѣла считаютъ затруднительной, а исполненіе этого—замѣчательнымъ.

части. Черезъ это сберегается человѣческая кровь, и при веденіи боя съ избыткомъ вознаграждается время, потерянное на нащѣливаніе его. Если въ будущемъ ему дадутъ болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ въ послѣднихъ войнахъ, то понятіе о постепенномъ расходованіи своихъ силъ оправдается. Продолжительность боя вообще, можетъ-быть, не уменьшится, потому что къ понятію о „завязкѣ" боя принадлежитъ основательное вступленіе и подготовка, которыя требуютъ много времени. Собственно же рѣшающій актъ всего дѣйствія сократится до болѣе короткаго промежутка времени и представится въ видѣ сильнаго совокупнаго напряженія громадной войсковой массы, а не въ видѣ суммы многихъ мелкихъ, отдѣльныхъ ударовъ, которые только въ томъ смыслѣ имѣютъ связь между собою, что всѣ они направлены къ разрушенію той же цѣли. Даже тамъ, гдѣ бой завязался вслѣдствіе случайной встрѣчи съ противникомъ, можетъ-быть, удастся остановить его частью силъ и послѣ спокойнаго взвѣшиванія ввести въ дѣло и остальныя.

Все, что здѣсь говорилось о боѣ пѣхоты, относится также и къ бою вообще. При завязкѣ боя направляется совокупная дѣятельность всѣхъ трехъ родовъ оружія. Артиллерія есть необходимая спутница пѣхоты; она расчищаетъ ей путь, гдѣ эта послѣдняя одна не можетъ пройти. Она подготовляетъ бой, избавляетъ пѣхоту отъ излишнихъ потерь при преодолѣніи слишкомъ сильныхъ препятствій, гдѣ и лучшія силы разбились бы, и оказываетъ ей поддержку и защиту, когда ей приходится отступать. Такъ какъ и противникъ такимъ же образомъ употребляетъ свою артиллерію, то сраженіе всегда будетъ начинаться артиллерійскимъ боемъ. Только тогда, когда непріятельскія батареи начнутъ замолкать и пораженіе ихъ выяснится, начинается атака пѣхоты. Артиллерія сопровождаетъ эту атаку своимъ огнемъ, но не входитъ сама въ сферу дѣйствительнаго пѣхотнаго огня непріятеля. Она ослабляетъ этотъ огонь издали и такимъ образомъ предупреждаетъ тѣ большія неудачи, которыя легко могутъ встрѣтиться собственной пѣхотѣ при атакѣ сильныхъ позицій. Ни одна пуля не можетъ пробить каменной ограды, такъ что стоящая тамъ за бойницами пѣхота можетъ почти такъ же спокойно

какъ на маневрахъ, обдавать непріятеля градомъ своихъ снарядовъ. При такихъ условіяхъ даже лучшая пѣхота въ мірѣ окажется безсильной, и чѣмъ она храбрѣе, тѣмъ болѣе она будетъ способствовать собственному уничтоженію. Чтобы это предупредить, артиллерія должна ей содѣйствовать. Если даже ея гранаты и шрапнели и не причинятъ большихъ матеріальныхъ потерь, то онѣ, все-таки, заставятъ обороняющагося спрятаться за закрытіемъ и стрѣлять, не глядя куда. Кто хоть разъ видѣлъ въ сраженіи ту разницу, которая существуетъ между не обстрѣленной артиллеріей пѣхотой и такой, которая уже нѣкоторое время находилась подъ дѣйствіемъ орудійнаго огня, тотъ никогда ея не забудетъ. Паденіе первыхъ гранатъ въ закрытыя линіи защитниковъ произведетъ почти моментально свое впечатлѣніе.

Батареи обороняющагося, которыя уже должны были уступить въ артиллерійскомъ бою, все-таки, снова выѣзжаютъ при наступленіи серьезной пѣхотной атаки. Вмѣстѣ съ своей пѣхотой онѣ отстаиваютъ тогда позиціи до послѣдней крайности, не обращая вниманія на опасность попасть въ руки непріятеля. Въ послѣднюю минуту онѣ еще принимаютъ участіе въ отбитіи штыкового удара непріятеля или даютъ разбитому обороняющемуся возможность спастись.

Артиллерія не имѣетъ рѣшающей роли, такъ какъ только плохой противникъ дастъ себя выбить изъ своихъ позицій дальнимъ огнемъ и очистить ихъ прежде, нежели его начнетъ тѣснить пѣхота; но, все-таки, ея значеніе очень велико. Пѣхота не можетъ болѣе обойтись безъ ея содѣйствія.

Кавалерія также хочетъ снова участвовать въ рѣшеніи сраженія, какъ въ то время, когда Зейдлицъ атаковывалъ при Кольницѣ, Росбахѣ и Цорндорфѣ. Надежды эти основаны, преимущественно, на воспоминаніяхъ о нѣкоторыхъ моментахъ большихъ сраженій послѣднихъ войнъ. Часто можно было видѣть, что стрѣлковыя цѣпи отъ огня таяли и становились все тоньше и тоньше, а отъ стремленія обойти непріятеля—болѣе и болѣе растягивались и, наконецъ, разрывались. Силы истощались отъ движенія черезъ густой хлѣбъ и кустарники, отъ подъемовъ на высоты и, наконецъ, отъ захватывающихъ дыханіе перебѣжекъ, слѣ-

довавшихъ послѣ долгаго марша и движенія въ сомкнутыхъ массахъ черезъ поля. Боевыхъ припасовъ оставалось немного: бо́льшая часть офицеровъ пала, и управленіе почти совершенно прекращалось. Въ такую минуту, конечно, не одному очевидцу подобной картины невольно являлся вопросъ: а что, если бы теперь появилась на флангѣ бо́льшая масса непріятельской конницы и пронеслась бы черезъ все поле? Ей было бы легко смести эти остатки пѣхоты. Подобная же мысль шевелилась, когда вечеромъ для сраженія при Віонвилѣ, съ наступленіемъ сумерекъ, на полѣ битвы почти не было видно пѣхоты, и огромная артиллерійская масса, болѣе чѣмъ въ сто орудій, стоявшая въ центрѣ позиціи, была почти безъ прикрытія. Казалось невозможнымъ остановить рѣшительно атакующую кавалерію, бросившуюся бы на эти батареи. Сознаніе этого было одною изъ причинъ, вызвавшихъ рѣшеніе бросать на встрѣчу противнику собственную, еще не израсходованную кавалерію.

Конечно, каждое большое сраженіе нашего времени приноситъ такіе эпизоды. Но, во первыхъ, ихъ можно замѣтить только на своей сторонѣ, а не на непріятельской, потому что разстоянія между противниками значительны; во вторыхъ, слабость гораздо больше кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Въ 1870 г. отряды французской конницы бросались на разомкнутую нѣмецкую пѣхоту и, несмотря на свое мужество, жалко гибли отъ огня небольшихъ отдѣленій. Кавалерійская масса представляетъ слишкомъ значительную цѣль, чтобы долго оставаться въ сферѣ дѣйствительнаго ружейнаго огня. До начала атаки она должна избѣгать даже прицельнаго огня. Если она не находитъ достаточнаго укрытія, то ей остается искать защиты только въ разстояніи. Если даже кавалерійскіе начальники и проѣдутъ настолько близко къ непріятелю, насколько это вообще возможно для всадниковъ, чтобы выяснить себѣ положеніе вещей, то, все-таки, они увидятъ немного. Моменты разстройства непріятеля можно замѣтить только въ передовой стрѣлковой цѣпи. Только по ея образу дѣйствія угадываютъ старшіе начальники, что наступаетъ кризисъ. Если бы теперь и кавалерійскіе генералы возвращались къ своимъ частямъ и приводили бы послѣднія на

мѣсто дѣйствія, то, все-таки, прошло бы много времени, и благопріятная минута можетъ быть пропущена. Движущіяся же кавалерійскія массы очень легко привлекаютъ вниманіе; идущая рысью дивизія поднимаетъ столько же пыли, какъ быстро двигающійся цѣлый корпусъ. Въ сколько-нибудь открытой мѣстности она сейчасъ же привлекаетъ на себя всѣ снаряды непріятеля. Послѣдній знаетъ, что здѣсь дѣло идетъ только о нѣсколькихъ минутахъ, а на это время можно прервать огонь по другимъ цѣлямъ. Въ такую мишень, какъ кавалерійская дивизія, почти невозможно промахнуться. Артиллерія можетъ съ успѣхомъ стрѣлять на самыя большія дистанціи; пѣхота можетъ такъ направить свои выстрѣлы, что на разстояніе 1000—1100 м. пули пролетятъ вообще не выше всадника. При бѣгломъ огнѣ она выпускаетъ въ одну минуту безчисленное количество пуль. Съ другой стороны, кавалерійскія лошади въ настоящее время стали лучше, нежели въ эпоху семилѣтней войны, и способны больше выносить при быстромъ проскакиваніи большихъ пространствъ. Но этотъ успѣхъ, все-таки, не можетъ сравниться съ достигнутымъ увеличеніемъ дѣйствительности огня. Кромѣ того, прежде способность пѣхоты къ сопротивленію была сломлена, разъ ея сомкнутый порядокъ былъ разстроенъ и ее удалось разсѣять. Въ настоящее же время она начинаетъ съ разсыпанія. Каждая маленькая группа представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, и даже отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя не беззащитнымъ, пока у него еще есть патроны. Отношеніе пѣхоты къ кавалеріи совершенно перемѣнилось. Зейдлицъ, Цитенъ, Дрильенъ, Гесслеръ могли держать въ готовности свои эскадроны въ 800 шагахъ отъ непріятеля, а лично могли наблюдать за противникомъ съ половины разстоянія, подобно тому, какъ нынѣ присутствуютъ при ученіи пѣхотной бригады. Они могли выбрать моментъ, когда линіи противника начинали колебаться, и тогда бросались на нихъ въ атаку. Дѣло было только въ томъ, чтобы прорвать ихъ въ одномъ мѣстѣ, а затѣмъ было не трудно свертывать всю непрерывную боевую линію. Теперь успѣхъ неимовѣрно труднѣе: даже опрокинутая конницею пѣхота еще не сметена, а только прервалъ ея огонь. Повтореніемъ атакъ кавалерія надѣется неожи-

ланію и продолжительно дѣйствовать; она разсчитываетъ, что впереди идущая часть отвлечетъ вниманіе и огонь пѣхоты и поднимаемою пылью скроетъ остальныя части, которыя можно будетъ такимъ образомъ подвести незамѣтно и съ небольшими потерями. Къ тому же, холмистая и закрытая мѣстность, которая болѣе благопріятна для ея боевой дѣятельности, нежели открытая равнина, доставляетъ ей случай для неожиданной атаки. Но даже всѣ эти выгодныя условія только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ могутъ уравновѣсить громадное превосходство пѣхотнаго огня.

Часто можно услышать, что стóитъ только довести кавалерію до того, чтобы она въ сраженіи подвергалась тѣмъ же опасностямъ, какъ и пѣхота, и тогда и у нея не будетъ недостатка въ большихъ успѣхахъ. Но при этомъ не даютъ себѣ отчета, что въ этомъ требованіи заключается нѣчто несправедливое. Клаузевицъ, послѣ описанія тщетныхъ атакъ французской кавалеріи на гренадеръ принца Августа въ сраженіи при Прейсляу, говоритъ: „Я здѣсь убѣдился, что это въ природѣ кавалериста—не допускать себя разстрѣливать при такихъ обстоятельствахъ". Обладаніе лошадью даетъ кавалеристу въ минуты величайшей опасности средство къ спасенію, и едва ли можно отъ него требовать, чтобы онъ имъ не воспользовался. И пѣхота нерѣдко ускакала бы, если бы она только имѣла лошадей. Но она не можетъ уйти даже и отъ сильнѣйшаго непріятеля. Причина ея упорства въ оборонѣ, которому мы нерѣдко справедливо удивляемся, заключается отчасти въ томъ, что ей ничего болѣе именно не остается, какъ защищаться или погибнуть.

Воспользоваться лошадью для спасенія себя отъ смерти кажется нашему человѣческому чувству такимъ естественнымъ, что мы считаемъ бѣгство на конѣ гораздо менѣе постыднымъ, чѣмъ бѣгство пѣшкомъ, хотя бы побужденія и цѣли были одни и тѣ же.

Шиллеръ могъ допустить, что Фридландецъ спокойно сознавался:

„И быстрота этого животнаго меня спасла
Отъ преслѣдованія Баннеровскихъ драгунъ",

не боясь, что его герой отъ этого потеряетъ въ нашемъ мнѣніи.

Но что, если бы онъ заставилъ его сказать:

„И быстрота моихъ ногъ меня спасла
Отъ преслѣдованія Баннеровскихъ драгунъ".

Онъ морально уничтожилъ бы его, хотя, можетъ-быть, спасеніе пѣшкомъ есть только доказательство большей выносливости, тѣлесной силы и присутствія духа. Ускакивающій Валленштейнъ остается для насъ героемъ, тогда какъ убѣгающій становится смѣшнымъ трусомъ, за которымъ занавѣсъ долженъ немедленно опуститься.

Успѣхи кавалерійскихъ массъ въ бою возможны, но будутъ ли они такъ часты, чтобы ихъ приходилось принимать во вниманіе, какъ факторъ, измѣняющій способъ веденія боя, можетъ рѣшить только опытъ. Мы хотимъ быть односторонними въ нашемъ сужденіи, на что солдатъ имѣетъ право, и сказать: германской пѣхотѣ нечего бояться непріятельской кавалеріи; посмотримъ, можетъ ли наша конница вселить страхъ непріятельской пѣхотѣ.

Конница можетъ нанести противнику самый дѣйствительный ударъ, атаковавъ его во флангъ, гдѣ она встрѣтитъ также наименьшій огонь и гдѣ брошенная ей на встрѣчу масса непріятельской кавалеріи защититъ ее отъ огня. Поэтому, если такой далекій обходъ невозможенъ, то косвенное направленіе къ флангу является наилучшимъ. Въ очень упорныхъ, истощающихъ бояхъ кавалерія можетъ иногда атаковать черезъ линіи своей пѣхоты и фронтъ противника, появляясь неожиданно изъ-за порохового дыма. Въ рѣшительные моменты боя кавалерійская атака, *даже въ случаѣ ея неуспѣха*, можетъ быть весьма полезна, такъ какъ она прерываетъ огонь непріятеля и доставляетъ пѣхотѣ средство подойти къ противнику, что до этого было невозможно. Однако этими скоротечными моментами пѣхота должна пользоваться и наступать одновременно съ кавалеріей, чтобы за ея спиной выиграть пространство, а не оставаться неподвижной зрительницей возбуждающаго зрѣлища, какъ это часто случается. Потери всегда будутъ громадны, но конница не должна ихъ страшиться, если она хочетъ имѣть успѣхъ въ бою. Но послѣдній обусловливаетъ, что атаковать какъ слѣдуетъ она можетъ только одинъ разъ въ теченіе всего сраженія. Ставка велика: тѣмъ труднѣе рѣшеніе и выборъ минуты.

Конница всегда можетъ оказать вѣрную и важную услугу при встрѣчѣ съ тѣмъ же родомъ оружія непріятеля. Въ началѣ сраженія она должна разогнать непріятельскую кавалерію, находящуюся передъ фронтомъ, чтобы такимъ образомъ дать возможность разсмотрѣть расположеніе противника. Во время боя она охраняетъ фланги. Способная дѣйствовать въ пѣшемъ строю и имѣя конную артиллерію, она въ состояніи имѣть принести еще бо́льшую пользу, пробравшись мимо фланга противника на его пути наступленія. Тамъ она можетъ задержать прибывающія подкрѣпленія и произвести безпорядокъ въ тылу непріятеля.

Если артиллерія въ самомъ началѣ сраженія слишкомъ смѣло и скоро выѣзжаетъ впередъ, то кавалерія можетъ надъ этимъ родомъ оружія одержать славные успѣхи. Если непріятельскія батареи, подобно тому, какъ это нѣсколько разъ дѣлали германскія 16-го и 18-го августа 1870 года, предпримутъ нападенія своимъ огнемъ, то нѣмецкая кавалерія не преминетъ тотчасъ же атаковать ихъ и усмотритъ въ нихъ, несмотря на нѣкоторыя потери, желанную добычу.

Разбирая *вліяніе мѣстности на бой*, мы не будемъ вдаваться въ подробности, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ цѣли и рамокъ нашего очерка. Вліяніе это въ настоящее время значительно уменьшилось вслѣдствіе того, что, какъ уже нѣсколько разъ упомянуто, успѣхъ не зависитъ болѣе отъ сохраненія одного опредѣленнаго боевого порядка; при этомъ оно наименьшее для главнаго рода оружія. Гдѣ пройдетъ одинъ человѣкъ, тамъ и пѣхотинецъ можетъ пронести свое ружье; даже высокія горы не лишаютъ его болѣе возможности сражаться.

Въ очень многихъ случаяхъ мѣстность играетъ одинаковую роль для обѣихъ сторонъ, какъ при движеніяхъ, такъ и въ бою. Въ густомъ лѣсу, въ пересѣченной гористой странѣ обороняющійся такъ же мало можетъ для рѣшенія боя употребить крупныя части войскъ, какъ и наступающій. Но часто бываетъ, что мѣстность представляетъ преимущества исключительно для одной стороны, и такъ какъ обороняющемуся принадлежитъ выборъ поля сраженія, то обыкновенно эта выгода будетъ на его сторонѣ.

Прежде всего для боя имѣетъ значеніе проходимость мѣстности, а затѣмъ удобства ея, въ отношеніи нашихъ дѣйствій оружіемъ и затрудненія непріятельскихъ. Въ настоящее время сила позиціи заключается не въ препятствіяхъ, представляемыхъ рѣками, долинами и обрывами передъ фронтомъ, но всегда только въ дѣйствительности огня, которой рельефъ мѣстности можетъ болѣе или менѣе благопріятствовать.

Плоскія возвышенности съ пологими скатами считаются наиболѣе сильными позиціями и ихъ будутъ предпочитать всякимъ другимъ, имѣющимъ крутые и обрывистые склоны. При рѣчной долинѣ, при заключеніи между двумя грядами холмовъ луговомъ пространствѣ, которое шире дальности самаго дѣйствительнаго артиллерійскаго выстрѣла, условія боя складываются такимъ образомъ, что атакующій долженъ спустить свою пѣхоту внизъ и затѣмъ атаковать противоположный край, не имѣя возможности поддержать ее собственными батареями. Здѣсь бой будетъ очень неравный, такъ какъ на сторонѣ обороняющагося артиллерія и пѣхота могутъ сообща дѣйствовать противъ пѣхоты атакующаго. Такія же долины, по краямъ которыхъ сближены менѣе дѣйствительнаго орудійнаго выстрѣла, уже имѣютъ гораздо меньшее значеніе, такъ какъ онѣ даютъ возможность атакующему артиллерійскимъ огнемъ съ одного края открыть себѣ доступы къ другому. Въ этомъ второмъ случаѣ, вообще, уже не мѣстность и расположеніе, а превосходство въ артиллеріи имѣетъ рѣшающее значеніе. Если выборомъ поля сраженія можно парализовать дѣятельность одного изъ главныхъ родовъ оружія противника, для себя же сохранить полную свободу его употребленія, то этимъ пріобрѣтается такое преимущество, которое едва ли можно уравновѣсить превосходствомъ въ числѣ. Но при этомъ должно быть еще сохранено то условіе, чтобы противникъ, ради своихъ интересовъ, былъ бы принужденъ атаковать; иначе онъ постарается обходомъ или охватомъ лишить именно сильныя позиціи ихъ выгодъ для обороняющагося.

Высоко лежащіе, командующіе пункты, деревни и мѣстечки на высокихъ холмахъ и т. п. уже издали бросаются въ глаза и поэтому легко принимаются за ключи позиціи и опорные пункты. Но ихъ выдающееся положеніе имѣетъ нынѣ ту весьма серьезную

невыгоду, что оно, естественно, привлекаетъ на себя весь огонь противника и этимъ очень ограничиваетъ ихъ способность къ сопротивленію. Они становятся цѣлью всѣхъ орудій и ружей атакующаго, и защитники ихъ, вмѣсто ожидавшагося укрытія, видятъ только быстрый ростъ собственныхъ потерь. Гораздо предпочтительнѣе менѣе замѣтная мѣстность, лишь бы она давала хоть нѣкоторыя выгоды.

Это приводитъ насъ къ разбору искусственнаго усиленія мѣстности; пользы его нельзя отрицать, но, все-таки, она условная. Приспособленныя къ оборонѣ окраины деревень, стрѣлковые ровики, сильныя баррикады и т. п. даютъ лежащей за ними пѣхотѣ нѣкоторое укрытіе отъ ружейныхъ пуль и тѣмъ способствуютъ большему спокойствію и соображенію при стрѣльбѣ. Но подобныя мѣры, съ другой стороны, привлекаютъ вниманіе противника и заставляютъ его прибѣгать къ основательной подготовкѣ атаки артиллерійскимъ огнемъ, отъ которой онъ въ пылу сраженія, можетъ-быть, и отказался бы. Каждая бросающаяся въ глаза цѣль составляетъ преимущество для атакующаго, такъ какъ облегчаетъ ему управленіе, облегчаетъ вѣрное опредѣленіе разстояній и такимъ образомъ вполнѣ уравновѣшиваетъ выгоды, доставляемыя защитникамъ. Въ обыкновенныхъ ровикахъ для стрѣлковъ потери увеличиваются, если они недостаточно тщательно скрыты отъ взоровъ противника: это достигается покрытіемъ ихъ дерномъ, соломой или травою, чѣмъ имъ придаютъ цвѣтъ окружающей мѣстности.

Слѣдовательно, при выборѣ, обозрѣніи и подготовкѣ поля сраженія прежде всего надо обращать вниманіе на то, *какъ складываются условія огнестрѣльнаго боя.*

Затѣмъ весьма важно *вліяніе мѣстности на общее управленіе войсками.* Если мѣстность затрудняетъ его, то это представляетъ несомнѣнный недостатокъ. Но при этомъ пріобрѣтаетъ большое значеніе внутреннее достоинство войскъ; если они привыкли къ самостоятельной дѣятельности и младшіе начальники обладаютъ хладнокровіемъ и предпріимчивостью, то вліяніе упомянутаго недостатка значительно сокращается.

Въ заключеніе необходимо еще обратить вниманіе на то, чтобы

обусловленное мѣстностью раздѣленіе войскъ оказывало извѣстное вліяніе на нравственное состояніе ихъ. Мы уже имѣли случай указать, какъ неблагопріятно отзывается вызванное обстоятельствами раздробленіе войскъ на много отдѣльно сражающихся другъ возлѣ друга небольшихъ отрядовъ, которые, все-таки, настолько зависятъ одинъ отъ другого, что пораженіе одного ставитъ въ невыгодное положеніе и остальные. Такимъ же образомъ будетъ всегда вліять какое опасное отдѣленіе какой-либо части. По другой разъ подобное положеніе, наоборотъ, можетъ имѣть положительно выгодное дѣйствіе. Мы можемъ при этомъ вспомнить исторически-извѣстный фактъ, что фельдмаршалъ Мольтке въ молодости совѣтовалъ турецкому главнокомандующему передъ сраженіемъ при Низибѣ поставить свои войска тыломъ къ р. Евфрату. Это можетъ служить однимъ изъ своеобразныхъ примѣровъ правильнаго рѣшенія конкретнаго случая на войнѣ. При устроеніи обѣихъ столкнувшихъ другъ противъ друга арміи можно было вполнѣ надѣяться, что побѣда останется на ту сторону, которая окажетъ хоть нѣкоторое сопротивленіе; на послѣднее же можно было скорѣе всего разсчитывать, отрѣзавъ путь къ бѣгству [1]). Точно также и Кортецъ сжегъ свои корабли, чтобы этимъ довести своихъ воиновъ до отчаянной рѣшительности. Подобное же дѣйствіе окажетъ это на каждый авангардъ, который, по выходѣ изъ какого-нибудь дефиле или переправившись черезъ рѣку, встрѣчается съ главными силами противника. Здѣсь каждый солдатъ понимаетъ, что отступленіе равносильно гибели и что положеніе ихъ, по мѣрѣ прибытія собственныхъ главныхъ силъ, будетъ часъ отъ часу облегчаться. Это придастъ сопротивленію удивительное упорство и выдержку, тогда какъ врагу недостаетъ равносильной пружины. Хотя ему и очевидно, какъ выгодно было бы сбросить противника обратно въ только-что имъ такъ смѣло перейденную рѣку, но собственное существованіе его не зависитъ отъ удачи этого предпріятія; поэтому и стремленіе достичь цѣли гораздо меньше. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ слабостью, неизбѣжной при растянутомъ расположеніи, служитъ причиною того, что удачная

[1]) Какъ извѣстно, совѣту фельдмаршала Мольтке не послѣдовали, и турки были разбиты.

оборона рѣкъ составляетъ большую рѣдкость. Нижній Дунай, одна изъ самыхъ большихъ существующихъ преградъ, во время различныхъ русско-турецкихъ войнъ переходился въ виду непріятеля болѣе двадцати разъ.

И при укрѣпленныхъ позиціяхъ приходится имѣть въ виду моральное дѣйствіе, которое очень часто перевѣшиваетъ матеріальное значеніе. Солдату становится жутко при сознаніи, что приходится идти на укрѣпленія; онъ боится натолкнуться на такія препятствія, противъ которыхъ безсильно всякое мужество [1]). Обороняющійся же, изъ чувства слабости, склоненъ преувеличивать слухи, распускаемые о силѣ его укрѣпленій, и обыкновенно находитъ въ этомъ горячую поддержку со стороны непосвященныхъ. Фортификаціонныя работы возбуждаютъ интересъ въ населеніи. Корреспондентъ какой-нибудь газеты, увидѣвъ эту работу, придаетъ своему открытію, вслѣдствіе того, что оно рѣдко случается, особое значеніе и дополняетъ дѣйствительность изъ источника пылкой фантазіи. Кто сражался въ послѣднюю войну на Луарѣ, тотъ, конечно, помнитъ тѣ описанія укрѣпленнаго лагеря при Орлеанѣ, батарей съ тяжелыми морскими орудіями, желѣзныхъ рѣшетокъ, проволочныхъ сѣтей, двойныхъ и тройныхъ линій, минъ и другихъ ужасовъ; эти описанія, помѣщенныя во французскихъ, а потомъ и въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ, не остались совершенно безъ вліянія на германскую армію. Такимъ образомъ не трудно будетъ воспользоваться моральнымъ вліяніемъ, производимымъ слухами о сильно-укрѣпленныхъ позиціяхъ, чтобы удержать противника отъ атаки извѣстнаго пункта. Впослѣдствіи для подобной же цѣли германцами были воздвигнуты съ южной стороны Орлеана укрѣпленія, о серьезной оборонѣ которыхъ нечего

[1]) При сѣверномъ входѣ въ д. Церкотъ французами было перерыто шоссе и за нимъ устроена сильная баррикада, которая въ сраженіи при Орлеанѣ, 1-го декабря 1870 г., подверглась жестокому огню артиллеріи 9-го германскаго корпуса, такъ что именно за этимъ прикрытіемъ лежало гораздо больше труповъ, нежели вообще на полѣ сраженія. 5-го декабря утромъ тамъ находился магдебургскій фузелеръ, который, осматривая такъ искусно устроенное препятствіе съ его траншеями по бокамъ, при видѣ такого множества труповъ, воскликнулъ: „Видите, ваше окапываніе тоже вамъ не помогаетъ!“ Къ сожалѣнію, такое правильное убѣжденіе приходитъ простому солдату только послѣ долгаго опыта.

было и думать, по причинѣ слабости гарнизона, послѣ того какъ главныя силы были направлены на занятіе.

Умѣлое пользованіе мѣстностью или укрѣпленіями можетъ содѣйствовать столь важной при веденіи боя экономіи въ силахъ. Отъ природы сильныя части позиціи занимаются слабѣе, и полученныя черезъ это излишекъ силъ можетъ быть употребленъ и не для однихъ оборонительныхъ цѣлей. Впрочемъ, этой экономіи не должно смѣшивать съ бережливостью вообще: она требуетъ только яснаго различія между неважнымъ и важнымъ: въ первомъ случаѣ должно быть скупымъ, во второмъ—щедрымъ. Такимъ образомъ достигается и то, что къ тому акту, отъ котораго ожидаютъ счастливаго рѣшенія, можно приступить и съ достаточными силами.

Часто говорятъ о необходимости и пользѣ *сильныхъ резервовъ*. Этотъ догматъ стоитъ въ весьма близкой связи съ ученіемъ о постепенномъ расходованіи силъ и считается непрекословнымъ. Вслѣдствіе этого весьма нерѣдко на маневрахъ мирнаго времени можно видѣть, что большія массы пѣхоты атаковываютъ, при чемъ только небольшая часть ея развернута и дѣйствуетъ своимъ оружіемъ. Все остальное же слѣдуетъ за нею въ сомкнутомъ строю, съ барабаннымъ боемъ и съ криками „ура", какъ будто уже этимъ однимъ можно прогнать непріятеля. Каждый резервъ представляетъ изъ себя мертвую силу [1]. Люди, марширующіе за линіями своихъ стрѣлковъ, не приносятъ вреда противнику, а съ ихъ своей стороны полезны развѣ только тѣмъ, что ихъ присутствіе поддерживаетъ мужество дѣйствительно-сражающихся. Резервы только тогда приносятъ пользу, когда они введены въ дѣло. Такъ какъ одновременное употребленіе всѣхъ силъ производитъ самое большое дѣйствіе, то казалось бы ошибочнымъ вообще выдѣлять резервы. Но они необходимы для того, чтобы противодѣйствовать различнымъ неожиданнымъ оборотамъ и случайностямъ, безъ которыхъ никогда не обходится ни одинъ бой. Если обстановка еще очень непріятельная, такъ что считаютъ необходимымъ быть

[1] Здѣсь подразумѣваются не тѣ небольшія, сомкнутыя пѣхотныя части, которыя въ началѣ боя удерживаются, чтобы служить, по мѣрѣ надобности, для веденія—для „питанія" его, а тѣ крупныя части, которыя главнокомандующій оставляетъ для исполненія своихъ назрѣвающихъ во время боя намѣреній.

готовымъ къ многимъ случайностямъ. то, конечно, резервы будутъ сильны. Но чѣмъ обезпеченіе становится положеніе. чѣмъ болѣе вынесются два непріятели. тѣмъ слабѣе могутъ быть резервы. Можно себѣ даже представить такія обстоятельства, при которыхъ будетъ послѣдовательно не имѣть никакихъ резервовъ, именно. когда силы противника точно извѣстны и онѣ уже вполнѣ развернулись. Правда, такія обстоятельства въ дѣйствительности никогда не встрѣчаются и потому нельзя сражаться безъ всякихъ резервовъ. Но вѣрнымъ остается то, что цѣлесообразны. вообще, не сильные резервы. а тѣ, которые соотвѣтствуютъ положенію. въ которомъ мы находимся. Слишкомъ сильные является слѣдствіемъ не хорошей. но, напротивъ, дурной экономіи. Они влекутъ за собой расточительность и раздробленіе силъ и часто оставались безполезными, когда могли рѣшить сраженіе въ благопріятную сторону. „Генералы, которые берегутъ войска для слѣдующаго послѣ сраженія дня, почти всегда бываютъ биты. Когда это полезно. то должно вводить въ бой послѣдняго своего солдата, такъ какъ на другой день послѣ полной побѣды не встрѣчается никакихъ препятствій; одно уже общественное мнѣніе обезпечиваетъ побѣдителю новые тріумфы" [1]). Если такіе великіе полководцы, какъ, напримѣръ. Наполеонъ. прославились искуснымъ употребленіемъ своихъ сильныхъ резервовъ. то славу эту вѣрнѣе было бы отнести къ ихъ умѣнію вообще разумно распоряжаться имѣющимися у нихъ средствами. Они частью своей арміи увлекали въ безплодный бой всѣ силы противника, а затѣмъ съ остальными своими войсками—какъ бы съ второй арміей. возникшей отъ ихъ бережливости —приступали къ исполненію первоначально-задуманнаго плана. Здѣсь исчезаетъ понятіе о резервѣ, такъ какъ не израсходованнымъ тотчасъ частямъ арміи, все-таки, съ самаго начала предполагалось дать опредѣленное назначеніе.

Весьма важна въ бою *правильная связь между отдѣльными частями*. Хотя это кажется и само собою понятнымъ. но исторія многихъ боевъ новѣйшаго времени показываетъ. что въ дѣйствительности это бываетъ не такъ. Напримѣръ. обращались къ содѣй-

[1]) Наполеонъ I.

ствію артиллеріи только тогда, когда пѣхота окончательно истощила свои силы въ борьбѣ съ препятствіемъ; свѣжія войска вводились для рѣшенія боя тогда, когда сражающіяся впереди уже были такъ измучены, что въ важнѣйшій моментъ могли оказать или очень мало, или даже никакого содѣйствія; посылали за кавалеріею тогда, когда минута для ея атаки уже наступила; между тѣмъ это надо было сдѣлать при приближеніи ея. Это обыкновенно происходило не столько отъ недостатка присутствія духа, сколько отъ отсутствія предусмотрительности. Послѣдняя является результатомъ опытности, упражненія и спокойствія духа, которое даже въ минуты сильнѣйшаго возбужденія сохраняетъ способность къ зрѣлому размышленію. Безспорно, что весьма трудно, находясь въ центрѣ дѣйствія, совершенно охваченный впечатлѣніями происходящаго вокругъ, еще думать о будущемъ и о томъ, какъ къ этому приготовиться. Но это именно и есть задача полководца. Если въ нашихъ послѣднихъ походахъ мы и видѣли часто, что сраженія начинались вслѣдствіе неожиданныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ, что войска, прибывавшія на выстрѣлы, сейчасъ же сами спѣшили въ бой, что усилія раздроблялись и что недостатокъ взаимнаго содѣйствія значительно увеличивалъ потери, то опытъ, вынесенный изъ этихъ кампаній, не пропалъ даромъ. *Бой будущаго представитъ намъ болѣе основательную подготовку, болѣе сознательную постановку цѣли, болѣе тщательное наблюденіе, болѣе близкое взаимное содѣйствіе всѣхъ трехъ родовъ оружія и рѣшеніе посредствомъ одновременнаго употребленія всѣхъ наличныхъ силъ* [1].

Очень часто говорятъ о *различныхъ цѣляхъ боя*, которымъ каждый разъ соотвѣтствуетъ и особый способъ веденія его. Такъ, напримѣръ, отличаютъ главныя и второстепенныя сраженія, демон-

[1] Усиленіе пѣхотнаго огня, вслѣдствіе введенія въ арміяхъ магазиннаго ружья, не можетъ кореннымъ образомъ видоизмѣнить природы боя. Такое измѣненіе могло бы произойти только вслѣдствіе изобрѣтенія какой-нибудь новой метательной силы, вмѣсто нынѣ существующаго пороха. При настоящемъ состояніи техники на послѣдній нужно смотрѣть, какъ на устарѣлое средство, терпимое только потому, что еще не найдено, чѣмъ его замѣнить. Его устраненіе есть только вопросъ времени. Если бы удалось изобрѣсть такую метательную силу, которая давала бы возможность стрѣлять безъ звука и дыма, то, конечно, произошли бы въ способѣ боя перемѣны, вліянія которыхъ теперь немыслимо еще опредѣлить.

стративныя и рѣшительныя или только задерживающія: въ однихъ хотятъ уничтожить, въ другихъ поколебать, въ третьихъ только задержать врага. Точно также сюда относятъ усиленныя рекогносцировки, при которыхъ только ощупываютъ непріятеля, чтобы узнать что-нибудь о немъ, тогда какъ, въ сущности, познанія должны бы предшествовать бою. Перечислять здѣсь всѣ различные виды повело бы насъ слишкомъ далеко. Учебники тактики занимаются ими достаточно.

Въ сущности, естественная цѣль боя заключается всегда въ уничтоженіи непріятеля. Этимъ будетъ достигнута на войнѣ и всякая другая цѣль, даже и выигрышъ времени. Такъ, напримѣръ, для начальника арьергарда, который долженъ доставить отступающей дивизіи возможность выиграть время, самое лучшее средство—рѣшительно отбросить наступающаго противника. Но для того въ большинствѣ случаевъ у него не хватаетъ силъ. Поэтому онъ долженъ попытаться казаться сильнымъ, для чего онъ можетъ съ самаго начала выставить всю свою артиллерію и широко раскинуть пѣхоту, чтобы противникъ устрашился, прекратилъ горячее преслѣдованіе и началъ бы приготовленія къ серьезному бою, отъ котораго тогда надо уклониться. Корпусъ, выставленный въ сраженіи противъ сильнаго фронта противника, въ то время какъ полководецъ хочетъ рѣшить бой охватомъ непріятельскаго фланга, конечно, не долженъ сейчасъ же сильно наступать, потому что онъ одинъ слишкомъ слабъ, чтобы достигнуть чего-нибудь. Онъ долженъ сдерживаться, открыть артиллерійскій огонь и показать свою развернутую пѣхоту, дабы этимъ дать почувствовать противнику, чтобы онъ не смѣлъ двигаться, иначе его атакуютъ серьезно. Этимъ отношеніемъ силъ къ задачѣ естественнымъ образомъ урегулируется способъ веденія боя. Предписывать задерживающіе или демонстративные бои вредно, такъ какъ они зависятъ во многомъ и отъ непріятеля. Подраздѣленія и различныя наименованія боевъ даже нѣсколько опасны, потому что подъ представленіемъ о цѣлесообразности особыхъ, менѣе важныхъ формъ боя часто скрывается склонность къ слабымъ полумѣрамъ. Сражаются и употребляютъ свое оружіе всегда отчаянно; но искать рѣшенія будутъ только тогда, когда есть надежда на побѣду.

10. Битва.

Важнѣйшимъ актомъ войны есть и будетъ *битва*. Она составляетъ кризисъ, изъ котораго непосредственно получается рѣшеніе всѣхъ возникшихъ въ данную минуту вопросовъ. Битва—это мечъ Александра, разрубающій Гордіевъ узелъ. Съ каждой битвой начинается новая эпоха кампаніи, и часто одно большое сраженіе разрѣшаетъ всѣ военныя усложненія, какъ, напримѣръ, битва при **Кениггрецѣ въ 1866 году.**

Мы уже знаемъ, что никакое военное искусство не можетъ достигнуть побѣды безъ рѣшительнаго сраженія. Даже самый слабый противникъ не сложитъ оружія передъ одними только стратегическими комбинаціями. Хотя бы онъ призналъ въ послѣднихъ болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ самъ, геній, онъ, все-таки, попытается грубою силою разорвать опутавшія его сѣти и возстановить **потерянное равновѣсіе.**

Наступающій ищетъ сраженія, а обороняющійся знаетъ, что долго нельзя избѣжать боя, и готовится къ нему. Онъ ожидаетъ его и будетъ его желать въ ту минуту, когда побочныя обстоятельства сдѣлаютъ его положеніе благопріятнѣе обыкновеннаго. Вѣдь это, все-таки, для него единственное средство, которымъ онъ можетъ улучшить свое положеніе и освободиться отъ гнета наступающаго. Примѣръ Дауна при Коллинѣ показываетъ, что капризная фортуна иногда даруетъ розу и пассивному обороняющемуся, если она сердито отвернется отъ своего прежняго любимца. Такимъ образомъ битва будетъ всегда полюсомъ, вокругъ котораго вращаются всѣ событія войны.

При Сольферино 160,000 австрійцевъ сражались противъ 150,000 союзниковъ, при Гравелотѣ—С. Прива 200,000 германцевъ противъ 130,000 французовъ, при Кениггрецѣ 221,000 пруссаковъ противъ 219,000 австрійцевъ и саксонцевъ и, наконецъ, при Лейпцигѣ 200,000 союзниковъ противъ 150,000 французовъ. Рѣшительныя же сраженія будущихъ войнъ представятъ столкновенія двухъ массъ въ 300,000 или 400,000 человѣкъ каждая. Если великія державы выставляютъ въ поле двадцать и болѣе корпусовъ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что большая часть

ихъ не будетъ собрана на томъ полѣ, на которомъ нѣкогда будутъ бороться за судьбу націй.

Даже Гравелотъ, Кенигрецъ и Лейпцигъ не могутъ намъ дать понятія, каковъ будетъ видъ полей сраженій при такихъ условіяхъ. На нихъ окажетъ вліяніе не только увеличеніе числа сражающихся, но также и дѣйствительность новаго огнестрѣльнаго оружія и вытекающая изъ послѣдней тактика. Теорія учитъ сражаться на возможно тѣсномъ пространствѣ и требуетъ узкаго фронта, чтобы получить достаточную глубину боевого порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу. Практика же неотразимо влечетъ къ расширенію фронта, вслѣдствіе желанія выставить въ боевую линію возможно большее число превосходныхъ ружей и орудій. *Практика, какъ сильнѣйшая, возьметъ перевѣсъ, и длинные фронты войдутъ въ обыкновеніе.* 18-го августа 1870 г. фронтъ атакующихъ войскъ былъ не слишкомъ великъ, ибо на правомъ флангѣ недоставало скорѣе пространства, нежели войскъ. Такъ какъ въ будущемъ на полѣ битвы можетъ появиться вдвое большее число войскъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и фронтъ ихъ будетъ вдвое длиннѣе. На протяженіи 20—30 верстъ будутъ рядомъ сражаться уже не корпуса, а арміи.

Конечно, эти большія сраженія не могутъ произойти въ началѣ войны. Такъ какъ стратегически развернутыя арміи стоятъ на большомъ протяженіи очень близко другъ противъ друга, то вначалѣ будетъ недоставать пространства для общаго движенія впередъ всѣхъ силъ къ одной цѣли и для соединенія ихъ въ одномъ избранномъ мѣстѣ. На укрѣпленныхъ границахъ, гдѣ треніе начинается одновременно на всѣхъ пунктахъ, послѣднее приведетъ къ *ряду вступительныхъ боевъ отдѣльныхъ армій.* Только въ томъ случаѣ, если при этомъ замедлится окончательное рѣшеніе, если прорывъ не тотчасъ удастся, размѣры сраженій скоро возрастутъ, потому что съ обѣихъ сторонъ явится стремленіе освободить массы отъ побочныхъ столкновеній съ непріятелемъ и насильно собрать ихъ къ рѣшительному пункту. Тогда, въ особенности если обороняющійся еще выиграетъ время, чтобы продвинуться нѣсколько впередъ, уже въ этотъ вступительный періодъ разыграется первая рѣшительная битва. Если этого здѣсь не случится, то сраженіе

послѣдуетъ послѣ прорыва. Пока послѣдній совершается, обороняющійся, безъ сомнѣнія, выиграетъ время притянуть всѣ свои подкрѣпленія; у атакующаго же и все само собою стремится къ мѣсту прорыва.

Для насъ эти будущія битвы народовъ представляются еще неразгаданнымъ сфинксомъ. Техника усиленно работаетъ, чтобы найти новыя средства къ увеличенію вліянія главнокомандующаго. Если бы ему можно было возвратить ту власть надъ ходомъ сраженія, которую онъ имѣлъ во времена линейной тактики, то страхъ, внушаемый новыми явленіями, уничтожился бы. Для передачи приказаній предлагаютъ телефоны и телеграфы, для наблюденія— воздушные шары. Но возбужденіе, господствующее въ бою, дѣлаетъ эти, разсчитанныя на достатокъ времени и покоя, средства мало дѣйствительными. Единственнымъ надежнымъ средствомъ для полководца остается передача приказаній посредствомъ офицеровъ-ординарцевъ. Изъ получаемыхъ донесеній главнокомандующій не можетъ во время боя даже имѣть достаточнаго представленія о ходѣ его въ отдѣльныхъ участкахъ. Онъ можетъ, какъ мы уже говорили, скорѣе вызвать грозу, нежели управлять ею. Конечно, когда-нибудь явится одаренный божественною искрою геній, который назоветъ эту битву будущаго своимъ элементомъ и подчинитъ ее себѣ. Но мы пока еще стоимъ передъ неразрѣшенной задачей. Она еще болѣе затрудняется тѣмъ, что никакія мирныя упражненія не занимаются этимъ предметомъ. Даже на самыхъ большихъ маневрахъ, изъ экономическихъ видовъ, ограничиваются самостоятельной операціей одного корпуса, а это, сравнительно съ тѣмъ, что приноситъ съ собой война, есть только крошечный опытъ. Теоретическія упражненія идутъ не многимъ дальше, потому что ихъ назначеніе—учить основнымъ правиламъ веденія большой войны, т. е. принципамъ стратегіи. Пополнить этотъ пробѣлъ казалось бы необходимымъ. Было бы желательно, чтобы *маленькія арміи маневрировали, а большія переживали теоретически*: вѣдь никакой мастеръ не падаетъ съ неба.

Существуетъ значительная разница между сраженіемъ, которое происходитъ часто совершенно случайно при движеніяхъ армій противниковъ, и битвой, передъ которой обѣ стороны уже стояли

близко другъ противъ друга, разузнали расположеніе и силы каждаго и могли, въ виду этого, составить опредѣленную программу для исполненія. Послѣднія сраженія называютъ „предначертанными“. Вслѣдствіе природы нынѣшней подвижной войны и самостоятельности отдѣльныхъ частей и ихъ начальниковъ, предначертанныя сраженія составляютъ только исключенія, тогда какъ случайныя являются правиломъ.

Въ общемъ, въ предначертанныхъ сраженіяхъ управленіе ими легче, но исполненіе для войскъ наступающаго затрудняется, потому что и противникъ приготовился и, желая обороняться, даже выбралъ себѣ выгодную позицію, а можетъ-быть и укрѣпилъ ее. При случайныхъ сраженіяхъ задача главнокомандующаго дѣлается труднѣе. У него нѣтъ времени приготовиться—онъ долженъ импровизировать. Онъ находитъ опредѣленное положеніе, примыкаетъ къ нему и долженъ поспѣшно принять важныя рѣшенія, не имѣя возможности предварительно собрать достаточно свѣдѣній и не зная основательно ни мѣстности, ни противника. Зато дѣйствія войскъ въ случайныхъ битвахъ обыкновенно легче: они находятъ противника не въ подготовленныхъ и устроенныхъ позиціяхъ, а выгоды мѣстности приблизительно одинаковы для обѣихъ сторонъ [1]).

Прослѣдимъ ходъ *случайнаго сраженія.*

Противникъ накануѣ оставилъ свою позицію и началъ новыя движенія, цѣль которыхъ намъ еще не вполнѣ ясна. Мы приписываемъ ему намѣреніе—безъ боя отступить за одну изъ близлежащихъ оборонительныхъ линій, и надѣемся его тамъ предупредить. Возможно, что его настигнутъ еще и ранѣе, но это не предполагается вѣроятнымъ. Подъ этими впечатлѣніями главнокомандующій отдаетъ свои приказанія. Онъ предписываетъ быстрое на-

[1]) Отсюда ясно, что стратегически наступающій долженъ постоянно стремиться принудить обороняющагося къ движенію и завлечь его въ цѣлый рядъ случайныхъ сраженій. Однако, подъ названіемъ случайное сраженіе здѣсь не надо понимать такого, въ которомъ предоставлено слѣпому случаю рѣшеніе вопроса—дойдетъ ли дѣло до развязки, или нѣтъ. Этимъ только говорится, что нельзя точно предвидѣть минуты, когда эта развязка настанетъ. Рѣшеніе атаковать противника, гдѣ бы его ни встрѣтить, какъ свойственное стратегическому наступленію, навѣрное приводитъ къ случайнымъ сраженіямъ.

ступленіе, такъ какъ дѣло къ сѣчѣ, но о сраженіи еще прямо не говорится. Его приказанія выражаютъ только общее намѣреніе— поймать противника, и этого совершенно достаточно для низшихъ начальниковъ. Нѣкоторыя особыя мѣры, въ отношеніи развѣдыванія и взаимной поддержки, увеличиваютъ болѣе обыкновеннаго напряженіе, съ которымъ ожидаютъ слѣдующаго дня. Кавалерія выступаетъ съ восходомъ солнца—немного ранѣе, чѣмъ обыкновенно. Походныя колонны корпусовъ тоже трогаются. Уже порядочное время продолжается походное движеніе безъ всякихъ помѣхъ. Въ войскахъ уже начинаютъ подумывать, что непріятель вѣроятно воспользовался ночью, чтобы выиграть разстояніе, но вотъ получаются первыя донесенія. Въ то же время раздаются отдѣльные выстрѣлы: оказывается, что натолкнулись на слабые, быстро отступившіе аванпосты непріятеля, которые и скрылись за кустами, домами и деревьями. Еще разъ все стихаетъ, но скоро опять оживляется. Донесенія получаются чаще. Они сообщаютъ, что встрѣтили не только разъѣзды или передовые посты непріятеля, но что видна движущаяся колонна, а можетъ-быть даже и лагерь. Кажется, представляется случай нанести прекрасный ударъ и имѣется возможность отдѣльно разбить часть непріятельскихъ силъ, отрѣзать ее или даже уничтожить. Начальникъ авангарда выѣхалъ впередъ, къ кавалеріи, которая сосредоточилась въ лощинѣ. Говорятъ, что съ близлежащей высоты можно видѣть непріятеля. Тамъ онъ встрѣчается съ нѣсколькими высшими кавалерійскими офицерами, и они сообща опѣниваютъ шансы даннаго момента. Войска находятся въ наступленіи; извѣстно, что непріятеля предполагается атаковать и, въ виду этого, соглашаются на томъ, что удобная минута не должна быть упущена безполезно. Офицеръ-ординарецъ посылается назадъ съ приказаніемъ батареѣ авангарда выѣхать на позицію, но она уже сама идетъ на встрѣчу. Командиръ батареи, ориентировавшись съ одного возвышеннаго пункта, на свой страхъ провелъ свои орудія мимо пѣхоты, которая, насколько это нужно, очистила ему дорогу. Съ другой стороны прибыла и еще одна конная батарея. Обѣ выѣзжаютъ на позицію, и первые выстрѣлы поспѣшно раздаются одинъ за другимъ. Противникъ, видимо, застигнутъ врас-

плохъ: попытка положительно удалась. У посягателей пробуждается боевое, чтобы не сказать охотничье, рвеніе. Войска получаютъ приказаніе ускорить маршъ. Головной батальонъ сильно прибавилъ шагу; вотъ онъ прибываетъ, покрытый пылью, со своимъ командиромъ во главѣ. Онъ подходитъ какъ разъ во-время, потому что на батареи, прикрываемыя до сихъ поръ только кавалеріей и дѣйствовавшія такъ удачно, начинаютъ падать ружейныя пули. Генералъ отдаетъ нѣсколько общее приказаніе батальону прикрыть лѣвый флангъ батареи, прогнавъ находящагося по близости непріятеля. Командиръ батальона, хотя и имѣетъ весьма малое представленіе о происшедшемъ, все-таки, много не разспрашиваетъ: и безъ него другіе пристаютъ достаточно. Кромѣ того, онъ видитъ, что его начальникъ нѣсколько возбужденъ или, по крайней мѣрѣ, находится подъ сильнымъ впечатлѣніемъ происходящаго. Поэтому онъ перестраиваетъ свой батальонъ по-ротно, указываетъ ему направленіе, откуда свистятъ надъ головой пули непріятеля, и, за неимѣніемъ лучшаго, поспѣшно обозначаетъ какой-нибудь лѣсъ, высоту или строеніе ориентировочнымъ пунктомъ. Тотчасъ же обнаруживается нѣкоторый излишекъ въ выкрикиваніи командъ; обыкновенно происходитъ какое-нибудь недоразумѣніе относительно направленія и вліяетъ на мысли и голосъ. Между тѣмъ приближаются къ противнику, и его ружейный огонь неожиданно вдругъ оживляется. Онъ только-что занялъ еще сильнѣе тѣ мѣстные предметы, на которые направляется батальонъ. Потери сразу становятся очень чувствительными. Но тѣмъ менѣе мыслимо какое-либо раздумье. Остается еще только быстро идти впередъ, и рѣдѣющія роты, разсыпавшись въ стрѣлковыя цѣпи, наступаютъ самымъ оживленнымъ боемъ. Съ рѣшительнымъ мужествомъ тѣснятся онѣ впередъ и прогоняютъ непріятеля; но послѣдній показывается еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Даже какая-то непріятельская батарея начинаетъ отвѣчать. Слѣдующій прибывшій батальонъ получилъ уже приказаніе прикрыть другой флангъ артиллеріи. И его участь такая же, какъ и перваго, за которымъ мы прослѣдили. Командиръ передового полка, озабоченный тѣмъ, что два его батальона уже разрѣзно вовлечены въ бой, слѣдуетъ съ третьимъ баталь-

оном ъ за одним ъ изъ них ъ, чтобы таким ъ образом ъ держать хоть два их ъ вм ѣст ѣ. Скоро вся п ѣхота авангарда (мы берем ъ здѣсь тоть составь его, который пока еще пользуется правом ъ гражданства) втянута въ жаркое дѣло. Противник ъ оказался сильн ѣе, чѣм ъ думали. Онъ открыл ъ огонь изъ н ѣскольких ъ батарей.

Но вот ъ на том ъ холм ѣ, гд ѣ находились начальники, произошло движен ie—пр ѣхал ъ корпусны командир ъ. Сначала казалось, что на его лиц ѣ выражается неудовольств ie: но, выслушав ъ основательные доводы, он ъ въ конц ѣ концов ъ, одобряет ъ случившееся, тѣм ъ бол ѣе, что ничего уже нельзя перем ѣнить. Прежде всего необходимо упрочить немного колеблющееся равнов ѣс ie. Начальник ъ артиллери уже подъ рукой и ему приказывают ъ выдвинуть батареи главных ъ сил ъ. И он ѣ обгоняют ъ п ѣхоту. Съ н ѣкоторых ъ пор ъ у противника зам ѣчается новое явлен ie: надъ л ѣсом ъ, ограничивающим ъ горизонт ъ, поднялось какое-то бл ѣдно-с ѣрое пятно; одни говорят ъ, что это облако, другіе утверждают ъ, что это пыль. Но вот ъ сомн ѣн ія разъясняются: пятно это оказывается пылью, поднятою большой приближающейся колонной. Теперь может ъ быть только вопрос ъ, как ъ она велика: дивизія ли это, или корпус ъ. Корпусны командир ъ находит ъ благоразумным ъ дать знать сос ѣдним ъ корпусам ъ собственной арміи. Адъютанты быстро отправляются съ словесными или короткими, написанными карандашем ъ сообщен іями.

Отправимся теперь къ полководцу.

Утром ъ он ъ оставил ъ свою главную квартиру въ старом ъ м ѣст ѣ, чтобы доставить возможность своему штабу еще спокойно поработать: только посл ѣ полудня предполагается пере ѣхать въ новую главную квартиру. Съ н ѣкоторым ъ напряжен iем ъ ожидаются донесен ія о результатах ъ сегодняшняго наступлен ія, но отнюдь не сражен ія. Но вот ъ распространяется в ѣсть, что вдали слышна канонада. По временам ъ она стихает ъ, а потом ъ опять возобновляется. Начинаются догадки и дебаты о том ъ, что бы это могло означать. Часто нельзя опред ѣлить, происходит ъ ли стр ѣльба въ собственной арміи, или въ сос ѣдней. Н ѣсколько не занятых ъ работой офицеров ъ взобрались на окружающія городок ъ высоты

и, возвратясь, увѣряютъ, что оттуда можно ясно различить даже и ружейный огонь и что бой, кажется, принимаетъ значительные размѣры и, вообще, серьезный оборотъ. Наконецъ приходитъ донесеніе. Это то самое, которое отправлено изъ авангарда вступившаго въ бои корпуса, когда еще предполагалось, что онъ имѣетъ передъ собой только непріятельскія передовыя части. Поэтому въ немъ говорится только о слабыхъ отрядахъ противника, которыхъ вытуснули и собираются теперь преслѣдовать. Итакъ, приходятъ къ заключенію, что дѣло идетъ только о частной стычкѣ, а слѣдовательно нѣтъ повода принимать какія-либо новыя мѣры. Все опять успокаивается и интересъ на минуту исчезаетъ. Черезъ какой-нибудь часъ приходитъ донесеніе, отправленное корпуснымъ командиромъ послѣ того, какъ онъ лично ориентировался въ обстановкѣ дѣла. Онъ уже говоритъ о болѣе значительныхъ массахъ непріятеля, осторожнымъ образомъ оставляетъ въ неизвѣстности, превосходитъ ли его противникъ въ силахъ, или нѣтъ, и кончаетъ свое донесеніе тѣмъ, что онъ намѣренъ атаковать противника со всѣмъ ввѣреннымъ ему корпусомъ. Дѣло становится серьезнѣе, и канонада стала живѣе. Находящемуся случайно въ главной квартирѣ офицеру генеральнаго штаба другого корпуса поручается передать корпусному командиру желаніе главнокомандующаго по возможности скорѣе поддержать сражающихся. Еще неизвѣстно, нужно ли это, или нѣтъ, но благоразуміе требуетъ позаботиться объ этомъ во всякомъ случаѣ. Одинъ изъ офицеровъ главной квартиры ѣдетъ на мѣсто дѣйствія. Между тѣмъ шумъ боя вскорѣ становится все громче и громче и притомъ не удаляется. Всѣ приказываютъ сѣдлать лошадей, и перенесеніе главной квартиры на сегодняшній день откладывается. Дальнѣйшія донесенія съ мѣста боя совершенно прекратились — это всегда признакъ чего-нибудь особеннаго. Но вотъ послѣ болѣе или менѣе значительнаго промежутка прибываетъ наконецъ ординарецъ. Но онъ пріѣхалъ не отъ сражающихся, а изъ другого корпуса, который еще не принималъ участія въ бою. Ординарецъ докладываетъ, что этотъ корпусъ свернулъ съ указаннаго ему направленія, чтобы со всѣми своими силами поспѣшить на *поле битвы*, такъ какъ, кажется, тамъ очень необходима помощь; всѣ

ближайшія части также извѣщены объ этомъ. Слово „поле битвы“ производитъ сильное впечатлѣніе.

Главнокомандующій уѣзжаетъ крупной рысью по тому направленію, откуда слышится канонада: послѣ нѣкотораго времени онъ догоняетъ войска. Въ серьезной тишинѣ спѣшатъ они къ мѣсту боя. Каждый собираетъ свои силы для предстоящаго. Только при видѣ полководца и его свиты прерывается молчаніе: громкое ура раздается изъ рядовъ. Вскорѣ начинаютъ встрѣчаться первые раненые, а черезъ нѣсколько времени и отрядъ плѣнныхъ, часто подъ весьма сильнымъ конвоемъ, какъ будто бы хотятъ особенно вѣрно обезпечить эти первые результаты боя. Далѣе слѣдуетъ болѣе крупная партія, и число раненыхъ также стало увеличиваться. Съ ближайшихъ высотъ спускаются опять колонны войскъ, направляясь всѣ къ полю сраженія. Наконецъ сворачиваютъ съ большой дороги въ долину, ведущую къ полю битвы. Признаки близости большого, серьезнаго боя очевидны. Плѣнныхъ приводятъ все больше; по обѣимъ сторонамъ дороги устроены перевязочные пункты; полевые лазареты и санитарныя колонны въ полной дѣятельности; раненые прибываютъ къ нимъ массами. Обозы подъ прикрытіемъ остановились въ сторонѣ, на открытыхъ мѣстахъ, сбившись въ кучу. Выкрикиваютъ нумера парковыхъ колоннъ, которыхъ ищутъ офицеры, прискакавшіе съ величайшей поспѣшностью съ поля сраженія. Глухой громъ пушекъ и трескотня ружей сливаются здѣсь уже въ одинъ равномѣрный, непрерывный шумъ. Вправо, на высотѣ, надъ лѣсомъ разрываются непріятельскія гранаты и шрапнели; ихъ бѣлые дымки рѣзко выдѣляются на фонѣ неба. Общее ура встрѣчаетъ прибывшихъ со всѣхъ сторонъ; едва возможно ориентироваться изъ нѣсколькихъ словъ одного раненаго старшаго офицера: ихъ можно только съ трудомъ понять.

Еще нѣсколько минутъ, и группа всадниковъ останавливается на высотѣ, на которую за нѣсколько часовъ выѣхали батареи, завязавшія бой. Большое число лежащихъ на землѣ убитыхъ и раненыхъ показываетъ, какъ онъ былъ здѣсь серьезенъ. Войска продвинулись еще впередъ, но не особенно далеко. Передъ глазами главнокомандующаго открывается картина битвы. Длинныя

артиллерійскія линіи стоятъ другъ противъ друга. Тонкіе ряды дымковъ вдоль подошвъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ, обозначаютъ расположеніе пѣхотной цѣпи, которая то подается въ одномъ мѣстѣ впередъ, то въ другомъ назадъ. То здѣсь, то тамъ можно различить сомкнутыя части, прижавшіяся въ складкахъ и углубленіяхъ мѣстности. У непріятеля за фронтомъ тоже можно замѣтить двигающіяся массы войскъ. Пыль, пороховой дымъ и дымъ отъ горящихъ строеній, густо разстилающійся надъ полемъ битвы не даютъ возможности хорошенько опредѣлить цѣль этихъ движеній. Въ нѣсколько большемъ отдаленіи замѣтны сомкнутыя массы. Протяженія фронта нельзя видѣть, но гулъ выстрѣловъ доказываетъ, что фланги выходятъ изъ предѣловъ кругозора. Позванный къ главнокомандующему генералъ разъясняетъ ему предшествовавшій ходъ боя, насколько онъ это успѣлъ узнать.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія! Передъ нами не простая стычка, а рѣшительная битва.

Въ подобномъ положеніи тотъ главнокомандующій склонитъ перевѣсъ на свою сторону, который раньше остановится на какой-нибудь опредѣленной мысли для дальнѣйшаго веденія боя въ широкомъ смыслѣ. Это не такъ легко, какъ то, можетъ-быть, кажется людямъ, не знающимъ войны. Полководецъ принужденъ въ одно мгновеніе рѣшить массу отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ. Здѣсь наступаетъ одна часть безъ связи съ прочими и ее нужно удержать; тамъ другая оставляетъ какой-нибудь важный пунктъ и нуждается въ поддержкѣ; третій проситъ подкрѣпленія; четвертый доноситъ о недостаткѣ огнестрѣльныхъ припасовъ; пятый, что непріятель угрожаетъ его флангамъ. Начальникъ кавалеріи спрашиваетъ, принять ли ему участіе въ бою пѣхоты, находя, что наступилъ удобный для этого моментъ. Начальникъ артиллеріи желаетъ перемѣнить позиціи батареи и хочетъ знать, соотвѣтствуетъ ли это намѣреніямъ главнокомандующаго. Множествомъ такихъ и даже еще менѣе важныхъ вопросовъ со всѣхъ сторонъ заваливаютъ полководца, и онъ подвергается опасности, подъ вліяніемъ безчисленныхъ деталей, потерять изъ вида главное направленіе, которое нужно дать бою. Чтобы избѣгнуть этого, ему необходимо то великое рѣшеніе, которое подчинитъ себѣ

всѣ частности и къ которому всѣ тѣ многія приказанія и распоряженія примыкаютъ настолько, насколько они всѣ способствуютъ достиженію одной цѣли. Черезъ это всѣ многочисленныя, собранныя на полѣ сраженія, силы получаютъ общее направленіе, въ которомъ онѣ и приводятся въ движеніе. Ихъ согласованныя дѣйствія рѣшатъ дѣло, въ особенности если въ войскахъ противника нѣтъ этого согласія и если его главнокомандующій еще колеблется между частными рѣшеніями. Въ этихъ именно случаяхъ болѣе всего выказывается превосходство одареннаго свыше полководца передъ обыкновеннымъ, хотя и дѣльнымъ и опытнымъ, генераломъ. Первый хотя и можетъ ошибиться въ мелочахъ и дать иногда какой-нибудь отдѣльной части не надлежащее направленіе, но онъ скоро остановится на опредѣленномъ общемъ рѣшеніи. Второй же—„le bon général ordinaire," какъ его называютъ французы, дастъ каждому батальону, каждой батареѣ, каждому кавалерійскому полку, соотвѣтственно особенностямъ ихъ боевой дѣятельности, можетъ-быть, самыя лучшія указанія; но имъ будетъ недоставать внутренней связи. Всѣ части войскъ, каждая въ своей сферѣ, дѣйствуютъ какъ нельзя лучше, но только одна въ одну сторону, а другая въ другую. Если въ арміи не особенно выдающаяся дисциплина ума, такъ что она одна, безъ помощи высшаго руководства, не можетъ вызвать единства въ дѣйствіи, то неизбѣжно является раздробленіе силъ.

Если кампанія, вообще, цѣлесообразно и твердо начата, то мысль о сраженіи разовьется непосредственно изъ идей, руководившихъ предварительными движеніями армій. Извѣстно, что въ 1870 году, при началѣ войны, въ основаніе операцій всѣхъ арміи была положена мысль: „оттѣснить французовъ въ сѣверномъ направленіи отъ ихъ сообщеній съ Парижемъ" [1]). Но вотъ 16-го августа, при Віонвилѣ, положеніе дѣлъ приняло оборотъ, подобный вышеизложенному. При наступленіи къ р. Маасъ ожидали сраженія, но только лишь на этой рѣкѣ или не далеко передъ нею, можетъ-быть, уже 17-го августа, но не 16-го. Предполагалось, что фран-

[1]) Франко-нѣмецкая война 1870—71 г., составленная военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба.

пузы, отброшенные 14-го августа въ Мецъ, успѣли въ ночь съ 14-го на 15-е и въ теченіе 15-го числа значительно опередить германцевъ.

Однако уже 16-го августа 3-й корпусъ, двигавшійся на правомъ флангѣ II-ой арміи, наткнулся на противника. Вслѣдствіе безполезныхъ проволочекъ французы были гораздо ближе къ Мецу, чѣмъ то можно было предположить. Бой развился изъ случайной встрѣчи. Командиръ корпуса, руководясь вышеприведенной общей идеей, рѣшилъ атаковать французовъ, выдвигая при этомъ впередъ свой лѣвый флангъ такимъ образомъ, чтобы сдѣлать захожденіе къ сторонѣ Меца и встать поперегъ большой дороги въ Вердюнъ. Владѣя послѣднею, онъ удержалъ бы противника на мѣстѣ и лишилъ бы его пути отступленія въ западномъ направленіи, т. е. „его сообщеній съ Парижемъ“. Но непріятель оказался сильнѣе, чѣмъ то предполагали, и его численное превосходство давало себя все болѣе чувствовать. Послѣ полудня 3-й корпусъ въ тяжелой борьбѣ еле удерживалъ пріобрѣтенныя еще утромъ выгоды. Главнокомандующій арміей, принцъ Фридрихъ Карлъ, перенося руководящую стратегическую идею на тактическую почву, также рѣшился загородить противнику дорогу. Для этого 3-й корпусъ долженъ былъ удерживаться на мѣстѣ, а 10-й, который наступалъ на лѣвомъ флангѣ, атаковать правый флангъ противника, чтобы такимъ образомъ по возможности окончательно отбросить французовъ назадъ къ Мецу. Когда же выяснилось, что этихъ силъ далеко недостаточно [1]) и что, наоборотъ, превосходство французовъ грозитъ раздавить ихъ, то къ первому рѣшенію присоединилось второе—посредствомъ непрерывныхъ атакъ, какъ ни малы были средства, ввести противника въ заблужденіе относительно слабости атакующаго. Многіе опытные солдаты нахмурно покачивали головами, когда было получено приказаніе продолжать наступленіе и не давать покоя непріятелю, несмотря на то, что батальоны превратились въ небольшія кучки и ихъ силы, какъ и боевые припасы, истощились. Точно также вѣроятно призадумались и кавалерійскіе начальники, получившіе, при наступленіи сумерекъ, приказаніе еще разъ повести свои эскадроны въ атаку.

[1]) Части 10-го корпуса ввязались съ самаго начала въ бой вмѣстѣ съ 3-мъ, что главнокомандующему не было тотчасъ извѣстно.

для которой даже нельзя было обозначить опредѣленной, ясной видимой цѣли. И, все-таки, только эти мѣры были единственно правильны. Въ особенности онѣ были цѣлесообразны въ смыслѣ связи съ намѣреніемъ ввести противника въ заблужденіе, держать его въ постоянномъ напряженіи и не дать ему возможности прійти къ сознанію ни своей силы, ни того, что его спасеніе зависитъ отъ его отступленія на западъ, котораго онъ долженъ добиться, во что бы то ни стало. Здѣсь противъ французскаго „le bon général ordinaire" стоялъ съ германской стороны великій воинъ. Послѣдній сумѣлъ сразу подчинить себѣ ходъ мыслей противника и тѣмъ лишить силы его арміи ихъ полной дѣйствительности. Только этимъ разрѣшается та загадка, что въ этотъ день, который былъ рѣшительной поворотной точкой въ войнѣ противъ имперіи, 120,000 французовъ не могли разбить 60,000 германцевъ. Въ сраженіи оправдывается старое правило, что обѣ стороны боятся другъ друга. Кто первый сумѣетъ освободиться отъ этого впечатлѣнія и сдѣлается морально господиномъ положенія, тотъ и будетъ побѣдителемъ, ибо надъ всѣми силами стоятъ тѣ, которыя дѣйствуютъ на душу и наполняютъ ее или страхомъ и заботой, или гордостью и самоувѣренностью.

Нѣтъ никакой надобности, чтобы мысль полководца была всегда *наилучшей* изъ всѣхъ, которыя можно вообще найти. Если бы можно было всю обстановку еще разъ обдумать дома, въ рабочемъ кабинетѣ, то во многихъ случаяхъ отыскалась бы болѣе соотвѣтственная. Въ дѣйствительности же на войнѣ достаточно остановиться на какой-нибудь цѣлесообразной мысли; но ея должно твердо и неуклонно держаться, и даже самыя мелочныя распоряженія должны быть разсчитаны на то, чтобы способствовать исполненію ея до тѣхъ поръ, пока сознаніе полководца само не обратится къ лучшему средству. Затѣмъ въ различныхъ, смотря по обстоятельствамъ, распоряженіяхъ остается только еще разумно слѣдовать основнымъ правиламъ, общимъ каждому бою.

Совершенно иначе происходитъ все это въ *предначертанномъ сраженіи*. По приказанію высшаго начальника войсковыя массы сосредоточились. Въ предварительныхъ стычкахъ авангарды непріятеля отброшены на первую линію окоповъ и приспособлен-

ихъ къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ, гдѣ ихъ приняли на себя болѣе сильные отряды. Арміи пришли въ тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ; онѣ теперь похожи на двухъ бойцовъ, скрестившихъ свои шпаги. Еще одна сторона торопливо работаетъ надъ укрѣпленіемъ своихъ линій, а другая поджидаетъ прибытія своихъ послѣднихъ отдаленныхъ частей, спѣшащихъ форсированными маршами къ сборному пункту. Наконецъ все готово. Аванпосты находятся въ этотъ день въ непосредственномъ соприкосновеніи съ непріятельскими, и требуется много труда, чтобы прекращать возникающія между ними стычки и тѣмъ отстранить возможность преждевременнаго сраженія. Ночью большія зарева бивачныхъ огней показываютъ, что непріятель все еще близокъ. Полководцы переносятъ свои главныя квартиры къ фронту и, можетъ-быть, проводятъ эту послѣднюю ночь даже на одномъ изъ биваковъ. Каждый чувствуетъ приближеніе рѣшительнаго дня и готовится къ нему. Приблизительная сила и протяженіе противниковъ до нѣкоторой степени уже извѣстны другъ другу. Правда, обѣ стороны тщательно держатъ свои главныя силы назади и, по возможности, скрытно, но распредѣленіе ихъ стараются угадать. Наконецъ отдаются приказанія для боя, который, при такомъ треніи между обѣими арміями, уже сталъ неизбѣжнымъ. Руководящая идея установится еще до начала сраженія. Она является результатомъ предыдущихъ рекогносцировокъ, совмѣстнаго обсужденія небольшого кружка выдающихся людей и продолжительной работы. Здѣсь само собою разумѣется, что она должна быть въ логической связи съ взглядами и намѣреніями относительно общаго хода войны. Точно также мы предполагаемъ, что при разумномъ веденіи дѣла будутъ, вообще, сдѣланы цѣлесообразныя приготовленія. Такимъ образомъ, при вѣрномъ опредѣленіи силъ и если войска доблестны, казалось бы можно надѣяться, что хорошій исходъ предстоящаго событія обезпеченъ. Но центръ тяжести его лежитъ въ совсѣмъ другомъ мѣстѣ.

Ни одно сраженіе не происходитъ совершенно такъ, какъ оно задумано. Каждое приноситъ съ собой различныя неожиданности, которыя хоть сколько-нибудь да измѣнятъ желательный ходъ сраженія. Тогда большею частью оказывается, что и задуманныя ра-

нѣе мѣры уже не цѣлесообразны. Поэтому полководцу придется уловить тотъ моментъ, когда приходится уклониться отъ предположеннаго и перейти въ область импровизаціи, когда нужно отказаться отъ теоретически-вѣрнаго и дѣлать то, что въ данную минуту является практически-выгоднымъ. Это тяжело; не легко отказаться отъ разъ созданной въ своемъ воображеніи картины хода битвы. Бой при Заальфельдѣ, 10-го октября 1806 года, представляетъ примѣръ того, какъ опасно рисовать себѣ грядущее въ опредѣленной формѣ. 9-го октября принцъ Людвигъ Фердинандъ, во главѣ 9-ти тысячнаго авангарда, находился у Рудольштадта и получилъ приказаніе на слѣдующій день, по смѣнѣ его авангардомъ главной прусской арміи, идти черезъ Нейштадтъ къ князю Гогенлое, которымъ хотѣлъ сосредоточить всѣ свои войска у Митель-Пельница [1]).

Прямой дороги отъ Рудольштадта къ Нейштадту, черезъ горы, въ то время не было и потому нужно было дѣлать обходъ черезъ Заальфельдъ и пользоваться тамъ мостомъ черезъ р. Заале. Но французы были уже весьма близко отъ этого моста; если бы они завладѣли имъ, то принцъ былъ бы отрѣзанъ отъ князя. Поэтому принцъ былъ совершенно правъ, выступивъ утромъ 10-го октября къ Заальфельду, и поступилъ не менѣе логично, остановившись тамъ, такъ какъ авангардъ главной прусской арміи, котораго онъ долженъ былъ выждать, еще не прибылъ. Такимъ образомъ странное расположеніе при Заальфельдѣ, такъ жестоко порицаемое какъ несообразность, является естественнымъ и оправдывается обстоятельствами [2]). Но, къ сожалѣнію, относительно дальнѣйшихъ дѣйствій принцъ до такой степени углубился въ картину своей фантазіи, что не могъ даже въ рѣшительную минуту отказаться отъ нея. Его сердце было исполнено желанія блестяще отразить впереди этого дефиле первый натискъ французовъ, дать время подойти головѣ главныхъ силъ и только затѣмъ пойти на присоединеніе къ своей арміи къ Митель-Пельницу.

---

[1]) Отъ этого назначенія отказались еще 9-го числа, но, къ сожалѣнію, данное принцу приказаніе не было своевременно отмѣнено.

[2]) Исключая несообразности тактическихъ подробностей.

Если бы все такъ случилось, какъ предполагалъ принцъ, то это было бы дѣйствительно блестящее дѣло. Но французы остерегались неосторожно дебушировать при Заалфельдѣ изъ лѣсистыхъ горъ и атаковать. Они могли сверху обозрѣть позицію принца и слабость его боекъ. Поэтому они обошли его по хребту, чтобы предварительно охватить его правый флангъ, лишить его всякаго выхода и затѣмъ прижать къ р. Заалѣ. Итакъ, для Людвига Фердинанда наступилъ моментъ признать, что то, на что онъ надѣялся, не случится, что необходимо отказаться отъ заранѣе задуманнаго плана и черезъ Заалфельдъ уйти на другой берегъ рѣки или отступить къ Рудольштадту. Только такимъ образомъ онъ могъ избѣжать опасности. Но онъ уже не былъ свободенъ и былъ слишкомъ охваченъ предвзятымъ мнѣніемъ; минута прошла, его отрядъ былъ разсѣянъ, и онъ самъ палъ, унося въ могилу славныя надежды своего отечества. Примѣръ его долженъ служить предостереженіемъ, чтобы не вступать въ преднамѣренную битву съ твердо укоренившимся представленіемъ о ея ходѣ.

Сраженіе 18-го августа 1870 г.—два дня спустя послѣ битвы при Віонвилѣ—было преднамѣренное. Но и оно произошло не такъ, какъ было желательно. Правый флангъ непріятеля оказался не тамъ, гдѣ его предполагали. Намѣреніе не начинать серьезной атаки съ фронта ранѣе, нежели указанный флангъ не будетъ охваченъ, рушилось вслѣдствіе того, что 9-й корпусъ былъ раньше времени увлеченъ въ рѣшительный бой. Тогда отчасти высшіе руководители и отчасти низшіе начальники соотвѣтственно измѣнили первоначальный планъ, поведя болѣе серьезную общую атаку съ фронта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ болѣе сѣверное направленіе для обхода. Такимъ образомъ новымъ путемъ достигли первоначальной цѣли. Изъ этого видно, что въ преднамѣренномъ сраженіи для главнокомандующаго хотя и важно тщательно взвѣсить и подготовить для его хода одну руководящую идею, но изъ-за нея онъ не долженъ терять ясности въ наблюденіи за дѣйствительнымъ теченіемъ дѣла. Здѣсь быстрота рѣшенія играетъ не такую большую роль и рѣдко требуется въ началѣ битвы.

Слѣдовательно, случайное и преднамѣренное сраженія представляютъ различные пробные камни для способностей полководца.

и выказавшій свое искусство въ одномъ можетъ и не быть. мастеромъ въ другомъ.

Послѣднія большія сраженія были рѣшены *охватывающей атакой* одного изъ фланговъ. Въ этомъ выражается та же мысль, которая лежала въ основаніи атакъ Фридриха Великаго съ его косвеннымъ боевымъ порядкомъ и изъ которой должны вытекать всѣ подготовленія къ бою. Мысль эта заключается въ желаніи со всей массой собственныхъ войскъ атаковать только часть войскъ противника. Такъ какъ атакующій побѣдитъ, если онъ хоть на одномъ только пунктѣ окажется сильнѣе противника, то это намѣреніе правильное. Въ той или въ другой формѣ, но оно выразится во всякомъ способѣ атаки. Въ настоящее время только нельзя, какъ въ прошломъ столѣтіи, оставлять совершенно безъ занятій ту часть непріятельской арміи, которую не хотятъ атаковать. Теперь необходимо серьезно затронуть эту часть, чтобы удержать ее на мѣстѣ. Подвижность войскъ и самостоятельность отдѣльныхъ начальниковъ такъ увеличились, что нельзя болѣе и думать, чтобы одна половина арміи обороняющагося оставалась спокойнымъ зрителемъ пораженія другой. Демонстраціи и ложныя атаки, которыми въ прежнія времена старались и дѣйствительно удерживали противника на мѣстѣ, покоятся на устарѣвшемъ понятіи и, въ большинствѣ случаевъ, не приведутъ къ цѣли. Развитіе боя въ настоящее время продолжается слишкомъ долго, развѣдывательная служба стала слишкомъ дѣятельною и военная прозорливость начальниковъ сдѣлала, въ общемъ, слишкомъ большіе шаги впередъ, чтобы обманы такими слабыми средствами могли продержаться долго. Вступительные бои, которые наполняютъ первый актъ большой битвы, должны имѣть равномѣрно серьезный характеръ, если ими хотятъ заставить непріятеля сдѣлать ошибку. Оружіе, играющее при этомъ главную роль,—есть артиллерія. Жаркій артиллерійскій бой, предпринятый атакующимъ, можетъ одинаково служить, какъ для подготовки рѣшительнаго удара пѣхотныхъ массъ, такъ и для скрытія и обезпеченія движенія своихъ войскъ къ другимъ пунктамъ. Взглядъ, который долженъ изъ этого составить себѣ обороняю-

щійся и отъ котораго зависитъ правильность или неправильность принятыхъ мѣръ, часто получится не изъ впечатлѣнія картины сраженія, а изъ другихъ обстоятельствъ. Стратегическое положеніе, привычки противника, случайности, извѣстія, полученныя передъ сраженіемъ, соображенія относительно пути отступленія и сообщенія съ остальными частями арміи, все это играетъ большую роль. Вотъ изъ этихъ-то величинъ и при возбужденномъ состояніи нужно составить задачу на теорію вѣроятности, при рѣшеніи которой даже умный человѣкъ легко можетъ впасть въ заблужденіе.

Между тѣмъ у наступающаго происходятъ приготовленія къ рѣшительному удару. Скрываясь отъ взоровъ противника мѣстностью или вслѣдствіе отвлеченія его вниманія разгорѣвшимся уже впереди боемъ, массы войскъ передвигаются въ направленіи, въ которомъ имѣется серьезное намѣреніе довести дѣло до конца. Пороховой дымъ, покрывающій поле, и шумъ сраженія служатъ союзниками рѣшительно атакующаго, помогая ему незамѣтно приблизиться къ непріятельской позиціи. И въ будущемъ цѣлью ударовъ будутъ, большею частью, служить фланги непріятеля, потому что на нихъ скорѣе всего возможно достигнуть превосходства въ силахъ. Однако, сравнительно съ кампаніей 1870 г., все-таки предстоитъ существенная перемѣна. Много рѣшеній было тогда вызвано ударомъ во флангъ сравнительно небольшою частью арміи. Объ этомъ въ будущемъ не можетъ быть и рѣчи. Обороняющійся сдѣлаетъ свои крылья сильнѣе и обезпечитъ свои фланги разумнымъ употребленіемъ резервовъ такъ, что нельзя будетъ надѣяться встрѣтить при охватѣ узкій и слабый флангъ, чтобы потомъ свернуть всю непріятельскую боевую линію. Скорѣе и здѣсь возникнетъ сильный фронтальный бой, только въ измѣненной формѣ. Несмотря на это, обороняющійся будетъ, все-таки, въ худшемъ положеніи; онъ будетъ принужденъ принять сраженіе на такомъ полѣ, на которомъ онъ не приготовился къ нему, и притягивать изъ весьма отдаленныхъ пунктовъ свободныя еще войска. Наступающій же предупредилъ его въ принятіи рѣшенія и соотвѣтствующихъ мѣръ. Но и ему необходимо явиться на флангѣ непріятеля не съ какимъ-либо отдѣльнымъ отрядомъ, а съ большею частью своихъ

силъ. Если до настоящаго времени фронтъ противника удерживался 3—5 корпусами, а для обхода назначался одинъ и даже полъ-корпуса, то въ будущемъ роли ихъ перемѣнятся и для первой задачи будетъ назначаться меньшинство, а для второй большинство.

Это легче сказать, нежели сдѣлать. Прежде всего, небольшое число корпусовъ, направленныхъ противъ фронта, попадетъ большею частью въ весьма опасное положеніе. Имъ придется имѣть дѣло съ значительно превосходящимъ противникомъ. Надъ движеніями атакующаго для охвата виситъ угроза непріятельскаго контръ-наступленія. Если это и представляетъ трудно исполнимое предпріятіе, то оно, все-таки, озаботитъ наступающаго полководца и поставитъ на пробу твердость его рѣшенія.

Кромѣ того, трудно двигать большія массы, назначенныя для обхода, на опредѣленномъ, ограниченномъ пространствѣ и избѣгнуть при этомъ путаницы; между тѣмъ здѣсь все должно выполняться съ точностью часового механизма. Здѣсь представляется больше, чѣмъ въ послѣднихъ войнахъ, случай выказать ловкость и опытность въ совокупномъ движеніи крупныхъ, сомкнутыхъ частей войскъ. Въ этомъ отношеніи мы все еще не освободились отъ извѣстной монотонности. Мы считаемъ возможнымъ неключительно только то, что наиболѣе удобно, а слѣдовательно на войнѣ и правильно, т. е. исполнять движенія корпусовъ впередъ въ ихъ обыкновенной, узкой походной колоннѣ, глубиною въ слишкомъ двадцать верстъ. Когда принцъ Фридрихъ Карлъ, утромъ 18-го августа 1870 г., приказалъ своей арміи сдѣлать отступленіе отъ обыкновенно принятаго походнаго порядка, то раздалось много голосовъ, находившихъ это невозможнымъ. По окончаніи похода этотъ образъ дѣйствій не мало порицался. Но это былъ именно первый случай нововведенія, употребленіе котораго будущее, въ концѣ концовъ, оправдаетъ. Армія принца Фридриха Карла, въ составѣ 6-ти корпусовъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій, утромъ 18-го августа 1870 г., была расположена фронтомъ къ дорогѣ, проходящей изъ Меца черезъ Марсъ-ла-Туръ въ Верденъ, имѣя впереди праваго фланга Резонвиль, а впереди лѣваго Гаронвиль-о-Пассажъ, такъ что протяженіе фронта арміи было

болѣе 10-ти верстъ. Отсюда она должна была начать наступленіе въ сѣверномъ направленіи, чтобы потомъ, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлать захожденіе направо или налѣво. Еще сомнѣвались въ томъ, съ которой стороны окажется противникъ. Наступленіе это могло быть отъ 7 до 15 верстъ, а для лѣваго фланга оно растягивалось болѣе, чѣмъ на цѣлый переходъ. Главнокомандующій предвидѣлъ, что если сосредоточенные на бивакахъ корпуса будутъ вытянуты въ походныя колонны, изъ которыхъ ихъ потомъ опять нужно развернуть для боя, то на это пройдетъ весь день и значительная часть войскъ не поспѣетъ къ сраженію. Поэтому онъ приказалъ: „Наступленіе совершить не въ длинныхъ походныхъ колоннахъ, а сосредоточенными дивизіями, имѣя корпусную артиллерію между послѣдними". Если это приказаніе и не было исполнено всѣми частями арміи, если вслѣдствіе недоразумѣній и происходили задержки и треніе, то, все-таки, только благодаря ему вся II-ая германская армія могла еще въ тотъ же день принять участіе на полѣ битвы, отстоявшемъ отъ нѣкоторыхъ частей на 20 слишкомъ верстъ. Критика осудила это распоряженіе только за то, что оно противорѣчило закону необходимости узкихъ походныхъ колоннъ при всякомъ значительномъ движеніи. Какъ ни вѣрно это въ обыкновенныхъ случаяхъ, однако нельзя бояться исключеній. Непосредственно передъ большими сраженіями будущаго и во время ихъ они будутъ случаться очень часто. Фридрихъ Великій сосредоточилъ утромъ 6-го мая 1757 г., послѣ ночного марша въ сомкнутомъ порядкѣ, 65,000 человѣкъ на Прозикскихъ высотахъ, у Праги, противъ австрійской позиціи. Съ этой массой, держа ее все время въ томъ же сомкнутомъ порядкѣ, онъ прошелъ болѣе 10-ти верстъ по такой мѣстности, которая была нисколько не легче проходима, нежели та, по которой наступала армія принца Фридриха Карла 18-го августа 1870 г.: пройдя эти 10 верстъ влѣво, Фридрихъ къ полудню развернулъ всѣ свои силы и рѣшительно атаковалъ обойденнымъ правымъ флангъ противника. Наполеонъ часто выступалъ утромъ съ массой войскъ, численностью далеко превосходившей корпусъ, и къ полудню вводилъ ее всю въ бой послѣ того, какъ она сдѣлала порядочный переходъ. Даже старо-прусская смотровая тактика умѣла съ 20—28

баталіонами проходить въ сомкнутомъ порядкѣ большія пространства и одновременно употреблять ихъ на извѣстномъ пунктѣ. Все это будетъ снова необходимо. Въ будущемъ, укорачиваніемъ колоннъ посредствомъ уширенія ихъ фронта, движеніемъ только артиллеріи и кавалеріи по дорогамъ, а пѣхоты по бокамъ ея, наконецъ, наступленіемъ развернутыми массами, какъ это было 18-го августа 1870 г., только и можно будетъ успѣшно сосредоточивать въ данное время большія массы на томъ пунктѣ, на которомъ ищутъ рѣшенія битвы. Въ необыкновенномъ случаѣ надо прибѣгать и къ изъ ряда выходящимъ средствамъ. По широкимъ дорогамъ можно двигаться даже въ полувзводныхъ [1]) колоннахъ, и тогда глубина походной колонны дивизіи уменьшается до 3—4 верстъ, а корпуса до 7 или 10 верстъ. Темнота ночи также можетъ увеличить преимущества наступающаго, такъ какъ предохраняетъ его приготовленія отъ высматривающихъ взоровъ противника и дозволяетъ незамѣтное приближеніе къ непріятельской позиціи, которое днемъ, можетъ-быть, стоило бы значительныхъ потерь. Для сокращенія же пространства, которое приходится проходить подъ огнемъ противника при атакѣ, необходимо испытать всѣ возможныя средства, и это не столько въ виду уменьшенія потерь, сколько для того, чтобы возможно меньше ослабить силу и энергію своихъ войскъ передъ рѣшительнымъ ударомъ. Когда утромъ 1-го сентября 1870 г., на второй день сраженія при Седанѣ, получено было донесеніе о томъ, что французы ночью пытались штурмовать селенія, оставшіяся 31-го августа спорными, принцъ Фридрихъ Карлъ впервые высказалъ мысль, что въ будущемъ очень часто придется штурмовать ночью удобно расположенные и сильно занятые мѣстные предметы, которые, вслѣдствіе дѣйствительности нынѣшняго огня, почти неприступны при дневномъ свѣтѣ, а на слѣдующій день ихъ только отстаивать. Во всякомъ случаѣ, ночь увеличиваетъ тотъ крайне ограниченный промежутокъ времени, который обыкновенно данъ для приготовленія къ сраженію. Само собою разумѣется, что всѣ

[1]) Въ Германіи рота дѣлится на 3 взвода и 6 полувзводовъ; слѣдовательно, ширина фронта германской полувзводной колонны равняется, приблизительно $^2/_3$ ширины фронта нашей взводной колонны.

эти чрезвычайныя средства примѣняются только тогда, если въ нихъ является крайняя необходимость; они изнуряютъ войска и поглощаютъ часть силы, которая должна быть употреблена полностью. Сраженія, продолжающіяся нѣсколько дней, рѣдко обойдутся безъ ночныхъ движеній.

Рѣшающее дѣйствіе противъ крыла и фланга должно быть хорошо согласовано съ наступленіемъ противъ фронта обороняющагося. Въ виду огромныхъ размѣровъ армій и большого количества рядомъ распоряжающихся высшихъ начальниковъ, удачный исходъ возможенъ лишь при вѣрномъ и тщательномъ приступѣ къ дѣлу. Однако рѣшительный ударъ не долженъ непосредственно слѣдовать за подготовительными боями, дабы дать обороняющемуся время сдѣлать какія-нибудь ошибки. Съ другой стороны, этотъ промежутокъ опять не долженъ быть слишкомъ великъ, такъ какъ тогда противникъ можетъ убѣдиться въ отсутствіи серьезнаго намѣренія въ подготовительныхъ бояхъ, которые теряютъ тогда свое значеніе. Каждая четверть часа можетъ получить величайшую важность и рѣшить исходъ боя. Разъ только считаютъ, что моментъ для рѣшенія насталъ, то необходимо быстро и искать его, чтобы не дать непріятелю времени измѣнить фронтъ. Точно также при начавшемся рѣшеніи на флангѣ необходимо позаботиться, чтобы на фронтѣ бой отнюдь не ослабѣвалъ, а, напротивъ, усилился бы.

Полководецъ долженъ отрѣшиться отъ опасенія, что при охватывающей атакѣ на полѣ сраженія онъ еще болѣе теряетъ свои естественныя пути отступленія, чѣмъ при обходныхъ движеніяхъ до битвы; иначе его рѣшимость и его дѣйствія будутъ слабы. Всѣ его мысли должны быть направлены впередъ. *Лучше всего обезпечиваетъ себѣ путь отступленія тотъ, кто всѣми силами бьетъ находящагося передъ нимъ врага.* Бой такъ сильно господствуетъ надъ всѣмъ прочимъ, что всякія сомнѣнія, дающія поводъ къ уменьшенію энергіи въ исполненіи, должны умолкнуть. Доблестное управленіе войсками, при надѣливаніи массъ для удара, никогда не будетъ задаваться вопросомъ, въ какомъ положеніи онѣ окажутся относительно ихъ естественнаго пути отступленія; оно будетъ только занято изысканіемъ такого на-

правленія, въ которомъ оно скорѣйшимъ и наиболѣе рѣшительнымъ образомъ можетъ примѣнить свои силы. Сраженіе 18-го августа 1870 года было ведено съ обратнымъ фронтомъ, и при движеніи для охватывающей атаки праваго фланга французовъ путь отступленія былъ совершенно брошенъ, но во время битвы объ этомъ никто въ германской арміи и не думалъ. Все вниманіе было устремлено на атаку и впередъ, на побѣду, а не назадъ, на путь отступленія. Отъ этого атака и имѣла такую громадную силу. Такъ оно должно было бы быть и всегда.

При изображеніи сраженія мы невольно нарисовали *наступательную битву*. Какой германскій воинъ поступилъ бы иначе? Но любовь къ порядку заставляетъ насъ говорить и объ *оборонительномъ боѣ*.

Атакующій боится фронта. Онъ составляетъ силу обороняющагося и послѣдній это сознаетъ. Если фронтъ обороняющагося расположенъ такъ, что впереди лежащая мѣстность вся обстрѣливается сильнымъ огнемъ, то онъ можетъ въ первый день сраженія почти обойтись здѣсь безъ резервовъ. Такъ какъ онъ можетъ быть увѣренъ, что противникъ будетъ искать еще второго поля сраженія на флангахъ, то здѣсь и слѣдуетъ держать наготовѣ свои резервы.

Фланги составляютъ Ахиллесову пяту обороняющагося. По большей части общая обстановка укажетъ на одинъ флангъ, которому болѣе или исключительно угрожаетъ опасность. Къ нему и долженъ быть направленъ имѣющійся резервъ. Затѣмъ необходимо всѣми силами бороться противъ того, чтобы не смѣнивали обороны съ бездѣйствіемъ. Въ понятіи объ оборонѣ есть какая-то тяжесть, которая удручаетъ идеи и рѣшенія начальниковъ.

Въ сраженіяхъ послѣдняго времени почти всегда пытались защитить свои угрожаемые охватомъ фланги удлиненіемъ позиціи. Но такъ какъ атакующій дѣлалъ болѣе дальній обходъ, то флангъ становился все слабѣе и слабѣе, его, все-таки, охватывали и наконецъ свертывали. Гораздо безопаснѣе защищать флангъ свободными, подвижными частями арміи, на которыя возлагается особая задача предохранить отъ охвата противникомъ, двигаясь ему на встрѣчу.

Во время сраженія на Лизенѣ впереди праваго фланга оборонительной позиціи германцевъ былъ выдвинутъ почти на 4 версты самостоятельный отрядъ, которому утромъ 16-го января 1871 г. было приказано самому перейти въ наступленіе противъ фланга атакующаго. Французы, впрочемъ, предупредили это намѣреніе сами, направивъ туда сильныя массы. Однако идея такого способа обороны сохраняетъ свою цѣну, какъ примѣръ. Подобная же мысль проведена въ планѣ одного сраженія, которое ожидалось, но, въ концѣ концовъ, не состоялось. Въ началѣ войны 1870 г. II-ая армія выбрала близъ Маригейма поле сраженія, на которомъ она хотѣла встрѣтить французовъ, если бы они преждевременно перешли въ наступленіе. Четыре корпуса должны были удерживать фронтъ, два маневрировать на флангахъ для защиты ихъ и одинъ долженъ былъ служить общимъ резервомъ. *Тѣмъ подвижнѣе обороняющійся, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ себя прикованнымъ къ одному мѣсту, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ. Подвижность и дѣятельность превращаются на войнѣ въ силу.*

Подобно тому, какъ при движеніяхъ, обороняющійся можетъ и на полѣ сраженія, переходомъ съ фронта въ наступленіе, разстроить попытки противника охватить его. Конечно, для этого необходимы большая рѣшительность, ясное пониманіе обстановки и умѣніе быстро схватить благопріятный моментъ, такъ какъ это контръ-наступленіе вводитъ обыкновенно обороняющагося въ самую середину огня противника. Но что трудно, того еще нельзя считать невозможнымъ. Представимъ себѣ, что 18-го августа 1870 г. французская гвардія стояла бы въ резервѣ за правымъ, а не за лѣвымъ флангомъ ихъ общаго расположенія, и на высотахъ С. Прива находился бы полководецъ, подобный Бонапарте. При этихъ условіяхъ въ ту минуту, когда атака гвардейскаго корпуса остановилась, а обходъ саксонцевъ еще не былъ дѣйствителенъ, контръ-атака обороняющагося на С. Мари-о-Шенъ противъ сильно поръдѣвшихъ и изнуренныхъ баталіоновъ могла бы имѣть большой успѣхъ.

Но было бы ложно выводить изъ вышесказаннаго что-либо противъ охватовъ вообще. Точно также часто порицаютъ *стремленіе къ охватамъ*, не думая о томъ, что стремленіе выиграть въ бою

непріятельскій флангъ является въ настоящее время вполнѣ естественнымъ. Оно происходитъ также и отъ внутреннихъ качествъ германскихъ войскъ. Одна часть сталкивается съ непріятелемъ, развертывается, не можетъ пробиться впередъ и ведетъ неподвижный бой; къ ней прибываетъ слѣдующая часть и видитъ, что тѣмъ же путемъ она совсѣмъ не продвинется впередъ или только съ большимъ трудомъ. Ея начальникъ воспитанъ въ духѣ самостоятельности, иниціативы и соображенія своихъ дѣйствій съ обстоятельствами; поэтому онъ ищетъ для себя другую дорогу, по которой онъ надѣется скорѣе и легче пройти впередъ. Такимъ образомъ постепенно возникаетъ опцупываніе непріятельскаго фланга и все дальше распространяющіяся охватъ. Но примѣры сраженій при Шуасвилѣ, Бонъ-ла-Роландъ, Божанси, на Лизенѣ и т. д. доказываютъ также, какъ мало надежды на успѣхъ имѣетъ чисто-фронтальная атака. Къ тому же самому убѣжденію придемъ мы, если въ тѣхъ сраженіяхъ, которыя были рѣшены охватывающей атакой, разсмотримъ положеніе дѣлъ до того момента, когда охватъ сталъ дѣйствителенъ. Шпихернъ, Вертъ, С. Прива и др. представляютъ намъ фронтальную атаку, какъ безуспѣшную борьбу, сопряженную съ большими потерями и которою никогда нельзя было бы достигнуть рѣшенія. Дѣйствительность огнестрѣльнаго оружія рѣшаетъ побѣду, и ничто такъ не благопріятствуетъ ей, какъ охватъ, который окружаетъ непріятеля на узкомъ пространствѣ поля битвы и подвергаетъ его дѣйствію перекрестнаго огня. Въ такомъ сраженіи, какъ при Седанѣ, окончившемся полнымъ окруженіемъ, выкажется высшая степень истребительности этого дѣйствія. Полковникъ Блуме совершенно справедливо заканчиваетъ свои разсужденія объ атакѣ и оборонѣ слѣдующими словами: „*въ охватывающемъ* и *одновременномъ* наступленіи *всѣхъ* боевыхъ силъ на фронтъ и флангъ противника заключается лучшее ручательство въ томъ, что атака возьметъ верхъ надъ обороной“.

Въ будущемъ слабые охваты навѣрное не будутъ достигать своей цѣли; болѣе сильные могутъ быть разстроены искусными дѣйствіями самостоятельныхъ отрядовъ, выдвинутыхъ передъ фланги позиціи, или резервами, расположенными за крыльями обо-

роняющагося; неосторожные же могутъ быть иногда наказаны могущественной контръ-атакой. Но изъ-за этого нельзя въ принципѣ отрицать охватовъ и стремленія къ нимъ. Если бы мы захотѣли системой воспитанія вновь заставить наши войска атаковать противника только съ фронта, какъ это рекомендуется нѣкоторыми ревностными писателями, то мы, вмѣсто побѣдъ, пожнемъ пораженія. Въ основѣ порицанія страсти къ охватамъ, кромѣ опасенія за раздробленіе силъ и перемѣшиваніе частей, лежитъ еще неясное представленіе о томъ, что послѣ большой войны непремѣнно все должно быть тактически обновлено. Этой же причинѣ нужно приписать и то часто замѣченное безсмысленное явленіе, что въ мирное время, послѣ блестящей кампаніи, побѣдитель начинаетъ культивировать ошибки побѣжденнаго и пренебрегаетъ своими собственными преимуществами. Перенимаютъ совершенно обратное тому, что выдержало испытаніе, и это именно потому, что оно противоположно. Кто, напримѣръ, вслѣдствіе широкаго развитія индивидуальныхъ качествъ, выказалъ большую мощь, стремится къ ограниченію самостоятельности отдѣльнаго; кто, благодаря свободной цѣлесообразности въ отдачѣ приказаній, постоянно дѣйствовалъ своевременно и съ полнымъ единствомъ, тотъ начинаетъ схематизировать и подчинять все опредѣленнымъ формамъ; кто побѣждалъ безпощаднымъ употребленіемъ силъ, начинаетъ проповѣдывать искусство избѣжанія потерь. Кто на войнѣ убѣдился, что его конница могла при рѣшеніи сраженій играть только незначительную роль, возлагаетъ свои надежды въ будущемъ на большія кавалерійскія атаки; кто видѣлъ передъ собою противника усталаго и ослабѣвшаго отъ постройки укрѣпленій, тотъ предлагаетъ теперь съ своей стороны усердно прибѣгать къ лопатѣ. Подобныя явленія противны самой простой логикѣ. Всякая, даже самая лучшая, вещь имѣетъ свои недостатки. За послѣдніе ухватываются „новаторы, чтобы обновлять“, и вмѣстѣ съ наростами уничтожаютъ и самое дерево. Въ каждомъ неудавшемся фактѣ они видятъ источникъ новыхъ, требующихъ пробужденія, силъ и залогъ будущихъ успѣховъ. Безпокойство ихъ стремленій лишаетъ ихъ приговоровъ откровенности и безпристрастія. Эти люди суть творцы тѣхъ натяну-

тыхъ и искусственныхъ теорій о войнѣ, которыя непосредственно приводятъ къ пораженіямъ.

Большія кампаніи принесутъ, большею частью, нововведенія въ образъ веденія войны; но ихъ не слѣдуетъ умышленно искать. Они навязываются какъ бы сами собой въ силу естественной необходимости. Конечно, охватывающія атаки должны считаться только самымъ *дѣйствительнымъ*, а не *единственнымъ* средствомъ для побѣды. Будутъ встрѣчаться случаи, когда охватъ. вслѣдствіе естественныхъ или искусственныхъ препятствій, *совершенно немыслимъ*. Укрѣпленныя позиціи между фортами-заставами всегда будутъ такими, которыхъ нельзя охватить, а все-таки ихъ придется брать.

Фронтальная атака при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ быть неизбѣжна. Но этимъ еще не сказано, что мы принуждены атаковать *весь фронтъ* противника и *одинаково серьезно*. Это было бы противно самому основному правилу военнаго искусства—направлять всю массу своихъ силъ на рѣшительный пунктъ. Кто всюду *одинаково силенъ*, тотъ въ то же время и всюду *одинаково слабъ*. Поэтому серьезное нападеніе, все-таки, будетъ направлено только на одно изъ крыльевъ въ то время, какъ остальной фронтъ будетъ подвергаться атакѣ меньшихъ силъ, такъ какъ здѣсь можно отказаться отъ дѣйствительнаго успѣха. Рѣдко будетъ возможно собрать назначенныя для рѣшительнаго удара войска еще до начала боя противъ избраннаго крыла безъ того, чтобы этого не замѣтилъ непріятель. Въ большинствѣ случаевъ это придется дѣлать во время самаго сраженія. Артиллерійскій бой, подготовляющій ударъ, вмѣстѣ съ тѣмъ скрываетъ дымомъ орудія и движенія, которыя совершаются назади. Сосредоточеніе войскъ для главнаго удара должно происходить не ранѣе того, какъ многочисленныя батареи начнутъ дѣйствовать противъ всего непріятельскаго фронта. Вниманіе противника будетъ тѣмъ болѣе сковано, чѣмъ ближе противопоставленныя его фронту части противника будутъ подходить къ послѣднему. Тѣмъ легче возбудить въ немъ впечатлѣніе, что бой, происходящій передъ нимъ и имѣющій нѣлью только отвести его глаза отъ угрожаемаго пункта, и есть рѣшительный. Но вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и опасность для войскъ, назначенныхъ для этого обмана.

Они очень близки къ непріятелю; послѣдній можетъ не имѣвшееся въ виду серьезное намѣреніе перенести въ фронтальный бой, приступая съ своей стороны къ контръ-атакамъ. Наступающему предлагаютъ въ такомъ случаѣ приказать войскамъ, назначеннымъ для фронтальной атаки, окопаться въ виду непріятеля, чтобы встрѣтить его попытки за сильной оградой; хотя это средство и невыгодно тѣмъ, что непріятель можетъ по этимъ приготовленіямъ скоро угадать, что минута рѣшительной атаки еще не настала, но, все-таки, пренебрегать имъ нельзя. Можетъ даже встрѣтиться надобность повторять это средство, пока войска не будутъ достаточно близки, чтобы нанести послѣдній ударъ безъ необходимости проходить слишкомъ большое, открытое пространство.

Подвижность войскъ окажетъ обороняющемуся противъ атаки его крыла такія же услуги, какъ и противъ охвата. Если онъ быстро выяснитъ себѣ обстановку, то онъ можетъ сильно противодѣйствовать наступленіемъ неугрожаемымъ флангомъ, сбивъ этимъ войска, находящіяся передъ его фронтомъ, и задержавъ и разстроивъ движеніе непріятельскихъ главныхъ силъ, не окончившихъ еще своего сосредоточенія. Можетъ-быть, обороняющійся сумѣетъ даже на угрожаемомъ крылѣ перейти къ подобному же наступленію, когда атака здѣсь ослабѣетъ, и тогда успѣхъ будетъ рѣшительный. Но для этого, какъ и для удара противъ охватывающей атаки, необходима большая сила и большая рѣшительность.

Если атака одного изъ крыльевъ удачна, то она, при дальнѣйшемъ ходѣ боя, обратится большею частью въ охватъ, потому что стремленіе смести противника настолько же естественно, какъ желаніе разбитаго крыла непріятеля искать защиты и опоры у центра. Такимъ образомъ наступающій выигрываетъ для обхода пространство, котораго ему раньше недоставало.

Поэтому въ войнахъ будущаго атака фланга встрѣтится чаще, нежели атака центра. Хотя, въ случаѣ удачи, результатомъ послѣдней и является прорывъ, которымъ противникъ разрѣзывается на двѣ части, но она всегда трудна вслѣдствіе естественной силы фронтальной обороны. Чѣмъ болѣе при этой атакѣ наступающій продвигается впередъ, тѣмъ болѣе онъ углубляется въ охватъ, который въ настоящее время, при увеличившейся дальности огне-

стрѣльнаго оружія, имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели во времена Наполеона. Во всякомъ случаѣ, прорывъ долженъ быть достаточной ширины, и фланги противника должны быть въ это время также заняты серьезнымъ боемъ. Понятіе о клинѣ, забиваемомъ въ центръ непріятельскаго расположенія, не подходитъ болѣе къ этому виду атаки въ томъ смыслѣ, что онъ былъ бы по всѣмъ направленіямъ пронизанъ снарядами обороняющагося и быстро разметанъ. Прорывъ требуетъ многочисленныхъ и хорошихъ войскъ и желѣзную волю, не останавливающуюся передъ большимъ кровопролитіемъ. Въ будущемъ онъ никогда не будетъ являться въ видѣ одного удара, а скорѣе въ видѣ продолжительной работы, прерываемой по временамъ и возобновляемой потомъ свѣжими войсками. Во время этихъ паузъ придется всякій выигранный шагъ обезпечивать окопами, какъ будто бы къ позиціи противника приближается другая, укрѣпленная же позиція, и большіе фронтальные бои будущаго примутъ, въ общемъ, подобный же характеръ и будутъ тянуться нѣсколько дней. Легко составить себѣ понятіе, какія потери будутъ сопровождать эти бои. Такіе эпизоды, какъ бывшіе отъ 14-го до 18-го августа 1870 г., легко могутъ въ будущемъ встрѣчаться нѣсколько подъ рядъ.

По чѣмъ серьезнѣе кризисъ, тѣмъ значительнѣе и успѣхъ для того, кто его счастливо перенесъ. Несмотря на жертвы, требуемыя кризисомъ, необходимо, какъ и прежде, искать большой рѣшительной битвы, и на войнѣ нѣтъ большей мудрости, какъ направлять всѣ свои физическія и моральныя силы къ ея побѣдоносному исходу. Съ побѣдой на полѣ сраженія торжествуютъ и на всемъ театрѣ войны. Всѣ сомнѣнія будутъ разрѣшены одновременно, и побѣдитель становится властелиномъ обстановки.

11. Преслѣдованіе, пользованіе побѣдой, отступленіе.

Если атакующій и обороняющійся во время битвы часто бываютъ принуждены отдаляться отъ своихъ естественныхъ путей отступленія, то это не имѣетъ такого большого значенія, какъ то нерѣдко увѣряютъ ложныя ученія о войнѣ.

Большая подвижность войскъ, въ особенности въ настоящее время, дозволяетъ обыкновенно безъ труда вновь возвратиться

къ оставленнымъ путямъ спасенія. Потеря пути отступленія будетъ только тогда важна, если послѣ сраженія непосредственно послѣдуетъ преслѣдованіе.

Однако, опытъ послѣднихъ войнъ не только доказываетъ, что это *непосредственное преслѣдованіе* почти никогда не производилось, но и что по самому существу современнаго боя его, большею частью, и не будетъ.

Большіе размѣры полей сраженій, раздробленіе общаго сраженія на нѣсколько отдѣльныхъ битвъ и боевъ и, наконецъ, разстояніе сражающихся сторонъ другъ отъ друга, въ виду современнаго огнестрѣльнаго оружія,—все это до такой степени затрудняетъ общее ориентированіе, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ главнокомандующій вечеромъ дня сраженія въ состояніи ясно представить себѣ, каковъ вообще исходъ дѣла. При такихъ условіяхъ неминуемо явится опасеніе преждевременнымъ преслѣдованіемъ вызвать отвѣтный ударъ противника или, при стремленіи увеличить одержанную побѣду, выпустить ее совсѣмъ изъ рукъ. Много уже выиграно, если можно покинуть поле сраженія съ яснымъ чувствомъ, что одержана побѣда. Только послѣ совершившагося уже отступленія разбитаго противника вполнѣ выясняется положеніе вещей.

Такимъ образомъ при обыкновенныхъ условіяхъ слѣдующее утро послѣ сраженія наступитъ прежде, чѣмъ можно настолько ясно ориентироваться, чтобы главнокомандующій могъ отдать новыя приказанія. Но тогда уже поздно приниматься за непосредственное преслѣдованіе, которое, однако, можетъ быть начато только по иниціативѣ высшаго начальства.

Каждый бой непремѣнно сопряженъ съ крайнимъ возбужденіемъ и съ сильнѣйшимъ напряженіемъ всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ. Поэтому *нѣкоторая слабость и усталость послѣ него есть естественно-необходимое послѣдствіе*. Кромѣ того, послѣ одержанной побѣды является чувство, что дальнѣйшія жертвы безцѣльны или что дальнѣйшій успѣхъ не окупитъ вполнѣ трудовъ, понесенныхъ для его достиженія.

Поэтому обыкновенно каждая изъ находящихся въ боевой линіи частей будетъ выжидать инициативу преслѣдованія отъ другой,

хотя бы даже необходимость его была для него очевидной. Какъ мы уже видѣли, всякій склоненъ думать, что до сихъ поръ онъ исполнялъ самую тяжелую часть общаго труда, что именно онъ велъ самый горячій бой; каждый считаетъ, что ему грозитъ наибольшая опасность.

Самая форма охватывающей атаки, въ случаѣ ея успѣха, приводитъ къ полному перемѣшиванію войскъ, участвующихъ въ концентрическомъ наступленіи. Это перемѣшиваніе будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ храбрѣе и счастливѣе наступали войска во время битвы и чѣмъ далѣе они проникли. Въ концѣ сраженія рѣдко можно найти въ первой линіи сомкнутую, вполнѣ подчиненную волѣ начальника, часть. Свѣжія, еще не участвовавшія въ бою части только въ исключительныхъ случаяхъ прибываютъ сюда своевременно, а находящіяся дальше, назади, слишкомъ мало видятъ, чтобы быть въ состояніи преслѣдовать.

Поэтому-то послѣ большей части крупныхъ сраженій послѣднихъ войнъ мы и не видимъ непосредственнаго преслѣдованія.

Послѣдніе примѣры блестящаго, предпринятаго непосредственно съ поля сраженія, преслѣдованія представляетъ намъ эпоха Наполеона; времена Фридриха бѣдны ими. Послѣ Мольвица, Гогенфридберга и Часлау совсѣмъ не было преслѣдованія; послѣ Росбаха и Лейтена преслѣдованіе было, по нашимъ понятіямъ, недостаточное. Послѣ Коллина, Гохкирха и Куперсдорфа противники великаго короля дали послѣднему возможность безпрепятственно уйти. Причина этого заключалась отчасти въ неуклюжести боевого порядка, при которомъ только вся сомкнутая армія представляла одно цѣлое, годное для употребленія; двинуть же всѣ наличныя боевыя силы для преслѣдованія было, все-таки, трудно. Отчасти виною этого—господствовавшее тогда общее понятіе о способѣ веденія войны. Тогда еще не сознавали такъ, какъ нынѣ, необходимости постоянства въ направленіи дѣятельности на войнѣ и не были убѣждены въ громадной важности скорой и логической послѣдовательности всѣхъ отдѣльныхъ предпріятій. Ко всему дѣлу относились съ рыцарскимъ пренебреженіемъ и вели его, несмотря на случавшіяся отъ времени до времени кранне кровопролитныя сраженія, не съ дѣловою серьезностью настоящаго времени.

„Въ тѣсно ограниченныхъ и покоившихся на болѣе узкихъ основаніяхъ прежнихъ войнахъ существовало, какъ во многихъ другихъ вопросахъ, такъ и въ особенности въ преслѣдованіи, какое-то безполезное условное ограниченіе“ говоритъ Клаузевицъ. „Понятіе о побѣдѣ и честь ея казались полководцамъ самымъ главнымъ, такъ что они мало думали объ уничтоженіи непріятельскихъ силъ, считая это развѣ только однимъ изъ многихъ средствъ для побѣды. Смотрѣть же на истребленіе врага, какъ на главное средство, не говоря уже, какъ на единственное, они не привыкли. Тѣмъ охотнѣе вкладывали они свои шпаги въ ножны, когда противникъ слагалъ оружіе. Ничего не казалось имъ болѣе естественнымъ, какъ прекратить бой, разъ только рѣшеніе его наступало, и всякое дальнѣйшее кровопролитіе считалось безполезной жестокостью. Если эта ложная философія и не составляла основанія всей дѣятельности, то она, все-таки, устанавливала точку зрѣнія, при которой представленіе объ истощеніи всѣхъ силъ и о физической невозможности продолженія боя находило болѣе легкій доступъ къ сознанію и большій вѣсъ“.

Съ появленіемъ Наполеона все это измѣнилось: война прибѣгла къ естественному употребленію силъ, самостоятельность отдѣльныхъ частей и ихъ начальниковъ возрасла, и Императоръ добивался уничтоженія своихъ противниковъ. Неутомимое преслѣдованіе докачивало его побѣды. Наилучшій образецъ преслѣдованія далъ онъ намъ въ 1806 году, когда наступленіе до Любека и далѣе къ востоку до Вислы походило скорѣе на охоту за бѣгущими остатками непріятельскихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи никто не научился отъ него столь многому, какъ его самый ожесточенный противникъ—Блюхеръ, котораго онъ безжалостно травилъ до Любека. Впослѣдствіи Блюхеръ съ избыткомъ отплатилъ ему за все выстраданное. Преслѣдованіе послѣ сраженія на р. Кацбахъ достойно стать рядомъ съ лучшими дѣяніями Наполеона, и по странной игрѣ случая послѣднее сраженіе Императора, при Ватерлоо, обратилось для него въ уничтожившую его катастрофу потому, что Блюхеръ сумѣлъ немедленно послѣ побѣды перейти къ неутомимому преслѣдованію.

Однако, мы не должны забывать, что въ томъ періодѣ война

уже была свобода отъ прежнихъ оковъ, между тѣмъ какъ вооруженіе войскъ осталось еще старое. Сраженія велись на близкихъ разстояніяхъ. Если въ настоящее время побѣдоносная пѣхота послѣ тяжелыхъ жертвъ врывается въ непріятельскую позицію, то она рѣдко находитъ тамъ кого-нибудь, кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Только ружейный огонь, направленный на нее издали, изъ-за какой-нибудь цѣпи холмовъ, опушки лѣса или деревни, и дѣйствіе артиллеріи, прикрывающей отступленіе, покажутъ то направленіе, въ которомъ исчезъ противникъ. Въ бояхъ за мѣстные предметы еще сходятся весьма близко, но въ нихъ всегда участвуетъ лишь незначительное число войскъ.

И въ настоящее время при преслѣдованіи можно пользоваться только силами людей и лошадей. Дѣйствительность же артиллерійскаго огня, которымъ отступающій препятствуетъ преслѣдованію, увеличилась въ три раза противъ прежняго. Пространство, которое нужно пройти, чтобы догнать уходящаго непріятеля, тоже увеличилось втрое. Пока еще есть возможность поражать противника съ первоначальной позиціи, до тѣхъ поръ не трогаются впередъ, такъ какъ хотятъ основательнѣе воспользоваться дѣйствительностью огня. Это обстоятельство, а также бо́льшее разстройство всей пѣхоты и безпорядокъ, сопряженный съ охватами, вполнѣ объясняютъ намъ тотъ фактъ, что послѣ битвы при Кениггрецѣ часть разбитой австрійской арміи могла еще спастись черезъ мостъ у Пардубица, для чего ей нужно было совершить фланговый маршъ на разстояніи слишкомъ 20-ти верстъ, и что послѣ большихъ сраженій 1870—1871 г. не было непосредственнаго преслѣдованія.

Однако, нельзя не признать, что была еще и другая причина, препятствовавшая непосредственному развитію успѣха послѣ боя. Въ послѣднихъ войнахъ германцы неутомимо работали надъ исполненіемъ тѣхъ большихъ операцій, которыя предписывало имъ верховное начальство для достиженія своихъ цѣлей. При Мецѣ, Седанѣ и Парижѣ стратегическія соображенія были осуществлены до высшей степени совершенства и привели къ самымъ необыкновеннымъ результатамъ; но германскому образу веденія войны была присуща черта благороднаго, самоувѣреннаго спокойствія.

исключающаго всякую страстность, которою, напримѣръ, отличались дѣйствія Наполеона послѣ его побѣдъ. Въ послѣднихъ заключалась какая-то ненависть, которая приводила къ неумолимому пользованію побѣдою. Потребность уничтоженія, демонически дѣйствовавшая въ душѣ величайшихъ полководцевъ и заставлявшая ихъ принимать личное участіе, доводила преслѣдованіе до послѣдней крайности. Это возникнетъ опять, когда нашъ образъ веденія войны пріобрѣтетъ большую страстность и въ то же время сохранитъ прежнее благоразуміе. Въ послѣднія войны, въ рѣшительные моменты, когда можно было сдѣлать еще больше, гуманность внушала германцамъ впечатлѣніе, что „довольно достигнуто!“ Если же вмѣсто гуманныхъ стремленій будутъ преобладать ненависть и страсть къ уничтоженію, то въ будущемъ блестящее, непосредственное преслѣдованіе хотя еще и будетъ рѣдкостью, но, все-таки, не будетъ регулярно отсутствовать.

Приказаніе Блюхера послѣ сраженія при Кацбахъ гласитъ: „Недостаточно только побѣдить; нужно еще и умѣть воспользоваться побѣдою. Если мы не наступимъ противнику на горло, то онъ, естественно, опять поднимется и намъ придется посредствомъ новаго сраженія добиваться того, что мы можемъ извлечь изъ этой битвы при энергичномъ преслѣдованіи“. Этими словами мѣтко очерчены суть и значеніе преслѣдованія. Никогда нельзя такъ легко собирать лавровъ, какъ послѣ выиграннаго сраженія, когда противникъ, одоленный чувствомъ своей слабости, временно отказывается отъ сопротивленія, чтобы спасти, что еще можно.

Конечно, это чувство охватитъ отступающаго не послѣ каждаго случая, котораго называютъ „побѣдою“. Германцы должны были бы вернуться домой совершенно надломленными и обезкураженными, если бы они послѣ каждаго боя ощущали то требуемое правилами военнаго искусства чувство, которое во французскихъ описаніяхъ войнъ теперь обозначается словомъ „victoire“. Между побѣдами существуетъ часто громадная разница; между тѣмъ мы этому слову придаемъ обыкновенно одно и то же понятіе. Намъ недостаетъ новаго Бюлова, который сумѣлъ бы найти подходящія названія для различныхъ оттѣнковъ, лежащихъ между простымъ оттѣсненіемъ непріятельской арміи и совершен-

нымъ ея разгромомъ. Часто противникъ только *побужденъ оставить поле сраженія*, но не принужденъ къ этому,—и, все-таки, по старому обычаю это называютъ *побѣдой*. Но преслѣдованіе послѣ такихъ побѣдъ, большею частью, привело бы только къ возобновленію рѣшительнаго боя.

Руководствомъ въ этомъ случаѣ служитъ то, насколько глубоко въ уклоняющуюся армію проникло сознаніе, что она разбита. Только если оно уже успѣло охватить простого солдата, можно надѣяться на успѣхъ преслѣдованія. И Наполеонъ, послѣ сраженія при Гроссъ-Гершенѣ и даже послѣ Бауцена, не могъ преслѣдовать какъ обыкновенно, несмотря на то, что онъ побѣдилъ.

О преслѣдованіи можетъ быть рѣчь только послѣ очевидной побѣды.

Но и здѣсь еще необходимы особыя приготовленія. Письменныя приказанія для преслѣдованія, какъ это практиковалось въ послѣднихъ войнахъ, обыкновенно останутся недѣйствительными. Главнокомандующій, отдавшій эти приказанія, отправляется въ свою главную квартиру, а ординарцы-офицеры уѣзжаютъ съ ними въ ночную темень. Имъ приходится долгое время разыскивать корпусные штабы, которые послѣ суматохи сраженія трудно найти. Корпусный командиръ исполнитъ свою обязанность—сдѣлать все возможное, отправивъ для этого, въ свою очередь, новое приказаніе передовой своей дивизіи. Опять слѣдуетъ ночная поѣздка ординарца. Когда начинаетъ свѣтать, приказаніе это дойдетъ наконецъ до авангарда. Послѣдній только-что съ трудомъ добылъ немного дровъ и кое-какіе съѣстные припасы, чтобы варить пищу, а тутъ вдругъ ему приказываютъ немедленно приступить къ преслѣдованію. Однако, нѣсколько уже устарѣвшее число, которое обозначено въ приказаніи, ослабляетъ его дѣйствіе. Единственнымъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ его будетъ обыкновенно то, что аванпостные эскадроны будутъ подняты раньше, чѣмъ то предполагалось, и направлены противъ непріятеля. Эти эскадроны доѣзжаютъ до ближайшихъ урочищъ, у которыхъ ихъ задерживаютъ непріятельскіе отсталые отряды, разрушенные мосты или другія препятствія. Позже подойдутъ главныя силы авангарда и устранятъ это сопротивленіе. Въ бла-

гопріятномъ случаѣ двигаются на цѣлый переходъ впередъ и останавливаются. Правда, непріятельскіе отсталые забраны: захвачена даже еще нѣкоторая добыча, но разрушительнаго преслѣдованія не было. Этотъ очеркъ не есть плодъ воображенія, но совершенно вѣрная картина, часто встрѣчающаяся на войнѣ.

Только страсть къ войнѣ придаетъ преслѣдованію должный характеръ. Личное вмѣшательство для этого необходимо и именно личное вмѣшательство самого главнокомандующаго непосредственно къ концу боя. Только тогда, когда онъ самъ двинетъ для преслѣдованія оставшіеся еще свѣжіе батальоны или эскадроны и будетъ до самаго наступленія ночи слѣдовать за ними и контролировать ихъ дѣйствія—только тогда можно съ увѣренностью ожидать значительныхъ результатовъ. Намъ уже извѣстны причины, возбуждающія въ отступающихъ войскахъ такую способность къ исполненію маршей, какой часто въ нихъ вовсе и не предполагали. Побѣдителю же недостаетъ подобныхъ мотивовъ; поэтому побуждающая сила должна тутъ прійти сверху, иначе бѣгущій противникъ никогда не будетъ настигнутъ.

Только при хорошей экономіи въ силахъ и если побѣда досталась не слишкомъ трудно могутъ быть подъ рукою средства для преслѣдованія. Къ концу сраженія ихъ должно держать наготовѣ. Но полководецъ, которымъ постоянно охваченъ настоятельными заботами данной минуты, легко можетъ упустить это изъ вида. Недавно явилось предложеніе поручить всѣ необходимыя во время боя приготовленія для преслѣдованія одному изъ старшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подобно тому, какъ мы это рекомендуемъ здѣсь для организаціи развѣдывательной службы. Конечно, это можетъ быть цѣлесообразно; но такъ какъ означенному офицеру не можетъ быть предоставлено право распоряжаться войсковыми частями, то его совѣтъ будетъ полезенъ только по принятіи и одобреніи его со стороны главнокомандующаго. Послѣдній остается рычагомъ всего, что касается преслѣдованія.

Въ наибольшую дѣятельность при преслѣдованіи надобно привести кавалерію. Ея начальники въ этомъ отношеніи суть первые помощники главнокомандующаго и на нихъ можно скорѣе всего возложить обязанность самостоятельно распоряжаться тутъ, если

почему-либо не послѣдовало приказа свыше. Если во время сраженія успѣхи кавалеріи встрѣчаютъ имѣ большія препятствія, то послѣднія часто исчезаютъ по окончаніи боя. Сила и порядокъ непріятельской пѣхоты надломлены, патроны израсходованы. Необходимость слѣдовать общему отступленію заставляетъ ее скоро покидать временно занятыя ею надежныя закрытія. Такимъ образомъ большія кавалерійскія атаки могутъ дать здѣсь значительные результаты. Однако необходимо побѣдить также и непріятельскую артиллерію, прикрывающую отступленіе. Для этого въ преслѣдованіи должно участвовать большое число батарей. Конныя орудія находящихся за боевой линіей кавалерійскихъ дивизій обыкновенно будутъ уже раньше втянуты въ бой. Поэтому ихъ необходимо высвободить оттуда и пополнить ихъ боевые припасы или собрать извѣстное количество другихъ батарей. Всѣ эти мѣры должны быть заранѣе соображены, иначе весьма легко опоздать. Пѣхота хотя и находится ближе къ непріятелю, но она разбросана и ею трудно управлять. Если по близости даже и найдутся нѣкоторыя сомкнутыя части, то онѣ очень рѣдко будутъ принадлежать къ одной и той же единицѣ высшаго порядка, которая всегда дѣйствуетъ сильнѣе. Между тѣмъ при преслѣдованіи всегда важнѣе скорость, нежели большая сила, и въ эту минуту нечего бояться двинуть всѣ находящіяся подъ рукой войска противъ непріятеля, не обращая вниманія на то, что они принадлежатъ къ разнымъ частямъ.

При преслѣдованіи непріятеля по одной только дорогѣ, онъ всегда будетъ въ состояніи преградить ее, если у него осталось еще хоть сколько-нибудь годныхъ для боя войскъ. Изъ этого видна необходимость начинать преслѣдованіе сразу широкимъ фронтомъ.

Развитіе успѣха и пользованіе побѣдой должны идти рука объ руку.

Если послѣднія войны бѣдны блестящими преслѣдованіями непосредственно съ поля сраженія, то, все-таки, въ нихъ не было недостатка въ пользованіи побѣдами вообще. Оно выразилось только въ другой формѣ. Оно состояло въ томъ, что къ оконченному сраженію немедленно примыкали новыя, большія предпрія-

тія. Результатъ битвы тотчасъ включался въ стратегическую задачу, какъ новая, извѣстная величина, съ которою приступали къ новому вычисленію. Послѣдствія не были такъ непосредственны, какъ послѣ немедленнаго преслѣдованія, но они хватали дальше. Они будутъ всегда имѣть и бо́льшую важность. Если побѣдитель даже потеряетъ плоды, лежащіе непосредственно за полемъ сраженія, то онъ обезпечиваетъ себѣ бо́лѣе богатую жатву, рождающуюся изъ измѣнившагося отношенія силъ въ стратегическомъ отношеніи. Это тѣ успѣхи, которыхъ достигнуть теперь явилась возможность вслѣдствіе бо́льшей свободы въ движеніи, возвысившейся самоувѣренности, сознанія своего превосходства и безопасности рѣшенія. Пускай ближайшее утро проходитъ безполезно, если только слѣдующій за нимъ вечеръ принесетъ энергичное возобновленіе движеній для достиженія новыхъ цѣлей.

Въ отношеніи пользованія побѣдой лучшимъ примѣромъ служитъ 19-е августа 1870 года—слѣдующій день послѣ сраженія при Гравелотъ-С. Прива. И въ этотъ день также прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ получилось полное представленіе о случившемся. Преслѣдованіе давно уже было бы невозможно даже и въ томъ случаѣ, если бы его не исключала близость крѣпости. Однако уже въ полдень послѣдовали новыя распоряженія, которыя занимались не ближайшими послѣдствіями битвы, а болѣе отдаленнымъ будущимъ. Одна часть арміи была назначена для оттѣсненія въ Мецъ разбитаго непріятеля; другая часть была немедленно двинута къ западу. Сформирована новая армія, назначенъ самостоятельный главнокомандующій и приданы всѣ необходимые для управленія органы. Ни одинъ день не пропалъ для ускоренія достиженія великой, общей цѣли войны. Такой способъ, конечно, былъ наилучшій для извлеченія результатовъ изъ одержанной побѣды.

Побѣдитель можетъ сейчасъ послѣ сраженія думать о своихъ большихъ интересахъ. Въ этотъ моментъ онъ обладаетъ наибольшей независимостью отъ воли противника, чтобы безпрепятственно направить свои силы на намѣченную впереди цѣль. Такое счастливое положеніе, разъ только оно сознано, не должно даже одного часа оставаться безъ пользы. Въ моментъ послѣ выигранной битвы

главнокомандующій долженъ выказать высшую степень неутомимости, потому что въ это время, вслѣдствіе радости отъ достигнутаго успѣха, такъ легко забываютъ, что на войнѣ будущее имѣетъ всегда больше правъ, чѣмъ прошедшее. Изъ-за торжественныхъ салютовъ и благодарственныхъ молебновъ, многіе полководцы потеряли плоды побѣды, которую они только-что праздновали.

Въ совершенно другомъ положеніи находится побѣжденный. Онъ принужденъ на время отложить въ сторону достиженіе своихъ великихъ интересовъ, чтобы прежде всего обезопасить себя. Въ этомъ заключается въ данную минуту его наибольшая слабость. Отступленіе есть всегда отказъ отъ дѣятельной до сихъ поръ цѣли войны и значитъ искать спасенія [1]).

Побѣжденный оставляетъ поле сраженія подъ прикрытіемъ своей артиллеріи. Многочисленная и доблестная конница, брошенная имъ въ эту минуту на встрѣчу побѣдителю, можетъ, какъ напр. при Гросъ-Гершенъ, облегчить ему первые трудные шаги. Все должно быть направлено къ тому, чтобы оставить нѣкоторое разстояніе между собою и противникомъ и тѣмъ не дать ему возможности постоянно наступать. Мы уже знаемъ, что сильные арьергарды съ многочисленной артиллеріей — самое лучшее средство для того, чтобы выиграть пространство. Но непріятель въ превосходныхъ силахъ и не позволитъ задерживать себя слишкомъ долго; поэтому, гдѣ только будетъ возможно, надо прибѣгнуть къ обману. Эксцентрическое отступленіе, столь часто осуждаемое какъ принципіальная ошибка, въ этомъ случаѣ можетъ быть лучшимъ средствомъ. Если непріятель не можетъ ясно опредѣлить, куда онъ долженъ наиспльнѣйшимъ образомъ направить преслѣдованіе, то послѣднее скорѣе всего ослабѣетъ. Онъ будетъ введенъ въ заблужденіе; донесенія, приходящія съ разныхъ сторонъ, именно этимъ еще болѣе запутаютъ его, чѣмъ если бы непріятель отступалъ только по одной дорогѣ. Какъ извѣстно, луарская армія въ декабрѣ 1870 г., послѣ второго сраженія при

[1]) Конечно, мы не касаемся здѣсь добровольныхъ отступленій, предпринятыхъ въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, а разбираемъ только вынужденныя.

Орлеанѣ, предприняла эксцентрическое отступленіе. Когда побѣдители вторглись въ середину этой арміи и заняли Орлеанъ, то они наткнулись на непріятеля въ южномъ направленіи у Вирзона; но крайней мѣрѣ, тамъ были захвачены плѣнные, принадлежавшіе къ 15-му, 16-му и 18-му французскимъ корпусамъ. Но его обнаружили также и внизъ по Луарѣ, у Божанси, при чемъ слышали, что въ этомъ направленіи отступили 15-й, 16-й и 17-й корпуса и получили тамъ значительныя подкрѣпленія. Наконецъ и вверхъ по Луарѣ, у Гіеня, тоже встрѣтили довольно сильнаго врага, люди котораго принадлежали къ составу 15-го, 16-го, 18-го и 20-го корпусовъ республики. Казалось, что всѣ части арміи противника перемѣшались, и на вопросъ, въ какомъ направленіи ихъ нужно преслѣдовать, было весьма трудно отвѣтить. Несмотря на побѣду, положеніе германцевъ оказалось довольно затруднительнымъ. Первоначальное намѣреніе наступать на Буржъ и Неверъ пришлось оставить, какъ только сопротивленіе генерала Шанзи при Божанси оказалось болѣе упорнымъ, нежели то предполагали первоначально. Вслѣдствіе этого генералъ Бурбаки успѣлъ уйти отъ нападенія и черезъ короткое время могъ опять съ своей вновь подкрѣпленной арміей предпринять движеніе въ восточную Францію.

Эксцентрическое отступленіе выводитъ уходящія войска на большее количество дорогъ и тѣмъ самымъ облегчаетъ удаленіе. Правда, при этомъ всегда является слѣдующее неудобство: бой только-что показалъ, что вся армія въ сборѣ не могла осилить противника; теперь ее даже раздѣляютъ, а слѣдовательно объ успѣшномъ сопротивленіи нечего и думать. Но очень часто, во время отступленія, вовсе и не желаютъ побѣждать, а, напротивъ, стараются избѣжать всякаго боя. Поэтому и пѣтъ надобности въ соединенныхъ силахъ, и совершенно правильно пользоваться всѣми преимуществами раздѣленія. Конечно, придется имѣть въ виду возможность новаго сосредоточенія, какъ только преслѣдованіе непріятеля ослабнетъ. И генералъ д'Орель-де-Палладинъ, предписывая у Орлеана своей арміи эксцентрическое отступленіе, разсчитывалъ соединить ее вновь за р. Сольдръ. Въ дѣйствительности это ему удалось бы сдѣлать не ближе, какъ за р. Шеръ

или Ницрь, и только его отозваніе помѣшало ему исполнить свое намѣреніе. Фридрихъ Великій также нерѣдко пользовался этимъ средствомъ, впрочемъ одинъ разъ, именно въ 1757 году, несчастливо.

Только въ томъ случаѣ, когда надѣются при отступленіи разбить противника, надобно держать всѣ силы вмѣстѣ.

Однако, и отступая въ одномъ направленіи, можно преслѣдующаго ввести въ заблужденіе. Можно, заняв позицію въ сторонѣ отъ дороги, принудить непріятеля развернуться въ ложномъ направленіи и черезъ это выиграть время. Современное дальнобойное оружіе весьма благопріятствуетъ подобнымъ попыткамъ; градъ снарядовъ съ дальней дистанціи можетъ смутить противника и заставить его сосредоточиться, а между тѣмъ принудившій его къ тому отрядъ, все-таки, еще успѣетъ отступить съ позиціи. Если отступающій ловокъ и предпріимчивъ, то всякаго рода фланговыя позиціи окажутъ большую помощь ему въ выигрышѣ времени.

Первоначальное направленіе отступленія обыкновенно бываетъ вынужденное. Разбитая сторона выбираетъ дороги, по которымъ она можетъ быстрѣе всего уйти отъ противника. Прежде всего необходимо собрать войска и привести ихъ опять въ порядокъ. Если главнокомандующій возстановилъ свою власть надъ отступающими массами, то ему удастся вывести ихъ съ вынужденнаго на естественный путь отступленія. Послѣдній выводитъ его на ближайшія подкрѣпленія или подъ защиту ближайшей оборонительной линіи или крѣпости. Остановиться необходимо какъ можно скорѣе, потому что именно *долгія отступленія гибельны для разбитыхъ арміи*; короткое же только въ рѣдкихъ случаяхъ сопряжено съ большими потерями. Продолжительность времени, усталость и уныніе войскъ, которыя неизбѣжно являются при постоянномъ отступленіи, доставляютъ въ руки непріятеля орудія, плѣнныхъ, обозы и запасы.

Но затѣмъ побѣжденному необходимо обратить все свое вниманіе, чтобы въ наикратчайшее время отказаться отъ собственной безопасности и опять перейти къ преслѣдованію общихъ цѣлей. Поворотная точка явится скорѣе всего вслѣдствіе счастливаго, хотя бы и второстепеннаго, боя. Только успѣхъ оружія можетъ загладить впечатлѣніе пораженія, и побѣжденный долженъ его

искать, какъ только онъ вновь собрался съ силами. Здѣсь не такъ важно, чтобы сраженіе находилось въ связи съ общей цѣлью войны, сколько важно одержать успѣхъ въ бою, во что бы то ни стало. Въ этомъ случаѣ онъ будетъ вполнѣ правъ, если, помимо общепризнанныхъ правилъ, онъ оставитъ пока главную армію непріятеля и устремится на какую-нибудь второстепенную его часть только потому, что онъ надѣется ее разбить. Такъ поступилъ Фридрихъ въ августѣ 1757 года, когда онъ, поручивъ находившуюся около Цитау главную австрійскую армію наблюденію Беверна, обратился лично противъ менѣе важнаго и менѣе дѣятельнаго непріятеля—имперской арміи и французовъ. Онъ искалъ тактическаго успѣха тамъ, гдѣ онъ могъ его легче одержать, и желалъ его не столько для извлеченія изъ него матеріальной пользы, сколько для нравственнаго впечатлѣнія.

Ничего не должно быть упущено для поднятія поколебавшихся моральныхъ силъ отступающей арміи. Нигдѣ такъ не высказывается вліяніе полководца и всего корпуса офицеровъ, какъ при отступленіи, когда дѣйствительно испытываются внутреннія доблести арміи. Пока все идетъ хорошо, послѣднимъ приписываютъ многое, происходящее отъ счастливаго стеченія обстоятельствъ. Но выдержка, энергія, мужество и величіе отдѣльнаго, дисциплина, храбрость и пригодность всего цѣлаго только при несчастіи выказываются въ истинномъ свѣтѣ. Въ такія минуты отдѣляются также тѣ натуры, которыя выдвинулись впередъ, благодаря общему стеченію благопріятныхъ условій, отъ тѣхъ, которыя черпаютъ въ самихъ себѣ силу, совѣтъ и рѣшимость.

12. Связь и послѣдовательность въ движеніи и боѣ. Законъ необходимости.

Въ строгой послѣдовательности стратегическихъ операцій, движеній и боевъ, какъ это видно изъ сказаннаго о преслѣдованіи, заключается наибольшая сила. Она-то именно болѣе всего и устрашала враговъ Германіи въ послѣднихъ войнахъ. „Обезьянье проворство пруссаковъ 1866-го года" было великой воинской доблестью. На войнѣ не можетъ быть канителъ. Походы Наполеона I въ 1806 и въ 1814 г. и дѣятельность германской главной квар-

тиры въ 1866 и 1870 годахъ представляютъ, въ смыслѣ связи и послѣдовательности, образцы, не достигнутые еще другими арміями. Быстрое повтореніе ударовъ значительно увеличиваетъ ихъ тяжесть, такъ какъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ не только немедленно, но и сохраняетъ свое вліяніе въ теченіе извѣстнаго промежутка времени. Объемъ и сила лавины увеличиваются только до тѣхъ поръ, пока она катится. Таковъ же и удѣлъ воинаго успѣха.

Непрерывность предпріятій требуетъ отъ главнокомандующаго большой упругости его духовныхъ силъ. Нужно помнить, что пока продолжается война, онъ не имѣетъ ни одного часа покоя, ни одной минуты, когда лежащая на немъ тяжелая отвѣтственность дремала бы; какъ днемъ, такъ и ночью, безразлично, для него нѣтъ исключеній.

Наблюдатель-критикъ легко склоненъ порицать всякое промедленіе. Онъ слѣдуетъ за дѣйствіями только мысленно, не участвуя лично въ происходящихъ бояхъ и не испытывая всей массы возбуждающихъ сомнѣній. Ковать желѣзо, пока оно горячо—составляетъ и на войнѣ одно изъ основныхъ правилъ. Но чтобы поддерживать военныя дѣйствія въ постоянномъ ходу, чтобы не давать покоя ни себѣ, ни врагу и чтобы стремиться всегда къ величію и никогда къ наслажденію, для этого необходимо обладать страстной энергіей полководца, увлеченіемъ Александра. Изъ полководцевъ послѣдняго времени больше другихъ именно Наполеонъ былъ одушевленъ вѣчно стремящимся впередъ нетерпѣніемъ. Вполнѣ справедливо говорилъ про него одинъ изъ дипломатовъ, что міръ не будетъ имѣть покоя, если нельзя будетъ заставить Наполеона ежедневно спать по 14 часовъ. Извѣстно, какъ много онъ самъ лично работалъ. Полъ-сутокъ онъ проводилъ на конѣ или въ экипажѣ, дѣлалъ всѣ распоряженія для своей многочисленной арміи и потомъ еще диктовалъ своимъ адъютантамъ 10, 12, 14 и болѣе довольно длинныхъ бумагъ [1]). Уже эта одна послѣдняя работа могла бы составить вполнѣ достаточный трудъ для человѣка, хорошо владѣющаго перомъ. „Я чувствую себя прекрасно и окрѣпъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ," писалъ Напо-

[1]) Корреспонденція его отъ 30-го сентября 1806 г. содержитъ 17 частью очень длинныхъ, номеровъ.

леонъ императрицѣ Жозефинѣ, въ 2 часа утра 13-го октября 1806 г., изъ Герм. „Между тѣмъ я лично ежедневно дѣлаю по 70—85 верстъ [1]) верхомъ, въ экипажѣ и другими способами. Я ложусь спать въ 8 ч. вечера и встаю около полуночи; иногда мнѣ при этомъ приходитъ въ голову, что ты еще и не ложилась." Подобная неутомимость полководца составляетъ первое условіе для общей связи и быстроты военныхъ дѣйствій.

Болѣе всего она необходима въ началѣ кампаніи, потому что тогда ея удары дѣйствуютъ ошеломляющимъ образомъ. Разъ только у противника отнято сознаніе, то нужно только не давать ему опомниться, чтобы господствовать надъ нимъ. „Это самый важный моментъ кампаніи: пруссаки не ожидаютъ того, что мы сдѣлаемъ. Горе имъ, если они будутъ медлить и потеряютъ хоть одинъ день," писалъ Наполеонъ Мюрату 8-го октября 1806 г., передъ началомъ операціи. Съ этого дня онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока всѣ прусскія войска не были уничтожены и онъ не прибылъ къ Вислѣ. Только естественная, крайняя граница физическихъ силъ можетъ приказать остановиться. Этой границы достигаютъ не такъ скоро, какъ это обыкновенно думаютъ; люди и лошади очень выносливы. Никогда не слѣдуетъ забывать, что своевременно нанесеннымъ ударъ, даже хотя бы и послѣдними остатками силъ, можетъ сберечь отъ тягостей цѣлаго похода и многолѣтняго кровопролитія. На войнѣ нельзя откладывать на завтра того, **что можно сдѣлать еще сегодня.**

Но и войска также должны непрерывно работать, а этому противится не одно только физическое утомленіе, но и общее внутреннее ослабленіе, наступающее послѣ долгаго періода напряженія силъ; оно отнимаетъ всякую охоту къ дѣйствію и постепенно охватываетъ всѣ слои арміи до простого солдата.

Армія, прошедшая черезъ рядъ сраженій, потеряла своихъ храбрѣйшихъ офицеровъ и солдатъ. Смерть всегда собираетъ жатву среди лучшихъ людей. Они идутъ впереди другихъ и первые падаютъ отъ пуль. Они также скорѣе заболѣваютъ, такъ какъ тотъ, кто добровольно дѣятеленъ и постоянно готовъ переносить труды и опасности, скорѣе истощится и скорѣе перейдетъ пре-

[1]) 20—25 лье.

дѣлъ напряженія, чѣмъ тотъ, который держится назади и склоненъ беречь себя. Такимъ образомъ постепенно уменьшается во время тяжелой войны внутреннее достоинство арміи. Его нельзя сравнивать съ магнитомъ, сила котораго увеличивается при его употребленіи. Только опытъ и внѣшняя ловкость растутъ. Тягости и лишенія всякаго рода, утомительные марши, сырые биваки— все это охотно переносятъ въ продолженіе короткаго промежутка времени, но не по цѣлымъ мѣсяцамъ. Только немногія, выдающіяся натуры счастливо избѣгаютъ дѣйствія этихъ обстоятельствъ, но не масса людей; между тѣмъ наука о войнѣ можетъ основывать свои выводы только на послѣдней.

Кто не знаетъ войны, тотъ легко можетъ оставить это обстоятельство безъ вниманія. Въ его воображеніи представляются „ветераны", переходящіе съ возрастающимъ мужествомъ отъ одной побѣды къ другой, все съ меньшимъ трудомъ вплетая одинъ за другимъ лавры въ свои вѣнки. Но невозможно безпрерывно оставаться героемъ, когда бой дѣлается повседневнымъ явленіемъ, опасность надоѣдаетъ тѣмъ, что она грозитъ отовсюду, и когда приходится маршировать въ грязи и отдыхать на мокрой травѣ. Вообще, грязь есть весьма опасный противникъ всякаго воодушевленія. Идеалъ и дѣйствительность на войнѣ лежатъ далеко другъ отъ друга. Поэтическія иллюзіи новичка не сбываются. То, что въ его воображеніи исполняется на лету, совершается на дѣлѣ очень медленно и принимаетъ самую отвратительную форму. Бои и битвы, возвышенные эпизоды которыхъ ему снились, сопряжены съ длинными періодами чрезмѣрнаго напряженія, которое губительно дѣйствуетъ на душевное состояніе и едва позволяетъ прійти къ сознанію великой минуты. Усталость до такой степени охватываетъ всѣ чувства, что дѣлаетъ ихъ неспособными принять какое-либо впечатлѣніе. Военная исторія передаетъ намъ, что при отступленіи отъ Іены къ Пренцлау старые прусскіе гренадеры приставляли ружья другъ другу къ груди и взаимно убивали себя только для того, чтобы не быть больше вынужденными маршировать. Если страданія войны преодолѣваютъ страхъ смерти, то какъ же имъ не завладѣть энтузіазмомъ неопытнаго человѣка. Очень часто можно услышать отъ тѣхъ, которые вернулись послѣ

перваго своего похода, слѣдующее выраженіе: „Мы стали одной иллюзіей объ нѣмъ. Можетъ-быть, юноша пойдетъ еще съ полной жаждой дѣятельности въ первый бой, который ему незнакомъ; можетъ-быть, онъ и будетъ въ первое время рваться къ опасности и приключеніямъ: можетъ-быть, даже онъ на время заглушитъ въ отрезвляющія впечатлѣнія—но все-таки, въ концѣ концовъ, время возьметъ свое. Все совершенно измѣнится послѣ двухъ или трехъ сраженій, уже не говоря о десяти или двѣнадцати. Жажда приключеній стихаетъ; честь и слава заслужены. Человѣкъ удовлетворяется пріобрѣтеніемъ воспоминанія на всю жизнь и довольствуется сознаніемъ исполненнаго въ минуты смертельной опасности долга. Въ глубинѣ его души невольно зарождается желаніе донести все это благополучно домой. Въ концѣ счастливо пережитой кампаніи никто болѣе не хочетъ умирать за отечество. Точно также и генералы въ концѣ войны пожалѣютъ рискнуть доставшейся имъ съ трудомъ славой и, вслѣдствіе этого, будутъ дѣйствовать менѣе рискованно, менѣе смѣло, какъ въ началѣ войны, когда они протягивали руку только за первыми лаврами.

Въ 1870—71 годахъ говорили, что „армія можетъ себя до смерти истощить побѣдами." Это выраженіе звучитъ парадоксально, но, все-таки, въ немъ есть доля истины. *Огромное большинство умираетъ даже и отъ счастливой войны.* Культурнымъ народамъ быстро надоѣдаетъ подобное исключительное обстоятельство, какъ война, нарушающая ихъ мирное развитіе. Потому-то древніе народы такъ и боялись варваровъ, на которыхъ перерывъ обычнаго образа жизни никогда не производитъ такого же сильнаго впечатлѣнія.

Если это такъ ощутительно даже при счастливой войнѣ, то легко себѣ представить, какъ много скорѣе явится чувство полнаго истощенія охоты къ войнѣ при пораженіяхъ и отступленіи.

И все-таки необходимо, чтобы связь военныхъ дѣйствій не прерывалась. Мощное вліяніе полководца на свою армію [1]), большое упорство и сознательное жестокосердіе всѣхъ высшихъ на-

[1]) Это обусловливается, кромѣ естественнаго вліянія личности полководца, также и болѣе или менѣе близкимъ знакомствомъ съ войсками. Это часто упускаемое изъ виду обстоятельство ощущается при всѣхъ сношеніяхъ съ офицерами

чальниковъ, вмѣстѣ съ глубоко укоренившимся въ массѣ чувствомъ долга, необходимы для выполненія этого условія. Для чрезвычайныхъ подвиговъ успѣхъ мыслимъ только тогда, если ихъ требуетъ мужественный авторитетный вождь. *Военная исторія учитъ, что такихъ людей, которые отважничались требовать чрезвычайныхъ дѣлъ, гораздо менѣе, нежели такихъ, которые исполняютъ ихъ, разъ это требуется.*

Послѣдовательность должна вытекать изъ убѣжденій и легко можетъ быть придана операціямъ какимъ-нибудь совѣтникомъ полководца. Въ общемъ она явится вслѣдствіе *закона необходимости*, который въ настоящее время господствуетъ надъ ходомъ войны. Этотъ фактъ весьма ясенъ при безпристрастномъ взглядѣ на дѣло. Громадныя арміи настоящаго времени, будучи мобилизованы, до такой степени давятъ на жизнь народовъ, что возможно скорѣйшее освобожденіе отъ этой тяжести становится закономъ чувства самосохраненія. Каждая изъ воюющихъ сторонъ преслѣдуетъ какую-нибудь цѣль, достиженіе которой должно обезпечить ей миръ. Къ этой цѣли и должны быть направлены всѣ силы, чтобы достигнуть ея въ кратчайшее время. Конечно, невозможно идти безусловно прямо къ этой цѣли: случайности войны вызываютъ уклоненія. Всякое новое положеніе является какъ бы новымъ затрудненіемъ, которое необходимо какъ можно скорѣе и наивыгоднѣйшимъ образомъ устранить. Но этому устраненію непріятель, само собой, постарается воспрепятствовать, и такимъ образомъ является ближайшая необходимость собственныхъ дѣйствій. Подымаясь впередъ, тѣсни врага, обходя и атакуя его, создашь и самому себѣ новыя задачи. Этотъ неутомимо продолжающійся процессъ никогда не долженъ прерываться безъ самой настоятельной необходимости. Каждый безполезно проведенный день есть утрата не менѣе милліона рублей. Однако, при веденіи войны важно также постоянно имѣть въ виду главную цѣль и, прибѣгая къ различнымъ вспомогательнымъ операціямъ, не пред-

и солдатами. Подчиненнаго утруждаетъ сознаніе, что онъ ненавистенъ начальнику; всякое приказаніе исполнится гораздо лучше, если получившій его знаетъ, что онъ лично знакомъ отдающему. Слѣдовательно личное знакомство есть хорошее средство для связи начальниковъ съ войсками.

принимать такой, которая не приноситъ существенной пользы главной цѣли. Выгодно, чтобы даже въ самомъ незначительномъ бою атака или отбитіе таковой велись въ томъ направленіи, въ которомъ, въ виду общей стратегической обстановки, желательно оттѣснить противника. Если дѣло идетъ даже только объ одномъ батальонѣ или эскадронѣ, то дорога къ общей конечной цѣли, все-таки, хоть немного расчищается, между тѣмъ какъ кровавая битва можетъ и не имѣть этого дѣйствія, если она не находится въ внутренней связи съ общимъ направленіемъ кампаніи.

13. Рѣшимость, упорство, иниціатива, самостоятельность и произволъ.

Тѣ основныя правила, которыя предписываютъ на войнѣ прежде всего бить врага, послѣ побѣды энергично преслѣдовать, чтобы извлечь изъ нея всѣ выгоды, въ стремленіи къ достиженію разъ поставленной цѣли не допускать перерыва, и другія, подобныя имъ, извѣстны всякому въ военномъ мірѣ.

Если, несмотря на это, вышеприведенныя правила часто не исполняются, то въ этомъ прежде всего виновата слабость воли, не осуществившая того, что признано правильнымъ. На войнѣ вѣрная оцѣнка обстановки служитъ только первымъ шагомъ при рѣшеніи всѣхъ задачъ, между тѣмъ какъ на упражненіяхъ мирнаго времени только одна она и требуется. Уже борьба съ личными затрудненіями, съ противодѣйствіемъ подчиненныхъ и съ вліяніемъ знатныхъ совѣтниковъ заставляетъ или совсѣмъ не приходить въ исполненіе хорошаго намѣренія, или замѣнить его худшимъ. Треніе, возникающее при движеніи войскъ, и вліяніе непріятеля часто принуждаютъ отказаться и отъ послѣдняго.

Но къ этому присоединяются еще и другія обстоятельства. Встрѣчаются люди, которые съ высшей энергіей приводятъ въ исполненіе разъ задуманное, но которые, тѣмъ не менѣе, съ трудомъ сами останавливаются на какомъ-либо рѣшеніи. Человѣку среднихъ способностей не легко ясно отвѣтить себѣ на вопросъ, *какого онъ самъ мнѣнія*, въ особенности если онъ слышитъ вокругъ себя чужія сужденія. Къ его взгляду невольно примѣшивается чужое вслѣдствіе того, что умъ привыкъ къ зависимости. Геніаль-

нымъ же людямъ это качество нерѣдко свойственно по другой причинѣ. Ихъ уму недостаетъ извѣстной умѣренности; они ставятъ слишкомъ большія требованія предварительнымъ условіямъ. Они хотятъ перейти въ наступленіе, но приготовленія къ нему кажутся имъ недостаточными. Они разсчитываютъ бить противника, но рисуютъ себѣ опредѣленную картину группировки войскъ, предшествующую сраженію. Но такъ какъ впослѣдствіи обстоятельства никогда не складываются вполнѣ такъ, какъ желательно, то имъ недостаетъ рѣшимости попытать свое счастье и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Сомнѣнія приводятъ ихъ къ тому, что каждый такой отдѣльный случай имъ кажется исключеніемъ, къ которому непримѣнимы общеизвѣстныя основныя начала. Необходимо всегда помнить, что на войнѣ идеалъ недостижимъ, что желанія никогда не исполняются вполнѣ, что обстановка постоянно складывается не такъ, какъ предполагалось, и что, слѣдовательно, надобно быть всегда готовымъ приступить къ важнѣйшимъ рѣшеніямъ даже при только на половину благопріятныхъ условіяхъ.

Для рѣшимости потребна не только сила духа, но также и извѣстное практическое сознаніе несовершенства всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Нужно удовольствоваться достиженіемъ своей цѣли, хотя бы это произошло и не такъ, какъ надѣялись. Вѣдь никому въ жизни счастье не достается именно тѣмъ путемъ, который юношеская фантазія рисовала, какъ единственно осчастливливающій; довольно, если его достигнетъ хоть какимъ-нибудь другимъ.

Умѣренность способствуетъ рѣшимости.

При этомъ больше всего помогаетъ дѣлу простая, откровенная и цѣлесообразная постановка вопросовъ. Передъ Іеной, собираясь противостать французамъ, поставили вопросъ: „Какая позиція наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ требованіямъ *науки*"? Въ отвѣтъ на это получилась идеальная позиція, открытіе которой, можетъ-быть, могло бы служить образцомъ для учебной рекогносцировки, но которая была безполезна, потому что находка не подходила къ данной обстановкѣ.

„Что предприметъ непріятель? Что, въ виду этого, будетъ для

него самымъ чувствительнымъ,—то мы и сдѣлаемъ". Такъ складывается правильный ходъ размышленій при всякомъ рѣшеніи. При этомъ безразлично, если то, что признано худшимъ для непріятеля, выглядитъ нѣсколько искусственнымъ. Нельзя насильно домогаться приведенія въ исполненіе своихъ излюбленныхъ идей. Тактики и стратеги, желающіе всюду примѣнить свои идеалы, крайне сомнительные полководцы; наиболѣе опасными становятся они тогда, когда ихъ научныя убѣжденія кристаллизовываются въ систему. На войнѣ нѣтъ такой душеспасительной истины, которая выручала бы во всѣхъ случаяхъ: тамъ все можетъ быть вѣрно и все ложно, какъ только исключительныя обстоятельства сдѣлаютъ его таковымъ.

Хотя рѣшимость въ стремленіи нанести противнику самый чувствительный ударъ и не должна доходить до недостижимаго, но въ сферѣ возможнаго позволительно доводить рискъ до крайняго предѣла. *На войнѣ не слѣдуетъ начего, что само по себѣ разумно, считать невозможнымъ, не испытавъ его на опытѣ, и можно позволить себѣ все, что находишь для себя исполнимымъ.*

Очень часто для правильной постановки вопросовъ не будетъ достаточно времени или возбужденіе битвы помѣшаетъ этому, и тогда рѣшеніе становится чѣмъ-то инстинктивнымъ. Во время боевъ и сраженій внутреніе минуты вызываетъ больше дѣйствій, нежели сознательная работа мыслей. Мы удивляемся способности именно внезапно предпринимать вѣрныя рѣшенія, называемъ это геніальностью, военнымъ взглядомъ или вѣрнымъ тактомъ. Это есть то качество, которое одновременно охватываетъ, какъ всю обстановку вообще, такъ и ея детали.

Заслуга этой инстинктивной дѣятельности заключается въ нравственномъ мужествѣ повиноваться такимъ импульсамъ. И, все-таки, мы имѣемъ достаточно причинъ, чтобы довѣрять имъ. Дѣло въ томъ, что въ нихъ выражается совокупность убѣжденія, опытности, знаній и силы характера, какъ безсознательный продуктъ всѣхъ духовныхъ и нравственныхъ силъ. Здѣсь наша солдатская душа высказывается съ неограниченной свободой и вѣрнѣе находитъ свою дорогу, нежели при разсужденіи, которое, вслѣдствіе различныхъ крайностей, можетъ привести къ фальшивымъ заключеніямъ.

Подобныя внезапныя рѣшенія не нуждаются въ разъясненіяхъ и часто не выдерживаютъ мотивировки, которою исторія старается ихъ прикрасить. Примѣръ великихъ полководцевъ прекрасно доказываетъ это. Фридрихъ вывелъ свое рѣшеніе, которому такъ много удивлялись, атаковать при Лейтенѣ лѣвый флангъ австрійцевъ на основаніи такихъ ничтожныхъ причинъ, что если бы ему повѣрили, то исчезло бы именно самое удивительное. Истина же заключается въ томъ, что онъ подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на него видомъ непріятеля, безъ всякаго систематическаго процесса мышленія сейчасъ же разгадалъ его положеніе.

Послѣдующія размышленія рѣдко улучшаютъ первоначальное рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что оно представляетъ изъ себя созданіе минуты, въ которой вся сила творчества внутренняго человѣка получаетъ полное выраженіе. Шекспиръ говоритъ о *врожденной* рѣшимости; онъ зналъ, что она не можетъ быть благопріобрѣтеннои.

Опасность, которая угрожаетъ первоначальному рѣшенію отъ послѣдующихъ сомнѣній, требуетъ для своего сохраненія нѣкоторыхъ приготовленій. Въ распоряженіяхъ нужно заботливо избѣгать всего того, что можетъ впослѣдствіи привести къ колебанію. Всякія полумѣры именно потому и гибельны, что разсчитываются такъ, чтобы онѣ на половину удовлетворяли рѣшенію и на половину сомнѣніямъ, говорящимъ *противъ* этого рѣшенія.

Часто пріобрѣтаютъ значеніе чисто внѣшнія условія. Такъ напр. при занятіи позиціи для рѣшительнаго боя не слѣдуетъ занимать слишкомъ сильными отрядами находящихся впереди ея мѣстныхъ предметовъ, такъ какъ въ случаѣ, если непріятель начнетъ ихъ тамъ сильно тѣснить, явится сомнѣніе, держаться ли первоначальнаго рѣшенія и предоставить эти отряды самимъ себѣ, или отказаться отъ рѣшенія и спасти эти войска. Слабое же занятіе этихъ пунктовъ устранило бы это. Участь нѣсколькихъ ротъ не произведетъ особеннаго дѣйствія на рѣшенія полководца, тогда какъ судьба полка или бригады уже можетъ это сдѣлать. Единственное постоянно-очевидное основаніе, чтобы держать свои силы въ сборѣ, это то, что при этомъ начальникъ меньше всего можетъ прійти въ разладъ съ самимъ собою. Кто не отдѣляетъ ни одной самостоятельной части, тотъ и не подвергается опасности видѣть

свои намѣренія разстроенными, вслѣдствіе ея самовольной дѣятельности. Поэтому людямъ съ слабымъ характеромъ и недостаточно проницательнымъ можно рекомендовать всегда держать всѣ силы хорошенько вмѣстѣ.

Самымъ серьезнымъ испытаніемъ рѣшимости является *неожиданный* бой, завязавшійся во время исполненія движеній. Даже и *ожидаемый* бой можетъ сбить съ толку своими сильными впечатлѣніями, при чемъ даже нѣтъ надобности, чтобы онъ противорѣчилъ собственнымъ интересамъ. Весьма поучительнымъ примѣромъ этого можетъ служить бой при Виллерсекселѣ, 9-го января 1871 года. Находившійся у Везуля генералъ Вердеръ составилъ себѣ вполнѣ опредѣленное и соотвѣтствовавшее обстановкѣ рѣшеніе—частью своихъ силъ атаковать французовъ, если бы они рѣшились двинуться мимо него вдоль р. Оньонъ къ Бельфору, и остановить ихъ у Виллерсекселя; въ то же время главныя силы должны были броситься къ Лизенѣ, чтобы воспрепятствовать тамъ наступленію противника. Дѣло развивалось дѣйствительно совершенно согласно этой программѣ. Французы показались, и въ ночь на 9-ое января нѣмецкіе патрули нашли Виллерсексель сильно занятымъ ими. 4-я резервная дивизія, принадлежавшая къ составу корпуса Вердера, направилась туда, и авангардъ ея утромъ вытѣснилъ непріятеля изъ мѣстечка, взявъ 500 человѣкъ въ плѣнъ. Все складывалось какъ нельзя болѣе счастливо и согласно желанію. Генералъ Вердеръ, съ высоты у Айльвана, наблюдалъ за усиливаніемъ непріятеля противъ Виллерсекселя, и намѣреніе—остановить французовъ въ наступленіи къ востоку и заставить ихъ развернуться къ сѣверу, казалось достигнутымъ [1]). Теперь надлежало, по предварительному рѣшенію, отступить за Лизену. Вмѣсто этого мы видимъ, что еще вечеромъ и ночью весь корпусъ сосредоточивается къ полю сраженія, а 10-го рано утромъ даже занимаетъ позицію у Айльвана и Лонжевиля, вблизи Виллерсекселя. Изъ этого видно, какъ велика притягательная сила боя даже на сознательно дѣйствующихъ на-

[1]) Въ дѣйствительности французы намѣревались развернуться у Виллерсекселя фронтомъ къ сѣверу, чтобы атаковать генерала Вердера у Везуля, охвативъ его лѣвый флангъ.

чальниковъ, и мы уже указали, что, дѣйствительно, тактическое рѣшеніе, разъ только оно въ ходу, неминуемо выступаетъ на первый планъ. Такіе исключительные случаи, какъ выше приведенный, всегда обусловленные отношеніемъ силъ къ задачѣ [1], рѣдки и распознаются съ трудомъ. Весьма не легко отвѣтить на вопросъ, имѣетъ ли начальникъ право изъ-за высшихъ интересовъ прекратить бой, доведенный до половины. Онъ тѣмъ болѣе мучителенъ, что мы должны признать, что противникъ, даже въ случаѣ добровольнаго съ нашей стороны прекращенія боя и отступленія, можетъ съ нѣкоторымъ правомъ приписать себѣ честь побѣды. Слѣдовательно, въ такимъ случаяхъ *упорство* полководца въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли переноситъ серьезный кризисъ.

Если это можетъ случиться при счастливомъ ходѣ событій, то тѣмъ болѣе это возможно при неудачномъ: невольно всѣ соображенія полководца выбиваются изъ колеи. Но и при этомъ есть средство спасенія. „Надо только взглянуть на это случайное происшествіе съ широкой и простой точки зрѣнія“ говоритъ Клаузевицъ. Надо припомнить, въ чемъ состояло первоначальное намѣреніе, къ какой цѣли мы стремились, и стараться подчинить встрѣтившіяся случайности болѣе могучему требованію.

На донесеніе о сильномъ сопротивленіи, встрѣченномъ частями II-й арміи, 16-го августа 1870 г. при Віонвилѣ, во время наступленія къ Маасу, генералъ Мольтке отвѣчалъ изъ Понтъ-а-Муссона главной квартирѣ арміи:

„По нашему мнѣнію, рѣшеніе кампаніи заключается въ томъ, чтобы отбросить отступающія отъ Меца главныя силы французовъ въ сѣверномъ направленіи. Чѣмъ болѣе непріятельскихъ силъ имѣетъ сегодня 3-й корпусъ передъ собой, тѣмъ больше будетъ

---

[1] Причина, которая могла бы побудить генерала Вердера прекратить бой и отступить, заключалась не въ томъ, что рѣшено было драться именно на Лизенѣ, такъ какъ суть дѣла была та, чтобы вообще отбросить противника, гдѣ бы то ни случилось. Мотивъ вытекалъ изъ сомнѣнія, можно ли будетъ надѣяться на счастливый исходъ въ бою всѣхъ силъ противъ всѣхъ у Виллерсекселя, гдѣ условія мѣстности не представляли особыхъ затрудненій дѣйствіямъ численно превосходныхъ французовъ. На Лизенѣ эти обстоятельства складывались благопріятнѣе

успѣхъ завтра, когда туда прибудутъ 10-й, 3-й, 9-й, 5-й, 7-й и 12-й корпуса".

Здѣсь даже въ критическій моментъ удержана основная мысль составленнаго первоначальнаго плана кампаніи, заключавшаяся въ томъ, чтобы оттѣснить непріятеля къ сѣверу отъ его пути отступленія на Парижъ. Съ этой точки зрѣнія можно было возвратиться къ правильному рѣшенію, несмотря на неожиданный оборотъ событій. Оно могло бы быть потеряно, если бы слишкомъ углубились въ тѣ мелочи, которыхъ въ достаточномъ количествѣ представляли ходъ боя, численность непріятеля, расположенія отдѣльныхъ частей и т. п.

„Великія цѣли составляютъ душу войны, и что было бы со всей теоріей военнаго искусства, если бы схоронить ея великіе взгляды и опредѣленіе подъ кучей мелкихъ затрудненій, кропотливо собранныхъ со всего царства возможнаго" [1]).

Мы видѣли уже, что во время движеній рѣшеніе только тогда производитъ настоящее дѣйствіе, когда оно выражено въ ясныхъ приказаніяхъ; во время сраженія къ этому прибавляется еще условіе, чтобы рѣшеніе имѣло надлежащую сдержанность въ дѣйствіяхъ и личномъ вліяніи полководца. Въ его поведеніи должна выражаться вѣра въ задуманное имъ дѣло; онъ долженъ выказать убѣжденіе въ томъ, что правильно задуманное приведетъ и къ благополучному исходу. Личное вліяніе чрезвычайно трудно пріобрѣсть, если оно не врожденное. Отличные люди, которые сами въ всѣхъ отношеніяхъ ясно сознаютъ поставленную цѣль, и тѣ часто лишены его. Здѣсь высказывается врожденный даръ повелѣвать. Нѣкоторыя данныя можно получить изъ наблюденія человѣческой натуры. „Передъ непріятелемъ солдатъ не бываетъ такъ машиналенъ, какъ на учебномъ плацу, и это одинаково замѣчается, какъ у высшихъ начальниковъ, такъ и у нижнихъ чиновъ". Даже притворная увѣренность можетъ принести пользу, тогда какъ необдуманное слово сомнѣнія или заботы легко можетъ причинить величайшій вредъ. Въ бою оптимисты вновь получаютъ то значеніе, которое они теряютъ на почвѣ философіи своими

[1]) Клаузевицъ. Канцелярія-квартира въ Теннштедтѣ, близъ Веймара, 12-го октября 1806 г.

міровоззрѣніями. Мефистофель становится для насъ, какъ для учениковъ, прекраснымъ учителемъ:

Въ смѣлости у васъ не будетъ недостатка,
Довѣрьтесь только вы самимъ себѣ,
И довѣрятся другія души вамъ.

Это относится къ солдату не менѣе, чѣмъ къ начинающему доктору. Изъ этого довѣрія къ самому себѣ послѣдуетъ счастливый образъ повелѣванія. Конечно, руководителю въ бою необходимо также и знаніе пріемовъ для маневрированія войсками. Послѣднимъ нельзя позволить импонировать себѣ, но не слѣдуетъ также наказывать ихъ полнымъ невниманіемъ, иначе они мстятъ. Далѣе, нужна также и привычка къ повелѣванію.

Такъ какъ чувство отвѣтственности есть самый злѣйшій врагъ всякой рѣшительности на войнѣ, то обыкновенно самыми рѣшительными людьми являются тѣ, которые не несутъ никакой отвѣтственности. Кто въ своей юности дѣлалъ походъ, состоя при штабѣ главнокомандующаго, тотъ по простотѣ души, большею частью, довольно скоро рѣшается и охотно взваливаетъ на свои плечи отвѣтственность за важнѣйшія предпріятія. Такъ какъ при этомъ опытъ нерѣдко подтверждаетъ вѣрность сдѣланныхъ предположеній, то легко думаешь, что не хватаетъ только маршальскаго жезла, чтобы быть великимъ полководцемъ. Однако осторожность повелѣваетъ не воображать въ себѣ Наполеона прежде, чѣмъ онъ выкажется на практикѣ при обстановкѣ, полной отвѣтственности. Тяжесть послѣдней сразу все измѣняетъ; тутъ какъ будто бы кто-то держитъ передъ глазами желто-красное стекло, и кажется, что небо, еще только-что такое веселое, громоносно нависло надъ напуганной природой.

Тяжесть отвѣтственности дѣйствуетъ не всюду одинаково; она увеличивается сообразно повышенію начальника на ступеняхъ военной іерархіи, оказывая на низшихъ меньшее вліяніе. Это въ особенности проявится тамъ, гдѣ, какъ въ германской арміи, весь персоналъ начальниковъ принадлежитъ къ одному слою общества и составляетъ какъ бы одно умственно-аристократическое товарищество. Весьма понятно, что тутъ поручики самый смѣлый народъ, такъ какъ они уже чувствуютъ свое право быть

въ будущемъ фельдмаршалами, не испытавъ предварительно тяжести ихъ отвѣтственности. Они составляютъ бьющую снизу вверхъ силу, которая придаетъ размахъ. Въ самостоятельности низшихъ начальниковъ заключается ничѣмъ незамѣнимая сила. Нечего и говорить о томъ, насколько войсковая машина скорѣе и дѣйствительнѣе работаетъ, если каждая отдѣльная часть проявляетъ свою дѣятельность, не ожидая въ каждомъ дѣлѣ толчка свыше. Если въ арміи существуетъ обыкновеніе ничего не дѣлать безъ приказанія, то ея движеніе получаетъ порывистый, спорадическій характеръ. Всякій разъ, какъ только встрѣтится какое-нибудь неожиданное обстоятельство, оно прерывается, такъ какъ всѣ участники будутъ предварительно выжидать распоряженій высшихъ начальниковъ. Во многихъ операціяхъ французской арміи въ 1870 году отсутствіе связи вполнѣ объясняется недостаткомъ самостоятельности въ низшихъ слояхъ.

Для удачи такого грознаго дѣла, какъ управленіе современными массами, неизбѣжно необходимо, чтобы исходящія отъ высшаго начальства импульсъ былъ бы уже подготовленъ въ низшихъ инстанціяхъ. Въ 1870 г. на сторонѣ германцевъ очень часто случалось, что когда въ арміяхъ и корпусахъ получались приказанія изъ главной квартиры, то исполненіе ихъ уже ранѣе было подготовлено самими войсками.

Духъ *инициативы* подстрекаетъ къ самостоятельной дѣятельности: онъ придаетъ арміи силу. Вполнѣ справедливо придерживаться того правила, что офицеръ, виновный въ бездѣйствіи, не можетъ оправдываться неполученіемъ приказанія. Насъ уже не удовлетворяетъ ни пассивное послушаніе, ни простое исполненіе приказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда была возможность достигнуть большаго. Клаузевицъ считаетъ исполненіе одного лишь предписаннаго признакомъ посредственности. Мы же называемъ это недостаточнымъ пониманіемъ своего долга. Фридрихъ Великій требовалъ отъ своихъ офицеровъ, чтобы они подготовлялись, по крайней мѣрѣ, къ ближайшей высшей ступени іерархіи. Только такимъ образомъ и можно воспитать самостоятельность и инициативу.

Корпусу приказано на слѣдующее утро продолжать начатое наступленіе. Вдругъ получается извѣстіе, что флангъ арміи нео-

жиданію столкнулся съ непріятелемъ. Становится вѣроятнымъ, что главная квартира оставитъ прежнюю дорогу и двинется къ полю сраженія. Однако приказанія еще не получены. Тутъ корпусный командиръ рѣшается на утро поставить свою часть въ такое положеніе, чтобы она могла безъ окольныхъ движеній и потери времени выступить по новому направленію. Это есть инициатива.

Тотъ начальникъ артиллеріи, которымъ, при описаніи нами случайнаго сраженія, самъ вызвалъ свои батареи изъ походной колонны, прежде чѣмъ онъ получилъ на это приказаніе, и такимъ образомъ предупредилъ желаніе своего начальника,—выказалъ инициативу. Не менѣе она свойственна и начальнику авангарда, который, замѣчая, что противникъ начинаетъ отступленіе, атакуетъ его потому, что сознаетъ, какъ невыгодно было бы дать ему уйти.

Инициативы не слѣдуетъ смѣшивать съ простымъ, безсознательнымъ движеніемъ впередъ, во что бы то ни стало. Одинъ глубокомысленный и высокопоставленный генералъ мѣтко выразился, что атака можетъ служить признакомъ именно отсутствія инициативы. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда наступающій авангардъ только потому атакуетъ противника, что его начальникъ не можетъ прійти къ ясному рѣшенію, что онъ собственно долженъ предпринять.

Инициатива есть покоящееся на пониманіи дѣла сознаніе собственной власти, которая стремится облегчить достиженіе цѣлей, поставленныхъ высшимъ управленіемъ.

Конечно, нельзя отрицать, что она иногда бываетъ неудобною, или на перерѣзъ высшимъ намѣреніямъ полководца и отнимая у него свободу дѣйствій своими совершившимися и непоправимыми фактами. Въ особенности въ высшихъ инстанціяхъ надо быть крайне осмотрительнымъ, такъ какъ здѣсь неосторожный поступокъ вліяетъ на судьбу всего дѣла, что не имѣетъ мѣста въ инициативѣ младшихъ начальниковъ. Но, все-таки, было бы большимъ заблужденіемъ бороться въ принципѣ вообще противъ инициативы и самостоятельности частныхъ начальниковъ только вслѣдствіе того, что она можетъ иногда вызвать неудобства. Это значило бы

во избѣжаніе одного промаха отказаться отъ сотни содѣйствующихъ импульсовъ и вслѣдствіе этого безконечно много потерять въ силѣ. И безъ того инициативѣ противодѣйствуютъ могущественные враги: духовная вялость, апатія, рутина, боязнь отвѣтственности, потребность большинства людей предоставлять событіямъ руководить собой и выжидать, пока они ясно укажутъ имъ, что надо дѣлать, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на основаніи сознанія своего долга. Эти отрицательныя власти легко парализуютъ силу дѣятельности.

Если же имъ еще помогать ограниченіемъ и урѣзываніемъ самостоятельности, то въ скоромъ времени въ войскахъ прекратится всякая жизнь; армія обратится въ массу, которая въ рукахъ мастера хотя и приметъ какую угодно форму, но которая не будетъ имѣть той упругости, необходимой для совершенія великихъ дѣлъ. Инициативу можно очень скоро уничтожить въ арміи, но разъ уничтоженную возстановить весьма трудно и, можетъ-быть, даже невозможно. Существуетъ только одно средство для противодѣйствія дурнымъ послѣдствіямъ инициативы.—это равномѣрное воспитаніе умственныхъ и нравственныхъ силъ. Это средство вполнѣ достаточно и не принесетъ ущерба самостоятельности.

Одинъ изъ философовъ новѣйшаго времени учитъ: „И, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно убѣдился въ томъ, что *ничего не дѣлать* есть во многихъ случаяхъ самое дѣйствительное, самое дешевое и самое безопасное, однимъ словомъ, самое лучшее и разумное, что только можно сдѣлать.“ Можетъ-быть, для гражданской жизни это изреченіе и содержитъ великую мудрость, но изъ военной мы должны его изгнать. Солдатъ долженъ постоянно что-нибудь дѣлать. Но онъ тогда только будетъ охотно работать, когда увѣренъ въ благодарности за это или, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что не подвергнется осужденію. По отношенію къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ своихъ подчиненныхъ высшее начальство должно относиться съ нѣкоторымъ великодушіемъ [1]. Германцы въ 1870 г., встрѣтившись съ совершившимися фактами, не ссорились много съ виновниками ихъ, но просто вводили случившееся

[1] Это уже необходимо и въ мирное время; тутъ и безъ того весьма склонны слишкомъ много придавать ради гладкаго хода и красоты упражненій. Офицеръ,

въ свой расчетъ, такъ какъ его уже нельзя было отмѣнить. Этимъ достигалось въ подчиненныхъ не только мужество быть самостоятельнымъ, но и увѣренность въ рискѣ: каждый зналъ, что его не только не оставятъ на произволъ судьбы, но и что его непремѣнно поддержатъ свыше. Это удваивало силу всей арміи.

Нѣтъ болѣе ложнаго теоретическаго ученія, какъ то, которое предписываетъ начальнику оставить на произволъ судьбы своего подчиненнаго, завязавшаго неудачный бой безъ его согласія. Гдѣ существуетъ подобное отношеніе, не будучи вызвано жестокой необходимостью, тамъ такой образъ дѣйствій можно было бы назвать войной противъ собственныхъ войскъ.

Кто защищаетъ самостоятельность, тотъ не есть еще поборникъ *произвола*. Граница между ними кажется очень неопредѣленной, но она можетъ быть, все-таки, найдена, лишь только мы взглянемъ на мотивы дѣятельности. Судить слѣдуетъ только по этимъ мотивамъ, а не по успѣху, потому что успѣхъ часто зависитъ отъ случая. Произволъ обыкновенно вытекаетъ изъ эгоизма, а не изъ интереса къ общему дѣлу. Самостоятельность получаетъ свое право существованія потому, что она содѣйствуетъ высшимъ цѣлямъ или, по крайней мѣрѣ, стремится къ такому содѣйствію. Тамъ, гдѣ она не основана на этомъ и гдѣ самовластіе проявляется только ради самого себя, тамъ самостоятельность переходитъ въ произволъ. Атака генерала Манштейна при Коллинѣ была актомъ произвола, такъ какъ можно было предвидѣть, что она не принесетъ никакой пользы цѣлямъ короля и была предпринята только для собственной славы.

Самостоятельность и произволъ совсѣмъ не такъ близко сродственны другъ другу, какъ это часто полагаютъ. Первая рискуетъ личностью во имя дѣла; второй же—дѣломъ для личности. Оба понятія совершенно чужды другъ другу и поэтому весьма возможно, развивая самостоятельность, преслѣдовать произволъ.

самостоятельнымъ дѣйствіемъ разложившій красную уставленную группу, часто получаетъ еще выговоръ. Поэтому онъ рѣшается впредь лучше ожидать приказанія свыше. Мало-по-малу это переходитъ въ привычку. Отсутствіе самостоятельности въ младшихъ начальникахъ, большею частью, падаетъ вины на старшихъ.

Рѣшимость порождаетъ дѣятельность, настойчивость поддерживаетъ ее, инициатива питаетъ, а самостоятельность предохраняетъ ее отъ перерывовъ. Гдѣ присущи эти качества, тамъ произволъ немыслимъ, такъ какъ первыя вытекаютъ изъ доброй воли, а послѣдній—изъ злой.

14. Особыя условія, вліяющія на движеніе и бой.

До сихъ поръ еще никому не пришла въ голову мысль написать особую стратегію или тактику для различныхъ временъ года; между тѣмъ вліяніе ихъ навѣрно такъ же велико, какъ и вліяніе мѣстности, о которой часто такъ много распространяются.

Ясно, что движенія и бой при дождѣ, размягчающемъ почву до такой степени, что кавалерія и артиллерія не могутъ слѣдовать по сторонамъ дорогъ, принимаютъ совершенно другую форму, чѣмъ въ то время, когда можно свободно передвигать войска по твердому грунту. Сраженія становятся не такъ рѣшительны и ходъ ихъ медленнѣе. Стремительныя атаки такъ же невозможны, какъ и быстрое преслѣдованіе; обороняющійся выигрываетъ въ силѣ. Тактическія способности и ловкость войскъ не могутъ выказаться въ полной мѣрѣ; худыя войска смѣлѣе могутъ ожидать лучшихъ, чтобы помѣриться съ ними силами. Подъ вліяніемъ этихъ элементарныхъ причинъ планы должны ограничиться, или энергія начальниковъ и напряженіе войскъ должны удвоиться.

Точно такъ же вліяетъ на образъ веденія войны *различная продолжительность дня*, свойственная нашимъ широтамъ въ различныя времена года. Бо́льшая часть работы на войнѣ можетъ быть исполнена только днемъ, включая сюда и сумерки. Слѣдовательно, въ продолженіе лѣтнихъ сутокъ можно пользоваться временемъ отъ 2 ч. утра до 10 ч. вечера, а зимою отъ 7 ч. утра до 5 ч. пополудни; въ одномъ случаѣ это составляетъ 20 часовъ времени, а въ другомъ 10 ч. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что въ бою вліяніе ея возрастаетъ не равномѣрно съ временемъ, а въ возрастающей прогрессіи. Только на половину одержанная послѣ 6-ти часового усилія побѣда можетъ обратиться въ совершенное пораженіе противника, если можно воспользоваться еще двумя часами для продолженія боя.

Зимою марши обыкновенно тягостнѣе, чему причиной служатъ не только снѣгъ и дурныя дороги, но и холодъ, изнуряющій и увеличивающій усталость. Человѣку потребно больше времени на отдыхъ; выступленіе запаздываетъ, несмотря на то, что на ночлегъ прибываютъ ранѣе. Кромѣ того, всѣ должны быть укрыты въ зданіяхъ и потому войска болѣе разбрасываются по странѣ, чтобы найти отопляемыя помѣщенія. Всякій сборъ требуетъ больше времени, что при короткомъ днѣ вдвоинѣ чувствительно. Быстрыя соединенія съ большихъ разстояній немыслимы такъ же, какъ и бой послѣ дальнихъ маршей. При разъединеніи войсковыхъ массъ надо быть осторожнѣе и держать ихъ ближе другъ къ другу— условіе, которое опять противорѣчитъ необходимости лучшаго размѣщенія войскъ. Холодъ возбуждаетъ голодъ и потому является потребность въ болѣе обильномъ снабженіи войскъ жизненными припасами. Горячая пища становится необходимостью.

Вслѣдствіе увеличивающихся затрудненій при движеніи и болѣе короткаго рабочаго времени, сраженія въ закрытой мѣстности зимою почти невозможны. Часто густой утренній туманъ, покрывающій снѣжныя поля, увеличиваетъ для солдатъ продолжительность ночи. Дни боевъ при Ле-Манѣ показали, какъ трудно, при подобныхъ обстоятельствахъ, вытѣснить упорнаго противника изъ выгодной для него мѣстности. Сраженія начинались поздно; снѣгъ задерживалъ наступленіе стрѣлковыхъ цѣпей, а быстрое наступленіе темноты ставило предѣлъ бою въ то время, когда являлась возможность успѣха и непріятель начиналъ приходить въ разстройство. Продолжительность зимней ночи давала послѣднему возможность вновь устроиться, занять новую позицію, подтянуть подкрѣпленія, словомъ—приготовиться къ сопротивленію на слѣдующее утро. Процессъ разложенія, происходившій во французской арміи, слишкомъ часто прерывался, чтобы совершиться скоро. Среди лѣта германцы исполнили бы здѣсь въ три дня то, на что зимою потребовалось семь дней, и успѣхъ былъ бы вдвое больше.

Веллингтонъ, своей фразой въ сраженіи при Ватерлоо: „Я хотѣлъ бы, чтобы наступила ночь или прибыли бы пруссаки!" очень мѣтко охарактеризовалъ значеніе продолжительности дня для боя. Одинъ лишній часъ въ сраженіи при С. Прива значительно

увеличилъ бы его результатъ. Съ другой стороны, если мы мысленно перенесемъ это сраженіе съ 18-го августа на 18-е декабря, то, конечно, еще вопросъ, приступили ли бы къ сраженію еще въ полдень. Но если это предположить, то конецъ сраженія совпалъ бы съ моментомъ остановки атаки прусской гвардіи передъ С. Прива. На слѣдующее утро ее пришлось бы возобновить, долгая же ночь дала бы возможность маршалу Базену притянуть къ угрожаемому правому флангу свои еще нетронутые резервы. Это придало бы послѣднему большую силу и трудно сказать, каковъ былъ бы дальнѣйшій ходъ боя.

Генералъ ф. Штиле приводитъ въ своемъ описаніи боя при Кунерсдорфѣ между причинами потерь въ бою сильную жару и большую продолжительность лѣтняго дня.

Къ этому онъ прибавляетъ:

„Какъ были бы, вѣроятно, схожи своимъ исходомъ сраженія при Торгау и Кунерсдорфѣ, если бы первое произошло въ августѣ или второе въ ноябрѣ. Если бы при Кунерсдорфѣ темнота наступила въ 5 ч. вечера, то отступленіе русскихъ было бы весьма вѣроятно или, по крайней мѣрѣ, они получили бы возможность сосредоточиться на Юденбергѣ. Операція генерала ф. Вунша была бы гораздо дѣйствительнѣе [1]) и, въ крайнемъ случаѣ, король могъ бы возобновить атаку 13-го утромъ, пользуясь моральнымъ возбужденіемъ на половину одержанной наканунѣ побѣды".

Какъ при Кунерсдорфѣ король при раннемъ наступленіи темноты не могъ бы думать о продолженіи сраженія послѣ первыхъ же значительныхъ успѣховъ, такъ и Цитенъ при Торгау не могъ бы занять, а тѣмъ болѣе удержать, Зинтицкихъ высотъ, если бы во время его атаки было еще свѣтло.

Слѣдовательно, продолжительность дня есть весьма важный факторъ при веденіи преднамѣреннаго сраженія. Слишкомъ позднее начало приноситъ только половинный результатъ; оно становится опаснымъ, когда ищутъ въ бою полнаго рѣшенія, и, наоборотъ, можетъ быть выгодно, если желаютъ удовольствоваться

[1]) По приказанію короля, генералъ ф. Вунш двинулся во время сраженія въ тылъ русскимъ отъ Лебуса къ Франкфурту на Одерѣ, взялъ этотъ городъ и прервалъ бѣгущимъ путь черезъ находившіеся тамъ мосты.

только половиннымъ успѣхомъ или не чувствуютъ себя достаточно сильными для достиженія полной побѣды.

Время года имѣетъ также вліяніе и на настроеніе войскъ. Въ прекрасное весеннее утро люди идутъ съ несравненно болѣе бодрымъ духомъ и иною силою, нежели въ лѣтніи зной или пасмурные дождливые дни.

Нѣтъ надобности объяснять, насколько *погода* обусловливаетъ состояніе здоровья людей; вмѣстѣ съ недостаткомъ продовольствія она можетъ превратиться въ всеразрушающую силу. Въ особенности вредно отражается ея вліяніе во время вынужденной бездѣятельности при долгой лагерной жизни и другихъ подобныхъ обстоятельствахъ. Поэтому въ 1870 г. главная квартира германской арміи, расположенной подъ Мецомъ, совершенно справедливо обращала особенное вниманіе на этотъ фактъ, и въ ея приказаніяхъ многократно указывается на необходимость занимать людей службой и работами въ линіяхъ обложенія.

Въ одномъ изъ нихъ, отъ 9-го сентября, находимъ такое предостереженіе:

„Въ настоящее время всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы продолжительная дурная погода не обратилась для насъ въ бѣдствіе.“

„Поэтому нужно пользоваться каждымъ зданіемъ для размѣщенія войскъ и отъ времени до времени смѣнять аванпосты, чтобы они могли обсушиться подъ крышей, у огня.“

„Обезпеченное въ достаточномъ количествѣ продовольствіе, твердая воля и убѣжденіе, что непріятель терпитъ еще болѣе насъ—какъ показываютъ плѣнные—помогутъ намъ перенести и это испытаніе.“

Движеніе вообще смягчаетъ вліяніе дурной погоды; перемѣна впечатлѣній для глаза и ума благодѣтельно дѣйствуетъ на состояніе духа. Послѣ продолжительной стоянки каждый маршъ имѣетъ нѣчто освѣжающее. Въ интересахъ здоровья часто даже желательна перемѣна воздуха. Заразительныя болѣзни распространяются не такъ легко, потому что этому противодѣйствуетъ регулярная физическая дѣятельность людей.

Какую роль играетъ погода въ крѣпостной войнѣ, когда отъ

дождей всѣ траншеи превращаются въ водяные рвы или когда земля отъ мороза такъ твердѣетъ, что ея нельзя разрыхлить не только лопатой, но и киркой, можно видѣть изъ исторіи зимнихъ осадъ, при чемъ достаточно вспомнить осады Севастополя и Бельфора.

Зимній походъ есть тяжелое испытаніе для всякой арміи и при особенно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ забота о сохраненіи войскъ можетъ такъ оттѣснить остальныя, даже боевыя соображенія, что наконецъ сдѣлается самой главной заботой главнокомандующаго.

Поэтому своевременныя приготовленія столь же важны, какъ и достаточныя; кто думаетъ о нихъ только тогда, когда потребность дастъ себя почувствовать, тотъ опоздаетъ своею помощью.

Во всякомъ случаѣ, съ возрастаніемъ численности арміи увеличивается и важность *заботъ о санитарномъ состояніи войскъ на войнѣ*. Невольно ужасаешься, когда видишь, какъ ежедневно отправляются изъ арміи цѣлые поѣзда съ больными, а между тѣмъ пополненія съ родины прибываютъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ, и не видишь никакого средства остановить этотъ разрушительный процессъ: припоминаешь войска Санхериба передъ Іерусалимомъ. Потери силъ отъ болѣзней почти невѣроятныя, и довольно одного примѣра, чтобы убѣдиться въ томъ, что эти потери могутъ поставить на карту всякій успѣхъ. Санитарное состояніе германской арміи во Франціи въ 1870 г. было весьма благопріятное; не было никакихъ опасныхъ заразительныхъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе кампаніи поступило въ лазареты 100.000 человѣкъ (кромѣ 100,000 раненыхъ). Средняя продолжительность отсутствія каждаго больного изъ фронта, какъ недавно опредѣлилъ одинъ внимательный наблюдатель, можетъ быть принята въ 20 дней. Такимъ образомъ въ общемъ сложности военныя предпріятія были лишены содѣйствія полныхъ 12-ти корпусовъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ недѣль. Поэтому не слѣдуетъ упускать изъ вида никакого средства, которое могло бы противодѣйствовать этому естественному разложенію арміи. Климатъ и степень культуры той страны, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія, обусловливаютъ необходимость различныхъ мѣръ въ этомъ отно-

шеніи. При войнѣ гдѣ-нибудь на Востокѣ будутъ нужны совершенно другого рода приготовленія, и забота о сохраненіи войскъ играла бы здѣсь несравненно болѣе важную роль, нежели при войнѣ на германскомъ или французской территоріяхъ.

Не менѣе важное значеніе на войнѣ имѣетъ еще и *масса численной силы*. Батальонъ, считающій въ своихъ рядахъ въ началѣ похода 1000 штыковъ, къ концу кампаніи уменьшается до 300. Корпуса превращаются въ слабыя дивизіи, дивизіи—въ слабыя бригады. Тѣмъ не менѣе съ ихъ названіями связаны извѣстныя понятія и требованія. Въ главной квартирѣ является искушеніе всегда имѣть дѣло только просто съ корпусами и дивизіями и возлагать на нихъ къ концу войны такія же задачи, какъ и въ началѣ. Этому способствуетъ еще и то, что нѣкоторыя величины остаются неизмѣнными, какъ напр. главныя квартиры, корпусные штабы, число орудій [1]), обозъ и т. п. Быстрѣе и болѣе всѣхъ таетъ пѣхота, затѣмъ много меньше кавалерія и артиллерія. Однако на ослабленную пѣхоту, какъ и прежде, выпадаютъ въ наряды по разнымъ командировкамъ, по конвойной и караульной службѣ, какъ для полнаго корпуса. Такимъ образомъ главный родъ оружія начинаетъ все болѣе и болѣе терять свое значеніе, тогда какъ артиллерія рѣзко выдвигается на первый планъ. Въ усиленіи этого рода оружія еще Фридрихъ Великій замѣтилъ единственное средство, чтобы уравновѣсить уменьшеніе силы пѣхоты. „Я значительно усилилъ нашу артиллерію, что поможетъ недостаткамъ нашей пѣхоты, составъ которой, по мѣрѣ продолженія войны, можетъ только ухудшиться" писалъ король зимою 1758 г. Фуке. Но если артиллерія сохранитъ только свою прежнюю силу, въ то время какъ численность пѣхоты въ корпусахъ съ 25,000 уменьшается до 13,000, 12,000, 10,000 и даже, какъ это случилось съ однимъ корпусомъ въ 1870 году, до 7000, то она мало по малу должна будетъ ограничиваться лишь ролью прикрытія батарей.

По этой причинѣ и отъ одновременнаго вліянія истощенія предпріимчивости и бодрости духа войскъ современный образъ веденія войны принимаетъ иной характеръ. Въ то время, какъ

[1]) Не считая случайныхъ потерь въ бою.

уменьшившіяся массы даютъ такому полководцу, какъ Наполеонъ, возможность къ неожиданнымъ перемѣнамъ направленія дѣйствій. быстрому появленію и исчезновенію, указанныя условія въ общемъ, все-таки, дѣлаютъ нынѣшніе бои болѣе вялыми. Врага больше отгѣсняютъ, чѣмъ уничтожаютъ. Сраженія обращаются въ канонады, производящія много шума, тратящія массу пороха, но не покрывающія поля битвы трупами и кончающіяся безъ всякихъ значительныхъ результатовъ. Для отечества, конечно, это измѣненіе остается невзвѣстнымъ, такъ какъ сознаніе уменьшившейся дѣятельности возбуждаетъ въ участникахъ потребность помочь ѣлу яркимъ описаніемъ ея. Чѣмъ долѣе продолжается война, тѣмъ гуще становятся въ отечественной печати краски, являющіяся нѣкотораго рода эквивалентомъ дѣятельности. На Лизенѣ весь корпусъ Бердера, въ продолженіе всѣхъ трехъ дней боя, понесъ лишь столько же потерь, сколько каждая въ отдѣльности изъ трехъ бригадъ 3-го корпуса въ сраженіи при Віонвилѣ въ теченіе 8-ми часовъ, менѣе, нежели пятитысячная 38-ая бригада и одинаково съ 16-мъ пѣхотнымъ полкомъ въ томъ же сраженіи въ продолженіе одного часа. Несмотря на это, въ газетахъ сраженіе на Лизенѣ было изображено не менѣе кровопролитнымъ и напряженнымъ, какъ и битва при Віонвилѣ. Дѣло въ томъ, что промежутокъ между этими двумя сраженіями составляетъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ которые требованія уменьшились, а самодовольство увеличилось.

Отъ очевидца не можетъ ускользнуть это постепенное уменьшеніе энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Это фактъ, съ которымъ приходится считаться и который заставляетъ ограничивать дѣятельность войскъ, если только онъ не уравновѣшивается личной геніальностью вождя.

Замѣчательное подтвержденіе только-что сказаннаго представляетъ приказаніе принца Фридриха Карла, отданное во время дѣйствій на Луарѣ, 10-го декабря 1870 г., и которое мы приводимъ здѣсь въ виду того, что такія исключительныя условія рѣдко обращаютъ на себя должное вниманіе.

„Бои послѣднихъ дней и постоянно повторяемыя непріятелемъ попытки сражаться противъ насъ въ открытомъ полѣ при помощи

своей все увеличивающейся артиллеріи заставляютъ меня обратить вниманіе гг. генераловъ на необходимость ограниченія недѣйствительнаго артиллерійскаго огня на дистанціи свыше 2000 ш. Иначе, несмотря на всѣ усилія, трудно обезпечить пополненіе боевыхъ припасовъ".

„Если непріятель, какъ это случалось до сихъ поръ, будетъ наступать противъ насъ, то мы можемъ цѣлесообразнымъ расположеніемъ отряда извлечь всевозможную пользу изъ нашего огня, который, однако, въ артиллеріи долженъ только въ самыхъ дѣйствительныхъ случаяхъ доходить до бѣглаго огня".

„Если же непріятель, напротивъ, будетъ ожидать нашего наступленія и только поддерживаетъ артиллерійскій огонь, то артиллеріи нашего фронта слѣдуетъ стрѣлять очень мало до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ непріятельскихъ фланговъ не будетъ обойденъ, впрочемъ не далѣе, какъ на 2 версты. Только здѣсь слѣдуетъ открыть оживленный огонь, чтобы вызвать противника предпринять контръ-удары противъ нашего охвата".

„При такихъ охватахъ наша многочисленная кавалерія съ конной артиллеріей должна стремиться забраться даже въ тылъ непріятельскаго крыла, чтобы тамъ произвести смятеніе и безпорядокъ".

„Когда непріятельскія атаки будутъ нами отражены, то послѣ этого наша пѣхота переходитъ въ наступленіе, чтобы принудить противника отступить".

„Такимъ образомъ возможно избѣжать безплодныхъ боевъ, утомляющихъ наши войска, приносящихъ намъ излишнія потери и истощающихъ наши дорогіе артиллерійскіе боевые припасы".

Рекомендуемое въ этомъ приказаніи своеобразное употребленіе всѣхъ трехъ родовъ войскъ, сбереженіе и въ то же время пользованіе слабой пѣхотой, можетъ служить образцомъ и для всѣхъ подобныхъ боевъ.

На способъ веденія войсками боя постепенно оказываютъ немалое вліяніе также и *качества противника*. Даже лучшая армія, сражаясь долгое время противъ плохого противника, теряетъ въ своихъ достоинствахъ. Боевой опытъ, добытый въ Алжирѣ, восточной Азіи и Мексикѣ, которымъ такъ гордились французскія

войска до 1870 г., не оправдался на дѣлѣ въ войнѣ съ Германіей. Заморскія военныя прогулки развили только довольно безполезную для европейскихъ условій рутину въ малой войнѣ и, съ другой стороны, возбудили въ вообще доблестной арміи духъ самообольщенія и массу дурныхъ привычекъ. Легкія побѣды надъ недисциплинированными полчищами совершенно отучили ихъ отъ стойкаго сопротивленія послѣдовательному, сознательному и энергично дѣйствующему противнику. Впрочемъ, войскамъ, которыя для своихъ успѣховъ приносили мало жертвъ, свойственно все болѣе и болѣе бояться послѣднихъ. Чѣмъ рѣже падаютъ борцы, тѣмъ выше каждый изъ нихъ цѣнится и тѣмъ болѣе отодвигается на задній планъ готовность умереть за отечество. Кровавыя сцены всеобщей гибели, подобно происходившимъ въ бояхъ при Вионвилѣ и С. Прива, уменьшаютъ въ глазахъ каждаго значеніе собственной личности. Высшее возбужденіе усилило также напряженіе силъ, готовность къ всевозможнымъ жертвамъ и презрѣніе къ смерти. Потомъ, когда начали вести войну болѣе спокойно, весь образъ дѣйствія сталъ болѣе вялымъ. Точно также и въ германскихъ войскахъ начались послабленія, когда они цѣлые мѣсяцы имѣли передъ собою только молодыя и неопытныя войска республики и привыкли одерживать легкія побѣды. Когда въ концѣ кампаніи во главѣ французовъ стала личность съ твердымъ характеромъ и обстоятельства сложились для нихъ при Ле-Манѣ благопріятно, то германскимъ войскамъ преодолѣніе упорнаго сопротивленія показалось тяжелой работой. Тотъ фактъ, что они и въ этотъ разъ не уступили противнику, служитъ лучшимъ доказательствомъ хорошихъ внутреннихъ качествъ германской арміи.

Самая тяжелая задача, которая можетъ выпасть на долю арміи, это выступить противъ свѣжаго противника непосредственно послѣ сдѣланной уже ею кампаніи, въ которой часть ея моральной силы уже израсходована. Несмотря на то, что операціи Наполеона, осенью 1806 г., противъ Пруссіи и Саксоніи разыгрались такъ счастливо, онъ, все-таки, принужденъ былъ остановиться, встрѣтивъ зимой на Вислѣ русскихъ и неучаствовавшій до сихъ поръ въ военныхъ дѣйствіяхъ корпусъ Лестока. Точно также и германцы въ 1870 г. чувствовали нѣкоторую досаду, когда послѣ блестящаго

періода кампаніи противъ имперіи они должны были начать войну противъ республики [1]). На каждой страницѣ военной исторіи можно видѣть, какое впечатлѣніе дѣлаетъ всякое появленіе свѣжихъ войскъ на полѣ сраженія, на которомъ всѣ уже устали и утратили бодрость духа. Не меньшее дѣйствіе производитъ и появленіе новаго непріятеля на театрѣ войны. Конечно, многое будетъ зависѣть отъ ощущеній, съ которыми приступаютъ къ второму періоду. Если онъ случится неожиданно, если войска уже привыкли къ возможности отдыхать на лаврахъ, то преодолѣніе новаго препятствія будетъ тѣмъ труднѣе. Если же необходимость того, что послѣ пораженія одного врага придется обратиться противъ другого, сознавалась еще съ самаго начала, то эта вторая кампанія отчасти нравственно подготовлена. При этомъ не малую роль играетъ величина потерь, понесенныхъ въ первую кампанію. Армія, которая съ сравнительно небольшими жертвами достигала великихъ результатовъ, подобная наполеоновской 1805 г., даже извлечетъ нѣкоторое усиленіе для себя изъ пережитыхъ событій; но, вообще говоря, было бы заблужденіемъ думать, что одно и то же войско можетъ, окончивъ одну кровавую кампанію, устремиться съ одинаковой энергіей во вторую. Даже побѣда въ первомъ бою истощаетъ силы, ослабляетъ военный пылъ и утоляетъ жажду арміи къ славѣ и почестямъ.

15. Вліяніе крѣпостей.

Крѣпостная война входитъ въ наше изслѣдованіе лишь настолько, насколько она касается стратегіи войны.

Атака и оборона крѣпостей примутъ въ будущемъ форму ряда артиллерійскихъ боевъ, въ которыхъ обѣ стороны будутъ закидывать другъ друга цѣлыми десятками тысячъ пудовъ чугуна и стали, пользуясь при этомъ большими разрывными зарядами своихъ бомбъ, какъ минами, которыя изроютъ всю арену борьбы и разрушатъ всякія преграды. Атакующій расположитъ свою артиллерійскую позицію противъ того фронта крѣпости, на которомъ онъ надѣется достигнуть успѣха и куда онъ, въ виду на-

[1]) При этомъ на настроеніе германской арміи много влили слухи о дѣятельности Гамбетты.

правленія желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ, можетъ доставить свои массы тяжелыхъ орудій. Обороняющійся чувствуетъ себя стѣсненнымъ за валами крѣпости и слишкомъ подверженнымъ сосредоточенному огню противника; поэтому и онъ выходитъ въ поле, развертываетъ запасъ своихъ орудій въ промежуткахъ между выпесенными впередъ отдѣльными фортами [1]) и вступаетъ въ бой, расположившись въ батареяхъ, которыя онъ самъ строитъ для этой цѣли.

Отъ исхода этого періода зависитъ дальнѣйшій ходъ осады. Если атакующему не удалось побѣдить, если онъ не можетъ возобновить боя введеніемъ артиллерійскихъ резервовъ и этимъ повернуть его въ благопріятную для себя сторону, то приходится прервать осаду и ограничиться блокадой до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ новыя средства съ родины.

Если же обороняющійся потерпѣлъ неудачу, то онъ не станетъ выжидать полнаго уничтоженія, а скроетъ въ время свои уцѣлѣвшія орудія. Онъ дастъ наступающему возможность начать подступы и предприметъ вторую попытку артиллерійскаго боя только тогда, когда атакующій настолько подвинется своими работами къ крѣпости, что его фронтъ значительно ограничится. Для атакующаго исчезаетъ здѣсь даже преимущество охватывающаго расположенія: содѣйствіе смежныхъ съ атакованнымъ фронтовъ придаетъ выгоды обороняющемуся. Но если послѣдній не имѣлъ успѣха въ первомъ артиллерійскомъ бою, то онъ едва ли будетъ имѣть его и во второмъ, такъ какъ число его орудій съ теченіемъ осады уменьшится.

Послѣ втораго артиллерійскаго боя взятіе крѣпости становится только вопросомъ времени. Правда, инженеры атакующаго должны еще принудить обороняющагося дать возможность сдѣлать удобовосходимыми бреши, пробитыя артиллеріей или минами, но въ общемъ судьба крѣпости уже рѣшена, если только она не получитъ помощи извнѣ.

Въ настоящее время замѣчается склонность преувеличивать перевѣсъ и разрушительную силу артиллеріи. Но удачно распо-

[1]) Временныя укрѣпленія, игравшія большую роль въ Силистріи, Севастополѣ и даже въ Бельфорѣ, никогда не способны противостоять огню новѣйшей артиллеріи, если нѣтъ достаточнаго времени для основательнаго приспособленія ихъ.

ложенныя крѣпости, верки, высѣченные въ скалахъ или окруженные грунтомъ, неудобнымъ для осадныхъ работъ, могутъ, какъ и прежде, выказать громадную силу сопротивленія, въ которой имъ нынѣ отказываютъ. Обыкновенно же въ борьбѣ за укрѣпленія рѣшающую роль играетъ *превосходство въ артиллеріи*.

Это обстоятельство имѣетъ не малое вліяніе на роль крѣпостей въ большой войнѣ.

Значительныя крѣпости обыкновенно бываютъ вооружены 300, 400, 500 и болѣе орудій большого калибра. Осаждающій не имѣетъ надобности превосходить обороняющагося количествомъ орудій, потому что онъ можетъ сосредоточить свои батареи только передъ однимъ фронтомъ, тогда какъ второй долженъ распредѣлить артиллерію по многимъ фронтамъ, а нѣсколько изъ нихъ даже вооружить довольно сильно. Кромѣ того, атакующій имѣетъ на своей сторонѣ преимущество свободы движенія и выбора мѣстъ для расположенія батарей, что составляетъ существенное условіе силы. Но, все-таки, и онъ будетъ принужденъ доставить для атаки нѣсколько сотенъ орудій большого калибра, если хочетъ начать ее съ надеждой на успѣхъ. Мы уже видѣли, какъ это невѣроятно трудно и что наступающій долженъ какъ можно болѣе ограничивать число осадъ, рѣшаясь на нихъ послѣ самаго тщательнаго взвѣшиванія.

Вообще, въ будущемъ придется осаждать только тѣ крѣпости, обладаніе которыми неизбѣжно необходимо для заключенія мира и которыя нужно устранить, чтобы выиграть необходимое пространство для наступательнаго движенія арміи. Весьма рѣдко могутъ встрѣтиться какія-либо особыя основанія, какъ это, напримѣръ, было при Севастополѣ, гдѣ Англія хотѣла уничтожить источникъ морской силы Россіи на Черномъ морѣ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что самыми естественными цѣлями, которыя оправдываютъ возведеніе крѣпостей, являются обезпеченіе обладанія важными пунктами и прегражденіе путей сообщенія. Вслѣдствіе этого защищаютъ переправы черезъ большія рѣки, располагая крѣпости такъ, чтобы имѣть обезпеченный переходъ съ одного берега на другой внутри широко разбросан-

ныхъ верковъ. Защищаютъ укрѣпленіями также города въ такихъ отдаленныхъ провинціяхъ, которыя слишкомъ подставлены ударамъ непріятеля и куда, въ виду ихъ общаго положенія, нельзя послать большой арміи. При такихъ условіяхъ и безъ послѣдней они не дешево достанутся непріятелю. Восточная Пруссія никогда не попадетъ въ чужія руки, пока еще держится Кенигсбергъ, и обладаніе этою крѣпостью много облегчило бы обратное завоеваніе провинціи. Только очень ослабленнаго противника можно заставить сдать такіе опорные пункты, какъ это удалось русскимъ въ 1878 году, до взятія Константинополя, принудить турокъ сдать балгарскій четыреугольникъ крѣпостей.

Теорія, обыкновенно, придаетъ крѣпостямъ большее значеніе для стратегіи войны. Ихъ дѣлаютъ молчаливыми участниками всѣхъ движеній арміи: на нихъ указываютъ, какъ на опорные пункты для стратегическаго развертыванія, какъ на базисы для наступленія, какъ на ворота для выхода арміи въ поле и даже останавливаются на ихъ фланкирующемъ значеніи.

Однако подъ подобными мнѣніями легко скрываются неясныя представленія.

Обезпеченіе крѣпостями стратегическаго сосредоточенія арміи вѣрно въ томъ смыслѣ, что непріятелю было бы легче помѣшать ему, если бы онъ могъ быстро овладѣть этими пунктами. Сильные гарнизоны могутъ сейчасъ же послѣ объявленія войны выслать отряды для занятія важныхъ желѣзно-дорожныхъ мостовъ и т. п. Пограничная охрана и запасные чины пограничныхъ округовъ находятъ въ этихъ крѣпостяхъ защиту и обезпеченное мѣсто для своего сбора, обмундированія и вооруженія. Въ нихъ же постепенно закладываются магазины, которые уже необходимы и въ періодъ сосредоточенія армій. Словомъ, пограничныя крѣпости обладаютъ цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ преимуществъ. Но защита, которую онѣ доставляютъ высадкѣ и развертыванію прибывающихъ войскъ, весьма ограничена. Конечно, непріятель не можетъ показаться въ непосредственной близости крѣпости, чтобы здѣсь помѣшать, и войска, высаживающіяся въ самой крѣпости, вполнѣ обезпечены; но этимъ можетъ воспользоваться только сравнительно небольшая часть всѣхъ вооруженныхъ силъ, такъ какъ въ нѣко-

торомъ удаленіи отъ крѣпости разрушеніе желѣзныхъ дорогъ уже возможно.

Какъ *базисъ* крѣпости имѣли большое значеніе въ прежнія времена, когда арміи были прикованы къ одному или лишь немногимъ магазинамъ. Будь Наумбургъ въ 1806 г. крѣпостью, то охватъ Наполеона не произвелъ бы такого потрясающаго впечатлѣнія на прусскую армію: она лишилась здѣсь своего единственнаго магазина. Въ настоящее же время, когда вся страна въ тылу арміи переполнена запасами всякаго рода, потеря одного изъ такихъ складочныхъ пунктовъ, а слѣдовательно и защита его, не имѣетъ рѣшающаго значенія. Такимъ образомъ роль крѣпости, какъ базиса, ограничилась: она можетъ выказаться только тогда, когда армія случайно должна развернуться на весьма тѣсномъ пространствѣ, напр. когда морская держава владѣетъ на чужомъ берегу укрѣпленными гаванями, которыя являются естественными и единственными исходными пунктами ея сухопутныхъ предпріятій.

Не менѣе трудно доказать, что крѣпости особенно благопріятствуютъ *выходу арміи въ поле*. Крѣпостные верки не облегчаютъ движенія, и армія гораздо удобнѣе перейти въ наступленіе по открытой мѣстности. Если ей при этомъ предстоитъ пройти черезъ какую-нибудь узкую полосу, напр. черезъ горный проходъ, который непріятель можетъ запереть незначительнымъ отрядомъ, то, естественно, полезно обезпечить себѣ обладаніе такой тѣснины. Такимъ образомъ французы заняли крѣпостью перваго класса знаменитое „trouée de Belfort". Однако въ богатыхъ путями сообщенія культурныхъ странахъ подобное „загражденіе" встрѣчаетъ свои затрудненія. Къ тому же, для обладанія подобными дефиле было бы достаточно нѣсколькихъ хорошихъ фортовъ, которые сберегли бы расходы на крѣпость-лагерь. Бельфоръ въ его настоящемъ видѣ служитъ больше той цѣли, чтобы обезпечить на всегда за Франціи этотъ пунктъ, объ уступкѣ котораго уже въ 1871 г. велись однажды переговоры.

Что же касается *фланкирующаго значенія крѣпостей*, то это составляетъ еще бо́льшій вопросъ. Въ основѣ его лежитъ идея, что комендантъ не осажденной крѣпости можетъ употреблять ея

гарнизонъ для внѣшнихъ предпріятій. При приведеніи этой мысли въ исполненіе непріятель не могъ бы располагать своихъ путей сообщенія вблизи крѣпости, или онъ долженъ былъ бы для ихъ защиты выдѣлить значительныя силы.

Вѣрность этого взгляда очевидна для всякаго коменданта; каждый согласится съ тѣмъ, что только такимъ образомъ можно извлечь пользу изъ дорого стоящей крѣпости и ея многочисленнаго гарнизона въ случаѣ, если бы непріятель попытался съ пренебреженіемъ пройти мимо нея. Комендантъ даже поставитъ себѣ цѣлью продолжительной и энергичной дѣятельностью на возможно большемъ разстояніи отъ крѣпости заставить непріятеля осадить ее, чѣмъ крѣпость только и исполнитъ свое назначеніе. Однако осуществленію этой идеи на дѣлѣ мѣшаютъ многія основательныя и вѣскія причины.

Во всякой крѣпости при объявленіи войны является такая удивительная масса работы, что прежде всего всѣ силы должны быть ей посвящены. Даже лучшія крѣпости никогда не бываютъ въ мирное время готовы къ оборонѣ. Окрестности ихъ должны быть расчищены, верки приспособлены для установки орудій, рвы очищены, препятствія заготовлены, ворота и мосты обезпечены; необходимо устроить переходы, дороги и рельсовые пути; окрестныя селенія надо укрѣпить, устроить передовыя позиціи, заготовить боевые припасы и матеріалы для саперныхъ работъ, исправить обезпеченныя отъ навѣснаго огня помѣщенія, которыя нерѣдко требуютъ цѣлыхъ десятинъ пространства; кромѣ того, необходимо заложить магазины, депо, лазареты и заготовить средства противъ пожаровъ. Во всякой крѣпости найдутся недостатки, устраненіе которыхъ отложено до приведенія ея на военное положеніе. Однимъ словомъ, тутъ обыкновенно возникаетъ такая большая работа, съ которой никогда не могутъ хорошенько справиться въ теченіе всей кампаніи; всегда остается еще многое сдѣлать и многаго желать. Постройка временныхъ верковъ требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ времени, если имъ желательно придать достаточную силу. Французы передали германцамъ въ Мецѣ и Парижѣ укрѣпленія въ еще не вполнѣ оконченномъ видѣ, несмотря на то, что они работали надъ ними все время осады.

При громадныхъ размѣрахъ современныхъ крѣпостей гарнизоны отдѣльныхъ фронтовъ ихъ всегда довольно крошечны. Они до такой степени разбросаны въ обширномъ пространствѣ, что оборона въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ является слабою; всюду выкажется желаніе подкрѣпленій. Кромѣ того, охранительная и аванпостная служба на длинныхъ линіяхъ чрезмѣрно истощаетъ силы.

Комендантъ долженъ обратить все свое вниманіе на то, чтобы быть какъ можно лучше подготовленъ къ началу осады. Поэтому онъ всегда найдетъ, что удобная для внѣшнихъ предпріятій минута еще не настала, и когда она наконецъ явится, то окажется, что, въ сущности, у него нѣтъ для этого никакихъ свободныхъ силъ.

Опасеніе, что непріятель обложитъ крѣпость во время отсутствія войскъ и сдѣлаетъ такимъ образомъ возвращеніе послѣднихъ невозможнымъ, затрудняетъ дальнія предпріятія; для близкихъ же весьма рѣдко представится подходящая цѣль.

Во всякомъ случаѣ, подобныя предпріятія сопряжены съ большими затрудненіями и если ихъ нельзя направить на какой-нибудь опредѣленный предметъ, какъ напр. на этапный пунктъ непріятеля или на больныя мѣста его коммуникаціонныхъ линій, то они легко приводятъ къ удару въ пустое пространство. Выступить же изъ крѣпости для того, чтобы потомъ отыскать себѣ какую-либо достойную цѣль, большею частью, невозможно, такъ какъ при ограниченномъ количествѣ кавалеріи гарнизона развѣдывательная служба очень затруднена. Начальникъ этого отряда долженъ бродить въ темнотѣ. Кромѣ того, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, находясь въ крѣпости, можно настолько опредѣленно знать положеніе дѣлъ внѣ ея, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что противникъ не можетъ быстро собрать превосходныя силы и уничтожить показавшуюся въ открытомъ полѣ часть гарнизона. Положеніе этого отряда ухудшается еще и тѣмъ, что онъ принужденъ отступать только на одинъ пунктъ, т. е. крѣпость. Уничтоженіе же болѣе или менѣе значительной части гарнизона можетъ сдѣлать спорнымъ вопросъ о способности крѣпости противостоять осадѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что моральное впечатлѣніе подоб-

ной потери на остальной гарнизонъ будетъ большое. Если же высланные изъ крѣпости отряды войдутъ въ связь съ собственными полевыми войсками и будутъ вмѣстѣ съ ними вовлечены въ бой, то они вообще очень легко получаютъ какое-нибудь другое назначеніе. За послѣднее они всегда ухватятся съ радостью и тогда отрядъ потерянъ для коменданта. Это испыталъ въ январѣ 1871 г. генералъ Ролландъ, направивъ свои батальоны національной гвардіи къ Бельфору для поддержки восточной арміи: они больше не вернулись къ нему. Стремленіе освободиться отъ объятій крѣпостной ограды, всегда нѣсколько напоминающихъ плѣнъ, слишкомъ естественное, чтобы можно было не принимать его въ расчетъ. Дамокловъ мечъ правильной атаки постоянно виситъ надъ головой коменданта и удержитъ его отъ впѣшнихъ предпріятій. Конечно, если онъ совершенно убѣжденъ, что осада ему больше не грозитъ, если непріятель израсходовалъ свои осадный паркъ и не можетъ получить новаго матеріала, тогда настаетъ удобное время; но твердая увѣренность въ этомъ явится у него только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. *Крѣпости хотя и защищаютъ находящіяся въ нихъ войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прикрѣпляютъ ихъ къ одному мѣсту.* Смѣлый непріятель можетъ безнаказанно проходить мимо крѣпости и безъ страха располагать свои линіи сообщенія въ не особенно далекомъ разстояніи отъ нея. Фланкирующее значеніе крѣпостей, большею частью, не велико. Исключенія могутъ быть, если гарнизонъ необыкновенно силенъ или если часть полевой арміи будетъ временно отброшена въ крѣпость: эти силы, на которыя комендантъ не разсчитывалъ и которыя ему, въ сущности, и не принадлежатъ, должны же быть употреблены какимъ-нибудь образомъ [1]).

Во время войны 1870—71 г. крѣпость Лангръ лежала въ тылу германскихъ армій. Несмотря на то, что она имѣла 17-ти тысячный гарнизонъ и что численность угрожавшихъ ей войскъ никогда не доходила и до половины этого числа, эта крѣпость, всегда, никогда не подвергла серьезной опасности проходившихъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ коммуникаціонныхъ линій двухъ

[1]) Во всякомъ случаѣ, эти части дѣйствующей арміи не захотятъ быть на продолжительное время прикованными къ крѣпости.

германскихъ арміи. Правда, очень много говорили и писали о томъ, что эта крѣпость была источникомъ всѣхъ безпокойствъ, но послѣднихъ гораздо больше опасались, чѣмъ это имѣло мѣсто въ дѣйствительности.

Оба серьезныя нарушенія порядка, случившіяся въ раіонѣ Лангра: нападеніе на Шатильонъ на Сенѣ, 19-го ноября 1870 г., и взрывъ моста у Фонтенуа, 22-го января 1871 года, были произведены французскими партизанскими отрядами, дѣйствовавшими совершенно самостоятельно. Тѣмъ не менѣе ни коменданту, ни гарнизону этой крѣпости нельзя сдѣлать упрека въ бездѣятельности; и здѣсь существовало много естественныхъ, сковывающихъ причинъ. Единственный походъ, предпринятый изъ этой крѣпости отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія на значительное разстояніе, окончился пораженіемъ, 16-го декабря 1870 года, при Лонжо и смертью его начальника. Совершенно справедливо, что каждый комендантъ не осажденной крѣпости долженъ стремиться сдѣлать свои боевыя силы полезными путемъ наступательной дѣятельности. Однако только немногимъ представится подходящій случай и еще меньшее число ихъ найдутъ въ себѣ необходимую рѣшимость; требованія, которыя имъ ставятся, весьма не легки.

Такимъ образомъ мы въ каждой будущей войнѣ увидимъ большое число вполнѣ вооруженныхъ крѣпостей, между тѣмъ какъ только отдѣльныя изъ нихъ пріобрѣтутъ вліяніе на ходъ операцій. Современная крѣпость среднихъ размѣровъ имѣетъ уже гарнизонъ въ 25—30 тысячъ чел.; слѣдовательно, для пяти такихъ крѣпостей нужна цѣлая армія. Поэтому слишкомъ большое число первоклассныхъ крѣпостей ослабляетъ, тѣмъ болѣе что къ ихъ гарнизонамъ придется примѣшивать часть полевыхъ войскъ [1]).

[1]) Между тѣмъ, все-таки, невозможно бросать уже существующихъ большихъ крѣпостей изъ экономіи въ расходѣ войскъ: по крайней мѣрѣ, рѣшиться на это очень трудно. Измѣнившіяся политическія обстоятельства могутъ оставленный пунктъ неожиданно сдѣлать опять важнымъ. Непредвидѣнный оборотъ военныхъ дѣйствій, можетъ-быть, придастъ ему такое значеніе, какого и нельзя было раньше опредѣлить. Далѣе, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ важно только не допустить къ нимъ непріятеля, который овладѣлъ бы ими, если бы это ему не стоило большого труда. Здѣсь придется сохранить верки, хотя бы даже и не ожидали осады.

Крѣпости, лежащія въ непосредственной сферѣ дѣйствій полевой арміи, могутъ принести ей большую пользу. Но наиболѣе сомнительна здѣсь та выгода, которую больше всего восхваляютъ, а именно, что разбитая полевая армія можетъ за фортами крѣпости найти для себя безопасное убѣжище, въ которомъ она, отдохнувъ и окрѣпнувъ, получитъ возможность снова перейти въ наступленіе. Послѣдняя часть этой мысли обыкновенно остается только добрымъ намѣреніямъ. *Почти всѣ большія арміи, которыя послѣ проиграннаго ими сраженія укрывались въ крѣпостяхъ, почти всегда были потеряны, какъ это показываетъ исторія блокадъ отъ Алезіи до Меца.* Это объясняется тѣмъ дурнымъ моральнымъ вліяніемъ, которое сознаніе того, что за крѣпостными орудіями имѣется безопасное убѣжище, производитъ на каждую армію, испытавшую превосходство противника. Къ числу дальнѣйшихъ неудобствъ заключенія арміи въ укрѣпленныхъ пунктахъ надобно прибавить еще недостатокъ свободы для ея движенія въ чертѣ лагеря крѣпости. Различныя зданія, сады, стѣны, заборы и пр. наполняютъ внутреннее пространство между крѣпостными верками, такъ что войска должны двигаться по болѣе или менѣе узкимъ улицамъ, черезъ что значительно замедляется ихъ развертываніе для боя. При этомъ, если блокирующій обладаетъ нѣсколькими хорошими наблюдательными пунктами, то онъ можетъ гораздо скорѣе собрать свои войска къ мѣсту прорыва, нежели заключенный въ крѣпости. Хотя онъ и долженъ проходить вокругъ крѣпости бо́льшія разстоянія, но за то онъ имѣетъ возможность пользоваться бо́льшимъ числомъ дорогъ и двигаться безпрепятственно. Блокирующій можетъ ограничиться одной пассивной оборо́ной на мѣстѣ. Прибывающія къ нему съ обѣихъ сторонъ подкрѣпленія выходятъ въ самомъ невыгодномъ для прорывающагося противника направленіи, именно на его фланги. Невыгоды тонкой линіи обложенія, сравнительно съ сосредоточенной массой войскъ, дѣлающихъ вылазку, только кажущіяся. Сосѣди атакованной части составляютъ ея резервы, находящіеся только не сзади, а сбоку, что еще лучше. Конечно, если блокирующая армія сосредоточилась къ угрожаемому пункту, то бо́льшая часть линіи обложенія будетъ въ эту минуту занята очень слабо, такъ что гдѣ-нибудь

тамъ можно было бы сдѣлать прорывъ. Но дѣло въ томъ, что вѣдь и вся заключенная армія собрана на полѣ сраженія, а не тамъ, гдѣ ей пути открыты. Прежде чѣмъ обратиться въ другую сторону, внимательный осаждающій можетъ и тутъ преградить дорогу. Дѣйствіе огня такъ сильно, что невозможно даже и слабую линію опрокинуть безъ подготовки, а пока эта линія удерживается, успѣютъ прибыть покрѣпленія [1]).

Заключенному въ крѣпости очень рѣдко возможно опредѣлить, когда именно обстоятельства складываются благопріятно для освобожденія: различныя заблужденія и ложныя представленія весьма легко возможны.

Положимъ даже, что прорывъ и удался, то освободившаяся армія сопровождается противникомъ съ обоихъ фланговъ. Немыслимо, чтобы она могла захватить съ собою свои обозы и парки, а безъ нихъ армія не долго будетъ способна къ военнымъ дѣйствіямъ. Остатки, отдѣльныя части еще могутъ спастись, а не цѣлая армія и притомъ въ такомъ состояніи, чтобы она была годна для дальнѣйшихъ дѣйствій въ полѣ.

Армію весьма легко отвести за крѣпостные валы: но вновь вывести ее оттуда въ поле безъ сильной помощи извнѣ почти невозможно.

Болѣе слабые гарнизоны скорѣе могутъ вырваться на свободу, даже если они обложены сравнительно далеко превосходнымъ противникомъ. Шарнгорстъ разсказываетъ намъ лучшій примѣръ такого освобожденія, достигнутаго гарнизономъ крѣпости Менинъ подъ начальствомъ генерала ф. Гаммерштейнъ, гдѣ 1800 человѣкъ счастливо прорвались черезъ 20,000 [2]).

---

[1]) Правда, заключенный можетъ атаковать отдѣльнымъ корпусомъ такой пунктъ, гдѣ онъ не предполагаетъ прорваться, чтобы привлечь сюда противника, а въ это время съ остальной арміей попытать свое освобожденіе въ другомъ мѣстѣ. Однако осаждающій, большею частью, скоро разгадаетъ этотъ маневръ и разстроитъ его. Гораздо болѣе можно надѣяться на успѣхъ, если атаковать большею частью арміи, принудить этимъ непріятеля собрать всѣ свои силы къ одному пункту линіи обложенія и въ это же время съ отдѣльнымъ, скрытымъ до тѣхъ поръ, корпусомъ прорваться въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, при этомъ можно спасти только часть арміи.

[2]) Сравнить: «О вліяніи силы заключенныхъ въ крѣпостяхъ армій на возможность прорыва». Блуме, стратегія, стр. 249.

При всѣхъ отношеніяхъ между крѣпостями и полевой арміей послѣдняя должна принять за основное правило—*ни въ какомъ случаѣ не позволять себя отбросить въ крѣпость.* Даже только *прохожденіе* черезъ крѣпость опасно, потому что легко можно противъ желанія быть удержаннымъ въ ней. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это прохожденіе неизбѣжно, какъ напр. при переправѣ на другой берегъ рѣки, когда, впрочемъ, это и не сопряжено съ особою опасностью.

Гораздо лучше, если армія только *опрется* на крѣпость, сохраняя полную свободу дѣйствій; но при этомъ соприкосновеніе ея съ крѣпостью не должно быть непосредственнымъ. Непріятель обыкновенно остерегается проникать между арміей и расположенной близъ нея большою крѣпостью, даже и въ томъ случаѣ, когда еще имѣется свободный доступъ въ это пространство. Такимъ образомъ является возможность прикрывать фронты такой длины, при которой удержаніе ихъ одними наличными войсками было бы невозможно. Первоклассная крѣпость, обнесенная поясомъ фортовъ, имѣющимъ въ поперечникѣ отъ 15 до 20 верстъ, всегда прикроетъ фронтъ въ 30—35 верстъ. Опирающаяся на подобный пунктъ армія имѣетъ еще и то преимущество, что непріятель можетъ обойти только одинъ ея флангъ, который поэтому она можетъ заранѣе обезпечить сосредоточеніемъ къ нему резервовъ. Если же и мѣстность благопріятствуетъ сопротивленію, то являются еще новыя выгоды. Тамъ, гдѣ у крѣпости сходятся рѣки или долины, армія можетъ выбрать нѣсколько такихъ позицій, дѣлая при этомъ какъ бы захожденіе вокругъ крѣпости, постоянно примыкая къ ней однимъ изъ своихъ фланговъ и этимъ обезпечивая его.

Армія, имѣющая за собой въ нѣкоторомъ разстояніи большую крѣпость, можетъ съ болѣе легкимъ сердцемъ рѣшиться на бой съ превосходнымъ противникомъ. Даже въ худшемъ случаѣ ея отступленіе будетъ непродолжительно и разстройство ея никогда не можетъ быть особенно велико. Если же эта армія только пройдетъ черезъ крѣпость и потомъ будетъ ее имѣть передъ собой, то противникъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ достовѣрно знать, оставила ли она въ крѣпости часть своихъ войскъ и сколь-

ко именно. Это заставляетъ его отдѣлять сильный отрядъ для наблюденія за крѣпостью и, слѣдовательно, ослабить себя.

Этимъ крѣпость, находящаяся на театрѣ войны, можетъ принести арміи разнообразную пользу. Близость Меца дала рейнской арміи, отступавшей послѣ сраженія при Шпихернѣ къ р. Мозель, возможность остановиться уже за французскимъ Нидомъ; ей при этомъ недоставало только упорства, чтобы достичь еще бо́льшихъ выгодъ. Мецъ позволилъ маршалу Базену не задумываясь принять сраженіе 14-го августа и перевести свою армію черезъ р. Мозель, несмотря на то, что германцы раньше достигли этой рѣки; та же крѣпость прикрывала 16-го и 18-го августа лѣвый флангъ французовъ и спасла разбитый при С. Прива правый флангъ отъ преслѣдованія. Точно также ясно, что Османъ-паша со своей многочисленной арміей не игралъ бы такой роли, какъ это случилось въ дѣйствительности, если бы не искусно и быстро укрѣпленная имъ Плевна. Но оба эти примѣра, какъ при Мецѣ, такъ и при Плевнѣ, показываютъ также и то, что тотъ трудно уловимый моментъ для выхода изъ крѣпости былъ пропущенъ и что средство спасенія обратилось въ концѣ концовъ на погибель арміи.

Расширеніе укрѣпленныхъ пунктовъ посредствомъ цѣпи фортовъ, почитаемыхъ въ настоящее время необходимымъ придаткомъ, въ сущности, не ввело ничего новаго въ образъ веденія войны. Идея крѣпостей-лагерей существовала еще въ самой отдаленной древности, и еще Вавилоняне, Карѳагеняне и Византійцы располагали свои войска за стѣнами большихъ населенныхъ городовъ, чтобы за ними продолжать сопротивленіе, невозможное въ открытомъ полѣ. Только размѣры стали другими, въ зависимости отъ увеличенія дальности метательныхъ машинъ, употребляемыхъ атакующимъ. Болѣе новымъ по основной мысли является расположеніе цѣпей и группъ отдѣльныхъ фортовъ для прегражденія главныхъ путей и желѣзныхъ дорогъ. Этимъ средствомъ можно остановить наступленіе непріятеля, не прибѣгая къ гарнизонамъ, считающимся десятками тысячъ человѣкъ. Охраненіе и оборона мѣстности между отдѣльными фортами отпадаетъ: за ними нѣтъ городской ограды, которую нужно было бы удержать и, все-таки, прохожденіе между ними непріятеля такъ же затруднено, какъ

и при большой крѣпости. Но этому расположенію свойственны также и нѣкоторыя слабыя стороны. Большое число отдѣльныхъ, самостоятельныхъ комендантовъ и небольшихъ гарнизоновъ дѣйствуетъ рядомъ, и отъ ихъ одинаково-хорошей и разумной дѣятельности зависитъ если не судьба, то, по крайней мѣрѣ, польза всего цѣлаго. Возможность ошибки или несчастнаго случая въ одномъ мѣстѣ увеличивается: если вслѣдствіе этого одинъ изъ фортовъ раньше времени попадетъ въ руки непріятеля, то значеніе всей группы или линіи если еще и не уничтожится совершенно, то во всякомъ случаѣ значительно уменьшится. Здѣсь примѣнимо то, о чемъ мы уже говорили при разборѣ обороны длинныхъ фронтовъ. Эта опасность можетъ быть уменьшена недалекимъ расположеніемъ полевой арміи отъ верковъ, чѣмъ уничтожится ихъ изолированное положеніе, такъ что цѣпь фортовъ съ расположенными между ними полевыми укрѣпленіями получаетъ видъ и характеръ атакованнаго фронта весьма большой крѣпости. Войска, расположенныя между фортами для обороны поля сраженія, не теряютъ возможности участвовать въ полевой войнѣ, и опасность заключенія въ крѣпость исчезаетъ. Остается только тотъ недостатокъ, что армія, вслѣдствіе выгоды, доставляемой опорой, слишкомъ углубляется въ *чисто пассивную оборону*.

Мы уже говорили, что способы атаки подобныхъ линій или группъ фортовъ будутъ различны, въ зависимости отъ наклонностей и характера войскъ и ихъ полководцевъ. До тѣхъ поръ, пока не будетъ изобрѣтенъ особый методъ для взрыванія подобныхъ преградъ съ большихъ разстояній, единственнымъ средствомъ заставить непріятеля очистить укрѣпленія будетъ разрушительная сила артиллеріи. Обстрѣливать подобные форты изъ полевыхъ орудій совершенно безполезно, какъ это показала въ концѣ послѣдней войны канонада противъ укрѣпленныхъ горныхъ замковъ Салинъ. Правда, въ такихъ большихъ массахъ тяжелыхъ орудій, какъ при осадѣ большой крѣпости, не будетъ необходимости. Но если вспомнить, что для доставки только одного осаднаго орудія съ необходимымъ количествомъ боевыхъ припасовъ нужно 40 лошадей, то и здѣсь затрудненія не малы. Для того, чтобы выставить противъ форта 50 орудій, необходимо до 2000 лошадей.

Такимъ образомъ армія возьметъ на себя не малую обузу, и наступленіе дѣйствительно сильно затрудняется.

Нѣкоторые смѣлые люди хотятъ въ подобныхъ случаяхъ отказаться отъ содѣйствія артиллеріи и штурмовать эти форты съ находящимися въ данную минуту подъ рукою средствами. Но для этого требуется необыкновенное геройство войскъ, на которое можно разсчитывать только въ крайне исключительныхъ случаяхъ, а не основывать какихъ-либо правилъ. Къ тому же, такимъ отчаяннымъ выходкамъ противится своеобразная интимная жизнь народныхъ армій. Отдающій приказаніе къ штурму и исполняющій это приказаніе обыкновенно суть далеко отстоящія другъ отъ друга по своему положенію личности. Противъ каждаго форта можно выставить, въ виду недостатка пространства, только незначительныя силы. Отъ главной квартиры исходитъ письменное приказаніе, проходитъ корпусный, дивизіонный и бригадный штабы и, наконецъ, доходитъ до того полка авангарда, который долженъ привести это приказаніе въ исполненіе. Если упорный штурмъ не удался, то онъ стóитъ громадныхъ жертвъ: полкъ, который потерялъ 1200—1500 человѣкъ, не можетъ играть прежней роли въ кампаніи, такъ какъ будетъ, по большей части, состоять изъ новобранцевъ запаса (Ersatz-Rekruten). Кромѣ того, это больше всего подрываетъ довѣріе людей именно къ тому начальнику, который распоряжался, т. е. къ собственному командиру, который между тѣмъ, можетъ-быть, нисколько не виноватъ.

Гибель при неудачномъ штурмѣ какого-нибудь укрѣпленія, по установившемуся мнѣнію, менѣе славна, чѣмъ въ открытомъ полевомъ бою. Здѣсь, слѣдовательно, является та опасность, что все предпріятіе, если оно не легко удается, будетъ оставлено, разъ только честь удовлетворена. И кто же захочетъ взяться за предпріятіе, исходъ котораго въ высшей степени зависитъ отъ случая и при неудачѣ котораго онъ можетъ быть увѣренъ, что прослыветъ въ своемъ кругу за живодера, а въ дальнѣйшихъ сферахъ за глупца. Штурмовать форты, не подготовленные артиллерійскимъ огнемъ, могутъ только предводители арнаутовъ съ ихъ шайками, да такіе начальники, которые, благодаря своеобразности арміи, въ которой они служатъ, могутъ сегодня пове-

сти свою часть на убой, не теряя надежды стоять завтра, окруженные ореоломъ безразсудной храбрости, во главѣ новой части. Гдѣ такихъ условій не существуетъ, тамъ будетъ благоразумнѣе отступить на этотъ разъ отъ сохраненія нѣлости тактическихъ единицъ и назначать для штурма колонны, составленныя изъ охотниковъ и подъ командой особенно удалого офицера. Иногда здѣсь можетъ и личное участіе высокопоставленныхъ начальниковъ довести это необыкновенное предпріятіе къ благополучному исходу.

Тамъ же, гдѣ промежутки между фортами будутъ заполнены полевыми укрѣпленіями, атакующій встрѣтитъ у обороняющагося орудія большого калибра не только внутри, но и между верками. Ему придется самому тщательно окапываться, двигаться впередъ ночью, а днемъ отстаивать выигранное пространство. Такимъ образомъ возникаетъ продолжительная борьба, принимающая на половину характеръ осадной и на половину полевой войны. Въ ней рѣшаетъ дѣло цѣлесообразно направленный огонь артиллеріи и пѣхоты и, прежде всего, большее упорство войскъ и ихъ начальниковъ.

При совершенно естественномъ стремленіи каждаго избѣжать такой тяжелой борьбы, подобныя группы и цѣпи фортовъ только тогда могутъ принести пользу, когда онѣ, вслѣдствіе общаго свойства театра войны и направленія коммуникаціонныхъ линій, не могутъ быть оставлены безъ вниманія полевыми арміями противника.

Это условіе весьма ограничиваетъ примѣненіе ихъ. Для удержанія второстепенныхъ театровъ войны онѣ неудобны, и непріятель не обратитъ вниманія на нѣсколько горныхъ фортовъ съ ихъ гарнизонами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. При счастливомъ исходѣ кампаніи легко можно даже дипломатическимъ путемъ заставить очистить эти укрѣпленія.

Расширеніе фортификаціонныхъ системъ вытекаетъ изъ чувства слабости. Народъ, въ которомъ живетъ духъ наступленія, не перейдетъ въ этомъ отношеніи предѣловъ необходимаго. Кто ищетъ спасенія за валами и рвами, тотъ не обладаетъ сознаніемъ силы; онъ будетъ все болѣе и болѣе ограничиваться пассивной обороной, которая, какъ бы долго ни затянулась, все-таки, окончится пораженіемъ.

16. Дессанты.

Если въ Крыму войска, высадившіяся на чужихъ берегахъ, одержали верхъ надъ туземными, то причиной тому было то, что сообщенія атакующаго съ моря, несмотря на всѣ затрудненія, все еще были лучше, нежели у обороняющагося въ его собственной странѣ. Представимъ себѣ, что въ 1854 г. сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ была бы такъ развита, какъ въ настоящее время; тогда 120,000 французовъ, англичанъ, сардинцевъ и турокъ недолго удержались бы тамъ. Успѣхи сѣверо-американцевъ во время междоусобной войны, одержанные десантами на берегахъ южныхъ штатовъ, объясняются тѣмъ, что здѣсь, съ захватомъ гаваней южанъ, возстаніе лишалось вмѣстѣ съ тѣмъ и главныхъ источниковъ своего могущества; кромѣ того, быстрое формированіе новыхъ армій для возвращенія потерянаго было невозможно въ рѣдко населенной странѣ.

При войнѣ на средне-европейскомъ театрѣ эти условія совершенно измѣняются. Вооруженныя силы каждой изъ великихъ державъ настолько одинаковы по количеству, что ни одна изъ нихъ не захочетъ лишить себя хотя бы даже и одного корпуса, чтобы направить его для сомнительнаго далекаго предпріятія на чужомъ берегу. Лѣтомъ 1870 г. французы скоро убѣдились въ этомъ; ихъ проекты дессантовъ быстро исчезли въ силу требованія обстоятельствъ.

„Очевидно," говорится въ германскомъ проектѣ операцій, „какъ важно воспользоваться превосходствомъ, которымъ мы обладаемъ уже въ началѣ войны, въ одинѣхъ только силахъ сѣверо-германскаго союза".

„Но это превосходство въ силахъ возрастетъ на рѣшительныхъ пунктахъ еще болѣе, если французы предпримутъ экспедиціи къ берегамъ Сѣвернаго моря или въ южную Германію. Для защиты первыхъ въ странѣ оставлено достаточно средствъ".

Это соображеніе всегда будетъ имѣть большее или меньшее значеніе при всякой средне-европейской войнѣ.

Плоды дессантныхъ экспедицій рѣдко уравновѣсятъ невыгоду ослабленія полевой арміи, являющагося при отсылкѣ части ея.

Пока высадившійся корпусъ не достигнетъ значительныхъ успѣховъ и не развернется достаточнымъ образомъ и пока флотъ не подчинитъ своей власти ряда важныхъ прибрежныхъ пунктовъ, до тѣхъ поръ свобода его движеній очень ограничена. Только при смѣлой предпріимчивости и очень неожиданномъ наступленіи можно уравнять эти невыгоды; но для этого ему опять недостаетъ кавалеріи. Этотъ родъ оружія особенно необходимъ при подобныхъ предпріятіяхъ для быстрой развѣдки по всѣмъ направленіямъ, для разрушенія желѣзныхъ дорогъ на возможно далекомъ разстояніи и для задержанія собирающагося со всѣхъ сторонъ непріятеля. Но такъ какъ лошадей перевозить и выгружать гораздо труднѣе, чѣмъ людей и матеріалы, то именно конницы и будетъ недоставать.

Современныя военныя системы великихъ европейскихъ державъ такъ устроены, что если во время войны даже всѣ полевыя и резервныя войска уже заняты дѣйствіями на границѣ или въ непріятельской странѣ, то, все-таки, для отраженія высадки всегда еще возможно быстро собрать значительно превосходящія непріятеля силы. Многочисленныя запасныя войска не выступаютъ въ поле и могутъ быть употреблены въ дѣло въ мѣстахъ ихъ постояннаго квартированія; большія крѣпости внутри страны, не угрожаемыя непріятельскою полевою арміею, могутъ выдѣлить сильные, самостоятельные отряды; наконецъ, импровизированныя войска и ополченіе, при очевидной угрозѣ родной странѣ, окажутъ большія услуги. Телеграфъ и желѣзныя дороги, полная дѣятельность которыхъ тутъ ничѣмъ не стѣснена, подвозятъ защитниковъ изъ отдаленнѣйшихъ областей. Конечно, и высадившійся можетъ подкрѣпить себя вторымъ десантнымъ корпусомъ, но, пока этотъ транспортъ прибудетъ, пройдетъ порядочный промежутокъ времени, въ теченіе котораго судьба перваго отряда уже будетъ рѣшена. Слѣдовательно, высадкамъ и экспедиціямъ противъ непріятельскихъ береговъ не только приходится бороться съ большими затрудненіями, но и вообще на серьезный успѣхъ ихъ очень мало надежды. Изъ этого видно, что онѣ могутъ быть предприняты только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Къ этимъ условіямъ прежде всего слѣдуетъ отнести перевѣсъ въ силахъ. Если бы Германія принуждена была вести войну одновременно съ двумя великими державами на западѣ и на востокѣ, то соединенные флоты и арміи послѣднихъ, конечно, могли бы дать необходимыя средства для производства высадки внушительныхъ силъ. Явилась бы возможность связать движенія этого десантнаго отряда съ одной изъ дѣйствующихъ армій союзниковъ, что значительно увеличило бы надежду на успѣхъ. Если бы въ 1870 г. Данія присоединилась къ Франціи, то послѣдняя могла бы рѣшиться высадить войска на легко доступныхъ берегахъ Даніи и, соединившись съ датской арміей, предпринять наступленіе къ нижней Эльбѣ. При этомъ обыкновенно столь чувствительный недостатокъ въ кавалеріи могъ бы быть пополненъ датской конницей. Въ то же время этотъ отрядъ могъ бы достичь значительной численности. Базисомъ для него служило бы все датское королевство. Но при такихъ условіяхъ предпріятіе потеряло бы характеръ десантной экспедиціи и было бы обыкновеннымъ походомъ съ тою только разницею, что часть войскъ, участвующихъ въ немъ, прибыла моремъ къ пункту сосредоточенія.

Во всякомъ случаѣ, изъ предосторожности необходимо, для полученія нѣкоторой свободы движеній на непріятельской территоріи, прежде всего обезпечить за собой возможно болѣе широкую береговую полосу. Острова, лежащіе вблизи береговъ, могутъ доставить возможность безопасной высадки и сбора войскъ; но при этомъ опять исчезаетъ неожиданность. Обороняющійся выигрываетъ время для приготовленія къ отраженію этой высадки. Изъ этого видно, что десантныя экспедиціи въ большихъ размѣрахъ въ глубь страны, противъ важныхъ цѣлей или даже съ рѣшительнымъ намѣреніемъ занять непріятельскую столицу, могутъ имѣть успѣхъ лишь только въ томъ случаѣ, когда силы противника уже истощены продолжительной войной и когда онъ уже израсходовалъ свои послѣднія средства людьми, лошадьми и оружіемъ для отраженія вторгнувшихся сухопутныхъ непріятельскихъ армій.

Конечно, высадки могутъ быть предпринимаемы и въ самомъ

началѣ войны, когда стратегическое развертываніе арміи еще не окончено. „Вообще, если французы и намѣревались сдѣлать высадку, то она могла бы имѣть мѣсто только въ самомъ началѣ кампаніи, такъ какъ подобныя широкія предпріятія должны были сами собою прекратиться, разъ только мы вступили на французскую территорію“, говорится въ сочиненіи прусскаго генеральнаго штаба. Однако подобныя экспедиціи носятъ болѣе характеръ тревогъ, чтобы помѣшать мобилизаціи и безпокоить народъ, чѣмъ характеръ серьезной атаки.

Внезапное появленіе у собственныхъ береговъ непріятеля, котораго считали далеко, всегда производитъ на народную массу извѣстное впечатлѣніе. Но представимъ себѣ даже, что армія въ 40 или 50 тысячъ человѣкъ неожиданно высадилась у того мѣста германскаго сѣвернаго прибрежья, откуда скорѣе всего можно достигнуть Берлина, т. е. у устьевъ Одера [1]). Чтобы дойти до столицы, ей понадобилось бы пять или шесть дней—время слишкомъ достаточное для того, чтобы противопоставить имъ здѣсь превосходныя силы.

Такимъ образомъ дессантныя экспедиціи *для богатыхъ населеніемъ и обладающихъ хорошей военной организаціей* государствъ представляютъ скорѣе только пугало, нежели серьезную опасность.

---

[1]) Мы не принимаемъ въ расчетъ, что высадиться именно здѣсь представляетъ особыя затрудненія.

V.

ДОВОЛЬСТВІЕ И ПОПОЛНЕНІЕ АРМІЙ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Тѣ полководцы, которымъ неудобно заниматься вопросами о довольствіи войскъ на войнѣ, могутъ сослаться на невольно вырвавшееся у Наполеона восклицаніе: „Пусть не говорятъ мнѣ о жизненныхъ припасахъ“! Но это дѣло представится въ иномъ свѣтѣ, если разобрать дѣятельность Императора въ его различныхъ походахъ. Въ его мѣрахъ для содержанія своихъ армій всюду видна удивительная заботливость. Правда, онъ при этомъ не связывалъ себя никакой опредѣленной системой, а бралъ средства для продовольствованія своихъ солдатъ тамъ, гдѣ онъ ихъ находилъ. Обѣщаніями хорошей платы, искуснымъ обхожденіемъ съ учрежденіями и гражданскими властями, а гдѣ нужно и угрозами и силою, онъ умѣлъ добывать запасы даже въ истощенныхъ и бѣдныхъ провинціяхъ. Въ случаѣ необходимости онъ, по собственнымъ его словамъ, готовъ былъ залить огнемъ и кровью непріятельскую страну по обѣ стороны его пути, чтобы извлечь изъ нея средства къ жизни. Точно такъ же, какъ онъ умѣлъ извлекать, словно изъ земли, арміи, такъ и хлѣбъ выросталъ у него на ладони. Но прежде всего онъ былъ мастеромъ въ организаціи своихъ тыловыхъ сообщеній, гдѣ покупки, подвозъ, реквизиціи, магазины и насильственное продовольствіе отъ жителей— все это совмѣстно дѣйствовало, чтобы хорошенько накормить его солдатъ. Только въ Россіи это ему не удалось, потому что тамъ обстоятельства были сильнѣе человѣка. Поэтому его вышеприведенное выраженіе не слѣдуетъ понимать такъ, что главнокомандующій можетъ не заниматься вопросами о жизненныхъ потребностяхъ войскъ, но что эти вопросы должны не властвовать надъ

соображеніями объ употребленіи войскъ, а подчиняться имъ. Великія цѣли войны должны быть возможно меньше стѣснены боязливыми заботами о хлѣбѣ, и для достиженія этого нельзя пренебрегать никакими средствами.

Военное право арміи—жить на счетъ страны—старо, какъ міръ. Уже Моисей, посылая развѣдчиковъ въ обѣтованную землю и сказавъ имъ: „Утѣшьтесь и пользуйтесь плодами этой страны", ссылался такимъ образомъ на реквизиціонный способъ. Еще въ эпоху тридцати-лѣтней войны этотъ способъ былъ въ полномъ, хотя и очень разорительномъ для Германіи, цвѣтѣ. Впослѣдствіи онъ, подъ особеннымъ вліяніемъ развитія государственной жизни и военнаго устройства, исчезъ. Великая французская революція, совершенно измѣнившая понятіе о правѣ и внесшая новыя государственныя идеи, возобновила этотъ способъ. Для войны она предоставила въ полное распоряженіе властелина средства и силы всѣхъ подвластныхъ странъ.

Съ тѣхъ поръ понятіе „жить на средства страны" вошло опять въ ученіе о способѣ веденія войны, и мы его въ настоящее время еще настолько придерживаемся, что смотримъ на все возимое за войсками лишь какъ на неприкосновенный запасъ, который предназначенъ только на случай крайней необходимости, когда театръ войны не въ состояніи дать требуемаго.

Но именно въ этомъ отношеніи вновь совершается въ настоящее время превращеніе, которое въ войнахъ будущаго выкажется гораздо рельефнѣе, нежели въ послѣднюю войну 1870—71 г.

Подъ словами „жить на счетъ страны", естественно, подразумѣваютъ только непріятельскую страну; въ собственной исчезаютъ самыя существенныя преимущества, связанныя съ этимъ способомъ.

Въ прежнія времена искали этихъ выгодъ не въ томъ, что войска пріобрѣтали бо́льшую подвижность и независимость, но придерживались и тамъ магазиннаго способа, гдѣ пользовались средствами театра войны. Суть дѣла заключалась въ томъ, что непріятелю наносился ущербъ въ то время, какъ средства собственной страны косвенно увеличивались. Фридрихъ Великій въ 1756 и 1757 г. заботился только о томъ, чтобы прокормить свою

армію на счетъ непріятельской страны, не думая пріобрѣсть этимъ бо́льшую свободу движенія для далекихъ завоевательныхъ походовъ. Онъ, просто, имѣлъ въ виду прокормить свои войска возможно до́льшее время, не тратя на это столько, сколько за это пришлось бы платить въ собственной странѣ. Онъ хотѣлъ сохранить свои деньги въ карманѣ, сберечь свои ограниченныя кладь и получить возможность вести войну какъ можно бо́льше продолжительное время. Дѣйствительно, собранные въ видѣ повинности [1]) запасы были для тѣхъ маленькихъ армій и въ сравненіи съ небольшими суммами, о которыхъ вообще шло дѣло, уже значительны. Арміи могли временно жить, не тратя изъ казны ни гроша и не отправляя ни одного куля муки за границу. Въ XVII-мъ столѣтіи было правиломъ жить на войнѣ даромъ, и ни Тюрень, ни Мансфельдъ, ни Христіанъ Брауншвейгскій, ни Валленштейнъ не имѣли въ своемъ распоряженіи правильно организованной государственной казны для содержанія своихъ армій. Для нихъ законъ, что война должна кормить войну, имѣлъ свою полную силу.

Съ тѣхъ поръ, какъ арміи и издержки на ихъ содержаніе стали считаться милліонами, все это измѣнилось. Постепенно собранные на походъ или заготовленные реквизиціей припасы не играютъ значительной роли въ смыслѣ экономіи въ расходованіи денегъ. Интендантство арміи не можетъ прекратить своей дѣятельности и казна не можетъ быть временно закрыта, если войска и будутъ ѣсть и пить на счетъ сосѣда. При той предосторожности, необходимой для пропитанія такихъ большихъ массъ людей, нельзя предварительно выжидать, найдется ли въ странѣ здѣсь или тамъ что-нибудь, и потомъ уже составлять свои расчеты, а придется ежедневно обезпечивать всю потребность для всей арміи средствами казны. Какъ при большомъ хозяйствѣ расходы не уменьшаются отъ того, будетъ ли тотъ или другой членъ семьи обѣдать за чужимъ столомъ, такъ и источникъ продовольствія долженъ постоянно доставлять средства на полное число людей и животныхъ, безразлично, нуждается ли тотъ или другой корпусъ въ поставкѣ ихъ, или нѣтъ. Результатомъ этого, большею частью,

[1]) Современный способъ реквизиціи тогда не примѣнялся.

будетъ только то, что часть войскъ живетъ нѣкоторое время роскошнѣе, т. е. съѣдаетъ двойное количество. Кромѣ того, много портится или даже потеряется.

Далѣе, каждому извѣстно, какъ трудно собрать въ непріятельской странѣ контрибуціей даже только 100,000 франковъ, а эта сумма не составляетъ и пятидесятой части ежедневнаго расхода на содержаніе большой арміи. Даже и насильные сборы денегъ не могутъ болѣе въ достаточной мѣрѣ облегчить издержекъ государственной казны.

Для безпрепятственнаго преслѣдованія цѣли войны въ высшей степени важно, если армія въ богатой непріятельской землѣ находитъ достаточно съѣстныхъ припасовъ, чтобы всюду, куда бы она ни пришла, временно прокормиться. Тѣмъ не менѣе, еще весьма сомнительно, чтобы это обстоятельство оказало особенно сильное благопріятное вліяніе на финансы собственной страны.

Если мы живемъ на счетъ непріятельской страны, то это значитъ, что противникъ находится не на нашей землѣ и что, вообще, послѣдняя не страдаетъ отъ борющихся арміи. Податная сила и кредитъ государства далеко не такъ стѣснены, какъ если часть территоріи занята войсковыми массами. Въ этомъ и надо искать преимущества. Но надежда принудить непріятеля къ уступчивости перенесеніемъ военныхъ дѣйствій на его территорію, какъ на это разсчитывали въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ, въ настоящее время существенно ограничена. Какъ уже раньше сказано, возможность долго вести войну зависитъ теперь не столько отъ того, стоимъ ли мы по сю или по ту сторону границы, сколько отъ международнаго кредита, которымъ мы пользуемся.

Понятіе „жить на счетъ непріятельской страны" измѣнилось еще и въ другомъ отношеніи. Наполеонъ вступилъ даже и въ Россію съ меньшимъ количествомъ войскъ, нежели германцы въ 1870 г. во Францію, а въ войнахъ будущаго число ихъ еще болѣе возрастетъ. Такія огромныя массы, которыя, проходя по странѣ, подобно саранчѣ все истребляютъ, могутъ только самое короткое время пропитаться запасами, находимыми ими разбросанными по отдѣльнымъ хозяйствамъ. Представимъ себѣ мѣстечко средней величины, которому неожиданно предъявлено требова-

ніе продовольствовать отъ 4-хъ до 6-ти тысячъ человѣкъ. Два, три дня это можетъ продолжаться безъ особенныхъ затрудненій, но не цѣлыя недѣли. Солдатъ не особенно бережливо хозяйничаетъ въ кухнѣ и погребѣ отведенной ему въ военное время квартиры; многое только истребляется и пропадаетъ даромъ, а это вдвое быстрѣе истощаетъ запасы. Такимъ образомъ не изъ педантизма и безполезнаго стѣсненія образа веденія войны, а только въ силу необходимости приходится возвратиться къ способу продовольствованія арміи изъ магазиновъ. Конечно, было бы ложно говорить здѣсь о *магазинной системѣ*: характеристическая черта современнаго способа продовольствованія есть, именно, *отсутствіе всякой системы*.

Самой большой своеобразностью магазинной системы было то, что она приковывала армію къ извѣстнымъ пунктамъ, отъ которыхъ она отдѣлялась неохотно и только на извѣстное число переходовъ. Понятно, что это въ настоящее время отпадаетъ, и сходство съ временами Фридриха является только въ одномъ названіи „магазинъ". Впрочемъ, эта разница основывается не столько на новизнѣ идеи, сколько на совершенно новомъ способѣ государственнаго финансоваго хозяйства. Если бы Фридрихъ Великій могъ прибѣгнуть къ биржевымъ займамъ и имѣлъ бы въ началѣ семилѣтней войны въ своемъ распоряженіи 180 милліоновъ талеровъ вмѣсто 18-ти, да еще притомъ съ увѣренностью во всякое время занять новую сумму, то онъ, вѣроятно, поступилъ бы такъ же, какъ и мы нынче, и весь его образъ веденія войны имѣлъ бы совершенно иной характеръ. Полная казна стоитъ цѣлаго корпуса и хорошій финансистъ при полководцѣ—доблестнаго военачальника, такъ какъ деньги -магическій рычагъ для всѣхъ военныхъ нуждъ. Современный способъ веденія войны, съ его основнымъ правиломъ непрерывнаго и безграничнаго употребленія всѣхъ боевыхъ силъ, былъ бы немыслимъ безъ помощи подвижныхъ запасовъ, которые только одни и могутъ доставить требуемыя суммы.

Возрастаніе современныхъ арміи дѣлаетъ излишнимъ всякое указаніе на важность хорошихъ *продовольственныхъ учрежденій*. Приращеніе народонаселенія въ пограничныхъ провинціяхъ во

время стратегическаго сосредоточенія арміи несравнимо ни съ какимъ моментомъ мирной жизни государства. Несмотря на богатство въ денежныхъ средствахъ, вопросъ о продовольствованіи болѣе важенъ, чѣмъ то можетъ быть пріятно идеалисту, фантазія котораго охотно предпринимаетъ на картѣ смѣлые походы и которому всякое препятствіе несимпатично. Клаузевицъ говоритъ: „Продовольствіе войскъ, какимъ бы образомъ оно ни производилось, всегда представляетъ столько затрудненій, что ему принадлежитъ весьма рѣшительный голосъ при выборѣ мѣръ. Оно часто противорѣчитъ самымъ дѣйствительнымъ комбинаціямъ и принуждаетъ отдать предпочтеніе заботѣ о пищѣ даже и тогда, когда представляется возможность побѣды и блестящихъ успѣховъ".

Франко-прусская война велась въ очень богатой странѣ. Интендантство выказало самую живую дѣятельность, принимая безъ боязливости и педантизма всевозможныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить продовольствіе арміи; тѣмъ не менѣе были, хотя и короткіе, промежутки времени, когда войска терпѣли недостатокъ. Въ сравненіи же съ прежними войнами можно вполнѣ справедливо гордиться тѣмъ, что въ 1870 г. недостатокъ жизненныхъ припасовъ никогда не достигалъ такихъ размѣровъ, чтобы онъ сколько-нибудь серьезно помѣшалъ военнымъ дѣйствіямъ. Въ этомъ чувствѣ заключается молчаливое сознаніе тѣхъ большихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ интендантствомъ даже и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

При сосредоточеніи германской арміи въ Пфальцѣ выказалось неудобство, что сначала перевозились къ границѣ только войска безъ всякихъ продовольственныхъ колоннъ. Но это считали необходимымъ въ виду неожиданнаго открытія военныхъ дѣйствій со стороны Франціи, грозившей быстрымъ и рѣшительнымъ наступленіемъ. Не только продовольственныя колонны остались позади, но и подрядчики, которымъ интендантство поручило заготовку значительныхъ запасовъ въ районѣ сосредоточенія, были лишены возможности сдать въ условленныхъ пунктахъ свои грузы, такъ какъ желѣзнодорожные пути были имъ закрыты. При этомъ, получая плату лишь по сдачѣ на мѣстѣ, они старались доставить арміи преимущественно то, что имъ было наиболѣе выгодно,

вслѣдствіе чего въ одномъ предметѣ являлся излишекъ, а въ другомъ недостатокъ.

Несмотря на богатство Пфальца и на готовность его жителей къ пожертвованіямъ, именно здѣсь выказалось, что „жизнь средствами страны" далеко не привольна при стеченіи современныхъ армій. Запасовъ въ хозяйствахъ населенія тѣмъ болѣе не хватало, что подрядчики и чиновники интендантства одновременно дѣлали большія закупки именно въ пограничной полосѣ.

Въ теченіе быстро начатыхъ и стремительно веденныхъ во Франціи операцій выяснилось, что провіантскія колонны не всегда могли непосредственно снабжать войска всѣмъ необходимымъ и что между этими колоннами и войсками надобно установить связь при помощи болѣе легкаго и подвижного обоза. Точно также не оправдалась надежда на то, что хлѣбопекарныя колонны будутъ въ состояніи взять на себя убой скота и постоянное снабженіе войскъ свѣжимъ мясомъ безъ того, чтобы войска сами трудились для этого. Дѣятельность этихъ колоннъ, выведенная изъ опытовъ прежнихъ войнъ, была вообще преувеличена: гонка большихъ стадъ скота за арміей, вслѣдствіе неудовлетворительнаго ухода за ними во время транспортировки, дала также печальные результаты. Интендантство терпѣло недостатокъ не въ чиновникахъ, а въ рабочей силѣ. Кромѣ того, въ 1870 г. изготовленіе консервовъ не стояло еще на той высотѣ, чтобы удовлетворить требованіямъ современнаго способа веденія войнъ. Получившая историческую извѣстность гороховая колбаса представляла весьма примитивное средство этого рода. Наконецъ, и при возстановленіи разрушенныхъ путей сообщенія, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, и проведеніи новыхъ не достигалось столько, сколько мы ожидаемъ въ будущемъ, чтобы дать арміямъ хорошія коммуникаціонныя линіи.

Внимательное изученіе этихъ вопросовъ дастъ возможность опредѣлить, въ какомъ направленіи должны быть въ будущемъ сдѣланы успѣхи и какой, въ общихъ чертахъ, видъ приметъ продовольствованіе армій.

Безспорно, что самыми лучшими припасами для питанія солдата будутъ свѣжіе; онъ привыкъ къ нимъ, они для него вкусны

и вмѣстѣ съ тѣмъ, при достаточномъ разнообразіи, самые здоровые. Свѣжая говядина или баранина съ разнаго рода стручковыми плодами [1]), рисъ, картофель, кислая капуста, черный хлѣбъ и для разнообразія сало, если оно зимою копчено и хорошо сохранено, представятъ лучшую пищу. Даже слегка просоленная [2]) и копченая говядина можетъ считаться хорошимъ продуктомъ.

Однако свѣжіе припасы имѣютъ то неудобство, что занимаютъ сравнительно много мѣста, скоро портятся, трудно сохраняются и трудно приготовляются. Солдату, который долженъ былъ бы имѣть при себѣ хотя только трехдневный запасъ свѣжихъ продуктовъ, пришлось бы ими наполнить почти весь ранецъ даже и въ томъ случаѣ, если свѣжій хлѣбъ замѣнить сухарями. Ясно, какой непривлекательный видъ должны принять сало, мясо и т. п. продукты, если они на нѣсколько дней запакованы тамъ вмѣстѣ съ другими предметами. Первоначальная забота о сохраненіи этихъ припасовъ, при безпокойствѣ и неудобствахъ военной жизни, естественно все больше и больше исчезаетъ. Если же еще и солнце сильно палитъ и туда проникаетъ пыль, то мясо и совсѣмъ испортится. Въ концѣ концовъ приходится многое выбрасывать. Кромѣ того, варка пищи требуетъ нѣсколькихъ часовъ времени, и часто солдатъ невольно отказывается отъ нея, если говядина, будучи выдана еще очень свѣжей, несмотря на всѣ усилія, осталась твердой и жесткой, овощи не съѣдобными, если вѣтеръ и дождь испортили всю пищу или нагнали пыльныя облака пыли на лагерь и кухни. Какъ часто случается на войнѣ тревога и приходитъ приказаніе выступать именно въ ту минуту, когда вода въ котлахъ уже начинаетъ кипѣть! Только при совершенно обезпеченномъ отъ нарушенія отдыхѣ можно начинать варку пищи изъ свѣжихъ припасовъ.

Поэтому искусственно приготовленные съѣстные припасы могутъ принести большую пользу. Они занимаютъ не много мѣста и легче свѣжихъ, такъ что солдатъ можетъ носить при себѣ

[1]) Которые, однако, для болѣе скорой варки всегда должны быть разрѣзаны на части.

[2]) Солонина, которая нѣсколько мѣсяцевъ пролежала консервированною въ бочкахъ, отдастъ всѣ свои питательныя части несъѣдобному разсолу.

гораздо большій запасъ питательныхъ средствъ, не увеличивая общаго вѣса всей поши [1]). Пригоршня прессованнаго кофе или пара небольшихъ жестянокъ съ консервами овощей для супа не обременятъ ранца солдата и могутъ въ минуту необходимости доставить ему пропитаніе на порядочный промежутокъ времени. Къ нимъ ничего не приходится прибавлять, кромѣ кипятка, такъ какъ всѣ приправы уже входятъ въ ихъ составъ. Для приготовленія этихъ консервовъ не требуется никакого умѣнья и нужно всего нѣсколько минутъ времени. При этомъ пища остается чистою и не портится. Упаковки никакой для нихъ не требуется, такъ какъ они еще на фабрикѣ герметически укупориваются въ жестяныя коробки. Консервированное мясо, мясной сухарь, прессованные овощи и т. п. могутъ по своей питательности даже превзойти свѣжіе припасы. Легкость перевозки и употребленія ихъ дѣлаетъ консервы великаго рода совершенно необходимыми въ будущихъ войнахъ. Они позволяютъ солдату прожить нѣсколько дней только запасами своего ранца въ случаѣ, если онъ ихъ не найдетъ въ странѣ. Въ будущемъ же, при быстромъ сосредоточеніи большихъ массъ или при особенно тяжелыхъ условіяхъ, когда непріятель господствуетъ, помощью фортовъ, надъ коммуникаціонными линіями или когда мы только-что прорвались черезъ цѣпь преграждающихъ укрѣпленій, чтобы приступить къ битвѣ, между тѣмъ какъ нельзя еще притянуть обозовъ, консервы могутъ получить даже рѣшающее значеніе. Въ такія времена не можетъ быть и рѣчи о снабженіи подобныхъ человѣческихъ массъ свѣжимъ хлѣбомъ, сухарями, свѣжимъ мясомъ, саломъ и рисомъ или даже горохомъ и кофе. И для лошадей искусственно приготовленные раціоны примѣняются съ наилучшимъ успѣхомъ; они даютъ конницѣ возможность къ сильнымъ и далекимъ предпріятіямъ. Въ будущемъ необходимо возможно болѣе энергично пользоваться драгоцѣннымъ средствомъ сдѣлаться на продолжительное время независимымъ отъ своихъ продовольственныхъ транспортовъ. Въ этомъ заключается одинъ изъ факторовъ превосходства надъ противникомъ. Какую роль консервы играли даже въ

[1]) Вѣсъ трехдневнаго запаса свѣжихъ продуктовъ и сухарей равняется 2 ф. 8 зол., тогда какъ такой же запасъ въ консервахъ 1 ф. 41 зол.

1870 г., несмотря на ихъ несовершенство, доказываетъ то, что германскимъ войскамъ ихъ было по требованіямъ отпущено 40 милліоновъ порцій.

Но консервы дороги и при продолжительномъ употребленіи возбуждаютъ къ себѣ отвращеніе; кромѣ того, ихъ не вездѣ легко достать. Частная промышленность, естественно, не можетъ уже въ мирное время получить такого развитія, чтобы имѣть возможность своевременно обезпечить громадную потребность полевой арміи. Весьма полезно, что Германія поддерживаетъ казенную фабрику консервовъ, которая основана по иниціативѣ главной квартиры оккупаціонной арміи во Франціи [1]. Основать продовольствіе арміи исключительно на консервахъ было бы, конечно, ошибкой, такъ какъ они никогда не могутъ замѣнить свѣжихъ припасовъ, хотя бы на продолжительное время. Но они являются неоцѣнимымъ подспорьемъ въ первомъ періодѣ сосредоточенія арміи къ границѣ и въ теченіе похода въ моменты рѣшительныхъ кризисовъ, когда нельзя пренебрегать ничѣмъ, что могло бы сколько-нибудь способствовать ихъ благополучному исходу. Наполеонъ дорого бы далъ за обладаніе такимъ средствомъ для продовольствованія въ 1812 г. или въ критическіе дни 1814 года.

Способъ пріобрѣтенія припасовъ будетъ, конечно, очень различенъ въ зависимости отъ финансовыхъ условій, состоянія торговли, сношеній и т. п. въ каждой странѣ. Не останавливаясь на принятомъ здѣсь или тамъ способѣ, что заняло бы здѣсь больше мѣста, чѣмъ желательно, мы постараемся изложить тотъ методъ, который мы считаемъ наиболѣе пригоднымъ для великаго европейскаго культурнаго государства. Интендантства съ самаго начала войны не могутъ теперь обойтись безъ помощи частныхъ лицъ. Причина этого заключается въ томъ, что чиновники его, дѣятельность которыхъ въ мирное время ограничена совершенно иными рамками, не могутъ точно знать условій торговли на рынкѣ и поддерживать тѣхъ связей, которыя позволяютъ подчинить себѣ

[1]) Это учрежденіе могло бы служить также школой для интендантскихъ чиновниковъ. Въ 1870 г. ощущался недостатокъ не только въ умѣніи приготовлять консервы, но часто даже и въ производствѣ убоя скота. Многіе чиновники, ни разу въ жизни не видавъ, какъ бьютъ скотину, должны были завѣдывать этимъ дѣломъ въ походѣ.

эти условія. Для этого каждый интендантъ долженъ былъ бы быть вмѣстѣ съ тѣмъ и крупнымъ коммерсантомъ. Только опытный купецъ знаетъ, гдѣ въ данную минуту можно найти потребное для арміи количество припасовъ.

Однимъ изъ недостатковъ французскаго интендантства въ 1870 г. было то, что оно хотя и обладало могущественнымъ учрежденіемъ, но въ то же время было приковано исключительно къ нему и даже не могло разсчитывать на содѣйствіе гражданскихъ властей. Вскорѣ послѣ войны во французской военной литературѣ осуждали одного корпуснаго командира, который въ минуту крайней нужды прибѣгъ къ самому естественному и разумному средству и, при помощи гражданской власти, открылъ рынки; фактъ этотъ приводили какъ примѣръ того, до какой степени дошелъ безпорядокъ. Въ настоящее время Франція стала предусмотрительнѣе и разсчитываетъ въ случаѣ войны, при тщательно подготовленной системѣ продовольствованія, на содѣйствіе гражданской власти и на свободную закупку самими войсками.

Но частная помощь должна быть строго организована.

До сихъ поръ было обыкновеніемъ, что интенданты отдѣльныхъ частей (армейскихъ корпусовъ) при объявленіи войны заключали контракты съ извѣстными имъ поставщиками. Послѣдними являлись только торговцы, опытные въ этомъ дѣлѣ, благодаря долголѣтней практикѣ; къ тому же, новички скоро потерпѣли бы неудачу. Такимъ образомъ подряды оказывались въ рукахъ лицъ, господствующихъ на биржѣ; они очень хорошо понимали, что армія нуждается въ разныхъ товарахъ такъ же, какъ въ порохѣ и свинцѣ, и что, слѣдовательно, они могли требовать какихъ угодно цѣнъ. Тщательное взвѣшиваніе денежной стороны—самая главная вещь въ мирное время—въ военное время всегда исчезаетъ. Цѣны на жизненные припасы сейчасъ же удваиваются. Кромѣ того, поставщики нуждались въ наличныхъ деньгахъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ въ мирное время они ихъ обыкновенно не имѣли; они были принуждены ихъ занимать, и такъ какъ во время войны деньги—самая драгоцѣнная вещь, то уже на одно это надбавляли около 25%. Причитывая же къ этому другіе не маловажные убытки, случайныя потери и прилич-

ный барышъ. Мы увидимъ, что государство должно было платить за товары на 50 % болѣе, нежели они дѣйствительно стоили. Затѣмъ такой поставщикъ посылалъ своихъ агентовъ для закупокъ; каждый изъ послѣднихъ думалъ, что только онъ одинъ или, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе другихъ знаетъ самыя лучшія мѣста, гдѣ можно сдѣлать требуемыя закупки; но въ результатѣ оказывалось, что они въ большомъ числѣ сходились въ одномъ пунктѣ. Вслѣдствіе этого начиналась скачка въ предложеніи цѣнъ подобно тому, какъ это бываетъ между представителями двухъ фирмъ, которыя хотятъ вытѣснить другъ друга. Такимъ образомъ государство само создавало для себя самую опасную конкуренцію. Что эти всѣ агенты и ихъ помощники хотѣли хорошо жить—простительно, въ особенности имѣя въ виду грандіозность предпріятія; лучшія гостиницы городовъ были переполнены ими, и все это ставилось на счетъ правительству. Когда наконецъ заготовлено было потребное количество припасовъ, являлась еще необходимость доставить ихъ къ войскамъ на театръ войны, такъ какъ осторожныя правительственныя учрежденія платили только тамъ. Если желѣзныя дороги освобождались отъ большихъ военныхъ транспортовъ, то здѣсь опять начиналась скачка. Изъ этого ясно, съ какими препятствіями приходилось бороться при заключеніи контрактовъ и контролированіи.

Эти недостатки, которые еще въ 1870 г., при началѣ войны, были весьма чувствительны, на будущее время не должны повториться въ такомъ размѣрѣ. Прежде всего необходимо ограничить извѣстными предѣлами дѣятельность этихъ частныхъ предпринимателей и поставщиковъ, чтобы имѣть возможность урегулировать и контролировать ихъ дѣйствія и чтобы послѣднія не могли мѣшать. Ихъ не слѣдуетъ больше допускать слишкомъ близко къ арміи.

Въ будущемъ потребность во всякаго рода предметахъ еще значительно увеличится, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастутъ въ той же мѣрѣ и всѣ затрудненія. Чтобы уменьшить послѣднія, казалось бы цѣлесообразнымъ уже въ мирное время назначать въ важнѣйшіе внутренніе рынки, для обширныхъ заготовленій, опытныхъ чиновниковъ, безъ содѣйствія которыхъ нельзя будетъ обой-

тись въ полѣ. Конечно, имъ необходимо предоставить большую свободу и уволить ихъ отъ всякой другой службы, дабы они имѣли время достаточно подготовить свою важную дѣятельность.

Если такое назначеніе чиновниковъ почему-либо неудобно, то можно для закупки обширныхъ запасовъ провизіи обратиться къ содѣйствію извѣстныхъ и крупныхъ торговцевъ, приглашая послѣднихъ быть агентами государства. Распространенное мнѣніе что этимъ открывается доступъ злоупотребленіямъ, въ общемъ, не оправдывается. Предполагать, что старинныя, уважаемыя фирмы, къ которымъ пришлось бы обратиться, потребуютъ болѣе высокихъ цѣнъ, чѣмъ онѣ дѣйствительно расходуютъ, такъ же несправедливо, какъ считать, что представители ихъ просто крадутъ. Злоупотребленія агента при заготовкѣ съѣстныхъ припасовъ всегда строго осуждаются въ торговомъ мірѣ. Конечно, коммерчески правильно подготовить такихъ агентовъ и контролировать ихъ дѣйствія весьма трудно, если они, какъ большая часть высшихъ чиновниковъ, исключительно привыкли только къ канцелярской дѣятельности. Но для этого интендантство можетъ создать себѣ техническій совѣтъ въ видѣ общества извѣстныхъ честолюбивыхъ коммерсантовъ, которые обязались бы за сравнительно невысокое вознагражденіе содѣйствовать его мѣрамъ по продовольствованію войскъ. Люди, которые презираютъ дѣятельность подрядчика арміи, имѣющую въ глазахъ большинства всегда нѣчто сомнительное, навѣрное охотно согласились бы участвовать въ такомъ техническомъ совѣтѣ, такъ какъ во время войны всякая забота о благѣ войскъ является патріотическимъ дѣломъ. Эти авторитеты могли бы лучше всего указать на соотвѣтствующихъ агентовъ для различныхъ торговыхъ пунктовъ и нашли бы средства для направленія и контролированія ихъ дѣятельности.

Всякое пользованіе иностранными рынками косвенно вредитъ въ то же время противнику. Если бы въ 1870—71 г. Германія могла, отрѣзавъ Францію отъ Бельгіи, отвлечь отъ нея и Англію посредствомъ денегъ, то сопротивленіе Гамбетты не продлилось бы столько времени. Но и это должно быть точно и своевременно подчинено извѣстному порядку. Въ послѣднюю войну агенты германскихъ крупныхъ предпринимателей въ Лондонѣ,

Антверпенѣ, Ротердамѣ. а также въ австро-венгерскихъ большихъ торговыхъ центрахъ, соперничали другъ съ другомъ, невыгода чего, въ концѣ концовъ, отозвалась на государственной казнѣ.

И на этомъ поприщѣ предлагаемый нами совѣтъ коммерсантовъ можетъ принести интендантству большую пользу. Но онъ долженъ быть созванъ и вся его дѣятельность открыта заблаговременно, такъ какъ сношенія, завязанныя только при объявленіи войны, обыкновенно запаздываютъ своимъ содѣйствіемъ. Во всякомъ случаѣ для войнъ будущаго необходимо составлять, подобно проекту операцій, еще и планъ снабженія арміи всѣмъ необходимымъ, въ которомъ должно быть обращено вниманіе не только на покупку, но и на доставку припасовъ.

Весьма существенную поддержку оказываютъ при этомъ провіантскіе магазины, существующіе во всѣхъ пунктахъ, имѣющихъ большіе гарнизоны. Если въ нихъ находится запасъ на 3—6 мѣсяцевъ по штатамъ мирнаго времени, то его хватитъ на порядочное время и для мобилизованнаго гарнизона; его, можетъ-быть, будетъ достаточно, чтобы прокормить хоть нѣсколько дней цѣлый корпусъ. Управленія этихъ магазиновъ, естественно, имѣютъ въ странѣ прочныя связи, которыя даютъ имъ возможность быстрой и своевременной закупки большихъ массъ продовольственныхъ припасовъ. При этомъ районъ ихъ дѣятельности будетъ ограниченъ только опредѣленнымъ уѣздомъ или одною губерніею и не будетъ захватывать района другого магазина, такъ что здѣсь не явится той вредной конкуренціи, которую создавали частные поставщики. Эти большіе магазины мирнаго времени могутъ служить во время войны запасными магазинами для безостановочнаго подвоза припасовъ къ арміи.

Однако, управленія этихъ магазиновъ могутъ принести пользу только при покупкѣ и сборѣ опредѣленныхъ продуктовъ и предметовъ, къ заготовленіямъ которыхъ они привыкли въ мирное время. Они не въ состояніи взять на себя доставку цѣнныхъ предметовъ изъ отдаленныхъ провинцій или даже изъ-за границы [1]). Въ этихъ случаяхъ всегда придется прибѣгать къ частной помощи агентовъ и товариществъ. Рядомъ съ торговыми фир-

[1]) Такъ же, какъ и закупку скота, консервовъ и т. п.

мами придется пользоваться услугами транспортныхъ компаній и агентствъ, въ особенности при заграничныхъ сношеніяхъ. При этомъ не исключается передача, въ отдѣльныхъ случаяхъ, всей поставки въ руки нѣсколькихъ особенно дѣльныхъ главныхъ предпринимателей. Безъ сомнѣнія, это во многихъ отношеніяхъ удобно, но необходимо только не допускать ихъ поставлять въ самую армію, а только въ запасные или складочные магазины.

Когда тѣмъ или другимъ способомъ пополненіе источниковъ, изъ которыхъ армія должна черпать свои продовольственные припасы, обезпечено въ главныхъ чертахъ, то придется принимать еще частныя мѣры, въ особенности на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Насколько это возможно безъ ущерба для быстраго сосредоточенія армій, необходимо между воинскими поѣздами пускать также и поѣзда съ припасами. Далѣе, опытъ показалъ, что можно безъ особыхъ затрудненій даже и на воинскіе поѣзда нагружать довольно значительный запасъ продовольствія. Такимъ образомъ можно возложить на войска имѣть при себѣ во время перевозки запасъ продовольствія на 3—6 дней и захватить его съ собой въ районъ сосредоточенія. Естественно, что и здѣсь консервы особенно умѣстны. Необходимо только, чтобы войска имѣли ихъ всегда наготовѣ, ибо въ безпокойные дни мобилизаціи закупка ихъ ограниченными денежными средствами, въ особенности для небольшихъ гарнизоновъ, будетъ немыслима. Чѣмъ болѣе въ войскахъ развито собственное хозяйство, тѣмъ скорѣе они будутъ снабжены необходимымъ количествомъ консервовъ [1]). Оставляя желѣзно-дорожныя линіи, войска могутъ перевезти захваченные съ собой запасы на обывательскихъ подводахъ. Конечно, лучше если войска имѣютъ для этого собственныя легкія, крѣпкія, хорошо запряженныя и спеціально для этой цѣли приспособленныя повозки.

Такимъ образомъ войска прибудутъ въ районъ сосредоточенія обезпеченными на время отъ голода. Пріобрѣтеніе здѣсь припа-

[1]) Хотя хорошіе консервы и сохраняются нѣсколько годы, но во всякомъ случаѣ ихъ время отъ времени надо освѣжать, употребляя ихъ въ пищу и пополняя израсходованное свѣжими. Жировыя частицы отъ времени всегда нѣсколько портятся и легко возбуждаютъ потомъ отвращеніе.

совъ покупкой должно быть имъ не только разрѣшено, но даже поставлено въ обязанность, гдѣ это только возможно [1]); избытокъ же запасовъ идетъ немедленно на устройство магазина. Пока еще войсковые обозы и провіантскія колонны не прибыли, связь между войсками и магазинами поддерживается нанятыми или собранными реквизиціей обывательскими повозками. Впослѣдствіи, когда въ нихъ нѣтъ болѣе надобности, онѣ передаются этапнымъ учрежденіямъ въ тылу арміи. Хорошее свойство импровизированныхъ транспортовъ, это ихъ безправность; ими можно пользоваться, пока они еще на что-нибудь годны, потомъ бросить, гдѣ бы то ни было, какъ только минетъ въ нихъ надобность. Часто остатки ихъ попадаютъ еще къ кому-нибудь другому, который, въ свою очередь, опять извлекаетъ изъ нихъ для себя пользу. Въ послѣднюю войну, при недостаткѣ штатныхъ фурпарковыхъ колоннъ, интендантство II-й германской арміи часто пользовалось съ успѣхомъ подобными импровизаціями; оно въ началѣ кампаніи собрало для каждаго корпуса по транспорту въ 400 повозокъ и потомъ прибѣгало къ этому средству нѣсколько разъ.

Далѣе, интендантство, снабдивъ своихъ чиновниковъ соотвѣтствующимъ количествомъ денегъ, посылаетъ ихъ, въ сопровожденіи опытныхъ коммерсантовъ или агентовъ, въ сосѣдніи съ райономъ сосредоточенія области для закупки запасовъ для магазиновъ. Если желѣзныя дороги не свободны, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ воспользоваться рѣчнымъ судоходствомъ. Сравнительно небольшая баржа можетъ поднять около 2,500 пудовъ. Современная армія, въ составѣ 800,000 человѣкъ и 300,000 лошадей, требуетъ на три недѣли около 5-ти милліоновъ пудовъ припасовъ, не считая сѣна и соломы: слѣдовательно, для поднятія этого груза потребовалось бы 2000 судовъ. На рѣчныхъ системахъ, состоявшихъ въ связи съ райономъ сосредоточенія германскихъ арміи въ 1870 г., т. е. на Ренѣ, Маинѣ, Каналѣ Людвига, верхнемъ Дунаѣ и Мозелѣ, навѣрное находилось такое количество судовъ, хотя ими и не воспользовались въ полномъ размѣрѣ.

[1]) Если же даже явится возможность продовольствовать войска отъ квартирныхъ хозяевъ, съ уплатою послѣднимъ за это деньгами, то, конечно, воспользуются этимъ способомъ прежде всего.

Буксирные пароходы могутъ въ значительной степени ускорить транспортировку.

Такъ какъ одиѣхъ хлѣбо-пекарныхъ колоннъ недостаточно для удовлетворенія потребностей войскъ, то привлекаютъ всякаго рода частныя хлѣбопекарни, увеличивая ихъ производительность добавленіемъ рабочей силы [1]). Онѣ выпекаютъ хлѣбъ или изъ казенной муки, или самостоятельно доставляютъ интендантству готовый хлѣбъ за установленную плату.

Скотъ покупается на мѣстѣ, такъ какъ онъ слишкомъ страдаетъ при перевозкѣ; въ 1870 г. было замѣчено, что нерѣдко быки такъ тощали отъ перевозки, что давали только 41% мяса, а 59% составляли кости. При транспортированіи скота издалека потребуются особыя приготовленія. Рѣдко можно найти хлѣва тамъ, гдѣ они нужны, въ особенности на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ. Поэтому полезно имѣть съ собой матеріалы для складныхъ бараковъ; правильная же организація особыхъ отдѣленій мясниковъ, знающихъ свое дѣло, даже необходима. Впрочемъ, держать долгое время сосредоточенными значительныя стада не слѣдуетъ; это дастъ возможность скорѣйшему возникновенію и распространенію различныхъ повальныхъ болѣзней. Поэтому гораздо лучше распредѣлять ихъ небольшими партіями въ войска. Въ удобныхъ мѣстахъ придется устроить нѣсколько депо для скота, чтобы отсюда доставлять его войскамъ, если послѣдніе не найдутъ его въ достаточномъ количествѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Интендантства отдѣльныхъ армій и корпусовъ принимаютъ въ своихъ районахъ такія же мѣры, какъ и главное интендантство для всѣхъ вооруженныхъ силъ. Офицеровъ генеральнаго штаба, посылаемыхъ впередъ для руководства высадкой войскъ, будутъ впредь сопровождать интендантскіе чиновники.

Съ началомъ движенія войскъ начинается и перемѣщеніе магазиновъ, для котораго опять нужно пустить въ ходъ всѣ средства одновременно. Все дѣло сводится къ тому, чтобы найти

[1]) При этомъ въ 1870 г. интендантство II-й германской арміи съ успѣхомъ пользовалось услугами женщинъ, такъ какъ во время войны гораздо легче найти работницъ, нежели работниковъ.

удобные пути для ихъ перевозки. Самыми важными будутъ желѣзныя дороги, занятыя въ районѣ военныхъ дѣйствій, которыя надо немедленно возстановить и по нимъ открыть движеніе. Въ настоящее время при успѣхахъ техники легко возможно усилить ихъ дѣятельность постройкой дополнительныхъ вѣтвей. Въ ровной и плоской мѣстности, бѣдной желѣзными дорогами и шоссе, весьма полезно устраивать конно-желѣзныя дороги на деревянныхъ рельсахъ. Съ другой стороны, сила пара позволяетъ одновременное передвиженіе большихъ тяжестей даже по хорошимъ шоссе; такъ, напримѣръ, будутъ посредствомъ локомобилей таскать цѣлыя колонны обозовъ. Во всякомъ случаѣ изобрѣтательности техниковъ здѣсь еще открыто широкое поле. Всѣ станныя учрежденія въ тылу арміи собираютъ для себя всевозможнаго рода транспортныя средства. Чѣмъ ближе къ войскамъ, тѣмъ подвижнѣе и легче должны быть перевозочныя средства, и послѣднимъ звеномъ съ арміей составятъ хорошо запряженныя провіантскія колонны.

Если мы теперь окинемъ взглядомъ всю систему подвоза въ общихъ чертахъ, то намъ представится слѣдующая картина.

Внутри страны разбросаны по всѣмъ провинціямъ, такъ называемые, *запасные магазины*, которые заготовляютъ припасы для опредѣленныхъ частей войскъ. Отсюда, по мѣрѣ надобности, запасы отправляются по желѣзнымъ дорогамъ къ большимъ складочнымъ пунктамъ и передаются въ *сборные магазины* (Sammel-Magasin). Какъ только изъ запаснаго магазина одна партія отправлена, немедленно запаковывается и подготовляется къ отправкѣ новая, приблизительно въ размѣрѣ двухдневной пропорціи.

Сборными пунктами придется выбирать большіе узлы желѣзныхъ дорогъ [1]), которые, однако, еще находятся на собственной территоріи, въ достаточномъ разстояніи отъ арміи и вполнѣ обезпечены отъ нападенія непріятеля [2]). Кромѣ того, они не должны представлять затрудненія для той широкой дѣятельности, кото-

[1]) Желательно, чтобы они въ то же время лежали на большихъ водяныхъ путяхъ.

[2]) Въ 1870 г. во время осады Меца для II-й германской арміи былъ устроенъ сборный магазинъ въ городѣ Нейнкирхенѣ, на пріѣзжей желѣзной дорогѣ.

рая здѣсь развивается; города съ узкими улицами и крѣпости съ тѣсными воротами не пригодны для этой цѣли, такъ какъ въ такихъ пунктахъ необходимо имѣть много простора и обширныя помѣщенія. Здѣсь складываются припасы, прибывшіе не только изъ запасныхъ магазиновъ, но также и купленные агентами или приготовленные на казенныхъ фабрикахъ. При этихъ же сборныхъ станціяхъ находятся стада скота, пекарни, мастерскія и проч. Въ общей сложности здѣсь всегда будетъ пяти или шестидневный запасъ.

Изъ этихъ станцій припасы отправляются далѣе къ арміи по желѣзнымъ дорогамъ, насколько послѣдними возможно пользоваться. Въ конечныхъ ихъ пунктахъ или гдѣ безопасность движенія по нимъ прекращается, учреждаются *главные этапные пункты* [1]), для которыхъ, естественно, также слѣдуетъ назначать возможно обширные и удобно расположенные вокзалы. Въ нихъ складывается новый двухъ или трехдневный запасъ продовольствія, а такъ какъ изъ сборныхъ станцій постоянно высылаются новыя партіи, то можно принять, что въ пути между этими двумя пунктами всегда имѣется еще однодневный запасъ.

Изъ магазиновъ главныхъ этапныхъ пунктовъ жизненные припасы доставляются всевозможными способами къ арміи. Если послѣдняя очень далека, то на этапныхъ линіяхъ устраиваются еще *промежуточные магазины*, отъ которыхъ припасы подвозятся къ корпусамъ провіантскими и фурпарковыми колоннами. Послѣднія, однако, не доходятъ до самаго лагеря войскъ, а останавливаются отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи въ опредѣленныхъ пунктахъ, куда прибываютъ болѣе легкія и подвижныя повозки, находящіяся при войскахъ, которыя и отвозятъ ежедневно припасы къ своимъ частямъ. Но часто именно здѣсь встрѣчаются препятствія: движеніе затрудняется близостью арміи. Обывательскія подводы, при слабомъ надзорѣ за ними, приносятъ мало пользы; войсковыя форменныя повозки, безспорно, лучше, но онѣ значительно увеличиваютъ войсковой обозъ, въ особенности, если его нельзя гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ сократить, напр. изъятіемъ маркитант-

[1]) Для германской арміи, осаждавшей Мецъ, такимъ пунктомъ была станція Ремильи.

ихъ повозокъ. Французская армія обладаетъ небольшимъ, легкимъ полковымъ обозомъ, который состоитъ изъ крѣпкихъ и хорошо запряженныхъ двухколесныхъ фургоновъ, которые безъ труда преодолѣваютъ рвы и т. п. препятствія. Подобный небольшой и весьма подвижный обозъ, составляя непосредственную принадлежность частей войскъ, является, совмѣстно съ консервами, самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ для того, чтобы временно освобождать войска отъ центральныхъ продовольственныхъ складовъ интендантства и ихъ неуклюжихъ обывательскихъ транспортовъ.

Опытъ показалъ, что разгрузка жел.-дорожныхъ поѣздовъ и другихъ транспортныхъ колонны сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями. Въ непосредственной близости отъ жел.-дорожныхъ станціи часто нѣтъ достаточнаго количества подходящихъ помѣщеній для склада выгружаемыхъ припасовъ. Какъ ни кажется это обстоятельство незначительнымъ, однако оно, все-таки, чрезвычайно важно. Въ 1870 г. на линіяхъ изъ Страсбурга въ Фрунарцъ и изъ Бингена въ Мецъ погибли большіе запасы отъ дождя; часто являлась необходимость выгружать поѣзда только для того, чтобы очистить путь и освободить подвижной составъ. Въ будущемъ неизбѣжно придется вести съ собой шатры или матеріалы для бараковъ, при чемъ, однако, надо имѣть въ виду, что сырость, подымающаяся съ земли, такъ же вредна, какъ и дождь; поэтому необходимо позаботиться о непромокаемой подстилкѣ. Дальнѣйшее затрудненіе представляетъ недостатокъ рабочей силы. Отдѣлены войска заняты сторожевой и конвойной службой; полевая армія справедливо избѣгаетъ всякаго отдѣленія какихъ-либо частей для второстепенныхъ цѣлей: солдатъ на войнѣ относится и симпатично къ подобной работѣ; въ немъ сказывается чувство, что это не его дѣло и что онъ предназначенъ исключительно для боя. Кромѣ того, обнаруживается еще и недостатокъ въ сноровкѣ и умѣніи исполнить эту работу. Результаты дѣятельности нанимаемыхъ отъ войскъ командъ обыкновенно весьма незначительны. Напротивъ, отдѣленіе вольнонаемныхъ и нижнихъ чиновъ чрезвычайно помогло въ 1870 г. при очисткѣ отъ грузовъ завалennой ими желѣзной дороги Нанси—Арсъ на Мозелѣ. И подобныя вещи должны быть заранѣе обдуманы.

Приведенный нами здѣсь очеркъ обрисовываетъ лишь въ общихъ чертахъ условія подвоза припасовъ къ современной арміи. Въ дѣйствительности же эта дѣятельность не исчерпывается указанными здѣсь средствами.

Нагруженные желѣзно-дорожные поѣзда, флотиліи барокъ, буксируемыя пароходами, держимые наготовѣ близъ сборныхъ станцій, могутъ служить подвижными магазинами. При остановкѣ въ ходѣ военныхъ дѣйствій, естественно, возникаетъ чрезмѣрное скопленіе запасовъ, если подвозъ ихъ производится такъ же регулярно; промежуточные магазины постепенно обращаются въ громадныя складочныя мѣста. При войскахъ всюду устраиваются небольшіе расходные магазины, изъ которыхъ части непосредственно и получаютъ свое ежедневное довольствіе.

Рядомъ съ правильно организованными постоянными средствами для перевозки, дѣйствуютъ вольнонаемные транспорты изъ обывательскихъ подводъ, которыхъ собираютъ, гдѣ въ нихъ является необходимость, и затѣмъ, по миновании надобности, опять бросаютъ. Одновременно съ продовольствіемъ изъ магазиновъ, войска пользуются также и средствами страны, причемъ солдаты ѣдятъ за столомъ своего квартирнаго хозяина и распоряжаются его погребомъ. Всѣ какіе только есть въ окрестностяхъ запасы покупаются или реквизируются. Гдѣ, повидимому, ничего нельзя найти даже и силою, всегда еще можно что-нибудь достать за деньги. Когда въ ноябрѣ 1870 г. въ мѣстности къ сѣверу отъ Орлеана, въ которой съ начала октября безпрестанно стояли различныя войска, ничего уже нельзя было собрать реквизиціоннымъ способомъ, то интендантство II-й арміи стало устраивать рынки, назначивъ при этомъ высокія цѣны за продаваемые припасы. Это возбудило такую охоту къ продажѣ, что вскорѣ оказался недостатокъ не въ продуктахъ, а въ предметахъ для ихъ храненія. Крестьяне приносили потребованный для арміи овесъ въ сшитыхъ оконныхъ занавѣсахъ, въ тюфякахъ, всякаго рода мебельныхъ чехлахъ, въ корзинахъ и ящикахъ, такъ что, въ концѣ концовъ, благодаря избытку товара, понизились даже и цѣны.

Характеристическою чертою всей дѣятельности по снабженію арміи должна быть большая свобода. Здѣсь система замѣняется

тщательнымъ соображеніемъ и безграничнымъ пользованіемъ всѣми представляющимися средствами. Эта безграничность должна распространяться не только на денежную сторону дѣла, но и на пользованіе всѣми учрежденіями и частными лицами, могущими помочь при рѣшеніи этой великой задачи. Даже лучшее интендантство непремѣнно окажется несостоятельнымъ, если ему приходится ограничиваться дѣятельностью только своихъ собственныхъ органовъ.

Кто разсчитываетъ количество продовольствія для выставленныхъ въ поле войскъ по нормальнымъ табелямъ и на фунты и обезпечитъ его согласно строго обдуманнымъ постановленіямъ, тотъ, конечно, едва ли подвергается опасности, что часть заготовленныхъ запасовъ испортится. Однако армія будетъ при этомъ терпѣть нужду. Здѣсь, какъ и при употребленіи войскъ на войнѣ, даже самыя правильныя мѣры не гарантируютъ вполнѣ желаемаго успѣха. Опытъ учитъ, что послѣдніе, если не въ одномъ, такъ въ другомъ отношеніи, не сбывается. Чтобы оградить армію отъ нужды, необходимо заготовить двойной и тройной запасъ продовольствія, сравнительно съ тѣмъ, что потребно для нея, и это не только въ смыслѣ количества, но и качества. Кто понадѣется прокормить свои войска только одними реквизиціями, тотъ погибнетъ даже въ богатѣйшей странѣ. Кто основываетъ продовольствованіе исключительно на подвозѣ, тотъ не достигнетъ успѣха, хотя бы онъ и обладалъ самыми удобными желѣзно-дорожными линіями, правильно устроеннымъ обозомъ и зажиточною страною въ тылу. Въ разрѣшеніи этого вопроса все должно помогать: насильные сборы въ непріятельской странѣ, покупка интендантствомъ и самими войсками на родинѣ или на театрѣ войны, реквизиціи и поставки крупными торговцами и агентами, пользованіе желѣзными дорогами, водными путями и шоссе, обывательскими транспортами, провіантскими и фурпарковыми колоннами, провіантскими погозками войскъ и, наконецъ, наскоро выстроенными дополнительными линіями желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ. Рядомъ съ этимъ дѣйствуютъ постоянныя полевыя хлѣбопекарныя колонны или части ихъ, распредѣленныя по войскамъ, расширенныя пекарни мирнаго времени и вновь

созданныя полевыя пекарни отдѣльныхъ частныхъ лицъ и цѣлыхъ компаній. Сущность задачи, которую нынѣ ставитъ война, заключается въ слѣдующемъ: продовольствовать современныя массовыя арміи, сохраняя возможность безостановочнаго, стремительнаго хода военныхъ дѣйствій.

Разрѣшить эту задачу можно только при твердой волѣ неограниченно пользоваться всѣми вышеуказанными средствами и если подготовительныя мѣры тщательно установлены уже въ мирное время, такъ какъ своевременное приведеніе ихъ въ исполненіе въ короткій срокъ мобилизаціи невозможно.

„Одной изъ прекраснѣйшихъ добродѣтелей солдата, безъ которой болѣе можетъ даже считаться не обладающимъ истиннымъ воинскимъ духомъ, является мужество переносить лишенія. Но эти лишенія должны быть переходящими и навязанными силой обстоятельствъ, а не послѣдствіемъ бережливости и скареднаго расчета удовлетворять войска только въ случаѣ крайней необходимости“ [1]).

Во всякомъ случаѣ между строевыми и хозяйственными управленіями арміи всегда должна существовать тѣсная внутренняя связь; необходима общая дружная работа генеральнаго штаба и интендантства, чтобы даже наилучшія мѣры принесли дѣйствительную пользу войскамъ. Въ этомъ отношеніи въ 1870 г. Франціи недоставало многаго. Командныя управленія французской арміи распоряжались войсками, сообщали свои диспозиціи интендантству и затѣмъ предоставляли послѣднимъ заботиться о продовольствованіи войскъ по своему усмотрѣнію. Несмотря на весьма высокое положеніе чиновниковъ, не существовало правильнаго и искренняго обмѣна мыслей между ними и генералами. Хорошо, если полководецъ составитъ свой проектъ, не спрашивая предварительно о средствахъ къ жизни; но затѣмъ должно слѣдовать самое тщательное соѣдиненіе съ интендантомъ. Въ основаніи дѣятельности послѣдняго должна лежать мысль сдѣлать невозможное возможнымъ. Однако часто это будетъ имѣть мѣсто только при томъ условіи, чтобы интендантство всегда встрѣчало необходимую

[1]) Клаузевицъ.

поддержку со стороны главной квартиры арміи, войскъ и этапныхъ учрежденій.

Интендантъ арміи долженъ близко стоять къ главнокомандующему и пользоваться его довѣріемъ. Такимъ образомъ выясняется, что и здѣсь все зависитъ отъ выбора личности. Самыми опасными на подобныхъ должностяхъ являются такія, которыя создаютъ различныя затрудненія только для того, чтобы придать болѣе важности себѣ и своему положенію. Впрочемъ, дѣятельность подобныхъ людей вредна всюду какъ въ мирное время, такъ и на войнѣ. Они становятся гибелью арміи, которымъ приходится страдать по ихъ милости. Это и было самымъ главнымъ недостаткомъ Массенбаха и поэтому-то и такъ велико его причастіе къ катастрофѣ 1806 года.

Во главѣ интендантства арміи недостаточно поставить только честнаго и опытнаго чиновника; здѣсь необходима геніальная натура, которая умѣетъ схватывать вещи съ правильной стороны. Въ то же время она должна умѣть пріобрѣсть вліяніе при сношеніяхъ съ высокопоставленными генералами. Наиболѣе годна для этого обходительная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердая личность.

Если мѣры, принятыя для продовольствованія арміи, удовлетворяютъ своей цѣли, то ихъ хватитъ и для снабженія огнестрѣльными припасами, одеждой и аммуниціей, такъ какъ вѣсъ и количество послѣднихъ, потребныхъ для арміи, не могутъ выдержать никакого сравненія съ необходимымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ.

Пополненіе израсходованныхъ патроновъ и снарядовъ, какъ показалъ опытъ войны 1870—71 г., производится весьма удовлетворительно посредствомъ подвоза ихъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ главныхъ складовъ непосредственно къ летучимъ паркамъ корпусовъ. Но осторожность требуетъ учрежденія особаго полевого парка огнестрѣльныхъ припасовъ, чтобы не впасть въ затрудненія, если желѣзныя дороги будутъ испорчены. Большею частью его можно будетъ доставить на театръ военныхъ дѣйствій не запряженнымъ, а для дальнѣйшей перевозки его по грунтовымъ дорогамъ можно взять лошадей у жителей или у

освободившихся обывательскихъ транспортовъ, а въ крайнемъ случаѣ и изъ войскаго запаса арміи. Относительно же снабженія войскъ одеждой могутъ возникнуть затрудненія, вслѣдствіе недостатка единства въ принимаемыхъ мѣрахъ, если каждая часть должна ограничиваться только своею собственною маленькою мастерскою. До послѣдняго времени въ Германіи надѣялись, что одной захваченной съ родины хорошей пары платья хватитъ при современной непродолжительности войнъ; но уже въ франко-германской войнѣ эта надежда частью не оправдалась. Дурное состояніе мундировой одежды и обуви, въ особенности въ дурномъ походѣ, грозило превратиться въ бѣдствіе. Въ декабрѣ 1870 г. тамъ можно было видѣть солдатъ, идущихъ по грязнымъ дорогамъ въ зимній холодъ босыми или въ деревянныхъ башмакахъ и въ полотняныхъ шароварахъ. Въ войскахъ великаго герцога Мекленбургскаго, послѣ усиленныхъ маршей въ половинѣ ноября, было много ротъ, въ которыхъ по 40 человѣкъ и болѣе совершенно не имѣли обуви. „Въ заключеніе я долженъ доложить“, пишетъ начальникъ штаба II-й арміи въ главную квартиру, „что обувь войскъ находится въ едва ли поправимомъ состояніи; въ дни отдыха будутъ приложены старанія привести ее въ лучшій видъ. Многіе предметы обмундированія находятся въ складахъ въ Лаонѣ, близъ Парижа, какъ напр. 10-го корпуса, и до сихъ поръ нѣтъ возможности доставить ихъ войскамъ“. Когда этотъ же корпусъ въ январѣ проходилъ послѣ одержанной имъ побѣды черезъ Ле-Манъ, то онъ своей одеждой напоминалъ войска Іорка передъ Парижемъ. Трудно было найти хоть одного солдата, одѣтаго по формѣ. Въ рядахъ видна была масса статскаго платья; войска воспользовались всѣмъ найденнымъ, даже зловѣщими красными штанами, которые очень легко могли привлечь какую-нибудь пулю прусскихъ польчатыхъ винтовокъ. Каждый солдатъ старался тщательно сохранить только одну какую-либо вещь изъ своего одѣянія, чтобы тѣмъ обозначить свою принадлежность къ арміи, будь то хоть только каска, у которой еще часто недоставало прибора. Замѣчателенъ былъ контрастъ между этою оборванною внѣшностью и хорошей, чисто военной выправкой людей и ихъ здоровымъ видомъ; происходило это отъ того,

что солдаты всегда хорошо питались. Однако при большой продолжительности операцій недостатокъ въ одеждѣ могъ бы, вскорѣ, сдѣлаться весьма чувствительнымъ. Нельзя также отрицать, что подобныя условія могутъ съ теченіемъ времени очень невыгодно повліять на порядокъ и дисциплину войскъ.

Мы уже говорили о тѣхъ преимуществахъ, которыя представляютъ существующія въ мирное время небольшія войсковыя хозяйства. Во время же войны необходимо учредить большія центральныя мастерскія. Наполеонъ располагалъ ихъ на самомъ театрѣ войны. Весьма часто можно съ большой выгодой воспользоваться промышленностью непріятельской страны, какъ это сдѣлалъ 10-й корпусъ въ Турѣ весною 1871 года.

Рука объ руку съ заботами о довольствіи арміи идетъ также и забота о пользованіи и эвакуаціи раненыхъ и больныхъ. Полевые лазареты подаютъ имъ только первую помощь, передавая ихъ затѣмъ въ руки слѣдующаго позади санитарнаго персонала, который открываетъ непосредственно за арміею военные госпитали. Сами же лазареты слѣдуютъ далѣе съ войсками. Основнымъ правиломъ служитъ здѣсь то, чтобы каждаго больного, могущаго перенести путешествіе, отправить какъ можно дальше въ тылъ арміи, гдѣ господствуетъ большее спокойствіе и безопасность. Вдоль линій желѣзныхъ дорогъ располагаютъ этапные лазареты для пріема или пользованія больныхъ и раненыхъ. Санитарные поѣзда вывозятъ все увеличивающееся число страждущихъ въ большіе отечественные госпитали. Хорошія мѣры въ этомъ отношеніи и въ особенности надежда на скорую помощь укрѣпляютъ мужество солдата и даютъ ему нѣкоторое успокоеніе въ минуту опасности. Кромѣ того, необходимо устроить удобные пункты для выздоравливающихъ, которыхъ желательно поскорѣе снова присоединить къ арміи. Хорошій надзоръ за больными и временно отсутствующими изъ арміи долженъ предупредить, чтобы военныя операціи не были лишены содѣйствія значительныхъ силъ.

Уже въ 1870 г. германцами были устроены на этапныхъ линіяхъ большія депо для больныхъ лошадей; въ нихъ удалось поправить и поставить опять на ноги много животныхъ, которыя иначе погибли бы для арміи.

Весьма понятно, какъ затруднительно сохранить порядокъ въ тылу арміи, гдѣ находится такая масса разнообразныхъ учрежденій, и какъ настоятельно необходима здѣсь правильная организація. Военное управленіе въ занятыхъ частяхъ непріятельской территоріи, порядокъ и охрана магазиновъ, лазаретовъ и депо, устройство обезпеченныхъ этапныхъ линій на всѣхъ путяхъ сообщенія, занятіе прилегающей непріятельской страны войсками, насколько то необходимо для безопасности.—все это должно идти рука объ руку съ устройствомъ и урегулированіемъ всей транспортной, конвойной и желѣзно-дорожной службы. Поэтому главная квартира арміи будетъ для этой отрасли дѣятельности нуждаться въ особомъ учрежденіи—*главной инспекціи этаповъ* (General-Etapen-Inspection), которой будутъ также подчинены и желѣзныя дороги. При отдѣльныхъ арміяхъ существуютъ подобныя же инспекціи, а на этапныхъ линіяхъ корпусовъ комендантскія управленія. Особыя комиссіи регулируютъ движеніе по отдѣльнымъ желѣзно-дорожнымъ путямъ. Особеннаго вниманія и занятія болѣе сильными отрядами требуютъ начальные и конечные пункты главныхъ линій, исключительно предназначенныхъ для арміи.

Если заняты болѣе или менѣе значительныя полосы непріятельской страны—какъ это случилось въ 1870 г. во Франціи—то придется назначать особыхъ губернаторовъ, которые соединятъ въ своемъ лицѣ и военное и гражданское управленіе.

Какъ важно для арміи пополненіе ея людьми, показываетъ приведенная уже нами цифра суммы потерь больными. Поэтому организація пополненія арміи не должна быть только импровизирована во время войны; гдѣ нѣтъ особыхъ запасныхъ частей войскъ, она должна быть вполнѣ разработана уже въ мирное время, хотя бы только на бумагѣ. Дурная метода усиливать армію вновь сформированными частями, вмѣсто постояннаго укомплектованія существующихъ частей до штатовъ военнаго времени, нынѣ давно уже отмѣнена во всѣхъ большихъ арміяхъ. Только сѣверо-американскіе штаты пользовались еще этимъ способомъ во время междоусобной войны. При этомъ очень ясно выказалась безполезность слишкомъ слабыхъ кадровъ. Прежде всего необходимо пополнить войска, а потомъ уже можно изъ оставшагося запаса формировать новыя части.

Убыль въ дѣйствующей арміи такъ быстра, что, въ сущности, пополненіе ея могло бы начаться вмѣстѣ съ первыми операціями и потомъ не прекращаться во все время кампаніи. Во всякомъ случаѣ, нельзя допустить, чтобы убыль превысила опредѣленный, не особенно высокій процентъ безъ того, чтобы сейчасъ же не пополнить ея. Съ неумолимой строгостью надо слѣдить за тѣмъ, чтобы отправленныя съ родины команды запасныхъ людей безъ замедленія слѣдовали къ своимъ частямъ. На этапныхъ пунктахъ, въ особенности въ непріятельской, часто неспокойной странѣ, такія команды—желанные гости, которыхъ охотно задерживаютъ противъ ихъ воли: стѣсненные этапные коменданты слишкомъ легко видятъ въ нихъ хоть временную хорошую добычу.

Современная армія, подобно ненасытному чудовищу, нуждается въ постоянномъ питаніи и, какъ Антей, сохраняетъ свою силу только до тѣхъ поръ, пока она въ состояніи все снова черпать ее изъ матери-земли, т. е. отечества. Это сравненіе подходитъ въ двоякомъ отношеніи: любовь къ родинѣ даетъ арміи ея нравственную силу, а матеріальная сила основана на готовности отечества къ жертвамъ и безпрепятственномъ сообщеніи съ нимъ.

Набросанный нами очеркъ выяснилъ, какимъ образомъ усиленныя средства настоящаго времени удовлетворяютъ возросшимъ требованіямъ. Арміи теперь болѣе не прикованы къ какой-нибудь одной линіи и не зависятъ болѣе отъ обладанія или потери какого-либо одного источника своей силы. Онѣ базируются на всю лежащую въ тылу ихъ область, а пока телеграфы и желѣзныя дороги не разрушены, то и на всю собственную страну.

VI.

ДОСТИЖЕНІЕ ЦѢЛИ ВОЙНЫ.

Съ особеннымъ напряженіемъ ожидаемъ мы слѣдующей войны. Каждый предчувствуетъ, что она проявится съ невиданной еще до сихъ поръ разрушительной силой. Эта война будетъ похо̀домъ двухъ народовъ другъ противъ друга, а не спо̀ромъ двухъ арміи. Всѣ моральныя силы будутъ собраны для борьбы на жизнь и смерть и вся наличная интеллигенція обѣихъ сторонъ — для истребленія другъ друга. Такъ же велико, какъ и армія, будетъ и то бѣдствіе, которое онъ причинятъ. Нѣтъ сомнѣнія, войны будущаго пріобрѣтутъ такую серьезность, которая была бы очень непріятна веселому рыцарству прежнихъ временъ. Чѣмъ болѣе будетъ естественныхъ поводовъ къ разрыву и чѣмъ больше національная вражда, тѣмъ упорнѣе и безпощаднѣе будетъ примѣненіе силы. Какъ бы массы, научившіяся цѣнить блага своего существованія, ни боялись войны, но онѣ, все-таки, сознаютъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ нельзя уклоняться отъ нея. Въ народахъ пробуждается тайное сознаніе, что они, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ, призваны исполнить опредѣленную миссію; при рѣшеніи своихъ культурныхъ задачъ нации и сталкиваются. Чѣмъ же объяснить себѣ, что въ 1870 г. французскіе вызовы возбудили въ самой миролюбивой странѣ могучій потокъ воинственнаго воодушевленія? Ничѣмъ инымъ, какъ чувствомъ, что наконецъ пробилъ часъ, когда столѣтній сонъ о единствѣ Германіи долженъ осуществиться и что отечество должно разъ навсегда положить конецъ исторической періоду, въ которомъ оно служило ареной борьбы чужихъ арміи и чужихъ вліяній. Кто могъ бы послѣ 15-го іюля 1870 г. еще допустить, что Германія откажется отъ предложенной ей борьбы? Даже самые простые умы туманно

предчувствовали кое-что о задачѣ своего народа силою добыть себѣ уваженіе, чтобы въ будущемъ стоять въ центрѣ Европы мощнымъ стражемъ мира.

Тамъ, гдѣ громадныя средства приводятся въ дѣйствіе подобными силами, казалось бы, что войны должны оканчиваться только совершеннымъ уничтоженіемъ одного изъ противниковъ или полнымъ истощеніемъ обѣихъ сторонъ.

„Дѣйствительно, возрастающее самосознаніе народа и политическое осуществленіе принципа національности чрезвычайно увеличили силу сопротивленія государствъ. Когда германцы стояли на Луарѣ, то ни одинъ французъ не боялся, что первые по праву завоеванія оставятъ за собою всѣ занятыя ими провинціи, и ни одинъ германецъ объ этомъ не думалъ. Еще менѣе возможно было думать о совершенномъ покореніи страны. Національное единство государствъ обезпечиваетъ ихъ отъ насильственнаго отторженія, такъ какъ побѣдитель самъ сознаетъ, что такое раздѣленіе непріятельской территоріи послужило бы источникомъ постоянныхъ войнъ. Такимъ образомъ опасеніе потери провинціи ограничивается извѣстнымъ предѣломъ и окажетъ давленіе на твердость противника только тамъ, гдѣ государству недостаетъ внутренней спайки между его составными частями и гдѣ оно не покоится на племенномъ единствѣ. Точно также и пограничныя провинціи съ смѣшаннымъ населеніемъ могутъ подвергнуться опасности быть завоеванными, такъ какъ ихъ принадлежность къ націи можетъ быть оспариваема обѣими сторонами. Далѣе же этого опасенія не могутъ распространиться, и вообще въ настоящее время безконечно труднѣе, чѣмъ прежде, принудить большое государство къ устойчивости. Это сознаніе одушевляло противодѣйствіе французовъ, несмотря на гибель арміи имперіи. Гамбетта, послѣ крушенія своихъ плановъ, на вопросъ, вѣрилъ ли онъ самъ въ возможность успѣха сопротивленія, отвѣчалъ не задумываясь: „Конечно, я еще и теперь вѣрю! Я убѣжденъ, что если бы парижское правительство, которое было плѣннымъ правительствомъ, сдало бы только Парижъ, на что оно имѣло безспорное, но и единственное право, и если бы оно не связало странѣ рукъ, давши согласіе отъ имени всей Франціи, то страна съ имѣющимися въ

распоряженіи средствами, которыя къ тому же ежедневно увеличивались, въ концѣ концовъ, вытѣснила бы изъ своихъ предѣловъ пришельцевъ. Нѣтъ такого народа на европейскомъ материкѣ, который бы не видѣлъ на своей землѣ чужеземцевъ, не терпѣлъ бы ихъ долго и наконецъ, все-таки, не выгналъ бы ихъ".

На нѣчто подобное указываетъ и основное правило римлянъ— никогда не заключать мира при несчастныхъ обстоятельствахъ. Этому правилу римская всемірная имперія обязана своимъ возникновеніемъ.

При одинаковомъ упорствѣ и терпѣніи съ обѣихъ сторонъ можно было бы думать объ окончаніи войны только тогда, когда всеобщее опустошеніе и бѣдность совершенно истощили бы всѣ физическія силы, а долгія страданія уничтожили бы нравственныя. Дѣйствительно, нужно полагать, что для того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ предписать свою волю упрямому народу, предводимому великимъ человѣкомъ, необходимо совершенно наводнить непріятельскую страну своими войсками и цѣлые годы оказывать давленіе на ея населеніе.

Но до подобныхъ крайностей дѣло дойдетъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, а при борьбѣ двухъ зажиточныхъ культурныхъ націй, пожалуй, и никогда. Еще до окончательнаго истощенія наступитъ такой моментъ, когда въ изнемогающемъ государствѣ потребность въ мирѣ пересилитъ желаніе продолжать войну. Опредѣленіе этой минуты зависитъ, кромѣ природныхъ качествъ народа, еще и отъ многихъ другихъ причинъ. Скорѣе всего она можетъ наступить въ странахъ съ многочисленнымъ и зажиточнымъ среднимъ сословіемъ, съ широко развитой промышленностью и съ богатымъ торговымъ міромъ, потому что въ этомъ случаѣ вредъ, наносимый присутствіемъ побѣдоносныхъ непріятельскихъ войскъ, сравнительно наиболѣе чувствителенъ. Далѣе, въ такихъ государствахъ средній классъ обладаетъ наибольшими средствами и путями, чтобы высказать свои желанія и придать имъ значеніе. Онъ господствуетъ надъ прессой, направляетъ посредствомъ избирательнаго права общественное мнѣніе и можетъ скорѣе другихъ отстранить требующіе продолженія войны элементы или лишить ихъ вліянія. Промышленная буржуазія ослабляетъ всѣ-

кое государство, такъ какъ она первая склонна, послѣ нѣкоторыхъ неудачъ, считать свое дѣло потеряннымъ: она питаетъ наибольшее желаніе вернуться опять къ привычному спокойствію, во время котораго ничѣмъ не нарушается увеличеніе благосостоянія и наслажденіе земными благами.

Совершенно иначе складываются обстоятельства въ томъ государствѣ, въ которомъ существуютъ только одна господствующая аристократія и низшій классъ, а средняго или вовсе нѣтъ, или онъ не имѣетъ значенія. Аристократія, родовая ли, или денежная, всегда находитъ средства избѣжать непосредственнаго давленія непріятеля. Ея общему богатству причиняется лишь незначительный ущербъ и потому онъ мало чувствителенъ. Крестьянскій же классъ, который наиболѣе страдаетъ отъ присутствія въ странѣ непріятеля, не имѣетъ никакихъ средствъ придать значенія своему желанію прекратить войну. Изъ этого видно, что если только естественному ходу вещей не противодѣйствуетъ большая сила отдѣльной личности, то давленіе на такія государства, какъ Франція, Германія, Италія и Австрія, скорѣе можетъ имѣть успѣхъ, нежели давленіе на Польшу или Россію.

Безспорно, что уже отъ одной продолжительности войны первыя будутъ больше страдать, чѣмъ вторыя; а это, естественно, окажетъ большое вліяніе на ихъ стойкость.

Весьма важенъ также и образъ правленія государства. Ничѣмъ не ограниченный монархъ можетъ выказать высшую степень военной энергіи. Но тѣмъ болѣе усиливается въ немъ чувство отвѣтственности, чѣмъ менѣе другіе имѣютъ законное право вліять на него. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ того, насколько характеръ монарха способенъ легко нести высокую отвѣтственность. Парламентъ можетъ одинаково сдѣлаться опорою, какъ самыхъ миролюбивымъ стремленій, такъ и самаго воинственнаго настроенія, ибо его существованіе зависитъ отъ господствующей партіи. Горсть рѣшительныхъ фанатиковъ, умѣющихъ подъ предлогомъ исполненія только народной воли освободить себя отъ всякой отвѣтственности, можетъ затянуть безнадежную войну, которую неограниченный монархъ давно бы прекратилъ. Полководецъ скорѣе будетъ руководствоваться же-

ланіемъ своихъ подданныхъ, нежели небольшое число членовъ политической партіи. Самымъ благопріятнымъ для проявленія наивысшей военной энергіи является положеніе выбраннаго въ минуту опасности диктатора. Его власть равна власти неограниченнаго монарха, а отвѣтственность падаетъ на тѣхъ, которые призвали его или согласились на предоставленіе ему такихъ правъ. Много еще другихъ обстоятельствъ вліяютъ на упорство въ продолженіи войны: обстановка данной минуты, настроеніе націи, историческія воспоминанія и опытъ, надежда на руководящихъ людей, большая или меньшая степень довѣрія къ существующимъ учрежденіямъ, неосуществленіе надеждъ, казавшихся сбыточными, и пр. Даже самая форма, въ которой непріятель выражаетъ превосходство своей силы, парализуетъ или усиливаетъ оборону. Чѣмъ неожиданнѣе ударъ судьбы, тѣмъ могущественнѣе его дѣйствіе. Извѣстіе о потери арміи подъ Іеной и Ауэрштедтомъ потому такъ ошеломило Пруссію въ 1806 г., что до войны не считали возможнымъ ничего подобнаго.

Поэтому, большею частью, не будетъ надобности продолжать войну до совершеннаго занятія непріятельской территоріи. Фридрихъ Великій былъ совершенно правъ, ожидая въ 1757 году отъ полной побѣды надъ австрійской арміей въ Богеміи рѣшенія всей кампаніи и сравнивая эту ожидаемую побѣду съ битвой при Фарсалѣ. Къ этому Бернгарди дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Конечно, послѣ этого пораженія при Прагѣ способность австрійцевъ къ противодѣйствію не была дѣйствительно и совершенно исчерпана. Но ни общая политическая обстановка, ни духъ времени вообще, ни устройство Австріи въ особенности или участіе, съ которымъ ея народы или хотя бы ея правящіе классы относились къ цѣли этой войны, не давали повода предполагать у враговъ Пруссіи до героизма доведеннаго упорства. Фридрихъ лучше своихъ современниковъ понималъ значеніе моральныхъ факторовъ успѣха. Какъ и Наполеонъ, онъ зналъ „ce que c'est que la terreur" и могъ съ тѣмъ же правомъ, какъ Наполеонъ при Аустерлицѣ, ожидать, что ошеломляющій и лишающій мужества ударъ приведетъ къ заключенію мира".

Слѣдовательно, по грандіозности основанія этотъ походъ ко-

роли равенъ всѣмъ войнамъ новѣйшаго времени, въ которыхъ стремились къ уничтоженію противника.

Что же касается до того, что въ настоящее время понятіе объ *уничтоженіи* непріятеля совсѣмъ другое, чѣмъ даже въ эпоху Наполеона, то причины этого надобно искать въ измѣнившемся состояніи народовъ, въ особенности въ пробужденіи чувства національности, которое дѣлаетъ ихъ *единымъ и нераздѣльнымъ*.

Первое, что нужно сдѣлать для достиженія цѣли войны, это лишить врага основанной на видимой опорѣ надежды на побѣду уничтоженіемъ его арміи. Этимъ уже будетъ достигнутъ весьма значительный успѣхъ, который можетъ даже принудить слабый народъ къ заключенію мира. Слѣдующій шагъ заключается въ отнятіи у противника вѣры въ возможность возвращенія измѣнившаго ему военнаго счастья. Это вѣрнѣе всего достигается занятіемъ его столицы и тѣхъ городовъ и провинцій, которые въ особенности склонны доставить ему средства для новаго формированія вооруженныхъ силъ, и кромѣ того завоеваніемъ тѣхъ главныхъ пунктовъ, которые сковываютъ или задерживаютъ наступающія арміи. Въ этомъ періодѣ политика можетъ сильно помочь заключенію мира, лишивъ непріятеля надежды на помощь извнѣ. Наконецъ, уже послѣднимъ средствомъ является давленіе на его наиболѣе зажиточныя и чувствительныя области или занятіе всей страны и прекращеніе ея сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Совершенно правильно будетъ составить себѣ понятіе о военной энергіи, ожидаемой со стороны противника, чтобы съ нею сообразовать свои собственныя цѣли и мѣры. По результатомъ этого соображенія отнюдь не должно быть рѣшеніе выступить противъ сильнаго государства только съ частью своихъ силъ. Никогда нельзя предвидѣть, какія случайности, какія личныя вліянія или политическіе перевороты внезапно увеличатъ упорство врага. Главной ошибкой союзниковъ въ первой коалиціонной войнѣ было заблужденіе въ этомъ отношеніи. Даже при твердой увѣренности, что достаточно прибѣгнуть только къ одной изъ первыхъ ступеней военнаго воздѣйствія, цѣль войны достигается несравненно вѣрнѣе, скорѣе и полнѣе при употребленіи сразу всѣхъ своихъ силъ. Присутствіе на театрѣ войны монархъ, въ которыхъ,

можетъ-быть, даже нѣтъ необходимости для одержанія побѣды на полѣ сраженія, все-таки, усиливаетъ моральное впечатлѣніе превосходства. Ошибка въ обратную сторону можетъ даже увеличить первоначально слабую стойкость противника и затянуть войну.

Итакъ, въ будущемъ, если противникъ хоть сколько-нибудь заслуживаетъ уваженія какъ равный, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ приготовиться къ напряженію всѣхъ своихъ силъ до послѣдняго предѣла, чтобы достигнуть цѣли войны.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Пока народы будутъ добиваться земныхъ благъ, пока они будутъ заботиться о томъ, чтобы обезпечить своимъ грядущимъ поколѣніямъ пространство для развитія, спокойствія и уваженія, пока они, руководимые великими умами, будутъ стремиться къ осуществленію, вмѣ предѣловъ ежедневной потребности, политическихъ и культурно-историческихъ идеаловъ, до тѣхъ поръ будутъ существовать войны. Какая польза спорить о томъ, дѣйствуетъ ли война на человѣчество облагораживающимъ или одичающимъ образомъ? Конечно, часто употребляемое сравненіе войны съ грозой, очищающей воздухъ, справедливо только условно. Тридцатилѣтняя война обратила Германію въ пустыню и принесла съ собой невиданную до тѣхъ поръ порчу нравовъ. Съ трудомъ вѣрится въ очищающее дѣйствіе послѣдней войны, если вспомнить то, что Германія пережила въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ. Съ другой стороны, справедливо считаютъ наиболѣе блестящимъ періодомъ то время, когда Пруссія поднялась послѣ глубокаго паденія и взялась за оружіе для своего освобожденія. Предшествовавшее несчастіе дѣйствительно, какъ гроза, разсѣяло давившую всякую жизнь духоту; по странѣ прошла свѣжая струя воздуха.

Моральныя послѣдствія войнъ будутъ весьма различны, смотря по тому, въ какой формѣ онѣ проявятся, каковъ будетъ ихъ исходъ и въ какое время онѣ разыграются. Мы должны починиться тому, что опредѣлено свыше. Вѣрно то, что *война есть жребій человѣчества и неизбѣжная судьба народовъ. Вѣчный миръ на этомъ свѣтѣ не дарованъ смертнымъ.*

Въ настоящее время недостаточно исполненія требованія Макіавелли, чтобы только правитель понималъ войну; теперь и

народы не меньше нуждаются въ знаніи ея. Они должны сами умѣть ковать свое оружіе, сами укрѣпить свои руки, чтобы владѣть имъ, и закалить свою душу для перенесенія испытаній, которыя имъ приноситъ борьба за отечество.

Разумѣть войну не трудно.

„Нѣтъ сомнѣнія, что самое веденіе войны очень не легко. Но затрудненія заключаются не въ томъ, чтобы требовалась особенная ученость или большой геній для пониманія нетинъ военнаго искусства; на это способенъ всякій здравомыслящій человѣкъ, у котораго нѣтъ предубѣжденій и которому дѣло не вполнѣ незнакомо. Даже примѣненіе этихъ принциповъ на картѣ и бумагѣ не представляетъ затрудненій, и составить хорошій операціонный планъ—еще не большое искусство. Все затрудненіе заключается въ томъ, чтобы *тѣмъ принципамъ, которые мы разъ установили, оставаться вѣрнымъ во время исполненія*".

Такъ учитъ насъ Клаузевицъ.

Простое примѣненіе обыкновенныхъ величинъ, о которыхъ мы попытались дать понятіе на этихъ страницахъ, знаніе нравственныхъ двигателей, умѣніе всмотрѣться въ человѣческую натуру и, наконецъ, способность ясно ставить себѣ разумную цѣль—вотъ и всѣ познанія, которыя требуются. Недостающій опытъ можно до нѣкоторой степени замѣнить внимательнымъ изученіемъ прежнихъ кампаній.

Если, несмотря на это, самое исполненіе, все-таки, остается труднымъ, то это объясняется тѣмъ, что орудіе войны—войско—требуетъ *твердой руки*, чтобы точно выполнить задуманное: далѣе, осуществленіе всѣхъ предположеній совершается только при постоянномъ противодѣйствіи противника и подъ давленіемъ опасности. Клаузевицъ сравниваетъ все веденіе войны съ весьма сложной машиной, части которой испытываютъ громадное треніе: что легко набросить на бумагу, можетъ только съ большимъ напряженіемъ быть исполнено въ дѣйствительности.

Движеніе воинскихъ массъ подобно медленному шагу быка передъ плугомъ. Кажется такъ легко сохранять постоянно одно направленіе, —и для привычной руки это такъ и на дѣлѣ. Но при неопытномъ работникѣ это представляется иначе: то, что ка-

злость такъ тихо ползла, получаетъ лихорадочную быстроту. Несмотря на прекрасныя познанія въ геометріи и ясность цѣли передъ собой, линія, которую хотѣли вести прямо, описываетъ удивительныя извилины.

Треніе между личностями, несчастныя случайности, недоразумѣнія и ошибки, при всемъ этомъ еще возбужденіе боя и сознаніе, что постоянно находишься наканунѣ новыхъ событій, которыя могутъ принести большое счастіе, но и неимовѣрное бѣдствіе,— вотъ силы, которыя ставятъ на войнѣ самыя тяжелыя испытанія характеру: совершенно вѣрное представленіе о нихъ можетъ имѣть только тотъ, кто ихъ самъ пережилъ.

Много талантливыхъ людей, опираясь на необходимыя познанія, съ самыми смѣлыми надеждами пытались выполнить задачу главнокомандующаго и послѣ величайшихъ усилій и съ разбитымъ сердцемъ отказывались отъ нея.

Внимательно изучивъ все относящееся къ области веденія войны и усвоивъ себѣ, при помощи хорошаго наставника, главные принципы великихъ полководцевъ, невольно явится желаніе испытать собственныя силы и хоть разъ очутиться въ положеніи Бонапарте при Маренго или Фридриха при Росбахѣ, Лейтенѣ и Лигницѣ. Но взглянувъ на приводимые военной исторіей примѣры несчастливыхъ полководцевъ, которые съ такимъ же точно правомъ желали командованія, достигали его и терпѣли крушеніе, прославивъ въ глазахъ современниковъ преступниками, а у потомства посредственностями, поневолѣ призадумаешься даже и при серьезномъ намѣреніи.

Стоитъ ли послѣ этого обыкновенному смертному изучать войну, когда это можетъ только увлечь его ревность за такое трудное дѣло и, можетъ-быть, только для собственной гибели? Конечно!

Какой настоящій солдатъ не рѣшится послѣ короткаго раздумья, несмотря на всѣ сомнѣнія, взять на себя роль главнокомандующаго, хотя бы даже при этомъ ставились на карту счастіе и жизнь. Призъ великъ: онъ тотъ же, который манитъ пола и хуторянина на ихъ тернистомъ пути—*безсмертіе*. Непобѣдимая волшебная сила заключается въ этомъ словѣ. Счастливый воинъ

страхуетъ свое имя отъ забвенія. О Фридрихъ и Наполеонѣ будутъ помнить, пока міръ стоитъ.

„Но развѣ стоитъ труда возлагать на массу такія тяжелыя испытанія для того, чтобы приравнять къ богамъ одного отдѣльнаго человѣка? Тѣ тысячи людей, которые легли, чтобы прославить этого полководца, остаются въ тѣни. Ихъ самопожертвованіе не вознаграждается". Такъ можетъ разсуждать только близорукая мудрость. Мы же смотримъ на вещи иначе.

Даже величайшій полководецъ нуждается въ массѣ опытныхъ, вѣрныхъ и храбрыхъ помощниковъ, и *они раздѣляютъ съ нимъ славу*.

Если бы гробницы могли открыться и передъ нами предсталъ бы одинъ изъ македонянъ, перешедшій съ Александромъ Граникъ, намъ показалось бы, будь передъ нами даже обыкновенный воинъ, что видимъ самого Александра. Не кажется ли намъ каролингскій солдатъ изъ войскъ Аннибала, перешедшихъ Альпы, частью великаго врага римлянъ самого. Память потомства дѣлаетъ въ нашемъ представленіи и самого простого воина непосредственно причастнымъ къ величію полководца. Іерархическая разница исчезаетъ и въ благоговѣніе передъ великими дѣлами включаются всѣ участники, хотя бы они дѣйствовали и на самой низшей ступени. Развѣ мы не отнеслись бы съ уваженіемъ и удивленіемъ къ гренадеру Лейтена, если бы онъ нынѣ всталъ изъ гроба; развѣ мы не позабыли бы, что онъ былъ только простой солдатъ, какъ и другіе, которые вмѣстѣ съ нимъ жили и какихъ много и въ наши дни. Счастливая судьба сдѣлала его участникомъ великаго историческаго событія, и это облагораживаетъ его въ нашихъ глазахъ: мы не спрашиваемъ о его личныхъ заслугахъ. Такъ и наши правнуки будутъ завидовать тѣмъ людямъ, которые съ королемъ Вильгельмомъ ходили противъ Австріи и Франціи и положили начало объединенію Германіи. Уже и то достаточная награда, что на войнѣ даже самый простой солдатъ, который жилъ только для того, чтобы жить, и работалъ для того, чтобы ѣсть и пить, становится причастнымъ къ судьбѣ великихъ героевъ и рѣдкихъ, божественно-одаренныхъ натуръ и дѣлается пособникомъ ихъ великихъ дѣлъ. Онъ соединился съ лучшими людьми для исполненія одного и того же предпріятія; онъ самъ отважды сравнился

съ лучшими. Чувство того, что на войнѣ возвышаешься надъ трудомъ повседневной жизни, не будетъ чуждо даже и самымъ грубымъ натурамъ. *Кто обладаетъ сердцемъ, у того оно бьется сильнѣе и воодушевляется призваніемъ воина.* Защищать отечество значитъ также заслуживать его благодарность, значитъ присоединить свое имя и свое существованіе къ имени и славѣ своего государя, полководца и народа.

Государства, созданныя и прославленныя мечемъ, конечно, существуютъ не дольше предопредѣленнаго имъ времени, какъ и все, что было или будетъ въ этомъ мірѣ. „Судьба государствъ подобна человѣческой жизни: они возникаютъ, растутъ, процвѣтаютъ, приходятъ въ упадокъ и перестаютъ существовать.“ Но необходимо провести жизнь съ пользою, а не просуществовать ея, какъ сушеные цвѣты весну. Еще ни одинъ историкъ не ставилъ китайцевъ выше римлянъ и грековъ за то, что они ихъ пережили. Сознаніе, что мы работали для преходящаго величія не можетъ уменьшить радости творчества. Лишь бы только сохранилось имя и лишь бы значеніе народа для развитія человѣчества было велико; самъ же народъ можетъ нѣкогда перелиться въ другія формы; онъ жилъ довольно. Участіе въ совершенныхъ имъ дѣлахъ достаточно, чтобы быть вѣчно упоминаемымъ исторіею.

Въ этомъ отношеніи Германія находится нынѣ въ счастливомъ положеніи. Звѣзда новой имперіи только-что еще всходила надъ горизонтомъ и весь ея путь лежитъ еще впереди. Движеніе къ зениту вверхъ гораздо пріятнѣе, нежели отъ зенита къ закату. И если только когда-либо возникающее государство представляло ручательство долгаго существованія, то это государство—объединенная воинственно-сильная Германія среди могущественныхъ державъ Европы. Такое положеніе ея совершенно справедливо считаютъ опаснымъ; но именно сознаніе этой опасности поддерживаетъ энергію. Конечно, если бы Германія захотѣла почить на лаврахъ и предаться пріятному сну, что ея существованіе, ея значеніе и ея безопасность гарантированы навсегда и что ея сосѣди совсѣмъ не такъ злонамѣренны, тогда она въ скоромъ времени стала бы ихъ добычей. Достигнувъ всѣмъ, находясь въ то же время на пути всѣхъ, пожелавшихъ бы расширяться, имѣя

границы населенными остатками разныхъ народовъ, которые тяготѣютъ къ центрамъ внѣ Германіи, наконецъ, нигдѣ не защищенная естественными препятствіями, Германія должна была бы нести всѣ издержки каждаго переворота въ нашей части свѣта. Но до этого, насколько человѣкъ можетъ предвидѣть, обдумать и заботиться, никогда не дойдетъ. Сильная рука и острый мечъ защитятъ сердце Европы.

Но надо имѣть въ виду, что Германія еще не достигла зенита. Ея лозунгъ—„впередъ". Непрерывная работа по усовершенствованію ея національной военной системы долго еще будетъ для нея высшей государственной мудростью. Рука объ руку съ этимъ долженъ идти и *подъемъ* моральныхъ силъ, которыя на войнѣ рѣшаютъ все. *Подъемъ*, а не сохраненіе, такъ какъ „моральныя силы никогда не остаются въ покоѣ: онѣ падаютъ, разъ онѣ перестали стремиться къ возвышенію" [1]).

Слѣдовательно, прежде всего необходимо проникнуться сознаніемъ и вкоренить его въ воспитываемомъ нами поколѣніи, что время покоя еще не настало и что предсказаніе о послѣдней рѣшительной борьбѣ за существованіе и величіе Германіи не есть химера, распространяемая честолюбцами. Эта борьба неминуема и вліжется съ полною силою и серьезностью, какая свойственна рѣшительной борьбѣ народовъ изъ-за новой группировки державъ. Въ сознаніи этого необходимо примѣромъ, словомъ и въ печати постоянно содѣйствовать тому, чтобы вѣрность престолу и пламенная любовь къ отечеству, рѣшимость не уклониться отъ тяжелыхъ испытаній, самоотверженіе и готовность къ жертвамъ все болѣе и болѣе крѣпли и увеличивались въ сердцахъ насъ и дѣтей нашихъ. Тогда германская армія, которая должна быть и оставаться *германскимъ вооруженнымъ народомъ*, можетъ и въ грядущемъ спорѣ разсчитывать взять, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ.

---

[1]) Шарнгорстъ.

СОСТАВЪ,

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЧАСТЕЙ

и

ПОХОДНЫЙ ПОРЯДОКЪ

нормальнаго, мобилизованнаго германскаго корпуса.

1. Составъ.

А. УПРАВЛЕНІЕ КОРПУСОМЪ. Корпусный штабъ [1] (съ органами интендантства, полевой почты, юстиціи и санитарной части), начальникъ артиллеріи корпуса (съ управленіемъ) и начальникъ инженеровъ корпуса.

Б. ВОЙСКА. Двѣ пѣхотн. дивизіи съ дивизіонными штабами [2] (которые имѣютъ подобные же отдѣлы, какъ и корпусный штабъ, съ прибавленіемъ духовенства).

2 пѣх. бриг. = 4 полка	12 батал.					
1 кавалер. полкъ . . =		4 эск.				
1 арт. отд. = 4 батар. =			24 оруд.			
1 (или 2) роты піонер. съ понтон. отдѣл. . =				1 піон. рота.		
1 санит. отдѣленіе. .						1 отдѣл.
Итого въ одной дивиз.	12 батал.,	4 эск.,	24 оруд.,	1 піон. рота,		1 санит. отдѣл.
» 2-хъ » =	24 »	8 »	48 »	3 » »		2 » »
Стрѣлковый батал. . =	1 »					
Корпус. арт. = 2 пѣш. и 1 кон. отдѣл. = 6 пѣш. и 2 кон. батар. =			48 »			
Санитарное отдѣл. .						1 » »

Всего въ корпусѣ . . 25 бат., 8 эск., 96 ор., 3 піон. роты и 2 понт. отд., 3 сан. отд.

В. ПОЛКОВОЙ ОБОЗЪ [3] (Kleine-Bagage): всѣ заводныя лошади, 27 лазаретныхъ линеекъ, 28 патронныхъ ящиковъ [4], 192 зарядныхъ ящика (по 12 на батарею) и 2 повозки піонеровъ, а **всего 249 повозокъ.**

Г. ДИВИЗІОННЫЙ ОБОЗЪ (Grosse-Bagage): 172 повозки интендантскаго обоза, 75 маркитантскихъ, 75—100 провіантскихъ, 11 повозокъ корпуснаго штаба и 18—дивизіонныхъ штабовъ, 8—управленія начальника артиллеріи корпуса,—**всего 362—387 повозокъ.**

[1] Въ составѣ: командира корпуса, начальника штаба, 3-хъ офицеровъ генеральнаго штаба, 4-хъ адъютантовъ, штабного конвоя и полевой жандармеріи (комендантство).

[2] Въ составѣ: начальника дивизіи, 1-го офицера генеральнаго штаба и 2-хъ адъютантовъ.

[3] Слѣдуетъ частью при самыхъ войскахъ, а частью въ хвостѣ авангарда или главныхъ силъ.

[4] Въ томъ числѣ 1-ре ротныхъ патронныхъ ящика стрѣлковаго батальона.

[5] Повозки корпуснаго и дивизіоннаго штабовъ, а также управленія начальника артиллеріи корпуса, въ зависимости отъ обстоятельствъ, причисляются иногда къ корпусному обозу.

Д. КОРПУСНЫЙ ОБОЗЪ:

1 пѣх. муниціон. колонна	по 24 ящика	= 96 ящик.	и содержатъ 65 патроновъ на ружье.
6 арт. »	» » 26 »	= 156 »	и содержатъ 123 снаряда на орудіе.
5 провіантскихъ »	» 32 повоз.	= 160 повоз.	и содержатъ 4-хъ дневный запасъ для людей корпуса.
5 фуражныхъ »	» 82 »	= 410 »	и содержатъ 7-ми дневный запасъ овса для корпуса.
Понтонный паркъ корпуса		33 »	и содерж. средства для наводки моста въ 61 саж. длин.
12 полевыхъ лазаретовъ	по 6 повоз.	= 72 »	и содерж. 2400 [1]) кроватей.
Конскій запасъ, обывательскія повозки интендантства и т. п.			

Всего круглымъ числомъ 1000 повозокъ.

2. Распредѣленіе частей [2]).

АВАНГАРДЪ.

Подъ командой начальника 1-й пѣхотной дивизіи корпуса.

Сила авангарда приблизительно $^1/_4$ общей силы корпуса.

Бригада пѣхоты . . . . . = 6 бат.
Стрѣлковый бат. . . . . 1 »
Полкъ дивизіон. кавалеріи. . 4 эск.
2 батареи. . . . . =12 ор.
1 піонерн. рота съ понтоннымъ отдѣленіемъ дивизіи.
1 санитарное отдѣленіе.
2 полевыхъ лазарета.
Итого [3]): 7 бат., 4 эск., 12 ор., 1 піон. р., 1 сан. отд. и 2 лаз.

[1]) Каждый полевой лазаретъ содержитъ 200 кроватей

[2]) Само собою понятно, что распредѣленіе войскъ корпуса будетъ постоянно видоизмѣняться, въ зависимости отъ преслѣдуемой цѣли и обстановки. Здѣсь приводится только въ видѣ примѣра нормальное распредѣленіе частей, въ предположеніи, что корпусъ наступаетъ по одной дорогѣ.

[3]) Патронные ящики и 2-е эшелоны зарядныхъ ящиковъ слѣдуютъ обыкновенно въ хвостѣ колонны авангарда.

ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.

При нихъ находится и командиръ корпуса.

Бригада пѣхоты	= 6 бат.	1-й дивизіи.
2 батареи.	12 ор.	
2 бригады пѣхоты	=12 бат.	2-я дивизія.
1 полкъ кавалеріи	= 4 эск.	
4 батареи.	=24 ор.	
2 піон. роты съ понтон. отдѣл.		
1 санитарное отдѣленіе.		
6 пѣшихъ батарей.	=36 ор.	Корпусная артил.
2 конныя батареи	=12 »	
1 санитарное отдѣленіе.		

Итого [1]: 18 бат., 4 эск., 84 ор., 2 піон. роты и 2 сан. отд.

ДИВИЗІОННЫЙ ОБОЗЪ.
(Grosse-Bagage).

Въ полномъ составѣ.

КОРПУСНЫЙ ОБОЗЪ.

1-й эшелонъ:

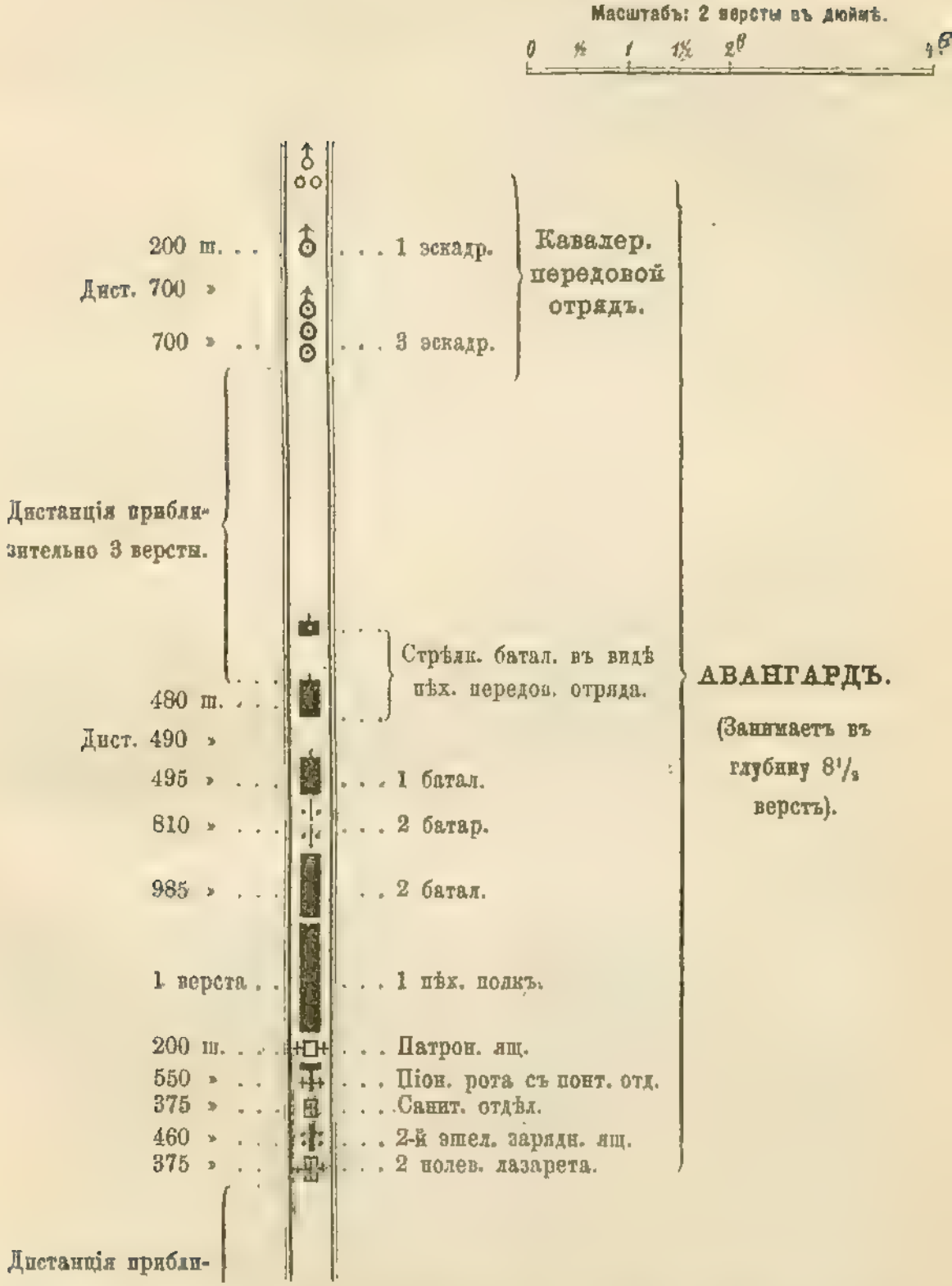
2 пѣхотныя	муниціонныя колонны (летучіе парки).
3 артиллерійскія.	
Понтонный паркъ корпуса.	
2 провіантскія.	колонны.
1 фурпарковая	
2 полевыхъ лазарета.	

2-й эшелонъ:

2 пѣхотныя	муниціонныя колонны.
3 артиллерійскія.	
3 провіантскія.	колонны.
1 фурпарковыя	
8 полевыхъ лазаретовъ.	
Полевая хлѣбо-пекарная колонна.	
Конскій составъ.	

[1]) Патронные ящики полкового обоза и 2-е эшелоны зарядныхъ ящиковъ слѣдуютъ въ хвостѣ 1-й и 2-й дивизіи и корпусной артиллеріи.

3. Походный порядокъ [1]).



[1]) Приводится здѣсь только въ видѣ примѣра для большей наглядности. Уклоненія всегда возможны.

зительно 2 версты.

495 м. . . . 1 батал.

810 » . . . 2 батар.

2530 » . . . 5 батал.

200 » . . Патрон. ящ.

450 » . . 2-й эшел. заряди. ящ.

Дист. 420 » . .

910 » . . . 2 кон. батар.

2400 » . . . 6 пѣш. батар.

Корпусная артиллерія съ 1 эшел. заряди. ящ.

375 » . . Санит. отд.

Дист. 420 »

. Кавал. полкъ.

. . . Бригада пѣх.

. . . 4 батареи.

7 верстъ. . .

2-я пѣх. дивизія безъ 2-го эшелона заряди. ящиковъ.

. . . Бригада пѣх.

. . . Пѣш. рота съ понтон. отд.

. . . Санит. отд.

. . . Патрон. ящ.

ГЛАВНЫЯ СИЛЫ.

(Занимаютъ въ глубину 15 верстъ).

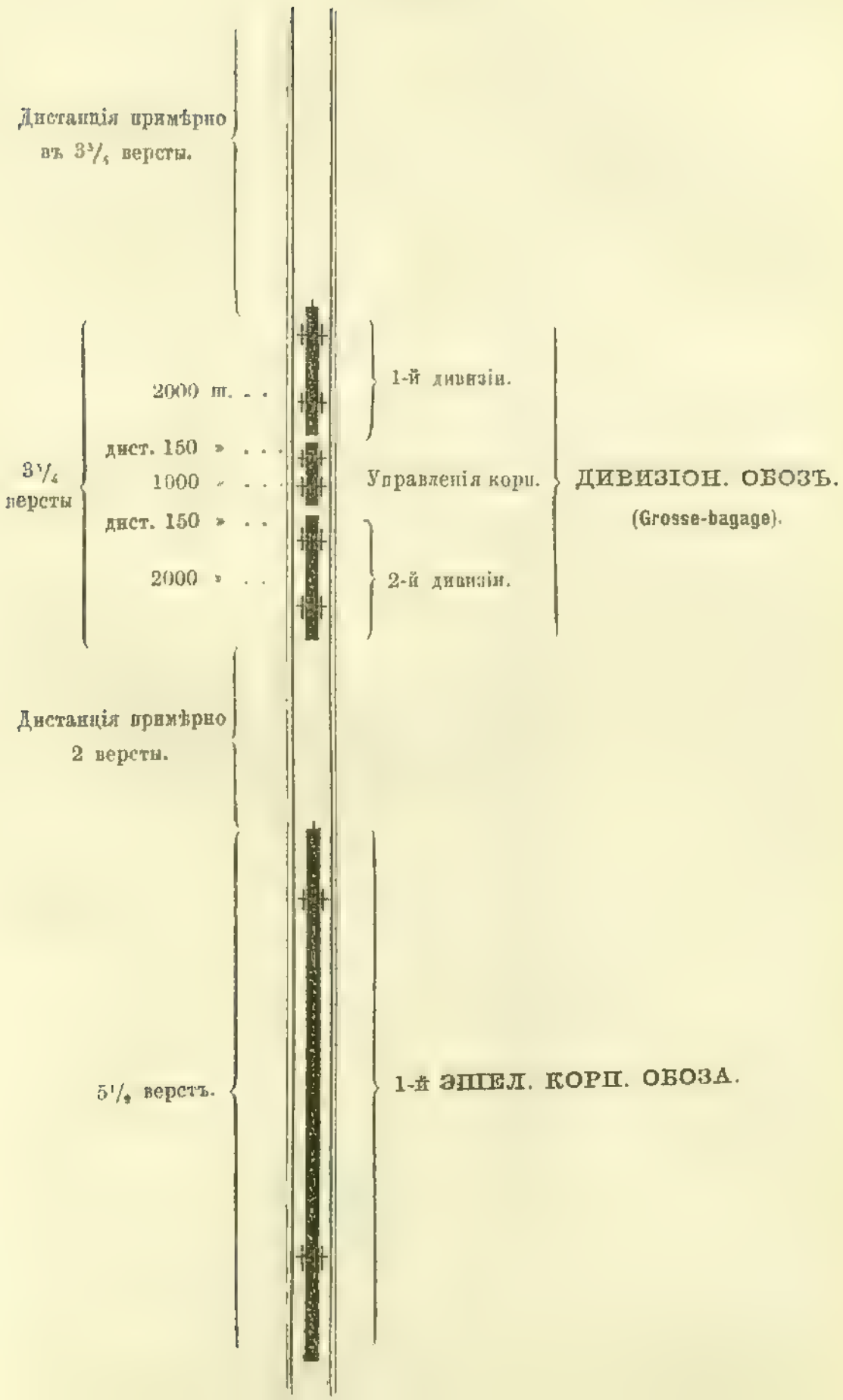
2000 м.

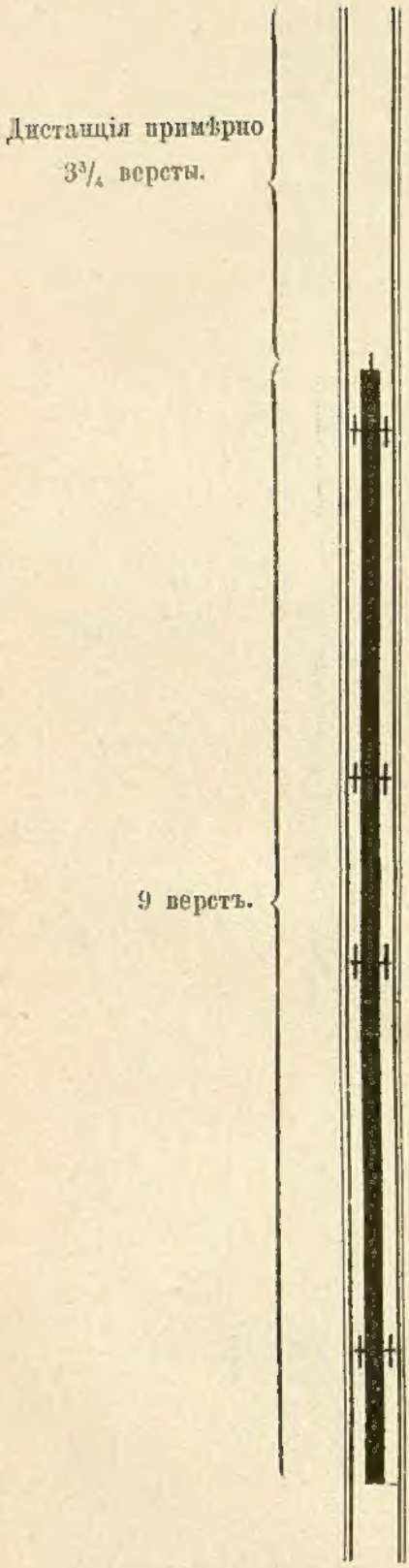
2-й эшел. заряди. ящ. корпусной артил.

950 » . .

2-й эшел. зар.ящ. 2-й дивизіи.

Глубина корпуса безъ обоза = 25 верстамъ.


Дистанція примѣрно въ 3¾ версты.
2000 ш. . .
1-й дивизіи.
дист. 150 » . . .
3¼ версты
1000 » . . .
Управленія корп.
ДИВИЗІОН. ОБОЗЪ.
(Grosse-bagage).
дист. 150 » . .
2000 » . .
2-й дивизіи.
Дистанція примѣрно 2 версты.
5½ верстъ.
1-й ЭШЕЛ. КОРП. ОБОЗА.



Условные знаки:

кавал. (1 эск.), пѣхота, артил. (1 батар.), піон. рота съ понт. отдѣл.,

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Строч.*	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
8	снизу	13	борятся	борются
18	»	10	что	чего
19	»	9	существованіе	существованіи
23	сверху	7	устрѣйство	устройство
24	»	18	дѣлаетюность	дѣлаетъ юность
31	снизу	16	операжались	опережались
35	сверху	3	какое	какого
37	»	6	которыя	которыхъ
45	»	15	изрѣченіе	изреченіе
48	снизу	6	выводы	выгоды
54	сверху	4	опезпечены	обезпечены
93	»	1	тормозить	тормазить
127	»	13	слышанъ	слышенъ
128	»	7	воздѣйстія	воздѣйствія
135	»	15	тормозить	тормазить
147	»	14	занятій	занятія
153	»	6	другаго	другого
156	»	18	однихъ	однѣхъ
158	снизу	7	чувство	чувства
206	сверху	8	придадковъ	придатковъ
210	»	16	подрядъ	подъ рядъ
214	снизу	—	одни	однѣ
247	»	17	ихъ	ихъ:
250	»	10	обсолютная	абсолютная
254	сверху	15	диженія	движенія
284	»	5	ее	ихъ
362	»	15	бытъ	быть
390	»	7	покрѣпленія	подкрѣпленія
393	снизу	—	кононада	канонада
405	сверху	14	Интендатство	Интендантство

2007044084

8 ИЮЛ